

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per. 278975 d. 80

Per. 278975 d. 80

190

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

1868

№ 3 МАРТЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. А. Краевского (Литейная, № 38)

I. — СТАРАЯ И ЮНАЯ РОССИЯ. Романъ. Часть I. Дмитрія Гирса	1
II. — НОВАЯ ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА, Лабуле. (<i>Продолженіе</i> . VII, VIII, IX, X, XI, XII, XIII, XIV, XV).	105
III. — НА РАЗВАЛИНАХЪ КОЛИЗЕЯ. (Изъ Чайльд- Гарольда, Байрона). Д. Л. Михаловскаго	147
IV. — КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ. (<i>Статья первая</i>). Г. З. Елисеева	151
V. — ЖИВАЯ ДУША. Романъ. Часть III. Марка Вовчка	187
VI. — СЪ РАБОТЫ. Стих. У.	262
VII. — ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО. (По Миллю). В. По- кровскаго	263
VIII. — ОСТОРОЖНОСТЬ. Стих. *.*.	313
IX. — РУССКОМУ ДИТЯТИ. Стих. П. М. Ковалевскаго.	320
X. — ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ МАЛЕНЬКАГО ОБОР- ВЫША. Романъ Джежса Гринвуда (<i>продол- женіе</i>).	81—128

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ.

XI. — АССОЦІАЦІИ, какъ подспорье для прогресса и рас- пространенія научныхъ знаній. Н. Кина	1
XII. — О НАШИХЪ ХУДОЖЕСТВАХЪ И ХУДОЖНИ- КАХЪ. Петербургскаго жителя	26
XIII. — КРИТИКА. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ НАУКИ И КНИГА УЭВЕЛЯ. («Исторія индуктивныхъ наукъ до настоящаго времени», сочиненіе <i>Вильяма Уэвеля</i> , въ трехъ томахъ. Переводъ съ англійскаго изданія <i>М. А. Антоновича</i> и <i>А. Н. Пыпина</i> , съ примѣчаніями и біографическими приложеніями, составленными по нѣмецкому изданію <i>Литтрова</i> . Томъ I. П. Т. III-го I-й выпускъ).	36

(См. страницу 3-ю).

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ СЕХХVII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Кравцоваго (Литейная № 88).

1868.

C-XXXVI-473

СТАРАЯ И ЮНАЯ РОССИЯ.

РОМАНЪ.

Старымъ людямъ на послушенье,
Молодымъ... на разумѣнье.
Русскія былинны.

(Посвящается Ф. О. П.—кову.)

Часть первая.

ВЕЧЕРЬ И УТРО.

I.

Весна памятнаго 1861 года.

Хорошо теперь въ деревнѣ, въ средней полосѣ Россіи, этапъ у границъ Малороссіи, вотъ хоть бы въ Оврусовкѣ. Всюду теперь лежитъ яркая, сочная, благодатная зелень: въ поляхъ, окружающихъ ее, по сосѣднимъ грядкамъ холмовъ, имѣющихъ дерзкую претензію называться между окрестными жителями «горами», и на берегу широкой рѣки, протекающей подѣй; хлѣба поднялись пышнымъ ковромъ и колосятся; воздухъ легковъ и душистъ; сладко дышится; въ лѣсахъ слышенъ запахъ цвѣтущей липы, смолистой сосны. Это пора молодыхъ овощей, вкусныхъ ягодъ, хорошаго молока и всякаго деревенскаго смаку.

Вечерѣть...

У воротъ длиннаго, бѣловатаго, съ колоннами у подъѣзда, старинной уродливой архитектуры, видимо строившагося когда-то съ большими претензіями на что-то, господскаго дома въ Оврусовкѣ, собралась дворня, покончивъ дневныя занятія: говсрѣ, шутки, смѣхъ; кто-то слегка наигрываетъ... на гармоникѣ Въ густой сиреневой клумбѣ, посреди двора, было уже почти совершенно темно, начиналъ повременамъ пощелкивать соловей, и двѣ миловидныя и, вѣроятно, романтическія горничныя, отдѣлившія отъ другихъ, тихонько подбродивались къ сирени... Налѣво, у конюшни, около распряженнаго фазтона, чей-то ку-

Т. СLXXVII. — Отд. I.

1

черъ заспалъ овесъ лошадямъ пофыривавшимъ у повозки. За угломъ дома, у чернаго крыльца, горничныя перешучивались и возились съ лакеями.

А у параднаго подъезда, между тѣмъ, собралась солидная компанія изъ среды вотчинной олигархїи. Высокій, красивый лакей, раздвинувъ фалды щегольского, новенькаго фрака, сидѣлъ на зеленомъ львенежѣ подъезда и, кури папиросу, слушалъ дворецкаго въ дубленкѣ, только что воротившагося изъ города. Атаманъ (бурмистръ тожъ) и скотникъ, опершись на палки подбородками, безъ шапокъ, тоже слушали со вниманіемъ дворецкаго, поджидая прихода управляющаго. Разговоръ, какъ и слѣдовало ожидать, вертѣлся около только-что появившейся тогда воли.

— Управляющій идетъ, немного погода сказалъ торопливо атаманъ.

Всѣ засуетились, выткнулись. Дворецкій тоже снялъ фуражку. Только лакей въ щегольскомъ фракѣ, безъ мѣшавшей суетливости, какъ-бы сознавая свои права не бояться управляющаго, спокойно всталъ и медленно ушелъ въ переднюю.

По доскамъ отъ флигеля приближался высокій мужчина въ военной фуражкѣ.

— Кто это? спросилъ онъ, останавливаясь перелъ группою разговаривавшихъ. Какъ будто бы и не видѣлъ.

— Атаманъ, ваше высочество, отвѣтилъ бурмистръ, низко кланяясь.

— А еще?

— Скотникъ, дворецкій.

— Изъ города?

— Изъ города-съ, отвѣтилъ дворецкій.

— Есть письма?

— Есть...

И дворецкій торопливо сталъ рыться за пазухой.

— А генеральшѣ?

— Есть и ея превосходительству.

Дворецкій подалъ три письма.

— Чтò въ городѣ слышно на счетъ врестьянъ?... А чтò такое у графскихъ было?

— Не могу знать-съ. Не наше дѣло... Мы, значить, Алексѣй Осипычъ, своею барыней, генеральшей, довольны очень-съ, такъ намъ, значить, все равно, не интересуемся. Какъ генеральшѣ будетъ угодно, такъ пусть и будетъ. Ихъ милость насъ не обидятъ.

— Завсегда будемъ Бога молить за матушку генеральшу и за дѣточекъ, поддавнулъ на распѣвъ скотникъ неискренно.

— Ну, то-то, то-то! Молитесь за генеральшу, помните ея доброту... А что это за возня тамъ! закричалъ вдругъ управляющій на горничныхъ у другаго крыльца.— Опять дѣвви съ лакеями! Вотъ я васъ! стращаль онъ, стуча толстою, сучкова-тою палкою о ступени параднаго подъѣзда.

Но на черномъ крыльцѣ и на дворѣ уже никого не было. Все бросилось, опрокидывая другъ друга, въ комнаты, и только изъ кухни лакей во фрагѣ, съ развѣвающимися отъ ходьбы фалдами, быстро семеня ногами и перегибаясь, чтобы не облитъса, рагулькою на бокъ, вносилъ послѣшно шипящій самоваръ въ комнату.

Щеголь-лакей, уже нѣсколько разъ выглядывавшій изъ передней, широко распахнулъ дверь и управляющій сталъ всходить по лѣстницѣ.

— Есть кто-нибудь чужой?

— Господинъ Тавровъ только, молодой-съ.

Тотъ же высокій гайдукъ распахнулъ слѣдующую дверь и управляющій, Алексѣй Осиповичъ Теленевъ (такъ была его фамилія), вошелъ въ залъ, зачесывая маленькою гребеночкою рѣденькую макушку. Проведа по усамъ и взбивъ снизу вверхъ свои, нѣсколько сѣдоватые, большіе бавенбарды, онъ ловко, со щелчкомъ, сложилъ ее одною рукою, спряталъ въ жилетный кармашекъ и пріосанился. Пройдя залу, онъ заглянулъ въ большую гостиную. Подходя къ ней, онъ пошелъ на цыпочкахъ.

Тутъ намъ приходится дать читателю почти стереотипное описаніе гостиной. Можетъ быть, онъ уже читалъ подобныя описанія въ десяткахъ романовъ, предшествовавшихъ нашему. Но виноваты ли мы, что, по странной случайности, гостиныя всѣхъ прежнихъ зажиточныхъ помѣщичьихъ домовъ похожи одна на другую, какъ двѣ капли воды? Для насъ достовѣрность въ романѣ прежде всего. Мы не сочиняемъ, мы списываемъ.

Почернѣвшія отъ времени старинныя обои темномалиноваго цвѣта, большая люстра, у которой стеклянныя призмочки немилосердно звенѣли отъ ходьбы по старому паркету, высокая, орѣховая, рѣзная, съ старомодными спинками мебель, уже нѣсколько потертая и оттого казавшаяся какъ-бы запыленной, нѣсколько большихъ картинъ въ золотыхъ рамахъ, задернутыхъ кисеей, и огромные бронзовые часы подъ стекляннымъ колпакомъ, все это хотя и давало дому видъ достаточности, но замѣтно было, что все это уже давно не ремонтировалось и

оставалось въ томъ видѣ, какъ было лѣтъ пятнадцать тому назадъ.

Хозяйка дома, Варвара Михайловна Плещеева, была женщина съ черными, какъ смоль, волосами и блѣднымъ (нѣсколько можетъ и отъ пудры, которую она сильно употребляла на ночь) добрымъ лицомъ. Вообще она казалась съ лица еще очень молодою. Кутаясь въ большую красную шаль, въ сѣрой, пуховой косыночкѣ, щеголевато надвинутой на жиденькую косу, она, полулежа, вазала теперь крючкомъ гарусный шарфикъ около столика съ карселемъ.

Теленъевъ, также осанисто держась—такъ особенно прямо умѣють держаться только оставшие военные—остановился недалеко отъ порога и произнесъ по военному:

— Вашему превосходительству свидѣтельству свое почтеніе. Точно рапортоваль.

— А, это вы, Алексѣй Осипычъ, ласково перебила Варвара Михайловна и, поспѣшно донюхивая табакъ и обтирая пальцы о платокъ, протянула Теленъеву свою бѣлую, со множествомъ колець руку, перехваченную у пульса симпатической гарусникою отъ ревматизма. Алексѣй Осипычъ почтительно поцаловаль руку, генеральша чмокнула его въ голову и Теленъевъ робко опустился на кончикъ кресла.

— Вы такъ или по дѣлу, Алексѣй Осипычъ?

— Такъ-съ... Письмо вашему превосходительству, сказалъ управляющій. — Вѣроятно, отъ Натальи Юрьевны — московскій штемпель.

Онъ подалъ письмо.

Хозяйка чего-то насупилась и дернула сильно за сонетку.

— Дворецкій вернулся? спросила она у явившагося лакея.

— Вернулся, ваше превосходительство.

— Отчего же онъ не явился ко мнѣ? Что за беспорядокъ! Послать его ко мнѣ.

Лавей вышелъ.

— Ужасно распустились! продолжала генеральша. — Обратите вниманіе, Алексѣй Осипычъ. Изъ дѣвичьей, просто ужась, что сдѣлали! Содомъ и Гоморъ! Вы видѣли, въ какомъ положеніи Оенька?... Я васъ прошу, Алексѣй Осипычъ, строго прибавила генеральша, выпрямляясь: — взяться за это самому и разобрать мнѣ—призовите и Оеньку—кто тутъ виновать, гдѣ, когда, и какъ это случилось... И пожалуйста взыщите. Это, кажется, Семень Трофимовъ виновать.

— Кажется, ваше превосходительство.

Дворецкій, уже во фрагѣ, вошелъ и остановился въ дверяхъ, заложивъ важно руки назадъ.

— Я думаю, нужно явиться, если пріѣхалъ изъ города. Сдашь на почту деньги Наталья Юрьевна?

— Сдашь, ваше превосходительство... Письмо есть вашему превосходительству, напомнилъ дворецкій.

Варвара Михайловна опомнилась, засуетилась, донюхала окончательно табакъ, бывший у ней въ пальцахъ, быстро сорвала печать и жадными глазами начала читать письмо.

— Позвольте ужъ и мнѣ, ваше превосходительство, сказать управляющій, показывая свои письма.

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе!—Варвара Михайловна, не отрываясь отъ чтенія, подвинула карсель управляющему.

Теленевъ досталъ изъ деревяннаго футляра серебрянны очки, осѣдаль ими носъ и, поднявъ голову, какъ будто онъ смотрѣлъ подь очки, придвинулся въ лампѣ, и принялся читать:

«Любезный батюшка! — читалъ Теленевъ—Я ѣду въ Петербургъ по службѣ, и буду ѣхать черезъ вашу губернію. Таки какъ командировка такого рода, что впереди будетъ оставаться нѣсколько лишняго времени, то я и беру отпускъ на два мѣсяца, чтобы, наконецъ, навѣститъ васъ послѣ столь долгой, тягостной разлуки и прожить это время у васъ. Средства мои позволяютъ теперь пріѣхать безъ опасенія стѣснить васъ въ финансовомъ отношеніи. Денегъ, пожалуйста, и теперь не присылайте. У меня довольно. Да онъ и не застанутъ меня уже здѣсь. О, съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю этого разрѣшенія! Если разрѣшать (а я въ этомъ не сомнѣваюсь), я у васъ буду очень скоро, около 29-го мая.

«— Что у насъ сегодня?» про себя спросилъ Теленевъ: «26-е, черезъ три дня!» съ удовольствіемъ подумалъ онъ: «значитъ, онъ уже ѣдетъ. Черезъ три дня онъ будетъ здѣсь!... Господи, благодарю тебя! прошепталъ старикъ и мысленно сотворилъ крестное знаменіе.

Онъ продолжалъ читать:

«... А до той пріятной минуты — прощайте, дорогой батюшка.

«Вашъ сынъ, Василій Теленевъ.

«P. S. Извините, что такъ мало пишу. Свидѣвшись, поговоримъ».

Теленевъ еще разъ пробѣжалъ письмо глазами, съ особеннымъ удовольствіемъ посмотрѣлъ на фразу «Вашъ сынъ», и сталъ складывать письмо.

На конвертѣ другого письма онъ прочелъ: *просятъ передать*

Василію Алексѣичу Теленеву, по приѣздѣ. Старикъ бережно спряталъ это письмо въ карманъ.

Варвара Михайловна давно уже кончила и, отложивъ письмо на столъ, задумалась, пристально глядя на лампу. Съ минуту всё молчали...

— Мой-то молодецъ общаетъ скоро въ отпускъ приѣхать, проговорилъ нерѣшительно Теленевъ. Варвара Михайловна очнулась отъ раздумья.

— Старшій? спросила она.

— Старшій-съ, Василій. Какъ въ корпусъ отвезъ, такъ съ тѣхъ поръ и не видѣлъ...

— Ну, очень рада за васъ. Я понимаю, какое это счастье видѣть дѣтей. Мы, родители, понимаемъ это... Постараемся, чтобы ему не скучно было у насъ. Если во флигелѣ вамъ будетъ тѣсно — его можно будетъ въ диванной помѣстить. Верховня лошади, ружья, наша библиотека — все къ его услугамъ. Семень пусть ходитъ за нимъ. Не церемоньтесь.

— Благодарю-съ — чувствительнѣйше, ваше превосходительство, говорилъ растроганно Теленевъ, цалуя руку Варвары Михайловны: — Въѣзъ не забуду.

— Чай готовъ-съ, ваше превосходительство, провизнесъ щеголь-лакей, появляясь снова въ дверяхъ.

— И, дуракъ, братецъ! извѣтельно замѣтила Варвара Михайловна. Но потому и сама сейчасъ же переконфузилась. Лакей покраснѣлъ и подвинулся, чтобы закрыться дворецкимъ: — развѣ не знаешь, что ты долженъ сказать дворецкому, а онъ уже долженъ мнѣ доложить; а ты самъ не имѣешь права докладывать объ этомъ, уже мягко, стараясь поправиться, продолжала Варвара Михайловна: — не можете, чтобы не срамиться! Оттого, что ты ничего не смотришь.—И она покачала головой, обращаясь уже къ дворецкому: — взъщите же съ тѣхъ, напомнила генеральша управляющему, поднимаясь съ дивана.

Они стали выходить въ залъ.

— Григорій! позвала осторожно генеральша, возвращаясь въ гостиную.

Управляющій и дворецкій какъ-то особенно поспѣшно отретировались въ залъ. Григорій вернулся къ порогу гостиной.

— Я отъ тебя этого не ожидала, сказала Варвара Михайловна, стараясь казаться твердою: — не доставало, чтобы и ты еще не слушалъ моихъ приказаній. И Варвара Михайловна занюхала въ раздушенный платокъ, стараясь скрыть волненіе и не встрѣчаться глазами съ Григоріемъ: — это нехорошо, добавила она, поднимая сладкіе глаза на красавца.

— Виновать, ваше превосходительство.

— Чтобы этого впередъ не было... Тамъ, подъ зеркаломъ, есть груша. Потомъ можешь взять себѣ... Попроси въ саду барышню и Виктора Сергѣича къ чаю.

Плещеева вышла въ залъ и стала пока разговаривать съ управляющимъ, а лакей отправился въ садъ.

II.

Между тѣмъ, еще нѣсколько раньше, тотчасъ по прїѣздѣ гости, Варвара Михайловна, послѣ нѣкотораго разговора съ нимъ, постаралась предоставить молодыхъ людей самимъ себѣ, зная по опыту собственной юности, какъ это всегда бываетъ приятно для молодости.

Гость, Тавровъ, помогъ дочери уеутаться въ шаль Варвары Михайловны, Ольга надѣла по совѣту матери валочки, принесенныя горничною, потому что въ саду къ вечеру могло быть сыро — и молодые люди вышли на балконъ.

Ужъ не были ли влюблены ваши молодые герои, можетъ быть насъ спросить? Въ интересѣ романа, который еще только что начинается, авторъ находитъ нужнымъ скрыть это пока отъ читателя. А почему-жъ бы и нѣтъ? Ольга была очень недурная блондиночка съ пепельнаго цвѣта красивыми кудрами, она была такая веселая, всегда такъ мило шаловливая, въ лицѣ у ней всегда свѣтилась такая доброта, чистосердечіе и умъ; ктому-же изъ хорошей фамиліи, и за ней почти вся Оврусовка въ приданое. Тавровъ былъ молодой офицеръ. Онъ былъ чрезвычайно хорошъ собою и далеко не глупъ, у него была такая славная карьера вперед! Если пока еще не было любви, то внимательный наблюдатель навѣрно могъ бы замѣтить, что они нравились другъ другу. Подмѣтить это всегда бываетъ не трудно: если ранняя, непочатая еще молодость платитъ въ этомъ отношеніи дань своему возрасту, то она тѣмъ именно и прекрасна, что не можетъ хитро лгуавить и искусно скрываться.

Едва прелестъ теплаго, пахучаго вечера пахнула на дѣвушку изъ саду, какъ природная веселость и восторженность взяли свое. Все остальное забыто. Какъ-бы вся охваченная прелестью этой минуты, остановилась Ольга на балконѣ и выпрямилась всею своею маленькою фигуркой. Она прищурилась, стараясь на минуту забытья въ сладкомъ упоеніи.

Въ самомъ дѣлѣ, было теперь какое-то величіе кругомъ, способное поражать человѣка, способное сообщать пылкимъ душамъ какою-то необъяснимо прїятною, нѣмую восторженность. Хотѣ-

лось бы вѣкъ оставаться въ такомъ положеніи, безпробудно нѣмѣть въ этомъ оцѣненіи восторга, вольно дышать и любить, любить безъ конца, все и всѣхъ.....

— Какая прелесть! восторженно произнесла Ольга, выходя изъ оцѣненія, поразившаго ее: — чувствуете, какъ хорошо пахнетъ?

Они медленно спустились въ садъ.

— Вы, я вижу, не любите цвѣтовъ, сказала она съ грустью, замѣтивъ, что Тавровъ не далъ никакого отвѣта на ея замѣчаніе. — Какой вы! Какъ можно не любить природы, цвѣтовъ, жизни!

Она рѣзво присѣла по дѣтски на землю около клумбы и стала нюхиваться въ резеду, росшую съ краю: — вы, кажется, никакой прелести, никакой поэзіи не находите во всемъ этомъ? — прозаявъ, упрекнула она: — смотрите, поссоримся.... Пойдемте. Дайте мнѣ руку.

Она не вставала. Таврову пришлось тянуть обѣими руками.... Наконецъ, она встала и они пошли подъ руку. Ольга и тутъ шалила. Тавровъ чувствовалъ, какъ она то наляжетъ нарочно на его руку, то, подъ предлогомъ что ей холодно, возьметъ да и прижметъ — такъ близко, что его морозъ начинаетъ бить по кожѣ.

«Кокетничаетъ», думаетъ Тавровъ, и тѣмъ болѣе рѣшается по-прежнему оставаться равнодушнымъ. Дѣвушка какъ будто угадала, что онъ про нее подумалъ и горько расхохоталась.

— Я знаю, что вы подумали, сказала она съ упрекомъ: — Это вамъ грѣхъ! Она выпрямилась, перестала шалить, стала серьезною, но руки его все-таки не выпустила. Но Тавровъ тихо шелъ и только тормозилъ ходьбу. — Вы сегодня совсѣмъ не тотъ, какъ всегда, съ досадою замѣчаетъ Ольга: — что съ вами?

Онъ вообще былъ въ этотъ день не то нездоровъ, не то не въ духѣ. Онъ и заѣхалъ-то сегодня чтобы расчѣяться отъ хандры.

Дѣвушка кинула въ сердцахъ его руку и, не дождавшись отвѣта, убѣжала впередъ.

— Посмотрите, посмотрите, какая опять прелесть! черезъ минуту уже опять восторгалась она, стоя на берегу широкой рѣки, протекавшей подъ садомъ. И подняла вверхъ руки отъ восторга: — Какой видъ!

Такая ужъ была живая, скоро восторгавшаяся натура.

И Ольга въ самомъ дѣлѣ была счастлива въ эту минуту отъ восторга, волновавшаго ее. Прелесть, красота могутъ такъ же воспламенительно и сильно дѣйствовать на пылкій, развитой умъ, какъ и хашишъ на грубый мозгъ дикаря.

Ольга надѣялась, что ея спутникъ хоть теперь будетъ любезнѣе и пойметъ, чего она теперь ожидаетъ съ его стороны.

Увы, и теперь напрасно! — Она вспыхнула.

— Я вамъ должна казаться сегодня очень странною? Ёдко освѣдомилась она:—я это и сама вижу. Извините. Она повернулась, какъ-бы собираясь уйдти. — Я иногда, дѣйствительно, очень глупо держу себя, какъ-бы раскаяваясь, сказала она:—это все моя проклятая... поэтичность, послѣ нѣкотораго колебанія объяснила она:—вѣдь это только глуше люди на каждомъ шагу восторгаются, не правда ли? — И пошла.

Тавровъ, кажется, рѣшился наконецъ выйдти изъ своего, болѣе чѣмъ страннаго, молчанія.

— Напротивъ, Ольга Юрьевна, это иногда можетъ очень идти дѣвушка. Это прекрасно.

Ольга остановилась. Она посмотрѣла ему въ глаза: въ нихъ свѣтились любовь и расположеніе къ ней. «Что-жъ это онъ сегодня такъ странно себя держитъ?» подумалось ей. И опять надежда и надежда!

— Ну, такъ говорите же что нибудь, говорите, уже задобрывающимъ, ласкающимъ голосомъ просила она, трогая его рукой:—мнѣ хочется теперь болтать, смѣяться, слушать, вы видите... Развѣ вы, напримѣръ, ничего не чувствуете въ такую минуту?... Ну, хоть смотря на такую картину, чуть не плача, прибавила она, видя что Тавровъ все-таки не хочетъ понять, что ей нужно. И она показала рукой на рѣку.

Въ самомъ дѣлѣ, можно было увлечься. Солнце сейчасъ готовилось скрыться за горизонтъ и отблескъ его послѣднихъ лучей стоялъ лучезарнымъ ореоломъ на томъ берегу рѣки. Цѣлая полоса воды, гладкой и спокойной, какъ большое опрокинутое зеркало, лежала теперь въ рѣкѣ позлащеннымъ снопомъ.

Тавровъ однакожъ обвелъ все это глазами съ прежнимъ упрямымъ равнодушіемъ.

— Pardon, Ольга Юрьевна, ничего. Отъ досады на собственное безсиліе, его ужъ начинала злить такая настойчивость собеседницы.—Я профанъ въ этомъ отношеніи, зло произнесъ онъ.

Ольга поняла, что ничего не выйдетъ.

— Вы несосны сегодня, разсердясь сказала она и пошла прочь.

Они молча перешли въ зеленой скамейкѣ, стоявшей на дорожкѣ у берега, сѣли и долго сердито молчали...

— Это дорогая для меня скамейка, задумчиво рассказывала немного погодя Ольга: — здѣсь я люблю мечтать. Вотъ Натали такъ сейчасъ поняла бы меня. Мы такъ и прозвали съ се-

строй эту скамейку: gévegie. Кто не любитъ мечтать, тотъ не пойметъ, какое это блаженство... Вы незнакомы съ Натали? еще немного погода, спросила она:—она очень замѣчательная женщина, и это я говорю не оттого, что она моя сестра, нѣтъ... Здѣсь же я пишу свой дневникъ. Я пишу туда всякій вздоръ: о чемъ думаю, кого вижу, кого люблю, грустно улыбаясь, сболтнула она:—все, что придетъ въ голову. Про всѣхъ знакомыхъ тамъ есть. Вы и не подозреваете: я большая насмѣшница...

Тавровъ улыбнулся и хотѣлъ что-то спросить, или сказать, но ему помѣшали.

-- За нами идутъ, произнесла Ольга, вставая:—пойдемте.

Гуляющіе медленно направилась на встрѣчу шедшему за ними лакею. Это оказался посланный за ними Григорій. Онъ шелъ по серединѣ дорожки, по мѣрѣ приближенія въ господамъ, постепенно забирая въ сторону и, не доходя шаговъ десяти, остановился съ краю въ почтительный полуоборотъ. Онъ попросилъ къ чаю, и, пропустивъ господъ, отправился поспѣшно боковой дорожкой въ комнаты.

Молодые люди молча подошли къ балкону и Тавровъ уже занесъ ногу на ступеньку.

— У меня сейчасъ будетъ къ вамъ просьба, Ольга, сказалъ онъ.

— Напримѣръ? пріостанавливаясь, спросила она изъ-подъ шали. Она кутала ротъ отъ подымавшейся сырости.

— Вы давеча упомянули о своемъ дневникѣ...

— Прочестъ мой дневникъ—это узнать меня самую, предупредила она послѣ нѣкотораго колебанія:—а я этого не хотѣла бы. Тавровъ посмотрѣлъ на нее удивленно.

— Почему же?

— Вы сегодня не стоите, Тавровъ, засмѣялась она шутливо.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, Ольга.

— Тамъ многое можетъ показаться другому слишкомъ глупымъ... Наконецъ, пріятно быть для всѣхъ сфинксомъ, какъ-то нехотѣ объясняла она:—всѣ теперь считаютъ меня взбалмошной, пустой, и я рада. Причуда такая! А можетъ быть, я не такъ пуста, какъ представляюсь. Настоящая Ольга не такова, какою всѣ ее видятъ въ гостинной. Настоящую Ольгу могутъ знать только друзья.

— Да... ну, я вѣроятно не имѣю права претендовать на это названіе.

Ольга смѣло подняла на него глаза.

— Напротивъ, я, съ своей стороны, всегда хотѣла бы счи-

тать васъ своимъ другомъ. Она произнесла это твердо, продолжая упорно смотрѣть ему въ глаза.

Онъ манерно поклонился, какъ-бы желая сказать не то: «благодарю за честь», не то: «слушалъ-съ».

— Затѣмъ же остановка? спросилъ онъ:—отчего не дать прощенье?

Ольга отчего-то колебалась съ минуту.

— Несносный! Вы холодны не по дѣтамъ, сказала она:—вамъ будутъ смѣшны эти бредни... Вамъ не слѣдуетъ показывать, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Тавровъ постоялъ въ нерѣшительности.

— Но я прошу, уже нѣжно сказалъ онъ.

— Лучше.

— Чтó «лучше»?

— Лучше просите.

— Вы меня какъ собачку третируете, Ольга, засмѣялся обижено Тавровъ:—еще, пожалуй прикажете стать на колѣни?

Что-то въ родѣ своенравной усмѣшки скользнуло по губамъ у дѣвушки въ предчувствіи близости побѣды.

— Именно, станьте.

— Вы знаете, что я ни въ чемъ не могъ бы отказать вамъ теперь, упрекнулъ онъ:—и пользуетесь.

Ольгѣ было пока и довольно этого. Она слышала послѣднее замѣчаніе и локоть ея—она стояла подъ руку съ нимъ въ эту минуту—почти бессознательно прижалъ руку Таврова къ ея груди, какъ-бы желая показать, что она это глубоко цѣнитъ.

— Но я васъ предупреждаю, оговорила она:—въ моемъ дневникѣ именно *вамъ* сильно достается.

— Вотъ какъ, принужденно сказалъ Тавровъ:—что же, тѣмъ интереснѣе: это дастъ мнѣ возможность исправиться, нашелся онъ—и снисходительно улыбнулся, какъ улыбаются старшіе, когда соглашаются принять совѣты отъ дѣтей. Онъ вообще способенъ былъ считать себя непогрѣшимымъ.—Теперь я не отстану, пока не прочту. И я рассчитываю, что это именно сегодня случится, сжимая ея руку, говорить Тавровъ, когда уже они были на порогѣ гостиной.

— Хорошо, хорошо, лубаво усмѣхаясь, соглашалась дѣвушка:—вы получите. Но чуръ, потомъ не сердаться.

Они вошли.

Барвара Михайловна встрѣтила ихъ въ залѣ Дочь очень приветливо, а офицеръ холодно и принужденно раскланялся съ управляющимъ.

— Я получила отъ Natalie письмо, обратилась Барвара Ми-

хайловна къ дочери: — она теперь здорова и черезъ мѣсяць будетъ здѣсь.

— Да? радостно воскликнула дѣвушка.

— Вотъ и сынъ Алексѣя Осиповича прїѣдетъ, продолжала мать:— у насъ превеселое сосѣте составится.

— Это Васинька, тотъ кадетикъ, что у васъ на портретѣ? весело спрашиваетъ дѣвушка Алексѣя Осиповича.

— Тотъ-съ, тотъ-съ. Только-съ онъ теперь не Васинька, а цѣлый Василій Алексѣичъ... Вы и не узнаете, какой молодець. Онъ уже шестой годъ офицеромъ, говорилъ не безъ гордости счастливый теперь старикъ.

— Прекрасно, прекрасно! радуется искренно дѣвушка: — это превесело будетъ.

Офицеръ обратился къ управляющему, играя на рукѣ серебрянымъ эксельбантомъ: — А вашъ сынъ гдѣ изволятъ служить?

При взглядѣ на блестящій мундиръ офицера, на его замѣтное пеголяніе гвардейскимъ мундиромъ, Теленьевъ, самъ бывший армеецъ, но все-таки не пѣхотинецъ-армеецъ, а кавалеристъ—а это, по его мнѣнію, все-таки было выше—принадлежащій къ тому старому загалу армейцевъ, которые еще такъ недавно смотрѣли на гвардейскій мундиръ, какъ на высочайшую степень человѣческаго благополучія, сконфузился при мысли, что не можетъ назвать какого нибудь громкаго имени полка.

— Въ —скомъ полку-съ, тихо выговорилъ Теленьевъ. И погорячился, слышали ли дамы его отвѣтъ. Онъ видимо совѣстился громко назвать полкъ. Офицеръ нахмурилъ брови и зачесалъ переносицу, какъ-бы стараясь припомнить: гдѣ это?—Какое странное названіе! замѣтилъ онъ.

Казалось, онъ и ничего обиднаго для сына не сказалъ, а у обѣднаго старика вся кровь прихлынула къ лицу, когда онъ замѣтилъ, какъ обидно улыбнулся офицеръ, произнося послѣднее замѣчаніе.

Но офицеру хотѣлось еще потравить конфузившагося старика.

— Это, кажется, въ арміи? спросилъ онъ, упорно глядя на Теленьева.

— Въ арміи-съ, уже чуть слышно процѣдилъ сквозь зубы старикъ, стараясь смотрѣть въ сторону.

Офицеръ слегка скорчилъ мину губами, которую можно было перевести такъ: «плохо», и, торжественно оглядѣвъ дамъ, замолчалъ. Теленьевъ уже совсѣмъ растерялся.

Варварѣ Михайловнѣ стало жаль старика.

— Впрочемъ, теперь, говорятъ, въ арміи много появилось

очень-очень порядочныхъ молодыхъ людей, заступилась она, желая поддержать управляющаго.

— Можетъ быть... неохотно уступилъ офицеръ.

— Нѣтъ, это вѣрно, это вѣрно, горячо отстаивала Варвара Михайловна.

— Миѣ кажется, что это только «говорять», произнесъ, слегка гнуса въ носъ, вѣроятно для важности, гвардеецъ.—Конечно, счастливыя исключенія я допускаю, прибавилъ онъ въ видѣ уступки Теленъеву. Онъ даже при этомъ слегка поклонился въ сторону Теленъева.

Теленъевъ откланялся однакожь, отказался отъ чаю наотрѣзъ и разобиженнымъ отправился домой, отговариваясь вдругъ головою болью.

— Викторъ Сергѣичъ, съ легкимъ укоромъ произнесла Варвара Михайловна, когда вышелъ Теленъевъ: — вы разобидѣли моего старика.

— По обыкновенію моему, я только хотѣлъ быть справедливымъ, Варвара Михайловна.

— Нѣтъ, я сама слышала, что теперь въ арміи уже очень много хорошихъ людей.

Офицеръ опять скептически улыбнулся и съ минуту выждалъ.

— Сомнительно, произнесъ онъ, продолжая недовѣрчиво улыбаться:—прежнія же попойки и дебоши, гитара, — офицеръ видимо хотѣлъ быть остроумнымъ: — вотъ и все. Откуда, при такихъ плачевныхъ обстоятельствахъ, могутъ появиться эти «хорошіе молодые люди»?... Условія армейскаго быта почти тѣ же, что и прежде. А одни условія — рождаютъ и одни послѣдствія. Признать это прискорбно, но это такъ. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Прогрессъ не могъ такъ глубоко коснуться! уже торжественно заключилъ онъ, увлекаясь.

Офицеръ начиналъ впадать въ пафосъ и потому намъ время его оставить, а то онъ Богъ-знаетъ до чего, пожалуй, договорится на счетъ бѣдныхъ армейцевъ.

III.

Варвара Михайловна Плещеева, до замужества княжна Оврусова, считала себя москвичкою, даже природною, доказывая это своимъ московскимъ жаргонтомъ, котораго она будто-бы никакъ не могла въ себѣ передѣлать, въ родѣ: *маво, тваво, ейнова* и т. п., а слѣдовательно, начиная знакомить съ нею читателя, необходимо начать съ генеалогіи ея славнаго рода, такъ-какъ эта наука особенно чтема подобными господами. Читателю, безъ сомнѣ-

ня, известно, что многія хорошія московскія фамиліи ведутъ свое «фамильное древо» отъ самой глубокой древности, чуть не отъ Адама и Евы, или ужь по крайней мѣрѣ отъ нашего старика Рюрика.

И такъ родъ Оврусовыхъ—по моему тутъ что-то татарщиной пахнетъ—какъ сообщала Варвара Михайловна, шель отъ Рюрика. Сама Варвара Михайловна, не будучи слишкомъ сильна въ генеалогіи своего славнаго рода, не могла перечислить всей ея длинной вереницы въ хронологическомъ порядкѣ, а знала только, что послѣ Рюрика, какой-то Глинскій, чѣмъ-то когда-то замѣчательный, тоже приходится въ ихъ родѣ. Сюда-же, изъ позднѣйшихъ знаменитостей, прилетался неизвѣстно какъ и Минихъ. Въ доказательство же несомнѣнности всего этого, Варвара Михайловна, по секрету обыкновенно, сообщала собесѣднику, что ихъ фамилія и еще три, четыре, другія — и теперь наслѣдники состоянія въ нѣсколько десятковъ миліоновъ, хранящагося гдѣ-то за границею. Получить же его, по ея словамъ, они никакъ до сихъ поръ не могутъ—тутъ она вздыхала тяжело—такъ-какъ по несчастію, всѣ адвокаты, начинающіе хлопотать объ этомъ за границей, скоро умираютъ отъ какихъ-то «таинственныхъ» пидль». При этомъ Варвара Михайловна добродушно предлагала собесѣднику: «Вотъ возьмитесь за это дѣло. Успѣете—мы вамъ всѣ по миліону и уступимъ изъ нашихъ долей. Вотъ у васъ и будутъ три-четыре миліона. Вѣдь это очень недурно».

Изъ позднѣйшихъ же представителей своего рода, она положительно знала о своемъ дѣдушкѣ, господинѣ въ пудреномъ парикѣ, портретъ котораго и теперь висѣлъ у ней въ диванной: «Современникъ императора Павла, одинъ изъ его царедворцевъ, рекомендовала обыкновенно Варвара Михайловна этотъ портретъ гостю, который впервые посѣщалъ ея домъ въ Оврусовѣ:— онъ былъ почти другъ императора. Павелъ безъ него почти никогда не садился обѣдать; до какой степени онъ любилъ его, вы можете себѣ представить уже по тому, что онъ рѣшился разъ...». И она передавала самый невѣроятный анекдотъ... «Je vous assure, je vous assure! добавляла она скороговоркой, если гость свѣтически улыбался на это.—Я знаю, вы думаете: да его бы праха тогда не осталась. То-то и есть, что нѣтъ. Другому каторга, а князю Оврусову—ничего. Павелъ, вы знаете, былъ вспыльчивъ, но ангельски добръ. Улыбнулся, и князю Оврусову—ничего». Плещеева всегда передавала этотъ анекдотъ съ такою увѣренностію, какъ будто сача была свидѣтельницею. Гость обыкновенно промалчивалъ, продолжая скептически улыбаться. «Вотъ собственныя вещи императора», продолжала Плещеева,

показывая гостю, тутъ же, въ диванной, стоявшее бюро краснаго дерева, все обложено по кантамъ бронзовыми скобками. «Это императоръ подарилъ князю Оврусову (передъ чужими она иначе не называла дѣда). Здѣсь есть потайной ящикъ, о которомъ никто не зналъ. Когда вѣскольکو лѣтъ послѣ смерти своего благодѣтеля, князь Оврусовъ узналъ о существованіи этого потайнаго ящика — онъ нашелъ тамъ миллионъ ассигнаціями. Разумѣется, онъ представилъ; но ему отвѣтили, что это ему принадлежитъ, что вѣрно императоръ хотѣлъ князю Оврусову сдѣлать сюрпризъ. «А вотъ шахматница, тоже подаренная князю — продолжала обыкновенно Плещеева — показывая на треногій столъ, раскрашенный шахматными квадратиками, съ рѣзными, бронзовыми бортами. И глаза ея умиленно закатывались при этомъ съ такимъ благоговѣніемъ, съ какимъ только татаринъ смотритъ на меднскую гробницу Магомета. — Не хотите ли сыграть на ней?» продолжала въ заключеніе Варвара Михайловна, вѣроятно полагая, что и гостю, такъ же какъ и ей, будетъ сладостно потѣшиться, помышляя, что онъ, простой смертный, забавляется на той самой шахматницѣ, на которой развлекались вѣкогда, на досугѣ, и сильныя міра сего.

Но если гость былъ терпѣливъ и выслушивалъ хозяйку безъ явныхъ признаковъ поскорѣе отдѣлаться отъ ея розсказней, то Варвара Михайловна сообщала ему и о послѣдней ступени генеалогической лѣстницы, начинавшейся, какъ мы видѣли, на Рюрикѣ, и кончавшейся — въ боковыхъ степеняхъ на графѣ Забудокомъ, а въ прямой — отцомъ ея, княземъ Михаиломъ Павловичемъ Оврусовымъ. Мы однакожъ о нихъ не будемъ здѣсь говорить, ни о первомъ, потому что о немъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, ни о второмъ, потому что считаемъ возможнымъ наблюдать человѣка и въ зеркалѣ. Все, что мы увидѣли бы въ отцѣ Варвары Михайловны, его привычки, наклонности и недостатки, хорошее и дурное, — все болѣе или мѣнѣе отразилось и на самой Варварѣ Михайловнѣ, вѣскольکو только сгладившись о женскую натуру. Она была, какъ и князь, очень добра по натурѣ, но эта доброта проявлялась въ ней какъ-то болѣе инстинктивно, бессознательно, а потому и не имѣла той ровности во всѣхъ случаяхъ, какая замѣчается въ людяхъ, у которыхъ это чувство руководится болѣе разсудкомъ. Иной разъ она своей добротой больше навредитъ, чѣмъ поможетъ. Какъ и отецъ, вѣскольکو вспльчивая, она не лишена была природнаго ума, но вѣчная узда, сначала дрессировки, называемой воспитаніемъ, потомъ узда различныхъ общественныхъ приличій и умѣнья себя держать, какъ дочь, какъ образованная

дѣвица, какъ мать, сдѣлали умъ ея робиньмъ на всякій шагъ, сколько-нибудь отступавшій отъ принятыхъ, рутинныхъ понятій среды, въ которой приходилось ей жить. Читала она, правда уже поздно, Жоржъ-Зандъ—тогда Жоржъ-Зандъ только-что вошла у насъ въ моду—и ей казалось, что и въ самомъ дѣлѣ женщины имѣютъ на свободу чувствъ и жизни такое же право, какъ и мужчины. Она соглашалась, что, можетъ быть, все это и справедливо, что, можетъ быть, и лучше было бы тогда для женщинъ; но тутъ же ей припоминалось, что еслибы какая нибудь женщина рѣшилась такъ жить, объ ней всѣ заговорили бы, ее, пожалуй, не стали бы принимать въ порядочныхъ домахъ, родные стали бы отрезаться; и становилось ей страшно и начинало думаться: «а если все это, чтó говорить эта Зандъ, неправда? Да и вѣрно неправда, потому что не даромъ же всѣ, и rara и всѣ родные, люди умные, и все общество думаютъ иначе. Не можетъ же цѣлое общество ошибаться, а одна Жоржъ-Зандъ думать правильно!»

Но чувствуя въ себѣ это колебаніе понятій и взглядовъ, чувствуя, что при такой шаткости нельзя поручиться передъ своею совѣстью въ томъ, что приведешь своимъ совѣтами хоть дѣтей-то къ истинному счастью, Варвара Михайловна—и это ея огромное достоинство—при воспитаніи дѣтей, не старалась, какъ другіе родители, навязывать имъ именно свои понятія, выдавая ихъ за вѣрнѣйшія и справедливѣйшія. Доставляя дѣтямъ всѣ средства для воспитанія, какія требуются условіями общества и обязанностями матери, она предоставляла однакожь имъ полную свободу вырабатывать главное самимъ. Нечуждая тщеславныхъ понятій среды, въ которой сама росла и жила, она только требовала отъ дѣтей, чтобы они ужъ не черезчуръ переходили за черту принятыхъ понятій великосвѣтской среды, да и то, по сильной любви къ дѣтямъ и отчасти врожденной добротѣ, когда и напоминала имъ что-нибудь, въ чемъ они промахивались по части конвенанбельности, сейчасъ же сама какъ-бы стыдилась, и торопливо смягчала свои замѣчанія до степени дружескаго совѣта. Дѣти были добры, и потому отношенія ея къ нимъ, особенно къ старшей дочери, были скорѣе отношенія къ младшимъ подругамъ, чѣмъ къ дѣтямъ.

Выйдя еще въ молодости замужъ, по любви, за Юрія Сергѣича Плещеева, тогда еще молодого, очень красиваго вице-губернатора изъ губерніи и камергера, изъ лиценстовъ или правовѣдовъ, она всегда того же желала и для дѣтей; но когда ея желанія не сбылись при свадьбѣ старшей дочери, вышедшей за господина почти съ плебейскою фамиліею, она, къ чести ея будь сказано,

скорѣе всѣхъ родныхъ, пришедшихъ въ ужасъ отъ такого mesalliance m-lle Плещеевой, опомнилась и помирилась съ дочерью, видя ея любовь къ мужу.

Сама Варвара Михайловна была очень счастлива въ замужествѣ. Плещеевъ хотя и не былъ изъ породы князей и графовъ, тѣмъ не менѣе, фамилія его была старинная, хорошая. Онъ былъ очень видный, молодой мужчина, очень умный, изъ тогдашнихъ прогресивистовъ. Онъ не былъ богатъ, но и не былъ бѣденъ. Чего же еще? Выйдя за него, она никогда не раскаивалась потомъ. Еслибы онъ дожилъ до настоящаго времени, я не сомнѣваюсь, онъ высоко бы теперь стоялъ, но лѣтъ за десять до того времени, когда мы заглянули въ нашемъ разсказѣ въ Оврусову, онъ неожиданно умеръ отъ карбункула, гдѣ-то на югѣ, во время служебной командировки.

Оставшись лѣтъ тридцати-пяти красивою вдовою, имѣя душъ шестьсотъ состоянія, Варвара Михайловна погрустила сначала по мужѣ, поносила съ годъ трауръ, дѣтски утѣшалась тѣмъ, что всѣ находили ее очень интересною въ черномъ, и поселилась на всегда въ родной Москвѣ, пріѣзжая ежегодно на лѣто въ деревню, будто бы для хозяйничанья, для присмотра за управляющими, которые все-таки подъ носомъ продолжали ее обворовывать, въ самомъ же дѣлѣ такъ, для развлечения, потому что лѣтомъ и въ самомъ дѣлѣ пріятно жить въ деревнѣ, и потому, что въ извѣстномъ кругу принято переѣзжать на лѣто въ деревню (Нельзя же принадлежать къ этому кругу и не имѣть своей деревни!) принято такъ же, какъ принято въ среднемъ кругу въ столицахъ переѣзжать лѣтомъ на дачи всѣмъ, кого нужда не слишкомъ ужъ заѣдаетъ.

Понемногу славянофильствуя (безъ этого не могутъ москoвскія барыни), понемногу вольнодумствуя на счетъ неестественности у насъ многихъ общественныхъ отношеній, являясь съ графиней Н. и подобными, сходя съ ума вмѣстѣ со всѣми по бывшемъ тогда въ модѣ Грановскомъ, играя въ благородныхъ московскихъ спектакляхъ съ сердобольными графами и князьями, слѣдя даже за литературой, то-есть читая не одни французскіе романы, но и русскіе, меценатствуя со студентами, которыхъ нвогда къ ней въ домъ важивали учителя, дававшіе уроки дочерямъ, причеиъ часто Варвара Михайловна терпѣливо, по нѣсколько часовъ, выслушивала различныя, таеъ и бухнувшія въ Лету, бредни этихъ господъ, въ каждомъ изъ которыхъ она всегда угадывала будущиъ геніевъ, и вѣчно жестоко ошибалась—

дожила до сорока-пяти лѣтъ, то-есть до той поры, когда мы съ ней встрѣчаемся въ нашемъ разсказѣ въ ея деревнѣ Оврусовкѣ.

А между тѣмъ, старшая дочь уже совсѣмъ подросла и успѣла, лѣтъ за пять до времени нашего разсказа, выйдти замужъ. Даже успѣла нѣсколько разладиться съ мужемъ.

Ольгѣ, второй дочери, тоже уже шелъ 18-й годъ. Одинъ только меньшей сынъ Серѣжа еще учился дома, готовая года черезъ четыре поступить въ университетъ, какъ хотѣлось матери и какъ ему лично вовсе не хотѣлось. Впрочемъ, онъ былъ еще въ томъ возрастѣ, когда мальчиковъ сильно соблазняютъ атрибуты военнаго костюма... А онъ еще вдобавокъ могъ быть и пажомъ... Но онъ былъ неглупый мальчикъ и эти колебанія въ немъ приходили теперь къ концу, разрѣшаясь болѣе въ пользу простенькаго, тогда еще голубого околышка, чѣмъ пажескихъ, шитыхъ золотомъ, фалдъ.

IV.

Между тѣмъ, Алексѣй Осиповичъ давно уже вышелъ въ переднюю, постѣпно навинулъ на плечи свое гороховое пальто и уже подошелъ къ двери, когда ему что-то вспомнилось и онъ остановился.

— Послать сейчасъ ко мнѣ Семена Трофимова, сухо сказалъ Теленъевъ дворецкому: — я буду у себя во флигелѣ.

Теленъевъ вышелъ и медленными шагами, понуривъ голову отъ неприятой мысли, тяготившей его, направился по доскамъ ко флигелю.

Сильная досада кипѣла въ его груди. Онъ нивагъ не могъ забыть того тона, какимъ дѣлалъ разпросы Тавровъ насчетъ сына, и мину, какую тотъ скорчилъ, услыхавъ, гдѣ служить его Васинька. Самолюбіе его было сильно уколото. Ничего у него не находилось для оправданія сына. Онъ даже забылъ тѣ несомнѣнныя достоинства сына, которыми, при другихъ обстоятельствахъ, онъ не преминулъ бы утѣшить себя. Теперь онъ во всемъ обвинялъ его. «Вотъ, думалъ онъ, еслибы онъ слушался меня больше, еслибы учился, какъ я требовалъ, мнѣ не пришлось бы на старости краснѣть предъ этимъ господиномъ. Положимъ, что Тавровъ въ этомъ случаѣ велъ себя какъ пустой фатъ, положимъ, что болѣе порядочный человѣкъ не поступилъ бы такъ неделикатно, въ такомъ щекотливомъ для другого вопросѣ. Но несомнѣнно, что онъ имѣетъ нѣкоторое право такъ свисока относиться къ Васинькѣ. Вотъ они почти однихъ лѣтъ, а онъ уже штабс-капитаномъ, да того и смотри, что будетъ

скоро капитаномъ. Вѣдь это арміи подполковникъ, въ какія-нибудь 25 лѣтъ. Чего же лучше? А будущее его, а будущее! восклицалъ старикъ:—флигель-адъютантомъ, навѣрно флигель-адъютантомъ, и Варвара Михайловна говоритъ. И еще всегда служить въ Петербургѣ! Карьера его, по всей вѣроятности, самая блестящая. Вѣдь это, шутка сказать, можно при счастіи въ 40 лѣтъ быть генераломъ!... Вотъ генеральша какъ ухаживаетъ за нимъ. Это не то, что Васинька. Небось, еслибы онъ сдѣлалъ Ольгѣ Юрьевнѣ предложеніе, я думаю, генеральша радехонья была бы. А что же? Ольга Юрьевна хорошая дѣвушка, воспитанная, добрая и изъ хорошей фамиліи. Хотъ кому хорошая партія: да и почти вся Оврусовка за нею... Заживуть-себѣ въ Петербургѣ отлично!...»

Онъ вздохнулъ съ сожалѣніемъ, что не можетъ тѣмъ же утѣшиться, смотря на будущность Васиньки. Безъ этихъ внѣшнихъ атрибутовъ, онъ не признавалъ счастья на землѣ. «А что Васинька? продолжалъ онъ думать: хотя по письмамъ и видно, что онъ добрый и умный человекъ, хотя всѣ видѣвшіе его не хвалятся, говоря о его характерѣ, но все-таки, что у него впереди? Я самъ былъ армейцемъ — знаю: вѣчное тасканье съ одного мѣста на другое, вѣчная жизнь на походѣ, немѣнне никогда собственнаго угла. Да и перспектива печальная: дослужиться при сдѣхъ волосахъ до полковничьяго чина. Хорошо если еще часть дадутъ, а то, можетъ, и такъ придется служить, никогда, даже впереди, не имѣя надежды обезпечить себя на старости запасною копейкой». Онъ вздохнулъ еще тяжелѣе. «Остаться вѣкъ холостякомъ, бобылемъ. Нѣтъ, это не жизнь!»

«А что, еслибы удалось перетянуть его въ гвардію? еще немного погоды размышлялъ старикъ, осѣнясь новою мыслию: не попросить ли Варвару Михайловну? у ней тамъ въ Москвѣ есть протекція, или, можетъ, она могла бы подѣйствовать на этого Таврова. Пусть бы сказалъ, что Васинька его сродственникъ. Можетъ, и перевели бы куда-нибудь. Нужно будетъ не плевать въ этотъ колодезь — заквивать. Пустяки, что онъ меня обидѣлъ сейчасъ. Самолюбіе отца должно смоленуть, когда идетъ дѣло о счастья родного сына!»

Алексѣй Осиповичъ и не замѣтилъ, какъ съ этими мыслями подошелъ къ флигелю, прошелъ сѣни, и очутился въ своей комнатѣ.

Старикъ, войдя, разсѣянно кинулъ свою фуражку на грудь различныхъ счетовъ и разграфленныхъ вѣдомостей по экономіи, которыми былъ заваленъ весь письменный столъ, и впилил стаканъ холодной воды, чтобы окончательно утупить душевное волненіе,

поднятое въ груди сценою съ Тавровымъ. Онъ закурилъ сигару, растворилъ окно, выходившее въ садъ, подсѣвъ къ нему и при- нялся дожидать Семена Трофимовича.

Немного погода, въ сѣняхъ кто-то робко стукнулъ щеклодою. Теленевъ опустилъ сигару.

— Кто это?

— Семенъ Трофимовъ... Изволили требовать.

На порогѣ тихо появился быстроглазый лакей въ сѣромъ рейтфракѣ съ гербовыми пуговицами.

— А Оенька? спросилъ Теленевъ.

Лакея передернуло при этомъ вопросѣ и онъ подозрительно посмотрѣлъ на управляющаго, ничего не отвѣтивъ. Онъ лакей- ски заложилъ руки назадъ и выставилъ ногу впередъ.

— Я приказалъ и ее послать.

— Не могу знать, Алексѣй Осипычъ. Дворецкій сказывалъ, что только меня приказали послать.

Теленевъ съ минутою мѣрилъ его строгими глазами.

— Генеральша всѣми вами очень недовольна, строго началъ онъ: — вы тамъ изъ дѣвичей чортъ-знаетъ что слѣдали! это ты, кажется, обожатель Оеньки? Ты видѣлъ, въ какомъ она поло- женіи?

Семенъ дернулъ плечомъ, будто ничего не понимаетъ во всемъ этомъ.

— Я тутъ, Алексѣй Осипычъ, ничего не знаю-съ.

— И генеральша и я убѣждены, что это ты тутъ намасте- рилъ. Нечего объ этомъ, значить, и говорить!... Миѣ же до того!... Завтра... Теленевъ остановился и задумался. — Нѣтъ, въ пятницу вы оба, и ты и Оенька, явитесь ко миѣ утромъ, я обстоятельно разберу это дѣло. А теперь, продолжалъ онъ:—я на дняхъ ожидаю сюда Василья Алексѣича... Генеральша, послѣ на- дѣланныхъ тобою гадостей, не хочетъ тебя и видѣть въ комна- тахъ, и потому приказала, чтобы ты здѣсь находился. Если пріѣдетъ Василій Алексѣичъ, ты будешь за нимъ ходить. Слышишь?

Лакей нехотя процѣдилъ сквозь зубы: «Слышу-съ...»

Теленевъ всталъ, подошелъ къ двери, ведущей въ другую комнату и, указывая, добавилъ:

— Эту комнату приготовить. Скажи, чтобы перенесли желѣз- ную кровать и письменный столикъ изъ комнаты Владислава Ка- зиміровича. Завтра, съ утра за это возьми-ся. Теперь ступай. Въ пятницу же утромъ изволь явиться съ Оенькой.

Лакей медленно повернулся и вышелъ.

Какъ только, выйдя отъ управляющаго, Семенъ сталъ прибли-

жаться къ черному брильцу, онъ услышалъ, что знакомый голосъ тихо назвалъ его: «Сеня!»

Онъ обернулся, и увидѣлъ догонявшую его приземистую, какъ-то черезчуръ ужъ припухлую съ лица горничную. Дѣвушка бѣжала какъ-то поутинному, переваливаясь.

— Сеня, зачѣмъ онъ тебя звалъ? съ безпокойствомъ спрашивала дѣвушка.

— Да все, Федосья Анисимовна, на счетъ того-съ... Сказываль, что генеральша приказала ему разузнать.

— О, Господи! Чтò жь это будетъ? — И дѣвушка испуганно прильнула головой на плечо лакея: — Пашка сказывала, Сеня, что барыня очень сердилась въ гостиной. Ужь я лучше пойду, упаду генеральшѣ въ ноги, и повинюсь.

— Это вы все глупости задумываете, Федосья Анисимовна, недовольно произнесъ Семень: — потому что теперича какіе они намъ господа? — Теперь воля.

— Да, воля, съвозъ слезъ съ сарказмомъ проговорила дѣвушка: — пока отойдемъ, они еще услыють сто разъ... Она недоговорила, но Семень могъ догадаться: — ужь лучше повиниться.

— Не нужно-съ. Если вы безпремѣнно хотите, такъ управляющій намъ съ вами приказаль обонимъ въ пятницу, утричкомъ, придти, вотъ тогда и скажемъ ему, что такъ и такъ, молъ, Алексѣй Осиповичъ, любимъ другъ друга, и въ законный бракъ имѣемъ намѣреніе вступить, какъ только отойдемъ отъ генеральши. Ужь я васъ научу, какъ нужно отвѣчать... А теперь, прибавилъ Семень, я собственно очень понимаю ваше положеніе, и можно сказать, чувствительно благодаренъ за ваши страданія.

— Не обмани, Сеня, голубчикъ; ты знаешь, я работающая, швея — могу мѣсто получить. Тебѣ ничего не нужно будетъ дѣлать. Бѣлье буду стирать. Всѣ деньги, какія остануться будутъ, тебѣ буду отдавать. Ты ужь положиись на меня, на другихъ и смотрѣть не стану. Разрази мена Богъ, если неправду сказываю... Не разлюби только, голубчикъ: я для тебя грѣхъ приняла...

И дѣвушка жарко поцаловала цивилизованнаго лакея, смотрѣвшаго нѣсколько холодно, и даже свысока, на ласки возлюбленной...

— Сказываль, еще немного погода прибавилъ Семень: — что я уже въ горницахъ не буду. Чтòбы во флигелѣ находился. Сина, что ли, ждетъ. За нимъ буду ходить. Вотъ еще принесла нелегка!

V.

Послѣ чаю прїѣхалъ къ Плещеевымъ отецъ Таврова.

Отецъ Таврова оказался высокимъ, красивымъ, хотя уже и пожелтымъ, брюнетомъ. Окладистая, густая борода, съ легкою просѣдою и громадная во всю темень лысина, давали его красотѣ какой-то почтенный, прекрасный отпечатокъ. На немъ былъ отлично-спитый, длиннополый сюртукъ; остальное все полѣтнему: бѣлые панталоны и пикеинный жилетъ. Во всѣхъ его прїемахъ проглядывала плавность и свобода, признаки долгой привычки жить въ хорошемъ обществѣ.

Его не ожидали. Онъ былъ, по званію предводителя, на слѣдствіи по дѣлу безпорядка между графскими вѣрстьянами, и, казалось, не могъ быть скоро назадъ. Поэтому, молодой Тавровъ очень удивился его прїѣзду и обрадовался.

— Ба, рара, такъ скоро!

— Да, да, топ шер, принимая сына въ объятія, сказалъ отецъ: — и я не ожидалъ. По военному кончили, скоро.

Красивая, борзая собака, бывшая съ гостемъ, разслышавъ знакомый нюхъ, завилала хвостомъ, встала съ ковра и, перейдя къ молодому Таврову, вскочила ему на грудь и принялась ласкаться и сладко потягиваться. Но, замѣчая холодность хозяина, соскочила на полъ и перешла къ Ольгѣ.

— И все кончилось? между тѣмъ нетерпѣливо спрашивалъ Викторъ Сергѣичъ отца: — благополучно? Чтó дядя?

— Ничего... Все изъ-за пустяковъ вышло, объяснилъ Тавровъ: — однако, пришлось одного бунтовщика въ острогъ отправить, да трехъ наказать...

Предводитель покосился на Ольгу и, замѣтивъ, что она игралась съ собакой и, повидимому, вовсе не слушаетъ разговаривающихъ, прибавилъ, уже совсѣмъ входя въ свою роль:

— Ну, а какъ успороли порядкомъ де-мо-кратическія...— Онъ въ шутку слегка кашлянулъ въ руку: — ну, и пошло наладъ.

Никто не разсердился на такую вольность. Напротивъ, всѣ искренно расхохотались, а вульгарность послѣдняго намекъ даже придала всему разговору колоритъ свѣтской непринужденности. Сама Варвара Михайловна первая чуть не захлебнулась отъ восторга въ раздуженный платокъ, и только покосилась на дочь, вѣроятно, желая удостовѣриться, что та дѣйствительно не слышала выраженія Таврова.

Поговорили еще. Вся образованная компанія посмѣялась всласть надъ мужицкою простоватостью, когда предводитель, разохотив-

шисъ успѣхомъ первой шутки, весьма характеристично передалъ толки крестьянъ на счетъ того, что у нихъ тутъ въ губерніи трѣангуляцію будутъ производить этимъ лѣтомъ, строить трехногія вѣхи, а крестьяне что же вообрази?—что прїѣдутъ отъ царя особые генералы, влѣзутъ наверхъ, осматрять и, что укажутъ оттуда, то крестьянамъ и отойдетъ. А до тѣхъ поръ настоящей воли и слушать не хотять. Анекдотъ этотъ, впрочемъ, имъ самимъ и былъ сочиненъ. Всѣ остались очень довольны, хотя и повѣрили ему только вполовину.

Синъ посмотрѣлъ на часы.

— Однако, куда же это ты теперь такъ парадно? спросилъ онъ, оглядывая удивленно отца: — вѣдь скоро десять.

Отецъ опомнился и засуетился.

— Да вотъ, mon cher, нужно еще тутъ заѣхать неподалеку. И обратясь къ Варварѣ Михайловнѣ, онъ пояснилъ: — къ вашей сосѣдкѣ Оглобиной. Дворянка тутъ есть такая, мелкопомѣстная, пояснилъ онъ сыну пренебрежительно: — синъ у ней есть тутъ какой-то, грубить ей, не слушается, не хочетъ ѣхать служить, съ мужиками вьжется. Мать Христомъ Богомъ просить урезонить его. Я говорю: «не мое дѣло, сударыня». Она просить, чуть руки не цалуетъ. Обѣщала сегодня заѣхать. — Завтра будетъ опять некогда... Я ужъ у тебя, Викторъ, фэтонъ-то возьму, ограблю. Поѣзжай на моихъ бѣгункахъ. Вотъ и Мистера возьмешь, прибавилъ онъ, показывая на собаку. — Ну, поѣдемъ, mon cher. Мнѣ пора.

Молодой Тавровъ намекнулъ Ольгѣ на обѣщанный дневникъ, не назвавъ, впрочемъ, прямо при постороннихъ, что именно просилъ.

Дѣвушка опять замаялась.

— Я уже раздумала, сказала она: — боюсь.

— Вѣрно, я не стою исправленія? Что дѣлать—покорюсь!... И онъ опять манерно повлонился и отошелъ искать свою фуражку.

— Нѣтъ, нѣтъ, стойте...

Ольга ловко подобрала передъ платья и быстро выбѣжала изъ комнаты.

— Что это такое? вмѣшалась Варвара Михайловна, когда Тавровъ принималъ отъ Ольги дневникъ.

— Секретъ-съ, предупредилъ молодой Тавровъ, влянаясь какъ-то бокомъ.

— Pardon, деликатно извинилась та: — я не знала. У нынѣшнихъ молодыхъ людей, обратилась она шутливо къ отцу Таврова:—все секреты отъ родителей. Не то, что мы были въ свое

время. Не правда ли, Сергѣй? По праву родства они фамиліарничали иногда.

— Правда, матушка, правда, шуточно соглашался Сергѣй Ивановичъ:—мы только секретничали отъ родителей въ дѣлахъ сердца...

— А можетъ... началъ-было Викторъ Сергѣичъ...

— Можетъ, это дѣло сердца?... перебилъ отецъ:—браво, браво, закричалъ онъ, любясь смущеніемъ молодыхъ людей:—молодость проговаривается. Добрый признакъ.

И родители переглянулись самодовольно, какъ переглядываются сообщники, когда замѣчаютъ какой нибудь признакъ, благопріятный для ихъ собственныхъ затаенныхъ замысловъ.

Плещевой, въ-самомъ дѣлѣ, нельзя было не дорожить и не ухаживать за молодымъ Тавровымъ, во время его поѣздокъ къ отцу въ деревню. Если честолюбивыя мечты и могли иногда рисовать ея воображенію возможность для Ольги въ столицѣ и болѣе блестящей партіи, то все же она понимала, что это были только мечты. Тутъ же представлялась дѣйствительность, по мнѣнію всѣхъ радужная въ будущемъ. Къ тому же Варварѣ Михайловнѣ вазалось, что сердце Ольги уже сдѣлало выборъ, и деликатная натура матери не хотѣла слишкомъ перечить Ольгѣ въ этомъ дѣлѣ.

Тавровы уѣхали.

Едва предводительскій фэатонъ выѣхалъ шагомъ изъ воротъ усадьбы (Тавровы ѣхали вмѣстѣ до поворота, гдѣ слѣдовало разстаться), какъ молодой Тавровъ замѣтилъ влѣво группу горничныхъ, игравшихъ съ лакеями въ горѣлки. Обычная серьезность вдругъ повинула его.

— Рара, я тебѣ покажу что-то очень хорошенькое, сказалъ онъ пофранцузски:—Мишка, стой! Кучеръ оглянулся и сталъ сдерживать лошадей:—Паша, подите сюда! крикнулъ Викторъ Сергѣичъ одной статной, высокой горничной, вставая въ фэатонѣ. Паша вспыхнула и бросилась прятаться въ середину кружка. — Не бойтесь. Миѣ нужно кое-что передать баринѣ, схитрилъ офицеръ. — Подружки вытолкнули позванную изъ кружка съ громкимъ смѣхомъ. Паша подошла къ фэатому, запахивая ротъ платкомъ, набинутымъ на плечи, и лукаво хихикая подъ нимъ. — Неправда ли, забая она хорошенькая, рара? освѣдомился Викторъ Сергѣичъ у отца. Дѣвушка хотѣла-было отскочить, но молодой Тавровъ, приложивъ къ дѣлу звуковое *fugie*, котораго такъ недоставало, по его мнѣнію, Шарассу—объ этомъ обстоятельстве читатель узнаетъ впоследствии—въ одно мгновеніе опрокинулъ Пашу въ фэатонъ и закричалъ кучеру:—Пошелъ, Мишка!

Фэзтонъ пустился вскачь.

— Ой, ой! Викторъ Сергѣичъ, что это! — Увидятъ, ей-богу, увидятъ! кричала хорошенькая плутовка, попавшись въ западню.

На хотовавшую Пашу посыпались шипы и присказки стараго джентльмена. Сынъ болѣе не участвовалъ. Онъ держался въ сторонѣ, какъ-бы предоставляя старику одному подурачиться.

— Какъ ты ее называлъ, mon cher?... Пашкой? какое славное имя... Elle est vraiment très jolie, нашелъ Сергѣй Ивановичъ, обращаясь къ сыну. И указательный палецъ предводителя, снабженный бриліантовымъ перстнемъ, сдѣлавъ фальшивый маневръ въ воздухѣ по направленію къ поясу дѣвушки и этимъ заставивши ее особенно громко вскрикнуть, — ловко проскользнулъ къ щекѣ плутовки и вцѣпился въ нее самымъ хищническимъ образомъ. — Гмм! придешь ко мнѣ, канашка? допытывался онъ, уже цауя ее въ щеку.

— Какъ можно-съ... Ахъ, Господи!... Пустите, Сергѣй Ивановичъ. Голубчикъ, пустите!... Барыня, барыня узнаеть! кричала она громко: — люди смотрять. Ой, ой! — И она залилась звонкимъ смѣхомъ и забарахталась съ особенною силою, чтобы освободиться.

— Серьги подарю, соблазнялъ родитель Виктора Сергѣича.

— Да приду, приду... Только пустите, сударь.

— Ну, смотри же, плутовка... Мишка, стой!

Паша была высажена изъ фэзтона и награждена на прощанье послѣдними, а потому и самыми страстными щипками.

— Послѣ дождичка въ четвергъ! крикнула воструха и бросилась съ громкимъ смѣхомъ опрѣмать бѣзгать.

— Ахъ, разбойница! шутливо проговорилъ Сергѣй Ивановичъ, еще нѣсколько времени смотря ей вслѣдъ: — а славная канашка, согласился онъ, усаживаясь снова въ фэзтонъ. Онъ даже утерся платкомъ отъ сладости. — Какъ-бы это ее, Викторъ, заманить къ вамъ?... Какъ это я ее просмотрѣлъ у Варвары Михайловны... Ну, Викторъ, мерси, удружилъ, братъ, старику...

Затѣмъ они болѣе молчали. Только разъ отецъ замѣтилъ:

— Однако, ты, кажется... того, сильно нравишься Ольгѣ; что же, я противъ этого ничего не имѣю. Ковать желѣзо нужно, пока горячо. Только не ошибись. Знаешь ли ты ее? — Сынъ только презрительно усмѣхнулся на это, и ничего не отвѣтилъ, какъ-бы думая про себя: «эхъ, чего не знать!»

Да другой разъ, немного погодя, старикъ прибавилъ:

— А Elise-то очень плоха. Тебѣ нужно бы чаще бывать у дяди, Викторъ...

Но смѣхъ и теперь только промолчалъ.

На шестой верстѣ, молодой Тавровъ выльзъ изъ фэатона, навинулъ на себя шинель и, объявивъ отцу, что будетъ ожидать его къ ужину домой, пересѣлъ на бѣгунки, слѣдовавшіе сзади съ казачкомъ. Онъ самъ принялъ возжи и, ловко хлопнувъ рысака, погналъ его прямо по дорогѣ, тогда какъ фэатонъ отца свернулъ на какую-то боковую тропку. Мистеръ постоялъ сначала въ нерѣшительности, какъ-бы колеблясь, за кѣмъ изъ господъ слѣдовать, а потомъ побѣжалъ на свистъ Виктора Сергѣича. Его тощая, ловкая фигура, неся носъ по землѣ, запрыгала сбоку дороги по кустамъ тѣми большими, граціозными прыжками, которые такъ знакомы всякому истому охотнику, и, при взглядѣ на которые, какъ извѣстно, сердце такого любителя всегда способно волноваться порывами самаго неподдѣльнаго восторга.

VI.

Дорога, по которой катилъ фэатонъ старика Таврова, вскорѣ пошла лѣсомъ.

Слегка развалившись и степенно опираясь на свою трость съ набалдашникомъ слоновой кости, Тавровъ задумчиво глядѣлъ вдаль. Упругія рессоры пріятно подбрасывали его на кочкахъ... Ему почти дремалось...

Версты черезъ двѣ лѣсъ кончился, и дорога извиистой лентой потянулась по его опушкѣ подъ самыми деревьями. Предводительскому кучеру поминутно приходилось нагибаться, чтобы уклониться отъ хлеставшихъ по лицу вѣтвей.

Потянулся полуразвалившійся заборъ. Въ концѣ оказались растворенныя ворота. Кучеръ Таврова придержалъ передъ ними лошадей, потомъ осторожно завернулъ ихъ въ растворенную часть воротъ, и фэатонъ, быстро скатившись съ горки и красиво колыхаясь, подкатилъ налѣво къ крылечку маленькаго, хилаго домика.

На крылечкѣ встрѣтила ихъ съ разинутымъ ртомъ босоногая, краснощочкая крестьянская дѣвка, державшая въ рукахъ поднось съ цѣлою колонною перемытыхъ тарелокъ.

— Послушай, сказалъ ей предводитель: — Марья Кирилловна дома? Не спать еще?

— Ужинать собираются-съ.

— Скажи, что предводитель пріѣхалъ. Могу я видѣть?

Одинъ изъ работниковъ, мазавшихъ на дворѣ бричку, по-

спѣшно бросилъ работу, при послѣднихъ словахъ предводителя, и торопливо ушелъ заднимъ крыльцомъ въ комнату.

— Пожалуйте-съ, суетливо говорила работница, возвращаясь на крыльцо и поправляя матовый половникъ, по которому долженъ былъ входить гость.

Хозяйка встрѣтила его въ темной залѣ и, извиняясь и немилосердно суетясь, попросила въ маленькую гостиную, откуда видѣлся свѣтъ.

Гостиная была крохотна, уставлена старомодною мѣбелью и оклеена дешевенькими обоями. Увалистый краснаго дерева диванъ, обитый пожелтѣлымъ, заштопанымъ барханомъ, занималъ чуть не полкомнаты; овальный столъ передъ диваномъ; печка въ углу; герань на раскрытомъ огнѣ. Все блѣдно и старо...

Нагнувшись къ свѣчкѣ, сидѣла около стола дѣвушка и что-то вышивала на батистовой лентѣ, пристроченной къ клеенкѣ. Передъ ней развернутая книжка.

— Дочь моя Лидія, рекомендую вамъ, Сергѣй Ивановичъ, сказала хозяйка. — Лидочка, Сергѣй Ивановичъ Тавровъ — нашъ предводитель, отнеслась она къ дочери. Тавровъ поклонился, а отрекомендованная встала и присѣла небольшимъ институтскимъ бниксомъ.

Хозяйка оказалась слегка сѣденькою, но еще свѣжею съ лица, добренькою женщиною. Глаза у ней свѣтились такою тихою кротостью, такою любовью и привѣтливостью, что, казалось, ничто злое, недоброе и знакомо ей не было. Звали ее Марьей Кирилловной, а по фамиліи — Оглобиной.

А дочь Лидочка еще была очень молода, съ великолѣпными, золотистыми волосами, взбитыми вверхъ. Лицо пріятное, выразительное, только нѣсколько блѣдное, съ маленькими веснушками. За то губка нижняя очень хороша: толстенъкая, отдутая и розовая-розовая, какъ вкусная вишенка. И глаза хорошіе, темные, почти каріе. При свѣтлыхъ волосахъ это очень красиво выглядѣло. На тонкой шеѣ черная бархатка.

Тавровъ, усѣвшись на диванъ, съ минуту разсматривалъ ее внимательно, что чувствовала и Лидочка, хотя у ней и были опущены глаза къ работѣ.

— Вы, кажется, недавно изъ института? спросилъ предводитель.

Мать предупредила дѣвушку отвѣтомъ:

— Смолянка-съ.

Предводитель освѣдомился: «не случаетъ ли она по Петербургѣ?» Дѣвушка подняла на него свои красивые глаза и, слегка пріятно шепелявя, отвѣтила, что она мало знала Петербургъ, что ее не вывозили въ институтъ.

— Бѣдная дѣвушка не должна о немъ и думать, вставила поскорѣе сентенцію мать.

Никто ничего не отвѣтилъ. Только дѣвушка, при этомъ замѣчаніи, поспѣшно опять наклонилась къ работѣ, и игла заходила скорѣе прежняго.

— И никого у васъ не было тамъ знакомыхъ?

— Нѣтъ.

— А Sophie Нехелись, напомнила ей мать. — Это ея подруга, объяснила хозяйка предводителю: — очень ее любить. Онѣ переписываются. Богатая дѣвушка. Недавно прислала ей дорогой альбомъ съ портретами теперешнихъ петербургскихъ знаменитостей.

Тавровъ, немного погодя, нагнулся къ книгѣ, лежавшей передъ дѣвушкой.

О *женщинахъ* — прочиталъ онъ сверху страницы. Онъ перевернулъ и, посмотрѣвъ на блѣдно-лиловую обертку журнала, лукаво улыбнулся.

— Это, кажется, о свободѣ?... Ну, и нравится вамъ? продолжая покровительственно улыбаться, освѣдомился Тавровъ.

— Тутъ много справедливаго. Еще въ институтѣ Sophie Нехелись говорила о ней и совѣтовала прочитать. Ей давала читать одна наша пепиньерка.

Тавровъ еще шире улыбнулся, откинулся назадъ на диванѣ, и сталъ внимательно вглядываться въ дѣвушку.

«Какіе у ней славные волосы», первое, что подумалось ему.

— Что же вы здѣсь думаете дѣлать?

— Долго она, вѣрно, здѣсь не пробудетъ, сказала за нее съ грустнымъ видомъ мать.

— Отчего же?

— Она можетъ получить мѣсто.

— Мѣсто, какое?

— Мѣсто гувернантки. У ней есть дипломъ. Она вышла съ шифромъ. За нее хлопчатъ. Хочетъ заниматься.

Тавровъ подумалъ.

— Отчего же вы не хотите у папаша жить? обратился онъ опять къ дѣвушкѣ.

Дѣвушка немного замаялась, потушилась, и стала перебирать пальчиками листы журнала:

— Зачѣмъ родителей стѣснятъ! Нынче вотъ говорятъ это — не хорошо. И невинно покраснѣла.

— Ого, въ раздумѣ произнесъ гость, и сталъ любоваться смущеніемъ хорошенькой вольнодумки: — vous aussi, vous avez

subi l'influence de l'esprit du temps, mademoiselle, грустно улыбаясь, замѣтилъ Тавровъ. — А веселиться любите?

— Очень, простодушно отвѣтила дѣвушка, не въ состояніи будучи скрыть удовольствія при одномъ этомъ намекѣ предводителя. Вѣдь она была еще такъ молода, природа требовала своей дави — бороться было трудно, да и незачѣмъ. — Да гдѣ здѣсь веселиться? Такая противная сторона.

Она посмотрѣла въ сторону, куда-то въ садъ, какъ-бы желая указать, что это, въ самомъ дѣлѣ, противная сторона, потому на Таврова, и тихо засмѣялась своими красивыми, кроткими глазами, и опять ужасно покраснѣла, отчего стала еще болѣе херошенькою.

«Какая она миленькая теперь», подумалось предводителю.

— Вы незнакомы съ Плещеевыми? спросилъ онъ.

— Они такіе гордые...

— Напрасно вы такъ думаете... Хотите, я доставлю вамъ случай познакомиться съ ними? Это — премилый здѣсь домъ.

Дѣвушка нерѣшительно посмотрѣла на мать, какъ-бы ожидая, что та скажетъ.

— Изволь, изволь, мой другъ... Я буду вамъ очень благодарна, обратилась Марья Кириловна къ гостю. — Это правда, ей скучно у меня: она молода, а что же я ей могу доставить при моихъ средствахъ?

— Я заѣду когда нибудь за вами, пообѣщаль Лидочкѣ предводитель.

Онъ посмотрѣлъ на Марью Кириловну, какъ-бы желая напомнить ей о дѣлѣ, за которымъ она приглашала его.

— А вашъ сынъ-съ? намекнулъ онъ, когда она не сейчасъ догадалась.

Мать засуетилась.

— Не знаю, вернулся ли онъ... Онъ... на работѣ, съ трудомъ выговорила она, стараясь не встрѣчаться глазами съ предводителемъ: — я вамъ говорила сегодня, Сергѣй Ивановичъ, о его... странностяхъ. Переговорите съ нимъ. Вы — мужчина, да и власть имѣете.

Тавровъ обвелъ комнату глазами, какъ-бы ища того, съ кѣмъ нужно было переговорить.

— Лидочка, позови брата, приказала г-жа Оглобина дочери. Дочь тихо поднялась, заткнула иголку въ работу, положила на столъ и вышла. — Сколько я горя терплю отъ него—вы не повѣрите, продолжала жаловаться хозяйка растроганнымъ голосомъ: — вотъ наказаль Господь сыномъ! Она вытерла слезы... За дверью слышались шорохъ и шептанье.

Лидочка вернулась и тихо проговорила, относясь къ матери: — Онъ не хочетъ... конфузится... Онъ у насъ ужасно не свѣтскій, обратилась она институтски къ Таврову, и покраснѣла.

Марья Кириловна сама отправилась, и насильно ввела сына за рукавъ. Оказалось, что это былъ одинъ изъ тѣхъ, которыхъ мы давеча могли разглядѣть подмазывающимъ бричку. Ему было на видъ лѣтъ за двадцать-шесть, онъ былъ худощавъ и костистъ съ лица и въ тѣлѣ, однакожъ статенъ. Но лицо не имѣло уже первой свѣжести, и было угреватое. Онъ былъ одѣтъ въ красную рубаху, выглядывавшую изъ-подъ старенькаго кафтана съ русскими косыми бортомъ.

— Сынъ мой, Миша, со вздохомъ отрекомендовала его хозяйка предводителю, вытирая слезы.

Тавровъ немного приподнялся и холодно повлонился введенному, но не протянулъ руки.

— Я вотъ пригласила Сергѣй Иваныча, обратилась Оглобина къ сыну:—я просила его быть между нами посредникомъ, пояснила она, желая если не оправдать, то хоть смягчить передъ сыномъ обращеніе свое въ этомъ случаѣ къ содѣйствію предводителя: она не знала еще, какъ будетъ это принято сыномъ и опасалась скандала: — Сергѣй Иванычъ можетъ быть непристрастнымъ судьей. Посудите сами, обратилась она къ Таврову:—не права ли я, совѣтуя ему оставить всѣ эти фантазіи, которыя могутъ только окончательно его загубить, и идти опять служить. Чтѣ бы прежняя его служба ни давала—все же это вѣрный кусокъ и ни то, чтѣ тутъ, гдѣ онъ только убиваетъ молодныя силы.

— Вы вѣдь кажется уже служили? обратился Тавровъ къ Оглобину.

— Служилъ, поспѣшила на выручку Марья Кириловна: — и выгодное мѣсто имѣлъ въ губернскомъ казначействѣ: лѣтъ черезъ двѣнадцать могъ быть бухгалтеромъ. И вдругъ пришла въ голову дурь.

— Чтѣ же васъ заставило оставить службу?

Молодой Оглобинъ смотрѣлъ на предводителя равнодушно, пощипывая разсѣянно свою рѣденькую бородку и нисколько повидному не намѣревался отвѣчать.

— Глупость, дурь одна, объяснила опять г-жа Оглобина: — видите, всѣ—мошеники, взяточники, одни мы честны! Самонадѣянность, многодумье о себѣ... «Лучше, говорить, стану землю пахать, мужикомъ буду, да честнымъ, чѣмъ чиновникомъ — да безчестнымъ», передразнила она.

Тавровъ саркастически улыбулся и поглядѣлъ съ состраданіемъ на молодого человѣка.

— Но что же мѣшаетъ быть честнымъ чиновникомъ, я не понимаю? замѣтилъ онъ:—теперь такихъ ищутъ.

— Да, что мѣшаетъ? согласилась Марья Кириловна, обращаясь горячо къ сыну: — да говори же, Миша. Вѣдь это невѣжество молчать, замѣтила она, убѣдившись, что сынъ и теперь не желаетъ отвѣчать.

— Что вамъ, маменька? недовольнымъ тономъ отвѣтилъ тотъ:— оставьте меня въ покоѣ ради Бога.

— Миша, я серьезно хочу говорить. Я затѣмъ и пригласила Сергѣя Ивановича. Сегодня должно все это чѣмъ нибудь рѣшиться. Я мать, я имѣю право требовать...

Сынъ слегка усмѣхнулся.

— Вотъ онъ смѣется надъ этимъ. Вотъ такія оскорбленія я испытываю каждый день, вспыхивая, жаловалась Оглобина предводителю:—вѣдь онъ не признаетъ меня за мать, увѣряю васъ. Ужасные люди! Господи, перекрестилась онъ на образъ, и Бога они не боятся!... Да что Богъ, они о немъ не думаютъ! Дочь мнѣ испортилъ, волнуясь говорила старуха: — дочь, дѣвушку, только что вышедшую изъ института... Вчера мы при громѣ испугались, а онъ говорить сестрѣ глупости, что ея институтскаго учителя физики нужно было бы на хлѣбъ на воду посадить.

Оглобинъ улыбулся добродушно.

— Да вѣдь я шутилъ, какъ вы не понимаете.

— Этимъ не шутятъ, строго возразила мать.—Ты самъ перекрестилъ ли лобъ хоть разъ за эти два года? Ты что сдѣлалъ съ моимъ благословеніемъ? ризу жаду продалъ на вѣсъ.

— Вы знаете, мнѣ ѣсть тогда нечего было. Не идти же красть?

— Лучше бы ты укралъ... Мнѣ легче бы было. У, болванъ!

И вставъ, она въ волненіи шибко заходила по комнатѣ.

— Вы только ругаться умѣете, съ сердцемъ отвѣтилъ сынъ и пошелъ къ двери.

— Нѣтъ, постой, хватая за рукавъ, останавливала мать:—ты скажи, на что ты расчитываешь? Даромъ мой хлѣбъ ѣсть?

Оглобинъ какъ порохъ вспыхнулъ.

— Даромъ? Неправду вы говорите, позвольте вамъ замѣтить, сказалъ онъ рѣзко матери: — можетъ, я во многомъ виноватъ, но въ этомъ не чувствую за собой грѣха. Лжете вы... Извините меня, матушка, за такое выраженіе!

Онъ, какъ-то сердито рванувъ, отдернулъ рукавъ и показалъ

свою руку, въ самомъ дѣлѣ загрузѣлю въ мозоляхъ и перепачканную теперь въ дегтѣ.

— Эти руки были бѣлые, когда я въ вамъ два года назадъ пѣшкомъ пришелъ, съ гордостью замѣтилъ онъ:—я у васъ спрашивалъ позволенія прїѣхать и поселиться здѣсь. Я писалъ, чѣмъ я намѣренъ въ деревнѣ заняться. Вы позволили...

— Я не думала тогда, что ты говоришь серьезно.

— А, ну сами и виноваты.

Мать растерялась на минуту. Тавровъ рѣшился поддержать ее.

— Но почему же вы не остались служить? Вѣдь быть честнымъ чиновникомъ можно, я вамъ замѣтилъ давеча, а вы все-таки намъ не разъяснили, вмѣшался Сергѣй Ивановичъ.

— Я имѣю на это свои взгляды.

— Интересно бы услышать.

— Не считаю нужнымъ вамъ этого объяснять. Впрочемъ, вамъ интересно? прищуриваясь и насмѣшливо глядя на Таврова, вдругъ обратился онъ опять къ предводителю:—вопервыхъ, я не признаю умствениую дѣятельность производительною въ теперешнемъ обществѣ.—Онъ прїостановился, желая подмѣтить, какое впечатлѣнїе производить его слова на предводителя. — Странно вамъ?

— Вотъ что! произнесъ нараспѣвъ предводитель и прищурился. У него даже мурашки пробѣжали по кожѣ. Онъ только теперь вполнѣ понялъ, что предъ нимъ находится интересный субъектъ. Онъ сталъ, не торопясь, со вниманїемъ, разсматривать его съ ногъ до головы, какъ что-то любопытное, о чемъ онъ давно слышалъ, но въ существованїе чего не вѣрилъ, что вблизи ему приходилось видѣть теперь только въ первый разъ.

— И потому, восторыхъ, продолжалъ, между тѣмъ, Оглобинъ: — и потому, что не считаю себя по силамъ быть чиновникомъ, какимъ бы слѣдовало быть.

— Это очень послѣдовательно и честно, иронически замѣтилъ предводитель.

— Думаю, что дѣйствительно это послѣдовательно.

— Сколько, подумаешь, законныхъ причинъ!

— Если вамъ этого мало, то есть и еще.

— Слушаемъ-съ. — Предводитель скрестилъ на трости руки и уставился насмѣшливымъ взглядомъ на своего противника.

— Вамъ угодно? извольте. Чиновникомъ я получалъ 12 руб. въ мѣсяцъ. Въ городѣ, при дороговизнѣ, этого мало. И выходитъ, что нужно будетъ въ концѣ концовъ брать. Ну, да и спину гни. А я этого не умѣю, да и не хотѣлъ бы когда-нибудь научиться. А это непременно бы случилось, еслибы я остался на

службѣ. При этой же работѣ дома, и выгоды больше и по сердцу. Математическій расчетъ...

— Послѣдовательно, послѣдовательно... И находите, что лучше быть мужикомъ по профессіи? насмѣшливо издѣвался аристократъ Тавровъ. На словѣ «мужикомъ» онъ постарался сдѣлать удареніе, чтобы было пообиднѣе. — И сами теперь землю пахете?

— Нахожу... и самъ теперь землю пашу.

— Честно... Но вотъ вы другія профессіи попробовали бы, насмѣшливо совѣтовалъ Тавровъ. — Теперь многіе журналы въ этомъ духѣ пишутъ. Вы попробовали бы въ какомъ-нибудь изъ нихъ посотрудничать. Теперь большихъ способностей, говорить, не требуется. Нужна только нѣкотораго рода... пикантность.

— Вы глупость сказали.

Тавровъ совсѣмъ не ожидалъ этого.

— Чтѣ я сказалъ-съ? возвышая голосъ, переспросилъ онъ, подымаясь вмѣстѣ съ тѣмъ со своего мѣста.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой, засуетилась Марья Кириловна:— Миша, Бога ради... Она бросилась между сыномъ и Тавровымъ.

— Я замѣтилъ, что вы глупость сказали, твердо повторилъ Миша.

У Таврова губы тряслись отъ злости. Онъ кивалъ головою, какъ-бы желая сказать Оглобину: «хорошо, хорошо, я вамъ припомню это потомъ»... Но присутствіе матери противника не позволяло ему идти далѣе... Противникъ выждалъ съ минуту, упорно смотря ему въ глаза.

— Интересно, чтѣ бы вы сказали дальше, произнесъ Тавровъ, усаживаясь. Оглобинъ улыбнулся.

— А дальше, продолжалъ онъ уже совершенно спокойно:—я повторилъ бы опять, что у меня нѣтъ никакихъ особенныхъ способностей. И я не стыжусь въ этомъ признаться. Я даже плохо кончилъ гимназію. Я совсѣмъ не образованъ. Поэтому я не годюсь для дѣльной умственной работы, но на столько имѣю здраваго смысла и совѣсти, что могу видѣть, что при этомъ лучше быть мужикомъ и жить трудомъ, который мнѣ болѣе по силамъ.

— И все это глупости, замѣтила поскорѣе Марья Кириловна:— одно фанфаронство модою, ничего изъ этого не выходитъ. Никакой пользы нѣтъ съ этой работы.

— Неправду говорите, маменька, опять рѣзко замѣтилъ сынъ:— сами вы соглашались, что въ прошломъ году вы болѣе имѣли выгоды отъ того, что Петра, плута, отпустили. Онъ стоялъ

вамъ 75 р. въ годъ и все у васъ разворовывалъ. Кто жаловался, что прежде приходилось для своего скота сѣно прикупать? А теперь что? Кто третьяго-дня продалъ сѣно калитанскому попу? Кто съ Касьяномъ на прошлой недѣлѣ отбилъ вашу Машку у волка? Не вы ли жаловались мнѣ въ письмахъ, что ваши работники чуть не каждую недѣлю крадутъ и продаютъ овецъ, а сами говорить, что волки рѣжутъ? Вы это забыли?

Марья Кириловна нѣсколько смѣшалась, сознавая, что сказала неправду, и на послѣдній вопросъ сына прямо не отвѣтила, а обратила нить разговора въ другую сторону.

— Ну, и посудите сами, Сергѣй Ивановичъ, обращалась она съ отчаяніемъ къ предводителю: — каково моему родительскому сердцу, глядя, что онъ забываетъ свою молодость на такую неблагодарную работу. А годы его идутъ... Вѣрите ли, когда онъ вечеромъ приходитъ съ работы, когда я увижу на немъ эту потную... рубашку, съ трудомъ проговорила она: — эти черныя руки... эти мозоли... (У ней показались слезы), у меня сердце разрывается. Я просто готова въ ту минуту просить у Бога, чтобы онъ меня прибралъ, только чтобы я не видѣла этого на своемъ дѣтищѣ...

Марья Кириловна тихо заплакала и, нагнувшись, стала вытирать слезы кончикомъ платочка, выглядывавшаго изъ ридикюля.

— Думала ли я, Господи, что доживу до этого! Сынъ мой, дворянинъ, и этимъ холопскимъ, проклятымъ дѣломъ занимается.

— Все такъ, матушка, только не *проклятымъ!* Богу нѣтъ пріятнѣе этой работы—да! вставилъ настойчиво сынъ.

— Положимъ, поддержалъ и предводитель, уже значительно мягкимъ голосомъ: — но дворянина-то оно мараетъ, т.-е. не мараетъ, поспѣшно прибавилъ онъ: — а не идетъ ему, не пристало.

— Да, вотъ что! То-то я есть, что и въ васъ и въ матушкѣ дворянская жилка при этомъ оскорбляется.

— Не то, не то, почтеннѣйшій, поправлялся предводитель: — не думайте, я не держусь предрассудковъ, я самъ... либераль. Узнайте-ка, что я въ комитетѣ по крестьянскому вопросу говорилъ. Меня самого чуть-чуть ни того, ни туда... Либераль показалъ куда-то по направлению къ саду.

Между тѣмъ, Оглобина не унималась.

— И посудите, Сергѣй Ивановичъ, неужели оттого, что мы бѣдные мелкопомѣстные дворяне, мы должны переносить такое униженіе? Каково мнѣ, что теперь всюду по уѣзду слава идетъ, будто мой сынъ холопскою работою занимается, что я до-

пустила?... Вѣдь покойникъ мой мужъ, вы знаете, Сергій Ивановичъ, подполковникомъ сюда прѣѣхалъ... Каково-то ему теперь, бѣдному, глядѣть на это отсюда... Господи, Господи!

И она опять горько заплакала.

— Да, вотъ видите, матушка, какъ вы страшно судите. Землю пахать стыдно, безчестно, а комиссариатъ... Онъ не договорилъ чего-то.

— Чтѣ, чтѣ ты этимъ хочешь сказать? закричала мать, подымаясь, какъ тигрица, во весь ростъ.

— Послушной списокъ напечатали, напечаталъ на что-то сынъ.—Вы знаете...

— Чтѣ знаю, чтѣ знаю? Наконецъ, съ кѣмъ бѣды не бываетъ!... И ты смѣешь тѣмъ отца тревожить этимъ чернымъ воспоминаніемъ, когда все это дѣлалось для васъ, когда все это намъ досталось и мы теперь этимъ живемъ!... Вонъ изъ моего дома, и чтобы духу твоего не было здѣсь черезъ три дня! Куда хочешь иди. Я это при предводителѣ говорю. Вонъ, я тебѣ повторяю, вонъ!... вонъ!...

— Ну, и пойдю. Провались оно!

И сынъ послѣшно вышелъ изъ комнаты и, въ сердцахъ, хлопнулъ сильно за собою дверью.

Черезъ четверть часа Марья Кирилловна уже лежала въ постелѣ въ сильномъ бреду и перепуганной Лидочкѣ приходилось класть холодные компрессы къ головѣ и на сердце матери, а къ двумъ часамъ повадобилось даже послать въ ближайшее казенное селеніе за фельдшеромъ.

Поздно. У Оглобинныхъ почти темно. Только въ спальнѣ Марья Кирилловна видѣется огонѣкъ — это Лидочка возится около больной матери.

А на дворѣ, на ступенькахъ крылечка, все еще видѣется фигура Оглобина. Сидитъ онъ, склонившись на локти, какъ-бы обдумывая въ отчаяніи, чтѣ ему дѣлать, послѣ всего, чтѣ только сейчасъ случилось съ нимъ. На сердцѣ все еще не остыла наипрѣвшая досада.

Уже полночь. На дворѣ стоитъ не ночная темень, а какой-то прозрачный сумракъ. Вдругъ дверь тихо щелкнула и вышла работница.

— Уживать хочешь, Михайло Александрычъ? расталкивая въ плечо, спрашиваетъ она тихо Оглобина.

— Не хочу.

Та стала уговаривать.

— Сказано, не хочу.

Слышитъ она злой тонъ. Постояла, ушла, потомъ опять вернулась.

— Ну, возьми хоть такъ, хлѣбца; какъ же такъ, неужинавши, замѣтила она, подавая ломоть хлѣба изъ-подъ фартука: — слушаешь потомъ, никто не увидить.

Онъ взялъ хлѣбъ, видимо только такъ, чтобы отвязалась.

— И это возьми, суя ему горшочекъ съ молокомъ, говорить работница.

Онъ сталъ отпѣкиваться.

— Чего, чего? Возьми, матернино, не застрянешь въ горлѣ.

Онъ отвелъ рукою.

Она оставила горшокъ на крылечко и стала передъ нимъ съ заложенными подъ мышку руками.

— Ты бы попросилъ маменьку, посовѣтовала она изъ участія: — такъ и такъ, сказалъ бы, въ сердцахъ вырвалось.

— Оставь, пожалуйста.

— Не хотишь? какъ хотишь... А ты, Михайло Александричъ, подумай, куда тебѣ уйти.

— Куда бы ни пришлось, а уйду, не останусь здѣсь.

Женщина тяжело вздохнула и замолчала.

— Стало, кинешь и меня, не жалко? робко сказала она, немного погодя. — Твоя воля! Она вытерла слезы кончиномъ платка, накинутого на голову, и высморкалась въ него тихо. — Твоя была власть жаловать, твоя и казнить. Снесу.

Оглобивъ поднялъ голову.

— Глупости ты говоришь, Настасья. Я тебя не кину. Отыщу мѣсто, такъ и тебѣ будетъ. Придешь тогда.

Работникъ подошелъ къ нимъ.

— Поздно, будемъ затворять ворота, Михайло Александричъ, да ложиться. Завтра рано еще остаточное сѣно нужно убрать.

— Ложись. Я потомъ приду.

— Нешто не пойдешь на работу?

— Нѣтъ.

— Чаво?

— Такъ.

— Чаво такъ?

— Уйду совсѣмъ, прощай.

— Поссорился съ барней, объяснила работница.

— Ахъ, съѣдятъ-те мухи съ комарами! Плохо! Повздорились,

значить... Тцъ! тцъ! зачмокалъ съ сожалѣніемъ работникъ. — И совсѣмъ отъ родительницы прочь уйдешь?

— Совсѣмъ.

— Тцъ! Тцъ! Кто же у насъ будетъ за хозяина?

— Только не я.

Работникъ задумался.

— Ну, вѣтъ, тоды я я уйду. Я изъ-за тебя жилъ, што съ тобой-то ужь очень хорошо жить: ты нашимъ, мужицкимъ трудомъ не гнушаешься.

И работницу вдругъ разобрала та же мысль.

— Уйду и я, ей-богу уйду, коли такъ! воспламеняясь вдругъ рѣшила и работница. — Надъсь калитянской дѣвчонкѣ сказывалъ, что попу батрачка требуется.

— А кто же у нихъ здѣсь останется, когда всѣ уйдутъ? недовольно замѣтилъ Оглобинъ.

— Кто хошь, а я уйду. Я твой хлѣбъ ѣла. Ихняго не хочу. Будутъ корить... И то полюбвинцей твоей въ глаза обзывать... И пошла опять вытирать слезы.

— А я хочу, чтобы ты пока оставалась, твердо сказала Оглобинъ. — Нужно, понимаешь?

— Не хочу, хоть что хошь! И баба рѣшительно замахала руками.

— И для меня не можешь этого сдѣлать?

Та замаялась и не стала болѣе перечить.

— Что же?

— Останусь, коли на то будетъ твоя воля.

— Любишь — вижу, сказалъ Оглобинъ. — А теперь все-таки ступай.

Работница еще разъ вытерла слезы головнымъ платкомъ, опять тихо высморкалась въ кончалъ, взяла нетронутое молоко съ крыльда и пошла, но потомъ сейчасъ же вернулась послѣшно.

— Я твои-то портянки, што давалъ, выстирала всѣ, Михайло Александрычъ.

— Хорошо... глупая! уже засиѣлся онъ: — ступай... спасибо.

VII.

Конечно, было уже очень поздно, когда вернулся къ себѣ Сергій Иванычъ, однако свѣтъ отъ нагорѣвшей свѣчи еще видѣлся въ передней: ожидали, значить.

Едва мягкій, пріятный грохотъ рессорнаго экипажа раздался на дворѣ, какъ съвозъ раскрытое окно можно было разглядѣть, какъ засуетились въ передней.

— Федоръ; а, Федоръ!... Баринъ! будиль торопливо лакей какого-то мужика, храбѣвшаго на лавѣ, шнора его кулакомъ въ бока.

Поднялась косматая фигура бурмистра.

— Послать ко мнѣ сейчасъ же Успенскаго, если не спитъ, сердито приказываеъ между тѣмъ Сергѣй Ивановичъ, выгѣвая изъ экипажа.

— Они здѣсь, сказалъ лакей, выбѣжавшій высаживать барина. И, пока еще Тавровъ отдавалъ кое-какія приказанія кучеру Мишкѣ, передъ нимъ уже стоялъ какой-то плюгавенькій старичокъ, поспѣшно застегивавшій сюртукъ и приглаживавшій на головѣ растрепанные вихры (это былъ Успенскій, писмоводитель Таврова). — Николай Ивановичъ! Приготовьте въ завтраму предложеніе исправнику, приказываетъ Тавровъ: — конфиденціальнымъ нисьмомъ: тутъ у помѣщицы Оглобиной сынъ есть, который держитъ себя совсѣмъ несоотвѣтственно званію дворянина, нигдѣ не служить, ничѣмъ не занимается, матери не слушаетъ, съ мужиками важется. Мать проситъ взять его отъ нея. Если земская полиція возьметъ на себя отвѣтственность за то, что ничего не случится — пусть остается. А я нахожу, въ теперешнее тревожное время, опаснымъ оставлять такихъ господъ вблизи народа и считаю долгомъ предупредить. А тамъ пусть дѣлають, какъ знаютъ.

Сергѣй Ивановичъ вошелъ въ переднюю.

Тавровъ былъ сильно взволнованъ всѣмъ видѣннымъ имъ у Оглобинныхъ, но тутъ, завидѣвъ у себя бурмистра въ такую позднюю пору, онъ все забылъ и испуганно посмотрѣлъ на него.

— Что ты, Федоръ? — Онъ еще не успѣлъ и шляпы снять.

— На лугу не все ладно, бабушка Сергѣй Ивановичъ, съ низкими поклонами угостилъ сюрпризомъ бурмистръ: — потрапу сусѣдскіе мужики, грабяне, сдѣлали.

Тавровъ всплеснулъ руками и шлепнулъ себя по ящамъ съ каинимъ-то трескомъ.

— Чуяло мое сердце!... Что я вамъ сдѣлалъ, скажи на милость? подступая къ бурмистру, спрашиваетъ онъ, ломая руки: — что я вамъ сдѣлалъ, что вы меня преслѣдуете подобными штуками? Вѣдь это второй подобный случай въ этомъ мѣсяцѣ. И онъ, потерявъ совершенно свой всегдашній, солидный апломбъ, не стыдится взять за бороду самого бурмистра: — ты у меня теперь будешь отвѣчать, ты!

— Не виновати... Сергѣй Ивановичъ, видитъ Богъ. Не доглядѣтъ всюду.

— Вотъ увидимъ...

Его почтенное, всегда такое благородное, въ самомъ дѣлѣ аристократическое лицо искажается теперь до непріятности, до того, что противно становится смотрѣть. Онъ окончательно рѣбачески готовъ заплакать. Его болѣзненному воображенію, настроенному съ самаго 19-го февраля того года — всюду видѣть вокругъ себя коммунистовъ и разграбителей чужаго добра — уже Богъ знаетъ, что представляется! Онъ кричитъ, что такіа штуки превосходятъ всякія границы долготерпѣнія, и божится немедленно написать по эстафетѣ самому губернатору насчетъ грабежа «сусѣдскихъ мужиковъ».

— Сгніють у меня тогда въ острогѣ, грозитъ Сергѣй Ивановичъ и дергаетъ нн въ чемъ невиноваго бурмистра за бороду.

И все это изъ-за одного покоса!

Тавровъ, не сходя шляпы и сердито стуча ногами, прошелъ поспѣшно къ себѣ въ кабинетъ, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и спальнею. Онъ швырнулъ трость и шляпу на столъ и черезъ темныя комнаты прошелъ прямо въ столовую, откуда видѣлся свѣтъ.

У накрытаго стола ужиналъ Викторъ. Онъ ѣлъ, разсѣянно рѣжа дыпленна, а самъ жадно читалъ что-то лежавшее сбоку тарелки.

— Это ужасъ, это ужасъ! повторялъ попрежнему взволнованно Сергѣй Ивановичъ: — *C'est une vraie désorganisation sociale!* *Aucune honte, aucune honte!* Сынъ пересталъ читать и поднялъ на него вопросительный взглядъ: — представь, опять по-трава!

Сынъ попытался-было успокоить его, приводя резонъ, что нужно еще посмотреть: можетъ быть, по-трава и незначительна.

— Не въ этомъ дѣло, не о количествѣ тутъ рѣчь! Нѣтъ, ты пойми, что все это значить, что это за признаки, толкуеть онъ сыну.

И онъ пускается растолковывать, что это—всѣ знаменія 89-го года во Франціи, что тогда точно такими же пустынными признаками началось, съ подорванія принципа собственности, что этому можно найти примѣры и у Токвиля, и у Карлейля и у Гизѣ. И пошелъ и пошелъ въ этомъ родѣ. А самъ — открыты поскорѣе правду — не дальше какъ съ недѣлю назадъ далъ задатокъ землемѣру за то, чтобы тотъ, при нарѣзкѣ земли, отходящей его крестьянамъ по Положенію, «только на 5° меньше отбилъ всѣ углы въ правой сторонѣ поля».

Сынъ тоже, повидимому, принялъ къ сердцу горе родителей.

— Ты бы посреднику далъ знать, посвѣтовалъ онъ.

— Придется, согласился отецъ, и послѣшно ушелъ въ кабинетъ, что-то написалъ у бюро и сильно поввонилъ.

— Отправить завтра чуть свѣтъ съ верховымъ къ посреднику Бальмеру въ Желтухи, приказалъ онъ лакею: — подать мнѣ раздѣться

Является разфужфуренная Палашка, чтобы помочь барину раздѣться. Тихо у нихъ идетъ эта работа. Признаки застарѣлаго барства такъ и блещутъ съ полною яркостію. Сниметъ свѣтукъ, походить, снова посердится, покричитъ, потомъ за жилетъ принимается. А прислуга стоитъ, молчитъ, ждетъ. Онъ, не стѣняясь, надѣваетъ при этой же Палашкѣ ночное бѣлье. Въ качествѣ образованнаго европейца и притомъ такого, который читалъ и Токвиля и Гизо, не можетъ же онъ признавать правъ женщины въ какойнибудь Палашкѣ! Для этого нужно быть въ самомъ дѣлѣ краснымъ!

Впрочемъ, въ отношеніи Палашки все это было еще извинительно, такъ-какъ ея мужа Сергѣй Ивановичъ всегда находилъ болѣе удобнымъ держать гдѣ-то на оброкѣ, вдали, въ столицѣ... Палашка была старшая дочь экономки Власьевны. Это была еще женщина молодая, видная, съ такою высокою грудью, такъ опратно, щеголевато всегда одѣтая. Она цѣнила вниманіе барина къ себѣ, всегда цаловала руку у него послѣ каждаго интимнаго свиданія, съ дворней мало зналась, не осмѣливалась ревновать, когда чтонибудь замѣчала за Сергѣемъ Ивановичемъ, но умѣла, по наущенію матери, встать и покапризничать и тѣмъ держать барина слегка въ рукахъ; наконецъ, умѣла какъ-то такъ дѣлать, что у ней дѣти никакъ не жили болѣе двухъ-трехъ недѣль послѣ рожденія. Это представляло ту выгоду, что избавляло отъ излишнихъ хлопотъ, обузы и сплетень.

Сергѣй Ивановичъ запахнулъ халатомъ, взялъ со стола свѣчу въ тяжеломъ бронзовомъ подсвѣчникѣ, закурилъ на ней сигару и отправился въ столовую. Но волненіе, неостывшее еще въ немъ, мѣшало его апетиту. Это бываетъ. Онъ ни до чего не дотронулся...

И нельзя сказать, чтобы вся тревога, все волненіе, происшедшее въ Тавровѣ вслѣдствіе новостей, принесенныхъ бурмистромъ, происходили отъ скарденности. Нѣтъ, онъ былъ слишкомъ богатъ съ дѣтства и имѣлъ на столько благородства, что былъ застрахованъ отъ такого унижительнаго паденія человѣческой личности. Тутъ было что-то другое. Тутъ звучала какая-то обида, обида въ самое сердце.

Злымъ сидѣлъ онъ теперь у стола. Сердитый взглядъ почти неподвижно стоялъ на свѣчѣ. Ему хотѣлось сорвать теперь на

чемъ нибудь, или излить передъ кѣмъ нибудь все, что накопи-
лось на сердцѣ, подѣлиться, оправдаться...

— Это обидно, это больно до глубины души, сказалъ онъ, продолжая разсуждать уже вслухъ, и тонъ, которымъ онъ ска-
залъ это, показывалъ, что то, о чемъ онъ думалъ, пронимало
его до глубины души (онъ ожидалъ, что сынъ перестанетъ чи-
тать и приметъ участіе въ разговорѣ): — отчего я сержусь? Не
покоса мнѣ жаль, не покоса. Я во всемъ этомъ вижу что-то
поглубже, чего другіе не хотятъ замѣчать. Мнѣ обиденъ этотъ
сумбуръ, эта анархія въ общественной совѣсти, этотъ ва-
вардагъ!

Сыну до страсти хотѣлось продолжать чтеніе. То, что онъ
читалъ теперь, становилось ежеминутно все интереснѣй и ин-
тереснѣй. Но продолжать читать, не отозваться на явный вы-
зовъ отца въ разговоръ — было неприлично. Онъ загнулъ уго-
локъ страницы, гдѣ остановился, и, откинувшись къ спинкѣ
стула, сдѣлалъ видъ, что готовъ слушать.

— ...И что всего обиднѣе, что это идетъ сверху, продолжалъ
отецъ: — опасная игра!... Ну, скажи на милость, обращался ужъ
онъ прямо къ сыну: — развѣ наши интересы не тождественны?

Сынъ молчалъ.

— Нѣтъ, ты мнѣ отвѣчай, настаивалъ отецъ.

— Рара, время этого требовало, помни, произнесъ сынъ, то-
номъ легкаго укора.

Отецъ шлепнулъ себя съ досады по колѣну.

— Допускаю, что время иногда можетъ требовать... Я самъ
иногда... дѣлаюсъ отчасти либераломъ! Только вѣдь это еще во-
просъ, того ли требовало время, подмигивая, замѣтилъ онъ: —
благоразумно ли, спрашиваю я тебя, дѣлаетъ врачъ, который въ
томъ случаѣ, когда можно обойтись отнятіемъ мизинца, отхва-
тываетъ всю руку и оттого весь организмъ повергаетъ въ лихо-
радочное состояніе?... Развѣ всего этого нельзя было сдѣлать
еще постепеннѣе? Традиція, въ которыхъ жило общество, ка-
ковы бы онѣ ни были, нужно осторожно колебать. Неосторожно
подпиливъ одну ножку, можно уронить весь столъ.

И онъ стукнулъ слегка рукой по столу.

Онъ всталъ и въ волненіи заходилъ по комнатѣ.

— О, поддерживать традиціи въ обществѣ — это долгъ каж-
даго, разсуждалъ Сергѣй Ивановичъ, традиція — это начало,
первообразъ всякаго закона, всякаго нашего *légimité*, это за-
логъ, указка, средство. Ее колебля, колеблешь въ массѣ понятіе
о законѣ. Мужикъ не должна и закрадываться мысль о возмож-
ности несовершенствъ закона. Это небезопасно. Вотъ мы и

видимъ, сказалъ онъ, останавливаясь среди комнаты, и обвелъ комнату рукою вокругъ, какъ-бы желая досказать: полюбуйтесь.

— Что же по твоему дѣлать? Ты проповѣдуешь самую крайнюю неподвижность, крайній консерватизмъ!

Сергѣй Ивановичъ съ минутою ходилъ.

— А хоть бы и такъ? вдругъ встрепенувшись, сказалъ онъ.— Что ты имѣешь противъ консерватизма? Консерватизмъ необходимъ въ обществѣ, консерватизмъ имѣеть за себя много очень почтеннаго. И традиціи всегда за него, и потому-то онъ и законенъ, ибо что такое въ сущности традиція? — не преданіе, не преданіе, не думай,—это *преемственность*. Что такое консерваторъ?—*сохранитель*. Значить—*преемлю* и *сохраняю*—двѣ первыя и важнѣйшія фазы всякой жизни въ природѣ.

— А развитіе? замѣтилъ съ улыбкою сынъ.

— Третья, третья, объяснилъ отецъ:—зависящая отъ первыхъ двухъ. И такъ, *преемлю*, *сохраняю*—и потомъ уже, потомъ уже *развиваю*. Вдумаея, какой другой принципіи можетъ выставить болѣе логическую, законную основу въ свое оправданіе, и не имѣеть ли право гордиться то, что изъ себя даетъ жизнь всему послѣдующему? заключилъ онъ съ нѣкоторою гордостью.

Сынъ молчалъ. Онъ вообще не намѣренъ былъ спорить съ отцомъ. Если онъ и не раздѣлялъ всѣхъ крайностей отца, то, противъ многого въ душѣ онъ все-таки не желалъ-бы возражать. Да и не могъ, правду сказать: вѣдь это не военная исторія, въ которой онъ считалъ себя докою! «Да и какое мнѣ до этого дѣло?» думалъ онъ. «Мы сами по себѣ, а они, граждане, сами по себѣ. Все-таки будетъ такъ, какъ прибавутъ».

Сергѣй Ивановичъ походилъ по комнатѣ, налилъ стаканъ воды, выпилъ, чтобы утушить жаръ, и заходилъ снова.

— Почему я возмущаюсь этими порядками?—не унимался онъ.— Потому, что я дальновиднѣе и искреннѣе другихъ. Я умѣю читать законъ; я знаю, что этотъ законъ, реально существовавшій сотни лѣтъ, признававшій извѣстныя права за моимъ дѣдомъ и отцомъ, даетъ и мнѣ право на то, что у меня теперь берутъ. И я возмущаюсь. Да, я возмущаюсь, я говорю это открыто, я возмущаюсь, видя нарушеніе моего права, а съ нимъ и закона, ибо я въ душѣ не консерваторъ, не консерваторъ — этимъ словомъ еще мало сказано,—а легитимистъ, русскій легитимистъ, приверженецъ законности и, какъ легитимистъ, я не признаю ни въ чемъ этихъ турдефорсовъ. Это я называю несвоевременнымъ либеральничаньемъ. Вотъ этому настоящее имя!

— Это уже крайню, раръ, это ужъ односторонню, не согла-

сился наконецъ рѣшительно сынъ. Это уже и для него повазалось мрачнымъ.—Ты не допускаешь никакого прогресса?

— Уступки, уступки, а не вашъ прогрессъ; уступая я допускаю, но и то своевременныя и постепенныя. Мы тогда могли бы притовтвиться: отпустить ихъ исподволь сами, продать земли.

Къ чести сына нужно сказать, что это его ужъ возмутило.

— Да, двадцать-два милльона въ бобылей обратить позволь вамъ?

Сергѣй Иванычъ очень разсердился.

— Фуъ, фуъ, фуъ, Викторь!... Откуда это у тебя?... Съ тобой послѣ этого страшно оставаться въ комнатѣ.

Викторь Сергѣичъ сжалъ недовольно губы и наклонился, какъ-бы собираясь продолжать чтеніе и тѣмъ покончить этотъ непріятный разговоръ.

— Это было бы въ высшей степени и несправедливо и незаконно, сказалъ онъ горячо.

Сергѣй Иванычъ високо поднялъ голову.

— Никто больше меня не уважаетъ законности, съ гордостью сказалъ онъ.—Какъ только самая ужасная несправедливость становится совершившимся фактомъ, закономъ — я первый падаю ницъ и преклоняюсь.

— Ну, вотъ тебѣ освобожденіе—совершившійся фактъ.

— Я и повинюсь. Развѣ ты видѣлъ, чтобы я не пустилъ на дворъ становаго объявить, или ослушался въ чемъ?

— Но вотъ же ты недоволенъ, оуждаешь, чуть не сопротивляешься?

— Легально, легально, да, конечно. Я оставлю за собой это право *нассейда*, съ удареніемъ объяснилъ онъ: — *нассейда!*

Молчаніе.

— Нѣтъ, сказалъ рѣшительно сынъ:—я не крайній, ты знаешь, но мы съ тобою во многомъ не сходимся.

Сергѣй Иванычъ уставился въ полъ глазами и заходялъ въ раздумьѣ изъ угла въ уголъ, заложивъ руки назадъ... Онъ вздохнулъ тяжело.

— Это болѣе прискорбно, чѣмъ можно подумать съ перваго раза, грустно сказалъ онъ, немного погодя, отвѣчая на послѣднее замѣчаніе сына.—Я и самъ давно замѣчалъ это различіе нашихъ исходныхъ точекъ. Жаль, очень жаль! съ чувствомъ повторилъ онъ.

— Время, время, рарá .. опять напомнилъ сынъ, какъ-бы оправдываясь.

Отецъ не удостоилъ его на это отвѣтомъ, а помолчавъ немного и не останавливаясь ходить, продолжалъ свое:

— И вот почему еще я расхожусь съ тобой во взглядахъ на твою карьеру. Я не раздѣляю твоего оптимизма. Ты меня извини, прибавилъ онъ останавливаясь около сына и кладя ему дружески руку на плечо: — старые бойцы вообще охотно идутъ въ вербовщики, шутя пояснилъ онъ съ нѣкоторою гордостью и опять заходилъ: — На другихъ поприщахъ ты больше успѣлъ бы... Я старѣю, все можетъ случиться: ты бы могъ заступить. Да и пока мы могли бы много поработать вмѣстѣ, многозначительно подымая брови, добавилъ онъ: — а время важное подходит!... Вѣдь, между нами говоря, всѣ наши въ сущности... очень недалніе господа. Это нужно сознаться. Ни на одного нельзя указать. Разумѣется, они и добры и благородны, они понимаютъ, что мы правы, понимаютъ всю настоящую необходимость для всѣхъ насъ въ настоящую минуту соединиться, съобща дѣйствовать противъ общей опасности... Но вѣдь этого мало. Замѣчаешь, какъ это робко, неуверенно высказывается и дѣлается? Выставить знамя и умѣть открыто его защищать — у нихъ не хватаетъ духу, они не умѣютъ. И нуженъ имъ человекъ. Ну, и благо ему будетъ, вразумительно, съ чувствомъ произнесъ Сергѣй Ивановичъ: — потому что у нихъ въ рукахъ средства, а это пока—сила, сила. Такой человекъ можетъ стать современемъ вожакомъ цѣлой партіи, онъ будетъ держать въ своихъ рукахъ—что ни говори—цѣлый принципъ, важный въ социальномъ отношеніи... А связи, а средства, а будущность?... И онъ махнулъ руками, какъ-бы желая осязательно показать, что все это ужъ такъ хорошо, что и разсказать нельзя. — По англійски, по англійски нужно учиться, вздыхая заключилъ Сергѣй Ивановичъ (этимъ совѣтомъ онъ всегда оканчивалъ подобные разговоры съ сыномъ): — потому что нигдѣ болѣе, а въ Англии, мы должны искать аргументовъ, насъ защищающихъ, примѣровъ политическаго умѣнія бороться; только тамъ можно встрѣтить кровныхъ представителей того типа, какой намъ скоро очень понадобится. Безъ этого языка теперь нельзя показаться въ порядочномъ обществѣ. Возьми графа О.—Д., князя Щ. и Б.—ва. Всѣ они знаютъ его, какъ родной языкъ. Ты встрѣчалъ у графа О. лорда Н.—ра и, самъ признаешься, что стѣснялся: по французски все это не такъ удобно; ты знаешь, какіе ревнивцы эти бульдоги, англичане, въ отношеніи своего языка. Такъ и во многомъ.

Можетъ быть, оттого, что Викторъ Сергѣичъ уже слышалъ подобные соблазны не въ первый разъ, а можетъ и потому, что никакой охоты не чувствовалъ запрягаться въ тотъ хомутъ, въ который хотѣлъ его нарядить родитель, — впрочемъ, онъ былъ на столько смишленъ, что не могъ не видѣть слабыхъ сторонъ от-

повсѣихъ иллюзій,—но только, когда Сергѣй Ивановичъ кончилъ и посмотрѣлъ на сына, онъ замѣтилъ, что тотъ очевидно уже не слушалъ его, углубившись окончательно въ чтеніе.

Отецъ походилъ еще въ раздумѣ, а потомъ подошелъ къ сыну и, слегка улыбаясь, опять положилъ ему руку на плечо.

— Ты не слушалъ меня, Викторъ... И не вѣшь ничего, прибавилъ онъ, замѣтивъ почти нетронутымъ пыленка на тарелкѣ у сына. Тотъ ничего не отвѣтилъ и продолжалъ читать.

Вѣроятно, что нибудь интересное?

Сынъ улыбнулся и, ничего не отвѣтивъ, перевернулъ страницу, продолжая читать, отмѣтилъ что-то своимъ длиннымъ, заостреннымъ ногтемъ мизинца.

— Confession d'une jolie demoiselle? вѣтъ?... или дневникъ? улыбаясь, спросилъ шуливо Сергѣй Ивановичъ, наклонясь къ сыну.—Ты отъ меня многое скрываешь, Викторъ.

Въ это время сынъ опять надъ какою-то мыслью особенно сильно улыбнулся, особенно сильно чиркнулъ ногтемъ и, какъ-бы въ отвѣтъ на послѣдній упрекъ отца, положилъ передъ нимъ тетрадку почтовой бумаги, мелко исписанную косымъ, женскимъ почеркомъ.

— Прочитай, сколько нибудь, и скажи свое мнѣніе, попросилъ онъ.

Конечно, читатель догадывается, что это былъ дневникъ Ольги. Но его лучше прочитать въ слѣдующей главѣ.

VIII.

Сергѣй Ивановичъ поднялъ свой пенсне, мотавшійся на шнуркѣ поверхъ халата, протеръ и, надѣвъ его на носъ, не торопясь, принялся за чтеніе. Тонкая, въ самыхъ уголкахъ губъ затаившаяся, лукавая улыбка подсказывала уже впередъ, что онъ готовился отвѣстись къ предлагаемому чтенію съ высокоумною недовѣрчивостью.

Дневникъ былъ слѣдующаго содержанія:

«1859 годъ.

«16-го ноября. Сегодня мое рожденіе. Мнѣ исполнилось 16-тъ лѣтъ... Маманъ позволила мнѣ въ первый разъ надѣть совсѣмъ длинное платье... Какъ я была рада! Какая я стала большая, какъ посмотрѣла въ зеркало, а то такую маленькою казалась, точно дѣвочка, просто стыдно!...»

Тавровъ сталъ пропускать многое, и останавливаться на тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ, казалось, болѣе представлялось интереса.

«26-ю ноября... Меня сегодня первый разъ вывели на балъ, какъ большую, читалъ онъ: — Мама говоритъ, что я себя хорошо держала, но что пужно быть скромнѣе, что молодой дѣвицѣ не идетъ выказывать съ перваго же разу смѣлость и бойкость, что это значитъ mal élevée, что, напротивъ, болѣе идетъ застыбчивость. А Наташа спорила съ мамой: говорила, что это ничего, и что это идетъ молодой дѣвочкѣ... Зачѣмъ она меня все еще продолжаетъ называть дѣвочкою и считать маленькою? какъ это досадно! Я ужь теперь не маленькая, а большая. Скажу ей когда-нибудь. Хотя бы при Сергѣѣ не называла...

«...И какъ было весело на балѣ! Зала полная огней, цвѣтовъ, золота, людей и музыки. Какая прелесть, какъ это весело, какъ все это великолѣпно! Еслибы это чаще случалось!... Я танцевала съ Мишей Щ...нымъ, съ графомъ С...скимъ, съ Т., съ самыми лучшими кавалерами. Это все Наташа сдѣлала; мерси ей, моей голубѣ. Она говоритъ, что всѣ нашли меня очень... миленькою. Мнѣ и самой кажется, что я была сегодня, сверхъ обыкновенія, хорошенькою. Бѣлое платье, съ голубой легкой отдѣлкой, и эти двѣ бѣлыя камелии въ волосахъ. Право, это должно было выйдти не дурно. И еще мама подарила серьги, браслетъ и брошку бирюзовне... Какая добрая эта мама!

«4-ю декабря. Варге Мельникова имянница... Былъ вечеръ. Много танцевали. Т. почти со мной одной танцевалъ. Мама сказала мнѣ потихоньку, что всѣ обращаютъ на это вниманіе, что это неприлично, и чтобы я для виду отказала ему нѣсколько разъ. Я исполнила... Но только зачѣмъ смотрѣть на то: обращаютъ ли на насъ вниманіе или нѣтъ?...

Сергѣй Ивановичъ приостановился на этомъ мѣстѣ, повторяя про себя и вдумываясь въ эту фразу, потомъ двинулъ какъ-то слегка удивленно бровями и затѣмъ продолжалъ читать.

«...Вѣдь тутъ нѣтъ ничего дурного. И отчего нельзя танцевать съ кѣмъ хочется? Тогда-то и весело, когда танцуютъ съ кѣмъ нравится. Когда я потомъ сказала это сестрѣ, и она согласилась со мной, и очень смѣялась надъ мамой.

«...Еще чтѣ я замѣтила: какъ это на балахъ всѣ умѣютъ говорить странно, говорить-говорять, кажется и порусски, и понимаешь, а чувствуешь, что ничего не запомнишь, какъ-то все это такъ пусто, что рѣшительно не держится въ головѣ. Какъ это странно!... Т. опять болѣе всѣхъ со мной танцевалъ. Какой онъ хорошенькій.

— Это ужь не на вашъ ли счетъ, Викторъ Сергѣичъ? проговорилъ шутливо отецъ, тонко улыбувшись...

«Мама говоритъ, продолжалъ читать онъ, что Т. очень умный

и богатый. Что же, что богатый? Мы сами богаты... Только я его боюсь. Онъ всегда такой серьезный. Онъ говорилъ, что у него тамъ, въ Петербургѣ, много занятій. Онъ мнѣ даже говорилъ какія, да я не поняла. Нужно спросить у Наташи или у Володи.

«13-го декабря. Отчего это, когда я спросила у Володи Суринскаго, чѣмъ занимается Т., онъ засмѣялся? Что же дурного быть военнымъ? Какой этотъ Володя!

«24-го декабря. У насъ была ёлка для Серёжи. Потомъ танцовали... Я замѣчаю, что мнѣ ужъ не такъ весело бываетъ во время танцевъ, какъ это было первые разы.

«...Т. сказалъ мнѣ комплиментъ. Я почувствовала, что покраснѣла, но въ душѣ мнѣ было... Только, когда я открыла это потомъ Наташѣ, и сказала при Володѣ, что какъ счастливы женщины тѣмъ, что имъ оказываютъ такой почетъ въ обществѣ, и что за ними ухаживаютъ — Володя Суринскій выразился, что это всегда, «когда кого хотятъ лучше обокрасть—того заговариваютъ сладкими словами, или угощаютъ на гривенникъ, чтобы обчиркнуть (какое это у него нехорошее слово!) на тысячи». Тавровъ все это мѣсто отчеркнулъ ногтемъ. «Что онъ хотѣлъ этимъ сказать?»

«27-го декабря. Сегодня мама на меня сердилась за то, что я не умѣю будто бы себя держать при постороннихъ, и говорю все, что думаю. Буду теперь осторожна, чтобы не сердить добрую маму. Но отчего же нельзя говорить всего, что думаешь? Какъ это странно! Вѣдь я, кажется, ничего дурного не думаю...

«1860 годъ.

«1-го января. Новый годъ. Т. поздравлялъ и прощался: онъ скоро ѣдетъ назадъ въ Петербургъ. Теперь я знаю, чѣмъ онъ занимается: онъ хочетъ быть Наполеономъ, полководцемъ. Чего опять смѣялся Суринскій? Не понимаю. Что дурного быть Наполеономъ?... Нѣтъ, ужъ это должно быть у Володи такой нехорошій, злой характеръ. Зависть вѣрно.

«19-го января. Мама говорила, что скоро предстантъ балъ въ дворянскомъ собраніи. Господи, да когда же этому конецъ? ужъ я и измучилась. Это начинается становится скучнымъ... Сегодня балъ, завтра, послѣ-завтра... все балъ и балъ. Главное, что однообразно—вотъ что тоскливо!... Опять эти «черные длиннохвостые попугаи», какъ ихъ, въ самомъ дѣлѣ, справедливо называетъ Володя, будутъ говорить свои умныя рѣчи, отъ которыхъ ничего въ головѣ не остается. Господи, хоть бы книгъ какихъ достать или хоть бы въ деревню скорѣй! Да что книги — и читать-то не хочется: просто скука, сама не знаю отчего...

И что это? всѣмъ въ мои годы нравятся танцы, а мнѣ сейчасъ же надоѣдаютъ: точно я уродъ какой!

«8-го февраля. Не ѣдемъ на балъ—ну, и слава-Богу отчасти:— не съ кѣмъ—таман и Наташа нездоровы, послѣ сегодняшней исторіи. Что это у Наташи было съ Володей? Мама плакала. Отчего отъ меня заперли дверь?... Неужели Наташа несчастлива съ Володей? Онъ такой умный, молодой, красивый, его всѣ такъ уважаютъ. Чего же ей еще не достаетъ?

«10-го февраля. Наташа, кажется, помирилась снова съ мужемъ. По крайней-мѣрѣ, я видѣла, что они, выходя изъ гостиной, поцаловали другъ у друга руку. Какъ это странно! Я думала, что только мужчины цалуютъ у дамъ руки, а женщины — никогда. А впрочемъ, что же тутъ страннаго? Если дамѣ можно поцаловать, то отчего и мужчинѣ нельзя того же сдѣлать? Это, мнѣ кажется, справедливѣе было бы. Я бы, по крайней-мѣрѣ, поцаловала, конечно, еслибы любила.

«Тавровъ рѣзнулъ ногтемъ по этому мѣсту.

«13-го февраля. Сегодня вечеромъ я просила Наташу сказать мнѣ откровенно, какого мнѣнія обо мнѣ Володя. Она засмѣялась, и долго не говорила. Она вѣрно все еще считаетъ меня дѣвочкой. Это просто обидно! Я ей сегодня прямо сказала, можетъ это и глупо: я сказала, что еслибы я была такою дѣвочкой, какою они меня считаютъ съ Володей, то я, напримѣръ, не скучала бы на балахъ, и должна бы все сильнѣй и сильнѣй привязываться къ танцамъ, а со мной, я замѣчаю, случается совсѣмъ наоборотъ. Я и сама не знаю, отчего это. Я умоляла ее сказать: что Володя говорилъ обо мнѣ; я стала ее цаловать... Она сказала, что я буду сердиться; я глялась, что вѣтъ. Она передала, что Володя пока считаетъ меня еще «барышней». Наташа засмѣялась при этомъ. Что же дурного быть барышней?... Потомъ она передавала, что Володя что-то говорилъ ей на счетъ нашего теперешнаго образа жизни...

Тавровъ опять приостановился и вдумался.

— Ты понимаешь, откуда и какимъ это несетъ духомъ? спросилъ онъ у сына.

Тотъ закивалъ утвердительно.

— И я подчеркнул это мѣсто, замѣтилъ онъ, указывая на поля тетрадки.

«Впрочемъ, Володя злой, и тѣтя и всѣ говорятъ qu'il est saustique. Онъ надо всѣми любить смѣяться, это по его глазамъ видно всегда. Онъ и надъ Т. смѣялся... И развѣ я виновата въ томъ, что мы ведемъ такой образъ жизни? Да и что же тутъ нехорошаго? наконецъ, что я должна дѣлать?... Поста-

радусь когда-нибудь вывести его на разговоръ объ этомъ. Вѣдь Володя злой, но умный, всё говорить.

«16-го февраля. А вѣдь Володя вѣрно правъ. Это правда, а я сама чувствую, что все это не то, что мнѣ самой нужно, не то, чего хочется... Отчего эта пустота, эта тоска?»

«18-го февраля. Скука и скука! Мама замѣтила, и спросила: что значить, что я стала задумчивой. Она говорить, что это оттого, что я стала мало выѣзжать. Можетъ быть. Въ самомъ дѣлѣ, что тутъ мудрить, когда у всѣхъ это такъ просто устроивается и другіе же не скучаютъ... Не оттого ли это, что я думаю болѣе, чѣмъ слѣдуетъ? Нужно разсѣяться. Послѣ-завтра мы ѣдемъ опять въ собраніе. И мама хочетъ, чтобы я разсѣялась.

«20-го февраля (Черезъ день). Ну, вотъ и была опять на балѣ. Опять эти знакомыя, обычныя лица и заученныя, какъ говорить, рѣчи и движенія. Опять пустота и скука. Нѣтъ, не поѣду теперь скоро.

«24-го февраля. Мама опять сердилась: зачѣмъ я задумчива. «Это разовѣсть въ тебѣ мечтательность, сказала она: — я этого не желала бы. Это уже погубило мнѣ одну дочь. Я не хочу, чтобы и съ другою случилось то же»... То черзчуръ весела, откровенна — не хорошо; то задумчива — тоже не нужно. Не угодишь никакъ.

«27-го февраля. Скука и скука!

«1-го марта. Вчера я сказала Володѣ, что скучаю. Онъ замѣтилъ, что это его радуетъ, что не скучаютъ, занимался долго однимъ и тѣмъ же, только люди односторонніе, ограниченныя... Такъ ли это? Наташа вообще говорила мнѣ, что Володя какъ-то выразился ей на мой счетъ, что я хоть и «барышня» (смѣшной человѣкъ!), но что я еще молода и изъ меня можетъ выйдти чтонибудь... Что онъ подъ этимъ «чтонибудь» подразумѣваетъ?

«2-го марта. И все-таки тоска и скука!

«10-го марта. Скука и тоска!

«20-го марта. Скука, тоска и опять скука, скука и вѣчная скука. Господи, что это! И еще ко всему этому, мама продолжаетъ сердиться. Хоть бы въ деревню скорѣй...

«Нѣтъ, бросаю писать дневникъ, ничего не выходитъ. Нельзя же, чтобы онъ весь только изъ этого и состоялъ.

«20-го апрѣля. Цѣлый мѣсяцъ не раскрывала дневника. Вчера Володя и сестра у насъ опять обѣдали. Послѣ обѣда, мама ушла спать и мы остались одни. Володя опять меня называлъ «барышней». Мнѣ было очень обидно, я чувствовала. Онъ вѣрно подъ этимъ подразумѣваетъ чтонибудь дурное, потому что го-

ворить всегда это слово презрительно. Я чуть не заплакала и, кажется, наговорила ему много рѣзкаго. Я просила его сказать мнѣ прямо: отчего онъ никогда не хочетъ говорить со мной, какъ съ взрослой, а всегда шутить и относится ко мнѣ, какъ къ дѣвочкѣ; я его также просила сказать мнѣ, что онъ находитъ дурного въ словѣ «барышня» и что, по его мнѣнію, значить это выраженіе. Онъ очень долго смѣялся и сказалъ, что это значить «въ переводѣ на человѣческій языкъ», какъ онъ выразился, *кукла* (какой мужикъ часто бываетъ этотъ Володя, и какъ это вѣжливо говорить такіа вещи въ глаза!), и что будто такая кукла обязана ничего своего не имѣть въ головѣ, повторять только заученое, поступать всегда не какъ хочется, а какъ велѣтъ, и назначать себя въ будущемъ только для того, чтобы почитать счастіемъ сдѣлаться чьею нибудь законною содержанкою, нянькою, прачкою и кухаркою. Онъ при этомъ даже еще хуже какъ-то выразился, да я не поняла его хорошенько... Я не поняла также сразу, что это такое: *содержанка* и спросила. Онъ засмѣялся, покраснѣлъ и сказалъ, что Наташа мнѣ потомъ объяснить, что это значить. Вѣрно, что нибудь очень дурное. Когда мнѣ потомъ Наташа объяснила, я очень удивилась, что есть такіа негодныя созданія, и мнѣ было очень стыдно за всѣхъ насъ, женщинъ. Только какою этотъ Володя, какъ онъ часто неприлично говоритъ!...

«Вечеромъ я ему сказала, что никакъ не могу себѣ объяснить, что общаго находитъ онъ между дѣвушкой, идущею, напримѣръ, по неволѣ замужъ, и такою негодницею, которая идетъ на содержаніе. Онъ замѣтилъ, что это долго объяснять. Я все-таки просила. Онъ сказалъ, что если женщина не умѣетъ сама себя содержать, то въ строгомъ смыслѣ она содержанка — мужъ ли ее содержитъ или любовникъ. Онъ право сумасшедшій!... Но вотъ что удивительно: когда онъ мнѣ это разяснялъ, вѣдь мнѣ и въ самомъ дѣлѣ показалось, что это такъ. Странно что-то. Я этого еще ни отъ кого не слышала... Впрочемъ, можетъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ правду говорить. Что я знаю!... Только вотъ еще что,—какъ онъ любить все порицать, я замѣтила. Никогда онъ ни съ кѣмъ не сходится, всегда думаетъ иначе, чѣмъ всѣ, чѣмъ даже все общество... Впрочемъ, отчего же непременно думать какъ всѣ: у всякаго своя голова.

«24-го апрѣля. Я долго обдумывала всѣ эти дни мой послѣдній разговоръ съ Володей. Сегодня я просила его не называть меня съ этихъ поръ «барышней», что я не хочу этимъ быть; какъ я теперь понимаю — это обидно. Онъ засмѣялся и сказалъ, что для этого прежде всего нужно постараться «смѣть свои сужденія имѣть», не быть никому обязанной и умѣть самой себя со-

держатъ, тогда не будешь сначала содержанкой маменькиной, а потомъ — мужниной.

Тавровъ приостановился.

— Вы компрене? шутливо спросилъ онъ, поднимая глаза на сына. Замѣтно было по лицу, что онъ начиналъ уже злиться:— ферштеензи, чтó это значить? Смысь ничего не отвѣтилъ и потому отецъ продолжалъ читать съ злою усмѣшкой.

«Это правда, какъ это не хорошо жить на чужой счетъ. Какъ бѣдная мамá иногда огорчается и бьется, чтобы намъ доставить чтó нужно — а мы и не понимаемъ этого, не пѣнимъ. Какъ это не хорошо! Мнѣ стыдно, когда подумаю теперь, какъ я напризничала и требовала еще недавно купить мнѣ колье, когда не имѣла на то никакого права. А вѣдь я же сама считаю себя не маленькою, я не Сережа.

«Да, все, чтó говорилъ Володя мнѣ послѣдній разъ — правда, суцая, еуцая правда, какъ я теперь понимаю. Какъ я благодарна ему, что онъ мнѣ разъяснилъ. И какъ это просто; какъ я сама до этого не додумалась? Вѣрно, ужъ и то правда, чтó онъ говорилъ насчетъ того, что если жена хочетъ быть вѣкъ любимою мужемъ, то чтобы жила своими средствами. Онъ говоритъ, что въ большинствѣ случаевъ, потому-то у насъ всѣ и несчастливы въ семейной жизни, что не слѣдуютъ этому правилу. И какъ это мы женщины такъ мало самолюбивы, что не видимъ этого!... Подумаю еще...

«У Наташи опять была ссора съ Володей. Какъ это убиваетъ бѣдную маму!

— И замѣть, оговорилъ отецъ, приостанавливаясь читать на минуту: — замѣть это попеченіе о благоустройствѣ чужаго счастья, когда своего не умѣютъ спать. Это знаменательно.

«27-ю апрѣля. Мамá опять спрашивала: отчего я задумчива. Я сказала, что и сама не знаю, что тоска беретъ. Она замѣтила, что это отъ того, что я бросила заниматься музыкою. Совсѣмъ не отъ того. Музыка меня только всегда возбуждаетъ (лучше не умѣю выразиться), я это замѣтила, и никогда не удовлетворяетъ вполне... Да и можетъ ли еще она вполне удовлетворить когонибудь? Вѣдь она только для сердца, Володя говоритъ, а для ума — ничего. И мнѣ кажется, что это только вполонину. Впрочемъ, не знаю.

«30-ю апрѣля. Сегодня былъ такой случай: Наташа увидѣла мой дневникъ и очень удивилась, что онъ у меня есть (я ей никогда не говорила, что пишу его), она стала просить, чтобы я ей показала. Я долго не рѣшалась: мнѣ было очень совѣстно. Потомъ позволила. Она прочтала, и стала задумчиво въ меня вглядываться. Она еще такъ странно на меня никогда не смо-

трѣла. Это меня очень удивило. Я просила ее сказать, отчего она такъ странно на меня смотреть. Она не сказала, а только предупредила, что она виновата передо мной (въ чемъ?) и что съ этихъ поръ она не будетъ уже меня считать дѣвочкою... Я вообще замѣтила, что она перемѣнилась послѣ этого въ обращеніи со мной. Чтѣ же такое она здѣсь нашла? Она хотѣла его у меня взять, чтобы показать Володѣ, но я ни за что не согласилась.

«3-го мая. Мама дала мнѣ прочесть новый хорошій романъ: *Рудинъ*. Я прочла. Мнѣ понравилась Наташа въ этомъ романѣ: она такая рѣшительная. Я тоже такъ поступила бы, мнѣ кажется. Впрочемъ, не знаю. А какой этотъ Рудинъ нерѣшительный, точно не мужчина.

«8-го мая. Т. въ Москвѣ и былъ у насъ. Она съ Володей, кажется, не любятъ другъ друга. Володя всегда такой насмѣшникъ, я уже не вытерпѣла, вступилась потомъ за Т. и спросила Суринскаго, чтѣ онъ находитъ дурного въ томъ, что тотъ посвятилъ себя этого рода занятію, что туда идутъ все хорошіе люди. Онъ опять, по своему обыкновенію, цинически засмѣлся и какъ-то вульгарно выразился. Да, онъ сказалъ: «и липа дерево не дурное, да почти нигде негодное — оттого болѣе и идетъ на лапти и рогами». Какія у него выраженія!»

Тавровъ взглянулъ на сына черезъ столъ съ полусутлавою, полуслою улыбкой:—Это ужъ называется не въ бровь, а прямо въ глазъ, замѣтилъ онъ на послѣднее выраженіе Суринскаго: — нельзя, передовые... Сынъ кивнулъ ему дружески головою и презрительно улыбнулся.

«13-го мая. Недавно я его спросила: чтѣ мнѣ читать. Онъ сказалъ: «чего не знаете». Я призналась, что многого не знаю. Володя замѣтилъ, что это очень нехорошо. Мнѣ было очень стыдно. Онъ такъ обидно смотрѣлъ на меня при этомъ. Когда, съ недѣлю тому назадъ, онъ засталъ меня разъ за чтеніемъ, онъ спросилъ меня: чтѣ я читаю. Я сказала, что романъ. Онъ замѣтилъ: «охота вамъ читать такіа глупости, когда сами же вы сознаетесь, что не знаете многого болѣе нужнаго». У него всегда что-нибудь оригинальное... Отчего романы глупость? Они всѣмъ такъ нравятся. Развѣ можетъ быть глупостью тѣ, чтѣ всѣмъ нравятся, если глубже взглядѣться? Это что-то ужъ не то... И отчего когда онъ узналъ, что я читаю романъ Жоржъ-Занда, онъ выразился, что это «узкая писательница»? Какже, а всѣ говорятъ, что Жоржъ-Зандъ передовая писательница? У Володи, я вижу, это уже болѣзнь—со всѣми несогласаться.

«Наташа объяснила мнѣ потомъ, почему ея мужъ считаетъ Жоржъ-Зандъ узкой писательницею. Онъ находитъ, что она от-

становится только право женщины свободно любить, а свободны женскаго труда, свободны общественнаго положенія и равенства правъ женщины въ обществѣ на все остальное — этого она не рекомендуетъ, за это не бьется, дальѣе не идетъ.

Тавровъ въ шутку шибко занюхалъ въ пальцы, какъ-бы желая показать, что чувствуетъ что-то острое.

«Можетъ, Володя и правъ. Признаюсь, я все это еще не хорошо понимаю; только мнѣ и самой кажется, если просто смотрѣть на вещи: почему женщина не имѣетъ права пользоваться всѣмъ этимъ наравнѣ съ мужчиной? Это несправедливо, это оттого вѣрно, что мужчины сильны — и пользуются этимъ превосходствомъ. Такъ и Володя говорить. Разумѣется, оттого; я думала объ этомъ. Какъ это низко!

— Вотъ они, цвѣтки-то, сказалъ Сергѣй Иванычъ, не отрываясь и продолжалъ читать.

«16-ю мая. Мама объявила, что мы въ этомъ году, въ концѣ мая, ѣдемъ въ деревню — значить, черезъ нѣсколько дней. Наташа тоже поѣдетъ. Какъ это будетъ весело! А Володя не поѣдетъ. Я слышала, сегодня татапа говорила, что она считаетъ необходимымъ, чтобы Наташа съ мужемъ разсталась на время. Зачѣмъ это?... Но слава-Богу, что ѣдемъ-таки! Хоть тамъ нельзя ли будетъ разсѣяться.

«Да, я забыла записать, у насъ обѣдалъ на дняхъ товарищъ Володя—литераторъ М. изъ Петербурга. Какое у него неприятное лицо, а какой умный, какъ онъ говорить! Какъ онъ и Володя хорошо спорили съ дядей Николаемъ изъ-за насъ, женщинъ, когда зашла рѣчь. Я готова была ихъ обонхъ расцаловать, хотя этотъ М. такой и противный съ виду. Какъ этотъ М. вѣрно понимаетъ женское сердце! Какъ я въ душѣ радовалась, когда онъ такъ хорошо сказалъ дядѣ, что его «узкій, убогій взглядъ» (какъ дядѣ неприятно было слышать это, какъ я замѣтила) на назначеніе женщинъ долженъ напоминать всякому взгляды старинныхъ русскихъ сборниковъ, въ родѣ Домостроя, которые толковали, что женщина есть существо «нечистое, смрадное, немощное, неумное»... Какъ это глупо со стороны дяди, въ самомъ дѣлѣ. Точно мы живемъ въ XVI, XVII вѣгѣ. Какъ я рада была, когда послѣ Наташа и татапа захлопали М. и стали смѣяться надъ дядей. Какъ дядя злился, такъ ему и нужно!.. Только какъ жаль, что я не поняла многого изъ того, о чемъ они потомъ съ Володей спорили. Нужно будетъ Наташу спросить. Чтò это такое: субъективность и объективность, на которыя они все напирали въ разговорѣ о насъ?

«21-ю мая. Наташа сказала, что Суринскій велѣлъ передать мнѣ: зачѣмъ я читаю все французскіе романы, да еще такіе плохіе,

какъ графини Дашь, Апара и Фелье; что между русскими можно въ этомъ отношеніи найти не хуже, что тѣ романы даже не могутъ быть мнѣ понятны, вѣроятно, такъ-какъ я не могу знать французской жизни, что они будутъ даже мнѣ положительно вредны, такъ-какъ, поставленная въ необходимость жить подъ условіями другого общества, я только буду напрасно «раздражать себя насчетъ такихъ блюдъ, которыхъ мнѣ никогда не придется ѣсть» (это его собственныя слова, передавала Наташа), что это вредно, такъ-какъ развиваетъ мечтательность и «зудъ» (какія у него всегда выраженія!) къ неосуществимому. Онъ находитъ, что русскіе хорошіе романы мнѣ полезнѣе, чтобы я читала Тургенева или недавній романъ Гончарова. Что они — каковы бы ни были—хоть и не Богъ-знаетъ что (какъ онъ все любить унижать!) — но могутъ научить русскаго человѣка любить. Онъ и не знаетъ, что я уже все это прочла. «Научить любить!» Какъ это смѣшно. Мнѣ кажется, тутъ ужъ Володя ошибся: развѣ можно научить любить, развѣ это не особенная способность сердца, которой можетъ и не существовать въ человѣкѣ? Развѣ слѣпорожденнаго можно научить видѣть, самъ же онъ недавно такъ выразился?... А у кого есть эта способность, тотъ и безъ ученія обойдется. Но это правду онъ говоритъ, что мы, русскія дѣвушки, не умѣемъ любить, и насъ нужно этому еще учить. И мнѣ всегда тоже казалось, глядя на подругъ, какъ онѣ легко къ этому всегда относятся... Впрочемъ, я сама никогда не любила и потому, можетъ быть, не имѣю права пока разсуждать объ этомъ. Неужели и я не съумѣла-би любить?— какъ это страшно подумать!.. Ну, а «русскіе» мужчины умѣютъ ли любить? — тоже нѣтъ.

«29-го мая. Вотъ мы и въ деревнѣ наконецъ...»

— И прекрасно, сказала полусмѣливо, полусерьѣзно Сергѣй Ивановичъ, отрываясь отъ чтенія и выпрямляясь на стулѣ:—тутъ мы можемъ остановиться. — Онъ загнулъ уголъ тетрадки:—остальное когда-нибудь послѣ. Спать пора—третій часъ. И онъ всталъ.

Но сыну, разумеется, не того отъ отца хотѣлось, и потому онъ устремилъ испытующій взглядъ на старика, какъ-бы стараясь разгадать, какое впечатлѣніе вынесъ старикъ изъ этого чтенія... Отецъ и самъ, кажется, угадалъ.

— Ты желалъ знать мое мнѣніе? спросилъ онъ.

Викторъ дружески вивнулъ головою.

— Объ ней... Онъ слегка хлопнулъ рукой по дневнику, какъ-

бы и въ самомъ дѣлѣ признавая этимъ жестомъ, что здѣсь ^ввсѣ Ольга, въ этомъ дневникѣ. — Объ ней ничего не скажу... Но я тебѣ давеча совѣтовалъ ковать желѣзо пока горячо. Теперь я тебѣ скажу только: куй, да всматривайся, хорошенько всматривайся, можно сильно обжечься... А лучше, лучше... если можно... Впрочемъ, нѣтъ, взявъ за руку сына, поспѣшно прибавилъ онъ:— я не мѣшаюсь... ты имѣешь полное право имѣть на это свои взгляды... Только еще разъ спрошу тебя: знаешь ли ты ее?

На этотъ разъ Викторъ уже не сдѣлалъ той пренебрежительной и, пожалуй, даже презрительной мины, какую позволялъ себѣ выкинуть, когда они ѣхали часовъ съ пять тому назадъ въ фатонѣ. Онъ и самъ былъ теперь полонъ недоумѣнія. Дневникъ раскрывалъ ему такія новинки, что онъ долженъ былъ сознаться въ необходимости вдуматься, всмотрѣться хорошенько во многое, а пока признать въ душѣ, что онъ Ольги совсѣмъ не знаетъ, какъ воображалъ до сихъ поръ.

— Ну, а все-таки, чтѣ ты объ ней думаешь? спросилъ онъ отца, не вытерпѣвъ-таки.

— Чтѣ?... Сергѣй Ивановичъ уставился на мгновеніе въ раздумьѣ на огонь. — Ничего, да и какъ сказать, вѣдь мы еще не кончили всего дневника. Все это очень и невинно, и ничего тутъ нѣтъ дурного, предосудительнаго, но я во всемъ этомъ вижу одно, что духъ теперешняго времени, тлетворное дыханіе этой повсемѣстной заразы, успѣли пустить свои корни глубже, чѣмъ можно подумать это съ перваго раза; ядъ проникъ въ самыя, такъ-сказать, тонкія периферіи общественнаго организма, въ самыя, повидимому, чистыя, невинныя, неспорченныя еще созданья; даже они не могли уберечься отъ этого. Ужасное время! — Онъ и тутъ-таки остался вѣрнѣй себя. — И это повсемѣстно, на это наткнуешься на каждомъ шагу. Я сейчасъ у Оглобинныхъ видѣлъ то же самое, не говорю на большомъ болванѣ — это уже отпѣтый народъ, а на дѣвушкѣ, только что вышедшей изъ института... Впрочемъ — тутъ онъ опять слегка ударилъ по дневнику — удивляться нечему, если знать, чтѣ такое самъ этотъ «Володя», какъ она его наивно называетъ. Сергѣй Ивановичъ горько улыбнулся. Онъ уже начиналъ опять вычитаться. — И ты замѣтилъ? — опять легкій взглядъ на дневникъ, — она чуть не молится на него. Вѣдь это въ Москвѣ звѣстный коноводъ... Мальчишки въ гимназіяхъ такъ за нимъ и бѣгаютъ, у другихъ и учиться не хотятъ... Самый модный въ настоящее время учитель-естественникъ въ цѣлой Москвѣ! Гимназіи на расхватъ приглашаютъ. Министръ публично руку ему

подавъ за что-то въ послѣднее посѣщеніе Москвы. А директоровъ не удостаиваютъ такой чести, замѣтъ! Вотъ до чего можетъ дойти російскій прогрессъ!... А этотъ господинъ Суринскій, я тебѣ скажу, ни болѣе ни менѣе, какъ въ Лондонѣ, въ Брюсселѣ, да въ Женевѣ, чортъ его знаетъ, затѣмъ цѣлый годъ прожилъ недавно, съ В. Гюго *амикошонствуетъ*, — ей-богу, ей-богу, поспѣшно прибавилъ Сергѣй Иванычъ, замѣтивъ тѣнь недоумѣнія на челѣ у сына: — какъ же, какое-то новое стихотвореніе тотъ ему посвящалъ «въ память пріятныхъ часовъ, проведенныхъ вмѣстѣ», какъ было напечатано. Ишь, какъ невинно!... Карлъ Фогтъ, Карлъ Фогтъ, извѣстный атеистъ, одинъ изъ столбовъ современнаго безбожія, матеріализма — Карлъ Фогтъ, изволите ли видѣть, далъ лестный отзывъ о *изъ*, володнѣйшихъ, занятіяхъ... Онъ сдѣлалъ злую гримасу губами: — у какой-то букашки стимулъ новый въ мозгу, какіе-то узлы, что ли, извоили открытъ... Академія одобрила... Ну, и, конечно, министру нельзя же было не подать руки. Le barbare будетъ, если не подастъ... А того и не хотятъ видѣть, что — я голову даю на отсѣченіе — если онъ не членъ какаго-нибудь кружка всесвѣтныхъ революціонеровъ...

Тутъ Сергѣй Иванычъ, съ особенною горячностью, велегрѣчиво распространился о духъ неспокойства, жадѣ личной горюхн, духъ честолюбія и о всемъ томъ, что обыкновенно ставится у людей, подобно ему озлобленныхъ и скудныхъ фантазіей, — атрибутомъ, никому невѣстнаго, кромѣ ихъ самихъ, чина какаго-то всесвѣтнаго революціонера, каковымъ, по мнѣнію Таврова, непременно долженъ былъ обладать Суринскій открывъ, какіе-то «узлы въ мозгу букашки».

Даже сыну показалось это смѣшнымъ...

Черезъ нѣсколько минутъ Сергѣй Иванычъ уже не было въ комнатѣ: онъ отправился спать. Но самъ Викторъ не могъ вытерпѣть — его самолюбіе было сильно подстрекнуто угрозами Ольги на его счетъ, и онъ съ прежнею жадностью опять принялся отыскивать въ толстомъ дневникѣ мѣста, до него относившіяся.

Что онъ прочиталъ или, по крайней мѣрѣ, что онъ нашелъ тамъ относящагося до него, мы узнаемъ объ этомъ впоследствии. Мы будемъ отрывать это читателю понемногу...

IX.

Пока они спятъ, мы поговоримъ нѣсколько о нихъ. А прогосъ, біографія Сергѣя Ивановича.

Самъ Сергѣй Ивановичъ въ молодости воспитывался въ какомъ-то благородномъ пансіонѣ въ Москвѣ, побывалъ въ университетѣ и вышелъ въ жизнь, какъ часто случается съ молодыми людьми, безъ всякой опредѣленной мысли о той дорогѣ, которую придется избрать въ жизни. Впрочемъ, времени впереди казалось довольно. Хотѣлось пожить. Родители не очень доѣзжали его побужденіями избрать что нибудь опредѣленное, благо жила хорошо, и большія траты сына не тяготили ихъ. То было время наивысшаго развитія крѣпостничества, когда дворяне, обладавъ избыткомъ средствъ въ жизни, не считали еще необходимымъ непременно наряжаться въ казенный мундиръ, ища въ службѣ матеріальнаго подспорья. Тавровъ прожилъ безъ дѣла уже цѣлыхъ четыре или пять лѣтъ въ Москвѣ и прожилъ пресвесело. Онъ пилъ жизнь полною чашей, какую давала у насъ еще недавно молодость и избытокъ средствъ, и не засматривался впередъ. Это былъ тогда грудастый, здоровый, краснощокій, такъ что становилось даже завидно глядя на него — рослый и ловкій юноша. «Успѣю еще, думалъ онъ, вотъ съ годикъ поужуру, а тамъ, если уже нужно будетъ поступить на службу, опредѣлюсь куда нибудь въ Петербургѣ. Вотъ кстати у папѣ есть кто-то родичъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Вотъ бы куда нибудь этакъ... аташе недурно бы! Протекція есть... университетскій... верну потерянное».

Но случилось обстоятельство, толкнувшее его на дорогу, по которой, правду говоря, онъ всего менѣе прежде думалъ идти, а потомъ, попавъ на нее, свыкъ и послѣ даже не имѣлъ причинъ сожалѣть. *L'homme propose, Dieu dispose!*

Въ половинѣ тридцатыхъ годовъ въ Москвѣ случилась исторія, надѣлавшая много шума, подобно тому, какъ и впоследствии было нѣсколько такихъ же примѣровъ. Сочинилась между передовою молодежью пирушка. Кутили у кого-то изъ товарищей. Подпивъ, какія-то пѣсни пѣли, много говорили... Объ этомъ узнали. Время было строгое: іюльская революція была въ свѣжей памяти, съ польской только что у себя дома покончили; дѣло Фіески всѣхъ занимало. Смотрѣли въ оба. Молодежи впервые стали серьезно недоувѣрять; въ университетахъ опять принимались чрезвычайныя строгости, вспоминались времена Магницкаго: требовали, чтобы студенты всегда ходили по формѣ, отдавали на улицѣ честь военнымъ, навѣщали церковь по воскресеньямъ, изъ богословія предѣльный балъ на экзаменахъ возвышень. Видно опасность была... Наконецъ добрались и до неслужащихъ. Приказано было требовать, чтобы молодые люди служили, внушать, какъ неприлично дворянину не служить. Мо-

сковскій генерал-губернаторъ, встрѣчая Таврова на всѣхъ блестящихъ балахъ столицы, любясь его дѣйствительно тогда красивою осанкой и зная его съ хорошей стороны черезъ различныхъ его тетюшекъ (а ихъ у него въ Москвѣ, какъ у каждаго порядочнаго джентльмена, было не мало), милостиво, но тонко и безобидно, раза два или три въ разговорѣ съ нимъ далъ ему понять, какъ необходимо было бы и ему исполнить волю высшаго правительства, избравъ что нибудь опредѣленное, даже любезно предложилъ ему числиться у него въ канцеляріи. Но Тавровъ жилъ тогда весело, онъ былъ на зенитѣ своихъ успѣховъ, влюбляя въ себя мазуркою поочередно чуть не весь московскій бомондъ, и потому не торопился исполнить намекъ градоправителя. Послѣдній не настаивалъ, такъ-какъ говорилъ это Таврову только такъ, болѣе изъ доброжелательства, между прочимъ, встрѣчая его на балахъ, и вслѣдъ затѣмъ за многотрудностью служебныхъ дѣлъ и слабостью памяти, тотчасъ же забывая и о самомъ существованіи Таврова до слѣдующаго какаго нибудь большаго бала или вечера. А тутъ еще любовь замѣшалась: Тавровъ только что познакомился съ будущею своею невѣстой.

Не болѣе, какъ мѣсяца черезъ два послѣ послѣдняго подобнаго разговора на раутѣ, у извѣстной тогда въ Москвѣ писательницы и вѣтреницы графини Z., генерал-губернаторъ давалъ большой балъ у себя по случаю посѣщенія столицы очень высокою *особою*. На балѣ особа была очень въ духѣ и милостиво допустила, чтобы ей представили многихъ и немѣвшихъ право на эту честь. Особа оставалась на балѣ долѣе обыкновеннаго. Тавровъ былъ замѣченъ въ мазуркѣ. Особа спросила его фамилію у градоначальника, ходившаго весь вечеръ за гостемъ съ огромною блестящею толпою генераловъ и адъютантовъ, справилась объ его службѣ, и узнавъ о томъ, что онъ нигдѣ не служитъ, потребовала его къ себѣ и милостиво, съ милой улыбкой, но и съ отѣнкомъ строгости на своемъ дѣйствительно прекрасномъ, мужественномъ лицѣ, сказала ему, что танцуетъ онъ хорошо, но что «дворянину нужно служить и служить». Еще спросила его, родственникъ ли ему — свой губернсскій предводитель (это былъ его отецъ) и гдѣ онъ воспитывался и почему не служитъ. Тавровъ почтительно, съ заморающимъ сердцемъ, на послѣднее тихо отвѣтилъ, что не успѣлъ еще выбрать рода службъ. Тогда ему сказали, что онъ съ виду «молодецъ, молодецъ!» и потому долженъ служить въ военной службѣ, въ гвардіи. Потомъ позволили ему идти. Это вообще было время, когда гражданская служба была, такъ-сказать, въ загонѣ, ее не считали очень по-

лезною для государства; ее, такъ-сказать, терпѣли только, и она мало представляла шансовъ для карьеры. Потому-то въ военной службѣ тогда привлекались самыя лучшія силы образованнаго общества, почти вся интеллигенція народа. Ну, и быть тогда офицеромъ—было дѣйствительно хорошо.

Нужно было повиноваться. Тавровъ сталъ военнымъ. Вскорѣ онъ женился, черезъ годъ у него родился сынъ Викторъ, уже извѣстный намъ. Тавровъ очень счастливо въ нѣсколько лѣтъ выслужился, и по смерти отца, будучи еще молодымъ уланскимъ полковникомъ гвардіи, вышелъ въ отставку, чтобы заняться хозяйствомъ... Тутъ онъ овдовѣлъ... Тамъ началось его предводительство, почти безсмысленное въ теченіе многихъ трехлѣтій.

Тавровъ и тутъ успѣлъ выдаться и хорошо поставить себя. Образованіемъ онъ дѣйствительно былъ выше другихъ (тогда университетскихъ вообще было еще мало), уже тогда выписывалъ гibelъ иностранныхъ журналовъ и газетъ, много читалъ, первый завелъ у себя молотилки и хозяйственныя улучшенныя машины, въ бытность въ Петербургѣ даже записался въ члены вольно-экономическаго общества и почитывалъ тамъ публично свои рефераты о трехпольномъ хозяйствѣ, разведеніи клевера, и проч.; словомъ, всѣмъ внушилъ къ себѣ, не совсѣмъ безъ основанія, то уваженіе, основанное на страхѣ, которымъ такъ легко дарить у насъ въ провинціи бѣднѣйшія, недалнѣйшія и необразованныя помѣщики — богатаго, повидимому, умнаго и сколько нибудь образованнаго собрата.

Подошла крестьянская реформа. Тавровъ, по званію предводителя, попалъ въ губернской комитетъ. Больно было его сердцу помириться съ мыслию, что нужно разстаться со всѣмъ порядкомъ, посреди котораго такъ сладко жить. Тѣмъ не менѣе нужно было покоряться неизбежности. Онъ понялъ, что подуло новымъ духомъ, и что тотъ менѣе потеряетъ, кто подчинится общему теченію и станетъ впереди. Въ комитетѣ онъ сказалъ такую рѣчь въ оправданіе необходимости отказаться отъ личнаго выкупа, что мелкихъ помѣщиковъ даже покорило, когда они узнали. Прослылъ онъ краснымъ.... Но при дальнѣйшихъ занятіяхъ, при обсужденіи проекта крестьянскаго надѣла, началъ онъ тормозиться. Это уже было выше его силъ. Онъ пока только слегка старался оспаривать подобное право «въ принципѣ», говоря, что право на землю неоспоримо принадлежить помѣщику. Не послушались. Тѣмъ не менѣе, многимъ это пришлось по вкусу. Послали его въ столичный комитетъ — а тамъ онъ наткнулся на людей, солидарныхъ съ нимъ по этому вопросу. Въ числѣ подававшихъ въ комисію особое мнѣніе, въ которомъ признавалось

вреднымъ для государства и несправедливымъ по самому существу дѣла надѣленіе освобождаемыхъ землею, оказался и нашъ знакомецъ Тавровъ. По случаю разногласія своего въ этомъ взглядѣ съ правительствомъ, они просили увольненія ихъ отъ занятій въ комисію. Предсѣдатель обмѣнялся съ ними длиннымъ письмомъ, въ которомъ вѣжливо пожалѣлъ, что лишается такихъ «опытныхъ и полезныхъ» сотрудниковъ. Тѣмъ не менѣе ихъ, это «меньшинство», сбили, по просту говоря..... Многие смирились. Тавровъ не уgomонился. Въ Берлинѣ у Бэра, въ Лейпцигѣ у Брокгауза, время отъ времени, стали появляться анонимныя брошюры, въ родѣ: *Нѣчто о крестьянскихъ надѣлахъ, Замѣчаніе на труды редакціонной комисіи по крестьянскому вопросу, а послѣ освобожденія крестьянъ: Будущность Россіи и русское дворянство, Мелкіе или крупныя собственники?* и наконецъ еще недавно: *О пользѣ высокоаго ценза, О вредѣ демократизаціи Россіи* и т. д. Молва указывала на Таврова какъ на автора ихъ. Онъ дѣйствительно переписывался и ѣздилъ въ Петербургъ навѣщать коноводовъ самой консервативной помѣщичьей партіи. Его встрѣчали съ радостію, ласкали и ссужали деньгами, вида въ немъ дѣятельнаго, неистощимаго и полезнаго для своихъ цѣлей человѣка. Во всѣхъ названныхъ брошюрахъ онъ постепенно, мало-по-малу, проводилъ одну и ту же мысль. Его образъ мыслей и убѣжденій начиналъ принимать строго-опредѣленный оттѣнокъ. Читатель уже знаетъ, какой это именно оттѣнокъ.

И сынъ удался. Сергѣй Ивановичъ былъ человѣкъ, какъ видѣть читатель, хотя и странный, но далеко недюжинный и хорошо образованный. На воспитаніе сына онъ тратился щедро. Понимая, что новое время требовало многоаго, онъ подстрекалъ сына продолжать учиться и послѣ выхода изъ той военной школы, гдѣ воспитывалъ его и гдѣ только брали деньги и плохо учили, совѣтовалъ читать, пополнять свое образованіе..... При твердой волѣ все устроилось какъ нельзя лучше. На второй годъ службы, онъ далъ сыну возможность приготовитьсь въ какую-то академію, прослушать отлично курсъ, а потомъ побывать за границей..... И старанія его не пропали даромъ. Сынъ значительно развился, у него явились кое-какія наклонности, своя специальность, любовь, даже страсть къ ней.

Молодой Тавровъ былъ теперь бѣлокурый, тонкій, красивый молодой человѣкъ. Кроткіе, изъ-сѣра голубые глаза и взбитые вверхъ пушистые усики придавали его лицу кроткую доброту и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторую дозу легкаго военнаго шика, такъ иногда идущаго молодому красивому лицу. Онъ свободно говорилъ по нѣмецки и по французски, держался непринужденно, но

всегда съ какою-то самоуважающею важностью, точно будто хотѣлъ сказать: «я себя знаю цѣну», точно готовился по крайней мѣрѣ въ министры. Онъ и пошутить иногда, и посмѣется, и вольность позволить себѣ сдѣлать, а во всемъ этомъ такъ и видно, что до этого онъ выходитъ только такъ, между прочимъ, а главное, главное все-таки при немъ, все-таки у него въ головѣ.

Въ министры, правда, онъ не мѣтилъ. У него былъ свой конекъ и онъ былъ въ своемъ родѣ личность типическая.

Изъ всякой складочки его щегольскаго, всегда брунстовскаго сюртука, такъ казалось и пахло военщиной. Это уже стало его жидкомъ..... Но, не думайте, это не былъ смрадный запахъ милитаризма стараго, казеннаго, помѣшаннаго только на шагистикѣ.

Нѣтъ, это была эссенція новая, какую еще только недавно стали вырабатывать нашъ прогрессъ — утонченная, воспитанная на строгой методичности и глубокомыслии нѣмецкихъ стратегиковъ и вытощенная кровнымъ французскимъ, зуавскимъ шикомъ. Квартира его въ полку всегда была украшена портретами разныхъ Тюреней, Вобановъ, Сципионовъ и Наполеоновъ. Полки библиотеки ложились подъ тяжестью фолиантовъ по военной исторіи. Одинъ военный журналъ седьмой уже мѣсяцъ печаталъ его глубокомысленное изслѣдованіе по части стратегіи у древнихъ и новыхъ народовъ, въ которомъ Тавровъ цитировалъ подлинники у Гомера..... да, да, не улыбайтесь, читатель! — у Гомера, Ксенофонта, Плутарха, Цезаря, Дюрера, Маккиавели, Густафа-Адольфа, Монтекукули, Тюрпень-де-Кресси, Фридриха II, Суворова, эригерцога Карла, Наполеона, Клаузевица, Жюмни, барона Медема, Данилевскаго, Базанкура и г. Лебедева. Какова эрудиція — то? Тавровъ былъ даже, между нами говоря, на профессуру. Когда нибудь Россія, вѣроятно, будетъ ему обязана рядомъ блестящихъ лекцій, или побѣдоносною кампаніею, если только какой нибудь военный Висмаркъ не разстроитъ на первыхъ же порахъ всѣхъ его глубокомысленныхъ соображеній какимъ нибудь невѣжливымъ и преждевременнымъ шокомъ. Гдѣ, въ какой войнѣ, какая повозка прошла, гдѣ въ горной войнѣ оселъ какой прошелъ, а особенно, гдѣ такіе два осла встрѣтились, гдѣ это, сколько, кого уложилъ въ какой войнѣ—все это ему доподлинно было извѣстно. И это чуть не начиная съ драки библейскихъ Каина и Авеля и до нашихъ дней. Отецъ такъ и считалъ его будущимъ начальникомъ штаба, и съ затаеннымъ восторгомъ всегда рассказывалъ всѣмъ и каждому, какъ Викторъ, въ бытность въ Парижѣ, по окончаніи академіи, хлопоталъ быть представленнымъ русскимъ военнымъ агентомъ маршалу Мак-Магону, и какъ Мак-Магонъ подаль его сыну руку, сказавъ, что «tous les militaires sont

les confrères», и пригласилъ къ обѣду, и какъ Викторъ спорилъ съ намъ за обѣдомъ о послѣдней итальянской кампаніи, критикуя напавалъ дѣйствія Гюлая подъ Маджентой и предупреждая, что «съ нимъ этого не случилось бы». Вѣроятно, отецъ не вралъ, потому что и самъ Викторъ Сергѣевичъ любилъ иногда, рассказывая что нибудь, начинать: «когда я разъ обѣдалъ у маршала.....» Впослѣдствіи, въ бытность въ Брюсселѣ, онъ почелъ долгомъ засвидѣтельствовать свое глубочайшее уваженіе Шарассу, какъ автору *Кампаніи 1815 года* (воображаю удивленіе честнаго Шарасса), и съ сожалѣніемъ вспоминалъ, что онъ не нашелъ въ немъ, какъ ожидалъ, и тѣни этого пылу, огня, этого *furie militaire*, какъ въ Мак-Магонѣ. «Точно онъ и не военный» добавлялъ онъ съ сокрушеніемъ.

И любилъ же онъ свое дѣло горячо — нужно правду сказать! Какихъ только проектовъ ни предлагалъ онъ. Совѣтовалъ пѣхоту учить въ мирное время дѣлать суворовскіе переходы по 100 верстъ въ сутки; утверждалъ, что на маневрахъ слѣдуетъ пѣхотѣ употреблять противъ кавалеріи боевые патроны, доказывая, что если и будетъ неудобство въ томъ, что окажутся убиты и искалеченные, то за то на войнѣ-то сторнцемъ вознаградится: наша конница не будетъ трусить огня пѣхотныхъ каре. Это уже называется дойти до зенита любви къ своему искусству! А методичность какова! Память его была напичкана пренинтереснымъ матеріаломъ. Онъ зналъ исторію самаго ничтожнаго тринчика подъ сумой у солдата и могъ ежеминутно описать вамъ на память длину его, ширину и цвѣтъ сравнительно въ итальянской, испанской, бельгійской, австрійской, прусской, французской, шведской, персидской, и пожалуй, тунисской и японской арміяхъ. И все это, замѣтьте, съ любовью, съ чувствомъ, пожалуй, тоже съ нафосомъ. Презамѣчательные люди!... Послѣ этого онъ имѣлъ полное право смотрѣть на весь остальной міръ нѣсколько свысока.

И по службѣ у него все шло хорошо. Старикъ Теленевъ не даромъ, въ самомъ дѣлѣ, завидовалъ ему. Въ полку онъ слылъ за догу по части устава и службу тянулъ примѣрнѣйшимъ образомъ, даже шикую педантизмомъ. Носомъ онъ вытягивалъ передъ взводомъ даже послѣ того, какъ уже всѣ оставили эту журавлиную методу маршированія; ни у кого каска не сидѣла такъ глубоко на ухахъ, какъ у него; фуражка его стояла какимъ-то уродливѣйшимъ, высокимъ разрубомъ, на манеръ стариннаго будочническаго кивера. Извѣстно, что въ нѣкоторомъ военномъ кружку такой формы напки считаются удивительнымъ шикомъ. Будущее свѣтилось Таврову самымъ пріятнымъ свѣтомъ. Начальники не могли нахвалиться имъ. Отецъ то и дѣло справлялся и не безъ основанія

ожидалъ, что вотъ-вотъ, да и дадутъ Виктору, даже помимо старшихъ, шефскую роту, а вѣдь это — годъ, два, да въ счастливую минуту, въ шефскій праздникъ — и флигель-адъютантъ! «То-то будетъ молодецъ Викторъ?» думалось отцу.

Но старникъ Тавровъ на этомъ не останавливался. Правду сказать, онъ вообще только уступалъ сыну, когда не особенно спорилъ, замѣчая вдругъ обнаруживавшуюся въ немъ военную жилку. У Сергѣя Ивановича была своего рода гордость, своего рода традиція — что Тавровы почти никогда не были просто фронтовыми служаками и только. Онъ полагалъ, что во фронтѣ, сыну можно оставаться только теперь, пока онъ еще молодъ, пока не возьметъ всего, что только можно взять въ этомъ полку. На самомъ же дѣлѣ ему хотѣлось, какъ только станетъ подыматься въ чинахъ сынъ, перевести его куда нибудь въ штабъ, гдѣ бы онъ могъ, въ случаѣ надобности, свернуть на гражданскую дорожку, или на какое нибудь другое, болѣе видное поприще. «Военнымъ, доказывалъ онъ сыну, военнымъ — тутъ ты видишь только когда война. Ну, а какъ война не будетъ долго? со страхомъ задавалъ онъ вопросъ — и сиди. Что ты тамъ мѣтишь въ профессоры или хоть въ начальники штаба? пустяки, никто тебя и знать не будетъ, кромѣ тѣснаго кружка своихъ. А тутъ ты дѣятель, тебя вся Россія видитъ, — знаетъ... Тамъ ты рѣчь сказалъ, тутъ благодарительный проектъ предложилъ; вчера энергически распорядился въ чрезвычайномъ случаѣ; сегодня утеръ слезу вдовицы... Все это печатають, все это извѣстно, всякое такое лыко въ строку идетъ и начальство на усъ мотааетъ.»

Но сынъ, нужно впередъ предупредить читателя, плохо поддавался на всѣ эти резоны и гнулъ свое. Это очень сокрушало отца.

Х.

На другой день утромъ, Марья Кирилловна все еще охала послѣ вчерашняго приключенія, хотя къ утру и стало ей значительно легче. Лидочка все еще возилась около нея, а въ сараичикѣ самъ Оглобинъ, насупившись, завязывалъ въ мѣшокъ кое-какіе пожитки, готоваясь теперь исполнить немедленно свое вчерашнее рѣшеніе — уйти окончательно изъ-подъ негостепріимнаго родительскаго крова. Въ боковой комнатѣ, служившей хозевамъ и столовою, возилась, перебирая въ комодѣ различныя тряпки, «бабушка». Это была старуха ворчливая, злая, адъ дома. Сухощавая, сгорбленная, съ костьюлемъ, со внальными, астребинными глазами, всегда безъ чепчика, съ растрепанными

сѣдими косичками — на ней лежалъ какой-то демонскій видъ. Вѣдьмы мажбетовскія, должно быть, были таковы. Около нея важно показивалъ, мурлыбая, котъ, ея любимецъ, съ витанутымъ вверхъ хвостомъ, грѣясь на солнцѣ, заигрывая со старухой и потираясь бокомъ о ея ногу; подъ окномъ кудахтали голодныя куры, собравшіяся къ старухѣ, которая ихъ всегда кормила въ это время сама; на столѣ чайныя чашки, чайники, булки; сквозь полурастворенную дверь слышался изъ сѣней шумъ самовара и возилась надъ нимъ Настасья... Часъ седьмой утра...

Бабушка задвинула комодъ, запахнула на груди вѣротъ распущеннаго, неряшливаго платья, поправила свои сѣдны космы и, взявъ половничокъ изъ-подъ образа, стала на колѣни въ углу, чтобы молиться.

Среди этого занятія, изъ сѣней раздалось сильное шипѣніе кипѣвшаго самовара.

— На-сть-ка, п-о-длая дѣвка! кривляя ротъ и скаля единственныи, оставшіяся у ней спереди зубъ, со злостью крикнула бабушка: — самоваръ бѣжить, а ты и не слышишь! Мерзавка! О любезномъ дружкѣ своемъ, видно, все думаешь! Слышно было, какъ дѣвка бросилась къ самовару и потому старуха снова обратилась къ образу, и продолжала патетически свою молитву.

Она встала, и не переставая читать молитву, подошла къ столу, щипнула мавишу отъ булки и, отойдя къ окну, стала кормить куръ: — киши! кригнула она, махнувъ рукою въ окно, когда индюшки тоже бросились на кормъ, не для нихъ назначавшіяся: — отъ всякіа изъбави напасти всѣхъ, читала бабушка, какъ-то варьяруя голосомъ, на манеръ мурлыканья и воздыханья и опять перешла подъ образъ: — и будущія изми муки тебѣ вопіющихъ: аминюіа!

Самоваръ былъ принесенъ... Лидочка вышла на цыпочкахъ изъ спальни и принесла запертую сахарницу, а потомъ сходила и принесла ключи изъ-подъ подушки Марьи Кириловны. Бабушка, не переставая бормотать молитву, заварила чай, а когда Лидочка опять бросилась въ комнату крикнувшей ее матери, старуха боязливо посмотрѣла на дверь и, торопливо схвативъ полную горсть сахару изъ ящика, сунула себѣ въ карманъ... А потомъ опять, какъ ни въ чемъ не бывало, зачитала свою молитву.

Лидочка вернулась и сказала работницѣ, что маменька приказала послать Мишу къ себѣ.

Явился Миша въ столовую, по вчерашнему сердитый, надутый...

— Что, мерзавецъ, убить вчера хотѣлъ мать, ехидно напустилась бабушка: — полюбуйся, полюбуйся...

Миша, не отвѣчая, сѣлъ къ столу и хотѣлъ налить себѣ чаю.

— Трескать-то мы умѣемъ, упрекнула бабушка.

Миша посмотрѣлъ на нее изподлобья.

— Ишь, буржуи-то паятъ, сказала бабушка: — разбойникъ! мужикъ... хамъ... подлець! Космы ея растрепались, вѣроть опять распахнулись и вывазали ея сморщенную, противную шею. Что-то страшное, демонское опять засвѣтилось во всей ея фигурѣ...

— У, вѣдьма, не вытерпѣвъ, съ презрѣніемъ сказалъ Миша съвозъ зубы и отвернулся.

Бабушка, однакожь, несмотря на свою обычную глухоту, слышала это, небось, отлично и тотчасъ перемѣнила маневръ.

— Охъ, охъ! закричала она во все горло и грохнулась на полъ: — убить хотѣлъ, убить и меня хотѣлъ! И она, что есть силы, забарабанила со злости головою и ногами объ полъ. Лидочка, работница, даже сама Марья Кириловна, на босую ногу, въ одной сорочкѣ и юбкѣ, выскочила къ дверямъ.

— Убить хотѣлъ, убить хотѣлъ!... раздавалось по цѣлому двору: — Вѣдьмой назвалъ!... Дайте мнѣ ножъ, дайте мнѣ ножъ, завывала старуха: — хочу зарѣзаться, не хочу больше жить!

— Это не домъ, а каторга, задыхаясь сказалъ Миша.

— Ахъ, маменька, говорить съ досадою Марья Кириловна у двери, въ то время, какъ Лидочка и работница поднимаютъ старуху съ полу: — вы сами всегда виноваты.

— Дайте мнѣ ножъ! кричала свое старуха. Мишу ужъ это разсмѣшило.

— Больно, бабушка, рѣзаться, смѣется онъ.

— Пошелъ ты вонъ, разбойникъ! какъ-то визжитъ со злости старуха. И она пуще прежняго заколотила себя головою объ полъ: — разбойникъ!... хамъ!... воръ, подлець!... развратникъ!... безбожникъ, отцеубійца! Будь ты проклятъ! Да разрази его Господи! просить она у Бога.

Ее подняли и поправили платье, совсѣмъ пришедшее на ней въ безпорядокъ, причежь, какъ тряхнула Лидочка полу, вдругъ изъ кармана разлетѣлся по всей комнатѣ сахаръ...

— А вотъ, зачѣмъ вы сахаръ пряхете въ карманы, смѣясь, говорятъ Миша и принимается подбирать...

— Самъ ты воръ, кричитъ и рвется бабушка: — воръ, воръ, воръ! и не въ состояніи будучи вырваться изъ рукъ Лидочки и Настасьи, она шлепаетъ со злости на внука: — Вольтеръ проклятый, Вольтеръ проклятый! вся трясась отъ злости, ругаетъ она: —

массонъ, мужикъ, ишь, руки-то какія мужицкія отъ работы! хамъ, хамъ, хамъ!

Всѣ, смѣясь, уводятъ старуху въ другую комнату.

— Я хотѣла съ тобой еще поговорить, объявила сыну Оглобина и вернулась въ спальню, гдѣ опять легла въ постель. Сынъ послѣдовалъ за нею: — ты не перемѣнишь своего намѣренія и все-таки не желаешь идти служить?

— Нѣтъ-съ, сказалъ угрюмо сынъ, становясь у кровати, въ ногахъ.

— Упрямецъ, весь въ отца, сказала мать.

— Уйду, буду искать работы на сторонѣ, объяснилъ сынъ, когда она его спросила: что же онъ думаетъ теперь дѣлать?

— Гдѣ же ты будешь искать работы? полюбопытствовала съ безыкоиствомъ мать.

— Гдѣ придется.

— Здѣсь въ окрестности?

— Можетъ быть, и здѣсь.

Марья Кириловна задумалась и у ней опять навернулись слезы.

— Ахъ, Миша, Миша!... Никакого у васъ нѣтъ состраданія, ни капли любви къ родителямъ, добавила она, когда замѣтила, что сынъ ничего не сказалъ на ея замѣчаніе: — я буду тебя просить объ одномъ, сдѣлай это хоть для меня.

Сынъ поднялъ на нее вопросительно глаза.

— Ищи гдѣ-нибудь подальше... Уйди отсюда. Здѣсь насъ всѣ знаютъ. Ты видишь, какъ это мнѣ тяжело.

— Первое время все равно придется здѣсь искать.

— Я готова даже дать тебѣ денегъ на дорогу, продолжала, не слушая его, мать: — уѣзжай куда-нибудь подальше, да и дѣлай что хочешь. Чтобы я по крайней-мѣрѣ не видѣла.

Миша стоялъ въ нерѣшительности...

— Въ томъ, что меня здѣсь знаютъ, моя выгода, замѣтилъ онъ нерѣшительно: — скорѣе примуть.

— Ну, сдѣлай это для меня: это послѣдняя и единственная моя просьба. Кажется, не трудно.

— Постараюсь, не даю, однакожь, слова.

Опять помолчали. Марья Кириловна лежа все плакала тихо въ платокъ, а Миша стоялъ передъ ней какимъ-то несчастнымъ, растеряннымъ, бессознательно вода рукой по деревянной спинкѣ кровати. Лидочка тоже, повѣся носъ, сидѣла на высокомъ, окованномъ желѣзомъ, сундукѣ.

— Когда же ты отправляешься? спросила она брата.

Миша сказалъ, что сегодня, даже сейчасъ.

— Затѣмъ же такъ скоро? встрепенувшись, спрашиваетъ тревожно мать.

Близость непріятности, которую хотѣлось бы отдалить, уже пугаетъ ее, а близость разлуки съ сыномъ заставляетъ иначе говорить материнское сердце. — Можно бы завтра, черезъ недѣлю или черезъ мѣсяцъ. Тебя никто не гонитъ. Ты забудь вчерашнюю сцену... Мало ли чтó говорится.

— Чего медлить? твердо замѣчаетъ сынъ: — дѣлать, такъ дѣлать скорѣе.

Никто ничего не замѣтилъ на это, только Марья Кириловна немного погодя прибавила:

— И денегъ у тебя нѣтъ...

— Свѣтъ не безъ добрыхъ людей, равнодушно сказалъ Миша.

Еще нѣсколько часовъ провозился въ хлопотахъ Михаилъ Александрычъ. Марья Кириловна, несмотря на болѣзнь, встала и сама въ этотъ разъ налила ему чаю, приказала поскорѣе заварить ему что-нибудь на дорогу, и завтракъ сдѣлать пораньше, а между тѣмъ все еще уговаривала его отложить отъѣздъ, и когда уже не было никакой надежды уговорить упрямца, повела его въ спальню. Тутъ, доставъ изъ желѣзнаго сундува послѣдніе оставшіеся у нея отъ третнего пенсіона 8 рублей, приложила къ нимъ еще 17 рублей, занятые именно съ этою дѣлюю, черезъ работницу, у дѣловальника на поселкѣ подѣ залогъ ложекъ изъ лядочкинаго приданого и своего обручальнаго кольца, которыми дорожила едва-ли не болѣе всего на свѣтѣ,—стала упрашивать его взять это на дорогу. Тотъ съ упрямствомъ отказывался, а она—опять-таки настойчиво—уговаривала, чтобы онъ взялъ эти 25 рублей. Сынъ остался при своемъ и Марья Кириловна оставила его въ покоѣ только потому, что сговорилась съ Лидочкою и работницею подняться на хитрость.

И долго еще въ домѣ всѣ хлопотали и бѣгали, какъ сумасшедшіе, собирали и увязывали въ Мишинъ узелокъ кое-какое бѣлье, вымытыя Настасьей портянки, которыми она такъ некстати вчера хвастнула, вязанные матерью носки, спеченныя наскоро булки и заваренную индѣйку, одну изъ тѣхъ, съ которыми еще за часъ или два бабушка воевала у окна. Марья Кириловна хлопотала больше всѣхъ, забывая собственное нездоровье и не забывая только втихомолку всплакнуть и помолиться Николаю Угоднику. Одна бабушка не принимала ни въ чемъ участія и лежала попрежнему злою и ехидною.

Къ 11-ти часамъ все было готово... Молодой Оглобинъ, одѣтый по обыкновенію въ свою красную, русскую рубашку, которую носилъ замомъ и лѣтомъ, съ узелкомъ за плечами, прощал-

ся въ сѣняхъ съ матерью, все его крестившей и, въ перемежку, плававшей. Лидочка тоже стояла съ красными глазами, доказывавшими, что и она заплатила-таки дань въ этомъ отношеніи брату. Одинъ только онъ казался не то тупо равнодушнымъ, не то задумчивымъ, и, повидимому, твердымъ въ своей рѣшимости уйдти.

— Пусть Богъ тебя проститъ, какъ я во всемъ прощаю, говорила Марья Кириловна, цалуя и креста въ послѣдній разъ сына: — не могли вмѣстѣ ужиться, можетъ быть, будемъ счастливые врозь. Что жъ, когда ты такой упрямый! Да благословитъ тебя Богъ!

Оглобинъ приотворилъ дверь въ комнату, гдѣ лежала Лизавета Ивановна: — прощайте, бабушка, ухожу совсѣмъ, не поминайте лихомъ!

Старуха только сильно треснула ногою со злости по дивану, на которомъ лежала, и отвернулась къ стѣнѣ.

Лидочка еще разъ обняла брата на крыльцѣ, куда всѣ вышли провожать уходившаго, и даже сдѣлала усиліе произнести: — заѣзжай, Миша, если недалеко будешь. Вѣдь мы не ссорясь расстаемся, надѣюсь.

Но Марья Кириловна не могла далѣе выдерживать и ушла съ крыльца, едва завидѣла, что на дворѣ стали собираться сосѣдніе мужики, узнавшіе, что молодой Оглобинъ уходитъ и желавшіе теперь проститься съ нимъ, такъ-какъ въ самомъ дѣлѣ душевно любили его за скромный и негордый нравъ и за то, что не брезгалъ никогда водиться съ низшими себя.

— Не дожидать бы мнѣ лучше до этой минуты, чѣмъ видѣть это, сказала, снова расплававшись, мать, когда увидѣла, что Миша, дружески обнимаясь, пожимая каждому руку и, по три раза дагуясь въ щеки, прощался съ сосѣдами.

— Твердою поступью, опираясь на сучковатую дубинку и стараясь казаться спокойнымъ, хотя сердце и сильно начинало бить — вышелъ Оглобинъ изъ воротъ родительскаго дома, самъ нехорошо сознавая, куда идетъ, гдѣ преклонитъ сегодня къ вечеру голову, чѣмъ займется... Нѣсколько мужиковъ, ихъ же бывшихъ крѣпостныхъ, а теперь сосѣдей и земляковъ, отправились его провожать. Долго еще видѣлась ихъ группа, мелькая вдоль опушки лѣса...

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога дѣлаетъ поворотъ въ глубь лѣса, откуда вчера Тавровъ впервые могъ увидѣть огоньки бѣднаго поселка, Оглобинъ остановился и оглянулся, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на то мѣсто, гдѣ родился, откуда уже во второй разъ выходилъ въ жизнь, съ пустыми карманами, искать промежь

чужихъ счастья, гдѣ жили — что ни говори — все же дорогіе люди... Убогій домикъ ихъ ничѣмъ не отличался отъ крестьянскихъ, только что бѣлѣе смотрѣлъ: такой же крохотный, старыи, мизерныйи... При солнечномъ блескѣ и красотѣ теперь всей остальной природы — эта бѣдность еще печальнѣе казалась, а кривизна завалившейся стѣнки, облупившаяся во многихъ мѣстахъ штукатурка и разметанный заборъ — такъ и моголили издали глазъ. Жалость при видѣ этого убожества еще сильнѣе давнула душу Оглобина.

На крылечѣ все еще стояла неподвижная Лидочка, а въ черной пасти раскрытаго окна, бѣлѣла фигура Марьи Кириловны, которая, замѣтивъ, что сынъ смотритъ, отошла вглубь, но потомъ сейчасъ же опять показалась. Она съ самаго ухода Миши все плакала, все не хотѣла подходить къ окну, чтобы не видѣть болѣе сына, и все-таки не могла выдержать, и все-таки поминутно подходила. Невыразимая, въ первый разъ только теперь позванная, тоска охватила Оглобина. Все одиночество, безпомощность, бѣдность ихъ, все собственное болѣе — вдругъ представились ему ясно, какъ день, что-то мучительное сдвинуло ему грудь, конвульсивно отдалось въ горлѣ, и слезы самой неподдѣльной тоски, самаго неутѣшнаго, тяжелаго какъ свинецъ, всезаглушающаго гора хлынули у него изъ глазъ. Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ, и не могъ идти болѣе... Онъ опустился на землю и, закрывъ лицо руками, въ первый разъ въ жизни такъ всеренно, такъ неподдѣльно заплакалъ.

— Плачешь, тихо сказалъ кто-то изъ провожавшихъ его крестьянъ, и всѣ посторонились съ тою деликатною честностью, какая встрѣчается только въ простомъ человѣкѣ, который инстинктомъ понимаетъ, что есть такія минуты въ жизни, когда никто не имѣетъ права мѣшать человѣку выплакать горе или лѣзть съ безтактными, пустыми, невдумными къ дѣлу и дешевыми утѣшеніями. Всѣ отошли молча въ сторону...

Черезъ минуту, Оглобинъ всталъ, вытеръ слезы, еще разъ приподнявъ въ ту сторону, почти машинально, свой картузь, попрощался съ земляками и пошелъ лѣскомъ...

Чуденъ былъ теперь лѣсъ! Ни листокъ не шелохнется, птицы щебечуть на тысячи ладовъ, жуки, бабочки жужжать и вьются въ воздухъ, бѣлея карабкается съ вѣтки на вѣтку, ящерица ѡлзать въ травѣ... А вверху чистое, безоблачное небо и солнце такъ ярко, такъ тепло свѣтитъ; въ воздухъ такъ здорово, пріятно пахнетъ смолою ельника, развѣсившаго свои вѣтви на дорогу, точно великаны, которые хотятъ васъ поймать руками. .

А Оглобинъ идетъ и идетъ. Свѣжестъ лѣсная и ходьба облегчили его грудь.

Вотъ сейчасъ будетъ лѣсная прогалина: это ихъ покосъ. Тутъ долженъ быть теперь Касьянъ. Вотъ и Васька, чалнй, добрый меринъ, на которомъ столько разъ Мишѣ приходилось ѣздить и въ лѣсъ по дрова, и за сѣномъ, а то и Лидочку еще такъ недавно катать, къ невыразимой радости дикой институтки, всему удивлявшейся на первыхъ порахъ и отъ всего приходившей въ восторгъ. Стоитъ лошадка, ноги спутаны: пасется... Вотъ у телеги и Касьянъ сгребаетъ сѣно... Работникъ издали узналъ его и, бросивъ работу, пошелъ на встрѣчу.

— Идешь-таки, Михайло Александрычъ?

— Иду... сказалъ коротко тотъ.

— Ну, дай Богъ счастья... Спасибо за все, что мы отъ тебя видѣли. Они присѣли на травѣ. — Куда же пойдешь? полюбопытствовалъ работникъ: — ты пойдн къ валитянскому попу, посоветовалъ онъ внушительно, когда Миша сказалъ, что и самъ не знаетъ: — потому что у попа какъ не быть работѣ. Опять маленьку твою знаетъ. И деньги у него есть, стало, помочь можетъ...

— И я думаю, сказалъ въ раздумѣ Оглобинъ: — у него и снѣгъ хорошій, пойду... Денегъ у меня ни копейки нѣтъ, вотъ бѣда, сказалъ онъ: — у тебя нѣтъ, Касьянъ? Онъ и не зналъ, что у него за спиною въ мѣшкѣ, на самомъ верху, лежали 25 рублей, завязанные тихонько матерью.

— Есть, зелененькая да двѣ рублевыхъ... Возьми...

— Давай двѣ рублевыхъ. Разживусь, отдамъ.

Касьянъ живо заголил ногу и развязалъ кожаный *черезъ*.

— Возьми зелененькую, тебѣ нужнѣе, предложилъ онъ, подавая деньги: — ты теперь дорожный человекъ.

— Будетъ, сказалъ Оглобинъ, взявъ два рубля: — спасибо... Ну, прощай, Касьянъ. Коли найду хоршее мѣсто, прийдешь и ты, а пока поживи у нихъ: бабы, нельзя безъ мужчины, объяснилъ онъ.

Онъ также дружески, какъ и съ прочими попрощался, съ Касьяномъ, который бросился теперь обнимать его, протянулъ губы къ подалую, и выпучилъ на него глаза съ какою-то особенно-рьяною отчаянностью: точно онъ боялся, что тотъ улетитъ. Вѣрно у него это отъ полноты чувства случилось, отъ любви къ простому, нечванливому барину, каковъ былъ Оглобинъ.

Былъ уже полдень, солнце пекло жарко, надъ самою головою, когда Оглобинъ вышелъ изъ лѣсу и пошелъ по ровной, теперь не такой сыпучей, какъ въ лѣсу, набитой дорогѣ.

Впереди... впереди и въ жизни, какъ и по дорогѣ — ничего вѣрнаго: ни друзей, ни пристанища, ни средствъ... Вся надежда на честное сердце, да мозолистыя руки... И два рубля въ карманѣ! И такъ выходить въ жизнь! Знаменательное это было время, замѣчательныя сердца и удивительныя люди!

На шестой верстѣ отъ дому, Оглобинъ приостановился и, сбросивъ съ плечь мѣшокъ, прилегъ, чтобы вздохнуть маленько и переодѣть носокъ, который сильно теръ ногу. Пока онъ это дѣлалъ, послышалось отчаянное брянчанье бубенчиковъ, и изъ-за бугра показалась лихая тройка, въ хомутахъ, украшенныхъ бляхами и цвѣтными сукномъ... Тройка неслась что есть духу, подымая цѣлое облако пыли. Въ щегольскомъ тарантасѣ, сдѣланномъ на манеръ коляски, развались, сидѣлъ молодой Тавровъ. Онъ весело разговаривалъ теперь съ какимъ-то господиномъ, который, взобравшись на козлы, нарядивъ въ свою фуражку съ кокардою кучера, а самъ перерядившись въ ямничью шляпу съ лентами, управлялъ лошадьми. Лихо катила тройка. Лошади неслись какъ птицы, понимая, что ими управляла мастерская рука. Управлявшій лошадьми только свистѣлъ, да подымалъ возжи, и кнута у него не было, только рукою поваживалъ, а лошади шли, какъ на бѣгу... Что-то бойкое, шутивное свѣтилось во всей этой фигурѣ. Тарантасъ пронесся уже мимо Оглобина сажень на двадцать, когда правившій разглядѣлъ окончательно Оглобина.

— Стопъ! сказалъ онъ, и придержалъ почти на мѣстѣ всю тройку. Точно она у него на мундштукѣ шла: — Оглобинъ! крикнулъ онъ: — это вы?

Оглобинъ издали, лежа, приподнял фуражку.

...Приблизься,
Нашъ милый другъ!

пародировалъ шутникъ Шекспира торжественнымъ тономъ.

Оглобинъ взялъ узелокъ въ руки и подошелъ.

— Куда, *мобезный другъ, стремишься?*

— Въ Калитяны надо.

— Садитесь, подвезу. Чтѣ это вы такъ по походному?

Оглобинъ не объяснилъ толкомъ, а только сказалъ, что это «такъ».

— А вы куда это, Николай Ѳеодорычъ? освѣдомился въ свою очередь Оглобинъ.

— Къ особѣ, батенька, къ особѣ, затораторилъ тотъ: — сама пригласила. Понимаете, *само оно* изволило написать, сизошло, такъ-сказать! подымая палецъ вверхъ, объяснилъ шут-

никъ. — Въ Петровское, къ Забуцкому; прислали: дочь умираетъ. Шутникъ былъ докторъ.

Онъ опять предложилъ Оглобину подвезти, но тотъ сталъ благодарить и отбиваться, говоря, что хочетъ идти.

— Не перемоньтесь, вѣдь это мой тарантасъ... Можетъ, вы боитесь этого барина? безцеремонно вдругъ спросилъ докторъ, показывая на Таврова, который, въ самомъ дѣлѣ, не безъ любопытства и видимаго презрѣнія разсматривалъ теперь этого новаго спутника. — Потѣсите-ка его хорошенько, Миша, предлагая мѣсто около Таврова, продолжалъ докторъ. — Нынче вѣдь всюду на свѣтѣ аристократамъ тѣсно становится отъ демократіи, засмѣялся онъ: — а вы ему не подавайте руки, шутливо-серьезнымъ тономъ совѣтовалъ онъ Виктору Сергѣичу: — у него руки перемараны: онъ самъ землю пашетъ. Рекомендую.

Оглобина усадили, наконецъ. Ранецъ его привязали сзади экипажа.

— Какъ я радъ васъ помучить, Тавровъ, сказалъ докторъ.

Тавровъ, предчувствуя новую насмѣшку, заранее постарался сдѣлать презрительную мину и прищуриться:

— Чѣмъ-съ?

— Какъ же, что будутъ говорить въ Петровскомъ, когда вы приѣдете, сидя рядомъ съ такимъ пейзажомъ. *Que dira le monde?*

— Ахъ, вы меня еще очень мало знаете, чтобы имѣть право такъ судить, уже обидѣвшись, сказалъ Тавровъ: — я этимъ... я этимъ... И недоговорилъ по своему обыкновенію. Вѣроятно, онъ желалъ сказать, что этимъ пренебрегаетъ, или что этимъ онъ не стѣсняется.

— Теперь я васъ не выпущу до самаго Петровскаго, такъ къ крыльцу съ нимъ и подкачу, пугнулъ его докторъ, указавъ на Оглобина, и тронулъ лошадьми: — эхъ, вы, голубчики шестикрылые! кричитъ онъ на лошадей. И тройка снова несется птицей...

Вотъ и Петровское (Калитяны тоже), наконецъ, показалось... Посреди самой роскошной растительности, пестрѣя тысячами цвѣтовъ на клумбахъ правильно-разбитаго по кособору сада съ извилистыми красными дорожками, показался и громадный домъ Забуцкаго, «Петровское», какъ называли въ округности. Множество красивенькихъ башенокъ виднѣлось надъ крышею, а посрединѣ высокой шпиць съ бѣлымъ флагомъ, на которомъ былъ раскрашенъ хитрый фамильный гербъ владѣльца... Готическія, вверху съ цвѣтными, синими, желтыми, красными и лиловыми стеклами, окна — отдавали на солнцѣ радужную игру цвѣтовъ... Колонки, обвитыя плющемъ, статуи, мостики, гроты, и

среди сада искусственный красиво-устроенный прудъ съ лебедями и бюскомъ—бѣгли издали, переминаясь съ зеленою и цвѣтами... Раскинутое по косогору, все это видѣлось путнику, подѣзжавшему съ поля, какъ на ладони. Внизу, какъ разбредшая стая цыплятъ одной матки, бѣгли тамъ и самъ по долинь очень опрятные крестьянскіе домики. Отличной архитектуры такая стройная, бѣлая, новенькая, съ жестянымъ верхомъ церковь, стояла посреди села. Аркадія, да и только!

Оглобинъ былъ высаженъ, по его просьбѣ, передъ домомъ каляганскаго попа, докторъ тоже пересѣлъ въ экипажъ, и тарантасъ, уже управляемый кучеромъ шибко понесся въ гору, къ господскому дому.

XI.

Еслибы васъ, дорогіе читатели, не убѣдило еще мое вѣрливое описаніе внѣшности дома Забугаго, которымъ я закончилъ прошлую главу, въ томъ, что мы съ вами попали въ жилище не простого смертнаго, — еслибы на вашу честную, гордую, плебейскую душу, не подѣйствовали ни приличныя, такія красивыя, до приторности чисто-выскобленныя лица лакеевъ въ коричневыхъ штиблетахъ, которые попадались нашимъ пріѣзжимъ на каждомъ шагу въ комнатахъ, ни министерскій курьеръ съ краснымъ воротникомъ и черными жгутами на плечахъ, торчавшій въ передней, и неизвѣстно какъ попавшій въ уѣздное захолустье, ни даже почтенная фізіономія господина, встрѣтившаго гостей въ залѣ, и одѣтаго въ самый изысканный, солидный сюртукъ и бѣлый галстукъ—и который оказался всего только еще камердинеромъ графа, — то уже навѣрно тотъ серьезный видъ, какой приняло даже лицо спутника Таврова, вѣчно шутовое, веселое, и, какъ кажется, ни передъ кѣмъ нестѣсняющееся, когда онъ переступалъ порогъ дома,—уже это одно должно было бы васъ окончательно убѣдить, что мы вблизи чего-то очень важнаго, необыкновеннаго.

Послѣ того, какъ, проведенные въ особую комнату, пріѣзжіе оправили свой костюмъ, пришедшій за дорогу въ беспорядокъ, а докторъ даже принужденъ былъ преобразиться во фракъ,—господинъ съ почтенною фізіономіею повелъ гостей черезъ цѣлую анфиладу голубыхъ, желтыхъ, кофейныхъ и малиновыхъ комнатъ, уставленныхъ золоченою мѣбелью, обвѣшанныхъ дорогими картинами и расписанныхъ по потолку самою изящною лѣпною и акварельною работою. Въ концѣ этой анфилады, у стеклянной двери, выходившей на большую террасу, прилегав-

ную къ саду и покрытую теперь отъ солнца огромнымъ пологомъ краснаго, полосатаго тилу, гости приостановились. Уже по взгляду камердинера они поняли, что ихъ просятъ не входить, пока не доложатъ. Гости прошлись по комнатамъ. Докторъ взглянулъ нагъво въ растворенную дверь: это была библіотека. Узкая комната — сажень въ семь длины — вся была заставлена по обѣимъ сторонамъ красными шкапами съ сотнями, если не тысячами, книгъ. Видно, что наука здѣсь была «въ фаворѣ», какъ говорили у насъ въ прошломъ столѣтїи. Наконецъ дверь отворилась, и камердинеръ молча пропустилъ гостей на терассу.

Въ ту же минуту изъ-за стола, заваленнаго бумагами, показалась фигурка сѣденькаго бодрого старичка. Наклонивъ умильно голову слегка набокъ, онъ торопливо шелъ гостямъ на встрѣчу, ласково улыбаясь и протягивая уже издали имъ обонимъ руки.

— Докторъ Маркинсонъ, отрекомендовался прїѣзжій.

— Очень радъ, очень радъ познакомиться, повторилъ ласково хозяинъ нѣсколько разъ, раскачиваясь всѣмъ туловищемъ и кланаясь Маркинсону чуть не въ поясъ, когда тотъ отрекомендовался:—такъ много слышанъ... Извините старика, что потревожилъ, и что такъ дурно написалъ, извинился онъ, держа за руки доктора: — я думаю, вы и не разобрали: я пишу, какъ курица. Старость, любезный докторъ, и семейное горе... Право, тутъ голову потеряешь!

И пока это говорилось, пока нѣсколько растерявшійся и сконфуженный Маркинсонъ расшаркивался вправо и влѣво, не зная какъ и понимать такую любезность хозяина, старикъ уже самъ поспѣшно принесъ ему стулъ съ другого конца терассы и усадилъ. И Таврову хотѣлъ-было также самъ принести, но тотъ успѣлъ его остановить и самъ бросился за стуломъ.

— Рара просилъ передать, дядюшка, что онъ очень сожалѣетъ, что самъ не могъ быть и сегодня, началъ приторно-вѣжливо Тавровъ.

— Спасибо, дружще, сказалъ старичокъ, и снова добродушно пожалъ руку Таврову.

— Чтó кузина? спросилъ Тавровъ. И пошелъ разспросы Таврова и нарочито длинные рассказы старика о томъ, каково теперь кузинѣ и какъ все это случилось. Хозяинъ замѣтилъ сконфуженность доктора и нарочно давалъ ему время оправиться.

Маркинсонъ нѣсколько ободрился, сѣлъ на стулъ посвободнѣе и принялся разсматривать тѣмъ временемъ хозяина.

Въ лицѣ старика ничего особеннаго не было, ни особенной красоты, ни особеннаго уродства: лобъ большой, на вискахъ прикрытый

остаткомъ волосъ, зачесанныхъ съ затылка, что криво на лицо какое-то внушающее, почтенное выраженіе; да въ кроткихъ, сѣрыхъ глазахъ, вооруженныхъ большими, старомодными, золотыми очками, свѣтилась правдивая, добрая душа, способная, какъ кажется, на многое хорошее, ну, да пожалуй ввалившійся подбородокъ показывалъ, что онъ ужъ очень старъ. Подъ тѣмъ сѣренькимъ, лustrиновымъ пиджачкомъ, въ который онъ былъ теперь одѣтъ, никто не узналъ бы, конечно, еслибы не предпродить, сановнаго туза, получающаго десятки тысячъ въ годъ одного казеннаго жалованья и богача, имѣющаго 40 тысячъ годоваго дохода съ имѣній. Только тончайшая батистовая рубашка, бархатные сапоги на ногахъ (впрочемъ, это оттого, что онъ былъ немного падагрикъ), да запахъ двадцати-пяти рублевой сигары, которую теперь онъ опять принялся курить, или вѣрнѣе сосать губами — только это подсказывало, что передъ нами почти кровный баричъ. Все вокругъ него было такъ пышно, богато, изысканно и все въ немъ самомъ было — просто, скромно, безпретендательно, для всѣхъ безобидно, во всѣмъ одинаково привѣтливо и внимательно. Повидимому, ни о какомъ превосходствѣ тутъ не могло быть и рѣчи. Казалось, онъ о себѣ думалъ менѣе всѣхъ. Въ томъ камердинерѣ, который встрѣтилъ гостей по прїѣздѣ и котораго теперь опять позвалъ хозяинъ, чтобы приказать предупредить больную о прїѣздѣ доктора, и даже въ томъ камердинерѣ, казалось, было болѣе гордости и сознанія о важности собственной лакейской персоны, чѣмъ въ этомъ скромномъ старичкѣ, ворочавшемъ зачастую судьбою миллионовъ людей. Маринсонъ посмотрѣлъ на диванъ. Диванъ былъ заваленъ, какъ и столъ, кипами казенныхъ бумагъ. Сбоку было отодвинуто кресло, лежало перо на одномъ дѣлѣ, которое, повидимому, передъ приходомъ разсматривалось, а на червильницѣ виднѣлась еще чья-то недокуренная сигара. Тутъ, видно, еще кто-то занимался, да ушелъ недавно.

Маринсонъ опять сталъ смотрѣть на графа. Онъ чувствовалъ, что у него теперь окончательно отлегло на душѣ, послѣ того, какъ онъ разглядѣлъ простоту хозяина, а то съ самаго прїѣзда онъ чувствовалъ себя какъ-то неловкимъ — будто жгло его что-нибудь на душѣ. Ужъ какъ же ему не хотѣлось сознаться, что онъ робѣлъ, и какъ онъ еще за часъ хорохорился и увѣрялъ себя, что онъ ни передъ кѣмъ никогда не сробѣветъ!

Между тѣмъ, Тавровъ продолжалъ распиваться:

— Мы всѣ такъ живо принимаемъ къ сердцу ваше горе, дя-душка — вѣрите этому, распивался онъ, когда графъ, заговоривъ снова о своемъ несчастьи, опять загрустилъ: — и я, и рара,

мы такъ помнимъ ваше родственное вниманіе къ намъ... (Онъ больше всего помнилъ вчерашній намекъ отца, когда ѣхали отъ Плесеевнхъ).

— Спасибо, спасибо, опять сказалъ графъ:—что же дѣлать? Отчаиваться все-таки не слѣдуетъ. Отчаяніе—грѣхъ... Вотъ Богъ намъ посылаетъ доктора, стараюсь улыбнуться, сказалъ онъ, и обратился опять къ Маркинсону: — что, любезный докторъ, если вы не устали съ дороги, то я васъ буду покорнѣйше просить — не откладывать...

Маркинсонъ всталъ и сказалъ, что онъ готовъ, и что медлить, дѣйствительно, не слѣдуетъ. И графъ поднялся.

— Я васъ долженъ предупредить и ознакомить съ ея болѣзью, сказалъ графъ, чамкая своими ввалившимися губами.

И, свѣтски извинившись передъ племянникомъ, что заставить его скучать, слушая такую, можетъ быть, невеселую повѣсть, онъ сталъ рассказывать доктору, что болѣзнь эта у дочери замѣчена еще въ Петербургѣ зимою, вскорѣ послѣ одного выѣзда, когда она немного простудилась, что онъ и самъ пробовалъ лечить ее гомеопатіею — «я немного гомеопатъ, есть грѣхъ, каюсь», шутливо прибавилъ старикаша — но что тамошнія знаменитости, рассказывалъ онъ, и Э., и З., и П. приписывали это исключительно петербургскому климату и образу столичной жизни, и совѣтовали увезти ее на время въ деревню и устроить ей образъ жизни по возможности самый простой. Что онъ такъ и дѣлалъ. Но что теперь, вотъ уже цѣлый мѣсяць, ей хуже, что она не можетъ выходить, что послѣдовалъ какой-то кризисъ, появились новые симптомы, прежде незамѣчавшіеся, и что онъ готовъ былъ везти ее назадъ въ Петербургъ, чтобы опять посоветоваться, или даже прямо отправить ее за границу — но не знаетъ, можно ли будетъ теперь ей тронуться съ мѣста.

— Тутъ у меня есть свой докторъ изъ своей лечебницы — вы, вѣрно, знаете, или, по крайней-мѣрѣ, слышали? прибавилъ онъ, и затыкалъ окурокъ сигары о чернильницу, чтобы погасить. — Я за него схватился. Онъ говорилъ, что, придерживаясь мнѣнія петербургскихъ докторовъ, надѣется, по крайней-мѣрѣ, поставить ее такъ на ноги, что она въ состояніи будетъ пуститься въ дорогу. Ну, и сначала ничего, пошло-было. А теперь, вижу, совсѣмъ не то: хуже стало. Онъ же мнѣ самъ на васъ и указалъ, прося пригласить. А самъ этотъ проклятый нѣмчура ничего не понимаетъ, и сердасъ, и добродушно улыбаеся въ то же время, сказалъ графъ. — Ахъ, извините, спохватившись, прибавилъ онъ: — кабая память, что значить старость! Я и забылъ, что и вы нѣмецъ...

— Изъ жидовъ, ваше сіятельство, отрекомендовался докторъ, не сморгнувъ: — русскій, изъ жидовъ-съ, твердо пояснилъ онъ, прямо смотря на хозяйна.

— Ну, да, ну, да, все-таки лучше, поспѣшно сказалъ графъ, улыбнувшись на такую прямогу госта.

Онъ взялъ доктора подъ руку и повелъ къ двери, но потомъ приостановился на порогѣ и обратился къ Таврову:

— Если тебѣ будетъ пока скучно, Викторъ, можешь поискать тамъ чѣмъ бы заняться, мой милнй. И онъ показалъ глазами на бумаги: — тамъ есть кое-что интересное... Прочти, какъ графу Патенбергу досталось. За чтò я извиняю этимъ господамъ, прибавилъ онъ, опять мотнувъ глазами на столъ: — такъ это за то, что нѣмцамъ пощады не дадутъ! Терпѣть не могу, какая-то антипатія у меня къ этимъ вѣковымъ заѣдаламъ русскаго человѣка, оговорился онъ.

И слабый, старческій его голосъ даже задрожалъ энергически при этомъ, какъ бываетъ это всегда съ нервными людьми, когда они натываются на непріятныя воспоминанія, органически уже взросія въ ихъ сердце. Илья Борисычъ Забучій вообще былъ извѣстенъ и во «вліятельныхъ сферахъ», и въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, какъ заклятый врагъ нѣмцевъ и ярнй руссофилъ.

Они съ докторомъ вышли.

Тавровъ подошелъ къ столу и развернулъ папку, лежавшую на томъ мѣстѣ, гдѣ занимался графъ. Взглядъ его прямо упалъ на номеръ одного русскаго, заграничнаго журнала, запрещеннаго въ Россіи для публики, но получаемаго графомъ по праву члена высшаго государственнаго учрежденія, въ которомъ онъ числился.

XII.

Тавровы, а черезъ нихъ и Пещеевы, какъ уже отчасти было сказано въ одномъ мѣстѣ, были сродни Ильѣ Борисычу Забучькому. Викторъ Тавровъ былъ роднымъ племянникомъ, да еще и крестникомъ графа: его мать была родная сестра Забучькаго. Пещеевы же приходились просто, какъ говорится, десятою водою на кисель. Тѣмъ не мевѣ, они очень упорно держались за это родство. Впрочемъ, всѣхъ фамилій, приплетавшихъ такъ или иначе графа въ свою родню, насчитывалось на Руси десятками: чѣмъ значительнѣй комета, тѣмъ всегда за ней длиннѣе хвостъ. Если Варвара Михайловна, говоря съ вами, доводила непременно до свѣдѣнія, что «извѣстный цѣлой Россіи

графъ Забуцкій» также ея другъ и родственникъ, то это было только изъ тщеславія. Болѣе въ этомъ ничего не было. Тавровы же, приходится старику довольно близкими сродни, имѣли тутъ въ виду кое-что, болѣе существенное. Старикъ былъ богатъ, вдовецъ, дочь почти умирала, сынъ дѣлалъ глупости, былъ въ опалѣ, и отецъ все грозился лишить его наслѣдства; Викторъ Тавровъ, въ такомъ случаѣ, могъ рассчитывать сдѣлаться наслѣдникомъ если не всего, то, по крайней-мѣрѣ, самой лакомой части состоянія графа. Старикъ Тавровъ вообще наблюдалъ, чтобы сынъ и въ Петербургѣ, и въ деревнѣ по возможности чаще бывалъ у дяди, всегда выказывалъ къ нему почтительность, какъ къ «фамильному Аврааму», и тѣмъ не давалъ бы старику права забывать о своемъ долгѣ въ отношеніи ближайшаго племянника. Зачѣмъ бы Викторъ или отецъ ни бывали у старика, о чемъ бы ни говорили, а ужъ такъ или иначе, прямо или косвенно — а упомянуть въ разговорѣ о своей родственной близости съ графомъ. Сергій Ивановичъ даже старался поддѣлываться къ старику и другими, не всегда благовидными, способами: тотъ дорогой портретъ въ золотой рамкѣ, что висѣлъ у него въ кабинетѣ надъ диваномъ, былъ портретомъ покойной жены, значить, сестры графа, и былъ повѣшенъ этотъ портретъ на такомъ видномъ мѣстѣ, именно съ той поры, какъ здоровье Лизы Забуцкой стало плошать, а сынъ надѣлалъ новыхъ шалостей.

Когда мы давеча сказали, говоря о Забуцкомъ, что это былъ кровный баричъ, то мы оговорились, мы сказали: *почти*. Въ сущности Забуцкій не былъ аристократъ по рожденію. Но онъ не былъ тоже и изъ тѣхъ нерѣдко встрѣчающихся господчиковъ, которые, добравшись ранга IV-го класса, или переваливъ дальше, обзаведясь въ столицѣ каретою, или получивъ право на одинъ-два визита въ годъ, со стороны своего министра, тотчасъ же топорщатся, начинаютъ причислять себя къ «высшимъ» и высшему обществу, болѣтъ ихъ муками и смотрѣтъ свисова на толпу, оставшуюся повади. Забуцкій былъ по рожденію почти плебей. Тѣмъ, что имѣлъ въ настоящее время, онъ былъ обязанъ почти во всемъ себѣ одному, и тѣмъ не менѣе онъ былъ простъ и неспѣсивъ примѣрнымъ образомъ. Сыну екатерининскаго секундъ-майора, а позднѣе александровскаго бригадира, бѣднаго дворянина, владѣвшаго всего 51-ю душенкою, въ одной изъ поволжскихъ губерній, Забуцкому какинъ-то образомъ въ дѣтствѣ посчастливилось натануться на Карамзина, въ одинъ изъ его приѣздовъ въ провинцію. Онъ былъ имъ замѣченъ, какъ страшно золотушный, достойный потому сожалѣнія, но бойкій и

умный мальчикъ, по его протекціи попалъ въ Петербургъ, учился въ одномъ изъ лучшихъ тамъ пансіоновъ и по выходѣстроенъ къ какой-то «коллегіи», какъ тогда называлось. На этомъ и кончается покровительство ему судьбы. Дальше онъ все бралъ самъ. Впослѣдствіи, въ славной плеядѣ дѣятелей Сперанскаго, онъ былъ отличенъ мѣткимъ умомъ «поповича», нежадовавшаго вообще «барчасть» и однакожь тоже сразу замѣтившаго въ молодомъ человѣкѣ и умъ и способности. Въ свое время поочередно, въ душѣ и адептъ модной г-жи Кріднеръ и потихоньку дѣятельный массонъ, членъ *библейскаго общества* и авторъ какого-то *Похвальнаго слова красноречію*, и *О долѣ граждаина* — двухъ произведеній, тогда высоко чтившихся между либералами, другъ и сверстникъ многихъ декабристовъ, Забучій однакожь умѣлъ какъ-то такъ провести свою ладью, что избѣгъ въ числѣ немногихъ общаго крушенія. Ярко и быстро поднималась его звѣзда. Усидчивый въ трудѣ, усердный безъ особеннаго униженія, съ обширною памятью, бойкій на словѣ и на письмѣ, очень честный, глубоко начитанный, а много потому, что и по французски говорилъ отлично, онъ вскорѣ былъ отличенъ и вверху и сверстники-товарищи, уже давно оставшіеся позади на служебномъ поприщѣ, и степняки-помѣщики, наѣзжавшіе въ Петербургъ, чтобы заложить или вымѣнять своихъ Мишевъ, Васекъ и Федекъ, и знававшіе молодого администратора еще въ курточкѣ, скоро должны были окончательно признать, что звѣздѣ ихъ товарища и земляка суждено рано или поздно дойти до зенита, тогда какъ ихней не поднятись выше и средней долготы. Самыя видныя мѣста занимались имъ: онъ уже сталъ неперемѣннымъ членомъ, часто главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, во всякихъ законодательныхъ и административныхъ комиссіяхъ. Да и въ обществѣ онъ умѣлъ какъ-то такъ держаться, что всегда примыкалъ къ самой передовой, видной фракціи. Молодой Пушкинъ и Кондратій Рылѣевъ писали къ нему потихоньку либеральныя посланія и слали гимны къ свободѣ; Жуковскій, Дашковъ и литературные «новаторы» того времени считали его своимъ; Каподистрія лично его зналъ, а позже незабвенный Мордвиновъ считалъ его другомъ и пророчилъ ему многое впереди; сверху на него сыпались милости и вниманіе. Съ тою удивительною гибкостью — да простятъ намъ этотъ упрекъ соотечественники! — которая позволяетъ русскому человѣку сегодня услужить добродушному отцу, а завтра угодить и крутому отчиму, Забучій умудрился — въ свобододлюбивый вѣкъ Сперанскихъ и Карамзинныхъ быть либераломъ, съумѣлъ, не потерявъ реноме либеральнѣйшаго и честнѣйшаго человѣка, при-

годиться для крутого времени слѣдующихъ тридцати лѣтъ, а въ наши свѣтлые дни явился снова и прогрессистомъ и радикальнѣйшимъ реформаторомъ.

Разъ только, въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, звѣзда его, до сихъ поръ свѣтившаяся такъ ярко, смигнула на мгновение. Былъ онъ тогда молодымъ сенаторомъ. Послали на ревизію. Отчетъ, представленный имъ, былъ блестящъ по полнотѣ содержанія, мѣткости и многочисленности замѣченныхъ погрѣшностей. Его прочли съ любопытствомъ, но нахмурились за то, что позволилъ себѣ въ одномъ мѣстѣ коснуться крѣпостнаго права и коснуться отрицательнымъ образомъ. Это не входило въ программу его обязанностей, такъ-какъ вопросъ былъ общегосударственный, да и время, какъ уже знаетъ читатель, было крутое, — нахмурились и послали либерала засѣдать въ московскіе департаменты, эти еще недавніе архивы человѣческой древности, на вратахъ которыхъ существовало всегда дантовское: *оставь надежду навсегда*, то-есть порусски: тутъ тебѣ, братъ, и могилка. (Вотъ въ это-то время Тавровъ и женился на младшей сестрѣ Забужаго). Дѣло вышло проиграннымъ окончательно. Однако, ничего. Черезъ годъ взяли опять въ Петербургъ, да и увидѣли, что въ своемъ родѣ это незамѣнимый человѣкъ, въ Петербургѣ онъ уже сталъ непремѣннымъ членомъ и любимцемъ всего лучшаго общества. Вскорѣ онъ женился на известной въ свое время богачкѣ, княгинѣ Дарьѣ Никитишнѣ Водицкой—и передъ нимъ раскрылись двери самыхъ разборчивыхъ и чопорныхъ аристократическихъ гостинныхъ.

И хорошо ему теперь живется. Теперь онъ жалованный графъ, не только членъ, но и козырный тузъ въ томъ высшемъ учрежденіи, гдѣ засѣдаетъ. Титуловъ его и всякихъ орденовъ и не перечесть. Всякій разъ, когда его нужно наградить, не вдругъ придумаютъ, что ему еще дать: все уже имѣетъ. Порученія его всегда самыя почетныя, видныя; его даже разъ съ дипломатическимъ порученіемъ послали къ кому-то, не то къ турецкому султану, не то къ папѣ римскому. Не знаю, право, навѣрно къ кому именно, но вѣрно то, что къ одной изъ этихъ двухъ крайностей человѣческой нелѣпницы. Домъ его теперь полная чаша. У него собирается самый высшій петербургскій свѣтъ, не тотъ вѣтранный, служилый fine fleur, который недавно такъ мастерски былъ описанъ нашимъ «несравненнымъ» художникомъ, а extra-fine fleur, состоящій изъ благотворительныхъ, часто «свѣтлѣйшихъ» старушекъ-фрейлинь, ихъ внуковъ, блестящихъ офицеровъ бѣлофуражниковъ, все непремѣнно съ громами титулами, да ворчливыхъ старичковъ, оставленныхъ позади быстрымъ ходомъ со-

битій новаго времени, на словахъ поддакивающихъ прогрессу, а въ душѣ влгнувшихъ! и этотъ прогрессъ и эту эманципацію и всё эти нововведенія и все вздыхающихъ и шепчущихъ о счастьѣ былыхъ временъ. Но и не одни эти лица у него бываютъ. Этихъ онъ только терпитъ. Иностранные туристы и посланники считаютъ за честь быть ему представленными; посоветоваться съ нимъ въ дѣлахъ находятъ необходимымъ самоновѣйшіе либералы-администраторы; прочесть ему новую монографію и выслушать его мнѣніе добиваются старѣйшіе изъ русскихъ академиковъ. Онъ членъ всевозможныхъ ученыхъ собраній и нѣкія ученые общества считаютъ за честь собираться иногда подъ его почетнымъ предсѣдательствомъ. У него есть замѣтательные мемуары, назначенные къ опубликованію послѣ его смерти. Говорятъ, они должны очень хорошо охарактеризовать общество и правительство трехъ послѣднихъ царствованій, въ теченіе которыхъ онъ дѣйствовалъ. Извѣстно, что онъ и отличный богословъ: теологическіе споры, напримѣръ, тюбингенской школы протестантскихъ богослововъ ему извѣстны доподлинно. Одинъ извѣстный русскій архипастырь и вѣтія переписывается съ нимъ и шлетъ ему всегда со своими молитвами и благословеніями в тетради своихъ проповѣдей на просмотръ. Это не мѣшаетъ однакожъ графу вмѣстѣ со старушками вѣрять немного въ спиритизмъ и Аллана Кардека, а съ современнымъ литераторомъ, у себя на вечерѣ, съ уваженіемъ отзываться объ ученой эрудиціи сочиненія Штрауса и соглашаться, что Ренанъ многое позаимствовалъ у этого талантливаго нѣмца. Ляпзаль своими изысканіями, по его мнѣнію, «поколебалъ до основанія тѣмъ старыхъ предразсудковъ»; новѣйшая теорія дарвинизма, несмотря на свою новизну, ему также извѣстна, какъ и вамъ, любознательный читатель; а биологическіе труды младшаго Жоффруа Сентъ-Иллера онъ признаетъ за «подвиги человѣческаго ума». Въ то же время, всякое воскресеніе его можно встрѣтить въ одной домашней, аристократической церкви усердно молящимся, а дочь многіе дни въ году просияываетъ за вышиваньемъ то ковриковъ, то лентъ къ лампадѣ, то поручей для священническаго облаченія той же аристократической церкви, или для своей — деревенской, выстроенной тоже благочестіемъ графа.

Но напрасно онъ такъ горячо молится. За нимъ и то вѣрно нѣтъ тяжкихъ прегрѣшеній, да если они и есть, то вѣроятно уже давно ему прощены на небѣ за его простое, негордое поведеніе въ отношеніи къ низшимъ, за десятиа вспомоществованій, которыя онъ, незримо для всѣхъ, расточаетъ ежегодно на бѣдныхъ, за тѣхъ трехъ свротъ, которыхъ онъ, потихоньку

даже отъ своихъ домашнихъ, воспитывается на свой счетъ въ одномъ заведеніи, за лечебницу, которая имъ же выстроена для своихъ и окрестныхъ крестьянъ въ деревнѣ, за ихъ опрятныя избы, которыхъ онъ же научилъ ихъ строить, за легкую барщину и за дочь-пріемыша, которую онъ любитъ, какъ свое собственное дитя. (Вѣдь всѣ знаютъ, что это не его дочь, а только усновленная имъ внука одного несчастнаго товарища-декабриста, умершаго въ Сибири). Но особенно много ему простится за то, что онъ такъ честно, такъ благородно велъ себя въ роковомъ присутствіи того учрежденія, гдѣ засѣдалъ, когда тамъ окончательно рѣшался вопросъ нашихъ крѣпостныхъ. Весь проникнувшись правотою идеи, которую всегда защищалъ, напрыгая всѣ остатки своихъ слабыхъ, старческихъ силшекъ, задыхаясь отъ волненія и со слезами на глазахъ говорилъ онъ въ теченіе цѣлыхъ четырехъ часовъ, отстаивая непреложность права освобождаемыхъ на землю и доказывая невозможность для власти долге медлить и колебаться въ такомъ вопросѣ. Ну, и говорилъ онъ, по сознанію всѣхъ, блестяще, жгуче, юношески страстно, почти до обморока. За него была небольшая, но просвѣщеннѣйшая часть собранія; противъ—цѣлая плея жадныхъ, застарѣлыхъ эгоистовъ. Все, говорятъ, при этомъ было забыто этими послѣдними: приличіе, сановная и родовая гордость, важность мѣста и даже святость минуты. Съ пѣной у рта и чуть не поднимая кулаки, нападали они на графа и его сторонниковъ, выбиваясь изъ силъ, чтобы по крайней-мѣрѣ, хоть парализировать чѣмъ-нибудь готовившееся воскресеніе несчастныхъ, хоть что-нибудь еще выторговать. За это мало, если ему снова отпустятся грѣхи всей жизни, или что ему на другой день сдѣлало визитъ все, что было честнаго и благороднаго въ высшемъ обществѣ Петербурга,—за это можно было бы даже и канонизировать.

И вотъ теперь, довольный успѣхомъ дѣла, которому сочувствовать впервые научилось его сердце еще въ средѣ массахъ двадцатыхъ годовъ, спокойный за будущее и только омрачаемый несчастьемъ съ любимой дочерью — живетъ онъ у себя въ деревнѣ, отчасти отдыхая и самъ тѣлесно, ухаживая за больною и готовясь устроить бытъ своихъ крестьянъ на новый ладъ.

XIII.

Между тѣмъ, графъ и докторъ давно уже были у больной: темень, почти полусумракъ отъ спущенныхъ шторъ, духота, кислый запахъ лекарствъ...

На высокой желѣзной кровати, выдвинутой посреди комнаты, лежала больная... Какое-то равнодушіе уже свѣтилось во всей ея фигурѣ, во всякомъ движеніи. Она взглянула на вошедшихъ, съ минуту слушала ихъ, отвѣтила слабымъ голосомъ на то, о чемъ спросили, и опять отвернула голову и закрыла глаза... Но что-то покорное и доброе видѣлось во всѣхъ этихъ простыхъ, ровныхъ и смуглыхъ чертахъ лица. Разсыпавшіяся по подушкѣ пряди черныхъ богатыхъ волосъ, выбившихся изъ-подъ чепчика, дѣлали ее даже интересною въ эту минуту: цыганское, дикое, сильное видѣлось. Только сыпь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лица портила... Повременамъ она кашляла...

Доктора стояли по бокамъ... Маркинсонъ держалъ больную за руку и считалъ пульсъ: пульсъ лихорадочный: — что за дьявольщина? и сыпи эти на лицѣ? Онъ со вниманіемъ пересчиталъ въ третій разъ меморій петербургскихъ «знаменитостей».

Обсѣдывали тщательно грудь больной сначала просто руками.

— Воспаленіе въ легкихъ есть и по моему, но атрофированія—ни малѣйшего, замѣтилъ Маркинсонъ нѣмцу доктору латини: — и кости широкія... сложеніе сильное... Съ такою грудью только бы жить, барыня, объявилъ уже порусски Маркинсонъ больной, замѣтивъ, что она смотритъ на него. (Онъ любилъ съ аристократами и съ женщинами нарочно обращаться иногда мужиковато).

Маркинсонъ спросилъ графскаго доктора, какъ онъ объясняетъ эти сыпи на лицѣ. Тотъ сказалъ. Маркинсонъ прямо расхохотался.

Маркинсонъ былъ въ самомъ дѣлѣ хорошій докторъ. Онъ не могъ не замѣтить сразу же, что кашель и боли въ груди являлись теперь только остатками той же простуды, о которой рассказывалъ ему уже графъ. Сыпь подсказывала что-то другое, серьезности чего графскій докторъ не только повидимому не понималъ, но о существованіи чего онъ, кажется, и не догадывался. Маркинсонъ тѣмъ болѣе находилъ это опаснымъ, что комбинація больной въ сущности была лимфатическая—сильная, страстная. Если не принять тотчасъ же мѣръ, то реакціонное застоившейся крови, уже начавшее проявляться сыпями, повсемѣстнымъ развитіемъ жара и, можетъ, даже самымъ воспаленіемъ легкихъ, шибко и гибельно могло бы подѣйствовать на весь организмъ, а въ частности дѣйствительно могло вкнуться на грудь уже серьезнымъ образомъ.

Графъ стоялъ облокотившись на изголовье больной и съ безпокойствомъ слѣдилъ за каждымъ выраженіемъ лица говорившихъ. Онъ почти ничего не понималъ изъ того, о чемъ они

говорили, также какъ и больная, но все-таки смекнуть, что они въ чемъ-то съ самаго начала не согласились. Маринсонъ говорилъ, по обыкновенію, энергически и отчаянно жестикулировалъ. Взаялся за стетоскопъ. Снова заворочали больную, снова стучали, и опять Маринсонъ при каждомъ ударѣ молотка взглядывалъ на противника, какъ-бы спрашивая глазами: слышите? Осматривали они руки больной, отрывали плечи, сняли чулки и ноги посмотрѣли... Когда нѣмецъ что-нибудь начиналъ говорить, поазывая на грудь, Маринсонъ энергически плепалъ руками, сердился и все указывалъ сыпи на лицѣ. Возраженія нѣмца все, однакожъ, замѣтно слабѣли, дѣлался рѣже—графъ это видѣлъ—нѣмецъ только тикалъ Маринсону подъ носъ меморій, а тотъ трясъ головою, какъ-бы говоря, что онъ не согласенъ.

— Я вполне убѣжденъ, что тутъ болѣзнь легкихъ только явленіе, осложняющее другую, болѣе важную болѣзнь, рѣшительно сказалъ онъ порусски и предложилъ доктору что-то, уже опять полатыни. Противникъ пожалъ плечами, какъ-бы желая сказать: «пожалуй» и они вышли изъ комнаты. За дверью они стали обстоятельно разспрашивать Катерину Францовну, степенную нѣмку въ чепчикѣ съ лиловыми лентами, бывшую при дочери Забуцаго за нянюшку и камер-фрау. Та глупо конфузилась и безъ позволенія графа не рѣшалась отвѣчать, несмотря ни на какія настоянія докторовъ. Вызвали Забуцаго, который строго приказалъ нѣмцѣ на все отвѣчать докторамъ.

Консультанты вернулись... Нѣмецъ почему-то былъ сконфузевъ; а Маринсонъ—напротивъ—сіялъ: видно, новыя свѣдѣнія подтверждали его догадку. Онъ опять предложилъ графскому доктору повѣрить пульсъ.

— И жаръ есть, напомнилъ онъ ему: — не было ли истерикъ? спросилъ опъ у отца.

— Нѣтъ, не было.

— Ну, такъ обмороки были и тошнота? увѣренно спросилъ онъ.

— Были обмороки и тошнота, дѣйствительно, была.

Маринсонъ улыбнулся.

— И голова болитъ? спросилъ онъ, также увѣренно, уже больную.

— Да, сказала та.

Маринсонъ улыбнулся удовольствіемъ человѣка, начинающаго разгадывать окончательно интересующее его явленіе, и объявилъ, что имѣетъ надобность одинъ поговорить и подробно осмотрѣть больную и, не отдавая согласія, снялъ фракъ и сталъ

засучивать обшлага рубашки, извинившись и объявивъ, что «докторъ тоже имѣетъ свои права».

Графъ сейчасъ же согласился, поцаловалъ у больной руку, потомъ лобъ и попросилъ ее пофранцузски быть умницей и дѣлать, что потребуетъ докторъ: что это для ея же пользы дѣлается.

— Вы вѣдь женаты, любезный докторъ? спросилъ отецъ, выходя.

Марвинсонъ смелнулъ, откуда это шло, и не задумался долго:

— Какже, графъ, акушеру нельзя не быть женатымъ, объяснилъ онъ, не сморгнувъ.

Илья Борисычъ опять отправился на терассу къ гостю...

Тамъ завтракали и болтали, Тавровъ и еще какой-то господинъ, чрезвычайно благообразный съ виду. Прямой носъ и славные, такіе мягкіе свѣтлые бакенбарды, въ формѣ котлетъ, да еще при отсутствіи усовъ, дѣлали собесѣдника Таврова чрезвычайно красивымъ. У него были такія изящныя манеры, такой пріятный, слегка бартавливый, выговоръ... Шикозная, бѣлая жакетка подсказывала окончательно, что это столпчая «штучка». Это г. Кошинъ. Кошинъ былъ молодой человѣкъ, служившій подъ начальствомъ графа, любимецъ, кліентъ по службѣ и почти домашній у нихъ человѣкъ. Теперь онъ гостилъ у Забудаго въ деревнѣ. Ходили слухи, что дочь Забудаго влюблена поуши въ его молодого друга. Многіе находили несомнѣннымъ признакомъ ума, что Кошинъ умѣлъ такъ крѣпко привязать «свой утлый челнъ къ кормѣ большаго корабля» и шибко говорили о блестящей карьерѣ, ожидающей его въ будущемъ. Очень можетъ случиться, Кошинъ былъ не безъ способностей и стоялъ на хорошей, набитой дорогѣ, а шлохъ ужъ конь, который на набитой колеѣ да не вывезетъ! Несмотря на свою молодость, на свои двадцать-семь лѣтъ, Кошинъ ужъ занималъ видное мѣсто и смотрѣлъ въ генеральскіе ранги, скачнувъ такъ высоко чуть не прямо со скамьи одного выстаго училища, откуда другіе и не такъ еще скачутъ, благодаря извѣстному самоновѣйше-либеральному взгляду нашего закона, хитро измыслившему, будто сидѣть въ курточкѣ на школьной скамейкѣ и прилежно слѣдить за чужою указкой — то же, что и наживать чаютку, слѣпоту и дразни на дѣйствительной службѣ.

Едва завидѣли разговаривавшіе графа, какъ пошли къ нему на встрѣчу. Тавровъ впрочемъ смотрѣлъ просто, только съ понятнымъ нетерпѣніемъ узнать псскорѣе, что нашелъ докторъ, но лицо Кошина ввобличало худо-скрытое безпокойство, подъ котормъ, въ самомъ дѣлѣ, сквозило что-то болѣе серьезное,

такъ что догадка сплетниковъ. какъ будто находила тутъ себѣ оправданіе.

— Подождать еще нужно, объяснилъ графъ, замѣтивъ ихъ нетерпѣніе узнать что-нибудь: — докторъ еще тамъ остался... Моего нѣмца совсѣмъ загонялъ, сказалъ грустно-шутливымъ тономъ графъ, понизивъ голосъ, чтобы не было слышно въ библиотекѣ, гдѣ рассказывалъ графскій докторъ, въ ожиданіи, пока Маркинсонъ осмотритъ больную: — но дѣло, кажется, знаетъ...

— Большой чудакъ только, высказался Тавровъ.

— Да, да. Прямо такъ и рекомендуется, что изъ жидовъ, объяснилъ графъ, относясь къ Кошину, и слегка усмѣхнулся.

Заговорили о постороннемъ...

— А что я не вижу Анатолія, дядюшка? полюбопытствовалъ Тавровъ.

— А, онъ великій грѣшникъ, и сидитъ теперь въ своей комнатѣ, объяснилъ графъ, стараясь добродушно улыбнуться, подъ арестомъ, шутливо добавилъ онъ: — тебѣ развѣ отецъ ничего не говорилъ?

Тавровъ опять удивленно двинулъ своими ровными, красивыми бровями. Это ужъ у него стало обычнымъ знакомъ удивленія.

— Нѣтъ-съ.

— Какъ же, какъ же... Изволишь ли видѣть, мой милый... Да вотъ тебѣ Александръ Николаевичъ расскажетъ, сказалъ онъ, и опять пошелъ къ больной: графъ вообще поминутно отрывался, онъ былъ разсѣянъ, и все выходилъ и навѣдывался къ двери той комнаты, гдѣ лежала больная; а Кошинъ съ легкой ироніей и немного негодуя, рассказывалъ тѣмъ временемъ Виктору Сергѣичу, что они тутъ съ крестьянами возятся, уговариваются, хлопчутъ, хотятъ поскорѣе покончить съ уставной грамотой, для пользы же самихъ крестьянъ, а тутъ никакъ не влезетъ. Сегодня бьются-бьются, сойдутся въ какомъ-нибудь пунктѣ, — хлопъ! завтра все вверхъ дномъ: «раздумали», говорятъ крестьяне. Начинать снова. Сговорятся черезъ день-два, — та же исторія. Всѣ головы ломаютъ, не придумаютъ, что это значить, а это Анатолій Ильичъ изволилъ стараться. Просто бунтуетъ противъ отца же родного. На охоту повадился ходить съ однимъ мужикомъ. Никто ничего и не подозрѣваетъ, а этотъ мужикъ и есть первый бунтовщикъ. Черезъ него Толя подговариваетъ крестьянъ не подписывать грамоты. Разумѣется, мужики глупы, вѣрятъ. Самъ молодой графъ, говорятъ, такъ приказываетъ.

— Но вы все-таки простите Толю, дядюшка, и позвольте ему сюда придти, попросилъ онъ, когда графъ вернулся.

— Нѣтъ, нѣтъ, не проси, Викторъ, твердо сказалъ графъ:—

нужно же показать твердость. Тамъ въ университетѣ — эти исторіи, того и гляди, что худо было бы, насилу увезъ его сюда, а тутъ вонъ что! А изъ-за его глупостей отправили теперь этого мужика въ острогъ, да пересѣли людей.

Тавровъ пожалѣлъ, но воздержался отъ дальнѣйшихъ просьбъ за кузена.

— Ну, что, любезный докторъ? съ понятнымъ нетерпѣніемъ, еще издали, спрашивалъ Илья Борисычъ, спѣша на встрѣчу Маркинсону, едва завидѣвъ его шибко вышедшимъ изъ комнаты дочери.

— Опасность есть, но по моему, незначительная.

— Кабы вашими устами, да медь пить.

— И совсѣмъ съ другой стороны, какъ я и ожидалъ, объявилъ докторъ. И отвелъ графа и доктора въ сторону, отъ подошедшихъ Таврова и Кошина, Маркинсонъ сталъ вполголоса объяснять графу болѣзнь дочери по своему. Графъ удивился сначала, но прослушалъ доктора со вниманіемъ, перебирая только лихорадочно пальцами по переплету стеклянной двери въ библиотеку, къ которой они отошли...

— Что же Катерина Фравцовна мнѣ ничего не говорила! Ахъ, какіе люди! съ досадой сказалъ графъ, когда выслушалъ весь рассказъ доктора.

— Ничего-съ, еще не поздно, увѣренно объявилъ докторъ:— но для будущаго состоянія здоровья пациентки понадобится, можетъ быть, радикальнаго измѣненія самаго образа жизни — комплексія такая, графъ, и теперешнее средство въ этомъ отношеніи будетъ только палліативно, а васъ долженъ предупредить, графъ, оговорился онъ.

Забуцкій задумался, а Маркинсонъ обратился къ доктору:

— *Suppressio mensium acuta*, объяснилъ онъ доктору.

Тотъ подумалъ, но потомъ все-таки упрямо не согласился съ Маркинсономъ: ему все еще не хотѣлось сознаться въ промахѣ, какой онъ сдѣлалъ, не разгадавъ столько времени, можно-сказать, пустяка...

— Такъ-какъ я просилъ пригласить доктора, сказалъ онъ графу: — то я буду просить ваше сіятельство поручить лучше ему лечение: я слагаю съ себя всякую отвѣтственность. Обида звучала тутъ.

Маркинсонъ вспыхнулъ.

— А я принимаю въ такомъ случаѣ, взбѣшенно сказалъ онъ:— пустяки, очень часто вообще встрѣчающаяся вещь у женщинъ, объяснялъ онъ Забуцкому, желая вмѣстѣ съ тѣмъ и успокоить

бѣднаго отца: — правда, нехорошо, что запущено было долго, но я беру на себя отвѣтственность за благопріятный исходъ.

— Я тутъ, господа, само собой, ничего не понимаю. Я только вижу, что она очень пхоха. Дѣлайте чтѣ хотите, сжимая руку Маркинсона, объявилъ графъ тѣмъ тономъ, какимъ говоритъ человѣкъ, рѣшающійся на все: — спасите только. Я такъ привыкъ къ ней... Тысячъ, кажется, не пожалѣлъ бы тому, кто возвратитъ мнѣ ее опять здоровою, говорилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Зачѣмъ-съ тутъ тысячи! Это всего, въ случаѣ успѣха, будетъ вамъ стоить сто рублей, безъ обиняковъ и нѣсколько не стѣсняясь, объявилъ Маркинсонъ.

— Мало-мало, уже со слезами говорить старикъ, не слушая предупрежденія доктора и продолжая свою мысль: — чтѣ тутъ деньги! Я буду считать себя вѣкъ обязаннымъ... Вы не знаете, докторъ, чтѣ за ангелъ эта дѣвушка: эта почти моя гордость...

Консультація кончилась... Доктора приглашены были въ завтракъ.

Нѣсколько погодя, Тавровъ уѣхалъ домой на лошадяхъ дяди, а въ домѣ у Забудиныхъ опять поднялась суета. Больную переводили въ другую комнату; готовили теплыя ванны; въ аптегѣ, бывшей при лечебницѣ, терли новыя лекарства... На кашель и лихорадку рѣшено было дѣйствовать общими терапевтическими средствами. Главное же положено было скорѣе добиться ножными ваннами того, чтѣ было всего необходимѣе, послѣ открытія Маркинсона.

Въ тотъ же день, вечеромъ, докторъ и Кошинъ, уже нѣсколько познакомившіеся за день, ходили по терассѣ...

— Итакъ, вы волюнѣ убѣждены, докторъ, что нѣтъ серьезной опасности въ положеніи Лизаветы Ильинишны? освѣдомился робко Кошинъ, сдѣлавъ передъ тѣмъ нѣсколько концовъ по терассѣ въ молчаніи.

Докторъ не отвѣтилъ прямо.

— Дѣло-съ поправимое, сказалъ онъ: — но я не скрываю, говорилъ послѣшно докторъ: — опасность есть.

— По крайней-мѣрѣ, вы обнадеживаете насъ, что это не чхотка? спросилъ, послѣ нѣкотораго раздумья, Кошинъ.

— Какая-съ чхотка, простодушно засмѣялся Маркинсонъ: — съ такою ли комплекціею бываетъ чхотка! Дѣвва стѣну можетъ переверотить, мужиковато объяснилъ онъ.

Благопріятнаго Кошина даже покоробило отъ этой вульгарности, и онъ, насупившись, счелъ нужнымъ поскорѣе свернуть разговоръ на что-нибудь другое или даже вовсе замолчать.

— Замужъ нужно, высказался Маркинсонъ, и взглянуть на Кошина, какъ-то подозрительно, искоса улыбувшись.

XIV.

Болезнь однако туго поддавалась лечению. Только на шестой день можно было успокоиться: все стало входить в норму, жар спадалъ; сыпь сразу исчезла, больная видимо стала крѣпчать, явился сонъ и кашли какъ будто поубавились.

Все въ домѣ вздохнуло свободнѣе: отъ горничныхъ ужъ не требовалось той бѣготни и хлопотъ, какъ прежде; Катерина Францовна могла смѣлѣе смотрѣть на графа, а то она все никакъ не въ состояніи была забыть упрековъ, которые наговорилъ ей Илья Борисычъ послѣ первой консультаціи Марвинсона.

И въ господахъ переменна — солнышко въ лицахъ проглянуло.

Кошинъ, всѣ эти дни немного дувшійся на Марвинсона за вульгарность выраженій, которыя тотъ употреблялъ тогда на счетъ графини, повеселѣлъ, раздобрился и опять сталъ чаще заговаривать съ докторомъ. О самомъ графѣ нечего и говорить: онъ весь сиялъ теперь самою искреннею, самою святою отеческою радостью. Марвинсонъ теперь у него въ большой чести, и ему ужъ почти не приходится сидѣть въ своей комнатѣ, какъ было въ первое время, такъ что докторъ сталъ отчаиваться, удастся ли ему окончить одну пространную записку, которую онъ началъ было здѣсь, рассчитывая на свободное время. Теперь ему приходится сидѣть все у графа, и добрый старикъ не знаетъ, какъ и посадить его, чѣмъ и угощать... И постороннимъ теперь хорошо: на радостяхъ графъ простилъ всѣхъ крестьянъ, замѣшанныхъ въ послѣдней исторіи, и собственноручно написалъ посреднику и Таврову, прося воротить взятаго въ острогъ; даже сына простилъ, и согласился дозволить ему снова бывать въ комнатахъ; даже разъ, когда въ разговорѣ Кошинъ позволилъ себѣ замѣтить всю безтактность и неблагоразуміе поведенія молодого графа, неумѣвшаго воздержаться въ университетѣ отъ того, чтобы не вмѣшиваться въ эти «проклятыя» исторіи, графъ, согласившись, что это нехорошо, и отозвавшись даже, «что каждый сверчокъ долженъ знать свой шестокъ» и что дѣти должны учиться, а не вмѣшиваться въ то, «чего они еще и понимать не могутъ», замѣтилъ однакожь Кошину, что тотъ истинно блаженъ «кто съ молодю былъ молодъ». Онъ съ жаромъ сознался, что не любить «въ дѣтяхъ» этого *благоразумія*, этой ранней серьезности, рассчитанности, что это неестественно, что молодости прилечествуетъ движеніе, хотя бы и ошибочное, что это ея удѣлъ, что дѣти безъ этого — не дѣти даже, а «un monstre moral, рано старящіяся уроды», и что раннюю сдержанность въ

такомъ случаѣ слѣдуетъ скорѣе приписать отсутствію въ воспитаніи человѣка такого важнаго условія, каково понятіе о товариществѣ, о чести, что это даже, пожалуй, можно объяснить трусостью, и что Толѣ, строго говоря, нельзя было отстать, что это было бы «не nobelно».

Онъ курилъ, когда это говорилось... Теперь онъ опустилъ сигару и уставился пристально на Кошина.

— И кто, скажите, не увлекался въ молодости? живо спросилъ онъ.—Правда, Толя меня часто огорчаетъ, я часто на него сержусь, я не люблю другихъ его шалостей, но именно въ томъ случаѣ, о которомъ вы упомянули, признаюсь вамъ, Александръ Николаевичъ, мнѣ въ тысячу разъ было бы горше услышать, что сынъ мой, Забудицкій, одинъ, не участвовалъ въ этомъ.—Кошинъ молчалъ и графъ началъ было опять сосать свою сигару, но потомъ поспѣшно отдернулъ ее, и продолжалъ, опять оживляясь тою же мыслию:—Онъ долженъ былъ помнить, что Забудицкіе, можетъ быть, во многомъ грѣшны, но изъ нихъ никогда не было измѣнниковъ своимъ, перебѣжчиковъ... И вы знаете, напомнилъ онъ Кошину на какое-то обстоятельство:—вы знаете, что я говорилъ, и говорилъ открыто!... когда задумали-было поощрять одобреніемъ тѣхъ изъ ихъ товарищей, которые умѣли держаться въ сторонѣ отъ этого вихря, не участвовать... Я не побоялся тогда назвать настоящимъ именемъ такое средство и доказалъ, какъ неблагоприятно поощрять это въ дѣлахъ, что мы этимъ готовимъ изъ нихъ въ жизни...

Кошинъ долженъ былъ послѣ этого окончательно замолчать, а Маркинсонъ, который присутствовалъ при этомъ разговорѣ, сталъ съ этой минуты еще болѣе уважать графа, хотя онъ еще и не зналъ хорошенько, на какой именно случай намекалъ Кошину Илья Борисычъ.

Здѣсь встаетъ будетъ связать поподробнѣе о Маркинсонѣ. Онъ стоитъ того.

Онъ былъ русскій; но его дѣды еще по сю пору проживалъ гдѣ-то на югѣ, въ Одессѣ, что ли, евреемъ, неперекрещеннымъ, и Маркинсонъ, какъ уже мы видѣли разъ, не скрывалъ что его «фамилія», какъ онъ передразнивалъ кого-то, и теперь еще пребываетъ въ іудействѣ, живетъ строго по Талмуду, ѣсть каширную говядину и носить длинныя, уродливыя лапсердаги. Сейчасъ, бывало, и наскажетъ вамъ кучу анекдотовъ про то, какъ онъ ѣздилъ, по выходѣ изъ университета, навѣщать свою «фамилію» и такъ мастерски передразнить всѣ еврейскія замашки и еривлянье, что вы просто жавоты надорвете со смѣху.

Учился онъ въ Москвѣ, въ университетѣ, куда попалъ, бѣ-

жавъ для этого отъ родителей, нежелавшихъ, чтобы онъ шелъ дальше гимназін, и учился, нужно правду сказать, отлично. На какомъ курсѣ онъ не застривалъ ни разу и двадцати-четырехъ лѣтъ былъ уже докторомъ медицины. Способности его были удивительны на все: былъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, отличный занимающійся докторъ, славился уже въ цѣлой губерніи, какъ акушеръ, игралъ на скрипкѣ, на фортепіано, пѣлъ, актерничалъ въ благородныхъ спектакляхъ, точилъ отлично разные бездѣлки изъ кости и дерева, занимался гальванопластивою и мастерски управлялъ призовыми тройками на бѣгахъ въ губернскомъ городѣ, переодѣвался ямщикомъ; имѣлъ удивительную способность къ лангвистикѣ и зналъ чуть ли не шесть или семь языковъ; кромѣ того, былъ мастеръ на карикатуры, такъ что не безъ основанія приводилъ въ трепеть всѣхъ увѣданныхъ уродовъ; писалъ стихи по заказу и духомъ; на какую угодно тему, какимъ угодно размѣромъ и въ какое хотите время. И ко всему этому шутникъ, болтунъ и аферистъ первой руки. (Въ послѣднемъ вѣрно ужъ порода сказывалась!). Шутить съ нимъ и обращаться запанибрата позволялось всѣмъ и каждому и какимъ-угодно манеромъ, съ тѣмъ, однакожъ, условіемъ, что и онъ можетъ устроить надъ всѣми и свои шутки. Правда, эти шутки съ его стороны не всегда были невиннаго свойства. Такъ, въ Тинбирскѣ, гдѣ онъ былъ прежде на службѣ, разъ даже сошли публично черезъ палача его анонимные стихи *Балла зѣтрей*, въ которыхъ мѣстная аристократія города, по избытку безтактности, открыто признала свои портреты. Были и слабости у него: не прочь былъ прихвастнуть на счетъ успѣховъ своихъ въ средѣ женщинъ, и воображалъ, что всѣ встрѣчныя женщины непременно должны влюбляться въ него по уши отъ одного его взгляда, и оттого позволялъ себѣ и не заниматься своею внѣшностью, вѣчно чумазый, нечесанный, одѣтый неряшливо... Но все это были пустяки, которые всякій долженъ былъ извинить, когда узнавалъ его лучше. За этими мелочами, за всею кажущеюся вѣтренностью и легкостью, едва вы узнавали его ближе, сейчасъ же видѣлась глубокая, даровитая, истинно честная, прямая и въ высшей степени энергическая натура. Всякой глупости, всякой низости онъ, безъ обиняковъ, смѣялся прямо въ лицо. Онъ ежедневно насканивалъ на скандалы, и своею прямоюю возстановлялъ противъ себя многихъ съ перваго же знакомства. Всякая подлость и неправда возмущали его всегда до глубины души и заставляли ратовать противъ этого со всею энергіею, какая только была ему сродна. А ея у него была порядочная доза. Тавровъ былъ совершенно правъ, когда

разъ въ послѣдствіи сравнилъ его въ шутку съ Титомъ. Дѣйстви- тельно, всякая возможность устроить загвоздку, подставить ножку, доѣхать, допечь взяточника, подлеца, ретрограда — до- ставляла Маркинсону искреннее и неисчерпаемое наслажденіе. Въ этомъ отношеніи у него дѣло доходило даже до черствости: какое ему дѣло до того, что станетъ съ врагомъ... Онъ слу- жилъ всего лѣтъ восемь-десять, а ужъ успѣлъ перебивать на службѣ и нивѣсть въ сколькихъ губерніяхъ и положительно хвасталъ, что ведетъ семь большихъ и малыхъ слѣдственныхъ и судебныхъ дѣлъ. И все это было начато по его же инициативѣ, и во всѣхъ этихъ дѣлахъ онъ является преслѣдователемъ раз- ныхъ неправдъ, несправедливостей и грабежей, было ли то частное лицо и дѣло было частное, или должностное лицо и при этомъ страдалъ интересъ только казны. Самъ онъ выводилъ во всѣхъ расходахъ, отпускаемыхъ ему суммъ, такія умѣренныя цѣны, что ставилъ своихъ сослуживцевъ въ рѣшительную не- возможность грабить и не быть замѣченными. Не проходило мѣсяца, чтобы не случилось исторіи изъ-за худой говядины въ больницахъ, дорогихъ медикаментовъ, или затхлои муки въ провіантскихъ магазинахъ. И все у него въ такомъ случаѣ шло въ дѣло: протесты и особыя мнѣнія на актахъ и протоколахъ, явныя жалобы на ревизіяхъ, открытыя донесенія въ министер- ства, обличительныя статьи въ столичныхъ газетахъ, всѣмъ по- нятная карикатура въ сатирическихъ листахъ и ученныя статьи въ медицинскихъ журналахъ, снабженныя учеными ссылками, изслѣдованіями и доказательствами. Онъ любилъ подобную войну, какъ артистъ-партизанъ любить свое дѣло. Онъ отчасти жилъ, дышалъ этимъ.

Естественно, что враговъ у него гибель. Люди, нечистые на руку, боялись его, какъ огня, приписывали все это его клеветни- ческимъ наклонностямъ, а изподтишка клеветали, старались ловить его, хотя бы на неисправностяхъ и, не вида успѣха, пу- скали въ дѣло самыя неопозволительныя средства: тайныя доносы и небезопасныя аттестаціи. Въ секретныхъ аттестаціяхъ двухъ послѣднихъ его начальниковъ уже значились въ графахъ особыхъ замѣчаній, что онъ «крайне безповойнаго характера» и что еще лучше, что онъ «склоненъ въ либеральному образу мыслей».

А онъ все-таки смѣялся надъ всѣмъ этимъ и дѣлалъ свое дѣло.

— Если всѣ такъ будутъ поступать, обыкновенно доказывалъ онъ: — то мы скоро сживемъ ихъ со свѣту. Подъ словомъ *ихъ* онъ подразумѣвалъ разную «нечисть», какъ говорилъ онъ.

И дѣйствительно, не пробылъ онъ, со времени поступленія на службу, и года въ одной губерніи, перевели въ другую. А мѣщанское и купеческое общества его города подавали губернатору коллективное прошеніе объ оставленіи его у нихъ и въ прошеніи буквально называли его «благодѣтелемъ бѣдныхъ». Всѣ податныя сословія сплошь,—не разбирая, богатый или бѣдный,—онъ лечилъ всегда даромъ, имѣя на это «свои резоны», о которыхъ мы узнаемъ ниже. Не приняли этого прошенія во вниманіе, перевели все-таки, но за то и начальникъ его, отчаянный взточникъ, слетѣлъ съ мѣста черезъ него. Побылъ онъ въ другой губерніи — городского врача въ Вороновѣ отдалъ подъ судъ и онъ зарѣзался, какъ говорили всѣ, именно черезъ это. Перевели ужъ Маринсова на другой конецъ Россіи, въ третью губернію. Тутъ ужъ за него взялись серьезно, отнесли все это къ его безпокойному характеру. Мѣстный начальникъ врачебной части въ губерніи потребовалъ его для личныхъ объясненій. На этомъ личномъ объясненіи ему сначала косвенно дали понять, а потомъ открыто потребовали, чтобы онъ добровольно убирался со службы; а онъ въ лицо смѣялся, отшучивался и подъ конецъ рѣзко объявилъ, что и самъ знаетъ, когда ему время убираться въ отставку и что, по его мнѣнію, это время еще не пришло, а придетъ, когда ему удастся упереть подъ судъ все губернское правленіе съ самимъ вице-губернаторомъ, за скверное дѣло по ложному освидѣтельствованію одного помѣшаннаго, неправильно подвергнутаго опекъ. Задумали тогда косвеннымъ образомъ принудить его оставить службу, да и начали переводить съ мѣста на мѣсто, съ одного конца Россіи на другой, каждые полгода—умаать хотѣли. Онъ хохоталъ, разѣзжая на казенный счетъ по цѣлой Россіи, и не особенно сокрушался, благо у него и свои кое-какія деньжата водились, и все-таки не поддавался. Уже онъ такъ, бывало, ничего громоздлаго пятый годъ нигдѣ и не заводилъ, объявляя, что онъ здѣсь только «гостить»! И куда, бывало, онъ ни пріѣзжалъ, всюду всѣ скольконибудь порядочные люди скоро его полюбливали отъ всего сердца, всюду онъ вскорѣ являлся душою и потѣшникомъ уѣзднаго общества и заживалъ приѣзжаячи, имѣя всегда въ уѣздѣ самую прибыльную практику... Къ тому же ему такъ немного нужно было для жизни... Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходило описываемое дѣйствіе, онъ появлялся года съ полтора тому назадъ, вскорѣ со многими передружился и зажилъ не горюючи. «Заспѣлся я у васъ что-то долговнюко, говорилъ онъ въ шутку:—нигдѣ такъ долго не оставался. Вѣрно, пора начивать еще что-нибудь...» Ну, вотъ въ настоящее время и затѣвалъ что-то.

Таковъ-то былъ Маркинсонъ, на котораго мы наткнулись у Забудаго.

XV.

Когда больная стала ужь поправляться, все семейство собиралось по вечерамъ въ ея комнату...

Разъ, послѣ чаю, именно кажется на седьмой день, Кошинъ сѣдѣлъ въ комнатѣ больной. Старикъ графъ и Толя тоже были недавно здѣсь, но только что вышли на минуточку... Кошинъ сѣдѣлъ на стулѣ, приставленномъ къ самой кровати, какъ разъ противъ больной и читалъ ей что-то вслухъ, остальные слушали... Плохо читалось: Кошинъ часто ошибался, былъ разсѣянъ и жаловался все на головную боль. Онъ дѣйствительно все это время былъ страшно разсѣянъ и безпокоенъ, хотя и старался бороться и не показывать этого. Теперь, какъ только посторонніе вышли, онъ опустилъ книгу на колѣни и подиалъ на больную грустный, измученный взглядъ...

Больная постаралась усиленно улыбнуться ему въ отвѣтъ и, можетъ быть, желая ободрить его и увѣрить, что ей лучше, протянула ему на встрѣчу руки...

— Тебѣ было жаль меня, ты измучился, мой милый? пронзнула она любяще...

Тотъ молча взялъ простертныя къ нему руки, поднесъ ихъ ладонями къ своему лицу, поцѣпилъ на себя и безумно, почти не отрываясь губами, судорожно сталъ цѣловать эти исхудалые теперь, тонкіе пальцы...

Дѣвушка почувствовала влажность на рукахъ отъ его слезъ. Она хотѣла его утѣшить, что-то ему сказать, но въ это время вдругъ раздались поспѣшные шаги подъ самою дверью. Кошинъ едва успѣлъ выпустить руки дѣвушка и выпрямиться на стулѣ...

Вошелъ поспѣшно Маркинсонъ.

— Ну, барыня, прощайте, объявилъ онъ:—зашелъ проститься. Завтра чуть свѣтъ ѣду.

Та стала выражать сожалѣніе и удивилась, что онъ такъ скоро ѣдетъ.

— Позвольте, Маркинсонъ, вотъ сейчасъ рара вернется, засуетилась она.

Маркинсонъ сѣлъ. Черезъ минуту больная, какъ ни въ чемъ не бывало, уже шутила по своему обыкновенію съ нимъ: она вмѣстѣ со всѣми давно успѣла полюбить его — какъ онъ смѣшилъ и развлеклъ ее разказами въ послѣдніе дни про жидовъ, хохловъ и вѣмцевъ, какой неисчерпаемый запасъ и какая неприя-

нужденность, жизнь, энергія проглядывали въ каждомъ словѣ простака! Это даже занимало ее: она такъ не привыкла ничего подобнаго видѣть въ той средѣ, гдѣ жила. Между ними даже появилась та интимность, родъ той легкой дружбы, каковая почти всегда устанавливается между женщиной и «своимъ» докторомъ.

Скоро графъ вернулся въ комнату. За ними явился и Толя. Толя оказался юношей еще очень молодымъ, лѣтъ девятнадцати, съ рѣшительнымъ взглядомъ и длинными модными волосами, которые онъ поминутно живописно старался расчесывать всею пятернею руки и которыми, видимо, щеголялъ...

Оказалось, что старому графу уже извѣстно объ отъѣздѣ доктора... Онъ объявилъ дочери, что Маркинсонъ находитъ возможнымъ, чтобы нѣмецъ продолжалъ теперь леченіе, что они уже уговорились и что доктору и по служебнымъ дѣламъ нельзя долѣе оставаться. Больная опять высказала сожалѣніе, что придется такъ скоро разстаться.

— Ничего, утѣшилъ графъ: — мы надѣмся, что докторъ сдѣлаетъ намъ честь — позволить считать его въ числѣ нашихъ добрыхъ знакомыхъ и будетъ заѣзжать, если случится быть неподалеку.

И графъ обнялъ доктора при этихъ словахъ за талью, какъ-бы желая показать ему эту маленькую фамиллярностію, что въ самомъ дѣлѣ хотятъ считать его близкимъ.

— Да, да, сказала радостно графиня, протагивая Маркинсону руку: — мы будемъ очень сердиться, Маркинсонъ, если все это знакомство только этимъ визитомъ и кончится. Мы всѣ такъ полюбили васъ... Маркинсонъ только впадался, да ерошилъ свои космы. — Вы позволите, Маркинсонъ, сдѣлать вамъ на память маленькій подарокъ? Тутъ въ деревнѣ ничего достать нельзя было, оговорила она: — мы вотъ съ рара согласились... одну бездѣлушку... И она приказала Катеринѣ Францовнѣ принести.

Бездѣлушка уже по самой величинѣ своей оказалась не бездѣлушкой, потому что нѣмка только съ помощью лавка могла ее принести: внесли простой, досчатый ящикъ. Изъ него вынули что-то бережно завернутое въ бумагу, бумагу оборвали и тогда глазамъ всѣхъ явилась прелестнѣйшая вещица, когда-либо выходившая изъ рукъ парижскихъ затѣйниковъ-ювелировъ: блестящій, массивной бронзы трехногій столикъ съ малахитовою доскою, выложенною по срединѣ дорогою мозаичною звѣздою.

— Это вашей женѣ отъ меня, сказала Лиза Забучная.

— Полноте, Лизавета Ильинишна, разсмѣялся докторъ и бросился бѣжать къ дверямъ, но графъ загородилъ ему дорогу и, сгнѣясь, удержалъ бѣглеца за руку.

— Нельзя, нельзя, дѣвица предлагаетъ.

— Да помиуйте, за чтѣ-съ?

— Точно вы не знаете, чтѣмъ и она, и-ми всѣ вамъ обязаны, упрекаетъ Илья Борисычъ.

— Не возьму, ни за что не возьму. Да это меня знакомые насмѣхъ подымутъ, говорятъ весь перекофунзившійся Маркинсонъ:— у меня канура, хлѣвъ... Помиуйте, куда мнѣ это!... еще мужичинѣ!

— Это и не вамъ, Маркинсонъ, возражаетъ большая: — это вашей женѣ: это дамская вещь.

— Помиуйте, графиня, у меня и жены-то никакой нѣтъ, ха-ха-ха!

— Вы же говорили рага?

— Обмануль-съ. И онъ еще пуще хохочеть.

— Фп! какой срамъ, шутить дѣвушка, въ шутку закрывая лицо руками: — солгали.

— За то вы теперь будете здоровы.

— Все-таки, все-таки, фу! цѣлами не оправдываются.

— Не оправдываются, за то и не всегда вылечиваются жена-тими акушерами. Я не виноватъ.

Всѣ продолжаютъ смѣяться вмѣстѣ съ нимъ и уговаривать упрямаца принять подарокъ. Графиня даже обидѣлась этимъ отказомъ. Долго не могли добиться даже того, чтобы Маркинсонъ объяснилъ, чтѣ «главное» заставляетъ его отказываться... Наконецъ онъ началъ что-то объяснять, полусбываясь, нехотя, и видимо кофундываясь говорить... Это показалась всѣмъ очень стран-нымъ, особенно въ немъ. Онъ все что-то валегалъ на то, что подарокъ слишкомъ дѣшенъ, что это увеличило бы его доктор-скій гонораръ, что у него есть «свои резоны».

Графъ все успокивалъ его, увѣрялъ, что это идетъ у нихъ отъ чистаго сердца, что онъ наконецъ увлекается, что это излишній ригоризмъ. Онъ жалъ ему руку и улыбаясь замѣтилъ, что такъ у него, пожалуй, найдется казая-нибудь оригинальная отговорка и тогда, когда онъ, графъ, будетъ съ нимъ разсчиты-ваться за леченіе.

— Этого *ложнаго классицизма* (онъ въ шутку употребилъ тутъ это выраженіе) не имѣется, не грѣшны, засмѣялся Мар-кинсонъ.

— Почему же?

— Тутъ уже можетъ существовать право.

— Какое?

— Право гонорара, вознагражденія за трудъ.

Забуцкій какъ-то уже свысока, снисходительно улыбулся на это, какъ будто считалъ послѣднее выраженіе доктора только

пишною фразою. Онъ снялъ очки и сталъ, не торопясь, въ раздумья, протирать стекла платкомъ.

Но Кошинъ не вытерпѣлъ, завидѣвъ возможность пустить въ ходъ своего научнаго конька. Онъ не даромъ слылъ на службѣ за финансиста и принадлежалъ въ Петербургѣ къ какому-то кружку «любителей политической экономіи» и въ этомъ еще кружку, только что тогда сформировавшемся, выставлялся фронтредеромъ.

— Позвольте, докторъ, вмѣшался онъ: — позвольте, вы изволили употребить выраженіе: право гонорара, право вознагражденія за трудъ... Вы, конечно, знаете, что въ наукѣ именно то, что вы называете *правомъ* на какое-либо вознагражденіе, едва-ли не самый сбивчивый вопросъ.

Маринсонъ посмотрѣлъ на него удивленно. Ему вовсе не желалось научно смотрѣть на этотъ вопросъ.

— По этому вопросу существуетъ цѣлая самостоятельная литература, продолжалъ Кошинъ: — и, къ сожалѣнію, до сихъ поръ нечего не уяснено... Всѣ признаютъ, такъ-сказать, только инстинктивно, что оно существуетъ и нивагъ не могутъ уловить, изъ какихъ ингредиентовъ всегда слагается онъ.

— Отчего же-съ?

— Отчего? Онъ красиво пожалъ плечами: — есть такія вещи въ природѣ.

— Да, да, напримѣръ, какъ божество, вставилъ поспѣшно и не совсѣмъ кстати Илья Борисычъ: — какъ Богъ, котораго мы всѣ чувствуемъ—онъ поднималъ даже и руку вверхъ — но что это такое, какава это сила, каковы ея размѣры — это ускользаетъ отъ насъ.

— Консерваторы-экономисты, между тѣмъ не унимался молодой политико-экономъ, выставляютъ, вы знаете, главнымъ образомъ, права капитала; радикалисты — вѣдь и въ наукѣ всегда существуютъ всѣ эти цвѣта — радикалисты признаютъ право капитала, но приравниваютъ къ нему и право труда; и, наконецъ, социалисты выше всего ставятъ право труда, а право капитала почти ни во грошъ не ставятъ... Кто же правъ?

— Ну, да тутъ, словомъ, не мѣсто разсуждать, это научный вопросъ, сказалъ графъ.

Но Кошинъ уже слишкомъ зарвался въ споръ, чтобы сразу остановиться.

— Тѣмъ не менѣе, сколько ни спорили, продолжалъ онъ: — сколько ни писали, вопросъ этотъ врядъ-ли не такъ же далекъ отъ удовлетворительнаго разрѣшенія, какъ и въ началѣ спора, и такимъ образомъ все-таки вы должны признать, что наукой

не открыто еще таких реактивовъ, которые во всякомъ данномъ случаѣ могли бы показать намъ безошибочно, какіе элементы входятъ въ ту... спецію, улыбнувшись, объяснилъ онъ: — которую мы согласились называть — *правомъ* и въ какомъ размѣрѣ каждый. А безъ этого, согласитесь, невозможно пытаться опредѣлить самаго размѣра гонорара... Вѣдь вы вѣрно за науку?

Маркинсонъ все это прослушалъ со вниманіемъ, нѣсколько только насмѣшливо пощипывая подбородокъ: ему, впрочемъ, не нравилось только то, что Кошинъ такъ ужъ научно повелъ рѣчь.

— Все, что вы изволили сказать, совершенно справедливо, сказалъ онъ Кошину спокойно: — но это-то и подтверждаетъ мою правоту. И такъ, право признается?...

— Признается, признается...

— Только размѣры его не могутъ быть опредѣлены, такъ-какъ эта сторона не поддается до сихъ поръ нашимъ усиліямъ?...

— До сихъ поръ эта сторона вопроса только неясный абстрактъ нашего ума, объяснилъ нѣсколько уже фуфурно ученый чиновникъ.

— Въ такомъ случаѣ, какъ и всюду, доктору остается одно — брать подачку. Такъ и поступаютъ всѣ наши собраты.

— Ну, зачѣмъ же, зачѣмъ такъ крайне выражаться? возстала всѣ, хотя внутренно и соглашались, что выводъ былъ вѣрно сдѣланъ докторомъ. Люди стараго покроя всего больше боятся называть вещи ихъ настоящими именами.

— Мнѣ же кажется, что пока наука не поможетъ намъ здѣсь чѣмъ нибудь, добросовѣстнѣе было бы придерживаться вѣковаго правила во всѣхъ человѣческихъ сдѣлкахъ — правила договора.

— Какъ это, какъ это?

— Торговаться.

Всѣ стали въ тупикъ.

— Конечно, конечно, поспѣшно сказалъ графъ послѣ нѣкотораго раздумья: — это будетъ самое логическое, самое справедливое. — И посмотрѣлъ вопросительно на Кошина.

— Я вамъ впередъ и сказалъ, въ первый же день, что это будетъ стоять, напомнилъ графу Маркинсонъ, улыбаясь.

Графъ только теперь понялъ, какое важное значеніе имѣло тогдашнее предупрежденіе доктора...

Все это было такъ оригинально, такъ неожиданно, что всѣ не могли не придти на минуту въ недоумѣніе... Но насмѣшки не было замѣтно... Всѣ понимали, что каково бы ни было личное мнѣніе каждаго о такой системѣ, а смѣяться не надъ

чѣмъ: такъ ярко, послѣдовательно являлась здѣсь честность и вѣрность вывода оригинала. А у Толи Забудкаго — у того даже глава разгорѣлась, духъ захватило...

— Вы, докторъ, большой идеалистъ, сжимая руку Маркинсона, сказалъ только графъ. И улыбнулся добродушно.

Помолчали, подумали еще...

— И вы держитесь этому и въ своей практикѣ? спросилъ много погоды Кошинъ.

— Пытаюсь по крайней-мѣрѣ.

— И вамъ не приходится спотыкаться? по правдѣ скажите.

— Почти... И въ денежномъ отношеніи концы съ концами своєю вотъ уже сколько лѣтъ.

— Ничего не могу возразить противъ этого, сказалъ противникъ и замолчалъ, хотя и зачесалъ при этомъ недовѣрчиво подбородокъ.

Опять общее раздумье.

— Да, все тутъ зависитъ отъ характера, сказалъ графъ, но вотъ что, вдумываясь продолжалъ говорить онъ, все еще не будучи въ состояніи освободиться отъ впечатлѣнія, навѣяннаго оригинальностью доктора, вотъ что — это имѣетъ и свои дурныя стороны, вѣдь это щекотливый вопросъ — ваше докторское дѣло, съ такою теорією въ немъ — одинъ шагъ до черствости. Въ другомъ дѣлѣ — не сошлись — и ничего, а тутъ — ужасно! Что вы дѣлаете, если бѣдный попадается, немогущій заплатить сколько вы запросили?

Онъ опять надѣлъ очки, сдвинулъ ихъ на лобъ и уставился пристально на Маркинсона.

— Я, графъ, не безъ гордости хотя и слегка покраснѣвъ, объяснилъ докторъ: — съ самаго начала моей службы, съ тѣхъ поръ какъ обезпеченъ такимъ образомъ въ необходимомъ, лечу всѣ податныя сословія и всѣхъ бѣдныхъ даромъ, и ни съ одного еще ни копейки не взялъ... За нихъ у меня богатые расплачиваются, смѣясь, поспѣшно прибавилъ онъ: — это въ нѣкоторомъ родѣ у меня *l'impôt sur la richesse*.

«Чудакъ, несомнѣнно чудакъ», насмѣшливо вертѣлось у всѣхъ на умѣ.

— Только на какомъ же это правѣ можно заставить одного платить за другого? замѣчаетъ Кошинъ.

Докторъ пожалъ плечами.

— На какомъ въ Англии легально существуетъ *poor-tax*? въ свою очередь спросилъ онъ.

Кошинъ хотѣлъ доказать несостоятельность съ научной точки зрѣнія всего, что носитъ филантропическую подкладку, но

графъ послѣ нѣкотораго раздумья вмѣшался горячо, призналъ, что строгой, юридической или, если Кошинъ желаетъ, экономической основы это за себя не имѣетъ, но мораль, человѣческое и христіанское чувство за это, и что потому онъ за доктора и лично самъ всегда съ охотой заплатилъ бы въ три-дорога меду, еслибы зналъ, что это избавитъ трехъ бѣдняковъ отъ платы.

Такъ-таки въ этотъ разъ и не уговорили его взять столикъ. Онъ все отшучивался, ухватился за обыкновенную въ подобныхъ случаяхъ штуку — попросилъ у графини портретъ, отсмѣялся и отдѣлался таки... Онъ далъ больной послѣднее наставленіе, какъ беречься, и посоветовалъ графу, какъ только станетъ окончательно крѣпчать больная, держать ее болѣе на воздухѣ, — даже садовничать, копать совѣтывалъ, ѣздить верхомъ, развлекаться находилъ полезнымъ, и выѣзжать больше, не сидѣть дома.

Докторъ дружески со всѣми распрощался и ушелъ въ сопровожденіи графа, который пригласилъ его въ кабинетъ.

У себя въ кабинетѣ графъ снова повторилъ Маркинсону, даже съ нѣкоторою торжественностію, увѣренія, что никогда не забудетъ оказанной имъ услуги и, дружески пожимая ему руку, попросилъ его взять безъ церемоніи пять радужныхъ на первый разъ. Къ немалому удивленію графа, оказалось новое непредвидѣнное препятствіе: Маркинсонъ рѣшительно отказывался принять деньги, отговариваясь, что у него правило не брать ничего, пока пациентъ не выздоровѣетъ, и что онъ, во всякомъ случаѣ, не возьметъ столько, а возьметъ, какъ сказалъ, сто рублей.

— Чтѣ тутъ прикажете дѣлать? въ отчаяніи, и уже немного сердасъ, сказалъ графъ, шлепая себя по колѣну.

— Я, въ этомъ случаѣ, поступаю, какъ адвокатъ, объяснилъ Маркинсонъ: — приносятъ ему дѣло, надѣется выиграть, хватаетъ у него знаній и силъ — онъ договаривается и начинаетъ. Проигралъ — ничего не получаетъ, по своей же винѣ; выигралъ — твое, чтѣ выторговалъ.

— Утопія, любезный докторъ, прекрасная, честная, благородная, но все-таки утопія, перебилъ графъ, беря его за руки: — и не болѣе.

Маркинсонъ уже обидѣлся.

— Позвольте вамъ замѣтить, графъ, сухо сказалъ онъ на эти насмѣшки: — что вамъ ничто не даетъ права смѣяться и называть утопіею то, приложимость чего я уже нѣсколько лѣтъ на практикѣ испытываю съ успѣхомъ, и смѣяться такъ, какъ вы

не смѣтеть вѣрно надъ шарлатанствомъ прочихъ моихъ со-
братій.

— Я беру свое слово назадъ и извиняюсь, благородно сказалъ
графъ: — я не такъ выразился. — И онъ жметъ руки доктора.

— Моя система, продолжалъ, не слушая извиненій, Мар-
кинсонъ, ужь потому заслуживаетъ не васмѣшки, что она мо-
гла для невѣждъ... Это не мало!... Теперь что? — шулерство,
чистѣйшее шулерство, всегда направо падаетъ, всегда выигры-
ваетъ. Ни самолюбія, ни гордости! Одна мерзкая, хищная страсть
поживы! Ткнулъ носъ въ дверь — и рубль, ткнулъ въ другую —
другой. Есть ли польза больному, нѣтъ ли, докторъ все-таки свое
возьметъ... По нашему же такъ: человекъ говоритъ, что животь
у него болитъ, голова или глазъ. Больно? спрашиваю. — Больно,
говорить. — Давай, говорю я, смотря по трудности болѣзни, рубль,
пять рублей, десять, или двадцать-пять... Ужь тамъ мое дѣло, въ
день ли я тебя вылечу или въ мѣсяцъ — все равно пять, десять
или двадцать-пять рублей получу. Не вылечу — при тебѣ хоть твои
деньги останутся... Предоставляю вамъ, графъ, самому рѣшить,
гдѣ болѣе честности и въ чемъ менѣе черствости, предложилъ
докторъ.

— Спору нѣтъ, спору нѣтъ, любезнѣйшій Николай Федоро-
вичъ, горячо говорилъ графъ, держа его за обѣ руки: — спору
нѣтъ, что это прекрасно, что это благородно. Но свѣта не пе-
редѣлаете — и все-таки — утопія, я скажу, хоть сердитесь, хоть
нѣтъ.

— Однако, она мнѣ служить нѣсколько лѣтъ, и не измѣняется.
А до другихъ мнѣ нѣтъ дѣла.

Илья Борисычъ пожалъ плечами...

— Но теперь, улыбаясь добродушно, опять началъ онъ: — но
теперь, вы сдѣлаете мнѣ исключеніе на этотъ разъ, не станете
отравлять моего семейнаго счастья настоящей минуты и возь-
мете... Неправда ли?

И онъ опять протянулъ руку съ деньгами.

Маркинсонъ попытался.

— Просите, графъ, что нибудь другое... Исключеніемъ я васъ
обидѣлъ бы.

И онъ снова пустился объяснять, что если, черезъ мѣсяцъ или
два, не явятся симптомы этой же болѣзни у больной и все войдетъ
въ правильную норму, то это будетъ значить, что лечение было
вѣрно и теперь окончено.

— Тогда я самъ пришлю графу счетъ за лечение, предупре-
дилъ онъ, безъ всякой ложной церемоніи.

— Да, да. Ну, и по крайней-мѣрѣ, вы тогда не обидите меня, старика, который, опять повторю вамъ, считаетъ себя многимъ вамъ обязаннымъ по настоящему случаю...

— Очень немногимъ, графъ. Это вамъ такъ кажется. Пустячное было дѣло.

— Да, да, это скромность... И возьмете, продолжалъ графъ, и возьмете не какіенибудь несчастные сто рублей, а тѣ деньги, которыя я вамъ дружески предложу, оговорилъ онъ.

— При всемъ моемъ уваженіи и къ вамъ и ко всему, что я у васъ здѣсь встрѣтилъ, сказалъ съ чувствомъ докторъ:—я и тутъ вамъ не могу сдѣлать исключеніе.

— Это просто обида, докторъ, печально говоритъ Забуцкій:—я, кажется, не заслужилъ этого.

— Я могу, если угодно, вотъ что вмѣсто того попросить у графа... У меня есть дѣло, даже не одно, а нѣсколько. Если позволите, я расскажу въ короткихъ словахъ.

Графъ сейчасъ же охотно согласился, страшно засуетился, самъ опять подаль ему стулъ, усадилъ передъ собою и самъ усѣлся противъ, такъ что колѣнки ихъ даже сталивались.

Маринсонъ началъ передавать ему поочередно сущность всѣхъ своихъ слѣдственныхъ дѣлъ, съ которыми возился столько лѣтъ. И теперешнее со врачебною управой передалъ. Это послѣднее у него только что начиналось.

— Можетъ ли это быть? воскликнулъ графъ, когда выслушалъ весь рассказъ доктора.

— Я вамъ ручаюсь... И никакого движенія, никакого хода не даютъ, такъ и умерло, такъ и не слышно... Положить подъ сукно—и баста... Терпѣніе испытываютъ... Съ одного мѣста на другое переводятъ нарочно почаше, чтобы замазать, чтобы заставить выйти въ отставку. Не лучше ли прямо выгнать? Вѣдь это иезуитизмъ, графъ, согласитесь?

— Совершенно съ вами согласенъ, сказалъ Забуцкій, вставая:—и очень вамъ даже благодаренъ, что вы мнѣ это сказали. Теперь мой долгъ не скрывать этого... Я васъ попрошу составить мнѣ обо всемъ этомъ, нѣчто въ родѣ памятной записки,—я препровожу куда слѣдуетъ, при своемъ письмѣ, да и въ Петербургъ, увидѣвшись, передамъ директору медицинскаго департамента. Тамъ, вѣроятно, ничего этого не знаютъ... И еще могу вамъ вотъ что сдѣлать: дамъ вамъ письмо къ вашему губернатору. Онъ человѣкъ хорошій, молодой, либеральный, съ нимъ мы много работали вмѣстѣ по крестьянскому вопросу. Онъ, вѣ-

роотно, для меня сдѣлаетъ. Вамъ будетъ оказана всевозможная помощь къ раскрытію этихъ злоупотребленій. Ручаюсь вамъ.

Графъ проводилъ доктора черезъ всѣ длинныя апартаменты своего дворца до дверей комнаты, отведенной доктору, дружески протиснулся, общался завтра рано утромъ прислать обѣщанное письмо на имя либеральнаго губернатора, а потомъ опять вернулся въ комнату дочери (гдѣ опять засталъ всю компанію), чтобы передать своимъ, отчасти съ ироніею, а болѣе съ сочувствіемъ, новыя открытія на счетъ эксцентричности доктора.

Дочь прослушала все это съ любопытствомъ, Кошинъ съ саркастическою улыбкою, а Толя... Толя съ краской затаеннаго восторга на лицѣ, съ текущими слюнками, если можно такъ выразиться.

— Рисовка, замѣтилъ Кошинъ, элегантно запуская свои тонкіе пальцы въ бакенбарды.

Графъ даже разсердился; слегка, впрочемъ.

— Прекрасная рисовка, сказалъ онъ: — пятьсотъ рублей для бѣднаго человѣка деньги не малы, согласитесь?

— И идеализація... Идеалистъ, какъ вы же нашли давича, графъ, добавилъ насмѣшливо Кошинъ: — кого они удивить хотятъ?

Графъ уже вспыхнулъ.

— Чтò же, что идеалистъ?... И святые, и герои, и поэты всегда бываютъ идеалисты au fond... Значить ли изъ этого, что нѣтъ святыхъ или не было поэтовъ и героевъ, или что это нехорошо? Это не возраженіе.

А Толя по своему это же выразилъ:

— Вотъ это такъ люди, сказалъ онъ, когда отецъ, сдѣлавъ послѣднее возраженіе Кошину и, оставшись нѣсколько недоволенъ скептицизмомъ своего молодого друга, вышелъ изъ комнаты: — вотъ это такъ люди! (Это относилось къ доктору), а мы чтò? — Аристократы! — И ушелъ изъ комнаты, хлопнувъ дверью.

Кошинъ даже принялъ это на свой счетъ.

Толя же до перваго часу не ложился, и все ходилъ взволнованный по комнатѣ, поглядывая попрежнему съ текущими слюнками на дверь, откуда снизу свѣтился огонекъ у доктора. (Это докторъ оканчивалъ свою записку, надъ которою трудился всѣ эти дни). Тогдѣ все хотѣлось войти къ доктору и онъ всё не рѣшался...

Наконецъ, безконечное шаганіе обратило вниманіе Маринсона и онъ выглянулъ въ дверь, передъ тѣмъ, какъ совсѣмъ уже готовился лечь въ постель.

Толя подошелъ къ нему... Тотъ удивленно посмотрѣлъ на без-
покойное лицо молодого графа.

— Я... я въ отчаянномъ положеніи, задыхаясь, выговорилъ
Толя:— я... я окруженъ аристократами... Марвинсонъ чуть не
фыркнулъ—такъ это было неожиданно, некстати, и глуно.

— Покойной ночи, графъ, сказалъ онъ и затворилъ дверь у
него подъ носомъ.

— Я васъ глубоко уважаю, добавилъ-было поспѣшно Толя, но
Марвинсонъ этого ужъ не слышалъ.

У юноши даже лицо вытянулось, даже слезы выступили.

Утромъ докторъ уѣхалъ изъ Петровскаго, отправивъ записку,
которую писалъ всѣ эти дни, въ частную медицинскую газету,
издававшуюся въ губернскомъ городѣ.

Такъ въ Петровскомъ и осталась по немъ слава, что хорошій
человѣкъ, но... «большой идеалистъ».

Послѣдуйте теперь во вторую часть романа.

Дмитрій Гирсъ.

НОВАЯ ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА ЛАБУЛЕ.

(LE PRINCE-SANICHE).

VII*.

ГІАЦИНТЬ УЗНАТЬ, КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ РОТОВЪЯМЪ ВНУШАЮТЪ УВАЖЕНІЕ КЪ НАЧАЛЬСТВУ.

Окончательно убѣдившись въ своемъ превращеніи, Гіацинть посмотрѣлся въ зеркало и безъ труда помирился съ своею новою наружностью. Онъ былъ прелестный пудель. Его бѣлая, курчавая голова, черные глаза и вадернутый носъ придавали ему видъ напудренного маркиза. Онъ самоувѣренно прошелъ двѣ пустыя комнаты. Въ передней онъ увидалъ всѣхъ своихъ собакъ, вальшихся на персидскомъ коврѣ: ихъ служба состояла въ томъ, чтобы ничего не дѣлать; онѣ съ полнымъ усердіемъ исполняли свои обязанности.

Увидѣвъ незнакомца, полусонный борзой кобель всталъ, подошелъ къ нему, и обнюхалъ его отъ головы до хвоста и отъ хвоста до головы съ неприличною фамильярностью. Гіацинть, не желая терпѣть попочтительное обращеніе, оцѣтвился и зарычалъ. Тотчасъ же вся стая поднялась на ноги и бросилась на него съ лаемъ. Угрюмый бульдогъ заревѣлъ на своемъ собачьемъ нарѣчій: «у этого молодца нѣтъ ошейника. Это—проходимецъ: Ату его!» И въ ту же минуту онъ такъ больно укусылъ незнакомца, что Гіацинть мгновенно выскочилъ за окошко, какъ будто его выбросила какая нибудь пружина.

Къ счастью для династїи Тольпановъ, окно было невысоко. Гіацинть не ушибся.

«Эти глупыя животныя», подумалъ онъ: «меня не узнали; если я когда нибудь снова приму человѣческій образъ, а съ большимъ удовольствіемъ велю перебить всю эту сволочь».

* См. «Отеч. Зап.», 1868, № 2, отд. 1, стр. 877.

Гіацинтъ, выскочивъ изъ окна, очутился въ дворцовомъ саду, открытомъ для публики, и, пользуясь своимъ инкогнито, вмѣшался въ толпу, чтобы изучить поближе нравы своего добраго народа.

Аллеи были наполнены разряженными домами; было несмѣтное множество кормилицъ, нянекъ и дѣтей. Гіацинта особенно сильно поразили превосходный характеръ солдатъ. Кавалеристы и пѣхотинцы наперерывъ другъ передъ другомъ забавляли дѣтей и качали ихъ у себя на колѣняхъ. Суровые усачи играли въ обручъ, или носили вуколь. Гіацинтъ спокойно усѣлся въ саду, и заимбовался на двоихъ саперовъ, кружившихъ большую веревку, черезъ которую прыгали маленькія дѣвочки и ихъ няньки.

Вдругъ грубый голосъ сказалъ возлѣ него: «постой, голубчикъ; я тебя научу исполнять правила».

Гіацинта удивило то, что правила могутъ нарушаться въ его дворцовомъ саду. Онъ оглянулся, отыскивая глазами дерзлаго нарушителя, и въ эту самую минуту жестокой ударъ по головѣ отбросилъ его шаговъ на десять въ сторону. Онъ приподнялся и замазалъ; на него кинулся смотритель въ мундирѣ съ крикомъ: «убить, убить его. Онъ дѣлаетъ дерзости начальству».

При всей своей храбрости, Гіацинтъ не могъ бороться съ своимъ врагомъ; онъ побѣжалъ на трехъ лапахъ; его палачъ за нимъ. Кормилицы смѣялись, дѣти и солдаты видали въ него камни. Смотрѣтъ на мученія бѣднаго животнаго—это для Ротозѣвъ настоящій праздникъ. Къ счастью, рѣшетка была недалеко, и Гіацинту удалось благополучно проскользнуть мимо будви, въ калитку.

Разъяренный смотритель накинулся на часового.

— Вы выпустили собаку? сказалъ онъ.

— Да, сухо отвѣтилъ солдатъ.

— Зачѣмъ вы ее не ударили штыкомъ?

— Мнѣ это не было приказано.

— Запрещено впускать собакъ, если онѣ не на привязи.

— Запрещено впускать, а я выпустилъ.

— А, ты разсуждаешь! закричалъ смотритель:--какъ тебя зовутъ?

— Вы, господинъ Лелу, знаете, отвѣтилъ солдатъ:—что зовутъ меня Нарцисомъ.

— Нарцисъ, красавецъ Нарцисъ, возлюбленный Жирофле.

— Мадемуазель Жирофле меня не любитъ. Вы это знаете лучше всякаго другаго; вѣдь вы же хотите на ней жениться.

— Ну, голубчикъ, сказалъ смотритель:—такъ я же не упушу случая задать тебѣ урокъ. Эй сержантъ! крикнулъ онъ старому усачу:—посадить этого рядоваго на четыре дня подъ арестъ. Онъ разсуждаетъ.

Послѣ ухода зрителя, сержантъ подошелъ къ молодому солдату, и посмотрѣлъ на него отеческимъ взоромъ.

— Ты это напрасно сдѣлалъ, сынъ мой, сказалъ онъ: — ты себѣ службу портишь.

— Развѣ жъ это дурно рассуждать? нетерпѣливо спросилъ Нарцисъ.

— Болѣе чѣмъ дурно, сынъ мой; это—проступокъ.

— Почему, дядя Лафлёръ?

— Почему, сказалъ сержантъ:—ты у меня спрашиваешь почему? Понять, кажется, не трудно, это бросается въ глаза. Старшіе положили, что рассуждать не слѣдуетъ, потому что, если станутъ рассуждать, тогда кто правъ—тотъ и будетъ старшимъ, и тогда значить старшіе не будутъ всегда правы. Теперь понимаешь?

— Понимаю я то, сказалъ Нарцисъ вздыхая:—что послѣ-завтра мы уходимъ на новую стоянку, и что, если я завтра буду на гауптвахтѣ, то я не прошусь съ мадемуазель Жирофле.

— На счетъ этого примутъ свои мѣры, сынъ мой, сказалъ Лафлёръ, покручивая усы.—Еще не такіе мы старики, чтобы не уважать законнаго чувства. Вотъ идетъ капралъ, смѣнять тебя. Молчи и полагайся на мою чувствительность.

Во время ихъ разговора, Гіацинтъ, лежа на землѣ съ зашибленною спиною, предавался довольно печальнымъ размышленіямъ о регламентахъ и повиновеніи. Умомъ его начали овладѣвать сомнѣнія. Ему уже представлялся вопросъ, не лучше ли будетъ, если законы будутъ изготовляться тѣми людьми, къ которымъ они прилагаются. Но образъ бѣлокурой Тамарисы пришелъ ему на память: онъ тотчасъ прогналъ свои мятельные помыслы. Возможное ли дѣло, чтобы отецъ такой красавицы не былъ великимъ министромъ? Кромѣ того, могла ли бѣдная собака, грѣшившая по меньшей мѣрѣ невѣдѣніемъ, судить объ административныхъ соображеніяхъ и политическихъ замыслахъ графа Тушь-а-Ту?

VIII.

Въ чижовкѣ.

Да здравствуетъ философія! Трема звонкими словами, панвизанными на прекрасную теорію, она возноситъ душу выше мелкихъ страданій дѣйствительности! Гіацинтъ вышелъ изъ своего убожища, хромая на одну лапу и грязный до ушей, но исполненный уваженія къ поразившему его закону. Важнымъ и спокойнымъ шагомъ, какъ собака, уважающая свое достоинство, онъ вошелъ въ большую улицу, шедшую возлѣ дворца, и сталъ смотрѣть

по сторонамъ, чтобы ближе пзучать тотъ народъ, надъ которымъ онъ призванъ былъ господствовать.

Впереди и позади его тянулся необозримо-длинный, двойной рядъ великолѣпныхъ домовъ. Всѣ дома были похожи одинъ на другой: та же высота, та же крыша, тѣ же этажи, то же число оконъ, тѣ же рѣшетки, тѣ же балконы, тѣ же двери: различны были только нумера. Можно было подумать, что это одинъ дворець, или монастырь, или госпиталь, или казарма растянудись версть на пять въ длину: однообразіе царило во всемъ своемъ великолѣпіи.

Улица была какъ же восхитительна, какъ и домá. По широкимъ тротуарамъ двигалась ровными шагами сплошная толпа. Городские, разставленные на мостовой, заботились о томъ, чтобы каждый держался вправо, и шелъ въ ногу въ своемъ ряду. Черезъ улицу позволялось переходить только тѣмъ, кто возвращался домой, или сворачивалъ въ боковую улицу, да и въ этомъ случаѣ надо было обращаться къ начальству, которое, со шпагою на боку, присматривало за шествіемъ гражданъ и предлагало руку дамамъ. Зрѣлище было величественное. Было замѣтно, что невидимый глазъ сѣдитъ за каждымъ Ротозѣемъ во время самыхъ невинныхъ его развлеченій и поддерживаетъ то равенство, которымъ славится великая нація. Всѣ мужчины были украшены знаками отличія; точно будто они обокрали радугу, и подѣлили между собою ея цвѣта. Женщины также были всѣ покрыты лентами; у всѣхъ были огромные шиньоны красныхъ волосъ, украшенные розовыми, голубыми или бѣлыми паветками; издали это были точно цвѣточныя вѣнки, небрежно брошенные на концы сѣна. Изящество было несравненное!

Гіацинтъ примкнулъ къ рядамъ, и скромно пошелъ возлѣ толстаго мѣщанина, читавшаго наставленія своимъ сыновьямъ. «Ни подъ какимъ видомъ, говорилъ онъ имъ: не будьте своеправны, не разсуждайте, не думайте своимъ умомъ. Наше общество такъ хорошо устроено, что всякій дерзкій, выходящій изъ рядовъ и нарушающій приказанія, тотчасъ оплевывается, изгоняется и уничтожается. Смотрите на меня, дѣти мои, я всегда повторялъ, что говорили всѣ, я всегда дѣлалъ, что дѣлали всѣ; у меня никогда не было ни собственной мысли, ни собственной воли; вотъ я и дошелъ до всего безпрепятственно: всякій протягивалъ мнѣ руку. Я богатъ, меня уважаютъ, мнѣ кланяются, и, кабы я захотѣлъ, я могъ бы сдѣлаться важнымъ лицомъ. Но я ненавижу политику; по моему, нѣтъ ничего глупѣе, какъ заниматься общественными дѣлами, когда есть правительство, получающее жалованье для того, чтобы избавлять насъ отъ этой скучной заботы.

Я—настоящій Ротозѣй, и горжусь этимъ. Да здравствуютъ деньги и наслажденія! Въ нихъ все!

Гиацинтъ съ уваженіемъ слушалъ мудраго старца, когда вдругъ открыли фонтаны. Чистая вода потекла по канавамъ. Съ утра бѣдный пудель изнемогалъ отъ жажды; онъ подумалъ, что, не посягая на существующій порядокъ и не нарушая установленныхъ правилъ, онъ можетъ попользоваться этою водою, которая, повидному, тека для всѣхъ. Соскользнувъ съ тротуара, онъ погрузилъ свою морду въ свѣжія струи, и потомъ, уступая естественному влеченію, сталъ купаться. Трепетъ неиспытаннаго удовольствія пробѣжалъ по его избитому тѣлу, и онъ, оставаясь попрежнему скромной собакою, почувствовалъ сладость бытія.

Выйдя изъ воды, Гиацинтъ, уважавшій приличія, сталъ посреди улицы, чтобы никого не забрызгать, и сталъ отряхивать свою мокрую шерсть. Сладострастная дрожь щекотала ему тѣло, когда грубая рука ухватила его за шею и подняла на воздухъ, такъ что всѣ четыре лапы его заболтались въ пространствѣ.

— Унтеръ-офицеръ, закричалъ палачъ, бросая пуделя на руки къ городовому:—вотъ еще собака безъ ошейника и безъ намордника. Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ это уже вторая. За третью, я васъ отрѣшу отъ должности, .

— Бродяга, сказалъ унтеръ-офицеръ, и при этомъ чуть не задушилъ своего плѣнника:—ты умрешь отъ моей руки. Я тебя вначу грубить начальству.

Къ счастью для Гиацинта, крытый фургонъ проѣзжалъ по улицѣ; городской окликнулъ возницу.

— Эй Пьеро! крикнулъ онъ:—возьми ты этого мерзавца, пусть онъ у тебя проплашетъ птичью сарабанду.

— Будьте покойны, господинъ унтеръ-офицеръ, смѣясь отвѣтилъ возчикъ:—у меня ихъ тутъ штукъ двадцать: всѣхъ пере-вѣшаемъ.

Гиацинта бросили въ темную повозку, и онъ упалъ на кучу собакъ, наваленныхъ одна на другую; послышался лай; поднялась грызня; затѣмъ Гиацинтъ пробрался въ уголокъ и сталъ раздумывать на досугъ о превосходной полиціи графа Тушь-а-Ту.

Эти размышленія продолжались недолго; повозка остановилась: открыли дверцу, и Гиацинтъ очутился въ обширномъ дворѣ, среди нѣсколькихъ десятковъ собакъ, которыя, подобно ему, были лишены свободы.

Общество было смѣшанное: были тамъ собаки всякой масти и всякаго роста, отъ тонконогаго изящнаго гавана до приземистаго сварливаго бульдога. Образовались группы; Гиацинтъ, по

естественному инстинкту, приблизился къ мѣстной аристократіи, и услышалъ разговоръ, напомнившій ему придворные рауты.

— Я не понимаю, какъ осмѣлились меня арестовать, говорила красивая болонка съ умными глазами:—я вышла изъ дому съ табакеркой моего хозяина-капитана, за табакомъ, какъ хожу всегда. Какъ это не замѣтили, что я военная собака? Любопытно узнать, потерпѣть ли армія это оскорбленіе?

— Я съ своей стороны, сказала левретка въ пальто:—очень довольна тѣмъ, что со мною случилось. Этимъ болванамъ нуженъ урокъ. Имъ скоро покажутъ, кто я такая.

— Вы чья же? спросилъ большой водолазъ.

— Мой любезный, вашъ вопросъ невѣжливъ, отвѣтила вос-
троносая барышня.—Я ничья; и еслибы вы были грамотны, вы прочитали бы на моемъ ошейникѣ: *Я—Мирза, Жонкиль мнѣ принадлежитъ*. У меня есть горничная, и она каждый день часа по два моетъ меня мыломъ, у меня есть лакей, и вся его служба въ томъ, чтобы водить меня гулять. Ахъ! вскрикнула она, поднимая лапу и какъ-бы дѣлая стойку:—что это за сверный пудель и какъ онъ смѣетъ къ намъ подходить! Фи! гадость, собака ка-кого нибудь слѣпаго нищаго! Я ненавижу народъ. Отъ него дурно пахнетъ.

Водолазъ, какъ услужливый кавалеръ, бросился къ Гиацинту, и такъ выразительно посмотрѣлъ на него, что принудилъ его удалиться.

Въ эту минуту отворилась дверь. Вошелъ смотритель, вслѣдъ за господиномъ въ зеленомъ сюртукѣ, съ розеткою изъ разноцвѣтныхъ лентъ въ петлицѣ. Завороченные обшлага и бѣлые манжеты намекали на то, что онъ медикъ.

— Вотъ вынѣшній уловъ, господинъ докторъ, сказалъ тюремщикъ.—Хотите этого водолаза?

— Нѣтъ, любезный мой Ла-Дусерь, отвѣтилъ докторъ.—Мы намедни вскрывали одного водолаза. Онъ три раза укусилъ насъ, прежде чѣмъ рѣшился издохнуть. Ну ихъ совсѣмъ, этихъ скотовъ, что защищаются. Нивакого нѣтъ удовольствія потрошить ихъ.

— Можеть, вамъ пригодится этотъ пудель?

— Нѣтъ, не надо мнѣ пуделей. Мои студенты пустятся въ сентиментальность. Не хочу плебейской собаки. Дайте-во сюда эту болонку.

Смотритель взялъ со стѣны сѣтку и накинугъ ее на болонку, которая не оказала ни малѣйшаго сопротивленія,

— Славная собачка, сказалъ докторъ, ощупывая болонку:—и хорошо содержится. Я ее возьму. Мы деликатнѣйшимъ манеромъ введемъ въ ея желудокъ металлическую коробочку, и посредствомъ

этого остроумнаго приѣма изучимъ основательно процѣсь пище-варенія.

— А законъ, покровительствующій животнымъ? смѣясь замѣ-тилъ Ла-Дусерь:—мнѣ вѣжета, вы, господинъ докторъ, обходи-тесь съ нимъ черезчуръ безцеремонно.

— Законъ не для насъ писанъ, отвѣтилъ докторъ.—Мы не лю-ди, мы—наука.

— Это что? спросилъ тюремщикъ, снимая ошейникъ съ соба-ки.—Видите тутъ на мѣдной бляхѣ вырѣзано пять буквъ: Я. П. В. Г. П. и двѣ сращенныя сабли; я чую заговоръ.

— У васъ тонкое обоняніе, сказалъ докторъ.

— Милостивный государь, я служилъ десять лѣтъ у барона Плёрара; я научился на все смотрѣть недоувѣрчиво, всего боять-ся; это вѣрное средство не остаться въ дуракахъ. Кромѣ того, если я открою заговоръ, моя карьера устроена: мени сдѣлаютъ тюремщикомъ въ настоящей тюрьмѣ. Грустно сторожить собакъ, когда чувствуешь себя способнымъ караулить людей.

— Вы честолюбивы.

— Разумѣется, во мнѣ кипятъ благородныя стремленія; я хочу, подобно многимъ другимъ, проложить себѣ дорогу, спасая короля и отечество. Я. П. В. Г. П. вѣдь это значить очевидно: «я пре-зираю ваше глупое правительство». А переверщенныя сабли—это символъ, это условный знакъ.

Дверь быстро распахнулась; вошелъ офицеръ, съ длинными усами, съ хлыстомъ въ рукѣ, шляпа на бекрень, видъ разъ-аренный.

— Касторъ здѣсь? закричалъ онъ.—Черти васъ дери! Пода-вайте его сюда.

Услышавъ этотъ голосъ, болонка вырвалась изъ рукъ доктора и кинулась на своего хозяина, какъ будто хотѣла его съѣсть.

— Тише ты, глухой, тише, голубчикъ, сказалъ офицеръ рас-троганнымъ голосомъ.—Постой, Касторъ, мнѣ надо тутъ свести свои счеты. Кто себѣ позволилъ арестовать офицерскую собаку?

— Милостивный государь, законъ существуетъ для всѣхъ граж-данъ, сказалъ честный Ла-Дусерь.

— Молчать, грубиянъ! сказалъ капитанъ.—Вы должны знать, что солдаты не граждане. Я сію минуту пойду въ моему двою-родному брату, главнокомандующему, и выгоню васъ въ отставку.

— Но сначала я представляю въ судъ этотъ подозрительный ошейникъ, отвѣтилъ тюремщикъ, побагровѣвъ отъ досады.

— Оселя! дайте сюда ошейникъ! крикнулъ офицеръ.

— Милостивный государь, сказалъ докторъ, чувствуя необхо-димость произвести диверсію:—будьте такъ добры, объясните намъ,

что значать эти пять буквъ: Я. П. В. Г. П. и эти скрещенны сабли?

— Съ удовольствіемъ, милостивый государь; это начальныя буквы моего имени и эмблема моего званія: Яворъ-Пустоцкѣтъ, Виконтъ Гордой Посредственности, капитанъ кирасирскаго полка, въ вашѣмъ услугамъ.

— Господинъ виконтъ, сказалъ Ла-Дусеръ, понуривъ голову:— почтительнѣйше прошу васъ извинить меня, и принять увѣреніе, что, по моему докладу, администрація строго накажетъ того, кто позволилъ себѣ арестовать собаку капитана.

Послѣ ухода офицера, тюремщикъ вздохнулъ.

— Вы видите, господинъ докторъ, легко ли мнѣ на моемъ мѣстѣ. Во сто разъ пріятнѣе было бы мнѣ быть министромъ. Посадить въ тюрьму человѣкъ пятьдесятъ гражданъ, неизвѣстно за что, всѣ молчатъ, никто не заявляетъ претензій; а тутъ, изъ-за несчастной собаки, арестованной на законномъ основаніи, мнѣ приходится выслушивать дерзости и угрозы. О, управлять людьми гораздо легче, чѣмъ собаками.

Въ ту минуту, когда Ла-Дусеръ заканчивалъ свою жалобу, его грубо ударили по плечу. Раздраженный такою фамиллярностью, онъ обернулся и тотчасъ же сталъ улыбаться самою любезною улыбкою. Передъ нимъ стоялъ огромный лакей въ королевской ливреѣ, красной съ золотомъ.

— Милѣйшій, сказалъ лакей покровительственнымъ тономъ:— нѣтъ ли у васъ тутъ сѣрой левретки въ бархатномъ пальто?

— Милостивый государь, сказалъ тюремщикъ влкаясь:— она только что сюда явилась.

— То-есть, какъ это только что? спросилъ надменный лакей.

— Всего минутъ десять тому назадъ, милостивый государь.

— Минутъ десять! повторилъ человѣкъ краснѣя съ золотомъ.— По какому же это случаю левретка пять минутъ тому назадъ не доставлена въ министерство?

— Въ министерство! закричалъ Ла-Дусеръ, сгибаясь въ три погибели.— Но, милостивый государь, я еще не успѣлъ осмотрѣть послѣдній привозъ.

— Надо было успѣть, сказалъ лакей, подымая къ себѣ левретку.— Вы, кажется, смѣшиваете это благородное животное со всею вашею сволочью; вы читаете что ли не умѣете? Не видите, что тутъ написано на ошейникѣ!

— Извините, сказалъ тюремщикъ въ крайнемъ смущеніи:— тутъ написано: *Я — Мирза, Жонкиль мнѣ принадлежитъ*. А что же это такое Жонкиль, милостивый государь?

— А! вы не знаете мадемуазель Жонкиль, первую горничную

вионтесы Тамарисы, дочери его сіятельства, графа Тушь-а-Ту! А! вы арестуете левретку горничной дочери перваго министра, и не приводите ея немедленно въ министерство! Хорошо, голубчикъ, вамъ дадутъ свободное время, чтобъ вы могли поучиться исторіи и географіи!

— Но, милостивый государь, арестованіе совершилось законнымъ порядкомъ. Я только исполнилъ законъ.

— Законъ? сказалъ лакей презрительнымъ тономъ. — Вы думаете, законъ писанъ для собакъ правительства? Сегодня вечеромъ, васъ внучать уважать администрацію. Это вамъ будетъ не лишнее.

И, взявъ левретку на руки, красный лакей удалился величественною поступью.

— Дерзкій негодяй! сказалъ докторъ.—Я бы съ удовольствіемъ вскрылъ ему черепъ. Хотѣлось бы мнѣ посмотрѣть, какъ у него тамъ въ головѣ вѣтеръ ходитъ.

— Ахъ, милостивый государь, онъ говорилъ чистую правду, застоналъ Ла-Дусерь.—Ваше посѣщеніе меня погубило. Не будь васъ, я вышелъ бы въ люди. Я бы узналъ это благородное животное, отнесъ бы его къ мадемуазель де-Жонкиль; мадемуазель де-Жонкиль держитъ въ рукахъ свою очаровательную барышню, барышня держитъ въ рукахъ отца, а отецъ держитъ въ рукахъ все... На меня посыпались бы милости. А теперь меня погубили мое невѣжество и моя глупость.

— Нѣтъ, сказалъ докторъ:—я немножко знакомъ съ этою Жонкиль; я ее лечилъ; я улажу ваше дѣло. Съ вашими солидными качествами, любезный мой Ла-Дусерь, человѣкъ, рано или поздно, непременно составитъ себя карьеру въ администраціи. Черезъ нѣсколько лѣтъ, вы будете оказывать мнѣ покровительство. Покуда, пришлите мнѣ сегодня вечеромъ этого милаго пуделя въ мою лабораторію при судебной палатѣ. Онъ мнѣ нравится; у него такое невинное и кроткое выраженіе; я не хочу, чтобы его повѣсили, какъ бродягу. У насъ разбирается прелюбопытный случай, и я приглашенъ въ качествѣ эксперта; дѣло идетъ объ одной женщинѣ: одни говорятъ, что ее задушили, другіе—что отравили. Завтра мы узнаемъ всю подноготную; я сначала отравлю это доброе животное, а потомъ задушу его. Опытъ будетъ въ высшей степени интересны.

— И вы не забудете замолвить за меня словечко у мадемуазель де-Жонкиль, сказалъ тюремщикъ вздыхая.—У меня, право, господинъ докторъ, совсѣмъ голова кругомъ идетъ. Если законъ не предлагается ни къ наукѣ, ни къ арміи, ни къ горничнымъ,

ни къ лакеямъ, ни къ собакамъ правительства, то къ кому же онъ прилагается?

— А къ тому, кто по простотѣ своей попадаетъ, сказалъ докторъ, смѣясь надъ озадаченнымъ тюремщикомъ.

IX.

Появленіе Арлекина.

Пробыть два дня королемъ, чувствовать себя молодымъ, красивымъ, любимымъ, и вдругъ, по капризу судьбы, сдѣлаться собакою, и видѣть впереди отравленіе и удушеніе на алтарѣ судебной медицины — это ударъ слишкомъ тяжелый для шестнадцатилѣтняго сердца. Гіацинтъ прилежъ въ углу двора, и протяжнымъ стономъ выразилъ свое горе и свою безсильную ярость. При этомъ звукъ грязный овчаръ, лежавшій на землѣ, открылъ глаза, поднялъ голову, и косо посмотрѣлъ на Гіацинта.

— Право, зарычалъ онъ:—подумаешь, что тутъ только вашу милость и повѣсятъ. Не мѣшайте спать.

— Не сердись, товарищъ, сказалъ старшій бульдогъ:—видишь, это ребенокъ плачетъ... Иди сюда, крошка, я хочу поговорить съ тобою.

Гіацинтъ посмотрѣлъ на говорившаго. То былъ огромный бульдогъ. Глаза, налитые кровью, обрубленные уши, широкая черная морда, толстый приплюснутый носъ, губы, покрытыя пѣною—по всѣмъ признакамъ неважный баринъ; но въ его грубомъ голосѣ было столько доброты, что принцъ-пудель доверчиво подошелъ къ своему новому другу и прилежъ возлѣ него.

— Юноша, сказалъ старшій бульдогъ:—ты такой чистенькій и подстриженный. У тебя, должно быть, есть хозяйка, какаянибудь старая маркиза, какаянибудь разбогатѣвшая мѣщанка. Отчего это за тобою никто не присылаетъ?

— Нѣтъ у меня хозяйина, гордо отвѣтилъ Гіацинтъ.—Я никогда никому не отдамъ въ кабалу. За то меня и убьютъ эти низкіе палачи.

— Bravo, дитя мое, отвѣтилъ бульдогъ.—Люблю, когда молодые собаки презираютъ ошейникъ. Счастіе твое, что ты встрѣтился съ Арлекиномъ: старшій Арлекинъ никогда не покидаетъ своихъ друзей. Не совѣмъ еще насъ съ тобой скрутили. Видишь, вонъ колода; ты пролѣзь за нее, тамъ начата яма; ты работай поосторожнѣй, и надѣйся на меня.

Гіацинтъ подползъ подъ колоду, и увидѣлъ передъ собою деревянную изгородь, подъ которой уже вырыта была яма. Лапами

и рыломъ онъ сталъ выкапывать землю съ такимъ усердіемъ, что скоро довелъ свой подкопъ до самаго основанія забора, и увидѣлъ свѣтъ, проходившій снаружи. Но силы его истощались и его окованные лапы отказывались служить ему.

— Живо! сказалъ Арлекинъ, показывая вдругъ свою курносую морду.—Въ сѣняхъ слышны голоса. Время не терпять.

Онъ легъ на брюхо, проползъ въ яму, и поглядѣлъ въ щели растрескавшейся доски.

— Побѣда! сказалъ онъ.—Работа кончена, на той сторонѣ земли нѣтъ.

Онъ ударилъ головою, какъ тараномъ, въ самую гнилую доску, и тряхнувши шеей и плечами, проломилъ ее безъ труда.

— За мной, малютка, сказалъ онъ товарищу:—да не шуми.

Если Гиацинтъ надѣялся спастись, то заблужденіе его оказалось непродолжительнымъ. Друзья очутились во дворѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ высокими стѣнами. Мертвыя собаки на висѣлицахъ, съ высунутыми языками, ободранныя трупы, кучи свѣжихъ шкуръ, ручки кровавой грязи—зрѣлище было неутѣшительное. Арлекинъ имъ не смутился. Весь поглощенный мыслями о бѣгствѣ, старый бродяга пробирался вдоль стѣнъ, высматривая, нельзя ли будетъ какъ нибудь изловчиться или воспользоваться счастливою случайностью, чтобы выбраться на свободу.

Добравшись до полуотворенной двери, онъ остановился и посмотрѣлъ на Гиацинта, шедшаго по его слѣдамъ. Повернувшись къ нимъ спиною, сидѣлъ за этою дверью Ла-Дусеръ; онъ курилъ трубку и читалъ газету. Онъ сидѣлъ возлѣ стеклянной двери, отворившейся на улицу. Тюремщикъ своею толстою особою плотно загоразивалъ проходъ. Плѣнникамъ не было спасенія.

— Дѣлай по моему, шепнулъ бульдогъ на ухо пуделю. И, притаявшись въ тѣни, онъ поползъ на брюхѣ, и безъ шума подкрался къ тюремщику.

Ла-Дусеръ читалъ *Официальную истину*, придворную газету. Онъ дошелъ до слѣдующаго параграфа, который интересовалъ его особенно сильно:

«Въ числѣ 1.352,000 прошеній, представленныхъ его величеству въ день его восшествія на престолъ, замѣчательно прошеніе подъ № 125,727. Оно составлено обществомъ покровительства животнымъ. Эти чувствительныя души, ежедневно возмущаемыя тѣми жестокостями, которыя обрушиваются на животныхъ, просятъ правительство, чтобы бродячихъ собакъ, арестуемыхъ ежедневно, на будущее время не вѣшали, и чтобы этому варварству былъ положенъ конецъ. Общество полагаетъ, что ихъ можно было бы лишать жизни, доставляя имъ безболѣзненную

и даже пріятную смерть, посредствомъ хлороформа или синильной кислоты, и соглашая такимъ образомъ требованія справедливости съ голосомъ человѣчности».

— Чортъ ихъ дерн, этихъ филантроповъ! сказалъ тюремщикъ, комкая газету.—Вѣчно они ищутъ вшей на головахъ у бѣдныхъ людей. Дали бъ имъ поскорѣе крестъ, и пускай бы они насъ въ покоѣ оставили! Прошу покорно, развѣ-жъ не справедливо душиить теперешнихъ собакъ такъ точно, какъ душили ихъ отцовъ и дѣдовъ? Бѣдная тварь! Кабы справился съ ихъ вкусами, я увѣренъ, что онѣ предпочли бы веревку всѣмъ этимъ антекарскимъ хитростямъ. Къ веревкѣ онѣ ужъ такъ давно привыкли.

Въ ту минуту, когда онъ произносилъ эти слова, огромная масса упала къ нему на шею, и выбросила его на улицу головой впередъ. Разъяренный до крайности, онъ приподнялся, и увидѣлъ вдали двухъ собакъ, бѣжавшихъ прочь во весь опоръ. Онъ хотѣлъ кинуться за ними, но въ эту минуту вся армія плѣнныхъ собакъ, замѣтивъ дорогу къ свободѣ, пронеслась черезъ открытое окно. Напрасно добрый Ла-Дусеръ звалъ на помощь; лай покрывалъ его крики; всѣ усилія остались бесполезными. Въ этотъ день, по винѣ Арлекина, палачу не было работы и, какъ замѣтила офиціозная газета, на статую Закона пришлось набросить покрывало.

Х.

Совачьѣ философія.

Арлекинъ бѣжалъ какъ старый волкъ, поджимая хвостъ, а Гіацинтъ напрягалъ всѣ свои силы, чтобы не отстать отъ товарища. Они бѣжали по темнымъ переулкамъ, по узкимъ улицамъ, по пустымъ задворкамъ; наконецъ бульдогъ остановился, высунувъ языкъ, и началъ отдуваться.

— Малютка, сказалъ онъ товарищу:—отдохни. Мы теперь дома.

Они вошли во дворъ фермы, обстроенный съ обѣихъ сторонъ запущенными стойлами и сараями. Передъ ними возвышались огромныя кучи навоза и мусора, среди которыхъ виднѣлись грядки лука, моркови, салада и дынь. Все это было совершенно непохоже на свѣжія зеленныя клумбы дворцоваго сада.

Бульдогъ забилъ лапы и носъ въ кучу грязи, и вытащилъ оттуда нѣсколько костей, на которыхъ еще торчали клочья кроваваго мяса. Затѣмъ, прыгнувъ на навозную кучу, онъ началъ убирать за обѣ скулы открытую добычу. Гіацинтъ, въ это время, подошелъ къ фонтану, и сталъ обмывать свои ободранныя лапы и воспаленную морду.

— Ну ты, привередникъ, заворчалъ старый Арлекинъ:—когда перестанешь полоскаться тамъ, какъ утка, приходи со мной ужинать.

Гіадинтъ взобрался на вучу и не безъ удовольствія растянулся на этомъ простомъ деревенскомъ ложѣ.

Онъ взялъ кончиками зубовъ кость, переданную товарищемъ; но онъ былъ такъ утомленъ, и эта новая кухня была ему такъ непривычна, что онъ совсѣмъ не могъ ѣсть.

— Здѣсь твой хозяинъ живетъ? спросилъ онъ у бульдога.

— Милое дитя мое, у меня хозяина нѣтъ, и никакого мнѣ хозяина не нужно. Года два-три тому назадъ, я вошелъ сюда случайно; меня никто не тронулъ; на вторую ночь, я отплатилъ за гостепрѣимство—оборвалъ ноги любопытнымъ людямъ, перескочившимъ черезъ стѣну посмотреть вблизи, не поспѣлъ ли салатъ. Съ тѣхъ поръ со мною обращаются, какъ съ другомъ дома. Ночью, я прогуливаюсь тутъ по огороду, днемъ бѣгаю въ городъ или сплю на своей навозной кучѣ; никто обо мнѣ не тревожится, и я ни о комъ не тревожусь. Въ мои лѣта больше ничего и не требуется.

— Ты, значитъ, не всегда такъ жилъ? спросилъ Гіадинтъ.

— О, нѣтъ, дитя мое; я былъ молодъ, и, подобно всѣмъ существамъ моей породы, любилъ людей; но негодян давно вылечили меня отъ этого безумія.

— Они тебя колотили, хотѣли убить тебя?

— Кабы одно это, сказалъ Арлекинъ—я бы ихъ до сихъ поръ любилъ. Палочные удары не страшны собачьему сердцу; чловѣкъ золь, это его природа, съ этимъ я бы помирился. Но не могу я ему простить того, что онъ неблагодаренъ и вѣроломненъ. Выслушай мою исторію, и пускай она пойдетъ тебѣ въ прокъ.

«Прежде всего припоминается мнѣ прекрасная молодая дѣвушка, моя воспитательница. Я еще теперь вижу ее, какъ она брала меня на руки, цаловала меня, крошила мнѣ хлѣбъ въ чашку съ молокомъ. И какъ же я ее любилъ! Бывало, чуть завизу милую дѣвушку, сейчасъ прыгать, лаять! Мнѣ такъ пріятно было забавлять ее. Ея удовольствіе было моею жизнью. Наша взаимная вѣжность продолжалась полгода; вдругъ, въ одно прекрасное утро, моя повелительница замѣтила, что я сильно расту и толстѣю; въ тотъ же день она продала меня за два талера сосѣдѣ-мясничихѣ. Меня промѣняли на кингъ-чарльса.

«Новая моя госпожа была молодая вдова; мужъ не оставилъ ей ничего, кромѣ мясной лавки. Ей приходилось работать безъ усталы, и меня она выбрала себѣ въ компаньоны по работѣ. Каждое утро, она запрагала меня въ тележку, и мы съ нею бѣгали по городу, собирали заказы, развозили говядину. Ра-

бота была тяжелая, только я не жаловался, и важно поднимал голову, когда возилъ свой грузъ. Я привязался къ бѣдной женщинѣ, я гордился тою мыслью, что, по моей милости, ея дѣла съ каждымъ днемъ поправляются: я это чувствовалъ по тяжести тележки. Одинъ былъ порокъ у моей мясничихи: очень у нея рука была прытка; все бывало кнутомъ поддерживаетъ мое усердіе и награждаетъ за старательность. Я, впрочемъ, за это не сердился; глупъ бываешь, когда любишь. Но, разъ утромъ, сводя счеты, барыня моя замѣтила, что у нея хватить денегъ завести себѣ лошадей и мужа, чтобъ они вмѣсто нея мыкались по городу. Меня сейчасъ въ отставку: больше ненуженъ. Я всю силу свою погубилъ на службѣ у моей госпожи: она жъ меня сама и за дверь вышвырнула; я воротился, сталъ нѣжно визжать, она встрѣтила меня палкой и такъ меня обработала, что сосѣди закидали меня камнями, стараясь мнѣ внушить, что въ благоустроенномъ городѣ никто не имѣетъ право выть, когда его колотятъ.

«Испытаніе должно было бы меня исправить; но я былъ глупъ: жить не могъ безъ привязанности; черезъ нѣсколько дней, я уже носилъ хлѣбъ одной булочницѣ; она меня кормила плохо, а была часто; но у нея былъ ребенокъ—тотъ игралъ со мною: съ меня было довольно; я забывалъ свои огорченія. Работалъ я на своихъ новыхъ господъ года два; вдругъ карета наѣхала на нашъ скромный экипажъ и опрокинула его. Мнѣ переломили лапу, и я воротился домой на трехъ ногахъ. Недолго я оставался дома; леченіе мое могло затануться и стоить денегъ, а булочница была женщина расчетливая, любила беречь про себя свои деньги и свое состраданіе; въ тотъ же вечеръ, она стала гладить меня рукой, и въ то же время набросала мнѣ въ тарелку какихъ-то преапетитныхъ катышекъ. Подбѣжала курица, клюнула катышку; перья у нея растопырились, она закрыла глаза и тутъ же околѣла. Это заставило меня задуматься; въ ту же ночь, я ушелъ изъ этого неблагодарнаго дома, и рѣшилъ, что никого больше не буду любить. Первая продала, вторая избила, третья хотѣла отравить—урокъ былъ вразумителенъ; я простился съ людьми, и сдѣлался волкомъ, чтобы избѣгать и презирать ихъ.

— Ты былъ несчастливъ, сказалъ Гіацинтъ: — несчастіе мѣшаетъ быть справедливымъ. Не всѣ же женщины такія злодѣйки, какъ твои измѣнницы.

— Ошибаешься, дитя, отвѣтилъ Арлекинъ.—Въ этомъ жалкомъ отродѣ не изъ чего выбирать. Самцы и самки, дѣти и взрослые, всѣ измѣнники, всѣ мерзавцы. Прежде всего замѣть, что каждое изъ этихъ двуногихъ животныхъ краснѣетъ

за себя. и всѣмъ средствами старается скрыть убожество и безобразіе своего тѣла. Мы, собаки, сильные, гибкія, красивыя, изящныя, мы всѣмъ показываемся въ томъ видѣ, какъ насъ создала природа. Съ самаго своего рожденія, человѣкъ уродливъ, голъ, безсиленъ. Ему необходимы чужая кожа и посторонняя помощь. Чтѣ бы съ нимъ случилось, кабы онъ на нашъ счетъ не одѣвался и не согрѣвался? Вотъ на гуляніи любятъ женщину, ты, можетъ быть, бѣжишь за нею слѣдомъ, но ты подумалъ ли, во что намъ обходится ея красота? Ты высчиталъ ли, сколько человѣкъ зарѣзываетъ животныхъ, своихъ братьевъ, чтобы составить полный уборъ этой себялюбивой самки? Перья, мѣха, муфта, перчатки, обувь, экипажъ—все добыто убійствомъ. все, даже и тѣ помады, которыми она, утромъ и вечеромъ, мажетъ себѣ лапы и морду. Чистѣйшія составныя части нашей крови доставляютъ свѣжесть ея кожѣ. Ахъ! кабы звѣри могли сговориться, они давно истребили бы это жестокое и коварное племя, которое живетъ исключительно измѣной и кровопролитіемъ.

— Волки поступаютъ точно также, сказалъ Гяцинтъ.

— Твоя правда, сынъ мой, сказалъ Арлекинъ:—и кабы люди воевали только съ другими животными, а бы, можетъ быть, имѣлъ слабость ихъ извинить. Я бы подумалъ, что природа сотворила ихъ плотоядными и что они не могутъ сопротивляться свирѣпости своего инстинкта. Но имъ этого мало, что они отнимаютъ жизнь у насъ; для полноты блаженства имъ еще необходимо убивать другъ друга. Волки не ѣдятъ волковъ, но для человѣка величайшее удовольствіе напасть врасплохъ на своего ближняго и зарѣзать его. Четыреста тысячъ Ротозѣвъ, цвѣтъ юности, упражняются каждое утро въ искусствѣ истреблять сосѣдей и друзей, Остолоповъ; шестьсотъ тысячъ Остолоповъ, надежда будущаго, проводятъ прекраснѣйшіе годы своей жизни, съ трудомъ изучая удобнѣйшія средства отправлять на тотъ свѣтъ всѣхъ своихъ друзей и сосѣдей, Ротозѣвъ. Земля—садъ, предлагающій свои плоды; люди превратили ее въ бойню. Гдѣ они проходятъ, тамъ остается кровавый слѣдъ. Еслибы еще побѣдитель сѣдалъ того, кого онъ рѣжетъ, а бы понималъ его жестокость; охотникъ живетъ своею дичью. Да не тутъ-то было!

«Они рѣжутся безъ надобности, изъ удовольствія, чтобы надяться армятомъ бойни. Чуть пронзшла драка между двумя арміями, начальники уже протягиваютъ другъ другу руки, прежде чѣмъ успѣютъ похоронить трупы. Съ обѣихъ сторонъ обнимаются поздравленіями, обнимаются, звонятъ въ колокола, стрѣляютъ изъ пушекъ, всѣ радуются и ликуютъ, и забываютъ только мертвецовъ, да тѣхъ, кто надъ ними остался плакать.

— Но, сказала Гиацинтъ:—если люди такъ злы, народъ въ народу, то какимъ же образомъ они могутъ жить въ одной странѣ, не убивая другъ друга?

— Я знаю только Ротозѣвъ, отвѣтилъ Арлекинъ:—я тутъ не трудно увидать, какими средствами между ними поддерживаютъ миръ. Тутъ двѣ отдѣльныя расы, побѣдители и побѣжденные, завоеватели и рабы.

— Кто тебѣ это сказалъ? спросилъ Гиацинтъ.

— Собственными глазами видѣлъ. Ты развѣ не замѣтилъ, что у Ротозѣвъ одни носятъ рогатыя шляпы, а другіе круглыя. У первыхъ шпага на боку, мундиръ и ордена; у вторыхъ фракъ, сюртуки или пальто; первые держатъ голову высоко, говорятъ громко, приказываютъ:—это господа; другіе опускаютъ голову, говорятъ тихо и повинуются—это рабы. Побѣжденные работаютъ для всѣхъ, а побѣдители поддерживаютъ порядокъ.

Гиацинтъ посмотрѣлъ на товарища; такое невѣжество изумило его, даже со стороны собаки; онъ счелъ удобнымъ вступить въ борьбу съ ложными идеями Арлекина.

— Любезный товарищъ, сказалъ онъ:—тутъ, мнѣ кажется, нѣтъ ни побѣжденныхъ, ни побѣдителей, ни рабовъ, ни завоевателей. Люди, какъ я слыжалъ, повинуются особому правилу, тому, что они называютъ закономъ, и во всякой странѣ есть чиновники, чтобы поддерживать господство этого закона.

— Коли это правда, дитя мое, значить, люди еще болѣе злы, чѣмъ я думалъ. Какъ! Половинѣ націи надо постоянно носить оружіе, чтобы другая половина вела себя честно? Развѣ у насъ, у собакъ, есть чиновники, рогатыя шляпы, шпаги? И однакоже мы живемъ мирно; величайшія наши ссоры кончаются тѣмъ, что только погусаемся. Такъ точно поступаютъ быки, бараны, даже волки и лисицы. Изъ всѣхъ животныхъ только одного человѣка надо водить въ намордникъ и бить, чтобы онъ не съѣлъ своего же брата. О, поганое племя, рожденное на погибель міру, провливаю тебя!

— Знаешь, сказалъ Гиацинтъ:—слушая тебя, я начинаю ненавидѣть родъ человѣческій.

— Коли ты такъ думаешь, бѣдное дитя, ты не знаешь твоей слабости. Тобою овладѣетъ первая женщина, которая тебя приласкаетъ, первый мужчина, который тебѣ польститъ. Ты также точно поддашься на обманъ, какъ поддался я. Нашъ братъ, бѣдная собака, родится на свѣтъ съ потребностью любить, которая насъ губитъ. Житейскій опытъ вырываетъ у насъ нашу послѣднюю надежду только тогда, когда нашему сердцу нанесены десятки кровавыхъ ранъ, и тогда...

— Что же тогда? спросилъ Гіацинтъ.

— Тогда надо молчать, забиться въ уголь, и окопѣть.

Съ этими словами, старшій Арлекинъ положилъ морду на вытянутыя лапы, и замолчалъ.

Гіацинтъ печально посмотрѣлъ на луну, поднимавшуюся на горизонтъ, но онъ недолго предавался своимъ мрачнымъ размышленіямъ; его утомленные глаза закрылись, и свернувшись въ клубокъ, онъ захрапѣлъ рядомъ съ товарищемъ.

XI.

На другой день, проснувшись довольно поздно, Гіацинтъ видитъ въ окнѣ одной лачужки красивое лицо молодой дѣвушки. Скворецъ въ клеткѣ за окномъ называетъ эту дѣвушку «Жирофле», и Гіацинтъ догадывается, что видитъ передъ собою возлюбленную молодого солдата Нарциса. Жирофле видитъ пуделя; онъ ей нравится, и она примааниваетъ его къ себѣ, вводитъ его къ себѣ въ комнату, начинаетъ его ласкать, и разговариваетъ о Нарцисѣ.

Приходитъ ея отецъ, слесарь Лапуэнтъ, и начинаетъ жаловаться на дороговизну, на тяжелыя времена, и на распоряженія правительства, которое забираетъ въ солдаты молодыхъ работниковъ и потомъ беретъ у гражданъ деньги, чтобы кормить эту молодежь, оторванную отъ работы. Старшій Лапуэнтъ особенно досадуетъ на то, что у него отняли Нарциса, его ученика и помощника.

Гіацинта слесарь пристраиваетъ къ работѣ: онъ заставляетъ его, какъ бѣлку, бѣгать въ колесѣ и праводить такимъ образомъ въ движеніе раздувательныя мѣхи. Гіацинтъ, работая до изнеможенія, припоминаетъ слова Арлекина, и начинаетъ раскаяваться въ томъ, что поддался ласкамъ молодой красавицы.

Вечеромъ, за ужиномъ, старикъ заговариваетъ съ дочерью о томъ, что служитель дворцоваго сада, г. Лелу, проситъ ея руки, и обѣщаетъ доставить своему будущему тестю выгодное мѣсто.

Жирофле говорятъ, что никогда не приметъ предложенія г. Лелу. Старикъ сжимаетъ кулаки, подходитъ къ дочери, но не осмѣливается ея тронуть, и вымещаетъ свою досаду на пуделѣ, поповшемся ему на глаза.

Въ это время Нарцисъ приходитъ проститься съ Жирофле. Прощаніе въ присутствіи раздраженнаго отца выходитъ натянутое и печальное.

Послѣ ухода Нарциса, Гіацинта опять на нѣсколько часовъ сажаютъ въ колесо. Потомъ Гіацинтъ засыпаетъ, видитъ во снѣ

всѣ разнообразныя сцены, пережитыя имъ въ теченіе послѣднихъ дней, и просыпается, въ величайшему своему удовольствію, у себя во дворцѣ, на постели, модъ шелковымъ багдахивомъ. Королева-мать сидитъ у его изголовья.

XII.

О политическомъ вліяніи собакъ у ротозвевъ.

— О, маменька, вскрикнулъ Гіацинтъ:—какой я сонъ видѣлъ!

— Молчи, дитя мое, сказала королева.—Не говори объ этомъ, тутъ идетъ дѣло о твоей жизни и моей. Могу тебѣ сказать только то, что я одна входила въ твою комнату, и что, если тутъ есть какая нибудь тайна, то она останется между нами. Народъ узнаетъ только то, что ему скажемъ. Вотъ *Официальная истина*. Она извѣстила, что эти два дня ты былъ боленъ.

— Маменька, сказалъ Гіацинтъ, пробѣжавъ высокопарное извѣстіе газеты:—неужелижъ вы это написали?

— Сынъ мой, кавалеръ Пяборнъ, нашъ главный редакторъ, узнавъ о твоей болѣзни, напечаталъ эти строки въ *Официальной истинѣ*.

— Да вѣдь это ложь!

— Мой сынъ! сказала королева улыбаясь:—не употребляй никогда этого дурнаго слова. Въ политикѣ нѣтъ ни лжи, ни истины; все условно, какъ въ комедіи. Ротозвѣи не требуютъ, чтобы имъ говорили правду; они ея боятся; они хотятъ, чтобы ихъ тѣшили. Имъ подають блюда по ихъ вкусу. Эта маленькая старейка приведетъ ихъ въ восторгъ; вреда она никому не сдѣлаетъ. Что можетъ быть невнянѣе?

— Маменька, печально проговорилъ Гіацинтъ: — вы меня учили, что надо всегда говорить правду.

— Конечно, сынъ мой. Ложь недостойна благороднаго человѣка, а короля тѣмъ болѣе. Правду надо говорить ближнему, но народу — дѣло другое. Народъ — дитя. Надо приукрашивать истину для его же пользы, чтобы онъ былъ спокоенъ и слушался.

— Стало бытъ, существуютъ двѣ нравственности?

— Спроси у министровъ, милое мое дитя. Теперь время засѣданія, и они уже два дня ждутъ тебя. А я знаю только одно — я тебя люблю и обнимаю. Прощай, философъ мой прекрасный!

Поднавшись на ноги, Гіацинтъ взялъ хлѣстъ и прямо пошелъ въ ту комнату, гдѣ жили его собаки. Увидѣвъ его, вся стая пришла въ волненіе; поднялся визгъ, лай; начались всевозможныя гнѣвности. Гіацинта особенно изумило то, что воротившись

къ человѣческому образу, онъ еще понималъ языкъ собакъ. Любопытство обезоружило его, и вмѣсто того, чтобы отпороть хлыстомъ неблагодарный народъ, измѣнившій ему въ тяжелую минуту, онъ прислушивался къ его толкамъ и возгласамъ.

— Это хозяинъ, говорила болонка, осмывая его ласками.

— Можетъ быть, у него лежитъ сахаръ въ карманѣ, шептала особенно нѣжная левретка.

— У него хлысть, лапль борзой кобель, лизавшій ему руку.

Гіацинтъ ударомъ хлыста раздѣлся съ этою раболѣпною толпою, и вошелъ въ залу совѣта.

Тушь-а-Ту, Плѣраръ и Пиборнъ тотчасъ встали; они бросились къ Гіацинту съ такою поспѣшностью, наговорили ему столько привѣтствій, стали хватать его за руки съ такимъ жаромъ, что Гіацинтъ невольно припомнилъ своихъ собакъ; но онъ подавилъ въ себѣ эту неприличную мысль, и самымъ ласковымъ образомъ поблагодарилъ министровъ за ихъ заботливость о его здоровѣ.

Когда открылось засѣданіе, графъ Тушь-а-Ту представилъ къ подписи пятьсотъ назначеній, накопившихся за два дня. Гіацинтъ начиналъ понимать свое ремесло. Онъ взялъ перо и сталъ подписывать не читая. Подписывая, онъ разговаривалъ съ министрами, которыхъ приводила въ восторгъ его податливость.

— Графъ Тушь-а-Ту, сказалъ онъ:—приготовьте мнѣ, прошу васъ, еще оданъ декретъ. Во дворцѣ есть бесполезная стая собакъ, я ее уничтожаю. Я хочу, чтобы, черезъ часъ, меня избавили отъ этихъ животныхъ.

— Государь, сказалъ графъ самымъ серьезнымъ тономъ:—желаніе ваше не можетъ исполниться такъ скоро. Это важное дѣло. Тутъ замѣшаны интересы, съ которыми надо обходиться бережно. Нужно время.

— Какъ! вскрикнулъ Гіацинтъ:—я, король, не имѣю права прогнать моихъ собакъ?

— Государь, тутъ есть капитанъ псарни и два помощника. Это чиновники, и они ни въ чемъ не провинились. Администрація имѣетъ въ отношеніи къ нимъ свои обязательства.

— И прекрасно, сказалъ король.—Я никого не хочу обижать. Собакъ отправьте къ чорту, а за капитаномъ оставьте и титулъ и жалованье.

— Это невозможно, сказалъ Тушь-а-Ту:—жалованья безъ должности не можетъ быть; это было бы незаконно. Законъ на этотъ счетъ выражается положительно.

— Стало быть, сказалъ Гіацинтъ, начиная терять терпѣніе:—я долженъ буду оставить у себя этихъ собакъ противъ моей воли,

для удовольствія г. капитана царни и его двоихъ помощниковъ?

— Умоляю васъ выслушать меня снисходительно, отвѣтилъ мудрый министръ. — Вы изволите усмотрѣть, что, подвергая себя опасности васъ прогнѣвать, я отстаиваю величайшій принципъ и такимъ образомъ исполняю священнѣйшую изъ моихъ обязанностей.

— Чтò такое! сказалъ Гіацинтъ съ презрѣніемъ. — Мой тронъ пошатнется, если я закрою свою царню?

— Государь, въ политикѣ нѣтъ мелочей. Монархія Ротозѣвъ обязана своимъ величіемъ той централизаціи, которая возбуждаетъ зависть всего міра. Администрація — обширная сѣть, которая, своими частыми петлями, опутываетъ и связываетъ самаго значительнаго и самаго смиреннаго изъ вашихъ подданныхъ. Оборвите одинъ узелъ—все пролѣзетъ въ дыру, всякій будетъ дѣлать, чтò хочетъ.

— И мы перестанемъ быть Ротозѣями, сказалъ баронъ Плѣраръ голосомъ негодующаго патріотизма.

— Но администрація, продолжалъ Тушъ-а-Ту: — не химерическая отвлеченность; это — живое тѣло, сосредоточивающее въ себѣ всѣ знанія, всю энергію, всю волю націй; это—гражданская армія съ своимъ особымъ духомъ, съ своею честью, своими традиціями, своею законною гордостью и щекотливостью. Надо беречь эту армію, государь; она вамъ нужна наравнѣ съ вашими солдатами. Капитанъ царни — человекъ маленькій, но, кабой бы онъ маленькій ни былъ, разъ какъ онъ составляетъ часть администраціи, онъ долженъ быть огражденъ. Къ нему нельзя прикоснуться, не приводя въ смущеніе всѣхъ слугъ государства. Во сто разъ лучше удержать бесполезную должность, чѣмъ выгнать въ отставку чиновника и оскорбить ту армію, которая приняла его въ свои ряды.

— А народъ плати! Вы объ этомъ подумали? спросилъ Гіацинтъ.

— Народъ долженъ платить, онъ на то созданъ, сказалъ баронъ Плѣраръ, съ изумленіемъ глядя на Гіацинтъ.

— Государь, снова заговорилъ Тушъ-а-Ту:—я не буду проводить наши принципы съ тою строгостью, какую обнаруживаетъ мой достопочтенный товарищъ. Вы имѣете достаточныя основанія шадить свой народъ и не налагать на него ненужныя тягости; но изъ двухъ неудобствъ слѣдуетъ выбирать меньшее. Нѣсколько миліоновъ, уплачиваемыхъ толпою безъ особенныхъ затрудненій, чтò же это можетъ значить въ сравненіи съ интересами и правами администраціи?

— Арлекинъ, восликинулъ король:—твоя правда: въ моей державѣ два народа.

Министры переглянулись. Арлекинъ небезызвѣстенъ Ротозѣямъ: онъ иногда появляется на театральныхъ подмосткахъ, но нѣтъ обычая призывать его въ качествѣ политическаго авторитета.

— Государь, сказалъ Тушь-а-Ту: — вы можете положиться на мое усердіе; въ непродолжительномъ времени все будетъ устроено къ вашему совершенному удовольствію. Для этихъ трехъ чиновниковъ придумають новыя должности, и будетъ найдена возможность пережѣстить ихъ съ повышеніемъ.

— Очень хорошо, милостивый государь, сухо сказалъ молодой король.—Я вижу, что администрація держитъ у себя подъ опекой государя вмѣстѣ съ народомъ. Царствуетъ она, а не я. При случаѣ, я это припомню. Перейдемъ къ очереднымъ дѣламъ.

Министръ выбралъ нѣсколько кипъ бумагъ, пересмотрѣлъ ихъ, привелъ въ порядокъ, и заговорилъ самымъ торжественнымъ тономъ:

«Государь, ваши незабвенные предки, эти великіе законодатели, такъ долго умѣряли, направляли и регламентировали дѣятельность вашихъ народовъ, что послѣ нихъ намъ остается только подбирать забытые колосья. Но, если ничто не уврылось отъ ихъ изобрѣтательной предусмотрительности, если они подвели подъ ранжиръ людей и ихъ занятія, то истина вынуждаетъ меня сказать, что они совершенно забыли одинъ изъ главныхъ элементовъ общества, животныхъ, и прежде всего, собакъ, которыя, только что сейчасъ, обращали на себя просвѣщенное вниманіе ваше.

«Чтобы пополнить этотъ политическій пробѣлъ, мы уже кое-что сдѣлали. Собаки занумерованы и подвергнуты патентному сбору, подобно гражданамъ. Требованія равенства удовлетворены. Но можно и должно идти дальше. Тутъ открывается поле для самыхъ плодотворныхъ опытовъ. Мы можемъ испробовать надъ собачьею породою всѣ усовершенствованія, которыми впослѣдствіи воспользуется человѣчество.

«Для вступленія на этотъ новый путь, я повергаю на разсмотрѣніе ваше слѣдующій проектъ закона. Это первый опытъ законодательной физиологін.

«Проектъ закона по части усовершенствованія и обновленія собачьей породы.

«Гіацинты, милостью судьбы и покровительствомъ фей, и проч. и проч.

«Принимая во вниманіе, что, по новѣйшимъ открытіямъ науки,

подборъ составляетъ естественное средство улучшать и обновлять породы;

«принимая во вниманіе, что, если еще не найдена метода для примѣненія этого средства въ роду человѣческому, то тѣмъ болѣе необходимо испробовать оное на собачьемъ племени;

«принимая во вниманіе, что страна Ротозѣвъ издревле славится своими породами собакъ, что въ ней находятся прекраснѣйшіе типы гончихъ, лягавыхъ, сторожевыхъ, таксъ, овчаровъ, бишоновъ, грифоновъ, датскихъ собакъ, и проч.;

«принимая во вниманіе, что необходимо воспрепятствовать на будущее время блудоудѣйственнымъ смѣшеніямъ, извращающимъ и оскверняющимъ чистоту типовъ —

«повелѣваемъ, дабы со дня обнародованія сего закона, полиція схватывала и истребляла административнымъ порядкомъ буйственныя и грубыя породы, низшія или смѣшанныя расы, какъ-то: волкодавовъ, дворовыхъ, бульдоговъ, пуделей, варлиновъ и проч., а также всѣхъ животныхъ сомнительной масти, которыя не въ состояніи будутъ доказывать чистоту своей крови и благородство своей генеалогіи».

— Государь, прибавилъ министр:—въ этой мѣрѣ заключается политическая мысль, которая не укроется отъ пронипательности вашей. Когда мы приложимъ подборъ къ собакамъ, къ лошадямъ, къ осламъ, къ коровамъ, къ козамъ, къ овцамъ, къ курамъ, къ голубямъ, къ уткамъ, къ индѣйкамъ и къ гусямъ, когда въ ванихъ владѣніяхъ всѣ расы будутъ утонченныя, аристократическія, изящныя и послушныя, тогда великолѣпіе этого зрѣлища заставитъ Ротозѣвъ почувствовать, что отеческое правительство не должно останавливаться на животныхъ, и что ему подобаешь регулировать человѣческіе союзы, чтобы поддерживать въ королевствѣ чистоту и благородство крови: приди къ этому пункту, мы въ самомъ дѣлѣ будемъ первымъ народомъ земли, достойными подданными государя, которому феи, его крестныя матери, дали въ удѣлъ грацію и красоту.

Послѣ этой краснорѣчивой тирады, Тушъ-а-Ту остановился, сіяя самодовольствомъ, и выжидая ту справедливую дань похвалъ, которая была заслужена такою новою и глубокою политикою.

Гіацинтъ долго не говорилъ ни слова. Онъ былъ блѣденъ. Губы его дрожали.

— Милостивый государь, заговорилъ онъ прерывающимся голосомъ: — я желаю думать, что вы говорили серьезно. Манія регламентировать мѣшаетъ вамъ видѣть, какъ много въ этомъ проектѣ гнуснаго и смѣшнаго. Вы такъ часто произвольно распоряжались людьми, что вы находите совершенно естественнымъ поступать такъ

же безцеремонно со всѣми остальными созданіями. Съ какого права вы осуждаете на смерть беззащитныя существа, которыя Богъ далъ вамъ въ товарищи и довѣрилъ вашему милосердію? Какъ! для испытанія системы вы будете хладнокровно проливать кровь несчастныхъ? Сердце говоритъ мнѣ, что не такъ управляютъ государствомъ. Первая обязанность государя уважать, щадить все, что его окружаетъ, оставлять жизнь всему живому. Не тушите этого свѣточа, котораго вы не можете снова зажечь. Въ чемъ вина этихъ бѣдныхъ животныхъ? Въ ихъ безобразіи? Это не беззаконіе. Въ ихъ вѣрности? Это не преступленіе. Не оскорбляетъ ли васъ, чего добраго, ихъ независимость? Вы, быть можетъ, уже на столько поработили людей, что не можете терпѣть даже свободу собакъ?

— Изумительно, воскликнулъ Пиборнъ вставая: — неподобно! Если я нарушаю приличія, прошу простить меня. Я не разсматриваю дѣла по существу — это мнѣ все едино; но форма, но движеніе, но выборъ словъ, но иронія! Ахъ, государь, счастье наше, что вы король, а то вы затмили бы всѣхъ адвокатовъ!

Тушь-а-Ту, нераздѣлявшій восторга Пиборня, холодно посмотрѣлъ на короля, и сказалъ навидательнымъ тономъ:

— Государь, мы можемъ только рукоплескать великодушнымъ чувствамъ вашимъ. Было бы достойно сожалѣнія, еслибы, въ ваши лѣта, государь, ваше сердце не пылало этимъ священнымъ огнемъ. Но опытъ перерабатываетъ эти обманчивыя иллюзіи; вы узнаете, что политика не имѣетъ ничего общаго съ человѣколюбіемъ. Расточая золото и кровь народовъ, ваши предки дѣлали великія дѣла; внуки восторгаются тѣми, кто посылалъ на смерть дѣдовъ. Потомство обожаетъ только завоевателей. Не слѣдуетъ обольщаться ложнымъ милосердіемъ; съ народами надо поступать круто; они кусаютъ руку, которая ихъ ласкаетъ; они лизутъ руку, которая ихъ давитъ. Исторія представить вамъ доказательства.

«Оставимъ же, слѣдовательно, въ сторонѣ эти суетныя ввѣщенія человѣколюбія. Въ политикѣ, какъ въ медицинѣ, человѣкъ падаетъ въ обморокъ, когда въ первый разъ проливаетъ кровь, но великимъ политикомъ и великимъ медикомъ является только тотъ, кто забываетъ свое сердце къ чужимъ страданіямъ, и видитъ только цѣль, лежащую передъ нимъ.

«Обратимся теперь къ закону, смутившему васъ. Помогать природѣ, устраняя нѣкоторыя особи и совершенствуя такимъ образомъ породу, осуществлять высшія концепціи новѣйшей философіи — это не угодно вамъ. Вы опасаетесь системъ. Пусть такъ! Остаемся на чисто-практической почвѣ; будемъ забо-

тятся исключительно объ интересах нынѣшняго дня. — Есть несомнѣнная причина для того, чтобы принять героическое рѣшеніе. Вотъ она, эта причина.

«Если вамъ угодно будетъ бросить взоръ на эти бумаги, вы увидите, что полиція напала на слѣдъ отвратительнаго заговора. Люди, у которыхъ нѣтъ ничего святаго, условились предать городъ врагамъ самаго ужаснаго сорта. Чиловка, тюрьма бродячихъ и подозрительныхъ собакъ, подрита; этихъ злодѣевъ спустили на мирныхъ гражданъ. Ужасъ царствуетъ повсемѣстно. Къ счастью, полиція не дремлетъ, она выслѣживаетъ виновныхъ; злоумышленники скоро испытаютъ на себѣ всю строгость законовъ.

— Это ужасно, это возмутительно, закричалъ баронъ Плераръ.

— Это просто смѣшно, холодно сказалъ Гіацинтъ. — Чтѣ за шумъ, чтѣ за суматоха изъ-за того, что собаки пробѣжали черезъ дыру!

— Да, сказалъ баронъ: — но кто вырылъ эту дыру? Въ этомъ вся сущность дѣла.

— Инспекторы, сказалъ Тушъ-а-Ту: — несогласны между собою касательно употребленныхъ орудій; но они единодушно показываютъ, что дѣло сдѣлано рукою человѣка, и обнаруживаетъ адскую изобрѣтательность. Полагаютъ даже, что тюремщикъ дѣйствовалъ заодно съ заговорщиками, и требуютъ его смѣщенія.

— Это ужъ изъ рукъ вонъ! сказалъ Гіацинтъ, пожимая плечами. — Коли на это нужны инспекція и администрація, такъ это самая бесполезная трата. Успокойтесь, господа, заговора никакого нѣтъ. Эти собаки, которыхъ вы такъ развязно устраняете, оказались умнѣ вашихъ инспекторовъ, сами прорыли себѣ яму, и убѣжали.

— Государь, сказалъ Тушъ-а-Ту довольно угрюмо: — у меня тутъ докладъ. Администрація рѣшаетъ не на основаніи предположеній болѣе или менѣе остроумныхъ. Инспекторы были на мѣстѣ и все видѣли собственными глазами.

— Ну! и я тоже все видѣлъ! закричалъ раздраженный Гіацинтъ. — Васъ это изумляетъ, господинъ министр. Да, я лучше вашей полиціи знаю, чтѣ дѣлалось въ чижовкѣ; я знаю и то, чтѣ вамъ, быть можетъ, неизвѣстно: третьяго дня туда посадили левретку горничной вашей дочери.

— Точно такъ, государь, сказалъ изумленный Тушъ-а-Ту.

— Я знаю, что капитанъ Яворъ-Пустоцвѣтъ жаловался на тюремщика Ла-Дусера главнокомандующему нашихъ армій.

— И это вѣрно, сказалъ Тушъ-а-Ту, совершенно озадаченный.

— И я знаю такъ же вѣрно, что двѣ собаки, которыхъ я вамъ не назову, вырыли этотъ адскій подкопъ, и сбили съ толку вашу полицію и вашихъ инспекторовъ.

— Слава королю! весело закричалъ Пиборнь.—Гіацинтъ затѣваетъ Калифа Багдадскаго.

Тушъ-а-Ту непривѣтливо посмотрѣлъ на адвоката, и какъ упрямый и отчаянный игрокъ, поставилъ все на послѣднюю карту.

— Если собаки, заговорилъ онъ:—достаточно умны, чтобы безъ посторонней помощи разрушать тѣ тюрьмы, въ которыхъ ихъ заключаетъ законъ, то необходимо покончить дѣло съ этими новыми матежниками. Въ противномъ случаѣ, отъ нихъ можно опасаться всего; это видно изъ слѣдующаго доклада, полученнаго мною сегодня утромъ:

«Генеральный инспекторъ королевскихъ садовъ имѣетъ честь доложить его превосходительству господину министру, что третьяго дня, часовъ въ десять утра, смотритель Лелу встрѣтилъ въ саду большую собаку нечистой породы, съ бѣлою курчавою шерстью. Такъ-какъ на этомъ животномъ не было ни ошейника, ни намордника, и ничего такого, что составляетъ отличие добропорядочной собаки, то очевидно, она могла забраться въ королевскіе сады только по небрежности или при злонамѣренномъ потворствѣ часовыхъ.

«Замѣтивъ, что это животное приставало преимущественно къ дѣтямъ, смотритель Лелу сталъ за нимъ слѣдить, и скоро замѣтилъ въ немъ признаки бѣшенства. У него глаза были мутные, а на губахъ пѣна. Тотчасъ, не думая объ опасности, храбрый Лелу, вооруженный простою тростью, бросился на этого ужаснаго противника. Завязалась жестокая борьба; животное нѣсколько разъ бросалось на упомянутаго Лелу, которому удалось счастливо избѣгнуть укушеній.

«Побѣда осталась за представителемъ власти. Собака, смертельно раненая, выбѣжала на улицу и тамъ испустила послѣдній вздохъ.

«Нельзя не трепетать при мысли о невинныхъ жертвахъ, которыя пострадали бы отъ этого чудовища, еслибы ихъ не спасло самоотверженіе Лелу, который уже не въ первый разъ обнаруживаетъ свою неустрашимость».

— Государь, продолжалъ Тушъ-а-Ту: — я изготовилъ декретъ о пожалованіи медали и пенсіи герою, отличившемуся такимъ благороднымъ подвигомъ.

Въ отвѣтъ на эти слова, Гіацинтъ разорвалъ поднесенную ему бумагу.

— Изготовьте, сказалъ онъ:— декретъ объ исключеніи этого Делу изъ службы; онъ безстыдный лгуно, а генеральный инспекторъ— простофиля, и его водятъ за носъ мошенники.

— Государь, сказалъ Тушъ-а-Ту:— составленъ протоколъ.— Протоколу надо вѣрить, покуда не будетъ доказана его подложность.

— Ну, я и доказываю его подложность, возразилъ Гиацинтъ:— я тамъ былъ, я все видѣлъ; это чудовище — безвреднѣйшій пудель, нисколько не бѣшенный; онъ никого не кусалъ, и его никто не убивалъ. Отличная штука, ваша администрація! Постоянно открываетъ то, чего никогда не было!

— Государь, сказалъ Тушъ-а-Ту:— я вижу съ прискорбіемъ, что я моею службою не имѣлъ счастья угодить вамъ и я почти-тѣльнѣйше прошу принять мое прошеніе объ отставкѣ.

— Вы, графъ, напрасно принимаете это дѣло такъ близко къ сердцу. Я не возлагаю на васъ отвѣтственности за ошибки и невѣжество вашего подчиненнаго.

— Государь, я глубоко тронуть вашими милостями. Я удаляюсь не по чувству оскорбленнаго самолюбія; я, и всѣ мои домашніе, мы всегда будемъ у ногъ вашихъ. Но я глава администраціи, этого великаго тѣла, которое сдерживаетъ народъ и поддерживаетъ государство. Съ той минуты, какъ администрацію судятъ и порицаютъ, съ той минуты, какъ ея непогрѣшимость становится предметомъ сомнѣній — ея господство надъ умами уничтожено, ея сила сокрушена; анархія стучится въ двери, королевская власть подвергается опасности. Я не буду принимать участіе въ этомъ разрушеніи общественныхъ узъ. Я выросъ вмѣстѣ съ администраціею, я паду вмѣстѣ съ нею.

— Хорошо, сказалъ король. — Баронъ Плѣраръ, я назначаю васъ на мѣсто графа Тушъ-а-Ту. Изготовьте декретъ.

— Государь, сказалъ баронъ жалобнымъ голосомъ:— моя обязанность повиноваться приказаніямъ вашего величества.

Подписавъ декретъ, Гиацинтъ вышелъ въ дурномъ расположеніи духа. Министры остались въ залѣ.

— Либезный графъ, сказалъ баронъ:—я преклоняюсь передъ вашею энергіею. Король молодъ; урокъ былъ ему необходимъ. Вы мужественно сказали ему правду.

— Да, сказалъ Тушъ-а-Ту:—и это не помѣшало вамъ принять мое мѣсто.

— Какі! мой добрый другъ, воскликнулъ баронъ:— вы развѣ не понимаете настоящей побудительной причины моихъ поступковъ?... Вы развѣ жъ не видите, что этотъ юноша пропитанъ революціонными идеями? Еслибъ я отказался отъ должности, я

отдалъ бы его на жертву злодѣямъ, которые стали бы распоразаться по своему его невинностью. Я принесъ себя въ жертву, чтобы спасти администрацію.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ графъ ироническимъ тономъ: — я не зналъ, какъ много я вамъ обязанъ, мой несравненный другъ. При первомъ удобномъ случаѣ, вы можете разсчитывать на мою благодарность.

Какъ только Тушъ-а-Ту ушелъ, Пиборнъ сталъ кататься со смѣху.

— Онъ не въ духѣ, сказалъ онъ: — и по дѣломъ ему! Мало съ него было дразнить Ротозѣевъ; не могъ онъ собакъ оставить въ покоѣ. Я охотникъ: много лѣтъ здравствовать собакамъ! Онѣ лучше всякихъ людей! Кабы я бѣгалъ на четверенькахъ, я бы подалъ проектъ, чтобы Гіацинту воздвигнули триумфальную арку и чтобы на ней написали золотыми буквами:

«Своему спасителю, благодарные пудели».

Пока адвокатъ смѣялся надо всѣмъ, по обычаямъ своего соловія, отставленный министръ велъ разговоръ съ главнокомандующимъ. Послѣ непродолжительнаго совѣщанія онъ воротился твердымъ шагомъ домой, позвалъ къ себѣ дочь, потолковалъ съ нею и не сталъ укладываться.

XIII.

SI VIS PACEM, PARA BELLUM*.

Изумленный принятымъ рѣшеніемъ, король ходилъ большими шагами по одному изъ салоновъ своего дворца; онъ раздумывалъ, не зашелъ ли онъ слишкомъ далеко, принявъ отставку искуснаго и вѣрнаго министра; онъ начиналъ замѣчать, что въ его вѣнецъ вплетено достаточное количество терній. Онъ хотѣлъ посовѣтоваться съ матерью, но въ это время дежурный камергеръ вручилъ ему визитную карточку, и въ ту же минуту, съ быстротою пущеннаго ядра, ворвался въ комнату главнокомандующій королевскихъ армій, генераль баронъ Бомба.

Это былъ большой и толстый пятидесятилѣтній человѣкъ. Походка у него была твердая, грудь впередъ, плечи назадъ, шея непреклонная. Волосы, остриженные подъ гребенку, низкій лобъ, вздернутый носъ, сильно развитыя челюсти, щеки, подпертыя туго застегнутымъ воротникомъ, придавали генералу видъ не очень любезный, который, однако, не произвелъ на короля не-

* Если желаешь мира, готовься къ войнѣ.

пріятнаго впечатлѣнія. Онъ нашелъ въ немъ нѣкоторое сходство съ своимъ старымъ другомъ Арлекинномъ.

— Государь, заговорилъ баронъ громовымъ голосомъ: — прошу прощенья, что вхожу такъ стремительно. Я получилъ такіа извѣстія, которыя обязанъ немедленно сообщить моему королю. Я шедъ съ ними къ графу Тушь-а-Ту, но вдругъ узналъ, что онъ уже не у дѣлъ. Я взялъ на себя смѣлость нарушить этикетъ. Когда король выслушаетъ меня, онъ меня извинитъ.

— Говорите, генераль; вы меня пугаете. Развѣ государство находится въ опасности?

— Да, государь, надъ вашимъ величествомъ глумятся; націю Ротозѣевъ оскорбляютъ. Король Остолоповъ не знаетъ предѣловъ своей дерзости. У меня въ рукахъ всѣ доказательства вотъ въ этихъ письмахъ. Да онъ у насъ подавится своими ругательствами, отсохни у него провлатный языкъ. Виноватъ, государь, я старый солдатъ, не умѣю полировать выраженія.

— Хорошо, сказалъ Гіацинтъ, улыбаясь. — Садитесь, генераль, я васъ слушаю.

— Государь, началъ баронъ: — королева, ваша родительница, сохрани ее Создатель, великая и мудрая государыня! Но въ теченіе шести лѣтъ она только о томъ и думаетъ, чтобы жить въ мирѣ со всѣми сосѣдами. И что же изъ этого вышло? То, что я предсказывалъ. Эти шельмы Остолопы работали, фабриковали, покупали, продавали, разбогатѣли; расплодился они, какъ кролики, и теперь эти господа насъ въ грошъ не ставятъ. Смѣютъ говорить, насъ-моль такъ же много, да мы-де такіе же храбрые, да коли вы, Ротозѣи, въ наши дѣла будете соваться, такъ мы вамъ покажемъ виды.

— И васъ это тревожитъ, генераль?

— Не тревожитъ, государь, а только мнѣ досадно. Коли эти прохвосты будутъ у себя хозяевами, тогда мы перестанемъ быть великою націею. Передъ Ротозѣями, значить, уже не трепещетъ земля; мы унижены.

— Вы такъ думаете, любезный мой баронъ?

— Государь, это общій голосъ. Вотъ уже шесть лѣтъ держать подъ ружьемъ пятьсотъ тысячъ человѣкъ; ихъ одолѣваетъ нетерпѣніе. Шестъ лѣтъ офицерамъ нѣтъ производства; армія скучаетъ; армія чувствуетъ себя униженною. Прошу васъ выкинуть; такъ не можетъ продолжаться; ружья выстрѣлятъ сами собою.

— Но, генераль, я долженъ щадить мой народъ, я не могу вести войну потому, что благоденствіе моихъ сосѣдей растеть, и что мои офицеры хотять производства. Нужна же, по крайней мѣрѣ, причина.

— Я уже докладывалъ, что король Остолоповъ произнесъ дерзкія слова. Долженъ ли я буду повторить его гнусныя выходы?

— Чтобы обидѣться ими, сказала Гиацинтъ: — долженъ же я итъ знать?

— Государь, эти конфиденціальныя письма извѣщаютъ меня, что, узнавъ о вашемъ нездоровьѣ, король Остолоповъ, послѣ обѣда, сказалъ своему брату, великому герцогу, въ присутствіи своихъ адъютантовъ: «Что вы думаете объ этомъ крестникѣ фей? Падаеть въ обморокъ отъ феберверка!» А великій герцогъ отвѣчалъ: «я бы не прочь былъ встрѣтиться лицомъ къ лицу съ этимъ молодчикомъ. У меня, должно быть, на ладони больше волосъ, чѣмъ у этого молокососа на подбородкѣ».

— Онъ сказалъ: «у этого молокососа!» вскрикнулъ Гиацинтъ вставая, весь блѣдный отъ гнѣва.

— Да, разрази его громъ! онъ сказалъ: у этого молокососа. Газеты повторятъ, армія узнаеть, народъ Ротозѣвъ увидить, что его оскорбляютъ въ особѣ вашей.

— А! великій герцогъ хочеть встрѣтиться со мною лицомъ къ лицу, сказалъ Гиацинтъ, стиснувъ зубы: — мы доставимъ ему это удовольствіе, и скоро.

— Bravo, государь! закричалъ баронъ Бомба: — вы достойный сынъ вашего неустрашимаго родителя! Не будемъ терять ни минуты. Все готово: арсеналы переполнены снарядами, въ магазинахъ всего вдоволь, армія укомплектована; безъ малѣйшаго труда можно собрать триста тысячъ человѣкъ на границѣ, и захватить врага въраслохъ. Вамъ надо же показаться жителямъ провинцій. Извольте ускорить ваше путешествіе. Я сосредоточу войска, будто для смотра, и вдругъ, когда противникъ будетъ чувствовать себя въ полной безопасности, ему отправятъ громовой ультиматумъ, на него бросатся, его раздавятъ. О, государь, когда въ вашихъ юныхъ рукахъ будетъ развѣваться по вѣтру наше старое знамя, какая радость вашему народу! Какіе восторги въ арміи! Какой всеобщій энтузіазмъ! Государь, при этой мысли я невольно плачу; позвольте старому солдату васъ обнять.

— Благодарю, генераль. Я подъ вашимъ начальствомъ хочу сдѣлать мою первую кампанію. Не выдавайте нашей тайны и все приготовьте. Мы отправимся, когда вамъ будетъ угодно.

— Завтра же. Будьте увѣрены, я, какъ тѣнь, не отстану отъ васъ ни на шагъ. Но дозвольте мнѣ дать вамъ совѣтъ. Тамъ насъ хватить на все, но здѣсь необходимъ умъ твердый и рѣшительный, который не далъ бы охладѣть народному воодушевленію, и, въ случаѣ надобности, заставилъ бы страну выста-

вить въ поле послѣдняго человѣка и выдать послѣднюю копѣйку. Общественное мнѣніе указываетъ на одного человѣка, способнаго выполнить это трудное дѣло — на графа Тушь-а-Ту.

— Не говорите мнѣ о немъ, сказалъ Гіацинтъ. — Графъ оскорбилъ меня своимъ высокомеріемъ.

— Государь, простите стараго солдата; графъ держитъ всю администрацію въ рукахъ; онъ одинъ...

— Довольно, генераль; до завтра.

Прямо отъ короля, суровый воинъ побѣжалъ въ одинъ домъ, гдѣ ждалъ его отставной министръ.

— Побѣда, любезнѣйшій графъ, сказалъ онъ. — «Молокосось» надѣлалъ чудесъ: война рѣшена; ребенокъ у насъ въ рукахъ, и мы его вышколимъ по своему.

— А мое мѣсто? спросилъ Тушь-а-Ту.

— Возна была. Государь оскорбленъ вашею отставкой. Я, впрочемъ, надѣюсь.

— Благодарю, любезный баронъ. Вѣкъ не забуду вашей услуги.

— Рука руку моетъ, любезный другъ, сказалъ генераль. — Вы тоже не забудьте, что вы мнѣ общали. Коли я рискую шкурой, такъ за то я хочу быть княземъ, тамъ ни вѣсть какимы, и при княжествѣ чтобъ были большія владѣнія.

— Это ужъ ваше дѣло, весело сказалъ графъ. — Разбейте сначала непріятеля, а на счетъ остальнаго положитесь на меня.

— А вы поскорѣй министромъ-то сдѣлайтесь, сказалъ баронъ. — Мы вѣдь завтра ѣдемъ.

— Будьте покойны, генераль. Все будетъ устроено. Прощайте.

Гіацинту предстояли новыя волненія. Узнавъ объ отставкѣ графа и о воинственныхъ замыслахъ, королева не позволила себѣ ни одного слова укоризны, но она залилась слезами и нѣжно обняла сына. Въ молодости, если человѣкъ любитъ свою мать, такіе аргументы неотразимы. Король, глубоко задумавшись, вошелъ къ себѣ въ кабинетъ, недовольный другими и самимъ собою; тутъ ему доложили, что виконтесса Тушь-а-Ту проситъ у него аудіенціи и ожидаетъ его въ салонѣ.

Тамариса во дворцѣ! Тамариса, быть можетъ, нуждается въ его помощи! При этой мысли Гіацинтъ поблѣднѣлъ, и когда онъ вошелъ въ залъ, сердце его билось.

Въ черномъ платьѣ, въ кружевной мантильѣ, Тамариса своимъ грустнымъ и смиреннымъ видомъ окончателно сразила короля.

— Государь, сказала она съ глубокимъ поклономъ: — простите смѣлость вашей вѣрнопопданной; я явилась сюда отъ имени моего отца, чтобы исполнить обязанность.

Она остановилась, как будто подавленная страхомъ и благоговѣніемъ. Гиацинтъ былъ принужденъ взять ее за руку, чтобы ее успокоить.

— Государь, продолжала она: — десять лѣтъ тому назадъ король Ротозѣвъ, вашъ незабвенный родитель, возвращаясь изъ своей седьмой кампаніи противъ нашихъ вѣчныхъ враговъ, вручилъ графу Тушъ-а-Ту свою боевую шпагу.

«Возьмите это оружіе, любезный мой министръ, сказалъ онъ ему: сохраните его, какъ священный залогъ, и если меня не будетъ въ живыхъ, когда моему сыну минетъ восемнадцать лѣтъ, передайте ему сами эту побѣдоносную шпагу, какъ воспоминаніе о моей нѣжности къ нему, о моей дружбѣ съ вами».

— Эта шпага—вотъ она, продолжала Тамариса.— Отецъ мой долженъ былъ поднести ее вамъ еще двумя годами позднѣе; но такъ-какъ онъ теперь оставляетъ дворъ, и навсегда удаляется въ свои помѣстья, онъ счелъ своимъ долгомъ возратить вамъ теперь этотъ драгоцѣнный залогъ. Если когда-либо, чего Боже упаси! война снова возгорится между обюими народами, пусть это славное оружіе озарится новымъ блескомъ въ рукахъ вашихъ. Это—послѣднее желаніе моего отца и мое собственное также.

Прекрасная виконтеса сдѣлала второй реверансъ, и потупивъ глаза, она ожидала, чтобы король позволилъ ей удалиться. Гиацинтъ все еще держалъ руку Тамарисы въ своей рукѣ, и обѣ руки дрожали.

— Зачѣмъ графъ хочетъ оставить дворъ? заговорилъ король послѣ непродолжительнаго молчанія. — Миѣ, быть можетъ, не разъ понадобится его совѣты.

— Государь, отвѣтила Тамариса:—мой отецъ — человѣкъ античныхъ доблестей; ничто не можетъ поколебать непреклонность его принциповъ. Слуга короля и государства, готовый съ радостною гордостью заклать себя на алтарѣ ихъ величія, онъ никогда не согласится подать поводъ къ ослабленію власти. Его присутствіе при дворѣ вызвало бы опасныя сравненія и предосудительныя сожалѣнія: первая обязанность отставнаго министра — заставить о себѣ забыть. Ничего для себя, все для государя — вотъ политическая вѣра графа; я уважаю ее и восхищаюсь ею. Это и моя вѣра. Я дѣлила счастье моего отца, я раздѣлю его опалу, какъ бы ни была велика жертва, и я безъ жалобъ послѣдую за нимъ въ то уединеніе, въ которомъ мы затворимся навсегда.

— Вы также, Тамариса, вы меня покидаете! воскликнулъ король: — и въ такую минуту! Все миѣ измѣняется. Нѣтъ у меня на землѣ ни одного друга.

Вмѣсто всякаго отвѣта, Тамариса подняла къ небу свои прекрасные глаза, полные слезъ. Градиртъ почувствовалъ себя побѣжденнымъ, и даже не пробовалъ сопротивляться. Онъ позвонилъ.

— Позовите графа Тушъ-а-Ту, сказалъ онъ. — Я его жду.

— Прощайте, государь, сказала виконтесса съ самымъ граціознымъ реверансомъ, и самую сладостною улыбкою.

— Не прощайте, Тамариса — до свиданія!

Что произошло между королемъ и его вѣрнымъ министромъ — это неизвѣстно, но на другой день въ *Официальной истинѣ* появилась слѣдующая замѣтка:

«Вчера распространился слухъ о перемѣнѣ министерства. Въ этомъ слухѣ нѣтъ ни одного слова правды. Публика должна вооружаться всѣмъ своимъ благоразуміемъ противъ этихъ вѣдомыхъ праздныхъ умовъ и злонамѣренныхъ газетъ. Еслибы эти слухи продолжали распространяться, правительство увидѣло бы себя вынужденнымъ принять строгія мѣры противъ тѣхъ, кто ихъ распускаетъ».

Далѣе значилось:

«Увѣзая къ сѣвернымъ границамъ государства, чтобы показаться народу, жаждущему выразить свою любовь и преданность, король назначилъ графа Тушъ-а-Ту предсѣдателемъ совѣта министровъ, и предоставилъ ему обширнѣйшія полномочія».

Въ то же время офиціозныя газеты сообщали, не ручаясь за нихъ, слѣдующія извѣстія, о которыхъ говорили при дворѣ и въ городѣ:

«Благодарность — королевская добродѣтель. Говорятъ, что, въ награду за долгую службу графа Тушъ-а-Ту, король собственноручно возложилъ на него большое ожерелье ордена. Утверждаютъ, что графъ будетъ возведенъ въ санъ князя-архиканцлера, и займетъ мѣсто непосредственно за членами королевской фамиліи».

«Баронъ Жеронтъ Плѣраръ, говорятъ, назначенъ, по своей собственной просьбѣ, генеральнымъ директоромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Уже давно блескъ его добродѣтелей и солидность его принциповъ дѣлали его достойнымъ претендентомъ на этотъ высокій постъ. Если онъ удалается отъ политики, то это удаленіе только вѣжущееся. Что можетъ быть для государства важнѣе того направленія, которое дается подрастающимъ поколѣніямъ, важнѣе заботы объ этомъ будущемъ, которое скоро сдѣлается настоящимъ? Исправлять должность, оставленную барономъ Плѣраромъ, будетъ графъ Тушъ-а-Ту».

«Кавалеръ Пиборнь, говорятъ, скоро ѣдетъ въ Швингенбадь. Онъ страдаетъ болѣзнію дыхательнаго горла, которая требуетъ

самаго серъзнаго леченія. Медики предписывають ему строжайшее молчаніе. Во время его отсутствія исправлять его должность будетъ графъ Тушь-а-Ту.

«Генераль-баронь Бомба, сопровождающій короля въ его путешествіи, уѣхалъ вчера все приготовить. Сѣверные города, столь извѣстные великолѣпіемъ своего гостепріимства, хотять перещеголять самихъ себя, и армія, говорятъ, приметъ блистательное участіе въ этихъ гражданскихъ празднествахъ. 10-го іюня въ Канонвильскомъ лагерѣ произойдутъ большіе маневры, съ подобіемъ войны и приступа: разстрѣляютъ болѣе мильіона патроновъ. Вечеромъ будетъ балъ, ужинъ и фейерверкъ; приглашено, говорятъ, до десяти тысячъ дамъ. Счастливая страна, гдѣ люди предаются этимъ невиннымъ забавамъ, и гдѣ громъ пушекъ возноситъ къ небесамъ радость ликующаго народа!»

Черезъ недѣлю послѣ этихъ мирныхъ извѣстій, война была объявлена, и армія уже переступила границу; шестьсотъ тысячъ челоувѣкъ бѣжали форсированнымъ маршемъ рѣзать другъ друга.

XIV.

Битва при Неседадѣ.

22-го іюня, на разсвѣтѣ, Гіацинтъ гулялъ передъ своею палаткою, бесѣдуя съ барономъ Бомбою. Солнце еще не вставало, но присутствіе его уже чувствовалось. Утро было тихое и свѣтлое, такое, когда челоувѣку весело становится жить среди улыбающейся природы. Хлѣба зеленѣли, дуга были покрыты цвѣтами, воздухъ пропитанъ благоуханіями. Ни шороха, ни дыханія вѣтерка; все спало въ лагерѣ, кромѣ часовыхъ, которые безопасно прохаживались, разсѣянно поглядывая на небо.

Забили зорю. Въ одно мгновеніе, какъ рой, вылетающій изъ улья, армія выходитъ изъ своихъ палатокъ; складываютъ шатры, чистятъ лошадей, вытираютъ ружья, наскоро закусываютъ, пьютъ водку, болтаютъ, смѣются. Барабанъ трещитъ, солдаты разбираютъ ружья, строятся въ ряды. Теперь ждутъ только приказанія: убивать ли другихъ, умирать ли самимъ? Все готово.

Ординарцы скачутъ по равнинѣ. Ежеминутно приходятъ извѣстія, отправляются приказанія. Сидя передъ большою картою, баронъ Бомба втыкаетъ и вынимаетъ разноцвѣтныя булавки. Непріятель подходитъ; сила и направленіе различныхъ корпусовъ извѣстны; его намѣренія угадываются. Онъ приближается.

Генеральъ потираетъ руки съ торжествующимъ видомъ.

— На коня, господа, восклицаетъ онъ: — балъ начинается.

Раздаются три пушечные выстрѣла. При этомъ сигналѣ дивизіоны скучиваются, полки выстраиваются въ боевой порядокъ. Офицеры перебѣгаютъ взадъ и впередъ; старые солдаты ругаются сквозь зубы, молодые помалчиваютъ. Изъ этихъ новобранцевъ, одни думаютъ о родиѣ и о своихъ домашнихъ; другіе — собираются съ духомъ, и даютъ себѣ зарокъ не трусить. Наступаетъ то молчаніе, за которымъ должна послѣдовать буря.

Барабанъ бьетъ встрѣчу; показывается король, обруженный своимъ блестящимъ штабомъ. Вотъ онъ: «ура!»

Верхомъ на вороной лошади, держа въ рукѣ шпагу, отданную ему Тамарисою, Гіацинтъ отдаетъ честь знамени, которое склоняется при его приближеніи. Каждый восхищается красотой и граціею короля; каждый принимаетъ на свой счетъ тѣ слова, съ которыми онъ обращается къ полку: «друзья мои, я на васъ рассчитываю!» Изъ всѣхъ грудей, изъ всѣхъ сердець вырывается новый крикъ: «ура!» Гіацинтъ улыбается — онъ счастливъ.

— Нарцисъ, мой другъ, ты что-то невеселъ, сказалъ старшій сержантъ молодому солдату. — Когда проѣхалъ король, ты отчего не сдѣлалъ, какъ другіе дѣлали? Въ день сраженія, голубчикъ, надо порасшевелиться. Король — это отечество, это знамя. Надо было кричать.

— Будьте покойны, дядя Лафлёръ. Съумѣемъ умереть не хуже другого, чтобы...

— Ты серднишься, другъ мой; это напрасно. Чѣмъ онъ виноватъ, этотъ ребѣнокъ, что онъ любитъ войну? Его такъ воспитали; ничему другому его не научили. Ты думаешь, онъ знаетъ, чего стоитъ отцу въ потѣ лица своего вырастить себѣ сына до двадцати лѣтъ? Ему просто дали денегъ и людей безъ счету, и сказали: «трать-себѣ, какъ хочешь. Это твое дѣло». Вотъ онъ и тратитъ, и занимается своимъ дѣломъ.

Нарцисъ опустилъ голову, и ничего не отвѣтилъ. Онъ думалъ про себя, что еслибы Гіацинта воспитали иначе, онъ, Нарцисъ, былъ бы теперь возлѣ своей милой Жирофле, вмѣсто того, чтобы идти на встрѣчу лишеніямъ, болѣзни и смерти.

Проѣхавъ по боевому фронту, Гіацинтъ воротился въ центръ. Тамъ, съ холма, онъ сталъ слѣдить глазами за движеніемъ арміи.

Направо и налево, въ отдаленіи, видѣлись вереницы солдатъ, лошадей, пушекъ, зарядныхъ ящиковъ. То какаянибудь лощина скрывала батальоны, то тысячи штыковъ снова сверкали при свѣтѣ солнца. Глядя на эту длинную процесію, растянувшуюся по равнинѣ, можно было думать, что громадный змѣй медленно ползетъ, свертывая и развертывая свои чудовищныя кольца.

Скоро затрещал ружейный огонь, и заревѣли пушки. Когда, по временамъ, умолкала пальба, тогда слышались странные звуки. Небо было затянуто дымомъ, и кое-гдѣ, среди этихъ зловѣщихъ тучъ, поднимались огненные языки. Пылали хлѣбными скирдами, горѣли цѣлыя деревни. Слова барона Бомбы оправдавались, балъ начинался.

Главные силы арміи двинулись. Онѣ шли медленно. Артиллерія ѣхала по шоссе. По обѣимъ сторонамъ, по засѣянному полю, шли кавалерія и пѣхота, растаптывая посѣвы, и не оставляя позади себя ни одного колоса на корню.

Подходя къ деревнѣ Неседадь, армія встрѣтилась съ непріателемъ, котораго уже давно завидѣли передовые пикеты. Онъ занималъ на высотѣ очень крѣпкую позицію. Но впереди, на самой равнинѣ, стояла въ боевомъ порядкѣ цѣлая армія, которая бросилась на Ротозѣевъ, какъ только завидѣла ихъ.

— Эге! сказалъ баронъ Бомба: — хитрецы хотятъ побить насъ нашимъ же орудіемъ. Эти проказники врадуть у насъ нашу же ротозѣйскую тактику. Да вѣдь этого мало, затѣйники. Надо было бы ужъ заодно взять и нашихъ солдатъ.

Баронъ не ошибся. Послѣ двухъ кровопролитныхъ атакъ, мужественно отраженныхъ Ротозѣями, враги отступили, и въ ихъ рядахъ обнаружился нѣкоторый беспорядокъ.

Изъ деревни Неседадь спустилась тогда блестящая кавалерія. Во главѣ отряда ѣхалъ шагомъ молодой человекъ, большого роста, въ бѣлой туникѣ и въ серебряной каскѣ. Всѣ подозрныя трубки штаба устремились на этого человека. Одинъ адъютантъ сказалъ:

— Я его узнаю. Я ему представлялся двѣ недѣли тому назадъ. Это — великій герцогъ во главѣ своихъ кирасировъ.

— Великій герцогъ! восхлинулъ Гіацинтъ. — Пусть никто до него не дотрагивается. Онъ мой.

Онъ хотѣлъ пустить свою лошадь вскачь, но баронъ, улыбаясь, остановилъ его.

— Государь, сказалъ онъ: — время геройскихъ единоборствъ прошло. Съ тѣхъ поръ, какъ выдуманъ порохъ, такіа дуэли рѣшаются пушками. Кромѣ того, прежде чѣмъ вы доѣдете до великаго герцога, онъ уже будетъ сбитъ съ лошади. Наши стрѣлки уже цѣлятъ въ него. Парадировать на лошади въ виду непріателя — это, конечно, очень красиво; но это не война, это — безуміе.

Гіацинтъ чувствовалъ страшное волненіе. Великаго герцога онъ ненавидѣлъ. Онъ съ удовольствіемъ убилъ бы его своею рукою въ единоборствѣ. Но видѣть этого молодого человека, какъ онъ, храбрый и довѣрчивый, ѣхалъ прямо на враговъ, и

думать, что пуля, пущенная откуда нибудь изъ-за куста, того и гляди свалитъ его, какъ беззащитную птицу — это возмущало великодушнаго юношу. Это было скорѣе похоже на убійство, чѣмъ на дуэль.

Всѣ смотрѣли молча. Пока великій герцогъ приближался, стрѣлки ползли впередъ по травѣ, и прятались по канавамъ; вдругъ, въ ту минуту, когда молодой начальникъ, повернувъ голову, отдалъ своимъ кирасирамъ приказаніе броситься въ атаку, раздался залпъ, какъ будто изъ земли; цѣлые ряды кавалеристовъ повалились; и, среди всей суматохи раненныхъ, умирающихъ, опрокинутыхъ и изуродованныхъ лошадей, перелуганный рыжій жеребецъ безъ сѣдока бросился прямо къ неприятельскимъ рядамъ. Великій герцогъ былъ убитъ. Обида, нанесенная Гіацинту, была заглажена.

— Теперь, государь, сказалъ баронъ, хладнокровный попрежнему:—начало сдѣлано; надо продолжать. Видите маленькую церковь, тамъ на горѣ. Когда мы тамъ будемъ, партія будетъ выиграна.

Добраться туда было нелегко. Три часа подъ рядъ дрались на пропалю, а подвинулись всего на нѣсколько шаговъ. Укрѣпившись въ деревнѣ, неприятель защищался съ ожесточеніемъ; изъ каждаго дома была сдѣлана крѣпость, которую надо было брать приступомъ. Потери были огромны; цѣлые полки исчезли; солдаты утомились, и къ довершенію несчастія съ праваго крыла стали получать дурныя извѣстія: тамъ неприятель одолѣвалъ. Ежеминутно прилетали во весь опоръ офицеры, требовавшіе подтвержденія; баронъ смѣялся имъ въ глаза, и ругался, какъ сапожникъ.

— Подирѣпленія, кричалъ онъ:—гдѣ я имъ возьму подтвержденія? Пускай околѣваютъ тамъ, чортъ ихъ разрази! Въѣтъ они что ль жить собрались, собаки проклятыя!

Вокругъ короля, лица были печальны; Гіацинтъ одинъ былъ полонъ вѣры въ счастливую звѣзду. Веселость барона приводила его въ восторгъ. Поэтому онъ немного удивился, когда генералъ, отведя его въ сторону, сказалъ ему потихоньку:

— Государь, теперь пришло время подраться посоддатски. Коли мы черезъ часъ не будемъ тамъ на горѣ, намъ останется только воротаться домой, чтобъ насъ осмѣяли Рогозѣи.

— Ужъ лучше умереть! закричалъ король.

И, пришпоривъ лошадь, онъ бросился въ самое опасное мѣсто.

По дорогѣ собрали всѣхъ попавшихся разсѣянныхъ солдатъ: гренадеровъ, егерей, стрѣлковъ, спѣшенныхъ драгунъ и улановъ; съ этимъ священнымъ батальономъ сдѣлали послѣднее могучее усиліе. Два раза Гіацинтъ водилъ этихъ храбрецовъ на при-

ступь, къ церкви; два раза его отбивали. Вокругъ него пули летали, люди падали, какъ подкошенные колосья; его раненая лошадь рухнула подъ нимъ, и чуть его не придавила; ничто не пугало короля. Напротивъ того, порохъ и кровь его опыняли. Онъ вскочилъ на ошалѣвшую лошадь и, съ обнаженной головой, съ развѣвающимися по вѣтру волосами, съ шпагою въ рукѣ, при крикахъ: «да здравствуетъ король!» еще разъ привелъ въ порядокъ свои войска, и наконецъ побѣдителемъ вѣхалъ въ церковь, давая копытами лошади мертвыхъ и умирающихъ.

Тамъ стали оглядывать другъ друга.

— Гдѣ баронъ? спросилъ Гіацинтъ.

— Государь, его отвесли тутъ по близости въ одинъ домъ: онъ раненъ.

Король побѣжалъ къ своему старому другу; старый другъ лежалъ на вазанкѣ соломы и отдавалъ приказанія, чтобы артилерія, захавъ во флангъ непріятелю, довершила побѣду. У барона былъ полонъ ротъ крови; онъ шопотомъ говорилъ съ своимъ адъютантомъ; онъ былъ раненъ пулею въ грудь на вылетъ.

— Любезный генераль, сказалъ Гіацинтъ: — я надѣюсь, эта рана не будетъ имѣть никакихъ серьезныхъ послѣдствій, и вы скоро будете наслаждаться вашимъ торжествомъ.

— Мои счеты покончены, сказалъ баронъ: — меня хватитъ не на долго. Все равно; непріятелю задали жару, и Ротозѣи не надъ нами будутъ потѣшаться! Государь, займитесь арміей; еще не все кончено. Прощайте. Благодарю васъ.

Гіацинтъ вышелъ, опутивъ голову и стараясь скрыть слезу. Баронъ подозвалъ солдата.

— Нѣтъ ли воды? спросилъ онъ.

— Извольте, ваше превосходительство! сказалъ сержантъ Лафлѣръ, подавая свою фляжку.

— Спасибо, старикъ. Заверни меня въ плащъ, и поверни на бокъ. Совѣ былъ хорошъ, да коротокъ. Прощай.

Это были его послѣднія слова. Онъ больше не шевельнулся. Черезъ часъ его не стало.

Съ церковной колокольни, Гіацинтъ слѣдилъ за поражениемъ враговъ. Оно было полное. Находясь подъ влияніемъ паническаго страха, несчастные больше не защищались. Они бѣжали, бросая ружья, сабли и ранцы. Батареи были заклепаны, зарядные ящики опровкнуты, кавалерія неслась во весь опоръ, и давила все на своемъ пути. Напрасно офицеры старались остановить обезумѣвшую толпу. Ихъ увлекали, ругали, сбивали съ ногъ. Страхъ слѣпъ и глухъ; тысячи людей тонули въ рѣкѣ, спасаясь отъ врага, который ихъ больше не преслѣдовалъ.

Такъ разыгралось знаменитое сраженіе при Неседадѣ, которое покрывло позоромъ Остолоповъ, и переполнило радостью сердца Ротовѣевъ.

Въ тотъ же вечеръ одинъ изъ генераловъ короля Остолоповъ привезъ Гіацинту письмо слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь братъ мой!

«Побѣда ваша, у меня нѣтъ арміи. Я прошу пріостанови военныхъ дѣйствій и мира; вы сами назначите условія; я предаю себя вашему великодушію. Побѣжденный, я, по крайней мѣрѣ, имѣю одну привилегію, за которую я плачу достаточно дорого, чтобы имѣть право пользоваться ею въ настоящую минуту. Я восхищаюсь храбростью и дарованіями, которыя вы обнаружили сегодня. Я желалъ бы кончить такъ, какъ вы начинаете.

«За симъ, милостивый государь братъ мой, я молю Творца, да хранитъ васъ подъ святымъ своимъ покровомъ».

Король тотчасъ же велѣлъ прекратить военныя дѣйствія, а переговоры отложилъ до завтрашняго дня. Онъ уже шестнадцать часовъ былъ на конѣ, и нуждался въ отдыхѣ. Въ наименѣе развалившемся домѣ ему приготовили постель изъ нѣсколькихъ тюфяковъ, собранныхъ съ разныхъ сторонъ. Онъ бросился на эту постель разбитый усталостью, съ пылающею головою. Передъ нимъ проходило такое множество картинъ, въ немъ самомъ поднималось столько мыслей, что онъ, несмотря на сильнѣйшее утомленіе, не могъ заснуть. Но не столько слава, сколько мысль о Тамарисѣ прогоняла его сонъ. Онъ думалъ, что скоро явится передъ нею побѣдителемъ, и къ ногамъ своей возлюбленной положить свою шпагу.

Въ сосѣдней комнатѣ, генералы и адъютанты угощали за своимъ столомъ гонца отъ короля Остолоповъ. Въ королевскихъ фургонахъ нашлась подходящая провизія, и собравшаяся военная компанія весело попивала, припоминая событія пережитаго дня. Каждый изъ собесѣдниковъ разсказывалъ свои подвиги, и у каждаго выходило такъ, что именно онъ одинъ выигралъ сраженіе. Всѣ единодушно осудили излишнюю смѣлость великаго герцога; связали, что онъ убитъ по собственному безразсудству; тѣмъ и ограничилось произнесенное ему надгробное слово. Много говорили о баронѣ Бомбѣ и о трехстахъ офицерахъ, погибшихъ вмѣстѣ съ нимъ; интересовались преимущественно вопросами о томъ, кто будетъ назначенъ на мѣста покойниковъ; еще больше говорено было о производствѣ и объ орденахъ; но всего усерднѣе превозносили счастье арміи, которой достался на долю молодой и храбрый король. Если, съ шестнадцати лѣтъ, онъ начинаетъ воевать, то нѣтъ такихъ чудесъ, которыхъ нельзя

было бы ожидать въ будущемъ отъ его гонимъ! Гіацинтъ заснулъ при сладостнымъ ропотѣ этихъ похвалъ.

XV.

Обратная сторона медали.

Во время сна королю привидѣлось видѣніе. Въ лучистомъ сіяніи передъ нимъ явилась женщина въ бѣломъ платьѣ, съ жезломъ въ рукѣ. То была фея дня. Гіацинтъ узналъ свою крестную мать. Онъ такъ долго любовался портретомъ бѣлой женщины, висѣвшимъ въ большомъ салонѣ дворца! Фея посмотрѣла на него долгимъ, внимательнымъ взглядомъ, и прошептала со вздохомъ:

«Бѣдный ребенокъ, что бы съ тобою было, кабы я о тебѣ не заботилась?»

И жезломъ своимъ она обвела три круга около своего крестника.

Гіацинтъ проснулся вдругъ на полѣ сраженія, но уже не королемъ и побѣдителемъ, а еще разъ въ гнусной шкурѣ собаки. Утромъ судьба подняла его на такую высоту только затѣмъ, чтобы еще глубже столкнуть его въ бездну.

Была ночь; луна освѣщала равнину, и при ея блѣдномъ свѣтѣ тѣни холмовъ казались еще чернѣе. Кругомъ заколдованнаго короля все было тихо и мрачно; въ отдаленіи видѣлись лагерные огни. Направо и налево, среди убитыхъ лошадей, разбитыхъ лафетовъ, разбросанныхъ ружей, солдаты, повалившися навзничь, спали вѣчнымъ сномъ. На эти лица, исчаженныя страданіемъ и яростью, сама смерть не смогла набросить свою печальную безматешность. Ихъ зубы были стиснуты, губы покрыты пѣной, глаза на выкатѣ; они еще какъ будто грозили, или роптали, или просили Бога отмстить за ихъ легкомысленно растроченную кровь.

На какихъ-то часахъ, въ далекѣ, медленно пробило двѣнадцать, тотъ часъ, когда мертвецы просыпаются. Гіацинтъ вздрогнулъ. Не чувствуя себя способнымъ переносить долѣе взглядъ этихъ остановившихся глазъ, онъ забился въ темноту, чтобы тамъ укрыться.

Тамъ-то и ожидало его ужаснѣйшее зрѣлище. Пользуясь темнотою, два мародера, съ потайными фонарями въ рукахъ, грабили мертвецовъ и глумились надъ смертью. Гіацинтъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, притаился за опрокинутою пушкою.

— Вотъ этотъ женатъ, говорилъ одинъ изъ воровъ:—у него кольцо на пальцѣ, только никакъ не снимешь.

— Отрѣжь палецъ, безтолочь, сказалъ другой.—Видишь серьги

я ихъ вырвалъ изъ ушей у этого солдата. Вѣдь издохли, такъ имъ все одно.

— Офицеръ! заговорилъ первый.—Будеть пожива. У него часы есть.

— Ты пощи. Долженъ быть кошелекъ.

— Да. А вотъ и портфѣль съ запечатаннымъ письмомъ.

— Лучше кабы съ банковыми билетами, а впрочемъ ничего, давай сюда. Посмотримъ, что-то онъ пишетъ своей душенькѣ. Позабавимся.

Разбойникъ развернулъ письмо и сталъ читать:

«Добрая моя мать, когда ты получишь это письмо, у тебя уже не будетъ сына. Предчувствіе говоритъ мнѣ, что меня завтра убьютъ. Пишу это письмо на всякій случай; надѣюсь, что дружеская рука перешлетъ его къ тебѣ. Я хочу, чтобы ты знала, что мой послѣдній вздохъ принадлежалъ тебѣ, и что я продолжаю любить тебя за предѣлами гроба. У меня нѣтъ ничего, кромѣ моей шпаги; я оставляю тебя безъ средствъ; я довѣряю тебя Господу Богу; онъ тебя утѣшитъ. Я же умираю достойный тебя, вѣрный тому чувству чести, которое ты мнѣ внушила, счастливый тѣмъ, что проливаю кровь за величіе короля и для спасенія отечества».

— Ну! сказала другой воръ:—долго ты что ли будешь жужжать эту чувствительную чепуху? Примемся за работу. Сюда скоро заглянетъ мѣсяцъ, насъ увидать, и тогда, того и гляди, стануть въ насъ стрѣлять.

— Да, твоя мать получить это письмо, сказалъ мародеръ торжественно:— и счастливы тѣ, кто умираетъ по твоему.

— Вотъ, заворчалъ его товарищъ:—опять ты мелодраму играть начинаешь. Чортъ ихъ возьми, тѣхъ людей, что въ школѣ побывали, вѣчно у нихъ фразы на языкѣ! Постой, тутъ что-то блеснуло, точно золото. Что бы это было?

Онъ поднесъ фонарь поближе. Испуганная свѣтомъ, лошадь, покрытая великолѣпнымъ чепракомъ, вскочила на ноги, заржала и стала лягаться. То былъ рыжій жеребецъ великаго герцога. У него въ брюхѣ была огромная рана, и онъ путался ногами въ своихъ окровавленныхъ кишкахъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ упалъ, судорожно вытянулъ ноги, и околѣлъ.

Въ ту же минуту, стая собакъ, взявшихся неизвѣстно откуда, съ лаемъ бросилась на благородное животное, и начала рвать его на части. При этомъ шумѣ, воры побѣжали, не заботясь объ оставленной добычѣ. По равнинѣ замелькали фонари въ большомъ количествѣ; подходилъ рундъ.

— Эка пожива? говорила одна собака своимъ товарищамъ.— Что бы людямъ почаще задавать намъ такіе праздники.

— Вонъ тамъ, говорилъ другой песъ:—воли ѣдать вирасирскій полкъ.

— Видѣли, сколько вороновъ было сегодня вечеромъ? сказалъ бульдогъ.

— Завтра будетъ во сто разъ больше, отвѣтилъ первый:— да что жь за бѣда? Мясa и крови хватить на всѣхъ.

— Да, сказала борзой: — только завтра все зарюютъ.

— Въ одинъ день не успѣютъ, пріятель, отвѣтила дворняга.— Тутъ работы будетъ на недѣлю. А по лѣсамъ, по оврагамъ, по скаламъ, по канавамъ лежить много запропавшихъ солдатъ и лошадей, мила на двѣ кругомъ. Ихъ не станутъ разъискивать да собирать. Славная штука война! Настоящій пиръ для собакъ, для вороновъ и для волковъ!

Гіацинтъ въ ужасѣ убѣжалъ. Онъ направился къ той деревнѣ, гдѣ, нѣсколько часовъ тому назадъ, онъ блистательно рисковалъ жизнью. Тамъ произошелъ рѣшительный ударъ; тамъ мертвецы, наваленные другъ на друга, тонули въ лужахъ крови. Гіацинтъ еще разъ собрался бѣжать безъ оглядки отъ этихъ ужасныхъ сценъ, когда вдругъ онъ услышалъ стоны. Онъ подошелъ поближе. Офицеръ, еще молодой и красивый, ползъ на обѣихъ рукахъ, съ трудомъ волоча за собою ноги, разбитыя ядромъ.

— Воды! бормоталъ онъ: — воды! Помогите! Я за васъ умираю, а вы меня бросили, чтобъ я окопалъ какъ собака! Проклятая война! Воды, или смерти, изъ состраданія!

Подвигаясь такимъ образомъ впередъ, изнемогая отъ боли, онъ упалъ на трупъ другого офицера.

— Фляжка, крикнулъ онъ: — я спасенъ! Нѣтъ ничего, разбита!... А! пистолетъ — заряженъ, слава-Богу! Гіацинтъ, счастливый побѣдитель, жаль, что ты не видишь...

И твердою рукою онъ разможжилъ себѣ голову.

При звукѣ выстрѣла умирающій поднялъ голову и осмотрѣлся кругомъ безсмысленными глазами. То былъ Нарцисъ. Гіацинтъ узналъ его и подошелъ къ нему.

— Это ты, Фидель? вскрикнулъ солдатъ, заливаясь слезами.— Поди, поди сюда, я тебя подалую. Тебя Жирофле прислала, неправда ли? Скажи ей, что я ее люблю. Ахъ, не видать мнѣ ее больше.

— Сюда, ребята, сказалъ грубый голосъ:— да прошу не разсуждать. Сержантъ Лафлѣръ знаетъ, что дѣлаетъ, онъ старый усачъ, а вы всѣ молокососы. Говорятъ вамъ, онъ здѣсь упалъ; я узнаю мѣсто, черти проклятые! Тутъ шестерыхъ адъютантовъ въ три мнвуты убило; одинъ мнѣ своимъ мозгомъ все лицо забрызгалъ. Давайте фонарь... видите, вонъ тутъ двое лежать; другіе тоже недалеко. Тутъ и есть. Нарцисъ, голубчикъ, умеръ, что ли? закричалъ онъ громовымъ голосомъ.

— Сержантъ, слышался глухой стонъ.

— Вотъ онъ я, милый. Здравствуй, Нарцисъ. Какъ дѣла?

— Да вотъ видите сами, дядя Лафлѣръ.

— Что дѣлать? другъ, война! Нынче тебѣ досталось, завтра придетъ мой чередъ. Ты положишься на мою чувствительность, ужъ я тебя такъ не оставлю. Эй, вы, давайте носилки.

Чуть только тронули Нарциса, ему сдѣлалось дурно. Все его тѣло было сплошвою, кровавою ранюю.

— Сержантъ, сказалъ одинъ изъ солдатъ:—не стоитъ его тащить — кончился.

— Совѣтоваться я съ тобою, что ли, буду? отвѣтилъ Лафлёръ.— Кабы ты, по моему, зналъ порядки, пустая твоя голова, такъ ты бы помнилъ, что человекъ кончается только тогда, когда майоръ его въ свой реестръ запишетъ. Идемъ, идемъ, да не разговаривать.

Завидѣвъ толпу, король-пудель спрятался въ кучу труповъ; онъ вышелъ оттуда въ перепугѣ, и побѣжалъ...

Чтобы уйдти отъ этой бойни, наводившей на него ужась, Гиацинтъ свернулъ на проселочную дорогу, шедшую къ одной деревнѣ. Война и сюда заглянула. Скотъ былъ раскраденъ, заборы разнесены, дома сожжены. Вездѣ дымящійся пепелъ, вездѣ запустѣніе, развалины.

На навозной кучѣ хрипѣлъ умирающій крестьянинъ. Онъ защищалъ родину противъ неприятелей, или имущество противъ мародеровъ. Его убили ружейнымъ выстрѣломъ. Вооцѣ него, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, сидѣла на соломѣ его жена; четверо мальчиковъ, изъ которыхъ старшему еще не было двѣнадцати лѣтъ, обмывали поочередно блѣдное лицо отца. Сзади умирающаго, сѣдой старикъ обращался къ небу съ бессильными жалобами и проклятіями.

— Отмсти за бѣдняка, Господи! кричалъ онъ:—И за вдову! И за сиротъ! И за отца! Видишь, я отецъ, ты далъ мнѣ сына, а живодери эги его убили! Чего же ты, Господи, смотришь? Чего ты даешь въ обиду невинныхъ?

— Успокойся, дѣдушка, сказалъ одинъ изъ мальчиковъ.—Мы отмстимъ за отца; вѣдь насъ четверо. Придетъ наше время, мы тоже вѣхъ станемъ душить.

— Пойдемъ, брагъ, сказалъ младшій:—возьми камень; будемъ разбивать головы раненымъ.

— Дѣти, закричала мать, рыдая: — не ходите. Васъ убьютъ.

Гиацинтъ печально удалился.

«Боже мій!» думалъ онъ. «Куда бѣжать? Гдѣ спрятаться? Спасите, помогите!»

— Успокойтесь, государь, успокойтесь, произнесъ голосъ адъютанта.

Гиацинтъ увидѣлъ себя на своей постели, и осмотрѣлся кругомъ расстеряннымъ взглядомъ.

— Простите меня, что осмѣлился васъ разбудить. Но вы изволили такъ стонать, что я счелъ за лучшее положить конецъ удручающему васъ видѣнію.

— Жаль, что вы раньше этого не сдѣлали! сказалъ Гиацинтъ вздыхая.

Онъ всталъ съ постели, сѣлъ къ столу, и до разсвѣта просидѣлъ неподвижно, забривъ голову обѣими руками.

НА РАЗВАЛИНАХЪ КОЛИЗЕЯ.

(Изъ Чайльд-Гарольда, Байрона).

О, Время, ты, что красоты вѣнецъ
Развалинамъ даешь,—о, добрый геній,
Единый врачъ истерзанныхъ сердецъ
И исправитель нашихъ заблужденій;
Ты, пробный камень честности людской,
Любви и дружбы искренней и ложной,
Едиственный мудрецъ, судья святой,
Творящій судъ правдивый, непреложный,—
Хоть иногда и долго, долго ждешь
Своей поры и мада твоя и кара,—
О, Время-мститель! отъ твоихъ щедротъ
Молю теперь единственнаго дара.

Среди руинъ, гдѣ ты гигантскій храмъ
И свой алтарь воздвигло Разрушенью,
Гдѣ жертвъ твоихъ вурится фиміамъ—
И моему дай мѣсто приношенью.
Мои дары—руины прошлыхъ лѣтъ,
Не многихъ, но отмѣченныхъ судьбою;
Не внемли мнѣ, когда напрасно свѣтъ
Я оскорбилъ и чорствъ я былъ душою;
Но если я презрѣнье сохранилъ
Къ врагамъ, что такъ противъ меня возстали—
Ужель свой крестъ напрасно я носилъ,
И не придетъ для *нихъ* пора печали?

О ты, что свой правдивый счетъ ведешь,
Гдѣ всякая записана обида,
И карой за неправду воздаешь,
Столь чтимая у древнихъ Немезида,—

Ты, по чьему велѣнію толпой
 Изъ тартара всѣ фурія стеклися
 И подняли вокругъ Ореста вой
 О мщеніи,—тебя зову, проснися!
 Здѣсь, на руинахъ царства твоего,
 Тебя теперь изъ праха вызываю...
 Иль ты не слышишь вопля моего?—
 Но встанешь ты, я твердо уповаю.

Я не скажу, что я за грѣхъ отцовъ,
 Или за свой, не долженъ заплатиться,
 И рану я выдерживать готовъ,
 Которая въ груди моей давится,
 Когда-бъ ее нанесъ мнѣ правый мечъ,
 Когда-бъ я зналъ, за что я такъ страдаю;
 Теперь же кровь моя не будетъ течь,
 Её тебѣ отнынѣ посвящаю;
 Ты отомстишь, — для мщенья время есть,
 Когда карать неправду ты возьмешься,
 Хотя-бъ я самъ и позабылъ про месть,
 Хотя-бъ я спалъ — ты за меня проснешься.

И если вдругъ раздался голосъ мой,
 То вызванъ онъ не пыткой страданья, —
 Видалъ ли кто, чтобъ гордой головой
 Я поникалъ въ минуту испытанья? —
 Но памятникъ хочу въ моихъ стихахъ
 Я по себѣ оставить; пусть ислѣветъ
 Въ могилѣ мой давно забытый прахъ,
 Но никакой ихъ вѣтеръ не развѣетъ;
 Значеніе пророческое ихъ
 Когда нибудь для міра объяснится,
 Придетъ пора — и на людей мой стихъ,
 Какъ громъ изъ тучъ, провлятьемъ разразится.

Проклятіемъ — прощенье будетъ. Мнѣ ль, —
 О мать-земля, о небо, въ вамъ зываю! —
 Мнѣ ль нечего прощать? и неужель
 Въ борьбѣ съ своей судьбой я не страдаю?
 Или мой мозгъ не высохъ оттого?
 Иль люди жизнь мою не отравили,
 Не растерзали сердца моего
 И клеветой меня не заклемили?

И если я въ отчаянье не впалъ,
Такъ потому, что противъ бѣды гнетущихъ
Природа мнѣ дала не тотъ закатъ,
Что у людей, вокругъ меня живущихъ.

Я-ль не знавалъ житейской суеты,
Отъ крупныхъ золь до хитрости ничтожной,
Отъ громкаго хуленья клеветы
До шопота намѣны осторожной
Тѣхъ низкихъ душъ, которыхъ тонкій ядъ
Невидимо вредитъ своей отравой,
И чей прямой, повидимому, взглядъ
Исполненъ лжи и хитрости лукавой;
Такъ холодна, такъ сдержанна ихъ рѣчь,
Безмолвно лгутъ они открытымъ взоромъ,
Лишь вздохъ порой, или пожатье плечъ
Ихъ выдаетъ нѣмымъ своимъ укоромъ.

Но я вѣдь жилъ, я не напрасно жилъ;
Мой умъ свою утратить можетъ силу,
Огонь, что кровь мою животворилъ,
Погаснетъ, и я самъ сойду въ могилу; —
Но *что* есть въ груди моей, чего
Не истребить ни время, ни страданье;
Пусть я умру, но будетъ жить его
Незримое, бессмертное дыханье;
Какъ арія забытая пѣвца,
Она порой смутитъ ихъ духъ волненьемъ,
Расплавитъ ихъ желѣзные сердца
И душу ихъ наполнитъ сожалѣньемъ.

Теперь конецъ. Привѣтствую тебя
Могущество безъ наименованья,
И безъ границъ! Полночный часъ любя,
Ты бродишь здѣсь, средь мертваго молчанья...
Тамъ твой пріютъ, тамъ твой любимый домъ,
Гдѣ висятъ оставленные стѣны,
Какъ мантией покрытыя плюшемъ,
И ты царяшь средь величавой сцены,
Давая ей тотъ смыслъ, тотъ духъ живой,
Что кажется, какъ будто мы, незримо,
Участвуемъ вволнованной душой
Въ дѣлахъ вѣковъ, давно мелькнувшихъ мимо.

Здѣсь шумъ толпы арену волновалъ,
 При зрѣлищѣ кроваваго сраженья,
 То бурей восторженныхъ похвалъ,
 То ропотомъ невнятныхъ сожалѣнья.
 Изъ-за чего жь тутъ рѣзались рабы
 И погибалъ несчастный гладиаторъ?
 Чернь тѣшилась позоромъ ихъ борьбы,
 И тѣшился жестокой императоръ!
 Такъ чтожь? не все-ль равно, гдѣ люди мрутъ?
 Арены кругъ и славной битвы поле—
 Лишь разныя двѣ сцены, гдѣ гнѣютъ
 Главнѣйшіе актеры ихъ,—не болѣ...

Боецъ лежитъ, смертельно пораженъ,
 Опершись на слабѣющія руки,
 Не жить ему, но мужественно онъ
 Выносить боль своей предсмертной муки.
 И падаетъ изъ раны тяжело,
 По каплѣ, такъ какъ дождь передъ грозой,
 Густая кровь, и блѣдное чело
 Склоняется все ниже надъ землею...
 Въ безуміи восторга своего
 Толпа шумить, и, въ изступленьи дикомъ,
 Привѣтствуетъ соперника его
 Безжалостнымъ, безчеловѣчнымъ кликомъ.

Онъ слышалъ всё, но кликамъ не внималъ;
 Не думалъ онъ о жизни угасавшей,
 И мутныхъ глазъ своихъ не обращалъ
 Къ толпѣ, вокругъ безумно ликовавшей;
 Нѣтъ, взоръ его былъ съ сердцемъ вмѣстѣ, тамъ,
 У хижины, на берегу Дуная,
 Гдѣ бѣгали безопасно по полямъ
 Его малютки, весело играя;
 И тамъ ихъ мать... Но гдѣ же ихъ отецъ?
 Зарѣзанъ онъ, для развлеченья Рима!...
 О, готы! что-жь? возстаньте наконецъ,
 Пусть будетъ месть грозна, неумолима!

Д. Михаловскій.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ.

Статья первая.

Назадъ тому годъ въ Лейпцигѣ явилась книга, подъ названіемъ: *Die ländliche Verfassung Russlands*. Книга эта написана знаткомъ дѣла, извѣстнымъ барономъ Гакстгаузеномъ *, который всю жизнь свою посвятилъ на изученіе крестьянскаго устройства въ разныхъ странахъ Европы, въ томъ числѣ и Россіи. Съ этою цѣлію онъ объѣхалъ Россію въ 1843—1844 годахъ и кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ брошюръ написалъ о ней два большихъ сочиненія: «*Studien über Russland*» и «*Transkaukasien*», которыя не только за границей, но и у насъ служатъ доселѣ лучшими пособіями для основательнаго знакомства съ Россіей. Новое сочиненіе барона Гакстгаузена имѣетъ цѣлію познакомить европейскую публику съ тѣми перемѣнами, которыя произведены въ нашемъ сельскомъ устройствѣ недавней крестьянской реформой.

Фактически новаго въ этой книгѣ для насъ русскихъ почти ничего нѣтъ. Тѣмъ не менѣе книга въ высшей степени интересна для насъ, какъ взглядъ иностранца на наше дѣло. Намъ не придется въ голову разсматривать тѣ стороны дѣла, которыя главнымъ образомъ интересуютъ барона Гакстгаузена, и притомъ разсматривать тѣмъ приемомъ, который употребляетъ онъ. Для насъ крестьянскій вопросъ дѣло еще слишкомъ живое, волнующее. Крѣпостное право лежало поперегъ всего нашего развитія. Оно не давало намъ впередъ ступить шагу. Оно одинаково портило и нашихъ лучшихъ людей, и наши лучшія учрежденія. Оно давило или извращало и парализировало всякое нормальное проявленіе общественной жизни. Оно гнало всякую честную, патріотическую мысль, рѣшавшуюся откровенно, безъ холопскихъ приемовъ и холопскаго подобострастія, говорить за дѣло общественнаго блага.

* Баронъ Гакстгаузенъ родился въ 1792 г., скончался въ Ганноверѣ 1-го января 1867 года.

Однимъ словомъ, съ грѣбостнымъ правомъ никакое движеніе впередъ было немислимо для насъ. Естественно, что едва успѣвъ только недавно свалить съ себя этотъ гнетъ, мы еще такъ полны пріятнымъ чувствомъ избавленія отъ мнивавшей насъ опасности, что намъ некогда входить въ разсмотрѣніе принциповъ, въ силу которыхъ совершилось великое дѣло. Тѣмъ менѣе можетъ являться въ насъ даже тѣнь сомнѣнія относительно прочности его въ будущемъ. Съ крестьянскою реформою неразрывно связаны всѣ лучшія начинанія настоящаго — городское и земское самоуправленіе, гласные суды, свобода прессы и т. п. Съ нею связаны и всѣ наши лучшія надежды въ будущемъ. Усомниться относительно прочности нашей крестьянской реформы въ будущемъ или даже только въ возможности измѣненія ея настоящаго характера въ будущемъ — для насъ значило бы признать свое полное умственное и экономическое банкротство.

Баронъ Гакстаузенъ стоитъ по отношенію къ нашему крестьянскому дѣлу совершенно иначе. Для него это дѣло чуждое, стороннее, не кровное. Оно не волнуетъ, не горячитъ его какъ насъ; онъ можетъ стоять передъ нимъ въ качествѣ спокойнаго и холоднаго наблюдателя. Правда, къ нашей крестьянской реформѣ онъ относится такъ же сочувственно, какъ и ко всѣмъ подобнымъ реформамъ, бывшимъ въ Европѣ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ признаетъ даже ея несомнѣнное превосходство передъ всѣми подобными реформами, какія были въ Европѣ. Такъ онъ не находитъ ничего ей подобнаго въ другихъ государствахъ ни по размѣрамъ ея, ни по началамъ крестьянскаго устройства, положеннымъ въ ея основаніе, наконецъ ни по тому спокойному, величественному ходу ея развитія и примѣненія къ жизни, которымъ она идетъ. Но онъ не ослѣпляется этими блестящими ея достоинствами. Тамъ, гдѣ мы видимъ или хотимъ видѣть одну только лицевую сторону дѣла, одинъ только блестящій казовый конецъ его, онъ хочетъ осмотрѣть и его изнанку, оцупать его доброту и прочность. Онъ хочетъ знать жизненное значеніе нашей крестьянской реформы, понять тѣ условія и отношенія, изъ которыхъ и среди которыхъ она возникла. Потому онъ задаетъ себѣ слѣдующіе вопросы: 1) Справедливо ли совершена реформа? Не нарушены ли ею чьи либо права? 2) Вызывалась ли она условіями времени и даннымъ развитіемъ общества и въ тѣхъ ли размѣрахъ вызывалась, въ какихъ она совершена? 3) Обезпечено ли вполне въ будущемъ ея развитіе и исполненіе въ ея дальнѣйшихъ результатахъ?

Вопросы, какъ видитъ читатель, очень интересны. Но интересъ ихъ увеличивается еще тѣмъ, что книга Гакстаузена до

явления своего въ свѣтъ была въ Петербургѣ на разсмотрѣніи лицъ, повидному, очень близко знакомыхъ съ ходомъ крестьянскаго дѣла, которыя во многихъ мѣстахъ исправили ложные воззрѣнія и выводы барона Гакстгаузена, почерпнутые изъ иностранныхъ источниковъ о Россіи сомнительнаго достоинства, и обогатили книгу его многими любопытными примѣчаніями.

Въ настоящей статьѣ мы передадимъ кратко то, что представляется интереснаго въ книгѣ барона Гакстгаузена по означеннымъ нами выше вопросамъ, присовокупляя при этомъ тамъ, гдѣ потребуется, и петербургскія примѣчанія.

I.

Въяснивъ достоинства русской крестьянской реформы въ сравненіи съ подобными реформами въ другихъ государствахъ, баронъ Гакстгаузенъ говоритъ: «Здѣсь мѣсто встать коснуться великаго вопроса о правѣ. Принадлежитъ ли поземельный участокъ, который доселѣ обрабатывали и которымъ пользовались крѣпостные, въ исключительную собственность русскому дворянству? Имѣло ли правительство власть, по принципамъ всѣми признаннаго права, взять у дворянства его собственность и передать ее крестьянамъ, хотя бы то и за денежное вознагражденіе? Могутъ ли здѣсь принципы экспроприаціоннаго права имѣть свое примѣненіе въ видахъ государственной необходимости?»

Собственно для насъ русскій не можетъ вовсе и существовать предлагаемыхъ здѣсь барономъ Гакстгаузеномъ вопросовъ. Всѣ мы знаемъ, что дѣло освобожденія крестьянъ было у насъ дѣломъ не правительства только, но вмѣстѣ и русскаго дворянства. По приглашенію правительства, дворянство единодушно и со всею готовностію согласилось предоставить крестьянамъ за извѣстный выкупъ поземельные надѣлы въ ихъ собственность. Со стороны русскаго дворянства была здѣсь свободная, благородная патриотическая жертва. Слѣдовательно, тутъ не можетъ быть и мѣста никакихъ разсужденій о принципахъ права.

Но баронъ Гакстгаузенъ хочетъ доказать, что даже не принимая въ расчетъ этого факта, русское правительство дѣйствовало въ предѣлахъ всѣми признаваемаго права, когда предоставило крестьянамъ въ полную собственность находившіеся въ ихъ пользованіи поземельные участки. Для этого онъ приступаетъ къ сравнительному разсмотрѣнію тѣхъ началъ, которыя лежатъ въ основаніи поземельнаго владѣнія въ западно-европейскихъ государствахъ и у насъ.

«Во Франціи въ большей части имѣсть смотрѣли на поземельные участки, обрабатываемые крестьянами, какъ на ихъ собственность, которая находилась, однакожъ, въ известной завасности отъ владѣльца и была обременена различными послугами и оброками въ его пользу. Революція предоставила безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій эти участки въ неограниченное и безплатное пользованіе крестьянъ, уничтоживъ безъ всякаго вознагражденія всѣ прежніе послуги и оброки; въ довершеніе къ этому, дворянство было выгнано изъ страны и вся его недвижимая собственность конфискована въ пользу государства. Не послѣ реставраціи началось вознагражденіе эмигрантовъ, которое государственныи долгъ увеличило на цѣлый миллиардъ.

Въ большей части Италіи въ прежнее время существовали свободные крестьяне, которые съ владѣемаго ими поземельнаго участка платили различные налоги и оброки; но само дворянство не жило въ деревняхъ, потому здѣсь не было большихъ помѣщичьихъ хозяйствъ, а слѣдовательно не было и барщины. Крестьянское состояніе не было въ качествѣ особеннаго сословія обезпечено ни законами, ни обычаемъ въ отношеніи къ наследственности, нераздѣльности имѣній и т. д. Дворянство жило въ городахъ; это обстоятельство и преобладаніе римскаго права ввели и основали настоящее состояніе. Свободное крестьянское состояніе исчезло; оно отпущено на всѣ четыре стороны, по древнему изреченію *Виргиліа*: «*veteres migrate coloni*», вся поземельная собственность составляетъ неоспоримую собственность городовъ и ихъ жителей, земля раздѣлена на маленькія хозяйства (*Gehöfte*), которыя отдаются въ аренду: крестьянское населеніе, сохранившее большую частію доселѣ еще средне-вѣковые обычаи и платя, лично свободно, но обрабатываетъ и имѣеть усадьбы, только на правѣ временнаго найма. Сельское социальное состояніе Италіи очень неблестяще, и при нынѣшнихъ революціонныхъ движеніяхъ страны легко могло бы повести къ великому социальному перевороту всѣхъ отношеній поземельной собственности.

Въ Англіи прежде было довольно многочисленное крестьянское сословіе (*freeholders*), но оно постепенно почти совершенно исчезло, большею частію отъ продажи земель. Англійская аристократія владѣеть теперь самою большею частію поземельной собственности, которая раздѣлена на маленькія хозяйства, по своей величинѣ большею частію равняющіяся большимъ нѣмецкимъ крестьянскимъ имѣніямъ (отъ 2—300 моргеновъ). Сельское хозяйство стоитъ въ Англіи на высокой степени развитія.

Въ Германіи, въ особенности въ Пруссіи, сельское устройство

со времени средних вѣковъ постепенно выработывалось такимъ образомъ, что изъ большей части поземельной собственности образовались большія помѣщичьи хозяйства (экономіи и лѣсоводства), которыя находились въ рукахъ владѣтелей, духовныхъ корпорацій, преимущественно же дворянства. Съ этими помѣстьями въ тѣсной связи находились деревни съ ихъ крестьянами. Крѣпостное состояніе въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, мало по малу исчезло; принадлежность къ имѣніямъ и наследственное подданство были только слабыми остатками его. Вообще крестьяне имѣли въ своемъ пользованіи поземельную собственность, но должны были отправлять издѣльную повинность на помѣстьи и платить помѣщику разные оброки; ему же принадлежало такъ называемое высшее право на эту собственность (Obergiegenthum), и поэтому, когда крестьянское семейство вымирало или выбывало, она переходила къ нему, какъ безусловная его собственность. Помѣщикамъ также принадлежала большею частію и патримоніальная власть, судъ и полиція надъ крестьянами и деревнями. За то повсюду почти деревни и крестьяне пользовались большими правами на дровяной лѣсъ и пастбище въ лѣсахъ помѣщика.

Правительства, и шире всѣхъ и рѣшительнѣе Пруссія, съ самаго начала нынѣшняго столѣтія, въ особенности послѣ мира 1815 года, мало по малу, уничтожили все это устройство и преобразовали. Мотивы, руководившіе законодательствомъ, были тѣ, что эти отношенія дѣлались все болѣе и болѣе тягостными для всѣхъ въ нихъ участвовавшихъ, что они не соответствовали болѣе личнымъ и матеріальнымъ интересамъ, что они являлись очевидно вредными для общаго государственнаго блага, въ особенности для началъ государственной экономіи. Такимъ образомъ, начали постепенно, огромнымъ числомъ законовъ уничтожать существовавшія доселѣ сельскія институты. Постояннымъ руководящимъ принципомъ при этомъ было то, что крестьянинъ долженъ сдѣлаться неограниченнымъ собственникомъ того поземельнаго участка, которымъ онъ владѣетъ, но что онъ долженъ исполнѣ вознаграждать помѣщика за его доселѣ бывшія права, за его верховное право собственности, за издѣльную повинность и оброки, получавшіяся натурой, — полевою ли работою или денежнымъ капиталомъ, уплачивая вмѣстѣ съ тѣмъ и соответствующій процентъ на послѣдній, пока онъ не будетъ внесенъ сполна. Въ замѣнъ этого за свои привилегіи, которыми пользовался въ имѣніи, въ особенности въ лѣсахъ помѣщика, онъ получалъ соответствующее вознагражденіе также въ издѣлѣ земли или деньгами, — что дѣлалось большею частію по взаимному соглашенію. Патримоніальная власть, судъ и полиція, оста-

вались въ деревняхъ прежнія, исключая тѣхъ мѣстностей, гдѣ былъ введенъ кодексъ Наполеона и французское судебное устройство, но съ того времени какъ патримоніальныя права послѣ 1848 года были окончательно уничтожены въ Пруссіи, они постепенно исчезнуть и повсюду. Вообще мы должны сказать, что при разрѣшеніи этнхъ отношеній хотя и былъ выше всего поставленъ всеобщій мотивъ государственнаго благосостоянія, но при самомъ исполненіи постоянно имѣлись въ виду и признавались существовавшіи положительныя основы права.

Мы здѣсь приведемъ въ особенности одинъ примѣръ, который можетъ служить нѣкоторымъ образомъ руководствомъ при обсужденіи русскихъ отношеній.

Герцогство Померанское было, какъ извѣстно, раздѣлено между короною шведскою и короною прусскою. Страна эта во время тридцатилѣтней войны была чрезвычайно опустошена. Большая часть мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ въ деревняхъ оставались необработанными, дворянству было трудно находить людей, которые бы селились въ деревняхъ и обрабатывали прилежавшія къ нимъ поля. Однакожь, мало по малу страна опять заселилась; въ шведской Помераніи, подъ преобладающимъ вліаніемъ юристовъ римскаго права университета грейфсвальдскаго, утвердился тотъ юридическій принципъ, что всякая поземельная собственность есть безусловная собственность владѣльца, что крестьяне не имѣютъ ни малѣйшаго права собственности или пользованія на землю, но что они крѣпостные владѣльца, а потому владѣлецъ обязанъ питать ихъ и вообще заботиться о нихъ. На дѣлѣ это было не такъ худо: крестьяне жили въ деревняхъ на старыхъ, однажды на всегда выдѣленныхъ крестьянскихъ земляхъ, и отправляли барщину на помѣщичьихъ имѣніяхъ по извѣстнымъ обычнымъ, хотя и не предписаннымъ закономъ правиламъ. Въ 1808 году король шведскій вдругъ неожиданно уничтожилъ крѣпостное право *de but en blanc*, не сдѣлавъ никакихъ приготовленій къ этому и нисколько не позаботившись объ участи бывшихъ крѣпостныхъ. Послѣдствіемъ этого было то, что принадлежавшія дворянамъ крестьянскія деревни, за исключеніемъ деревень князя Путбуса, совершенно исчезли. Владѣльцы образовали изъ принадлежавшихъ крестьянамъ земель новыя большія экономіи, такъ-называемыя форверки; бывшіе крѣпостные частію обратились къ промысламъ и ушли въ города, или въ качествѣ батраковъ остались при владѣльческихъ имѣніяхъ, живутъ или въ своихъ старыхъ домахъ или вновь выстроенныхъ для нихъ владѣльцами общихъ помѣщеніяхъ для батраковъ. Большею частію заключены контракты,

на основаніи которых эти батраки должны постоянно работать у владѣльца; въ уплату за это они получаютъ помѣщеніе, огородъ, всѣ жизненные припасы и небольшую сумму денегъ. Въ сосѣднемъ Мекленбургѣ состояніе почти точно такое же. Обыкновенно въ отношеніи къ пищѣ эти батраки довольствуются гораздо лучше не только вольныхъ поденщиковъ, но даже большей части крестьянъ въ Германіи; заботъ у нихъ нѣтъ, такъ какъ владѣлецъ, понуждаемый полицейскими законами, обязанъ заботиться объ нихъ въ старости, въ болѣзни и разныхъ случайностяхъ, но они рѣшительно нисколько не развиты и апатичны ко всему. Земледѣліе и сельское хозяйство находятся въ этихъ мѣстностяхъ въ цвѣтущемъ состояніи; послѣднее всегда можетъ лучше и легче подняться въ большихъ имѣніяхъ, нежели въ крестьянскихъ — но мы твердо стоимъ на томъ, что никакая страна безъ свободного крестьянскаго сословія не можетъ имѣть никакой значительной будущности въ политическомъ и социальномъ отношеніи. Совершенно иначе сельское устройство образовалось въ прусской Помераніи. Здѣсь римскіе грейфвальдскіе юристы не имѣли никакого вліянія. Прусскіе юристы и законодатели въ Берлинѣ не признавали законности крѣпостнаго состоянія. Наслѣдственное подданство, которое существовало въ *Маркахъ*, было только слабой тѣнью его. Король Вильгельмъ I-й, вслѣдствіе своего воинственнаго настроенія, желавшій, чтобы дворянство давало ему офицеровъ, а крестьяне поставляли годный матеріалъ для простыхъ солдатъ, издалъ законъ, что крестьянское сословіе должно быть сохраняемо въ полномъ своемъ составѣ, что владѣльцы не имѣютъ права уменьшать крестьянскихъ поземельныхъ участковъ и соединять ихъ съ своими имѣніями, что поэтому каждый крестьянскій участокъ, большой ли онъ или малый, они должны всегда сохранять во владѣніи крестьянина, что вѣтъ и узаконенные издѣльную повинность и оброки они могутъ налагать на крестьянъ только въ такомъ размѣрѣ, чтобы крестьянинъ былъ всегда въ состояніи, годномъ для государственной контрибуціи.

Такимъ образомъ помѣщики здѣсь не были дѣйствительными собственниками того поземельнаго участка, который обрабатывалъ крестьянинъ. Крестьянское сословіе въ качествѣ особеннаго сословія имѣло, напротивъ, право на пользованіе крестьянскими участками. Когда поэтому послѣ войны освобожденія наследственное подданство было уничтожено, крестьяне въ прусской Помераніи остались владѣтелями своихъ участковъ, выплативъ свои барщины и оброки издѣльнымъ трудомъ или денежнымъ капиталомъ. Патримоніальная власть, судъ и полиція остались

тогда еще за помѣщиваши и были отняты у нихъ лишь вслѣдствіе движенія 1848 года.

Сообщимъ здѣсь еще замѣтку о сельскомъ устройствѣ въ Ирландіи, которое также не худо имѣть въ виду при обсужденіи устройства русскихъ сельскихъ отношеній. Въ XVI столѣтіи мы видимъ Ирландію раздѣленною между семейными отраслями или родами, кланами (Klanschaften). Кланъ былъ связанъ крѣпкими узами общей крови, онъ образовалъ единство, и всѣ члены клана имѣли одно общее названіе; во главѣ стоялъ лердъ (Laird), старшій сынъ и потомокъ старѣйшаго родоначальника. Къ нему всѣ члены клана находились въ извѣстномъ, тщательно опредѣленномъ и твердо установленномъ семейномъ отношеніи, смотря по степени своего родства. Эти степени были распределены въ чистоту; малѣйшій и бѣднѣйшій членъ приходившійся, можетъ быть, въ двѣсти-тридцатой степени родства съ лердомъ, имѣлъ, однакожъ, чувство и гордость, что въ немъ течетъ та же самая кровь, и что онъ также представитель славы и чести клана, какъ и всякой другой членъ, а имѣствъ съ тѣмъ питалъ едва-ли когда нибудь исполнимую надежду, что если 229 членовъ, находящихся между нимъ и лердомъ, по волѣ Божьей выбудутъ отъ войны или язвы, то лердство перейдетъ къ нему. Поземельная собственность принадлежала клану, но лердъ былъ единственный представитель ея, онъ одинъ дѣлилъ участки для пользованія по своему произволу между всѣми членами клана и налагалъ на нихъ по своему усмотрѣнію оброкъ, которымъ жила онъ съ своимъ семействомъ. Когда послѣ кровопролитной войны, имѣвшей болѣе или менѣе религіозный характеръ, Ирландія была порабощена Англіею, главы народа, лерды, были или уничтожены, или изгнаны. Поземельные участки, на которые смотрѣли какъ на собственность лердовъ, были конфискованы правительствомъ и розданы болѣею частію англійскому дворянству. Съ того времени они стали считаться безусловною собственностію новыхъ владѣльцевъ, которая въ такомъ именно смыслѣ была охраняема и закономъ. Новый владѣлецъ не былъ болѣе семейною главою клана, онъ не имѣлъ никакой связи съ прежними членами клана, они принадлежали другой націи, они имѣли другую религію, другіе нравы, одежду и образъ жизни; но они не были и его крѣпостными, или рабами, онъ не имѣлъ ни малѣйшей обязанности пропитывать ихъ и сохранять, они были свободны, какъ птицы и могли идти куда имъ было угодно, или даже могли быть выгнаны совершенно чуждымъ имъ владѣльцемъ, еслибы ему представилось полезнѣе, изъ бывшей доселѣ пашии образовать въ своемъ имѣніи большое пастбище. Бѣдствіе ирланд-

скаго сельскаго народонаселенія, продолжающагося уже очень давно, выселеніе отсюда двухъ милліоновъ народу въ теченіе очень немногихъ лѣтъ — вотъ послѣдствія такого вполне печальнаго состоянія, устроеннаго и охраняемаго закономъ. Чтобы положить конецъ подобному злу, нѣмецкій ученій, конечно, посовѣтывалъ бы англійскому правительству принять прусскіе законы, которые уничтожили бы связанное устройство; но англичанинъ при своемъ строгомъ сознаніи неприкосновенности права, отвѣтитъ на это, что подобная конфискація неоспоримой собственности была бы паденіемъ Авлія.

При разсмотрѣніи и сравненіи сельскаго устройства въ Россіи ближе всего представляется образованіе этого устройства въ остзейскихъ губерніяхъ — Эстляндской, Лифляндской и Курляндской. Здѣсь издревле жили финскія и латышскія племена. Страны эти были завоеваны рыцарями меча и нѣмецкаго ордена. Послѣдніе основали здѣсь города и населили ихъ нѣмецкими бюргерами, давъ имъ нѣмецкое городовое устройство (любекское право). Земля, за исключеніемъ того, что было удержано ордепомъ для своихъ собственныхъ нуждъ, и что имъ было дано для вновь построенныхъ городовъ, была раздѣлена между призванными нѣмецкими дворянами; послѣдніе образовали помѣстья, эконоини, порабощенные народы сдѣлались крѣпостными, на томъ же точно основаніи и съ тѣми же правами, какъ были крѣпостные въ Германіи, собственно рабство было запрещено каноническимъ правомъ; есть еще и теперь буллы тогдашнихъ папъ, которыя запрещали признавать и трактовать какъ рабовъ всѣхъ тѣхъ изъ этихъ языческихъ народовъ, которые сдѣлались христианами. Позднѣе Эстляндія и Лифляндія подпали подъ власть шведовъ, а при Петрѣ I подъ власть Россіи. Курляндія удержала своихъ собственныхъ герцоговъ, но, наконецъ, и она въ концѣ прошлаго столѣтія также подпала подъ власть Россіи. Подъ властію всѣхъ этихъ правительствъ и ихъ законодательствъ оставалось твердымъ то начало права, что поземельные участки безусловно принадлежать владѣльцамъ, какъ собственность, и что крестыяне не имѣютъ никакого вида права пользованія на обрабатываемые ими участки.

Такимъ образомъ, здѣсь дѣйствовали тѣ же начала права, какія и въ Шведской Помераніи. Когда въ началѣ нынѣшняго столѣтія крѣпостное состояніе было здѣсь уничтожено, то явились тѣ же и послѣдствія: крѣпостные сдѣлались лично свободными, но поземельные участки остались собственностію владѣльцевъ. Но дѣло сдѣлалось иначе, нежели въ Шведской Помераніи. Крестыяне остались въ своихъ старыхъ деревняхъ и хозяй-

ствахъ, и постепенно образовалась система арендаторства, что въ Курляндіи, которая въ цѣломъ обрабатывалась отдѣльно лежащими хозяйствами (подворное устройство), для крестьянъ выходило довольно выгодно. Въ Лифляндіи это было не такъ выгодно, но въ недавнее время и тамъ сдѣланы значительныя улучшения. Намъ сообщали, что со стороны дворянства въ этихъ провинціяхъ дѣлаются усилія, чтобы консолидировать крестьянъ приобрѣтеніемъ поземельной собственности. Лифляндское дворянство при своихъ кредитныхъ учрежденіяхъ открыло кассы, изъ которыхъ крестьяне, нашедшіе случай приобрѣсть поземельный участокъ, могутъ всегда получить себѣ деньги за умѣренный процентъ. Эстляндское дворянство въ послѣдніе годы ассигновало для такихъ пособій 1 мил. рублей. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ принесены имъ даже существенныя жертвы, чтобы надѣлать крестьянъ поземельною собственностію. Господинъ Ф. назначилъ для этого значительное имѣнье. Онъ могъ бы продать его дорого, но онъ уступилъ это имѣнье своимъ крестьянамъ 50,000 рублей дешевле, нежели предлагали ему за него другіе.

Обратимся теперь снова къ русскому сельскому устройству и посмотримъ: 1) принадлежитъ ли здѣсь поземельный участокъ, который доселѣ обрабатывали крестьяне, въ качествѣ безусловной собственности, владѣльцу? 2) съ юридической точки зрѣнія дѣлается ли несправедливостью владѣльцамъ, когда они понуждаются законодательствомъ передать эти поземельные участки крестьянамъ сначала за умѣренную наемную плату, а потомъ за опредѣленный выкупъ?

Изъ представленныхъ выше соображеній, читатель, конечно, убѣдился уже, что западноевропейскія начала права въ Россіи не могутъ имѣть никакого примѣненія. Все ея социальное состояніе, ея происхожденіе и ея исторія повязываютъ намъ, что собственно въ Россіи (исключая западныхъ губерній) начала права поземельной собственности не могутъ имѣть никакого примѣненія. Права дѣйствительной личной поземельной собственности никогда не существовало въ Россіи; вся земля, во всемъ своемъ составѣ, принадлежала поселившемуся на ней русскому народу; пользованіе поземельными участками было патріархальными властями раздѣляемо между племенами, общинами, семьями, но при этомъ они не получали права собственности на участокъ, находившійся въ ихъ пользованіи. Впослѣдствіи цари раздавали также своимъ служилымъ людямъ (дворянству) поземельные участки въ пользованіе на извѣстное время, такимъ образомъ послѣдніе также не получали права собственности. Крестьяне, обыкновенно жившіе по русскому обычаю въ общинахъ, прини-

мали на себя обработку полей съ обязательствомъ уплачивать натурою извѣстною частью жатвы (половника). Но когда Борисъ Годуновъ объявилъ крестьянъ прикрѣпленными къ мѣсту, гдѣ они жили *glebae adscripti*, то поземельные участки хотя и не сдѣлались ихъ собственностью, но они сами сдѣлались нераздѣльною (*intergrirender*) отъ нихъ частію. Съ этого времени земля могла отдаваться служебному дворянству въ пользованіе, только подъ тѣмъ подразумѣвавшимся само собою условіемъ, чтобы жившіе на ней прикрѣпленные *glebae adscripti*, т.-е. крестьяне, отъ нея получали свое пропитаніе. Когда вполнѣ слѣдствіи имѣнія, находившіяся во владѣніи дворянъ, отданы были Петромъ I-мъ въ собственность, то это опять, по принятому принципу, совершилось только подъ тѣмъ условіемъ, что за крестьянами осталось ихъ право на пропитаніе отъ этихъ имѣній, они были нѣкоторымъ образомъ сервитутомъ поземельной собственности. Это возрѣніе русскаго народа вполнѣ вѣрно было выражено бывшими вѣрными крестьянами, которые говорили: «мы принадлежимъ господину, но земля принадлежитъ намъ, мы съ нею нераздѣльны». Этотъ же принципъ выразило и русское законодательство, запрещавшее продавать вѣрностнаго крестьянина безъ земли.

Изъ сказаннаго нами ясно, что законодательство не нарушило принципа собственности тѣмъ, что оно сохранило крестьянамъ осѣдность въ ихъ деревняхъ, удержало за ними ихъ усадьбы и дало имъ для пропитанія поземельные участки за извѣстный выкупъ».

Такъ авторъ рѣшаетъ вопросъ о томъ, что русская крестьянская реформа совершена вполнѣ легально.

Мы совершенно согласны съ тѣмъ, что авторъ говоритъ относительно характера поземельной собственности въ Россіи. Но намъ кажется, что онъ слишкомъ рѣзко выдѣляетъ изъ этого общаго характера поземельную собственность остзейскихъ губерній. Когда Россія, покоривъ своей власти эти губерніи, признала въ нихъ существующее крестьянское устройство, то признала на общемъ основаніи съ остальною Россіею, т.-е. подъ тѣмъ же подразумѣваемымъ условіемъ, что крестьяне составляютъ необходимый сервитутъ поземельной собственности. Что въ началѣ нынѣшняго столѣтія имъ дарована, вслѣдствіе существовавшихъ тогда одностороннихъ возрѣній на общественное благосостояніе, только личная свобода, безъ всякихъ опредѣленныхъ правъ на какое бы то ни было пользованіе землею, то этимъ нисколько не исключалось подразумѣваемое ихъ право питаться отъ той земли, которой они были коренные насельники. Еслибы

правительство хотъ одну минуту думало такъ, то ему стоило только дозволить имъ выбирать мѣста для поселенія въ Россіи. Но это право, какъ извѣстно, всегда было стѣсняемо въ пользу землевладѣльцевъ остзейскихъ въ томъ несомнѣнномъ предположеніи, что свободные крестьяне, необходимыя для земледѣлія остзейскаго края, чрезъ полюбовныя сдѣлки съ землевладѣльцами, мало по малу, доставать себѣ землю въ собственность, или, по крайней мѣрѣ, будутъ имѣть отъ земли лучшее пропитаніе, чѣмъ какое имѣли они будучи вѣрными. Отсюда ясно уже, что шведская Померанія не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ остзейскими губерніями. Тамъ крестьяне живутъ по необходимости батраками, потому что нѣтъ свободныхъ земель для ихъ поселенія. У насъ этой необходимости не существуетъ. Тамъ они, кромѣ того, самими владѣльцами высканы и привлечены въ ихъ помѣстья. У насъ остзейскіе крестьяне коренные жители страны. Наконецъ, если Прусія не сочла нужнымъ сообразоваться относительно своей Помераніи со взглядомъ рейфсвальдскихъ юристовъ и предпочла имъ своихъ берлинскихъ, то почему бы Россія должна была преклоняться передъ возрѣніями рейфсвальдскихъ и даже берлинскихъ юристовъ, а не своихъ русскихъ?

Пріятно видѣть, что сами остзейскіе владѣльцы, въ виду русской крестьянской реформы, стали смотрѣть на свои владѣльческія права нѣсколько иначе, нежели понимаетъ ихъ баронъ Гакстгаузенъ. Ихъ патріотическія попытки, конечно, пока незначительныя, помочь своимъ крестьянамъ въ приобрѣтеніи въ собственность поземельныхъ участковъ, показываютъ, что лучшіе люди сознали между ними, что рано или поздно ихъ батрацкосты крестьяне должны сдѣлаться собственниками. И въ самомъ дѣлѣ, было бы странно, и даже немножко дико видѣть, чтобы на всемъ пространствѣ русскаго царства одна только передовая, нѣмецкая интеллигенція, въ которой императоръ Александръ I хотѣлъ видѣть предтечу и образецъ для русской интеллигенціи въ поступленіи на пути прогресса, осталась отставшею отъ всей Россіи!

II.

Доказавъ легальность русской крестьянской реформы, баронъ Гакстгаузенъ переходитъ къ вопросу о томъ: благовременно ли она была совершена, и въ тѣхъ ли размѣрахъ, въ каковыхъ это требовалось? Онъ разсматриваетъ этотъ вопросъ съ двухъ сторонъ: во первыхъ, дѣйствительно ли положеніе вѣрностныхъ крестьянъ было такъ тяжело, что требовалось немедленно полное разрѣ-

шеніе всякой зависимости ихъ отъ помѣщиковъ; а вотторныхъ, способенъ ли русскій крестьянинъ къ тому, чтобы безъ всякой опеки добропорядочно вести себя и быть хорошимъ хозяиномъ и земледѣльцемъ?

Авторъ добросовѣстно рассматриваетъ всѣ имѣющіеся у него подъ руками источники по этому предмету и pro и contra, и защитниковъ, и противниковъ крѣпостнаго права. Къ сожалѣнію, эти источники очень скудны не только за границей, но и у насъ въ Россіи. Исторія крѣпостнаго права и его ужасовъ еще впереди. Настоящее еще слишкомъ близко къ нему, и слишкомъ заинтересовано въ дѣлѣ, чтобы могли быть обнародованы къ общему свѣдѣнію всѣ бывшія безобразія. Вотъ почему баронъ Гакстгаузенъ, убаюкиваемый сладкими пѣснями защитниковъ крѣпостнаго права, находится въ колебательномъ состояніи при разсмотрѣніи означенныхъ вопросовъ. Но въ концѣ-концовъ и онъ, по разнымъ соображеніямъ, признаетъ необходимость полнаго уничтоженія всякой крѣпостной зависимости. Но по второму вопросу, то-есть по вопросу о способности русскаго крестьянина быть хорошимъ крестьяниномъ безъ всякой опеки, онъ остается въ сомнѣніи. Петербургскія замѣчанія особенно въ этой части разсужденія основательно и мѣтко вразумляютъ автора относительно тѣхъ заблужденій, въ которыя онъ вводится защитниками крѣпостнаго права.

«Крѣпостное право въ его вліяніи на крестьянъ — говоритъ баронъ Гакстгаузенъ — рассматривается и изображается весьма различно. Писатели-противники крѣпостнаго права рисуютъ его самыми черными красками, о хорошихъ же сторонахъ его и полезныхъ или вовсе не говорятъ, или рѣшительно отвергаютъ ихъ, тогда какъ, напротивъ, защитники именно эти стороны его только и выставляютъ. Если разсмотримъ дрянный рядъ обвиненій, которыя выставляетъ противъ крѣпостнаго права в рабства Тургеневъ въ своемъ сочиненіи: «Russland und die Russen» Grimma 1847 г., то, признавая даже совершенную истину приводимыхъ имъ фактовъ и того бѣдственнаго состоянія, причину котораго онъ *несправедливо* видитъ въ крѣпостномъ состояніи, мы найдемъ, что факты эти говорятъ не противъ существа дѣла, не противъ *glebae adscriptio*, то-есть прикрѣпленія крестьянъ, но частію противъ неправильнаго пользованія этимъ правомъ, противъ растяженія его далѣе должныхъ границъ — фактъ, конечно, весьма прискорбный, частію противъ нарушеній и злоупотребленій закона, къ сожалѣнію, весьма нерѣдкихъ. Конечно, уже по одному тому, что крѣпостное право подавало поводъ къ такимъ злоупотребленіямъ, оно должно было подвергаться спра-

ведивымъ порицаніямъ. То же самое должно сказать и о другихъ писателяхъ, писавшихъ противъ крѣпостнаго права, напримеръ, о князѣ Долгоруковѣ. Но чтобы достаточно былъ изслѣдованъ и рассмотрѣнъ вопросъ о томъ: не лучше ли бы было, устранивъ разныя злоупотребленія и дурныя стороны крѣпостнаго права, сохранить прикрѣпленіе (*adscriptio glebae*), котораго, можетъ бы, можно бы было желать по весьма уважительнымъ причинамъ — въ этомъ иной изслѣдователь можетъ, пожалуй, и усомниться. Тѣмъ болѣе покажется ему сомнительнымъ, чтобы совершенное уничтоженіе крѣпостнаго права дѣйствительно положило конецъ бѣдственному положенію крестьянъ, если только жалобы государственныхъ крестьянъ основательны. Еслибы вздумали утверждать, что бывшіе крѣпостные, сдѣлавшись свободными, избѣгнуть участи государственныхъ крестьянъ, потому что они будутъ полными собственниками владѣемаго ими поземельнаго участка, то съ этимъ едва-ли согласится человѣкъ, хорошо знакомый съ характеромъ крестьянскаго быта. Быть этотъ можетъ улучшиться только тогда, когда улучшится составъ чиновничества».

Но авторъ самаго неблагоприятнаго мнѣнія о русскихъ чиновникахъ. Онъ говоритъ, что надобно еще долго ждать, пока при помощи воспитанія и образованія эта среда измѣнится къ лучшему въ Россіи. Единственный, по мнѣнію автора, расадникъ хорошихъ чиновниковъ въ Россіи — это «училище правовѣдѣнія», а чиновниковъ изъ этого заведенія пока очень мало.

Какъ здѣсь, такъ во всей книгѣ барона Гакстгаузена проводится та мысль, что русскій крестьянинъ пока не можетъ быть добропорядочнымъ, если не безъ опеки, то безъ нѣкотораго призора или руководства. Но какъ русское чиновничество очень деморализировано и руководителемъ его быть не можетъ, то, по воззрѣнію барона Гакстгаузена, и было бы полезно оставить его въ извѣстной зависимости отъ дворянства. Что русскій крестьянинъ надѣленъ землею, и сдѣлался полнымъ собственникомъ своего участка, — это, по воззрѣнію барона Гакстгаузена, дѣло очень хорошее. Но лучше бы было еще, еслибы при этомъ оставить его въ извѣстной зависимости отъ землевладѣльцевъ, отъ дворянства? Барону Гакстгаузену предносился при этомъ случаѣ, какъ мы еще будемъ имѣть случай увидѣть ниже, образъ англійскихъ джентри. Но это, очевидно, идеализація. При крѣпостномъ правѣ отъ помѣщиковъ очень немного требовалось, чтобы пріобрѣсть нравственный авторитетъ и уваженіе въ глазахъ подвластныхъ имъ крестьянъ; однакожь, этого не случилось. Примѣчаніе изъ Петербурга говоритъ въ защиту чинов-

ничества барону Гакстаузену, что русскіе чиновники падали не съ неба; они брались изъ того же дворянства, но дворяне на службѣ и государственной, и выборной были ничѣмъ не лучше другихъ, что если была деморализація между чиновничествомъ, то деморализація была общая, и что если есть возможность уничтожить эту деморализацію, и создать то идеальное дворянство, о которомъ мечтаетъ авторъ, то это возможно именно только тѣмъ путемъ, которымъ пошло правительство, то-есть полнымъ освобожденіемъ крестьянъ отъ власти помѣщиковъ и надѣленіемъ ихъ землею съ правами полныхъ собственниковъ. Въ доказательство этого *примѣчаніе* указываетъ на мировой институтъ.

«Эта новая инстиутція — говорить примѣчаніе изъ Петербурга — очень удалась, хотя должность мировыхъ посредниковъ иногда занимаютъ личности очень посредственныя. Мировые посредники всѣ брались изъ дворянства, даже большею частію (на первое время) выбирались исключительно одними дворянами. Лица, занимавшія должности мировыхъ посредниковъ, прежде были или чиновниками или просто помѣщиками. Большею частію это были личности лучшія въ дворянствѣ, но нѣкоторые изъ нихъ на прежнихъ своихъ постахъ были далеко небезупречны. Знаютъ нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ, которые прежде, будучи чиновниками, брали взятки, другіе, какъ помѣщики, отличались своею жестокостію. И однакожъ эти же самыя личности отправляютъ честно и безупречно обязанность мировыхъ посредниковъ! Это служатъ доказательствомъ, что отношенія, въ которыхъ стоитъ и дѣйствуетъ человекъ, имѣютъ огромное вліяніе на его дѣятельность, и даже нравственныя свойства. Герои добродѣтели, которые остаются добродѣтельными среди всѣхъ условій, почти также рѣдки, какъ и злодѣи, которые дѣйствуютъ злобно при всякой обстановкѣ. Масса людей дѣйствуетъ *хорошо*, когда ей приходится дѣйствовать среди хорошей, здоровой среды, когда добрыя поступки выгоднѣе, нежели дурныя и законъ бодрствуетъ, чтобы преслѣдовать злое, и напротивъ *дурно*, въ той средѣ, гдѣ самое положеніе вещей даетъ ей поводъ къ соблазну. Какъ часто намъ случалось видѣть, что нѣмцы изъ образованнаго средняго сословія, переселившись въ Россію и вступивъ здѣсь въ государственную службу или въ управляющіе имѣніями, далеко превосходили русскихъ чиновниковъ своею продажностію, а русскихъ помѣщиковъ своею жестокостію.

«Инстиутція мировыхъ посредниковъ именно такъ обставлена, что въ этой должности трудно дѣйствовать дурно. Вопервыхъ, въ общественномъ мнѣніи эта должность стоитъ высоко, потому

что только отъ мирового посредника можно надѣяться мирнаго разрѣшенія вопросовъ безъ опасныхъ столкновеній. Далѣе мировые посредники получаютъ довольно хорошее содержаніе, что для нѣкоторыхъ изъ нихъ, при ихъ недостаточныхъ средствахъ, очень важно, и наконецъ (что особенно важно) посредникъ поставленъ подъ непосредственный контроль общественнаго мнѣнія. Онъ рѣшаетъ дѣла между двумя сторонами (помѣщиками и крестьянами), поставленными закономъ въ такое равновѣсіе, что каждая изъ нихъ является къ посреднику съ одинаковою жалобою на нарушеніе закона въ пользу противной стороны. Еслибы такое нарушеніе закона было дѣлаемо посредникомъ за взятія, то его положеніе было бы весьма неловко: его обвинило бы не только начальство, но и общественное мнѣніе. Кромѣ того и вообще чиновничество въ Россіи сильно улучшилось; взяточничество, бывшее прежде въ обычаѣ, сдѣлалось теперь исключеніемъ, и это произошло не отъ основанія и дѣятельности училища правовѣдѣнія (которое имѣетъ скорѣе энциклопедическій, нежели спеціальный и ученый характеръ, страдаетъ всѣми недостатками закрытыхъ учебныхъ заведеній, и только въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ можетъ имѣть вліяніе на оставляющихъ его стѣны), но отъ дѣйствія болѣе свободной прессы, отъ развитія болѣе здороваго общественнаго мнѣнія, отъ коренныхъ преобразованій нѣкоторыхъ отжившихъ институцій. Уничтоженіе крѣпостнаго права также сильно содѣйствовало къ истребленію прежнихъ злоупотребленій, такъ-какъ черезъ это съ одной стороны навсегда исчезла одна изъ губельнѣйшихъ школъ произвола и насилія, съ другой положеніе чиновника передъ лицомъ свободнаго народа, начинающаго уже чувствовать свои права, стало совершенно другое, нежели положеніе прежнихъ чиновниковъ, стоявшихъ передъ глубоко погрязшимъ въ рабствѣ народомъ, который при своихъ сношеніяхъ съ чиновничьимъ міромъ имѣлъ въ виду, какъ образецъ, свои отношенія къ помѣщику и никогда не имѣлъ смѣлости пожаловаться на чиновника, позволявшаго себѣ дѣлать самыя постыдныя вымогательства и злоупотребленія».

Здѣсь оканчивается *петербургское примѣчаніе* и мы снова обратимся къ разсужденію барона Гакстаузена.

Въ подтвержденіе того, что положеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи было ничѣмъ не хуже положенія крестьянъ государственныхъ или, по крайней-мѣрѣ, не такъ безотрадно дурно, какъ о немъ думаютъ, авторъ приводитъ отзывы защитниковъ крѣпостнаго права въ Россіи. Самымъ яркимъ изъ этихъ защитниковъ является нѣкто Цандо (Zando), издавшій въ 1855 году

книгу подъ названіемъ: «Russische Zustände im Jahre 1855». Цандо говоритъ, что бѣльшая часть русскаго дворянства обращается съ своими крѣпостными справедливо и снисходительно, в что противное этому встрѣчается какъ рѣдкость. Гакстгаузенъ не вѣритъ самъ этимъ увѣреніямъ Цандо. «Такія мягкія, отрадныя, розовыя воззрѣнія на крѣпостное право — говорятъ онъ — нашли бы себѣ весьма мало сочувствія въ Россіи». Но, продолжаетъ онъ, *audiatur et altera pars*. Цандо говоритъ далѣе, что правительство самымъ строгимъ образомъ блюдетъ за отношеніемъ помѣщиковъ къ ихъ крѣпостнымъ и строго наказываетъ виновныхъ въ противозаконномъ обращеніи съ ними. Цандо хвалится, что онъ изъ четырнадцатилѣтняго опыта знаетъ управленіе, народный характеръ, языкъ и нравы Россіи, что онъ объѣздилъ болѣе 25 губерній во всѣхъ направленіяхъ и имѣлъ случай самымъ точнымъ образомъ изучить отношенія крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ. Съ небольшими исключеніями — говоритъ онъ — отзывы первыхъ о помѣщикахъ, вопреки его ожиданію, были благопріятны и удовлетворительны, хотя нѣкоторые и горько жаловались на управляющихъ, необавшихся злоупотреблять своею властію безъ вѣдома и противъ воли благомыслящихъ собственниковъ. По заявленію Цандо, были очень часто случаи, что крѣпостные крестьяне и дворовые отказывались отъ доставшейся или даруемой имъ свободы или принимали ее неохотно. Объ улучшеніяхъ, которыя были сдѣланы императоромъ Николаемъ въ управленіи, въ особенности въ организаціи чиновничества, Цандо отзывается съ величайшею похвалою и говоритъ, что имъ было произведено радикальное преобразование. Онъ утверждаетъ даже, что не было ни одного примѣра законопреступнаго дѣйствія русскихъ чиновниковъ, которое бы не было строго наказано (что, конечно, замѣчаетъ Гакстгаузенъ, надобно разумѣть о тѣхъ только дѣйствіяхъ, которыя дошли до свѣдѣнія императора).

Кромѣ Цандо Гакстгаузенъ указываетъ на недавно изданную на англійскомъ языкѣ книгу Зутерланда Эдварда, подъ названіемъ: «The Russians at home», въ которой также самымъ благопріятнымъ образомъ изображаются отношенія помѣщиковъ къ ихъ крѣпостнымъ.

«Вмѣсто несчастнаго крѣпостнаго — говоритъ эта книга — который стонетъ подъ плетью фохта, иностранцы находятъ здѣсь селанина, у котораго есть свой домъ и свой кусокъ земли, на который онъ смотритъ какъ на свою собственность, есть лошадь и корова, составляющія также его собственность, которыхъ притомъ владѣлецъ деревни долженъ завести ему вновь, если онѣ

падутъ,—селянина, который за всѣ эти выгоды работаетъ три дня въ недѣлю на своего владѣльца, а остальные четыре дня имѣеть въ своемъ распоряженіи, и притомъ отъ всякаго обязательства даже къ такой барщинѣ онъ можетъ освободиться ежегодною платою оброка, который рѣдко превышаетъ 11 талеровъ».

Всѣ эти отзывы защитниковъ крѣпостничества баронъ Гакстгаузенъ повторяетъ не въ качествѣ только добросовѣстнаго изслѣдователя, обязаннаго выслушать и противную сторону *audiat et altera pars*, нѣтъ, во многомъ онъ самъ раздѣляетъ ихъ розовныя воззрѣнія и повторяетъ тѣ же басни, которыя рассказываютъ и они. Такъ рассказывая исторію поземельныхъ отношеній въ Россіи, баронъ Гакстгаузенъ говоритъ между прочимъ: «Приврѣиленіе — *glebae adscriptio* и крѣпостное состояніе собственно крестьянъ-земледѣльцевъ въ матеріальномъ отношеніи не было нисколько тягостнымъ. Оно представляло чисто патріархальное, благотѣльное отношеніе между крѣпостными и ихъ владѣльцами. Крѣпостной въ своемъ деревенскомъ общинномъ устройствѣ имѣлъ достаточный просторъ для личной свободы. Съ паспортомъ своего господина онъ могъ ходить по всему русскому царству и заниматься какимъ угодно промысломъ; надобно отдать при этомъ честь зажиточной части русскаго дворянства, что они не отягощали своихъ крестьянъ оброками. Крестьяне одного богача N и другихъ значительныхъ владѣльцевъ платили гораздо меньше государственныхъ крестьянъ, имѣя при этомъ весьма сильную защиту въ своихъ господахъ противъ разныхъ врючводѣйствъ чиновниковъ. Мы также не встрѣчали, чтобы помѣщичьи крестьяне желали перемѣнить свое крѣпостное состояніе на положеніе государственныхъ крестьянъ; намъ рассказывали, что у покойнаго богача N считалось величайшею немилостью, наказаніемъ, когда онъ говорилъ какому нибудь негодному парню: «я отпущу тебя на волю»; виноватый бросался тогда на колѣни и умолялъ барина оставить его крѣпостнымъ».

Вѣдь могъ же такой серьезный изслѣдователь, какъ баронъ Гакстгаузенъ, вѣрить не только въ существованіе, но въ искренность подобныхъ идиллій, еслибы онѣ и дѣйствительно когда нибудь случались!!!

Обратимся теперь снова къ отрезвляющимъ петербургскимъ замѣчаніямъ, которыя разбиваютъ въ пухъ и прахъ эти розовныя вѣрованія барона Гакстгаузена.

Относительно того, что крѣпостные часто не хотѣли брать даваемой имъ свободы, петербургское примѣчаніе говоритъ: «зажиточные крѣпостные, приобрѣтавшіе капиталъ, что бывало часто въ промышленныхъ губерніяхъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ

имѣнія были болѣе на денежномъ оброкѣ, и даже тѣ, у которыхъ было мало денегъ, но много силъ къ работѣ, употребляли обыкновенно всѣ усилія, чтобы откупиться отъ крѣпостнаго состоянія; они платили за это часто сотни и даже тысячи рублей. На этомъ общемъ желаніи крѣпостныхъ получить свободу основана была даже извѣстная спекуляція, состоявшая въ томъ, чтобы купивъ за дешевую цѣну имѣніе, выжать какъ можно болѣе выкупъ съ ищущихъ свободы крестьянъ, и быстро возвративъ такимъ образомъ капиталъ, употребить его на новыя подобныя покупки».

Даже другое петербургское примѣчаніе выясняетъ, что при крѣпленіи и для крестьянъ-земледѣльцевъ было вовсе не такъ легко и патриархально пріятно, какъ думаетъ баронъ Гакстгаузенъ.

«*Glebae adscriptio* иногда и въ матеріальномъ отношеніи дѣлалась невыносимо-тяжелымъ состояніемъ. Иначе, впрочемъ, это не могло и быть при увеличивающемся хозяйствѣ и при совершенной невозможности твердо регулировать издѣльную повинность. Въ интересѣ помѣщика было обрабатывать поле, еслибы жатва давала только два или три зерна, потому, что даровой трудъ крестьянъ въ его глазахъ вовсе не имѣлъ такой цѣны, которую надобно бы было принимать въ расчетъ. Къ этому присоединились неблагоприятныя климатическія условія континентальнаго климата, въ которомъ время произрастенія такъ коротко, а жатва почти всѣхъ хлѣбовъ поспѣваетъ одновременно, что въ данномъ случаѣ имѣетъ великую важность. Существовалъ, правда, законъ еще изъ временъ Павла I-го, что крѣпостные должны быть употребляемы на барщину не болѣе трехъ дней въ недѣлю, но этотъ законъ оставался только на бумагѣ. И исполнять его было совершенно невозможно, съ одной стороны по невозможности контроля, такъ-какъ крестьянинъ не имѣлъ права жаловаться на своего помѣщика, съ другой потому, что помѣщикъ всегда имѣлъ возможность отнять у общины часть поземельнаго участка и потомъ взамѣнъ отнятой части потребовать другихъ работъ. Обыкновенно впродолженіе короткаго періода полевыхъ работъ помѣщики урѣзывали у крестьянина до самой послѣдней крайности время для обработки его собственнаго поля; самую же болѣшую часть времени, безъ отдыха и покоя, крестьяне должны были работать на помѣщика. Особенно тяжелы были тѣ дни, когда всѣ способные къ работѣ крѣпостные въ общинѣ, большой и малой, молодой и старыи должны были работать вдругъ. Такія работы и вообще краткій періодъ жатвы, такъ характеристично названный отъ народа *страдною морю*, дѣйствовалъ весьма сильно на увеличеніе смертности народонаселенія,

въ особенности же женщинъ (которыя въ качествѣ жницъ должны были проводить цѣлый день въ согнутомъ положеніи подѣ палящимъ солнцемъ континентальнаго климата) и дѣтей, которыя оставались дома въ продолженіе цѣлаго дня безъ всякаго надзора, иногда больные. Гораздо легче былъ длинный зимній періодъ, когда болѣе чѣмъ на три дня въ недѣлю работы дѣйствительно не набиралось. Но и въ это время бывало тяжело по причинѣ отдаленности рынковъ, на которыхъ продавалось зерно. Два раза ежегодно долженъ былъ, напримѣръ, каждый крестьянинъ большей части имѣній въ губерніяхъ Тульской, Рязанской, Тамбовской свезти въ Москву хлѣбъ своего господина— и это на разстояніи отъ 200—400 верстъ».

Къ двумъ предъидущимъ примѣчаніямъ мы считаемъ нелишнимъ присовокупить здѣсь третье, характеризующее положеніе крѣпостныхъ при императорѣ Александрѣ I. Оно сдѣлано какимъ-то знатокомъ—очевидномъ по тому поводу, что Гакстгаузенъ въ своемъ историческомъ очеркѣ поземельныхъ отношеній въ Россіи высказалъ, между прочимъ, что хотя еще въ царствованіе императора Александра I возникла мысль объ освобожденіи крестьянъ, но тогда оно не представлялось еще вполнѣ необходимымъ, потому что крѣпостное состояніе собственно крестьянъ вообще не было тяжело; только во время Николая развились внутри Россіи тѣ великія политическія отношенія, которыя потребовали настоятельно взяться за этотъ безконечно важный вопросъ.

«Сильно желали—говорить противъ этого помянутый знатокъ—очевидецъ—и сильно хлопотали объ уничтоженіи крѣпостнаго права, но не достигли почти никакихъ результатовъ. Какъ можно себя представить, чтобы положеніе крѣпостныхъ было не тяжело, когда они не имѣли даже права жаловаться на своихъ господъ! Въ лучшемъ еще положеніи находились крѣпостные въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне были болѣе на оброкѣ, какъ-то въ губерніяхъ Ярославской, Владимірской, Нижегородской и т. д. Тамъ крестьянинъ, уплативъ господамъ умѣренный оброкъ, de facto былъ свободенъ въ своемъ образѣ жизни, но и здѣсь онъ не былъ обезпеченъ на всегда противъ ужаснѣйшихъ грабительствъ. Когда, напримѣръ, умиралъ его помѣщикъ или продавалъ свое имѣніе, то крестьянинъ могъ бояться всего. По мѣрѣ развитія роскоши между помѣщиками образовались спекулянты, которые сколачивали себѣ огромныя имѣнія слѣдующимъ образомъ. Покупались на аукціонахъ преимущественно въ оброчныхъ мѣстностяхъ имѣнія. Выплаченную сумму покупщикъ имѣнія старался какъ можно скорѣе выжать изъ богатѣйшихъ крестьянъ. Такимъ образомъ купленное имѣніе, хотя, можетъ быть нѣсколько и

неоплаченное, оставалось въ рукахъ новаго помѣщика. Оброкъ на всѣхъ крестьянъ увеличивался и награбленные деньги поступали на покупку новаго имѣнія и т. д. Мы видали, что первоначальные капиталы въ 20—30.000 руб. превращались такимъ образомъ въ теченіе 15 лѣтъ въ колоссальныя богатства. Еще тяжелѣе было состояніе крестьянъ въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ, гдѣ имѣнія были большею частію на барщинѣ, какъ-то въ губерніяхъ Тульской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Курской и т. д. Можетъ быть, что половина крестьянъ, находясь во владѣніи помѣщиковъ кроткихъ, образованныхъ, гуманныхъ, и не испытывала тяжелаго положенія; за то другая половина состояла или во власти самой грубой и невѣжественной части мелкаго дворянства, которое ничего не знало кромѣ своихъ матеріальныхъ интересовъ и необузданно предавалось самымъ грубымъ чувственнымъ страстямъ на счетъ своихъ крѣпостныхъ, или подъ властію еще болѣе грубыхъ управителей, которые замѣняли собою отсутствующихъ помѣщиковъ. Всякій изъ помѣщиковъ, когда только у него была охота распорядиться своими крѣпостными самымъ грубѣйшимъ и постыднѣйшимъ образомъ, могъ дѣлать что хотѣлъ, совершенно неограниченно и безнаказанно, и нѣкоторые изъ нашихъ нынѣшнихъ дворянъ, родившихся и воспитавшихся въ своихъ помѣстьяхъ, припоминаютъ изъ своихъ дѣтскихъ лѣтъ (идушихъ, впрочемъ, не далѣе царствованія императора Николая) о разныхъ ужасныхъ дѣлахъ, которыя происходили почти передъ ихъ глазами и которыя вовсе не были въ то время какимъ нибудь рѣдкимъ исключеніемъ. Противъ этихъ ужасовъ возвышался только безсильно голосъ тѣхъ, которые сами не имѣли ничего подобнаго на своей совѣсти и къ своимъ крѣпостнымъ относились съ патріархальною заботливостію и гуманностію. Но чѣмъ можно было ограничить злодѣянія, когда помѣщики были совершенно грубы и невѣжественны, когда крестьянинъ по закону не имѣлъ права приносить на нихъ жалобы и когда общественное мнѣніе не осуждало такихъ дѣлъ?

Несмотря на свои розовыя воззрѣнія относительно крѣпостнаго права въ Россіи, баронъ Гакстгаузенъ въ концѣ концовъ, какъ мы уже замѣтили выше, приходитъ все-таки къ тому убѣжденію, что въ царствованіе императора Николая патріархальный характеръ его сильно испортился разными случайностями, и что случайности эти были однакожъ такого рода, что ихъ нельзя было уничтожить, не уничтоживъ самаго крѣпостнаго права, съ которымъ онѣ спослись неразрывно.

Эти случайности баронъ Гакстгаузенъ видитъ, вопервыхъ, въ

умноженіи фабрикъ, и восторжъ, въ сильномъ размноженіи мелкопомѣстныхъ имѣній.

«Уже Петръ — говоритъ онъ — признавалъ необходимымъ развить въ Россіи фабричное производство въ значительныхъ размѣрахъ по образцамъ европейскимъ, и дѣлалъ для этого много опытовъ, но онъ умеръ слишкомъ рано, и планы его остались неисполненными. Въ послѣдующія царствованія дѣло это было оставлено безъ вниманія. Екатерина II-я предпринимала, правда, кой-что, но не съ тою обычною ей энергіею, которую она показывала въ другихъ дѣлахъ. Лишь въ царствованіе императора Николая развились въ этомъ отношеніи величественные планы. Стали говорить, что Россія находится въ постоянномъ убыткѣ отъ несеразмѣрности ввоза съ вывозомъ. Свѣдущій и энергическій министръ графъ Канкринъ начерталъ широкій, стройный планъ, и возбудилъ неутомимую дѣятельность. Такъ-какъ образованное среднее сословіе въ Россіи едва только начиналось, то онъ долженъ былъ единственное образованное сословіе въ Россіи — дворянство, привлечь къ тому, чтобы оно всюду — въ Москвѣ и другихъ городахъ, а еще лучше, въ своихъ имѣніяхъ, заводило всякаго рода фабрики. Богатые русскіе купцы — люди, хотя и необразованные, но отлично разумные и надѣленные свойственною русскому человѣку переимчивостію, послѣдовали ихъ примѣру; умный и широкій тарифъ оказывалъ всевозможную поддержку процвѣтанію фабричнаго производства. Спустя 20 лѣтъ, страна приняла совершенно другой видъ. Въ разныхъ мѣстахъ были заведены тысячи разнообразныхъ фабрикъ. Большіе города, въ особенности Москва, приняли совершенно другой видъ, другой характеръ. Москва, прежде городъ гордыхъ бояръ, оруженныхъ сотнями тысячъ своихъ холоповъ, производившихъ въ своихъ избахъ невѣроятныя вещи отъ безпуща и лѣни, уже въ 1843 году, когда мы были въ немъ, былъ населенъ сотнями тысячъ трудолюбивыхъ рабочихъ.

«Понятно само собою, что при этомъ новомъ положеніи дѣлъ, и социальныя отношенія русскихъ крестьянъ должны были существенно измѣниться.

«Земледѣліе поднималось очень плохо, несмотря на всѣ поощренія со стороны правительства; народонаселеніе деревень огромными массами устремилось на фабрики — государственные крестьяне по собственной волѣ, помѣщичьи частью по принужденію помѣщиковъ. Для земледѣлія остались только совершенно неспособныя руки и рабочія силы. Въ Московской губерніи, фабричные рабочіе приходили домой въ деревню только недѣли на четыре въ теченіе года, во время обработки полей и во время

жаты, и потомъ снова возвращались къ своему фабричному дѣлу.

«Сотни тысячъ народа, отправлявшіяся на фабрики, портились и нравственно и физически; при этомъ, помѣщики, обыкновенно, употребляли своихъ крѣпостныхъ для работъ не на собственныхъ фабрикахъ — это казалось совершенно непрактично и малоприбыльно — а отдавали ихъ другимъ помѣщикамъ на ихъ фабрики. Естественно, что послѣдніе всего менѣе были расположены имѣть къ нимъ патриархальныя отношенія. Такимъ образомъ, въ крѣпостномъ состояніи развилась во всѣхъ отношеніяхъ такая масса бѣдствій, что правительство все болѣе и болѣе чувствовало необходимость обратить свое вниманіе на это дѣло во всемъ его объемѣ. Уже императоръ Николай имѣлъ твердое намѣреніе уничтожить крѣпостное состояніе; это доказываетъ знаменитый указъ его отъ 2-го апрѣля 1842 года, дозволявшій помѣщикамъ заключать обязательныя контракты съ своими крѣпостными. Не есть ли это уже уничтоженіе крѣпостнаго права въ принципѣ? Рабъ есть вещь, а не правный субъектъ; но въ качествѣ контрагента онъ является по этому указу уже правнымъ субъектомъ. Императоръ Николай не могъ исполнить своей воли; открылись великія затрудненія».

Другая случайность, настоятельно требовавшая уничтоженія крѣпостнаго права, состояла, по мнѣнію Гаустгаузена, въ огромномъ числѣ мелкопомѣстнаго дворянства. «Что благоприятныя отзывы относительно положенія крестьянъ, принадлежавшихъ мелкимъ помѣщикамъ — говорятъ онъ — надобно принимать съ большою осторожностію — это ясно изъ свойства самаго дѣла, и единогласно подтверждается многими писателями, жалующимися въ особенности на дурное состояніе крѣпостныхъ у мелкопомѣстныхъ. Къ сожалѣнію, наибольшее число было именно такихъ. По исчисленію Кеппена, число всѣхъ помѣщиковъ въ Европейской Россіи, за исключеніемъ Земли Войска-Донскаго, простиралось въ 1834 году до 127,103, и изъ нихъ 58,457 владѣли среднимъ числомъ каждый 7,70 крѣпостныхъ мужскаго пола. Изъ всѣхъ землевладѣльцевъ 46 процентовъ имѣли менѣе, чѣмъ по 21 душѣ мужскаго пола, а 14 процентовъ имѣли только людей и никакой земли».

Но соглашаясь съ тѣмъ, что образовалось такое положеніе вещей, которое требовало немедленнаго уничтоженія крѣпостнаго права, баронъ Гаустгаузенъ не находить, однакожъ, чтобы русскій крестьянинъ былъ приготовленъ къ этому перевороту.

«Всѣмъ извѣстно—говоритъ онъ—что русскій крестьянинъ отличается отъ крестьянъ всѣхъ другихъ народовъ, и даже едино-

племенныхъ ему славянскихъ (можетъ быть, это слѣдствіе долговременнаго татарскаго ига), *недостаткомъ крѣпкой привязанности къ родному участку земли* или, можетъ быть, точнѣе сказать, къ своему крестьянскому званію, и потому рождается вопросъ: можно ли, и если можно, то какъ именно можно помочь этому злу законными институтами, которыя безъ извѣстнаго стѣсненія вовсе немислимы, иначе сказать: при такомъ свойствѣ русскихъ крестьянъ возможна ли полная независимость русскаго крестьянскаго сословія? Въ нѣкоторой связи съ этимъ свойствомъ стоятъ другое, также рѣзко выдающееся въ рускомъ крестьянинѣ свойство — это страсть его къ торгу и кулачничеству, которое въ высшей степени вредно для характера истиннаго крестьянина. Торгующій и барышничавшій крестьянинъ, избаловавшись деньгами, дѣлается самолюбивъ, своекорыстенъ, падокъ на удовольствія, вмѣстѣ съ этимъ исчезаютъ въ немъ свойства всякаго неспорченнаго крестьянина, какъ-то: истинная кротость, бережливость и вообще консервативныя наклонности. Отличный знатокъ сельскаго быта въ черноземной полосѣ Россіи (Beiträge zur Kenntniss des Innern von Russland zunächst in landwirtschaftlicher Hinsicht. Leipzig. 1851) Петцольдъ такъ превосходно говоритъ о стремленіи русскаго крестьянина имѣть промыселъ внѣ мѣста родины, что мы считаемъ здѣсь нужнымъ повторить нѣсколько изъ его словъ:

«Этой чуждомной (ausserheimisch) промышленности, которая, какъ по своему объему, такъ и по предметамъ, бываетъ весьма различна, предаются крестьянинъ съ большою охотою, по мѣрѣ своего знакомства съ ней, и я ни на одну минуту не усомнюсь связать, *что для русскаго сельскаго хозяйства надобно почитать счастіемъ, что вслѣдствіе законно установленныхъ отношеній крестьянина къ господину, въ силу которыхъ крестьянинъ долженъ спросить позволеніе у своего барина, прежде нежели повернется спиною къ плугу, эта склонность простаго человека насильственно можетъ быть сдерживаема внутри извѣстныхъ границъ. Еслибы крестьянину было предоставлено на волю заниматься земледѣіемъ или другими промыслами, а еще лучше торговлею, то легко могло бы случиться, что при земледѣіи не осталось бы нужныхъ силъ».*

«Петцольдъ приводитъ таблицу о числѣ государственныхъ крестьянъ, которые въ 1845 году въ 14-ти губерніяхъ брали паспорта и оставляли земледѣіе. Это число простиралось въ губерніи Тверской до 84,931 челов., при народонаселеніи всей губерніи въ 1.320,700 ч.; въ губерніи Полтавской до 76,224 ч., при народонаселеніи въ 1.783,809 ч.; въ губерніяхъ Воронеж-

ской, Курской, Харьковской, Пермской, Ватской это число меньше, но, однакожъ, и въ нихъ было не менѣе 52,985 чел.; затѣмъ слѣдуютъ губерніи Эстляндская, Лифляндская, Волянская, Могилевская, Минская, Херсонская, Подольская, въ которыхъ самое большое число было 990, а самое меньшее 311. Онъ показываетъ далѣе, какъ русское правительство еще особеннымъ образомъ поддерживаетъ эту наклонность крестьянъ къ промышленнымъ предприятиямъ всякаго рода, именно дозволеніемъ производить промыслы всякаго рода во всѣхъ мѣстностяхъ обширнаго царства, преимущественно же тѣмъ, что крестьяне могутъ вступать въ цехи, не перемѣняя своего званія, такъ что этимъ совершенно устраняется необходимость изучать промыслы сообразно съ цеховымъ уставомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, устраняются всякія затрудненія на полученіе права промысла и на открытіе мастерской. Въ Тамбовской губерніи, которую Петдольдъ описываетъ съ особенною подробностью, крестьяне производятъ торговлю многими продуктами, главная же ихъ торговля хлѣбомъ (торговля въ собственномъ смыслѣ этого слова, т.-е. продажа продуктовъ не собственнаго только производства, но продуктовъ, купленныхъ именно для продажи съ цѣлю барыша). Мы думаемъ, что не ошибемся, если этому торгово-барышническому духу припишемъ причину того, что въ русскихъ крестьянахъ недостаетъ нѣкоторыхъ свойствъ, характеризующихъ здоровое крестьянское сословіе. Русскому крестьянину, безъ сомнѣнія, справедливо приписывали высокую степень вѣрности и привязанности къ начальству, сильное семейное чувство, привязанность къ религіи и т. п., но своекорыстіе, которое приноситъ съ собою духъ барышничества, съ теченіемъ времени будетъ несомнѣнно все болѣе и болѣе производить свое вредное вліяніе. Консервативныя наклонности, которымъ и прежде было очень трудно уживаться съ страстью къ бродажничеству, въ будущемъ, при полной собственности поземельнаго участка съ правомъ отчуждать его, окажутся не довольно сильны для того, чтобы удерживать крестьянскіе участки отъ превращенія въ подвижной товаръ. Чтобы въ крестьянинѣ эти консервативныя наклонности утвердились отъ приобрѣтенія собственности, этого ожидать весьма трудно, тѣмъ болѣе, что будучи еще крѣпостнымъ, онъ смотрѣлъ на обрабатываемую имъ и его предками, со времени Годунова, землю, какъ на свою собственность. Крестьянское самоуправленіе (selfgovernment) доселѣ, кажется, еще не такъ благонадежно, чтобы оно могло обойтись безъ высшаго строгаго присмотра. Какъ крестьянинъ способенъ дѣйствовать противъ собственныхъ своихъ однообще-

ственниковъ, когда онъ въ силѣ, примѣръ тому приводитъ Тургеневъ («Russland und die Russen». Grimma 1847). Онъ говоритъ, что иногда болѣе зажиточные крестьяне поупали у какого нибудь мелкаго помѣщика, цѣлымъ обществомъ, имѣніе съ принадлежащими къ нему крѣпостными (на имя своего помѣщика), и съ этого имѣнія брали всѣхъ рекрутъ, которыхъ они должны бы были поставить сами. Припомнимъ здѣсь и о такъ называемыхъ мироѣдахъ. Фёдоръ Верниротъ въ своемъ сочиненіи: «Russland im Lichte und Russland in Schatten. Hamburg, 1852» говорить: «въ основѣ своей природное настроеніе русскаго чело-вѣка доброе и кроткое, и многіе говорятъ, что по сердцу онъ лучше, чѣмъ всѣ другія націи, — но это только до тѣхъ поръ, пока онъ занимается земледѣліемъ и не бывалъ далѣе окрестностей своей деревни. Какъ скоро онъ дѣлается мелочнымъ торговцемъ въ городахъ, или начинаетъ кулачить по деревнямъ, то развращается и дѣлается самымъ продувнымъ обманщикомъ. Чѣмъ болѣе проходитъ денегъ черезъ его руки, и чѣмъ болѣе приобрѣтаетъ онъ вліянія на торговлю и тому подобныя занятія, тѣмъ онъ гнуснѣйшимъ дѣлается мошенникомъ. Склонность къ воровству онъ, кажется, впрочемъ, всасываетъ съ молокомъ матернимъ». Тотъ же писатель находитъ, что виною плачевнаго положенія русскаго крестьянина еще болѣе, чѣмъ рабство, служитъ легкомысліе, беспечность, лѣнь, апатія—качества, пристающія къ нему отъ самого рожденія; онъ есть и останется самымъ плохимъ земледѣльцемъ и можетъ быть побуждаемъ къ труду только значительными оброками своего барина или начальства, или плетью. Въ доказательство этого, Верниротъ указываетъ на свободныхъ русскихъ крестьянъ, которые по своему особенному положенію платятъ только самыя незначительныя оброки и почти также независимы, какъ нѣмецкіе крестьяне, и которыхъ хозяйство однакоже въ высшей степени плохо. Изъ этого же національнаго характера русскихъ онъ объясняетъ тотъ извѣстный фактъ, что въ прежнее время, до указа Бориса Годунова 1593 года, многія тысячи вольныхъ людей отказывались, чрезъ полюбовную сдѣлку съ помѣщиками, на извѣстное время отъ своей свободы и дѣлались крѣпостными».

«Почти точно такимъ же образомъ изображаетъ русскій національный характеръ Головинъ («Russland unter Nicolaus I». Leipzig, 1845). Онъ отличается отъ Вернирота только тѣмъ, что вину дурныхъ сторонъ русскаго крестьянина онъ слагаетъ на правительству. Но не справедливѣ ли, говоритъ баронъ Гагстаузенъ, думать, что характеръ правительства опредѣляется характеромъ народа».

Изъ такихъ неслышныхъ отзывовъ о русскомъ національномъ характерѣ, можетъ слѣдовать одно заключеніе, что русскому народу для его счастья рѣшено судьбами вѣчное, нескончаемое рабство.

Такъ дѣйствительно, нисколько не стѣсняясь, и выражаются нѣкоторые изъ писателей крѣпостнаго устоя. «Несмотря на свой практическій умъ—говорять Федоръ Верниротъ —русскій крестьянинъ съ давнихъ временъ находился всегда въ самомъ жалкомъ положеніи, если не имѣлъ господина; онъ, повидимому, *назначенъ для рабства*». Шедоферотти въ своемъ сочиненіи «Etudes sur l'avenir de la Russie» (Berlin. 1857) говоритъ: «il est certain, que la majorité des serfs en Russie est très contente de son sort». Даже Петцольдъ, изслѣдователь весьма серьезный и основательный, выражается такимъ образомъ по поводу русской крестьянской реформы: «я думаю, что уничтоженіе крѣпостнаго права въ концѣ концовъ послужитъ, вѣроятно, въ пользу помѣщиковъ, но во всякомъ случаѣ оно разоритъ огромное число крестьянъ». Въ объясненіе этого мы должны сказать, что Петцольдъ на крѣпостное право въ Россіи смотритъ едва-ли не розовѣе всѣхъ другихъ писателей. Онъ говоритъ, что «слово: *крѣпостной* въ Россіи значило только: *прикрепленный къ землѣ* и что въ понятіи его не было ничего похожаго на нѣмецкое: *leibeigen*, что смѣшеніе этихъ разнозначащихъ словъ только подавало поводъ къ злоупотребленіямъ, которыя были тѣмъ легче, что многіе помѣщики, живя вдали отъ своихъ имѣній, предоставляли управленіе своимъ довереннымъ, что гдѣ наблюдалъ собственный глазъ помѣщика, тамъ только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ были примѣры жалобъ». На это баронъ Гакстгаузенъ весьма справедливо замѣчаетъ, что жалобы были бы напрасны, когда законъ не принималъ жалобъ, а кромѣ того, къ самой горькой судьбѣ можно притерпѣться. Вообще баронъ Гакстгаузенъ рѣшительно отрицается отъ крайнихъ выводовъ, которыми русскій народъ приговаривается къ вѣчному рабству, хотя и принимаетъ, какъ мы видѣли, тѣ огульныя обвиненія русскаго народа въ лѣности, безпутствѣ, воровствѣ, нерадѣніи о земледѣліи и т. п., на которыхъ основываются подобныя выводы.

Посмотримъ теперь, что по поводу этихъ обвиненій говорятъ *петербургскіи примѣчанія*.

Не опровергая того вышеприведеннаго нами заявленія Петцольда, что изъ многихъ губерній крестьяне въ значительномъ количествѣ отправляются на заработки въ другія губерніи, одно изъ примѣчаній говоритъ, что «числа, приведенныя Петцольдомъ, не только вполнѣ вѣрны, но и вполнѣ резонны. Почему

бы, напримѣръ, 76,224 рабочимъ изъ Полтавской губерніи не отправляться на работу въ смежныя губерніи: Екатеринославскую, Херсонскую, когда здѣсь, при совершенномъ недостаткѣ рабочихъ рукъ, подневная цѣна работы доходила до 1 рубля, между тѣмъ, какъ въ Полтавской губерніи, при существующей тамъ системѣ хозяйствъ, земли было очень мало и нельзя было найти никакой работы, такъ-какъ помѣщики имѣли вдоволь крѣпостной рабочей силы и могли пользоваться ею? Впрочемъ, теперь крестьяне уже свободны, однакожь въ земледѣльческихъ губерніяхъ мы не видимъ мѣстностей, погнанныхъ безъ обработки. Напротивъ, крестьяне обрабатываютъ свои поля теперь гораздо прилежнѣе и тщательнѣе, нежели прежде, и уходятъ изъ мѣстъ своего жительства ни чуть не въ большемъ противу прежняго числѣ».

Обвиненіе Верниротомъ русскаго крестьянина въ склонности къ воровству, другое петербургское примѣчаніе называетъ ложнымъ и легкомысленнымъ. «Какъ можно — говорить оно — толковать объ общей склонности русскаго народа къ воровству, когда наши помѣщичьи дома въ деревняхъ, въ которыхъ хранятся всѣ наши вещи и деньги, изстари и до настоящаго времени стоятъ съ открытыми дверями и окнами и почти не запираются? То, что на взглядъ Вернирота кажется воровствомъ, есть явленіе совершенно другаго рода. Крестьяне дѣйствительно нерѣдко вкрадутъ по нѣскольку штукъ молодыхъ деревьевъ изъ лѣсу помѣщика или плоды изъ его сада, то-есть *исключительно* такіе естественные продукты, которые Богъ даетъ человѣку безъ его труда. Изъ такого совершенно спеціальнаго воровства ясно, что мы имѣемъ дѣло не съ современнымъ цивилизованнымъ народомъ, а съ народомъ натуральнымъ, которому еще довольно чужда идея дѣленія собственности въ продуктахъ, доставляемыхъ природою, и который воспитанъ, имѣя передъ своими глазами съ одной стороны общинное пользованіе землею и ея произведеніями, а съ другой образъ дѣйствій самого помѣщика, который слишкомъ часто переступалъ границы между своею собственностію и собственностію своихъ крѣпостныхъ. Правда, законъ и не признавалъ никакой разграничительной черты между собственностію крѣпостныхъ и помѣщиковъ, имѣвшихъ на собственность крестьянина полныя права; но за то и крестьянинъ думалъ, что онъ можетъ пользоваться всѣмъ, что производила природа на почвѣ помѣщика, и бралъ или вралъ то, что необходимо было ему для собственнаго его *употребленія*, а не для *продажи*».

«Что касается до лѣности и безопасности крестьянъ — говорить

третье петербургское примѣчаніе, опровергая выводы Вернирота— то онѣ нивагъ не природныя свойства ихъ, а только строго логическія послѣдствія ихъ положенія. Если плоды моего тяжелаго труда будутъ доставаться не мнѣ, а другому, то я естественно сдѣлаюсь лѣнивѣе и апатичнѣе, и буду работать только изъ страха и изъ-подъ палки. А если этотъ другой можетъ притомъ и отнимать у меня все, что я самъ приобрѣту, такъ что я не имѣю право даже и жаловаться на это, но за то обязанъ, хотя бы то самымъ скуднымъ образомъ пропитывать меня и мое семейство, то я не могу не сдѣлаться и *безтечнѣе*, ибо къ чему мнѣ заботиться, когда я съ одной стороны знаю, что я никогда не буду голоденъ, а съ другой никогда не могу приобрѣсть ничего, что бы признали моею собственностію?»

III.

Утвердившись на той мысли, что русскій крестьянинъ безъ опеки или по крайней-мѣрѣ безъ извѣстнаго руководства, однимъ словомъ вполнѣ на своихъ ногахъ долго еще существовать не можетъ, баронъ Гакстгаузенъ хлопочеть о томъ, какъ бы устроить въ этомъ отношеніи его счастье.

Прежде всего мысль его останавливается на дворянствѣ. Онъ хвалить русское правительство за то, что освободивъ крестьянъ, оно рѣшилось и дальнѣйшее ихъ управленіе ввѣрить, съ различными видоизмѣненіями, ихъ прежнимъ помѣщикамъ, слѣдуя въ этомъ случаѣ нѣкоторымъ образомъ принципамъ Пруссіи, удерживавшимся отъ 1816—1848 года. «Но въ Пруссіи, говоритъ онъ, это было легче исполнить, патримоніальную расправу тамъ производили не лично помѣщики, а избранный ими одинъ изъ равныхъ чиновниковъ, испытанный и имѣвшій хорошую репутацію и т. д. Онъ исполнялъ полицейскія обязанности лично по существующимъ полицейскимъ законамъ и обычаямъ, причемъ помогалъ ему назначаемый имъ мѣстный надзиратель. Ландратъ округа (выбранный изъ дворянъ исправникъ) контролировалъ ихъ и имѣлъ надъ ними надзоръ. Въ Россіи дѣло находится въ другомъ положеніи. Здѣсь дворянство большею частію не живетъ въ деревняхъ; доселѣ оно не имѣло никакихъ тутъ экономическихъ заведеній, кромѣ сада и дома, не занималось сельскимъ хозяйствомъ; обработывало только по мѣстамъ часть земли для собственныхъ потребъ, но не имѣло для этого ни земледѣльческихъ орудій, ни скота; крестьяне должны были обработывать ему поле своимъ скотомъ и доставлять жатву. Самое большее

число дворянъ, находясь въ военной и гражданской службѣ, жили въ городахъ и прѣѣзжало въ помѣстья только на короткое время. Однимъ словомъ, Россія, по крайней мѣрѣ, Великороссія, не имѣеть такого количества сельскихъ дворянъ, какъ Германія, ни поземельной аристократіи, какъ Англія. Это, по нашему мнѣнію, большое зло, въ особенности при послѣдней великой реформѣ, когда въ жизни должно быть насаждено и проведено новое законодательство. Въ Россіи нѣтъ доселѣ средняго сословія, по крайней мѣрѣ, нѣтъ такого, которое бы новѣйшею цивилизаціею и культурою достаточно было подготовлено къ тому, чтобы правильно понять виды новаго законодательства и содѣйствовать ихъ проведенію. Русское дворянство представляетъ вмѣстѣ и среднее сословіе въ его главныхъ направленіяхъ; оно одно, по своему образованію, способно занимать государственныя должности, начиная отъ высшихъ до самыхъ низшихъ; оно вмѣстѣ и фабрикантъ — самое большее число фабрикъ частію въ большихъ городахъ, въ особенности въ деревняхъ, основано имъ въ его помѣстьяхъ».

Баронъ Гакстгаузенъ рекомендуетъ русскому дворянству благородно и самоотверженно вступить на тотъ новый путь, который указало ему правительство, отчасти въ предоставленіи помѣщикамъ на нѣкоторое время верховнаго надзора надъ бывшими ихъ крѣпостными, главнымъ образомъ въ предоставленіи исключительно дворянству должностей мировой инстиутуціи.

«Вся эта инстиутуція—говорить онъ—ввѣрена и передана въ губерніяхъ и округахъ живущему въ своихъ помѣстьяхъ дворянству; если русское дворянство вѣрно и энергически пойдетъ по этому пути, то оно можетъ достигнуть того же положенія, какое имѣютъ англійскіе джентри: *Noblesse oblige!* Положеніе и сила англійской аристократіи состоитъ въ томъ, что она выполняетъ столь высокія обязанности, но не пользуется за это никакими матеріальными выгодами».

Но чтобы достигнуть положенія англійскихъ джентри, русскому дворянству необходимы, по проекту барона Гакстгаузена, двѣ вещи: во-первыхъ, переселиться изъ городовъ въ деревни; во-вторыхъ, сдѣлаться на столько значительнымъ въ своемъ благосостояніи, чтобы не нуждаться въ матеріальномъ вознагражденіи за исправленіе тѣхъ должностей, которыя оно будетъ нести на пользу общую.

Но само дворянство, говоритъ баронъ Гакстгаузенъ, одно, безъ пособія правительства, не можетъ достигнуть этихъ цѣлей.

Доселѣ дворянство привлекалось нарочно въ службу военную или гражданскую, сельское дворянство не имѣло никакого зна-

ченія и не получало никакихъ поощреній отъ правительства. Теперь это должно измѣниться. Баронъ Гакстгаузенъ подробно доказываетъ, что настоящая миссія сельскаго дворянства нетолько не ниже, но и выше обязанностей военной и гражданской службы, что поэтому дворянство, проживающее въ помѣстьяхъ, должно считаться если не выше, то по крайней-мѣрѣ нисколько не ниже проживающаго въ городахъ и несущаго военную или гражданскую службу. Баронъ Гакстгаузенъ рекомендуетъ выдвинуть на первое мѣсто въ каждой губерніи должность предводителя губернскаго дворянства, сдѣлать ее центральнымъ органомъ всего государственнаго управленія губерніи, и затѣмъ при этой высшей дворянской власти организовать твердую дворянскую корпорацію изъ уѣздныхъ предводителей дворянства, земскихъ выборныхъ исправниковъ, мировыхъ посредниковъ, мировыхъ судей, и т. д., такъ чтобы эта корпорація держала въ своихъ рукахъ все земское дѣло и служила противовѣсомъ чиновничеству. Озабоченный исполненіемъ этого грандіознаго плана, баронъ Гакстгаузенъ доходитъ въ своихъ хлопотахъ до смѣшнаго. Онъ думаетъ, что русскіе помѣшаны на чиновничаніи, и что для нихъ титулъ князя или графа ничто, если съ этимъ титуломъ не соединяется крупный чинъ. Потому рекомендуетъ правительству губернскому предводителю дворянства давать непременно чинъ превосходительства, для прочихъ же не жалѣть чиновъ статскаго, коллежскаго и прочихъ совѣтниковъ, весьма искренно и подробно выясняя, что помѣщикъ, имѣющій и ведущій хорошо сельское хозяйство, приноситъ государству пользы ничѣмъ не менѣе какаго нибудь статскаго или коллежскаго совѣтниковъ.

Чтобы дворянство могло имѣть независимое матеріальное положеніе, баронъ Гакстгаузенъ рекомендуетъ правительству, кромѣ помощи ему особыми кредитными установленіями, принять мѣры въ такомъ направленіи, чтобы мелкія помѣстья мало-по-малу исчезали, крупныя же, если не увеличивались, то не уменьшались. Онъ склоненъ бы былъ утвердить въ Россіи майоратъ, но такъ-какъ это противно русскимъ обычаямъ, то онъ, по крайней-мѣрѣ, желаетъ установить законъ, чтобы при дѣлежѣ имѣнія, оно доставалось всегда одному, остальные, имѣющіе право на имѣніе, получали за свои части денежную плату.

При этомъ и такое сомнѣніе тревожитъ барона Гакстгаузена: если будетъ поддерживаться одно крупное дворянство, мелкопомѣстное же исчезнетъ, то можетъ остаться недостаточное число дворянъ для занятія всѣхъ судебныхъ и административныхъ постовъ надъ 20 милліоновъ освобожденныхъ крестьянъ. Въ виду такой опасности баронъ Гакстгаузенъ пускается въ исчисленія и самымъ точнымъ

счетомъ успокоиваетъ читателя, что и за уничтоженіемъ мелкаго дворянства дворянъ все еще останется достаточно... По исчисленію Кеппена — говоритъ онъ (Ueber Vertheilung der Bewohner Russland nach Ständen) — въ 1846 г. землевладѣльцевъ изъ дворянъ считалось 108,000, изъ нихъ 58,000 имѣло менѣе, чѣмъ по 20 вѣрстныхъ, всѣ вмѣстѣ имѣли только 451,000. Затѣмъ 20,800 дворянъ имѣли болѣе, чѣмъ по 100 вѣрстныхъ (всѣ вмѣстѣ они владѣли почти 9 мил. душъ, то-есть почти девятю десятыхъ вѣрстнаго населенія). Среднимъ числомъ 100 душъ представляють имущественную цѣнность отъ 25—30,000 руб. Наконецъ 9,000 дворянъ имѣли болѣе, чѣмъ по 500 душъ, или имущественную цѣнность отъ 120—150,000 руб. Изъ этихъ 25,000 дворянъ легко найдется достаточное число лицъ, способныхъ по губерніямъ завѣдывать разными институціями для крестьянъ.

Читатель видитъ, что баронъ Гакстгаузенъ относительно дворянства стоитъ на средневѣковой кастической точкѣ зрѣнія. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ своемъ увлеченіи дворянствомъ, онъ забываетъ, что положеніе дворянства въ каждой странѣ создается многовѣковою исторіею страны, что нельзя вдругъ по требованію обстоятельствъ не только въ Россіи, но и въ какой угодно странѣ народить англійскихъ джентри и создать имъ въ народѣ то именно положеніе, каковымъ они пользуются въ Англии. Но замѣчательнѣе въ этомъ случаѣ та непослѣдовательность, съ которою баронъ Гакстгаузенъ проводитъ свои дворянскія воззрѣнія. Обезземеленіе крестьянъ баронъ Гакстгаузенъ считаетъ величайшимъ зломъ въ Италіи и угрожаетъ ей даже за это революціей. Но то же самое обезземеленіе крестьянъ въ пользу англійской аристократіи ему не кажется зломъ, мало того, представляется такимъ отраднымъ состояніемъ, которое онъ, со стороны положенія джентри, рекомендуетъ и Россіи. Однакожъ, если обезземеленіе крестьянъ въ Италіи можетъ, по его мнѣнію, повести къ революціи, то почему та же самая причина не можетъ повести къ тому же и въ Англии? Далѣе, если англійскіе джентри, люди, по мнѣнію Гакстгаузена, такъ глубоко преданные интересамъ государства, не нашли начево противнаго пользамъ государства скупить всѣ земли крестьянскія въ свои руки, то почему же знать, что того же не сдѣлали бы и русскіе джентри, еслибы они могли когда-нибудь стать въ положеніе англійскихъ джентри по своему нравственному развитію матеріальному обезпеченію?

Петербургскія прижъчанія держатся въ этомъ случаѣ совершенно противоположныхъ воззрѣній. На ту мысль барона Гакст-

гаузена, что временнымъ предоставленіемъ власти помѣщику надъ бывшими его крѣпостными и мировой институціи дворянству указывается послѣднему путь, которымъ хочетъ идти правительство въ развитіи новаго законодательства, одно примѣчаніе говоритъ: «Уже половина крестьянскихъ общинъ въ настоящую минуту свободна отъ высшаго надзора помѣщиковъ (потому что крестьяне вступили уже къ разряду собственниковъ). Впрочемъ, и въ другой половинѣ помѣщикъ въ настоящее время почти совершенно не вмѣшивается въ дѣла крестьянскихъ общинъ, потому что онъ очень хорошо понималъ, что онъ можетъ быть или помѣщикомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, или только богатымъ, добрымъ сосѣдомъ крестьянской общины. Средняго положенія между этими двумя отношеніями невозможно установить, оно непременно повело бы къ непрестаннымъ столкновеніямъ и было бы вредно для обѣихъ сторонъ. Что касается до мировыхъ посредниковъ, то они теперь уже имѣютъ огромное вліяніе на крестьянскія общины и дѣлаютъ весьма добросовѣстно свое дѣло; но при этомъ не должно забывать, что въ каждомъ уѣздѣ находится не болѣе трехъ или четырехъ мировыхъ посредниковъ (можетъ быть, на сотню помѣщиковъ) и что каждый изъ нихъ имѣетъ власть только въ своемъ мировомъ участкѣ, гдѣ по нѣскольбу дюжинъ крестьянскихъ общинъ подчинены его разбирательству и отчасти управленію».

На ту мысль барона Гакстгаузена, что русское дворянство, преобразовавшись въ англійскихъ джентри, могло бы составить противовѣсъ всемогущему доселѣ чиновничеству, другое петербургское примѣчаніе говоритъ: «Это справедливо, но для этого нужны не монопольныя привилегіи, не узкая замкнутость касты, но пребываніе дворянства въ своихъ имѣніяхъ, занятіе собственнымъ сельскимъ хозяйствомъ въ большемъ размѣрѣ, образованіе и ревностное исполненіе довольно многочисленныхъ обязанностей, которыя будутъ поручены на будущее время не одной какой-нибудь замкнутой самой въ себѣ кастѣ, но всѣмъ сословіямъ, то-есть представителямъ большой и средней поземельной собственности и крестьянскихъ общинъ. Начало этому дѣйствительно уже и положено новыми земскими учрежденіями, которымъ вѣрено мѣстное самоуправленіе».

Относительно возвышенія и почета должности губернскаго предводителя дворянства, третье петербургское примѣчаніе говоритъ: «Губернскій предводитель дворянства и безъ того имѣетъ титулъ превосходительства и всѣ привилегіи, присвоенныя чину дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Постъ губернскаго предводителя дворянства — постъ въ высшей степени почетный,

но его функціи въ государственномъ организмѣ не особенно важны».

Кромѣ дворянства, баронъ Гагстаузенъ большой поклонникъ крестьянской общины. Въ ней онъ видитъ залогъ не только крестьянскаго, но и всего общественнаго и государственнаго благосостоянія. Когда при началѣ крестьянскаго вопроса въ Петербургѣ появилось мнѣніе о необходимости уничтоженія крестьянской общины, баронъ Гагстаузенъ написалъ въ защиту ея отдѣльную брошюру; эта брошюра, нѣсколько исправленная, приложена имъ и къ разсматриваемому нами сочиненію. Мы помѣщаемъ ее ниже.

Новое законодательство не тронуло крестьянской общины; но оно не приняло и никакихъ мѣръ къ ея сохраненію. Напротивъ, строго проведенное въ немъ начало собственности мало-по-малу должно вести общину къ разложенію. Нѣтъ сомнѣнія, что съ полнымъ разрѣшеніемъ вопроса, по окончательномъ выкупѣ всѣхъ надѣловъ, если не всѣ, то многія крестьянскія общины захотятъ раздѣлить землю на посемейные участки съ предоставленіемъ владѣнія каждому семейству своимъ участкомъ на правѣ собственности. Тогда участки могутъ свободно переходить изъ рукъ въ руки, даже отчуждаться совершенно изъ крестьянскаго владѣнія. Вотъ это-то именно и боится Гагстаузенъ и придумываетъ мѣры, какъ бы предупредить такое дѣйствительно страшное для крестьянства бѣдствіе. Великій вопросъ будущаго, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ не должно ли правительство принять мѣры, чтобы поземельные крестьянскіе участки, которые уже выкуплены крестьянами, или которые будутъ выкуплены, были навсегда утверждены за крестьянскимъ сословіемъ и были гарантированы отъ продажи. Доволь русская община остается съ своимъ древнимъ характеромъ, то есть съ правомъ поземельной собственности, и только раздѣльнаго пользованія, дотолѣ въ этомъ, конечно, нѣтъ никакой нужды. Можно бы было даже дозволить цѣлой общинѣ отчуждать весь поземельный участокъ или часть его въ случаѣ, напримѣръ, предпринятаго ею переселенія въ отдаленныя мѣста. Но когда съ теченіемъ времени, какъ это предвидѣло и «Положеніе», община захочетъ раздѣлить свою землю навсегда между своими членами, тогда образуются частныя усадьбы, вполне самостоятельныя, крестьянскія помѣстья. Не должно ли тогда будетъ правительство принять надъ ними родъ патроната изъ государственныхъ экономическихъ видовъ, чтобы предохранить ихъ отъ раздробленія, могущаго произойти вслѣдствіе продажи и дѣлежа при наслѣдованіи? Мы не считаемъ этого нужнымъ; при наслѣдствахъ это противорѣчало бы русскимъ національнымъ обычаямъ, и если

раздробленіе остается въ предѣлахъ самой общины, то все равно, въ чьихъ бы рукахъ ни находилась поземельная собственность (безъ сомнѣнія, впоследствии богатство и бѣдность въ общинѣ еще чаще будутъ встрѣчаться рядомъ другъ подлѣ друга, чѣмъ доселѣ). Но другое дѣло, когда поземельные участки будутъ отчуждаться внѣ общины, и слѣдовательно выходить изъ нея, тогда они легко присоединятся къ сосѣднимъ большимъ экономіямъ или продадутся городскимъ жителямъ, которые захотятъ обратить свой капиталъ въ поземельную ренту, однимъ словомъ, тогда они отойдутъ отъ крестьянскаго сословія и перейдутъ въ руки другихъ сословій. Въ настоящее время подобной опасности, конечно, не существуетъ, но для будущаго времени законодательство должно имѣть въ виду этотъ вопросъ. Въ Германіи, а именно въ Пруссіи, въ теченіе 40 лѣтъ болѣе четверти поземельной собственности, принадлежащей прежде крестьянамъ-собственникамъ, перешло болшею частью къ сосѣднимъ большимъ экономіямъ, отчасти къ бывшимъ поденщикамъ. Такъ будетъ, по мнѣнію Гакстгаузена, и съ Россіей, въ случаѣ, если крестьяне получатъ право отчуждать свои участки внѣ общины. «Пройдетъ только два поколѣнія, и крестьянинъ останется безъ земли. Поземельная собственность опять скупится изъ его рукъ, и социальное состояніе Россіи будетъ тогда гораздо хуже, опаснѣе, безотраднѣе, чѣмъ во время существованія крѣпостнаго права».

Мы вполне раздѣляемъ опасеніе барона Гакстгаузена и совершенно согласны съ нимъ, что законодательство должно принять мѣры, чтобы подобная бѣда не постигла русскаго крестьянства. Но мы идемъ дальше и думаемъ, что право отчуждать крестьянскіе участки даже внутри крестьянскихъ только общинъ, будетъ великимъ зломъ. Совсѣмъ не все равно, кто бы ни владѣлъ участкомъ внутри общины, какъ выражается баронъ Гакстгаузенъ, только бы земля не выходила изъ владѣнія общины. Если будетъ дозволено продавать поземельные участки внутри общины, то мало-по-малу вся общинная земля перейдетъ въ руки нѣсколькихъ кулаковъ въ общинѣ и все остальное населеніе общины поступитъ къ нимъ въ вѣчное рабство. Это рабство во многихъ отношеніяхъ будетъ тяжелѣе бывшаго рабства крѣпостнаго. Противъ бывшаго барина, болшею частью мало понимавшаго крестьянскій бытъ, а еще менѣе того сельское хозяйство, крестьянинъ могъ защищаться иногда обманомъ, хитростію, плутовою, подкупомъ окружавшихъ его. Противъ кулака изъ крестьянъ, подобная защита немислима. Онъ знаетъ все, весь крестьянскій бытъ, всѣ отношенія, все хозяйство до послѣднихъ

подробностей, и никто не въ состояніи до такихъ подробностей обратъ своего собрата, какъ крестьянинъ изъ кулаковъ.

Защещающа общину, баронъ Гакстаузенъ разрушаетъ иллюзіи тѣхъ, которые думаютъ безхитростно въ простотѣ своего сердца, что съ разрушеніемъ общинъ, переходомъ большей части мелкихъ крестьянскихъ участковъ къ большимъ помѣстьямъ, крестьяне не только ничего не проиграютъ, но и выиграютъ. Ибо земледѣліе будетъ производиться въ этихъ помѣстьяхъ въ обширныхъ размѣрахъ усовершенствованными способами, давать большія прибыли, изъ которыхъ будетъ доставаться не только владѣльцамъ, арендаторамъ земли у нихъ, но даже простымъ работникамъ больше, чѣмъ въ настоящее время получаетъ крестьянинъ въ качествѣ хозяина-собственника съ своего маленькаго поземельнаго участка, обрабатываемаго на ничтожныя средства, кой-какъ по допотопному способу. Баронъ Гакстаузенъ указываетъ, какъ на поучительный примѣръ, на Ирландію, доказывающій весьма ясно, что «въ тѣхъ странахъ, гдѣ земледѣльческая культура сдѣлала быстрые успѣхи, вслѣдствіе новѣйшаго усовершенствованія земледѣлія, бѣдственное положеніе крестьянъ нисколько не улучшилось, и что ихъ состояніе въ тѣхъ странахъ, куда культура и капиталы проникли всего меньше, оказывается сравнительно гораздо лучшимъ. (Sismondi: «Etudes sur l'économie politique» I, 275). Возвышеніе дохода отъ земледѣлія имѣло своимъ послѣдствіемъ только возвышеніе арендной платы».

Съ тою же основательностію баронъ Гакстаузенъ разбиваетъ иллюзіи тѣхъ, которые думаютъ, что если рухнетъ русская община, крестьяне сдѣлаются собственниками, то они будутъ старательнѣе обрабатывать свои поземельные участки и земледѣліе въ Россіи быстро подвинется и процвѣтетъ. Онъ не оспариваетъ того, что крестьянинъ, земля котораго въ общинѣ подвергается передѣламъ,—при сближеніи срока каждаго новаго передѣла, будетъ скудиться на ея удобреніе; но это же самое опасеніе — говорить онъ — замѣчается и въ Европѣ, въ системѣ арендаторства. И какъ здѣсь есть мѣры, которыми предупреждается подобное зло, такъ точно извѣстными мѣрами можно предупредить и нерадивую обработку земли, начинающуюся въ виду общинныхъ передѣловъ. Вообще же Гакстаузенъ держится того мнѣнія, что въ настоящее время застой русскаго земледѣлія зависитъ не отъ такихъ ничтожныхъ явленій, а отъ причинъ совершенно другаго рода.

Г. ЕЛИСЕЕВЪ.

ЖИВАЯ ДУША.

Часть третья.

НОВАЯ ЖИЗНЬ.

I.

ТЕРНОВЫЙ ВЪНЕЦЪ РАЗВИТОСТИ.

Когда няня возвратилась и доложила Надеждѣ Сергѣевнѣ, что Маша отказалась ѣхать, Надежда Сергѣевна просто остолбенѣла на нѣсколько минутъ, и только устала испуганные глаза на Романа Аркадьевича: этой дерзости она никогда, даже со стороны дерзкой Маши, не могла себѣ ни вообразить, ни представить.

— Успокойтесь, Надежда Сергѣевна, прошу васъ, прежде всего успокойтесь, мягко проговорилъ Романъ Аркадьевичъ.

Несмотря на эту всегдашнюю мягкость и успокоивающій тонъ голоса, можно было замѣтить, что Романъ Аркадьевичъ самъ озадаченъ и нѣсколько встревоженъ.

Слова Романа Аркадьевича помогли Надеждѣ Сергѣевнѣ опомниться и придти въ себя. Она всплеснула руками, вскрикнула: «это превосходить все!» и начала бѣгать по комнатѣ, точно во всѣхъ четырехъ углахъ вдругъ сдѣлался пожаръ.

— Успокойтесь, Надежда Сергѣевна, прошу васъ, прежде всего успокойтесь, повторилъ Романъ Аркадьевичъ.

— Няня! няня! закричала отчаянно Надежда Сергѣевна. — Сюда! Скорѣе!

Няня, послѣ доклада объ отказѣ Маши, невозмутимо удалившаяся и оставившая Надежду Сергѣевну въ оцѣпенѣннцѣ, явилась снова такъ же невозмутима. Она казалась олицетвореніемъ самой строгой исполнительности, но больше ничѣмъ: казалось, ничего другого она не могла ни знать, ни понимать, ни чувствовать.

Надежда Сергѣевна заставила няню повторить всё подробности свиданія и разговора съ Машей, не дослушавши, вдругъ на няню напустилась за ея, няинно, всегдашнее потворство «всѣмъ гадостямъ», погнала ее опять за Машею, и грозно приказывала привезти сейчасъ же, сію же минуту, Машу силою, побѣжала за няней слѣдомъ, и воротила ее, прогнала няню изъ комнаты, хотѣла сама немедленно ѣхать «уличить» Машу, «доказать ей», и «предать суду» мѣщанку Ненилу Самсоновну — однимъ словомъ, Надежда Сергѣевна пришла въ какое-то неистовство. Долгое время Романъ Аркадьевичъ напрасно тратилъ всякія убѣдительныя и сочувственныя, и знаменательныя слова, и только Романъ Аркадьевичъ, съ его искусствомъ разомъ схватить всё выгоды и невыгоды положенія, разомъ усмотрѣть всё лазейки, выходы, преграды и непроходимыя пропасти и съ умѣньемъ, наглядно показать ихъ, могъ ее сколько нибудь успокоить въ третьему часу утра.

Наконецъ, Надежда Сергѣевна вняла его совѣтамъ. Рѣшено было ждать Машинаго прихода. Маша сама передавала черезъ няню, что завтра придетъ — по всѣмъ вѣроятіямъ, она и придетъ завтра. При свиданіи видно будетъ, какъ надо дѣйствовать. До тѣхъ поръ ждать, и никому въ домѣ не показывать, что случилось что либо необычайное. Нянь доврять планъ дѣйствій и склонить ее на свою сторону.

— Она вамъ предана, кажется? спросилъ Романъ Аркадьевичъ.

— О, да! отвѣчала Надежда Сергѣевна съ тою непостижимою увѣренностью, съ которою часто отвѣчаютъ господа о слугахъ, прожившихъ у нихъ въ услуженіи нѣсколько десятковъ лѣтъ, какъ будто время, однимъ вѣяньемъ своего крыла, можетъ, въ самомъ дѣлѣ, обратить всякую горечь въ сласть, зависимость — въ удовольствіе, и все это претворить въ искреннюю и надежную преданность.

Снова призвана была няня, и Надежда Сергѣевна, напомнивши ей о своей всегдашней благосклонности и довѣрїи, объявивши ей о своемъ родившемся намѣреніи помѣстить ее, няню, даже въ свое духовное завѣщаніе, и бромъ того, намекнувши на что-то, очень завидное, ожидающее ее, няню, въ очень близкомъ будущемъ, довѣрила ей планъ дѣйствій, и поручила представить остальной прислугѣ исчезновеніе Маши въ благовидныхъ образахъ, искусно припутавши къ дѣлу «недалеку», но добройшю и несчастную старушку-родственницу».

Няня, съ свойственной ей невозмутимостью лица, отвѣтила, что она въ точности исполнитъ приказанія, и удалилась.

Надежда Сергѣевна нѣсколько успокоилась, и съ отрадою слушала Романа Аркадьевича, повѣствовавшаго объ испытаніяхъ человѣческой жизни; слушая его, она нѣсколько разъ вздохнула, всплакнула и взрыдала, будто говоря: «вотъ я! вотъ я! вотъ это моя рана! вотъ это моя участь!» и въ этомъ примѣненіи видимо находила нѣкоторую утѣху.

Но огорченіе Надежды Сергѣевны смирялось только до тѣхъ поръ, пока Романъ Аркадьевичъ оставался при ней, а какъ началъ онъ собираться домой, она потеряла всякую бодрость и всякую власть надъ собою, и подняла не то что плачь, а голосьбу, и стала причитать и вопить самымъ жалкимъ образомъ.

— Прошу васъ, прошу васъ, преодолѣйте волненіе, убѣждалъ Романъ Аркадьевичъ. — Вспомните, что хладнокровіемъ и терпѣніемъ вы всего достигнете, что поспѣшностью и невидержанностью вы все потеряете!

— Знаю! знаю! стонала Надежда Сергѣевна: — но это выше моихъ силъ! Это выше силъ моихъ!

— Горничная ваша замѣтитъ ваше разстройство, пойдутъ толки между прислугою, разнесется...

Это простое замѣчаніе очень сильно подѣйствовало на Надежду Сергѣевну. Она отерла слезы и помахала себѣ въ лицо кружевною оборкою носоваго платка.

— Мужайтесь! сказала Романъ Аркадьевичъ съ грустною улыбкою, пожалъ ей крѣпко руку, и простился съ нею до завтра, до десяти часовъ утра.

Надежда Сергѣевна провела «ужасную» ночь, и не менѣе ужасно было наступившее утро. Она вышла къ чаю съ тайною надеждою, что Маша уже дома, ждетъ ее по обыкновенію у чайнаго стола, смущена—вѣдь должна же она, наконецъ, послѣ всего случившагося быть смущена! и попросить прощенія — вѣдь должна же она, наконецъ, послѣ всего, что было, попросить прощенія! Она даже тревожно призадумалась, пока Дуня убирала ей голову, о томъ, какъ отвѣчать Машѣ — сначала показнить, а потомъ помиловать, или прямо миловать? и нѣкоторое время не знала, какъ рѣшить. Наконецъ, рѣшила слѣдовать совѣтамъ Романа Аркадьевича и быть сдержанной, хотя мягкой и снисходительной, то-есть въ сущности ни казнить, ни миловать, и держать до поры до времени подъ поднятою сѣвровою. Съ этимъ рѣшеніемъ Надежда Сергѣевна вышла къ чаю.

У чайнаго стола она нашла только одну тетю Фанни.

Тетя Фанни послѣ своихъ печалей, волненій, огорченій и слезъ вся съежилась и полиняла, какъ дешевая матерія, которую сприсулъ сильный дождигъ.

— Что, она дома? Пришла она? тревожно и быстро спросила Надежда Сергѣевна, забывая, что пока положено все держать въ тайнѣ.

— Кто? Когда? воскликнула тѣтя Фанни, вдругъ загораясь любопытствомъ, какъ сухое сѣно огнемъ. — Кто? Наденька, мой другъ безцѣнный, кто?

— Да Маша, боже мой! Маша, Маша, Маша, Маша.

— Да гдѣ жъ она, Наденька? Я ее не видала сегодня, мой другъ! Спрашивала я у няни, няня говоритъ, что она гулять...

— Замолчи! проговорила Надежда Сергѣевна, стискивая зубы. — Замолчи! Она ушла изъ дому! Понимаешь ты, она ушла изъ дому!

— Ахъ! взвизгнула тѣтя Фанни. — Ахъ! Когда же? Съ кѣмъ? Съ кѣмъ, Наденька, съ кѣмъ? Съ Загайнымъ?

— Одна ушла! Одна поселилась въ слободкѣ!

— Наденька, мое сокровище, это не правда. Не вѣрь, мой другъ: одна она не могла уйти, она ее увезъ!

— Замолчи! опять проговорила Надежда Сергѣевна съ стиснутыми зубами—ее раздражало всякое возраженіе, какъ раздражаетъ всякое новое больное и бесполезное лекарство при зубной боли.—Замолчи! — Она не хочетъ возвращаться ко мнѣ...

— Наденька, единственный мой другъ! не вѣрь ничему! Тутъ тысячи хитростей, тутъ обмановъ миллионы! Надо все разузнать. Поручи мнѣ и будь спокойна, мой другъ, я все...

— О, дура! прошептала Надежда Сергѣевна, выведенная изъ себя. — Я говорю, что...

Въ это время послышались медленные, развалистые шаги Ольги Порфировны и быстрая, живая походка Кати. Надежда Сергѣевна поспѣшно проговорила:

— Никому ни слова и не показывай виду никакого, слышишь?

— Да, Наденька, да мой другъ! Будь покойна, положишься на меня, Наденька, отвѣчала шопотомъ тѣтя Фанни.

Во всей тетѣ Фанни выражалась кабая-то жадность, точно она долгое время голодала и вдругъ видитъ передъ собою самое лакомое и восхитительное блюдо.

Вошла Ольга Порфировна и Катя.

— Прости меня, мама, сказала Катя, подходя къ Надеждѣ Сергѣевнѣ и останавливаясь передъ нею.

Поза ея была почтительна, но не трогательна и тонъ былъ скорѣе дѣловой, чѣмъ раскаянный.

— За что это? спросила Надежда Сергѣевна; въ тревогахъ и мученіяхъ по поводу Маши, она совершенно забыла о вчерашнемъ Катиномъ арестѣ. — За что?

— За то, что ты меня посадила подъ арестъ, отвѣчала Катя.

Надежда Сергѣевна, худо настроенная, приняла эти слова Кати съ величайшимъ гнѣвомъ.

— Негодная дѣвчонка! вскрикнула она:—какъ ты смѣешь такъ говорить съ матерью! Ты знаешь ли, что я съ тобою сдѣлаю, а? Знаешь ли?

— Ты говорила, что ты ни съ кѣмъ «дѣлать» ничего не будешь, отвѣчала Катя, отчетливо помнившая всѣ выраженныя въ пылу восхищенія свободой правила, обѣты и законы.

— Извольте сѣсть на мѣсто! крикнула Надежда Сергѣевна повелительно и не вникая въ Катины слова: — и знайте, что я съ вами теперь шутить на намѣрена!

Катя сѣла на свое мѣсто безъ огорченія, а только съ достоинствомъ, и занялась чаемъ съ тѣмъ увѣренно и самостоятельно-смирнымъ видомъ, который ясно говорилъ: я смирна, потому что имѣю свои причины быть смирной, но вы меня не трогайте и не теребите: человѣческому терпѣнью есть предѣлы, и разъ какъ переступятся эти предѣлы, я забуду *всякія* причины, потокъ прорвется и хлынетъ неудержимо, и завертеть, и унесетъ всякіе оплоты такъ же легко, какъ увядшіе цвѣточные листики.

Дѣло въ томъ, что Катя уже сообразила, что случилось что-то необычайное. Когда, ввечеру, возвратившись изъ-подъ аресту, она спросила няню немедленно о Машѣ и въ отвѣтъ получила, что Маша дома нѣтъ, ей ужъ это показалось нечистымъ: Маша въ послѣднее время никуда не выходила и говорила ей, Катѣ, что гораздо лучше дома, въ своей комнатѣ; кромѣ этого чужое Катино ухо улавливало шопотъ въ гостиной, рыданья и время отъ времени восселицавья, — что-то случилось, сомнѣнья не было!

— Няня, гдѣ Маша? спросила она еще разъ.

— Дома нѣтъ, отвѣчала няня.—Постелька готова, извольте ложиться.

Катя пришла-было въ самое неприятное расположеніе духа, но въ счастію во время вспомнила обѣщаніе, данное Машѣ, быть во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненной, вздохнула, поглядѣла на няню мрачно, но мирно, и вротко, какъ голубка, легла въ постельку и уснула. На другой день, проснувшись, первое ея слово было:—гдѣ Маша? и няня опять отвѣтила, что Маша дома нѣтъ, и что Маша просить Катю по ней не скучать, ждать ее и какъ можно больше думать о томъ, что она будетъ говорить и дѣлать.

Няня во время еще передала Машину просьбу и тѣмъ предостратила сильную, уже загаравшуюся грозу.

— А мнѣ нельзя сейчасъ знать, что такое случилось? спросила Катя, выслушавши внимательно няню.

— Не могу вамъ ничего доложить, Катерина Ивановна, отвѣчала няня:—вотъ придутъ Марья Григорьевна, такъ сами у нихъ спросите. Марья Григорьевна говорили: «пускай, говорили, Катя не унываетъ и меня ждетъ».

— Не буду унывать, буду ждать, высчитывала Катя озабоченно по пальчикамъ. — Значитъ, ссориться теперь ни съ кѣмъ не надо, и дразнить никого тоже не надо...

— Полагаю, что теперь лучше со всѣмъ этимъ воздержаться, Катерина Ивановна, отвѣчала няня.

— Не унывать, ждать, не ссориться, не дразнить, снова высчитывала Катя по пальчикамъ, и такъ озабоченно, точно это были четыре новыя закона, которые должны быть немедленно написаны и изданы для предотвращенияъ какихъ-то необыкновенныхъ народныхъ бѣдствій.

Съ такимъ рѣшеніемъ Катя вошла въ чайную и доблестно выдержала испытаніе, встрѣтившее ее на первомъ же шагу.

Но ее ждали другія.

Другъ, при звукѣ чайной или столовой посуды, забывавшій всякія на свѣтѣ своя и чужія огорченія и волненія, стремительный и умильный, простившій недавній толчокъ ногою Надежды Сергѣевны, влетѣлъ въ чайную и однимъ легкимъ, восторженнымъ прыжкомъ очутился возлѣ сливочнива. Его пылкій привѣтъ былъ встрѣченъ самымъ жестокимъ образомъ.

— Жадный, скверный котъ! вскрикнула Надежда Сергѣевна, со всего размаха опрокидывая Друга на полъ.—Разъ навсегда выгнать его изъ дому!

Катя вспыхнула, и глаза ея метнули двѣ-три молнійки.

— Вонъ его! Вонъ! кричала Надежда Сергѣевна.—Дуна, вытщи его изъ-подъ дивана! Сейчасъ его вонъ!

— Мамà, сказала Катя, какимъ-то адвокатскимъ тономъ:—за что ты гонишь Друга? Онъ всегда любилъ сливки, ты знаешь, и теперь, сегодня тоже...

— Замолчите! я съ вами не хочу разсуждать! гнѣвно прокричала Надежда Сергѣевна.—Какъ вы смѣете обращаться ко мнѣ съ вашими глупыми разсужденіями?

— Ты сама говорила, что разсуждать...

— Молчать! крикнула Надежда Сергѣевна на всю комнату.

Неизвѣстно, къ какимъ послѣдствіямъ повелъ бы подобный разговоръ, но въ эту минуту раздался звонокъ въ передней и Надежда Сергѣевна выбѣжала туда, едва не опрокинувъ чайнаго

стола и совершенно забывши наставленія Романа Аркадьевича насчетъ хладнокровія и сдержанности.

Тѣтя Фанни кинулась-было за Надеждой Сергѣевною, но Надежда Сергѣевна оттолкнула ее отъ дверей назадъ къ чайному столу, кричущъ: нѣтъ! и тѣтя Фанни очень оторопѣла и, оторопѣлая, осталась на мѣстѣ.

Въ то же самое мгновеніе Катя съ быстротою мысли схватила сливочникъ, опрокинула его въ Другову тарелочку, поймала Друга и ткнула его туда мордочкой, находя что это объясненіе пути самое понятное и скорое. Другъ сейчасъ же понялъ сущность дѣла, понялъ тоже, что время дорого, что терять его нечего и принялся ревностно за работу.

— Катенька! вскрикнула Ольга Порфиревна укорительно.

— Боже мой! вскрикнула тѣтя Фанни, со дня жившихъ картинъ не обращающаяся уже къ Катѣ, а только по поводу ея къ Богу.

— Стыдитесь, Катенька! продолжала Ольга Порфиревна.

— Стыдиться? спросила Катя.—Чего мнѣ стыдиться? Мнѣ нечего стыдиться!

— Зачѣмъ вы отдали сливки? Мамап...

— Мамап сердита, такъ Другу сливокъ не надо? А еслибъ кто-нибудь такой былъ, что разсердился бы, да тамап сливокъ не далъ?

Ольга Порфиревна страдальчески поглядѣла на Катю и повторила:

— Стыдитесь, Катенька!

— Боже! Боже! прошептала тѣтя Фанни, словно теряясь при видѣ такого несказаннаго врожденнаго беззаконія и законсѣлости.

Но главная часть души тѣти Фанни витала уже въ гостиной, откуда доносился вдохновенный шопотъ Надежды Сергѣевны, ея неровная и смятенная походка и другіе шаги, едва касающіеся пола, не производящіе никакого стука, а только легкій скрипъ. Тѣтя Фанни не утерпѣла и скользнула въ гостиную.

— Какъ ваше здоровье, Фанни Сергѣевна? раздался мигкій голосъ Романа Аркадьевича.

— Чтò тебѣ надо, Фанни? раздраженно воскликнула Надежда Сергѣевна.

— Ахъ, Наденька, я полагала... я думала... меня очень удивляетъ... пискливо, смущенно, но все-таки настоятельно возразила тѣтя Фанни.

— Прощу тебя, оставь насъ, Фанни! еще раздраженнѣе вскрикнула Надежда Сергѣевна.

Т. СЛХХVII. — Отч. I.

Тѣтя Фанни возвратилась въ чайную вся красная, обиженная и возмущенная.

— Другу мамѣ не дала сливокъ, а тѣтѣ Фанни не дала гостей! замѣтила Катя шопотомъ вѣрнаго и безпристрастнаго гѣтоициста.

— Ольга Порфировна! проговорила тѣтя Фанни, задыхаясь отъ волненія: — сдѣлайте одолженіе, внушите ей...

— Я сама себѣ внушу, ты не огорчайся, сказала Катя успокоительно.

— Катенька, прошу васъ, ведите себя приличнѣе! страдальчески протянула Ольга Порфировна.

— Я удивляюсь, бормотала негодующая тѣтя Фанни: — я удивляюсь, какъ не внушено...

— Внушено, отвѣчала Катя: — я буду молчать.

Она поймала Друга, и замѣтивши ему, что надо «внушиться» и молчать, положила его въ себѣ на колѣни и стала гладить.

Другъ послѣ сливокъ находился въ наипрїятнѣйшемъ состояніи; онъ слегка жмурился, слегка мурлыкалъ, слегка позѣвывалъ и время отъ времени вытягивалъ лапки и весь извивался змѣею, точно подѣ вліаніемъ воспоминанія о невыразимомъ наслажденіи, послѣ котораго не осталось ни пресыщенія, ни раскаянія.

Изъ гостиной все доносился шопоть и тѣтя Фанни, подобно мотыльку, десять разъ опалившему врыльи и все-таки летящему на огонь, вскочила опять съ мѣста и опять скользнула въ гостиную.

— Я тебя просила оставить насъ! раздался раздраженный голосъ Надежды Сергѣевны.

— Ахъ, Наденька, я имѣю тебѣ передать очень важныя вещи, мой другъ. Романъ Аркадьевичъ, будьте вы сами судьей, пожалуйста... вы понимаете... я въ такомъ грустномъ положеніи...

— Какія важныя вещи? Какія? Все навѣрно пустяки! вскрикиваетъ Надежда Сергѣевна.

— Успокойтесь, Надежда Сергѣевна, выслушайте, звучитъ голосъ Романа Аркадьевича.

— Ну, говори! нетерпѣливо рѣшаетъ Надежда Сергѣевна. — Ну, говори!

Тѣтя Фанни начинаетъ говорить «важныя вещи».

Отъ этого говора въ чайную долетаютъ отрывочныя фразы, изъ которыхъ ничего нельзя понять, нетерпѣливыя восклицанія Надежды Сергѣевны и явственнѣе, полнѣе всего гармоническая интонація Романа Аркадьевича.

— Противный! вдругъ объявляетъ Катя.

— Кто противный? спрашиваетъ Ольга Порфировна.

— Квачъ противный, отвѣчаетъ Катя.

— Катенька! что вы говорите!

— Говорю, что противный, повторяетъ Катя.— Всегда ммм, ммм/ Катя какъ-то особенно приторно промычала. и самую приторную состроила рожицу.

— Онь добръ со всѣми, Катенька! говоритъ Ольга Порфировна наставительно и съ чувствомъ, и съ укоромъ.

— Зачѣмъ со всѣми?

— Какъ, зачѣмъ со всѣми? Со всѣми должно быть добрымъ.

— Нѣтъ, не должно, отвѣчаетъ спокойно Катя.

Ольга Порфировна глядитъ на нее почти съ ненавистью.

— Пойдемте учиться, Катенька, говоритъ она, давая знать, что считаетъ дальнѣйшій разговоръ для себя унижительнымъ.

Катя встала, подвала Друга и обратилась къ нему, какъ къ болѣе толковому собесѣднику.

— Другъ голубчикъ, ты вѣдь царапка? Ну и будь царапка! Слышишь?

Другъ потянулся и такъ умильно промурлыкалъ, точно хотѣлъ связать: «ахъ, я теперь не такъ настроенъ! я теперь всякому лязну ручку!» за что сейчасъ же получалъ отъ Кати сильнѣйшей щелчокъ по лбу, спугнувшій всю мечтательность и возвратившій его къ чувству долга.

— Смѣй ты у меня потагиваться! проговорила грозно Катя.— Только смѣй!

— Катенька, пойдите учиться! произнесла Ольга Порфировна съ горечью. — Я долго буду васъ объ этомъ просить?

— Я готова, отвѣтила Катя.

Между тѣмъ тѣтя Фанни предлагала Надеждѣ Сергѣевнѣ и Роману Аркадьевичу какіе-то несообразные планы, куда входила игуменья Н—скаго монастыря, губернаторъ, найденное ею начало Машинаго письма къ Михаилу Яковлевичу, родные Загайнаго и не вѣсть что.

Романъ Аркадьевичъ слушалъ ее терпѣливо и ласково. Онь не сводилъ съ нея пристальнаго взгляда, но очевидно думалъ совсѣмъ о другомъ и соображалъ свое. Это былъ тотъ пристальный взглядъ, которымъ смотрять обыкновенно люди на своихъ плохенькихъ собратій, когда не дадутъ себѣ даже труда быть непроницаемыми: плохъ собратъ, будетъ съ него и этого пристальнаго, снисходительнаго взгляда, а въ случаѣ, что и мало, такъ бѣда не велика, замѣчай и толкуй онь себѣ какъ угодно.

Но Надежда Сергѣевна слушала тѣтю Фанни очень нетерпѣливо и раздражительно. Она сама, хотя еще не признаваясь себѣ, чувствовала, что губернаторъ, родные, игуменья и «законная строгость» были бы ей гораздо надежнѣйшими помощниками

въ дѣлѣ Маши, чѣмъ «личныя права», «свобода мысли» и тому подобныя неудобныя въ барской жизни вещи. Она была въ положеніи человѣка, который самъ, своими руками безумно и легкомысленно разбилъ и уничтожилъ всѣ увѣрленія и остался среди обломковъ въ открытомъ полѣ беззащитенъ, а тутъ ему безтолковый и навязчивый доброжелатель указываетъ на обломки увѣрленій и пристаётъ: «защищайся ими!»

Надежда Сергѣевна недолго выдержала разсужденія тѣти Фанни.

— Ахъ, какіе пустяки ты городишь! вскринула она гнѣвно:— пожалуйста, не мѣшайся ни во что, пожалуйста оставь...

— Мнѣ очень странно, Наденька, перебила тѣта Фанни, запнулась и попунцовѣла.

— Надежда Сергѣевна, проговорилъ Романъ Аркадьевичъ:— мнѣ кажется, что участіе Фанни Сергѣевны можетъ быть очень полезно.

Кромѣ необыкновенной мягкости, въ тонѣ Романа Аркадьевича было что-то такое, что заставило Надежду Сергѣевну поглядѣть на него вопросительно.

— Романъ Аркадьевичъ, пролепетала тѣта Фанни, съ слезинками признательности на голубоватыхъ глазахъ:— я знаю, что вы... ахъ, вы все понимаете... и знаете... и я... и я... но Наденька бо мнѣ несправедлива...

— Успокойтесь, Фанни Сергѣевна, сказалъ Романъ Аркадьевичъ съ тою ласковою снисходительностію, съ которою безпечный гость выдаетъ развизжавшейся собачкѣ какой-нибудь кусочекъ; собачка ничѣмъ этого кусочка не заслужила кромѣ жалобнаго визга, но гость все-таки выдаетъ ей во имя этого визга, потому что онъ гармонически самъ настроенъ.

— Я терпѣлива, Романъ Аркадьевичъ, лепетала тѣта Фанни.— Я терпѣлива и надѣюсь на Бога, въ этомъ мірѣ для меня...

— Романъ Аркадьевичъ, вы что-то хотѣли сказать? перебила ее Надежда Сергѣевна такъ же безцеремонно, какъ согнала бы муху съ куска пирожнаго, который захотѣла взять.

— Мнѣ кажется, продолжалъ Романъ Аркадьевичъ:— что участіе Фанни Сергѣевны можетъ быть очень полезно, хотя я и не могу согласиться съ ней въ томъ, что надо употребить насиліе, то есть сильныя мѣры. Я вообще считаю сильныя мѣры незаконными. Да въ наше время это и немислимо. Мнѣ кажется, надо стараться *убьить* Марью Григорьевну, показать ей всю неосновательность ея поступка, всю ея жестокость въ отношеніи васъ, Надежда Сергѣевна, и весь вредъ въ отношеніи себя самой, всей своей будущности. Да. Мнѣ кажется, что это будетъ самое на-

дежное и самое лучшее. И тутъ участіе Фанни Сергѣевны можетъ быть вамъ очень полезно.

— Чѣмъ же? спросила Надежда Сергѣевна.

Тѣтя Фанни глядѣла на Романа Аркадьевича и опять пунцовѣла.

Тѣтя Фанни пунцовѣла и отъ огорченія, и отъ радости; отъ огорченія и отъ радости у нея выступали и слезинки на глазахъ; разница была только въ томъ, что при огорченія все ея личико опускалось внизъ, а при радости вздергивалось вверхъ.

— Вы теперь разстроены, больны, вы не можете обойтись безъ помощницы, продолжалъ Романъ Аркадьевичъ, обращая многозначительный взглядъ на Надежду Сергѣевну.— Кто знаетъ, сколько времени продлится это тяжелое положеніе вещей, и кто знаетъ, кто напередъ можетъ рѣшить и предвидѣть, какихъ хлопотъ и распоряженій потребуетъ это дѣло? Вамъ самимъ не всегда удобно, не всегда возможно дѣйствовать лично (*удобно и возможно* онъ произнесъ съ удареніемъ), и въ такія минуты Фанни Сергѣевна не откажется помочь вамъ.

— О, конечно! О, конечно! воскликнула тѣтя Фанни.— Я все готова сдѣлать... Ахъ, я все... ей-богу... увѣрю... и все отлично... отлично... Наденька напрасно сомнѣвается... Я сейчасъ, сейчасъ! вдругъ выринула она, вскакивая съ мѣста: — я отправлюсь...

— Надо подождать, промолвилъ Романъ Аркадьевичъ, задумчиво устремляя глаза въ стѣну и какъ будто самъ еще не рѣшая, почему именно подождать надо.

— Ахъ, зачѣмъ же ждать! писливо вскрикнула тѣтя Фанни, точно ее больно прищемили.

— Необходимо, Фанни Сергѣевна; по моему необходимо. Я конечно здѣсь все-таки посторонній человѣкъ...`преданный, неизмѣнный, но посторонній... Надежда Сергѣевна, вы какъ думаете?

— Надо подождать, отвѣтила Надежда Сергѣевна уныло.— Нечего дѣлать!

— Лучше скорѣй дѣйствовать... начала-было неотвязная тѣтя Фанни умоляющимъ голосомъ.

— Фанни, теперь оставь насъ, рѣшительно приказала Надежда Сергѣевна.

— Ахъ, Боже мой, Наденька! Я вѣдь, надѣюсь, не чужая... не мѣшаю...

— Въ ожиданіи прихода Марьи Григорьевны, будемъ говорить о постороннихъ предметахъ, сказалъ Романъ Аркадьевичъ примиряющимъ тономъ.— Не почитать ли намъ, Надежда Сергѣевна?

— Хорошо, отвѣтила Надежда Сергѣевна со стономъ.

— Ахъ, прекрасно! вскрикнула тѣтя Фанни.

Романъ Аркадьевичъ началъ читать вслухъ и его пѣвучій голосъ такъ же мягко переливался, какъ и въ самыя мирныя и пріятныя времена.

Но слушательницы были невнимательны. Надежду Сергѣевну бросало то въ жаръ, то въ холодъ при малѣйшемъ звукѣ. Бросало въ дрожь и тѣтю Фанни отъ нетерпѣнья «дѣйствовать» и отъ боязни, чтобы «дѣйствіе» какъ нибудь не выскользнуло у нея изъ рукъ.

Надо сказать, что и самъ чтець не былъ совершенно спокоенъ. Его какъ-то коробило, когда онъ ясно припоминалъ ожидаемое спокойное и непугливое женское лицо.

Время отъ времени чтеніе прерывалось отчаянными замѣчаніями Надежды Сергѣевны, что «она не идетъ! это превосходитъ все!» или вздохомъ тѣти Фанни, что «это ужасно!» или успокоеньемъ Романа Аркадьевича, что «все устроится». Они всё чувствовали себя неладно, и вслѣдствіе этого все больше и больше возмущались противъ «ничтожной молодой дѣвушки», какъ назвала ее тѣтя Фанни, задающей имъ, не ничтожнымъ людямъ, столько тревоги и безпокойства.

— Чтò за человекъ! какая неуклонная, строгая прямота и послѣдовательность! сказалъ Романъ Аркадьевичъ, прерывая чтеніе, словно подавленный восторгомъ.—Какое мужество! Какое самоотверженіе! Да, чтобы рѣшиться писать такъ, надо высоко стоять надъ толпою! Высоко — высоко!

Онъ тихо, медленно откидывалъ голову на спинку кресла, полу-закрывая глаза, какъ человекъ, который, закрывая глаза на окружающее, созерцаетъ знакомое, извѣданное блаженное состояніе; какъ человекъ, который всю свою жизнь провелъ въ этомъ «высокомъ» и только во имя того, или другаго «святаго» дѣла спустился «въ толпу», а кончится-таки тѣмъ, что его вознесетъ туда навсегда.

— А она не идетъ! простонала Надежда Сергѣевна.

— Еще рано, отвѣтилъ Романъ Аркадьевичъ и помолчавъ немного, онъ прибавилъ: — не лучше ли вамъ лечь, успокоиться, Надежда Сергѣевна? Я боюсь за васъ; такія потрясенія...

— Вы думаете, мнѣ лучше не принимать ее? спросила Надежда Сергѣевна.

— Фанни Сергѣевна вѣрно не откажется принять Марью Григорьевну...

— О, нѣтъ! О, нѣтъ! завопила тѣтя Фанни.

— ...и скажетъ ей, что вы чувствуете себя нехорошо, поговорить о...

— Она? вскрикнула Надежда Сергѣевна.

— О, я внушу ей! я внушу! радостно пролепетала тѣтя Фанни.

— Да, отвѣчалъ Романъ Аркадьевичъ знаменательно.—Фанни Сергѣевна скажетъ, что вы потрясены—этого скрывать не надо; бесполезно; и потомъ, когда первое волненіе уляжется, вы сами примете Марью Григорьевну.

— Да Фанни нагородитъ! вскрикнула Надежда Сергѣевна.

— Чтó бы Марья Григорьевна ни сказала, васъ это не касается; ея разговора съ Фанни Сергѣевной вы не слыхали и не знаете...

— Ну, хорошо, сказала Надежда Сергѣевна, начиная понимать, что тутъ дѣло въ «выдержанности». — Ну, хорошо.

И вслѣдъ затѣмъ она вскрикнула съ отчаяніемъ:

— Но она не идетъ! Она не идетъ!

— Позвольте мнѣ проводить васъ въ вашу комнату, Надежда Сергѣевна, сострадательно промолвилъ Романъ Аркадьевичъ, взявъ Надежду Сергѣевну подъ руку.

И онъ повелъ ее изъ гостиной.

Тѣтя Фанни осталась въ радостномъ смятеніи, и земли подъ собою не чуяла. Когда Романъ Аркадьевичъ возвратился въ гостиную взять книгу, онъ сказалъ ей съ своею благою улыбкою:

— Какъ преобразаетъ васъ, Фанни Сергѣевна, любовь къ правдѣ и добру!

— О, да! отвѣчала тѣтя Фанни.

Тѣтя Фанни и отвѣчала теперь совсѣмъ другимъ голосомъ,—какимъ-то такимъ задорнымъ голосомъ, какимъ кричатъ маленькіе пѣтушки «кувареку».

— Надежда Сергѣевна проситъ васъ, продолжалъ Романъ Аркадьевичъ:— быть съ Марьей Григорьевной какъ можно...

— О, я ей внушу, Романъ Аркадьевичъ! воскликнула тѣтя Фанни.—О, будьте увѣрены, я ей внушу!

— ...какъ можно снисходительнѣе. Не надо ее ожесточать; не надо ее смущать черезчуръ. Надежда Сергѣевна проситъ васъ объ этомъ.

— Ахъ, будьте увѣрены, Романъ Аркадьевичъ, я все понимаю, все знаю... все отлично...

— Надежда Сергѣевна проситъ васъ сказать Марьѣ Григорьевнѣ, что она нездорова, и больше ничего о ней не говорить. Мнѣ кажется, Фанни Сергѣевна, что вамъ лучше всего говорить отъ себя, *только* отъ себя, не мѣшая *никому*. Вы Марьѣ

Григорьевнѣ не чужая, вы ей такая же родня, какъ и Надежда Сергѣевна.

— О, конечно! конечно! вскрикнула тѣтя Фанни, вдругъ проникаясь надменностью. — О, конечно!

— Вы должны говорить *за себя*, имѣть *свой* голосъ, продолжать Романъ Аркадьевичъ. — Говорите такъ, какъ будто бы другіе не существовали и на васъ лежала бы вся обязанность, священная обязанность старшей въ родѣ, главы семейства...

— О, да! конечно! вослицила тѣтя Фанни, внѣ себя отъ восторга.

— Желаю отъ души успѣха! промолвилъ Романъ Аркадьевичъ, удаляясь неслышными шагами въ комнату Надежды Сергѣевны.

Тетя Фанни въ неопisanномъ волненіи проводила время въ гостиной, ожидая прихода Маши.

Но Маша не приходила. Часы летѣли, а Маши все не было. Наступилъ часъ обѣда. Надежда Сергѣевна, понапрасну выдержавшая заключеніе въ своей комнатѣ, вышла къ столу въ сильнѣйшемъ раздраженіи; ее только еще кое какъ поддерживало присутствіе Романа Аркадьевича.

Романъ Аркадьевичъ и самъ сдѣлался замѣтно озабоченъ. Тетя Фанни поперхалась и давилась ежеминутно, чѣмъ развлекала Катю отъ какихъ-то благочестивыхъ мыслей, въ которыя она была погружена. По признанію самой Кати, благочестивыя мысли ея были какъ дикія птицы, запертыя въ клеткѣ: все рвались улетѣть и только удерживала ихъ крѣпкая стѣнка (Катина воля была очень крѣпкая стѣнка), а если и выпархивали, то Катя ловила ихъ и сажала на мѣсто. Такъ она поступала и въ настоящемъ случаѣ, и во все продолженіе обѣда не получила ни одного замѣчанія. Ольга Порфировна сидѣла, какъ плавающая ива, украдкой наблюдая и медленно, туго соображая свои наблюденія.

Послѣ обѣда всѣ вышли въ гостиную пить кофе. Надежда Сергѣевна, потерявъ послѣднее терпѣніе, готова уже была возмутиться противъ совѣтовъ и наставленій Романа Аркадьевича. Романъ Аркадьевичъ нѣсколько вонвульсивно перелистывалъ книгу съ гравюрами; тетя Фанни вертѣлась по комнатѣ; Ольга Порфировна наконецъ сообразила, что «что-то случилось, Marie тутъ замѣшана, и со мной никто не подѣлился, меня считаютъ недостойною...»

Всѣ были очень не въ духѣ.

И Смольгольскій баронъ
Разсерженъ, раздробенъ —

вдругъ продекламировала Катя своимъ звучнымъ голосомъ,

спохватилась, что «дикия птицы» выпорхнули, половила ихъ и убѣжала.

— Ольга Порфировна, не пускайте сюда Катю, сдѣлайте милость! рѣзко сказала Надежда Сергѣевна.

Ольга Порфировна такъ уязвленная, что ввечеру у нея не хватило двухъ страницъ дневника для описанія этого уязвленія, поспѣшно удалилась за Катей.

— Она совсѣмъ не придетъ! сказала Надежда Сергѣевна съ отчаяніемъ.

— Она обѣщала придти, возразилъ Романъ Аркадьевичъ. — Мужество и терпѣніе!

— Да вѣдь уже пять часовъ, Романъ Аркадьевичъ!

Въ это самое время наконецъ раздался колокольчикъ въ передней.

— Не пойдти ли вамъ въ свою комнату, Надежда Сергѣевна? выразительно промолвилъ Романъ Аркадьевичъ.

— О, поди, Наденька, другъ мой! Поди! зашептала тетя Фанни со страстью: — мой ангелъ, поди! Поди! поди!

— Да она ли это? тревожно прошептала Надежда Сергѣевна.

— Это она, я слышу ея голосъ, сказалъ Романъ Аркадьевичъ. — Идите, прибавилъ онъ тихо.

Надежда Сергѣевна, опираясь на его руку, ушла изъ гостиной. Почти въ ту же минуту въ гостиную вошла Маша.

Еремѣй съ необыкновеннымъ оживленіемъ и шумомъ встряхивалъ ея шаль въ передней; голова Дуни высунулась изъ корридора, и глянули любопытные глаза тоже очень оживленно, изъ чего можно было съ достовѣрностью заключить, что легенда о «недалекой, но добрѣйшей и несчастной старушкѣ родственницѣ» не пошла въ ходъ.

Маша была очень блѣдна, и вабъ будто измучена очень, и вмѣстѣ съ тѣмъ, никакъ нельзя было назвать ее ни грустною, ни несчастною. Лицо ея, оставаясь блѣднымъ и измученнымъ, озарялось какими-то неуловимыми лучами. Она была и здѣсь, въ гостиной Надежды Сергѣевны, и вмѣстѣ съ тѣмъ гдѣ-то очень далеко. Ея серьезныя и спокойныя глаза, казалось, готовы были засіять невиданнымъ сіяньемъ, ея неулыбавшіяся губы, казалось, могутъ вдругъ раскрыться самою блаженною улыбкою. Несмотря на эту блѣдность, на измученное, серьезное, даже нѣсколько строгое выраженіе лица, отъ всего ея существа такъ и вѣяло какою-то тихою, но могучею силою, свободою и счастьемъ.

Она провела весь день у себя дома, и все время продумала о будущемъ; тутъ же являлось и прошедшее, переживалось и настоящее. Точно три глубокия рѣки нахлынули на нее, и каждая

колыхала и била ее своими сильными волнами. Жизнь, настоящая жизнь для нея началась. Это уже не были мечты, сбори, не былъ тотъ призрачный источникъ, къ которому она тянулась въ даль, уповая когда-нибудь утолить жажду; у самыхъ ея устъ теперь била свѣжая струя, и она чувствовала ея освѣжающее могущество. Въ этой струѣ не было усыпляютел, разгнѣивающей, приторной сладости — это скорѣе была струя горькая, но такая свѣжая и живая, что духъ отъ нея захватывало.

Сомнѣніе и недоумѣніе Ненилы Самсоновны, при свиданіи съ нянею, таинственно и многозначительно спросившей о Машѣ «виновата, аль не виновата?» росло все больше и больше.

— А у насъ въ уѣздѣ святой объявляется, Марья Григорьевна, сказала она, внося Машѣ въ три часа какую-то блѣдно-синюю солонину на обѣдъ.

Извѣстіе о томъ, что въ уѣздѣ объявляется святой, было передано не безъ коварства: «оно должно было припугнуть Машу, навести ее на мысли о собственныхъ грѣхахъ», размягчить ея сердце и, кто знаетъ? уяснить, быть можетъ, вопросъ: виновата, аль не виновата?

— Таковой былъ жизни богоугодной; мученикъ былъ, продолжала Ненила Самсоновна, какъ-бы погруженная единственно въ мысли благоговѣйныя, вдыхая послѣ каждаго слова мѣрно и ровно:—мучился сколько времени. А мы-то, грѣшныя, мы все за лакомствами гоняемся; намъ все какъ бы въ свою утѣху пожить! Все земное это счастье насъ прельщаетъ! А святые мученики...

— Самые счастливыя, должно быть, люди на свѣтѣ, улыбаясь, и какъ-бы про себя сказала Маша.

— Чтѣ-о? спросила Ненила Самсоновна.

— Самые они счастливыя, должно быть, люди на свѣтѣ.

— Мученья-то претерпѣвши?

— Претерпѣвши мученья, утвердительно отвѣтила Маша съ тою же улыбкою.

Она прибавила: если есть за что терпѣть! и вся точно озарилась какимъ-то свѣтомъ: и глаза у нея засіяли, и губы слегка затрепетали, потомъ вдругъ выступили крупныя сверкающія слезы на глазахъ, и вдругъ исчезли.

«Виновата аль не виновата?» подумала Ненила Самсоновна съ бѣльшимъ, чѣмъ когда-либо недоумѣніемъ.

Войдя въ гостиную, Маша застала тетю Фанни въ самой надменной позѣ посреди комнаты.

— Здравствуйте, тетя Фанни, сказала Маша, сначала не обратившая вниманія на надменную позу.

Тетя Фанни безмолствовала, только еще выше загнула назад свою куриную голову.

Маша поглядѣла на нее и спросила:

— Что съ вами?

Тетя Фанни все безмолствовала и глядѣла на Машу, какъ могла строже.

— Что съ вами? повторила Маша и, не дождавшись отвѣта, пошла-было во внутреннія комнаты.

Но тетя Фанни кинулась и застучала ей двери.

— Я не позволю! прошептала тетя Фанни.

— Отчего? спросила Маша.

— Ты... твое поведеніе... я, какъ старшая въ родѣ... и не чужая, я имѣю власть... залепетала тетя Фанни.— Самъ богъ... и тоже люди... наконецъ родные... тоже знакомые... и наконецъ я... мои обязанности...

Тетя Фанни спуталась, видя, что Маша нисколько не поражена, а спокойно стоитъ и спокойно глядитъ на нее.

— Ты чего желаешь, Маша? спросила она теряясь.

— Я желала видѣть Надежду Сергѣевну и Катю.

— Видѣть Катю! Невозможно! Я не могу этого позволить! Такое вліяніе на невинность ребенка... ты знаешь, горькія обязанности родителей...

— Развѣ Надежда Сергѣевна запретила мнѣ видаться съ Катей?

— Ты пойми, горькія обязанности родителей, лепетала тетя Фанни съ кажими-то конвульсивными вздохами, точно она сама была родитель, и ее душили въ эту минуту «горькія обязанности родителей».

— Я пойду къ Надеждѣ Сергѣевнѣ, сказала Маша.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Наденька лежитъ въ постелѣ безъ движенія, она убита тобою и твоимъ поведеніемъ... Я тоже убита, Маша! Да! Я взяла на себя горькую обязанность внушить тебѣ... и показать весь ужасъ и все... самыя священныя твои обязанности... самый священный долгъ... и дѣвичій стыдъ, и образованіе, и воспитаніе...

Тетя Фанни начала сбиваться, что случилось съ нею всегда, если она чувствовала, что слова ея не производятъ эффекта и не произведутъ его.

— Вы слишкомъ взволнованы, сказала Маша:—прекратите этотъ разговоръ.

— О, нѣтъ, нѣтъ, Маша! я хочу тебѣ внушить... Я хочу тебѣ сказать... доказать... пойми...

— Я понимаю, что вы хотите сказать мнѣ. Вы хотите ска-

зять, что я не должна была оставлять домъ Надежды Сергѣевны.

— Конечно! Конечно! Вѣдь это просто преступленіе, Маша! проступокъ... неужели ты со мной не согласна?

— Нѣтъ, несогласна. По моему я должна была это сдѣлать. Я объ этомъ не жалѣю.

Это было связано спокойно и серьезно. Тетя Фанни оторопѣла.

— Но горькія обязанности родителей и священныя... вѣдь я тебѣ замѣняю родителей, Маша... немного... и Наденька замѣняетъ, и нашъ долгъ самый священный внушить тебѣ... Машенька, ты пойми наконецъ... пойми же... лепетала она и сама не понимала, что она лепечетъ и къ чему, какъ неумѣльный пловецъ, попавшій въ водоворотъ, барахтается и видается туда и сюда, ныряетъ и выпрыгиваетъ въ сматеніи, и самъ не знаетъ куда выскочить.

— Надежда Сергѣевна не хочетъ меня видѣть? спросила Маша.

— Какъ ты можешь этого требовать, Машенька! у насъ разбиты сердца... Наденька безъ движенья...

— Прощайте, сказала Маша.—Лучше всего превратить этотъ разговоръ; онъ васъ только разстраиваетъ.

Она пошла-было къ дверямъ.

— Машенька! Машенька! закричала тетя Фанни, догоняя Машу и хватаясь за полу ея платья:—не уходи! Мой другъ, не уходи! Ты пойми, что все это для твоей пользы, изъ любви къ тебѣ... Я тебѣ вѣдь родная... близкая... Я тебя люблю безпредѣльно... И Наденька желаетъ тебя видѣть... Она убита, Машенька... Романъ Аркадьевичъ принимаетъ участіе... благородный человѣкъ... Позволь мнѣ объяснить тебѣ... Я тебѣ объясню вредъ и грѣхъ, и ты сама увидишь... Загайный тебя не любить, другъ мой, онъ нищій... человѣкъ, для котораго нѣтъ ничего святаго... И потому что за жизнь съ нимъ? Всѣ знакомые презирать будутъ, насмѣхаться...

— Тетя Фанни, прошу васъ, не говорите о тѣхъ, кого я уважаю, если вы не можете говорить о нихъ почтительно, сказала Маша.

Тетя Фанни совсѣмъ какъ-то спала, какъ неудавшійся яблочный пирогъ, и смущенно пробормотала:

— Я тоже, Машенька, уважаю...

Въ это время двери распахнулись и ворвалась Катя, подобная Атигѣ варвару, низвергая на пути всѣ препятствія и тетю Фанни вмѣстѣ съ ними.

— Маша! моя Маша! закричала она, вливаясь въ Машу.—О, милая! О, милая!

— Однако, Катенька, начала-было тетя Фанни, возвращаясь на

свое мѣсто, откуда ее отвиннуло стремительное вторженіе Каті:— однако, я не постигаю.

— И не постигай! отвѣтила Катя.

— Однако, Маша, я желала бы съ тобою обсудить, вскрикнула тета Фанни, краснѣя какъ піонъ.

— Мнѣ кажется, это лишнее и васъ только разстроитъ, отвѣчала Маша.—Мы съ вами несогласны и не можемъ согласиться.

— Какъ! вскрикнула тета Фанни:—ты не хочешь выслушать меня! Ты отречаешься отъ священныхъ чувствъ, отъ священнаго родства! Ахъ, я этого не переживу! Это неслыханное варварство!

— Если вы непременно желаете, то будемъ говорить, сказала Маша.

И держа Катю на колѣняхъ, она приготовилась слушать.

Тета Фанни откашлялась разъ, откашлялась другой, третій, и вдругъ почувствовала, что она говорить не можетъ. Не было у ней ни начала, ни конца, какъ въ спутанномъ моткѣ нитокъ. Сначала ей показалось, что начало «священный долгъ», потомъ, что начало «горькія родительскія обязанности», потомъ ей показалось, что все это не начало, а конецъ, а что начало «вредъ и грѣхъ» и «общественное мнѣніе» и «счастіе всей жизни»; и все это было какъ-то несоединимо вмѣстѣ, а стояло у нея въ умѣ какими-то столбиками и съ одного на другой она не находила рѣшительно никакихъ средствъ перепрыгнуть; а потомъ уже совсѣмъ все прахомъ пошло: все перемѣшалось, спуталось, «грѣхъ» вошелъ въ «священный долгъ», «вредъ» въ «горькія обязанности родителей», «счастіе всей жизни» въ «жестокую ошибку». Тета Фанни была теперь совершенно въ томъ же положеніи, какъ прошлымъ лѣтомъ, когда по несчастію смѣшала вмѣстѣ три разныхъ сиропа съ горячимъ уксусомъ, вскипяченнымъ для солений, въ смятеніи кинулась раздѣлять ихъ ложкою и пережгла себѣ руки и колѣни. Сиропы тогда пропали. И рѣчи теперь пропали.

— Я пойду скажу Наденькѣ, бормочетъ тета Фанни и въ безсильной ярости летитъ къ Надеждѣ Сергѣевнѣ въ комнату.

— Милая? спросила Катя, оставшись съ Машею и прижимаясь къ ней.

— Ничего худаго нѣтъ, Катя, отвѣчала Маша:— но я не буду жить здѣсь.

Катя поблѣднѣла.

— Гдѣ будешь жить? спросила она.

— Я буду жить одна, у себя, продолжала Маша, прижимая къ себѣ дѣвочку.—Мы будемъ часто съ тобою видаться.

Катя горько начала плакать.

— Катя, развѣ мы съ тобой не говорили, что сдѣлаемъ все, что надо? А это надо. Я тебѣ расскажу, и сама ты увидишь, что надо.

— Ахъ жалко! прорыдала Катя.

— Что жь что жалко? Лучше жалко, чѣмъ плохо. Вѣдь лучше, скажи, Катя?

— Лучше! прорыдала Катя.

— Такъ слезы не помѣшаютъ, Катя?

— Не помѣшаютъ! отвѣтила Катя, встрахивая головкой и вдругъ обращая къ Машѣ лично, уже дышащее отваягю, хотя еще залитое слезами, и свергая своими черными, смѣлыми глазами. Потомъ она горячо и крѣпко поцаловала Машу, и на минуту умолкла и призадумалась.

— Милая, сказала она подумавши: — расскажи мнѣ все, все до капли, до самой капли. И я все пойму, прибавила она увѣренно.

— Я хочу жить одна, хочу сама работать; хочу быть сама себѣ госпожа; хочу говорить и дѣлать все, что мнѣ кажется надо, хорошо — понимаешь?

— Понимаю, отвѣчала Катя, и по тому, какъ сверкнули ее черные глаза, видно было, что все это очень ей хорошо понятно.

— До сихъ поръ я жила у твоей матери, она меня поила и кормила, одѣвала и обувала...

— И тебя обижала! прервала Катя съ негодованіемъ.

— И я ее обижала тоже, Катя, только ты этого не замѣчала. Знаешь, почему?

— Почему?

— Потому что, кто живетъ безъ дѣла въ чужомъ домѣ, тотъ ничего не значить; в слово его, что онъ ни говоритъ, тоже ничего не значать. Твоя мать, напримѣръ, на меня сердита, или я на нее, мы не можемъ разговаривать между собою: она не обращаетъ вниманія на то, что я говорю, и только обижается, что я ей за всѣ подарки грублю, а у меня съ ума нейдетъ, что я за все добро ее огорчаю. Понимаешь?

Катя кивнула головкой.

— Мать твоя всегда сердится на меня, если я не такъ думаю, какъ она, не такъ говорю, какъ она, и знаешь, это потому, что она не вѣритъ мнѣ, считаетъ, что я только по грубости не соглашаюсь съ ней, по неблагодарности, потому что, когда одинъ человѣкъ очемъ несогласенъ съ другимъ человѣкомъ, такъ онъ не станеть съ нимъ жить вмѣстѣ...

— Понимаю, сказала Катя. — Это какъ съ Ниночкой Меще-

риной, помнишь? «Если по моему прыгать не хочешь, зачѣмъ мой прыжокъ съѣла?» Какъ она мнѣ это сказала! Какъ она мнѣ сказала это! продолжала Катя, все болѣе и болѣе воспламеняясь: — я хотѣла себѣ языкъ откусить, хотѣла себя всю съѣсть сама своими зубами! О, этотъ прыжокъ! Знаешь, такъ что-то и запылало во мнѣ, такъ и запрыгало! О!

Кажется, отъ одного воспоминанія въ Катѣ снова что-то «запылало» и «запрыгало».

— Такъ понимаешь, Катя?

— Иди жить одна! отвѣчала Катя рѣшительно и стойко.

Онѣ умолкла. Катя, обхвативши Машу за шею руками и прильнувши къ груди головою, была тиха и смирна, какъ тихи и смиренны бывають терпѣливые раненные.

— Охъ, жалко! вдругъ проговорила она.

— Мнѣ тоже жалко отъ васъ уходить. Ты знаешь, когда я была еще маленькая, умерла моя мать и я осталась совсѣмъ одна. Тогда твоя мать взяла меня къ себѣ и я до сихъ поръ жила у нея. Я помню, я была разъ больна, она очень плакала и спать не могла по ночамъ, такъ обо мнѣ безноконлась. И очень часто она меня ласкала и жалѣла. Теперь она огорчена очень тѣмъ, что я ухожу отъ нея и мнѣ очень это тяжело самой.

Катя прижалась къ ней еще сильнѣе, крѣпче и нѣжнѣе.

— Нечего дѣлать. Какъ ни жалко, какъ ни больно, а еще жалче и больнѣй, какъ не сдѣлаешь что надо.

— Да, отвѣчала Катя, вздыхая отъ нестерпимой боли, но въ то же время гордо отвергая всякую уступку и блистающими глазами и сжатыми губами.

Онѣ опять умолкли и опять Катя также тихо и смиренно сидѣла у Маши на колѣняхъ, прижавшись крѣпко и нѣжно къ ея груди.

Между тѣмъ тета Фанни нарисовала Надеждѣ Сергѣевнѣ и Роману Аркадьевичу самыя трагическія картины, жаловалась, плакала, истерически взвизгивала и была наконецъ прогнана Надеждою Сергѣевною изъ комнаты. Романъ Аркадьевичъ, сохранявшій все время свою благую улыбку и благую мягкость взора, не могъ однакоже скрыть своего удовольствія при ея изгнаніи, и когда ея вопли затихли въ отдаленіи, сдѣлалъ такое движеніе, какъ будто ему отпустили туго повязанный галстухъ.

— Ну что же? спросила Надежда Сергѣевна:—что дѣлать теперь?

— Позвольте мнѣ видти къ Марьѣ Григорьевнѣ, отвѣчалъ Романъ Аркадьевичъ.—Я увижу, что тамъ такое. Разговоръ съ Фанни Сергѣевною ничему не могъ помѣшать: Марья Григорьевна знаетъ

ей.... восторженный характеръ. Я скажу, что вы нездоровы, узнали о ея приходѣ, и если ей угодно можете принять ее.

Надежда Сергѣевна только вивнула головой въ знавъ согласія. Она была въ величайшемъ волненіи.

Романъ Аркадьевичъ отправился въ гостиную.

Онъ отправился туда съ очень смѣшанными чувствами. На первомъ планѣ было артистическое удовольствіе посмотрѣть на эту дѣвушку, всегда казавшуюся ему очень привлекательной, въ новомъ видѣ, самому показаться ей съ другой, очень выгодной стороны, внушить ей къ себѣ удивленіе и благодарность, навести ее на ту дорогу, на которой онъ желалъ ее видѣть, быть, можетъ современемъ, кто знаетъ? самому сдѣлаться ея спутникомъ на этой дорогѣ. Но всѣ эти пріятныя чувства точно пронизывало чувство очень странное, чувство боязни какой-то, похожей на ту боязнь, какую можетъ испытывать отлично вооруженный человѣкъ, вступая въ незнакомый ему край и смутно разглядывая такія очертанія горъ и утесовъ, среди которыхъ все его превосходное оружіе можетъ оказаться ни къ чему не пригоднымъ.

Онъ тихо подошелъ къ дверямъ гостиной, поднялъ портьеру и пріостановился, какъ будто пораженный прелестью представившейся ему группы; потомъ, какъ будто преодолевая свое восхищеніе, онъ вошелъ въ комнату, и кланясь Машѣ, и протягивая ей руку самымъ почтительнымъ образомъ, онъ проговорилъ какимъ-то нереливчатымъ голосомъ, что Надежда Сергѣевна послала его узнать, точно ли желаетъ Марья Григорьевна ее видѣть, и потому онъ явился.

— Я желала бы видѣть Надежду Сергѣевну, отвѣчала Маша.— Она нездорова?

Машу очень сильно огорчило и смутило, когда тетя Фанни сказала ей о нездоровьи Надежды Сергѣевны. Она не могла сомнѣваться, что ея уходъ изъ дому былъ причиною этого нездоровья.

Вывраться изъ деспотическихъ, грубо-ломающихъ васъ рукъ не составляетъ особой трудности для мало-мальски сильнаго человѣка, но вырваться изъ деспотическихъ любящихъ рукъ очень трудно. Когда вамъ явно и безжалостно закидываютъ арканъ на шею, вы, явно и не стѣсняясь, стараетесь сбросить его, но когда, прижимая къ сердцу и обливая васъ слезами любви и вѣжности, затачиваютъ этотъ арканъ, то вы, и задыхаясь, все еще колеблетесь, какъ это разорвать петлю, затянутую рукою родною?

— Д-да, медленно проговорилъ Романъ Аркадьевичъ, понижая голосъ, какъ будто это извѣстіе было неизбѣжнымъ ударомъ, ко-

торый надо было нанести, и который онъ старался по возможности нанести какъ можно легче.

— Она очень нездорова?

— О, не тревожьтесь такъ, Марья Григорьевна, отвѣчалъ Романъ Аркадьевичъ, самъ весь проникаясь страданьемъ, какъ губка теплою водою:—о, не тревожьтесь!

— Скажите мнѣ, прошу васъ, все прямо; прошу васъ, не скрывайте отъ меня ничего, сказала Маша.—Она очень нездорова?

— Да, она нездорова, но больше она... разстроена. Вы знаете, какая она впечатлительная; вы знаете, какъ она способна падать духомъ...

Онъ говорилъ все это такъ медленно и осторожно, точно водилъ ее около пропастей, и весь его видъ выражалъ при этомъ съ какою готовностью, съ какимъ самопожертвованіемъ онъ радъ ограждать ее отъ всякой пропасти своими мягкими руками.

Машѣ не по душѣ было это участіе и ей становилось какъ-то душно отъ него — такъ, какъ бываетъ душно отъ непрощеннаго участія чужаго, принадлежащаго къ иному стану человѣка. А Катя такъ поглядывала на него очень мрачно и въ ней, кажется, ужъ начинало понемногу «плясать» и «прыгать».

— О, Марья Григорьевна, въ жизни столько трудныхъ сплетеній, проговорилъ Романъ Аркадьевичъ.—Иногда и умъ нашъ обманывается и уступаетъ дорогу сердцу; а если сердце отзывается...

Другъ, усѣвшійся на заднихъ лапкахъ около разговаривающихъ, какъ разъ напротивъ Романа Аркадьевича, умильно поглядывавшій и время отъ времени мурлыкавшій, какъ-бы желая сказать: ахъ, какъ мнѣ приятно быть знакомымъ съ такимъ и мягкимъ, и сладкимъ человѣкомъ, при этихъ словахъ Романа Аркадьевича «а если сердце отзывается», вдругъ получилъ сильнѣйшій щелчокъ отъ Кати и презрительное наименование «Медовый». Другъ былъ такъ этимъ щелчкомъ ошеломленъ, что даже не бросился подъ диванъ, а только присѣлъ на мѣстѣ и остался въ такомъ положеніи съ минуту; потомъ онъ принялъ болѣе достойную позу и видимо сообразилъ, что спокойное и даже нѣсколько суровое отношеніе ко всему и ко всѣмъ въ мірѣ возвышаетъ всего болѣе всякую божью тварь.

— ... на все доброе, на все великодушное, то много, много страданій ждетъ впереди. Вы молоды, продолжалъ онъ, глядя на нее, какъ на ранній дорогой персикъ глядятъ жадные лакомки:— вы такъ неопытны и чисты, такъ святы...

— Вы меня совсѣмъ не знаете и не можете обо мнѣ судить, какая я, сказала Маша.

Т. СЛХХVII. — Отд. I.

14

Ее вовсе не трогали эти величаныя, а только душили.

Катя строжайшимъ образомъ поглядѣла на Друга, но Другъ отвѣтилъ ей взглядомъ, исполненнымъ суроваго достоинства; зеленые глаза выразительно говорили, что они составляютъ часть неприступной скалы, о которую могутъ только разбиваться въ дребезги всякія мягкія и сладкія вещи.

— Я не знаю васъ, Марья Григорьевна! тихо воскликнулъ Романъ Аркадьевичъ. — О, какъ я знаю васъ! Какъ глубоко, какъ вполне я васъ понимаю!

— Я этого не думаю, отвѣтила Маша, и прибавила:—могу я пройти къ Надеждѣ Сергѣевнѣ?

Роману Аркадьевичу очень не хотѣлось прекращать разговоръ, отъ котораго онъ многого надѣялся, однако онъ отвѣтилъ, что Надежду Сергѣевну можно видѣть, онъ только просилъ «не спѣшить».

Маша опустила Катю съ волѣнь и встала.

— Я боюсь, что это свиданіе на васъ сильно подѣйствуетъ, проговорилъ Романъ Аркадьевичъ, вдругъ схватывая Машу за руку, какъ-бы въ порывѣ непобѣдимаго участія.

Маша не привыкла, чтобы чужія руки такъ дружески ея касались. Она сама не расточала ни рукопожатій, ни поцалуевъ первому встрѣчному доброму человѣку; у нея это было выраженіемъ истиннаго расположенія и признанія; она первая никогда не протягивала руки, если человѣкъ былъ ей чуждъ. Прикосновеніе мягкой, бѣлой, теплой руки Романа Аркадьевича очень неприятно на нее подѣйствовало.

— Пустите мою руку, Романъ Аркадьевичъ, сказала она, освобождая свою руку изъ его руки. — Не беспокойтесь обо мнѣ.

— Я понимаю ваше чувство при видѣ ея огорченья, пробормоталъ Романъ Аркадьевичъ, выпуская ея руку и проворно подбирая свою: — и потому я желалъ бы облегчать вамъ...

— Какое бы ни было огорченье, лучше если я сама увижу...

— Но вы будете страдать!

— Мнѣ тяжело не видя что тамъ, придумывать что можетъ быть, увѣряю васъ. Позвольте мнѣ пройти.

Романъ Аркадьевичъ отсторонился отъ дверей и Маша пошла въ комнату Надежды Сергѣевны. Катя пошла слѣдомъ за Машею. Романъ Аркадьевичъ нѣсколько времени постоялъ на мѣстѣ, очевидно недовольный, потомъ онъ догналъ ихъ.

— Катя, ты не ходи туда, сказала Маша.

Катя, какъ самый исполнительный воинъ, повернулась и исчезла въ дѣтской.

Маша и Романъ Аркадьевичъ вошли въ комнату Надежды Сергѣевны.

На прекрасной спальнѣ Надежды Сергѣевны лежитъ отпечатокъ огорченія хозяйки. На окнахъ спущены сторы и занавѣски; въ полутьмѣ блеститъ на коврѣ въ углу комнаты дорогой браслетъ; у кушетки брошена золотообрѣзная книга; пахнутъ престонскими солями, гофманскими каплями, матными каплями, разными укусами и спиртами; цѣлый столикъ уставленъ флакончиками и пузырьками; Надежда Сергѣевна лежитъ на кушеткѣ съ закрытыми глазами, и какъ-то медленно и страдальчески дышетъ; вошедшихъ повидимому не замѣчаетъ.

У Маши мучительно сжалось сердце. Она уже входила сюда внутренно очень смущенная и огорченная мыслью о причиненныхъ ею страданьяхъ, но теперь, когда она взглянула на Надежду Сергѣевну, у нея стала голова кружиться и сердце застучало, какъ молотокъ. Она не знала для себя ничего хуже на свѣтѣ, какъ причинить комунибудь страданіе и боль, быть можетъ потому, что сама, если ей случалось терпѣть и болѣть, терпѣла и болѣла очень жгуче, сильно и глубоко.

Они стоятъ, Надежда Сергѣевна лежитъ съ закрытыми глазами, время идетъ.

Маша, вся поглощенная жалостью, желаньемъ успокоить и отыскиваньемъ средствъ помочь общему горю, не замѣчала этого проходящаго времени, но Роману Аркадьевичу стоянье у порога показалось черезчуръ долго. Онъ приближается къ Надеждѣ Сергѣевнѣ, и тихо, точно къ пушинкѣ, которая можетъ улетѣть при неосторожномъ движеніи, прикасается къ ея рукѣ.

Надежда Сергѣевна открываетъ глаза и безжизненно глядитъ ими очень долго на Романа Аркадьевича.

— Марья Григорьевна здѣсь, говоритъ Романъ Аркадьевичъ тихимъ голосомъ.

Маша подошла ближе. Сердце у нея ныло и болѣло, и она была очень блѣдна.

Надежда Сергѣевна переводитъ глаза съ Романа Аркадьевича на Машу, и также безжизненно смотритъ на нее въ упоръ.

Романъ Аркадьевичъ придвигаетъ Машѣ кресло и проситъ ее сѣсть; придвигаетъ другое кресло для себя, и помѣщается около Маши.

Молчаніе. Надежда Сергѣевна смотритъ на Машу въ упоръ безжизненнымъ взоромъ; Романъ Аркадьевичъ глядитъ на обѣихъ мягко, ласково и благородно.

Машѣ было очень тяжело, очень трудно, очень больно.

— Я думаю, что всѣ недоразумѣнія окончены! начинаетъ Ро-

манъ Аркадьевичъ (голосъ его нѣсколько дрожитъ отъ сочувствія). Это молчаніе высказало краснорѣчивѣе самыхъ долгихъ рѣчей...

Надежда Сергѣевна слегка стонетъ и мученически улыбается.

Маша обратила глаза на Романа Аркадьевича и ждала, что онъ дальше скажетъ.

— Не правда ли, Марья Григорьевна? спрашиваетъ Романъ Аркадьевичъ. — Вы это тоже чувствуете?

— Я не знаю, что вы хотите сказать, отвѣтила ему Маша.

Надежда Сергѣевна мученически улыбается и стонетъ.

— Я хочу сказать, что недоразумѣнія теперь покончены и никогда не возобновятся. Жизнь опять пойдетъ свѣтло, и задушевныя отношенія...

— Я не совсѣмъ понимаю ваши слова, Романъ Аркадьевичъ, сказала Маша. — Недоразумѣній и не было. Я поступила такъ, какъ...

Надежда Сергѣевна стонетъ и мученически улыбается, и протягиваетъ Машѣ руку, будто желая сказать: на руку, Богъ съ тобою! не смущайся такъ!

Маша взяла протянутую ей руку и вѣрно ее сжала въ своихъ. Она не знала, что бы сдѣлать для этой женщины, столько лѣтъ заботившейся о ней. И все готова она была сдѣлать, все, кромѣ одного.

— Я хотѣла бы, чтобъ вы знали, хорошо знали, какъ я благодарю васъ; чтобъ вы не думали, что я легко остав...

— Я все прощаю, все! наконецъ произноситъ Надежда Сергѣевна. — Забудемъ все это! Не будемъ больше говорить о прошломъ. Лучше не поднимать такихъ вещей...

— Почему вы думаете лучше? сказала Маша, искренно желая разъяснить все и разъясненіемъ условить. — Лучше переговорить обо всемъ; тогда мы разстанемся спокойно...

— Какъ разстанемся? вскрикиваетъ Надежда Сергѣевна, подпрыгивая на кушеткѣ; она мгновенно теряетъ безжизненный взоръ, страдальческое дыханье, и влопочетъ гнѣвомъ и негодованьемъ.

— Я очень хорошо обдумала, что я дѣлаю, когда уходила отъ васъ, сказала Маша. — Я хочу жить одна и не возвращусь къ вамъ, что бы ни было. Миѣ самой очень тяжело съ вами прощаться, но иначе невозможно, потому что...

Съ Надеждой Сергѣевной дѣлается истерика; Романъ Аркадьевичъ поддерживаетъ ее, и даетъ ей нюхать спиртъ.

— А! вскрикиваетъ Надежда Сергѣевна: — ты хочешь одна жить! Я понимаю, чьи это штуки! Понимаю, понимаю, что все

это значить! Для свиданій съ Загайнымъ, съ этимъ него-
демь...

— Я ухожу, сказала Маша Роману Аркадьевичу. — Прислать сюда когонибудь? Позвать доктора?

Она была блѣдна, какъ платокъ, и говорила очень медленно, какъ говорятъ иногда глубоко-взволнованные люди, которыхъ никакое волненіе, однако, не пошатнетъ въ сторону.

— Но, Марья Григорьевна... проговорилъ Романъ Аркадьевичъ: — но мнѣ кажется, лучше объясниться.

— Объясняться нельзя, отвѣчала Маша такъ же тихо, и пошла въ комнату.

— Не ходи! Не ходи! закричала Надежда Сергѣевна, всакивая и вырываясь отъ Романа Аркадьевича, и опрокидывая столы съ флаконами и стеллянами. — Я не позволю! Не смѣй! Ты не смѣешь! Я буду жаловаться...

— Надежда Сергѣевна, вы все погубите, очень рѣзко прошепталъ ей Романъ Аркадьевичъ, и энергически стиснулъ ей руку, повторяя сострадательныхъ тономъ: — успокойтесь, успокойтесь, ради-бога! Лягте! Понюхайте соли!

— Я не позволю этого безумія! Глупости! Гадости! кричала Надежда Сергѣевна, не внимая увѣщаніямъ Романа Аркадьевича, и бросаась за Машей въ спальную.

Романъ Аркадьевичъ схватилъ ее въ охапку, и силою оттащилъ отъ дверей.

— Надежда Сергѣевна, сказалъ онъ очень неласково и ударя на каждое слово: — вы все погубите, и если вы не хотите слушать меня, то вы позвольте мнѣ удалиться.

— Воротите, воротите ее! Умоляю васъ! кричитъ Надежда Сергѣевна.

Романъ Аркадьевичъ бѣжитъ за Машею.

— Марья Григорьевна, воротитесь!

— Зачѣмъ?

— Она умоляетъ васъ; простите ей рѣзкость... она желаетъ сказать вамъ.

Маша возвратилась.

— Умоляю тебя, кричитъ Надежда Сергѣевна:—пошади меня! Вспомни! Не губи себя!

— Я не могу исполнить этого.

— Не можешь? Такъ я заставлю тебя силою!

— Еслибы вы могли заставить меня силою жить у васъ, вы скоро сами бы увидали, что это ни къ чему не приведетъ, кромѣ дурнаго.

— Да вѣдь я умоляю тебя! Умоляю, понимаешь? кричить Надежда Сергѣевна, рыдая и ломая руки.

— Я не могу ничего измѣнить.

Съ Надеждой Сергѣевной дѣлается истерика.

Маша вышла отъ нея съ самымъ тяжелымъ чувствомъ. Въ коридорѣ Катя бросилась къ ней и обняла ее.

— Идешь? спросила она.

— Иду, Катя.

Онѣ обнялись вѣрно, нѣжно и довѣрчиво, тѣмъ хорошимъ объятіемъ, послѣ котораго уже нѣтъ мѣста слезливости.

— Старайся успокоить Надежду Сергѣевну, сказала Маша. — Она нездорова.

Катя кивнула головою, показывая, что она того же мнѣнія, и что все будетъ исполнено.

Онѣ еще разъ обнялись.

Еремѣй подалъ Машѣ шаль, какъ знамя побѣды, и проговорилъ такимъ добрымъ голосомъ: «прощайте, Марья Григорьевна», какимъ можетъ отроду никому не говаривалъ; Дуна выбѣжала, какъ обожженная, и взволнованно вскрикнула: «ахъ, Марья Григорьевна», заплакала и закрыла лицо фартукомъ; вышла няня невозмутима, но нѣсколько блѣдна, и тоже проводила Машу.

Изъ спальни слышались то рыданья, то вскрикиванья Надежды Сергѣевны; слышался голосъ Романа Аркадьевича, успокоивающій и убѣждающій. Тѣта Фанни, какъ разъ согнанная съ лакомого блюда муха, влетѣла съ пущею жадностью и стремительностію, бросилась-было къ Машѣ, восклицая: «ты уходишь? Ты уходишь? и когда Маша отвѣтила «ухожу» и ушла, она бросилась въ спальню Надежды Сергѣевны. Ольга Порфировна, исполненная возвышенныхъ, но своевременныхъ чувствъ, показала изъ внутреннихъ комнатъ, когда уже всѣ расходились и спросила:

— Катенька, татап больна?

— Вы сами вѣдь все знаете, зачѣмъ же спрашиваете? отвѣтила Катя болѣе грустно, чѣмъ враждебно.

II.

КАРАЮЩІЕ И МИЛЮЮЩІЕ.

Время шло, но Надежда Сергѣевна никакъ не могла привыкнуть къ тому, что Маша ушла, что Маша живетъ у мѣщанин Ненилы Самсоновны, что Машу нельзя оттуда никакимъ образомъ вырвать, что Маша не воротится, отдѣлилась, оторвалась, отрѣзана навсегда отъ ея дома. Надежда Сергѣевна съ утра до

вечера ужасно волновалась, не спала ночей, а если и засыпала, то сны у нея бывали самые смятенные и тревожные, вся ея жизнь была только тѣмъ и наполнена, что она придумывала разные средства и способы для уловленія Маши въ свои сѣти. То она къ Машѣ посылала тѣтю Фанни, то Ольгу Порфировну съ извѣстіемъ о градусахъ своихъ страданій, съ разнообразными записками. Эти записки то были ископаны слезами, исполнены грусти и кроткаго милосердія, то были перепачканы чернильными пятнами, дышали негодованіемъ и угрозами. Она ѣдила къ Машѣ и сама, и эти свиданія служили тѣмъ-то въ родѣ драматическихъ представленій для любознательной Нехилы Самсоновны, которая все еще не могла оочувствительно рѣшить вопроса: «виновата, аль не виновата?» Улавливая чуткимъ ухомъ то жалобы, то угрозы Надежды Сергѣевны, то укоры въ чемъ-то «преступномъ, неслыханномъ», то предсказанія «близкой пагубы», «обмана» и вслѣдъ затѣмъ «раскаивна въ упорствѣ», она находилась въ прежнему недоумѣніи и сомнѣніи, что чрезвычайно помогало интересу драматическихъ представленій.

Что касается до Романа Аркадьевича, то онъ отказался принимать дальнѣйшее дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ на другой же день послѣ того, какъ Маша приходила къ Надеждѣ Сергѣевнѣ.

— Надежда Сергѣевна, проговорилъ онъ грустнымъ голосомъ, помѣщаясь противъ нея на креслѣ въ грустной и благородной позѣ: — я возвращаюсь отъ Марьи Григорьевны, и ничего не имѣю сказать вамъ утѣшительнаго.

Онъ пришелъ поздно вечеромъ, и засталъ Надежду Сергѣевну въ самомъ взволнованномъ состояніи.

— Что такое? Что?

— Марья Григорьевна ничего не хочетъ слушать.

— А! а! а! не то захохотала, не то зарыдала Надежда Сергѣевна.

— Прошу васъ, Надежда Сергѣевна, выслушайте меня. Позвольте мнѣ дать вамъ совѣтъ.

— Какой совѣтъ?

— Прекратите на нѣкоторое время всѣ попытки, оставьте Марью Григорьевну въ покоѣ...

— Не могу! Не могу!

— Но подумайте: изъ этого ничего не выйдетъ, кромѣ худаго, тогда какъ...

— Не могу! Не могу!

— Въ такомъ случаѣ, я съ своей стороны долженъ отказаться отъ всякаго дѣятельнаго участія въ этомъ дѣлѣ.

Надежда Сергѣевна донельзя чувствительно была поражена

этими словами. Она упрекнула Романа Аркадьевича въ недостатокъ характера, выразила сомнѣніе въ прочности и постоянствѣ его дружбы, выставила ему на видъ свое безотрадное одиночество, ужасный, неожиданный ударъ, сравнившій ее — по Романъ Аркадьевичъ отвѣчалъ на всѣ жалобы и доводы тѣмъ, что время покажетъ, каковаго рода его расположеніе и преданность, и что онъ умѣетъ отрѣшиться отъ собственныхъ чувствъ, когда дѣло идетъ о пользѣ и благѣ близкихъ ему по душѣ людей.

— Да всѣ вѣдь будутъ увѣрены, что вы со мной разошлись! вскрикнула Надежда Сергѣевна. — Поднимутся тысячи толковъ, сплетенъ... всѣ... сочтутъ за разрывъ...

— Чтò намъ до *сплетъ*? возразилъ Романъ Аркадьевичъ тѣмъ благороднымъ тономъ, какимъ говорятъ о *сплетъ*, не называя никого по имени и ничѣмъ не обозначая. — Люди развитые, *наши* этого не сочтутъ за разрывъ.

Говора это, онъ очень хорошо зналъ, что *наши* сочтутъ за разрывъ, и что это, въ самомъ дѣлѣ, будетъ нѣкотораго рода разрывъ.

Надежда Сергѣевна тоже это знала, и, сдѣлавшись теперь въ высшей степени чувствительна къ каждому самоулажѣшему облачку, она всѣми силами старалась расчистить небо и помѣстить себя въ голубую лазурь. Уходъ Маши изъ ея дома, жестоко подорвавшій самыя блестящія и самыя задушевные планы, могущій понизить нѣсколько въ общемъ мнѣніи, не силенъ былъ, однакоже, затемнить эту лазурь: Надежда Сергѣевна могла выступить на самомъ голубомъ фонѣ, увѣчанная мученическимъ вѣщаньемъ; постоянное присутствіе Романа Аркадьевича, совпадающее съ уходомъ Маши, неизбежно должно было озарить фонъ такимъ яркимъ сіяніемъ, въ глазахъ всѣхъ развитыхъ людей, которое прогоняло всякія тѣни. Поэтому непреклонность Романа Аркадьевича чрезвычайно ее раздражила.

— И вы можете меня оставить въ такую минуту! вскрикивала она съ горькими слезами. — И вы можете!

— Я не оставляю васъ, Надежда Сергѣевна, отвѣчалъ Романъ Аркадьевичъ: — я только не буду принимать дѣятельнаго участія въ этомъ дѣлѣ... Я буду вамъ помогать издали, какъ самый преданный другъ.

— Зачѣмъ же издали? Зачѣмъ?

— Зачѣмъ, что иначе я не могу. Вы слишкомъ опрометчивы, слишкомъ увлекаетесь; вы, такъ-сказать, выдаете меня головою, а Марья Григорьевна можетъ жаловаться на мое вѣщатель-

ство въ ея отношеніи съ вами. Я удаюсь, но я останусь тѣмъ же преданнымъ вамъ другомъ, Надежда Сергѣевна.

Но Надежда Сергѣевна была изъ тѣхъ женщинъ, которымъ очень мало утѣхи въ скрытомъ отъ всѣхъ чувствѣ дружбы, любви или преданности, какъ бы велики и надежны эти чувства ни были; ей непремѣнно надо было ихъ имѣть подъ руками, чтобы всякому при удобномъ случаѣ показать: «вотъ что у меня есть!» Кромѣ того, лишалась Романа Аркадьевича, она лишалась пріятнаго, развитаго, сочувствующаго собесѣдника, который обладалъ удивительнымъ умѣньемъ обставлять всякія дѣла совершенно прилично и даже трогательно, чего сама Надежда Сергѣевна, по живости и яркости характера, почти никогда не достигала.

— Я буду терпѣлива! я буду хладнокровна! говорила она. — Вы увидите, какъ я буду тверда!

Но все было напрасно: Романъ Аркадьевичъ остался непреклоненъ, и она разсталась съ нимъ съ большимъ нескрываемымъ огорченіемъ и съ сильнымъ, худо скрытымъ гнѣвомъ.

Дѣло въ томъ, что Романъ Аркадьевичъ имѣлъ уважительныя причины умыть руки и прекратить «дѣятельное» участіе. На другой день послѣ того, какъ Маша была у Надежды Сергѣевны, онъ отправился въ слободу, сказавши Надеждѣ Сергѣевнѣ, что онъ постарается выбрать время побывать у Марьи Григорьевны, хотя и не ручается, что это ему удастся. Надежда Сергѣевна обрадовалась и обѣщала сидѣть дома и ждать его возвращенія.

Идя къ Машѣ, Романъ Аркадьевичъ не рѣшилъ заранѣе, явится ли онъ къ ней, какъ знакомый, просто навѣстить ее, или отъ лица Надежды Сергѣевны, какъ чрезвычайный посланный.

Онъ шелъ къ Машѣ съ волненіемъ и тревогою; онъ на многое надѣялся, но ни въ чемъ не былъ увѣренъ и это раздражало его, его, чьи бѣлыя и мягкія руки играли уже на столькихъ прекрасныхъ и драгоценныхъ инструментахъ. Неужели здѣсь онъ не тронетъ ни одной струны, не заставитъ зазвучать ни одной нѣжной нотки? Идя легкимъ и тихимъ шагомъ, съ полуулыбкою на широкихъ губахъ, на видъ безмятеженъ и благороденъ, какъ развитой созерцатель природы, онъ самъ удивлялся, какъ волнуется и занимаетъ его судьба этой «безумной» дѣвушки и какъ желанье по своему повернуть ея жизнь все больше и больше начинаетъ забирать его въ руки. Къ непобѣдимому желанію смирить и укротить эту дѣвушку, и господствовать надъ ней, у него еще примѣшивалось чувство особой, не то чтобы боязни, а чего-то очень похожаго на боязнь, пустить въ свѣтъ такую ненадежную и сомнительную силу. Ему очень этого не хотѣ-

лось, какъ не хочется, напримѣръ, благоразумному человѣку допустить горящую головешку упасть въ овинъ даже къ далекому сосѣду, потому что кто его знаетъ? случается, что огонь перекидываетъ Богъ-вѣсть черезъ какія пространства.

— Дома Марья Григорьевна? спросилъ онъ у Ненилы Самсоновны, вышедшей ему на встрѣчу при стукѣ калитки.

— Дома, отвѣчала Ненила Самсоновна, и очень обрадовалась посѣтителю, какъ новому средству, могущему ей уяснить: виновата, аль не виновата?—Пожалуйте.

Она провела его въ комнату Маши и изъ-за тоненькой стѣнки стала слушать въ оба.

При видѣ Романа Аркадьевича, у Маши замерло сердце: она подумала, что Надеждѣ Сергѣевнѣ сдѣлалось хуже, "быть можетъ, очень худо.

— Надеждѣ Сергѣевнѣ хуже? спросила она, и пристально глядѣла на него, стараясь по лицу узнать, какія онъ принесъ вѣсти.

Она не замѣтила ни его благородной, трогательной "позы", ни его грустнаго взгляда—такъ вся она была поглощена одною "этой" заботою.

— Ей не лучше, отвѣчалъ Романъ Аркадьевичъ тихимъ голосомъ.

— Вы прямо теперь отъ нея?

— Да.

— Вы имѣете ко мнѣ порученіе?

— Д-да, отвѣтилъ онъ и остановился, и глядѣлъ на "нее" грустными и сладкими глазами.

— Какое же порученіе? спросила Маша.

— Марья Григорьевна, быть можетъ, вамъ неприятно слышать...

— Прошу васъ, говорите.

— Надежда Сергѣевна просить васъ возвратиться, "просить" васъ забыть неприятныя слова, вырвавшіяся у нея въ минуту отчаянія; она очень жалѣетъ, что провнесла ихъ. Это не фразы, я самъ былъ свидѣтелемъ ея слезъ. Она просить васъ примириться съ нею. Ссора эта ее...

— Тутъ дѣло не въ ссорѣ, и ссоры даже особенной не было. Я на нее не сержусь, а я хочу иной жизни. Мнѣ тяжело, что она отъ этого терпитъ...

— Да, она въ самомъ дѣлѣ очень терпитъ, и, я думаю, будетъ терпѣть до конца жизни. Эти многолѣтнія привязанности срастаются съ людьми, и вырвать ихъ ничѣмъ нельзя, ничѣмъ нельзя замѣнить. Она въ эти сутки такъ измѣнилась, что ее

трудно узнать. Она васъ очень любитъ. Такъ любитъ, какъ вы, быть можетъ, и не предполагаете. Ея натура несравненно глубже, чѣмъ я думалъ, несравненно...

— Я ничего не могу уступить, ничего не могу измѣнить, и прошу васъ передать это Надеждѣ Сергѣевнѣ, отвѣчала Маша. — Прошу васъ, передайте ей это и успокойте ее. Вы съ нею очень хороши и можете это сдѣлать лучше, чѣмъ я.

— Ваше рѣшеніе неизмѣнно?

— Невзмѣнно.

— Марья Григорьевна, вамъ, быть можетъ, непріятно мое вмѣшательство? О, скажите мнѣ! Быть можетъ, вы объясняете его...

— Я его объясняю тѣмъ, что вы очень преданы Надеждѣ Сергѣевнѣ; вы, вѣроятно, вмѣшались потому, что думали устроить все, успокойте ее. Это понятно.

— Мое посредничество не оскорбило васъ? Не оскорбить въ будущемъ?

— Да оно въ будущемъ мнѣ кажется невозможно. Зачѣмъ же повторять тѣ же вопросы и отвѣты?

Эти слова какъ-то придавили его, какъ ледяная гора, и онъ только вздохнулъ.

— Марья Григорьевна, я не только по порученью Надежды Сергѣевны, не только во имя ея, я самъ желалъ васъ видѣть, желалъ съ вами говорить.

— Чтò вы желали мнѣ сказать? спросила Маша.

Несмотря на все свое умѣніе владѣть собою, Романъ Аркадьевичъ немножко оторопѣлъ и заикнулся. И было отчего: какъ богатый купецъ, увѣренный, что поведетъ блистательный торгъ, онъ навезъ съ собою цѣлые обозы прекрасныхъ товаровъ, и вдругъ видитъ, что здѣсь этихъ прекрасныхъ товаровъ не покупаютъ.

Однако онъ быстро оправился.

— Простите меня, Марья Григорьевна, умоляю васъ! заговорилъ онъ. — Я такъ боюсь, чтобы грубо не коснуться... чтобы неловко не притронуться... О, напередъ прошу, простите меня! Помните, что я думаю только о вашемъ благѣ, желаю только вашего счастья. О, помните это! Не примите моихъ словъ въ худую сторону, не оскорбитесь...

— Прошу васъ, Романъ Аркадьевичъ, говорите, чтò вы хотѣли мнѣ сказать.

— Хорошо вы обдумали вашъ разрывъ съ Надеждой Сергѣевной?

— Я хорошо обдумала, отвѣчала Маша и посмотрѣла на него, будто спрашивая: какимъ образомъ это можетъ касаться васъ?

— Марья Григорьевна, вы вѣдь еще дитя, великодушнѣйшее, благороднѣйшее дитя...

— По крайней мѣрѣ вы такъ полагали, когда задумали со мной говорить. Я знаю, что вы хотите сказать, и думаю, что это только напрасная трата словъ. Благодарю васъ за участіе. Я, увѣряю васъ, знаю, что я дѣлаю.

Онъ хотѣлъ-таки говорить, доказывать, убѣждать, но языкъ у него не поворачивался. Что онъ ни начиналъ, все выходило какъ-то безцвѣтно, неубѣдительно, плохо. Онъ пробовалъ говорить взглядами, выраженьемъ лица, но самъ чувствовалъ, какъ его грустный взоръ переходитъ въ жалкій, а сострадающая, мимическая улыбка — въ приторную, и какъ ему неловко становится встрѣчаться съ этими неупругими глазами, и какъ его уничтожаетъ это женское, простое, не театральное лицо.

— Но если Надеждѣ Сергѣевнѣ сдѣлается хуже? проговорилъ онъ, теряясь.

Маша замѣтно поблѣднѣла, и отвѣтила:

— Это было бы большое для меня несчастіе, потому что я не могу ничего измѣнить и не могу ничего уступить.

— Позвольте мнѣ вѣрить, что еще не все кончено, позвольте мнѣ еще говорить съ вами объ этомъ!

— Мнѣ кажется, объ этомъ могъ только быть одинъ разъ разговоръ между вами и мною, отвѣчала Маша.

Опять онъ смутился.

— Васъ оскорбить мое дальнѣйшее вмѣшательство?

— Мнѣ, кажется, такое вмѣшательство возможно только одинъ разъ, когда еще люди не объяснились. Мы съ вами теперь объяснились.

— Вамъ непріятно мое участіе? сказалъ онъ грустно и покорно.

— Мнѣ оно было бы тягостно, потому что мы съ вами разное смотримъ на вещи.

— Какая бы ни была разница въ нашихъ взглядахъ на вещи, участіе мое такъ глубоко...

— Благодарю васъ за него, но оно мнѣ тягостно; оно не можетъ повести къ дружбѣ, потому что мы несогласны въ главномъ.

Онъ простился съ нею и ушелъ. Ушелъ съ тѣмъ чувствомъ тревоги, что горящая головешка полетѣла куда-то, и что пожаръ гдѣ-то будетъ.

Что-то въ родѣ вражды, въ родѣ желанья отмстить ей, родилось у него въ ту минуту, когда Ненила Самсоновна затворила за нимъ калитку, и онъ пошелъ назадъ ни съ чѣмъ. У него

даже промелькнуло въ умѣ нѣсколько мыслей (конечно, въ благочестивомъ видѣ вопроса: «что, если ей придется выдержать?»), какими въ наши времена возможно пытатъ женщину. Сюда вошли голодъ и холодъ, всеобщее отчужденіе и преслѣдованіе и тому подобное. Но даже это поможетъ ли? Онъ съ враждою вспомнилъ ее — вся ея стройная, но мощная фигура, темное платье, роскошныя волосы, свѣжія губы, безстрашныя, глубокіе глаза, широкій бѣлый лобъ — все это пронеслось передъ его глазами, и онъ подумалъ со злобю: «Пова останется хоть одинъ осколокъ этой свѣтлой головы, онъ будетъ пропитанъ тѣмъ же!»

Онъ послѣ долго помнилъ этотъ вечеръ, и свой разговоръ съ нею, и всю ея фигуру.

Когда прошло первое впечатлѣніе и улеглось первое неприятное чувство обманутаго ожиданія, онъ рѣшилъ перемѣнить совершенно планъ дѣйствій, и идти къ достиженію цѣли инымъ путемъ.

Между тѣмъ, время текло своимъ порядкомъ, и происшествіе разнеслось по городу не только по знакомымъ, но даже по незнакомымъ людямъ.

— Ну, что, мой другъ, теперь ты, я надѣюсь, убѣдилась, что за особа Марья Григорьевна? говорила Анна Петровна Подколотная, сѣда съ дочерью и мужемъ за чайнымъ столомъ поутру.

— О, тамаа! я никогда этого не ожидала... не могла никогда вообразить! отвѣтила Поленька жалобнымъ голоскомъ.

— Никогда не могла вообразить? Никогда не ожидала? повторила Анна Петровна, устремляя на нее свои благочестивыя взоры.

— О, нѣтъ! это вѣдь ужасно! О, я... не ожидала...

Поленька чувствовала, что у нея со страху ноги холодѣютъ: когда-то въ минуты печали она повѣряла Машѣ и Агнесѣ Алексѣевнѣ свои отчаянныя замыслы бѣжать изъ дому, скрываться гдѣ-нибудь въ лѣсахъ, пробраться куда-нибудь въ сестры милосердія и т. д., и теперь ее вдругъ поразила мысль, не повѣдала ли бабъ-нибудь мать объ этомъ.

— «Я никогда не ожидала» — это, мой другъ, вѣчная отговорка у людей, когда они, наконецъ, сознаютъ свою ошибку; къ сожалѣнію, это сознаніе не искупаетъ перенесенныхъ страданій!

Ефимъ Юрьевичъ Подколотный, безмолвно и смиренно пившій чай, при словахъ «перенесенныя страданія», встрепенулся, какъ при видѣ орудія давно знакомой, испытанной пытки.

— Вамъ тоже, кажется, очень нравилась Марья Григорьевна? спросила его жена.

— О, нѣтъ! солгать онъ, съ поспѣшностью и отвращеніемъ, какъ проглатываютъ противное лекарство. — Вовсе нѣтъ!

— Вы забыли. Вы даже спорили со мной по поводу ея; и не разъ спорили.

— Неужели? Быть можетъ, мы не поняли другъ друга. Я не могу сочувствовать дѣвушкѣ, которая... отъ которой нельзя ожидать самоотверженія и служенія семьѣ... Призваніе женщины я понимаю...

Онъ говорилъ съ тою же поспѣшностью и отвращеніемъ, но каждый новый глотокъ противнаго лекарства видимо былъ ему все нестерпимѣе и нестерпимѣе, и уже можно было ожидать, что прійми онъ еще два-три глотка, онъ не выдержитъ, и станетъ плевать.

Анна Петровна, вмѣсто отвѣта, поглядѣла на него съ безотрадною грустью и вздохнула.

— Я не думаю, чтобы она рѣшилась явиться къ намъ, начала Анна Петровна послѣ краткаго молчанія, какъ будто отрываясь отъ заботъ и горестей высшихъ для заботъ и горестей низшихъ:— но я на всякій случай приказала не принимать ее. Если ты съ нею какъ-нибудь встрѣтишься на улицѣ, Поленька, то я надѣюсь, ты не узнаешь ее? Надѣюсь, у насъ не будетъ тутъ несогласій?

— О, нѣтъ! О, нѣтъ! отвѣчала Поленька, трусливо спѣша отклонить всякое сомнѣніе.

Любочка, смиренно сидѣвшая все время съ опущенными глазами, при этихъ восклицаніяхъ взглянула на сестру.

— Ты что-то хочешь сказать, Любочка? спросила Анна Петровна, отъ которой ничто не ускользало.

— Нѣтъ, тата, я ничего не хотѣла сказать, отвѣчала Любочка.

— Вы тоже, надѣюсь, не имѣете противъ этого возраженій, Ефимъ Юрьевичъ? спросила Анна Петровна.

— Вы совершенно справедливы; я съ вами вполне согласенъ, началъ было Подколотный, но новый глотокъ былъ ему ужъ черезчуръ противенъ, и онъ не выдержалъ. — Однако, вскрикнулъ онъ, вдругъ давая волю затаенному негодованію: — однако... бѣдная дѣвушка! бѣдная дѣвушка!

Онъ вскочилъ изъ-за чайнаго стола, и быстро скрылся въ своемъ кабинетѣ.

Анна Петровна перемѣнилась въ лицѣ, но окончила разливанье чаю. Потомъ она отправилась въ кабинетъ, и оттуда стали доноситься ея горестный шопотъ и слова укрощаемаго Ефима Юрьевича, то рѣзкія, то отчаянныя, то жалобныя.

Поленька, отдѣлавшись благополучно, пришла въ бодрое и пріятное расположеніе духа. Видя, что Любочка задумчиво и невесело стоитъ у овна, она подошла къ ней и съ словами: «о

чемъ это моя сестрица раздумываетъ?» хотѣла обнять ее, но Любочка очень энергично оттолкнула ее, и отошла на другой конецъ комнаты.

— Что съ тобою? спросила удивленная Поленька, подходя къ ней и лова ее за руку.

— Оставь меня! отвѣчала Любочка.

— Да что съ тобою?

Но Любочка не дала ей никакого объясненія.

Поленька чрезвычайно оскорбилась и разсердилась.

— Увидимъ! сказала она съ такой злобой, вакой никакъ нельзя было ожидать, вида ея свѣженькое, вроткое личико, добрые глаза и нѣжную улыбку. — Увидимъ, кто въ комъ будетъ нуждаться!

На это Любочка не отвѣчала нетолько словомъ, но даже взглядомъ, раскрыла учебникъ и начала учить урокъ.

— Увидимъ! Увидимъ! проговорила Поленька угрожающимъ голосомъ.

— Что такое у васъ? спросила Анна Петровна, появившись въ дверяхъ.

— Ничего, маман, отвѣчала Поленька, смутившись.

— Неправда! Я требую, чтобы ты сказала, слышишь?

— Да вотъ, маман, Любочка на меня за что-то сердится... Я хотѣла ее поцаловать, а она меня оттолкнула...

— Любочка, что это значить?

Любочка молчала.

— Любочка, что это значить, я спрашиваю?

— Я не хочу цаловать, отвѣчала Любочка.

— Почему это?

— Такъ, мамъ не хочется.

— Что это за капризы! Сейчасъ же поцалуй сестру!

Любочка подошла къ сестрѣ и стала; Поленька наклонилась и поцаловала ее. Холодные губки отвѣтили только трепетаньемъ.

— Поцалуй еще разъ сестру, сказала Анна Петровна. — Любочка, слышишь?

Ея поблѣднѣвшее личико поднялось къ свѣженькому лицу Поленьки, и холодныя, дрожащія губки прикоснулись къ теплымъ, розовымъ губамъ.

Она взяла свой учебникъ и хотѣла уйти.

— Положи книгу, сказала Анна Петровна, взявъ ее за руку: — пойдемъ со мною.

И она повела ее съ собою.

— Маман! робко вскрикнула Поленька. — О, маман!

— Чтѣ такое, мой другъ? спросила Анна Петровна медленно и съ наставительнымъ удивленіемъ.

— Матап, не сердитесь на Любочку! она такъ...

— Мой другъ, не учи меня, кротко перебила Анна Петровна, и увела Любочку съ собою.

— Слышала, Агинька? спрашивала Настасья Львовна.

— Да, матап, слышала.

— Я думаю, Надежда Сергѣевна на стѣну теперь лѣзетъ, а? Агнеса Алексѣевна улыбнулась.

— Да, вѣрно теперь тамъ хаосъ, сказала она.

— Чтѣ она съ Бурнашовымъ, ты думаешь, бѣжала?

— Бурнашовъ въ деревнѣ, и у нихъ давно все кончено — вѣроятно, съ Загайнымъ. — Не понимаю, чтѣ она могла въ немъ найти!

— Э! чтѣ могла найти! Въ такихъ *находятъ*, въ комъ бы, кажется, и искать не стоило! проговорила Настасья Львовна съ раздраженіемъ.

— Я, быть можетъ, черезчуръ требовательна, сказала Агнеса Алексѣевна: — но я не могу...

— Вовсе ты не такъ требовательна, Агинька, какъ говоришь! Вовсе не такъ, душа моя! Ну, чтѣ такое привлекательное въ этомъ Амосовѣ? А вѣдь онъ тебѣ какъ было-понравился... да и теперь, кто знаетъ...

— Матап, вы меня вѣчно подозрѣваете, возразила Агнеса Алексѣевна, улыбаясь.

— Имѣю причины подозрѣвать, Агинька! Развѣ я слѣпа была, какъ вы переглядывались? И всѣ эти книги, и всѣ эти тетради... вѣдь я не слѣпа! И кто тебя знаетъ? Я и теперь боюсь, хотя бы, кажется, чего бояться? Только что глаза черносливными, да поводить ими, какъ безумный, а больше-то вѣдь ничѣмъ не взялъ. Такъ, черкесъ какой-то. Я въ первый разъ какъ увидела, такъ думала, сейчасъ вынетъ, покажетъ пояса и браслеты съ червюю... Ты несогласна со мной? Конечно, несогласна? Какъ же можно!

— Я не спорю, матап, право, не спорю, отвѣчала Агнеса Алексѣевна, улыбаясь. — За чтѣ вы на меня нападаете?

Ея улыбка и шутливый тонъ привели Настасью Львовну въ очень хорошее расположеніе духа.

— Какъ не нападать, сказала она, развеселяясь: — въ этомъ мое «назначеніе». Такъ чтѣ ли вы говорите?

Въ комнату вбѣжалъ запыхавшійся Алексѣй Алексѣевичъ.

— Знаете? знаете? кричалъ онъ.

— Ты тоже слышалъ, Алеша? спросила Агнеса Алексѣевна.

— Да, сейчас. Я ушамъ не вѣрилъ! Надежда Сергѣевна въ отчаяніи, убита, но старается скрыть, подавить... благородная натура! Я думаю, она не переживетъ...

— Пережить-то переживетъ, сказала Настасья Львовна: — не безпокойся: не такія вещи, да переживаются. Чтò же она съ Загайнымъ бѣжала, что ли? Какъ говорить?

— Еслибы вы послушали все, чтò говорятъ! вскрикнулъ съ одушевленіемъ Алексѣй Алексѣвичъ. — Одни увѣряютъ, что она бѣжала съ Загайнымъ, другіе — что ее увезъ Бурнашовъ, что она у него въ деревнѣ спрятана; наконецъ, что она бѣжала отъ Надежды Сергѣевны потому... потому что вынуждена была своимъ положеніемъ... Чтò Михаилъ Яковлевичъ все разорвалъ съ нею изъ ревности въ Загайному... чтò Загайный жениться на ней тоже не хочетъ... выѣхалъ поспѣшно изъ города...

— Да ты былъ у Надежды Сергѣевны?

— Былъ четыре раза, не принимаетъ — больна. Она, говорить, въ самомъ ужасномъ положеніи. И понятно...

— Не съѣздитъ ли мнѣ къ ней, шатап? спросила Агнеса Алексѣевна. — Я очень желала бы узнать, чтò тамъ такое.

— Съѣзди, Агинья, узнай.

— И я съ тобой, Агнеса, и я! крикнулъ Алексѣй Алексѣвичъ.

— Хорошо, отвѣчала Агнеса Алексѣевна, уходя съ тою, нѣсколько лихорадочною медленностью, какою можно замѣтить у людей, когда они неожиданно успѣли въ началѣ своего замысла и боятся неосторожною торопливостью дать это замѣтить и помѣшать такимъ образомъ благополучному окончанію.

— Правда, нельзя было этого ожидать, шатап? сказалъ Алексѣй Алексѣвичъ.

— Чего?

— Да вотъ Марья Григорьевна...

— Отчего же нельзя?

— Я не ожидалъ...

— Ну, ты еще угадчикъ не великій! (Это было Алексѣю Алексѣвичу неприятно слышать). А по моему отъ нея всего можно было ожидать: она, кажется, живетъ своимъ умомъ и непугливая.

— Чтò съ нею теперь будетъ? Пропадетъ...

— Вѣроятно, пропадетъ. Мнѣ ее жалко вчужѣ. Вѣдь теперь ее заклюютъ. Всѣ напустятся, кто во что гораздъ; черезъ мѣсяцъ окажется, что ей въ ссылкѣ мало мѣста.

— Ахъ, ужасно напустятся! Да ужъ теперь всѣ кричать такъ,

что... кого ни встрѣтишь, спросишь: слышали? Слышали, какъ же! и начнеть, и начнеть, ужась! подхватилъ Алексѣй Алексѣвичъ, вдругъ начиная воспламеняться самымъ благороднымъ негодованіемъ.

— Если ее обманули въ самомъ дѣлѣ, продолжала Настасья Львовна, не обращая никакого вниманія на болтовню Алексѣя Алексѣвича, а разсуждая сама съ собою: — она привыкла къ этому въ долгіе одинокіе вечера, когда то раздраженная, то смиренная, она рисовала себѣ картины чужаго веселья и вызывала къ отвѣту равнодушныхъ къ ней людей,—то, значитъ, она проста была, честна, не подозрѣвала обмана и попала въ ловушку. Хитрячку какую-нибудь такъ не проведешь. Тутъ больше несчастье, чѣмъ вина... даже вины никакой, можетъ, и не было. Бѣдная дѣвушка! теперь, можетъ, она всѣ глаза проплакала! Можетъ, она хоть и пала, да лучше этихъ непавшихъ, чѣмъ каменья въ нее бросать. Свѣтъ неутомимъ и жестокъ...

— Ужасно! ужасно! вскрикнулъ Алексѣй Алексѣвичъ, совсѣмъ воспламененный благороднымъ негодованіемъ.

Вошла Агнеса Алексѣевна, готовая ѣхать и въ такомъ блескѣ, что Настасья Львовна, при первомъ на нее взглядѣ, окрочилась.

— Ты только къ Надеждѣ Сергѣевнѣ, Агненька? спросила она.

— Да, татап, отвѣчала Агнеса Алексѣевна, цалуя у нея руку. — Ну, Алеша, ѣдемъ.

— Ѣдемъ, ѣдемъ, Агнеса! воскликнулъ Алексѣй Алексѣвичъ, схватывая шляпу.

— Скоро воротитесь? спросила Настасья Львовна нѣсколько мрачно.

— Скоро, татап, отвѣчала Агнеса Алексѣевна.

— Скоро, скоро, татап, очень скоро, сказалъ Алексѣй Алексѣвичъ, торопливо уходя за сестрою.

— И зачѣмъ я, старая дура, спрашиваю, скоро ли? съ горечью проговорила Настасья Львовна, оставшись одна.

Помолчавъ немного и повязавъ свою синюю косынку, она вдругъ гнѣвно вскрикнула:

— Голову готова прозакладывать, что она увидитъ Амосова! О, старая дура! Ну, что-жь, пора, кажется, къ этому привыкнуть, не въ первый разъ и не въ послѣдній! Пускай! Не на стѣну же лѣзть оттого, что провели.

Она продолжала вязать, но руки у нея такъ дрожали отъ внутренняго волненія, въ глазахъ такъ рябило, что она скоро должна была оставить вязанье, позвонила и велѣла вошедшей дѣвушкѣ подать себѣ холодной воды и лавро-вишневыхъ капель.

— Вѣдь теперь ее просто заклюютъ, Агнеса! говоритъ Алексѣй Алексѣвичъ сестрѣ, катаясь съ нею по городу въ крытой пролеткѣ, на парѣ гвѣднхъ лошадей. — Просто заклюютъ! Бѣдная дѣвушка! Не правда ли, Агнеса?

— Еще бы! отвѣчала Агнеса Алексѣевна разсѣянно.

Агнеса Алексѣевна видимо была поглощена чѣмъ-то болѣе близкимъ ей, и потому даже къ такому интересному происшествію оставалась сравнительно очень равнодушна въ эту минуту.

— Смотри, Агнеса, смотри! Вѣдь это Павелъ Ивановичъ! Онь! Стой! Стой! (кучеру) Павелъ Ивановичъ! Павелъ Ивановичъ! (проходящему по тротуару Павлу Ивановичу). Ну, чтѣ, слышали? Слышали вы?

— О чемъ? спросилъ подошедшій Павелъ Ивановичъ; онъ былъ замѣтно чѣмъ-то взволнованъ.

— Слышали о Марьѣ Гривгорьевнѣ?

— Слышалъ, но я полагаю, что все это клевета.

— Какое клевета! Она ушла! Надежда Сергѣевна, говорить, въ самомъ ужасномъ положеніи! Въ самомъ ужасномъ!

— Такъ это вѣрно?

— Вѣрно! Бѣдная дѣвушка, вѣдь ее теперь заклюютъ! Знаете, «какая бѣ ни была вина, ужасно было наказанье!»

— Алеша, ты задерживаешь Павла Ивановича, проговорила Агнеса Алексѣевна.

— Прощайте, Павелъ Ивановичъ; мы спѣшимъ къ Надеждѣ Сергѣевнѣ. А вы къ ней не придете?

— Я тоже къ ней иду, отвѣчалъ Павелъ Ивановичъ:— до свиданья.

— До свиданья! До свиданья!

Павелъ Ивановичъ опять перешелъ на тротуаръ, а пролетка повалилась по улицѣ.

— Принимаетъ! радостно прошепталъ Алексѣй Алексѣвичъ, увидя карету у подъезда Рославлевой.

Точно, Надежда Сергѣевна принимала, и они вошли въ гостиную, гдѣ застали одну, очень важную обитательницу города N, строгую, гордую, очень рѣдко посѣщавшую Надежду Сергѣевну и теперь, вѣроятно, привлеченную сюда слухами о постигшемъ «несчастіи». При входѣ Камышевыхъ важная обитательница уже просталась и тотчасъ же уѣхала.

— Надежда Сергѣевна, пробормоталъ Алексѣй Алексѣвичъ:— Надежда Сергѣевна... Надежда Сергѣевна...

Онъ жалъ ей руку, краснѣлъ и пыхтѣлъ.

Агнеса Алексѣевна отстранила его, тихо взяла Надежду Сергѣевну за руку, тихо сжала ей руку, но съ такимъ сочувствіемъ

ей горю, что Надежда Сергѣевна отвѣчала ей объятіемъ и слезами.

— Вамъ тяжело говорить — не говорите, промолвила Агнеса Алексѣевна, какимъ-то небеснымъ голосомъ, садясь около нея на диванѣ.

— О, я понимаю! началъ Алексѣй Алексѣевичъ, придвигаясь къ нимъ ближе: — такой ударъ!...

— Не спрашивайте, какъ я это перенесла! прошептала Надежда Сергѣевна. — И дай Богъ, чтобы вы никогда, во всю вашу жизнь, не извѣдали ничего подобнаго!

Дѣло получило уже такую гласность, что всѣ попытки, всѣ старанія скрыть, или хоть прикрыть, были теперь совершенно бесполезны и даже смѣшны. Надеждѣ Сергѣевнѣ оставалась теперь одна отрада: отводить душу въ разговорахъ, и она отводила душу, сколько только могла. Правда, сначала она не хотѣла словами высказывать своего горя и передъ всѣми являлась страдающая, но благородно затаившая страданія въ тайникахъ души, но она этого долго не выдержала. Впервыхъ, потому не выдержала, что многіе принимали эту благородную затаенность страдающаго не только за смущенье, но даже за виновность, такъ что, между прочимъ, сталъ носиться слухъ, что «Надежда Сергѣевна сама что-то смущена» и «кто знаетъ, одна ли Маша виновата?» а вовторыхъ, не выдержала потому, что, конечно, такое величіе горести имѣло свою огромную привлекательность, но выдерживать его долгое время было очень трудно, потому что эта выдержка необходимо отдавала отъ всѣхъ, а Надежда Сергѣевна любила общество до страсти.

— Гдѣ она теперь? спросила Агнеса Алексѣевна такъ тихо и бережно, точно прикасалась къ раиѣ, желая врачевать и боясь разбередить.

— Поселилась въ слободкѣ, вообразите!

— Въ слободкѣ! вскрикнулъ Алексѣй Алексѣевичъ.

— Вы видѣлись съ нею? спросила Агнеса Алексѣевна еще тише и бережнѣе.

— Да, нѣсколько разъ. Она была у меня.

— Была у васъ! вскрикнулъ Алексѣй Алексѣевичъ.

— Я къ ней тоже ѣздилъ...

— Вы къ ней ѣздили! вскрикнулъ Алексѣй Алексѣевичъ. — О, какъ вы великодушны!

Агнеса Алексѣевна безъ словъ сказала ей ругу.

— Я была у нея нѣсколько разъ, проговорила Надежда Сергѣевна, словно печально развертывая во всю ширину и длину свое великодушіе.

— И что же? спросила Агнеса Алексѣевна, снова еще крѣпче сжимая ей руку.

— Какое великодушіе! выкрикнулъ Алексѣй Алексѣевичъ.

— Ахъ, тяжело вспомнить! Она совсѣмъ обезумѣла!

— Но кто имѣлъ вліаніе?...

— Загайный. Онъ сблъ ее съ толку!

— Но вѣдь Загайный уѣхалъ?... Она одна?

— Да, она одна! Совершенно одна!

— Что же она думаетъ дѣлать дальше?

— Говорить, буду работать. Безуміе! Мечты! Развѣ она можетъ работать? И какая эта работа? Гдѣ она у насъ въ N.? Вѣдь не улицы же мести! Что ждетъ ее? Нужда, униженіе...

— Да ей вѣрно и теперь уже нелегко, сказала Агнеса Алексѣевна. — Мнѣ ее очень жаль. Я думаю, что она сама скоро пойметъ...

— О, она скоро пойметъ, что поступила... что жестоко поступила... что нельзя... вскрикнулъ Алексѣй Алексѣевичъ.

— Я не допущу ее до нужды, я уже на этотъ счетъ все устроила. Я устроила... но это не интересно, впрочемъ, сказала Надежда Сергѣевна, какъ-бы спохватившись и запахивая красоту своихъ добродѣтелей. — Она не будетъ знать нужды.

— Но Загайный? спросила Агнеса Алексѣевна и прибавила: — я дѣлаю этотъ вопросъ не изъ любопытства, я люблю Машу и боюсь за нее, за ея счастье.

— Загайный уѣхалъ.

— Развѣ между ними все кончено?

— Да онъ ничего не зналъ объ этомъ! Онъ пріѣзжалъ ко мнѣ прощаться, непременно хотѣлъ видѣть ее; я насилу его выжила!

— Это очень странно, проговорила Агнеса Алексѣевна. — Вы увѣрены, что тутъ нѣтъ...

— О, увѣрена совершенно! Они даже не видались.

— А говорить Богъ-знаетъ что такоо! воскликнулъ Алексѣй Алексѣевичъ.

— Что же говорятъ? Не бойтесь меня огорчить, скажите. Ну, скажите! Пожалуйста!

— Говорятъ, что онъ увезъ Марью Григорьевну, началъ Алексѣй Алексѣевичъ нерѣшительно.

— Вы не будете огорчаться глупыми толками? сказала Агнеса Алексѣевна. — Вы стойте выше этого.

— Ахъ, я ко всему уже привыкла! отвѣчала Надежда Сергѣевна съ такимъ видомъ, точно она была уже разъ двадцать пять распята на крестѣ. — Я ко всему привыкла!

— Что же Михаилъ Яковлевичъ? спросила Агнеса Алексѣевна. — Вѣдь онъ любилъ ее. Зачѣмъ онъ вдругъ пропалъ? Что съ нимъ?

— Онъ любить ее до безумія, сватался за нее — она отказала!

— Отказала! вскрикнулъ Алексѣй Алексѣевичъ.

Хотя пылкій, прогрессивный и мало соображающій, онъ былъ, однако, на столько наученъ окружающею жизнью, что отказъ богатѣйшему жениху въ губерніи поразилъ его, какъ невѣроятное диво.

— И все между ними теперь кончено? спросила Агнеса Алексѣевна.

— Она не хочетъ слышать о немъ, а онъ все молить... Вотъ еще недавно, два дня тому назадъ, я получила отъ него письмо: видно по каждому слову, что онъ съ ума сходитъ отъ отчаянія! Вотъ это письмо здѣсь, вѣжется.

Надежда Сергѣевна открыла стоявшій на столѣ малахитовый ящичекъ, вынула оттуда письмо и, вздыхая, пробѣжала его. Камышевымъ бросилось въ глаза: «я все надѣюсь», «другаго счастья не знаю» и т. п.

Надеждѣ Сергѣевнѣ, несмотря на «ударъ» отъ Маши, все-таки пріятно было показать, какой богатый женихъ есть у ея родственницы. Кромѣ того, Надеждѣ Сергѣевнѣ хотѣлось Михаиломъ Яковлевичемъ отвести всѣмъ глаза отъ Загайнаго: въ душѣ она сама подозрѣвала, что Маша обманываетъ ее заодно съ Загайнымъ, и пуще всего боялась, чтобы подобныя слухи не дошли до Михаила Яковлевича. Она все еще уповала на оранжеи съ розовыми камеліями и на карету съ матовою обивкою, если не скоро, то въ далекомъ будущемъ.

Пришелъ Павелъ Ивановичъ. Онъ пристально и тревожно поглядѣлъ на Надежду Сергѣевну. Она отвѣтила ему томнымъ, угасшимъ взоромъ и подала руку съ тою улыбкою, которая говорила: вы не безпокойтесь за меня, я вѣрка, я могу даже улыбаться, когда самыя жестокия страданія раздираютъ мою душу.

— Что вы читаете? спросилъ Павелъ Ивановичъ, очевидно теперь нисколько незаботившійся о томъ, что кто читаетъ.

— Да я теперь ничего не читаю, отвѣчала Надежда Сергѣевна: — не могу!

Онъ помолчалъ, подавляя волненіе, потомъ сказалъ, что недавно вышла новая, очень замѣчательная книга, и что надо бы достать эту книгу.

— Какая? Какая? вскрикнулъ Алексѣй Алексѣевичъ: — вы гдѣ

думаете достать? Какъ достать? Я бы тоже желалъ... А что это за книга? Чья? Какія мысли...

Павелъ Ивановичъ сталъ ему рассказывать о книгѣ. Надежда Сергѣевна и Агнеса Алексѣевна не выѣшивались въ ихъ разговоръ. Время отъ времени Агнеса Алексѣевна врачевала Надежду Сергѣевну какии-нибудь тихимъ словомъ; самыя простыя это были слова, а имѣли какую-то волшебную силу возвышать. Надежду Сергѣевну въ собственномъ мѣтніи, и проливать цѣлительный бальзамъ на ея свѣжія раны. Агнеса Алексѣевна тоже взглядывала на бронзовые часы въ углубленіи гостиной, и чѣмъ ближе подходило время къ пяти часамъ, тѣмъ алѣе стала выступать у нея краска на лицѣ, при каждомъ шумѣ въ передней.

Въ три четверти пятиго, она предложила Надеждѣ Сергѣевнѣ потереть виски одеколономъ, съ несвойственною ей угодливостію сама принесла флаконъ изъ спальни, и уже больше не садилась на диванъ около Надежды Сергѣевны, а ходила по комнатѣ, стояла у окна, у стола, вообще держалась такъ, что могла, въ случаѣ нужды, перейти въ залу или въ диванную, никому не бросаясь въ глаза.

Павелъ Ивановичъ толковалъ о книгѣ, и голосъ его съ каждой минутой становился рѣзче, неровнѣй; Алексѣй Алексѣевичъ наслаждался, Надежда Сергѣевна нюхала платокъ, смоченный одеколономъ, и угасшими взорами встрѣчала милые взгляды Агнесы Алексѣевны, и тревожные, нетерпѣливые взгляды Павла Ивановича.

Въ пять часовъ пріѣхалъ Амосовъ.

Онъ тоже уже слышалъ о «бѣгствѣ» Маши, но должнаго вниманія онъ теперь ни на что не обращалъ; онъ весь былъ поглощенъ своей любовью. Алексѣй Алексѣевичъ бросился на него какъ маленькій пѣтушокъ на большое пшеничное зерно, и зачастилъ о новой книгѣ. Павелъ Ивановичъ воспользовался этимъ и тихо спросилъ Надежду Сергѣевну:

— Правда? Ради-бога, скажите мнѣ все! Я...

Если онъ хотѣлъ сказать, что принимаетъ участіе, то это и безъ словъ было ясно, очень ясно видно. Онъ вдругъ какъ-то похудѣлъ и осунулся.

— Не спрашивайте, какъ я это перенесла, отвѣчала Надежда Сергѣевна: — и дай Богъ, чтобы вы никогда, во всю вашу жизнь, не извѣдали ничего подобнаго!

— Но гдѣ Марья Григорьевна? что съ нею?

— Поселилась въ слободѣ, совсѣмъ обезумѣла! Что ее ждетъ Нужда, униженіе! Конечно, я не допущу, чтобы она нуждалась, я уже устроила... Впрочемъ, это не интересно, какъ я устроила...

— Она выходитъ замужъ? За Загайнаго?

— Вовсе нѣтъ! Загайный давно уѣхалъ... это все сплетни, самыя гнусныя, самыя черныя...

— Но что же это все значить?

— Безуміе!

— Но что за безуміе? Какое?

Надежда Сергѣевна начала разсказывать.

Сдѣлавъ знакъ Надеждѣ Сергѣевнѣ, что не желаетъ мѣшать ея разговору съ Павломъ Ивановичемъ, Агнеса Алексѣевна перешла въ залу, и перевела туда брата и Амосова.

— Вы слышали? спросилъ Алексѣй Алексѣевичъ.

— Слышалъ, отвѣчалъ Амосовъ, вшиваясь глазами въ Агнесу Алексѣевну.

— Ужасно вѣдь! Вѣдь ее теперь заклюютъ! Всеобщее презрѣніе... бѣдная дѣвушка! Надежда Сергѣевна увѣряетъ, что она ушла одна, просто потому только, что обезумѣла... что хочетъ работать, жить своимъ трудомъ; но кто жь этому можетъ вѣрить? Я голову дамъ на отсѣченье, что она съ Загайнымъ...

— И я не осуждаю ее! сказала Агнеса Алексѣевна: — я уважаю ее за рѣшимость пожертвовать всѣмъ любимому человѣку!

Голова ея нѣсколько откинулась назадъ, и лице дышало энергіею и благородствомъ.

— О, да! Безъ сомнѣнія! Безъ сомнѣнія! подхватилъ Алексѣй Алексѣевичъ.

— Вамъ понятна такая безграничная любовь? спросилъ Амосовъ, блестя глазами, вѣкъ фейерверкомъ.

— Миѣ непонятна другая, отвѣтила она со страстію.

— Я тоже иной любви не понимаю, твердилъ Алексѣй Алексѣевичъ. Я — тоже не понимаю!

Скоро Алексѣю Алексѣевичу подана была сестрой богатая мысль, скакать и спросить, нѣтъ ли знаменитой новой книги въ книжномъ магазинѣ братьевъ Кузовыхъ, гдѣ никакихъ новыхъ книгъ никогда не бывало, и гдѣ почему-то Агнеса Алексѣевна предполагала, произошло теперь счастливое преобразование.

Алексѣй Алексѣевичъ поскакалъ къ братьямъ Кузовымъ.

— Наконецъ я васъ вижу! прошепталъ Амосовъ.

Она взглянула на него грустно и нѣжно, и такъ была прелестна въ эту минуту, что онъ чуть не вскрикнулъ отъ восхищенія.

— Вы видите, я сдержала слово, я здѣсь, проговорила она.

— Благодарю! О, благодарю!

— Теперь мы надолго простимся, сказала она, и сказала

такъ мягко, такъ мягко, что даже каменное сердце, и то тронулось бы и забилось.

— Надолго? О, нѣтъ! Нѣтъ!

— Надолго! повторила она опять, и такъ тихо, что онъ больше угадалъ, чѣмъ разслушалъ.

— Но зачѣмъ? За что? О, скажите, объясните мнѣ! молилъ онъ. — Скажите!

Она молчала, какъ будто чувство и долгъ боролись въ ея душѣ, опустила глаза и сдвинула брови.

— О, ради всего святого! ради всего, что вамъ дорого! молилъ онъ: — скажите мнѣ! скажите!

— Да, вамъ я все могу сказать, все могу довѣрить, вдругъ проговорила она, поднимая на него сверкающіе глаза; она откинула назадъ волосы граціознымъ и энергическимъ движеньемъ, лицо ея дышало рѣшимостью и страстью, ноздри расширились, губы сжались. — Дома... Вы вѣдь знаете, что у меня нѣтъ никого близкихъ кромѣ брата, что я живу въ чужомъ домѣ? Мнѣ запрещены свиданья и разговоры съ вами, и всякій разъ, какъ я съ вами вижу и говорю, я за это плачу дорого... очень дорого! Я плачу за это униженіемъ! Я должна выслушивать упреки, жалобы... отъ чужой женщины, которая изъ милости насъ съ братомъ приютила и воспитала!... Я ничего не могу отвѣчать ей, я беззащитна противъ ея оскорбленій! Я ей всѣмъ обязана, я ѣмъ ея хлѣбъ, живу въ ея домѣ! Чтобы видѣться съ вами, я должна лгать. Лгать! Знаете ли вы, что это такое, когда чело-вѣкъ вынужденъ лгать? Знаете ли вы, что это такое бояться сдѣлать шагъ, бояться слово сказать, даже бояться взглянуть? Знаете ли вы, что я сегодня вытерпѣла прежде, чѣмъ я сюда попала? Я съ самаго утра должна была сидѣть съ ней и развлекать ее, и забавлять — развлекать и забавлять, когда я задыхалась отъ... отъ тоски! И все это для того, чтобы выбрать минуту, когда можно рѣшиться сказать: позвольте мнѣ поѣхать къ Рославлевой! Теперь она подозрѣваетъ, что мы... дружны съ вами и ежеминутно слѣдитъ за мной. Ваша послѣдняя записка чуть не была перехвачена. Она васъ возненавидѣла — быть можетъ потому, что видитъ, какъ я съ вами сошлась... какъ мы съ вами схожи въ понятіяхъ, въ стремленіяхъ... Я не могу долше выносить этой жизни! Не могу и не хочу! Я рѣшилась искать мѣста гувернантки, няньки, горничной — все равно! Лишь бы вырваться изъ этого ада!

Она проговорила это быстро, не переводя духу, не спуская съ него своихъ сверкающихъ звѣздо-подобныхъ глазъ.

— Вы гувернантка! вскрикнулъ онъ съ ужасомъ.

— Другого выхода нѣтъ! Я сумѣю все выдержать; силы у меня на все станеть! проговорила она съ мрачною страшною энергіею.

— О, ради Бога! О, не дѣлайте этого! Я васъ люблю... больше жизни... больше... а вы? а ты? любишь?

— И ты еще спрашиваешь! Люблю-люблю-люблю...

— Вообрази Агнеса! Вообразите, Амосовъ! Книги нѣтъ, и даже они не слышали о ней! кричалъ запыхавшійся Алексѣй Алексѣевичъ, отыскавшій ихъ уже въ саду, въ бесѣдѣ.—А каково вамъ это покажется? Мы, говорятъ, новыхъ не выписываемъ, а только держимъ извѣстныхъ, а! Каково? Вѣдь это возмутительно! Такое равнодушіе къ... къ мысли!... Такія книги...

— Богъ съ ними теперь, со всѣми книгами на свѣтѣ! сказала Агнеса Алексѣевна.

Алексѣй Алексѣевичъ отпрянулъ и вытаращилъ глаза на се-стру и на Амосова. При всей своей непроницательности онъ былъ пораженъ ихъ счастливыми лицами.

— Чтò съ тобою? Чтò съ вами? вскрикнулъ онъ.

— А вотъ мнѣ женихъ нашелся, и я уже просватаная невѣста, отвѣчала Агнеса Алексѣевна, граціознѣйшимъ движеніемъ головы указывая на блаженнѣйшаго Амосова.

— Неужели? вскрикнулъ Алексѣй Алексѣевичъ съ восторгомъ.— Неужели?

И ринулся цаловаться и обниматься.

Когда они возвратились въ гостиную, Павла Ивановича уже не было; Надежду Сергѣевну окружало нѣсколько дамъ съ тѣмъ хищнымъ выраженіемъ глазъ, какое можно замѣчать у нихъ, когда дѣло идетъ о вывѣдываньи подробностей интересной текущей новости.

Прощаясь, Надежда Сергѣевна обняла Агнесу Алексѣевну и проговорила:

— Я не умѣла до сихъ поръ цѣнить васъ, теперь я цѣнить васъ умѣю!

На это Агнеса Алексѣевна отвѣчала ей милою и кроткою улыбкою.

Амосовъ отеланялся и вышелъ вмѣстѣ съ Камышевными.

— А какъ Надежда Сергѣевна убита, а? сказалъ Алексѣй Алексѣевичъ.

— Несносная, пустая женщина! отвѣчала Агнеса Алексѣевна.— Во имя твое, я выдержала сегодня почти двухчасовую пытку! обратилась она къ Амосову, улыбаясь и лаская его взглядомъ.— До завтра!

— До завтра, повторилъ онъ, сажая ее въ пролетку.

— До свиданья!

— До завтра! повторилъ онъ опять, но руки ея не выпускалъ. Она, нѣжно улыбаясь, тихонько освободила свою руку и прощала ему:

— Не до завтра, а сегодня вечером, въ восемь часовъ.

Онъ такъ былъ этимъ осчастливленъ, что даже не могъ выговорить слово и остался у крыльца Надежды Сергѣевны, слѣдя глазами за уѣзжавшею пролеткою.

— Агнеса! какъ я радъ! говорилъ Алексѣй Алексѣевичъ.—Ты будешь такъ счастлива! Ахъ, какъ я радъ! Заживемъ отлично! Знаешь, можно тоже устроить вечера у тебя...

Онъ началъ строить разные планы будущаго благополучія: выписывалъ книги самыя рѣдкія, устраивалъ чтенія самыя интересные, собиралъ сборища самыя прогрессивныя.

Когда они подъѣзжали къ дому, онъ опомнился.

— Ахъ, Боже мой! Не замѣтилъ, какъ мы доѣхали! Я думаю, она не въ духѣ, мы очень опоздали. Такъ и нападетъ...

— А мы бабу по шалкѣ, отвѣчала Агнеса Алексѣевна.

Она, развеселившись, любила употреблять такъ-называемыя народныя выраженія, и именно выраженія безцеремонныя.

Алексѣй Алексѣевичъ расхохотался.

— А какъ ты, сейчасъ ей скажешь, Агнеса?

— Нѣтъ. Андрей поѣдетъ прежде въ имѣнье, все устроитъ— тогда и скажемъ. До тѣхъ поръ ни слова. Пожалуйста, ты не проговорись, Алеша. Помни, что налицешь этимъ Богъ-знаетъ какія непріятности.

— О, нѣтъ, я не проговорюсь! Знаешь, она ужасно теперь стала раздражительна, зла... Я вотъ цѣлую недѣлю не могу рѣшиться попросить у нея денегъ, а мнѣ деньги до зарѣзу нужны! До зарѣзу! И не знаю, чего я такъ боюсь, она мнѣ никогда не отказываетъ, а все-таки я не могу рѣшиться. Ужасно она сдѣлалась несносна! Правда?

— Когда жъ она была особенно мила?

— А какъ ты думаешь, Агнеса, согласится она на твою свадьбу?

— Объ этомъ думать не стоитъ. Не согласится, такъ я и безъ ея согласія выйду.

— Конечно! подхватилъ Алексѣй Алексѣевичъ.—Конечно!

Маша побывала во всѣхъ Н—скихъ пансіонахъ, предлагая давать уроки, но безъ всякаго успѣха. Вездѣ ее принимали свысока, мѣряя глазами, очень неучтиво, а во многихъ пансіонахъ, куда уже проникла вѣсть объ ея уходѣ изъ дому Надежды Сергѣевны, ее только что не выталкивали, когда она произносила

свое имя. Въ нѣкоторыхъ знакомыхъ ей по слуху семействахъ, она знала, искали учительницу, она ходила всюду, нигдѣ ее не приняли.

Она ходила ко всѣмъ и моднымъ, и малозвѣстнымъ Н—скимъ швеямъ, предлагая свои услуги, но вездѣ мѣста были заняты и работы ей даже въ будущемъ не предвицѣлось. Въ одномъ только магазинѣ ей велѣли навѣдаться черезъ два мѣсяца.

Она разспросила всевѣдущую Ненилу Самсоновну, какія есть швеи безъ выѣсокъ и разыскала ихъ. Тутъ ее встрѣтили съ великою враждою, какъ соперницу, которая могла отбить хлѣбъ.

По указанію той же Ненилы Самсоновны Маша ходила искать работы въ купеческіе дома, и тоже безъ успѣха.

Недѣли за двѣ до ея ухода изъ дому Надежды Сергѣевны, у нихъ была одна знакомая уѣздная помѣщица и жаловалась, что не можетъ отыскать, кто бы взялся учить ея маленькаго сына-валѣбу, а главное присматривать за нимъ. Маша написала ей, что согласна принять это мѣсто.

Изъ всѣхъ занятій поступленіе въ помѣщичій домъ было для нея менѣе всего привлекательно, но теперь не время было разбирать. Она такъ дорожила своей независимостью, такъ заботилась о ея неприкосновенности, что заглядывала далеко въ будущее.

Отправивши письмо къ уѣздной помѣщицѣ, она долго гуляла за городомъ. Она была немного опечалена, но на душѣ у нея было свѣтло и спокойно. Она ходила по лѣсу, гдѣ въ тепломъ, мягкомъ воздухѣ уже носилось осеннее увяданье, съ особеннымъ наслажденіемъ, какъ-бы прислушиваясь къ самой себѣ и чуя, что какъ бы жизнь ни скрутила, какъ бы ни сдавила ее, какими бы радостями и удачами ни надѣлила, всегда, вездѣ неизмѣнно живо, глубоко и непобѣдимо ничѣмъ, будетъ въ ней любовь и преданность къ тому, что она теперь выбрала.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда она воротилась домой. Подходя, она увидала, что ея окно освѣщено. Сердце у нея сильно забилось. Не потому, чтобы ей пришло въ голову, что ждетъ ее тотъ, кто теперь былъ ей дороже всѣхъ другихъ людей на свѣтѣ, а только потому, что ей пришло въ голову: такъ же свѣтлось бы окно, еслибы онъ ждалъ меня.

Это вѣрно Надежда Сергѣевна или кто нибудь отъ нея, подумала Маша.

— Васъ давно ждетъ какой-то мужчина, сказала ей Ненила Самсоновна.—Прибѣжалъ это рысью, шляпа на бокъ, какъ бѣнется на меня: Марья Григорьевна дома? Извините, говорю, нѣтъ дома. Гдѣ жъ она? Гдѣ жъ она? Не знаю, говорю, не знаю;

никогда мнѣ не сказываетъ, куда идетъ. Думала бить будетъ, ей-богу! Однакожь, Богъ миловаль, сталъ курить. Изъ вашей комнаты такъ дымъ столбомъ и шibaетъ; пожалуйста, до внезапной смерти можетъ закуриться!

Маша вошла въ свою комнату и увидала Павла Ивановича въ облакѣ сигарочнаго дыма.

Ей было неприятно и тягостно его посѣщеніе, но онъ казался тапмъ разстроеннымъ и несчастнымъ, что она сочла за лучшее не отталкивать его, а разъ на всегда переговорить съ нимъ и объясниться, если онъ того пожелаетъ.

Онъ бросился къ ней на встрѣчу, и почти крикнулъ:

— Что все это значить? Объясните мнѣ ради всего святаго! Гдѣ вы были? что значить вашъ разрывъ съ Надеждой Сергѣевной? Объясните мнѣ ради всего...

Голось у него оборвался, и онъ только глядѣлъ на нее и ждалъ.

Маша ему стала объяснять. Онъ слушалъ эти объясненія съ величайшимъ волненіемъ и изумленіемъ.

— Не можетъ быть! проговорилъ онъ нѣсколько разъ: — не можетъ быть!

— Чего не можетъ быть? спросила Маша.

— Не можетъ быть, чтобы одно стремленіе къ независимости... къ работѣ... Вѣроятно, рядъ оскорбленій заставилъ васъ рѣшиться... и кромѣ того, быть можетъ, есть другія причины... Надежда Сергѣевна оскорбила васъ... Есть оскорбленія, которыя такъ глубоко уязвляютъ...

— Дѣло не въ оскорбленіяхъ, а въ томъ, что я хочу иной жизни, я вѣдь вамъ это сказала.

Онъ совсѣмъ ей не могъ повѣрить, и посмотрѣлъ на нее мрачно и подозрительно.

— Почему вы мнѣ не вѣрите? спросила Маша. — Я сдѣлала только то, о чемъ вы такъ часто говорили: надо! надо!

— Нѣтъ, нѣтъ, это не можетъ быть! твердилъ онъ, не вникая въ слова Маши и вовсе не соображая, какъ онъ своимъ невѣріемъ подрываетъ вѣру въ свои собственныя громкія и красивыя слова.

Маша не сочла нужнымъ наводить его на эти соображенія или уличать его; ей сдѣлалось жаль его и вмѣстѣ совѣстно за него; ей представился другой человекъ, и отъ одной мысли, что другой тотъ существуетъ на свѣтѣ, она вдругъ себя почувствовала такою счастливою, что вся содрогнулась и заалѣлась, какъ при внезапной неожиданной радости.

— Не можетъ, не можетъ быть! повторялъ онъ, устремляя на нея пристальный, тревожный, подозрительный взглядъ.

— Увѣрю васъ, что это такъ, отвѣчала Маша.

— Я люблю васъ, сказала онъ, глядя на нее тѣмъ же пристальнымъ, тревожнымъ, подозрительнымъ взглядомъ:—я не могу вамъ предложить веселой, роскошной жизни, я вамъ предлагаю жизнь трудную, бѣдную (при этомъ онъ невольно вспомнилъ, что у него денегъ въ настоящую минуту совсѣмъ нѣтъ, что онъ не знаетъ и становится въ тупикъ, гдѣ достать ихъ и что уже больше году онъ со дня на день перебивается въ долгъ. Онъ быстро отогналъ это воспоминаванье утѣшительнымъ упованьемъ: «все поправится, все пойдетъ хорошо» и даже не замечая въ словахъ) жизнь, исполненную невзгодъ, но ниѣющую свою обаятельность. Я для васъ всѣмъ готовъ жертвовать, всѣмъ! Меня не пугаетъ нужда, не страшитъ всеобщее отчужденіе, если вы будете со мною!

— Я васъ не люблю и потому не могу быть вашей женой, отвѣтила Маша.

— А! Вы любите другаго?

— Такія вещи повѣряютъ только очень близкимъ людямъ, сказала Маша, краснѣя, какъ при прикосновеніи грубой и дерзкой посторонней руки.

— Мнѣ надо это знать! Я хочу это знать! Я это узнаю!

— Если вы находите, что вамъ необходимо это знать, то я скажу вамъ, что люблю другаго.

— А! Загайнаго?

Она не отвѣчала и нѣсколько поблѣднѣла.

— Вы любите Загайнаго? Я въ этомъ былъ увѣренъ! Чѣмъ онъ плѣнилъ васъ? Или я ошибаюсь? Вы любите Бурнашова? Что моя мучительная, всезабывающая любовь! На что она надобна! Ну, Марья Григорьевна, кто жъ вами избранъ?

Она не отвѣчала и была теперь очень блѣдна.

— Вы не отвѣчаете? Не хотите?

— Я не буду отвѣчать на вопросы, которые вы не должны бы были мнѣ задавать.

— Вы хотите дать мнѣ понять, что я оскорбилъ святиню...

— Я хочу васъ просить прекратить бесполезный и тягостный разговоръ.

— А! вы хотите выгнать меня! Выговяйте; это прибавитъ не богъ-знаетъ какой глотокъ въ той чашѣ, отъ которой я не отрываю устъ вошь уже третій годъ...

— Прошу васъ, уйдите, Павелъ Ивановичъ. Вы очень разстроены и мы теперь не можемъ разговаривать. Кромѣ того, я

считаю всякіе разговоры излишними, послѣ того, какъ я вамъ объяснила все, что могла. Прощайте.

Онъ съ горечью усмѣхнулся, низко ей поклонился не говоря ни слова, и ушелъ.

III.

ПЕРВЫЯ РАБОТЫ.

Прошелъ мѣсяць съ тѣхъ поръ, какъ Маша ушла изъ дома Надежды Сергѣевны и поселилась у Ненилы Самсоновны.

Отъ уѣздной помѣщицы она не получила никакого отвѣта на свое письмо. Въ городѣ нигдѣ работы ей не находилось.

Когда, чрезъ посредничество Ненилы Самсоновны, она получила отъ одной сосѣдки-торговки заказъ сшить ей мальчику розовую ситцевую рубашечку, она спила ее дрожавшими отъ удовольствія руками, удовольствія такого глубокаго, какого она отроду не испытывала, и полученныя за работу патнадцать копѣекъ были ей такъ пріятны, что она сама улыбнулась.

Кто не испыталъ самъ, что значить желать и ждать работы, болѣе такъ—сказать по работѣ, тому очень трудно понять ягучую жажду дѣла, овладѣвавшую тогда человѣкомъ; кому незнакома мучительная, томительная дрожь, пробѣгающая по всему тѣлу, которое кажется тиснетъ съ ваднымъ, праздно проведеннымъ днемъ, и круженье головы отъ неотступной мысли: когда же?—тотъ никогда вполне не пойметъ муки этого состоянія.

Иногда, послѣ цѣлаго дня напрасныхъ исканій, Маша, усталая и какъ будто разбитая, садилась ввечеру отдыхать въ своей комнатѣ и подолгу плакала.

Въ своихъ исканьяхъ работы, она очень часто встрѣчала насмѣшки; всегда недовѣріе, подозрѣвіе и равнодушіе, но ее это не огорчало, не пугало, даже не волновало: она вся была поглощена одною мыслию найти работу, и это одно ее мучило и заботило.

У нея бывали горькіе, очень горькіе часы, но и въ эти очень-очень горькіе часы ни разу, никогда, ни на одинъ мигъ не явилось у нея ни раскаянья, ни сожалѣнья. Заливаясь слезами въ своей комнатѣ по цѣлымъ ночамъ отъ тоски праздной жизни, она въ утѣшеніе себѣ повторяла, что все-таки начало положено, путь найденъ, и какъ ни была измучена и опечалена, вдругъ успоковалась, и на утро выходила опять на поиски спокойна, смѣла и терпѣлива, или, что случалось гораздо чаще и что было несравненно труднѣе, цѣлые дни проспивала въ своей комнатѣ не предаваясь унынію и не теряя бодрости.

Когда некуда было идти по дѣлу, она въ погожіе дни уходила, на цѣлый день въ лѣсъ, или къ рѣкѣ, гдѣ подь слободкою было такое безлюдье, что сюда только изрѣдка доносились голоса рабочихъ изъ города и что тутъ, въ прибрежномъ тростникѣ, водились дикія утки.

Не находя никакой работы, Маша разочла, что лучше всего употребить сколько она можетъ денегъ на покупку книгъ, и пока нѣтъ никакого занятія, которое кормило бы ее, читать и учиться такъ, чтобы въ будущемъ это пошло въ прокъ. Она такъ и сдѣлала.

Кромѣ удовольствія быть на свѣжемъ воздухѣ, она сначала ушла изъ дому еще и потому, чтобы избавиться отъ посѣщеній тети Фанни (Надежда Сергѣевна вдругъ перестала ее посѣщать, даже перестала писать къ ней; по словамъ тети Фанни она могла прогнать Машу и лишить ее тѣмъ всякаго счастья въ жизни), но скоро ей повзалося трусливостью и малодушіемъ бѣгать отъ нея изъ своей комнаты, и въ то же время не имѣть духу прямо дѣйствовать. Въ первый же разъ, какъ явилась тети Фанни, она попросила ее не прѣзжать больше съ бесполезными совѣтами и увѣщаніями. Тети Фанни ужасно разгнѣвалась, нагородила три короба несообразностей, объявила что предастъ Машу суду божію, вычеркиваетъ изъ своего духовнаго завѣщанія и на вѣкъ удаляется.

Однако удалилась только до слѣдующаго утра.

У тети Фанни не было теперь лучшаго развлеченія, какъ нарядиться въ какое нибудь сизое, шумящее платье, увѣнчаться необыкновенною наколкою и въ такомъ видѣ подъѣхать въ каретѣ къ домику Ненилы Самсоновны, или подойти надменною походкою и произвести впечатлѣніе на всю улицу. На улицу она производила впечатлѣніе; изъ всѣхъ оконъ высовывались головы, многіе выбѣгали за ворота, хотя Ненила Самсоновна, смотрѣвшая на тетю Фанни съ презрительной точки, давно конфиденціально объявила всѣмъ сосѣдямъ, что это ничего болѣе какъ «умовредная» старуха.

На слѣдующее утро тети Фанни явилась, но нашла дверь Машинной комнаты запертою.

— Чтѣ это значить? вскрикнула она, потрясая дверь безсильною рукою.— Чтѣ это значить?

— Извините меня, отвѣчалъ ей голосъ Маши:— я очень занята и не могу сегодня принять васъ.

— Какъ? не мож....

Тети Фанни даже не могла выговорить такихъ беззаконныхъ

словъ, и захлебнулась ими, какъ горькой, соленой волной морской.

— Отвори! вскрикнула она:—отвори мнѣ сейчас! Я понимаю, что это значить! Я понимаю, почему заперта дверь отъ меня! А! вотъ до чего дошло! Прекрасно! Отвори! Отвори!

И опять потрясала дверь.

— Я не могу васъ сегодня принять, потому что я занята, отвѣчала Маша.

Тета Фанни въ безмолвной и бессильной ярости все-таки потрясала дверь, отчего за перегородкой у Ненилы Самсоновны начала прыгать и звенѣть чайная посуда на полочкѣ, и что дало Ненилѣ Самсоновнѣ пріятное право высунуть голову изъ своей комнаты и сказать доброжелательно:

— Не извольте понапрасну ручекъ трудить, сударыня: только вы мои чашечки погубите, а удовольствія никакого не получите, потому двери эти крѣпчайшія.

Съ этого дня тета Фанни перестала являться. Маша была разъ у Надежды Сергѣевны, ей хотѣлось видѣть Катю и самой убѣдиться, въ какомъ положеніи Надежда Сергѣевна, но ее запрещено было принимать.

— Запретили, строго запретили, шептала Еремѣй:—но вы извольте идти, Марья Григорьевна.— Это ничего не значить. Извольте идти.

— Нѣтъ, если запретили, такъ я не пойду, отвѣчала Маша.

— Ужь не извольте сомнѣваться, Марья Григорьевна, не вы въ отвѣтъ будете, а я. Пожалуйте.

И Еремѣй настѣжъ растворилъ двери въ залу.

— Нѣтъ, я не пойду. Спасибо вамъ за расположеніе. А все-таки, по справедливости говоря, вы не должны бы пускать меня, прибавила она съ улыбкою.

— Чтобы это я васъ не пустил? спросилъ Еремѣй негодуя.

— Да ужъ разъ какъ Надежда Сергѣевна рассчитываетъ, что вы исполните ея волю, то и надо исполнять.

— Это чтобы я исполнялъ? спросилъ Еремѣй, негодуя еще сильнѣе.

— А какъ же иначе. Или надо совсѣмъ отказаться, или ужъ исполнять въ точности.

— Такъ нельзя жить, увѣренно отвѣтилъ Еремѣй.—Войдите, Марья Григорьевна!

Но Маша не вошла, а просила его передать Надеждѣ Сергѣевнѣ, что она была, что желала видѣть ее и Катю, и что просить увѣдомить, когда могутъ ее принять.

Увѣдомленія никакого не было, и у Маши прекратилось бы

всякое сообщеніе съ прежнимъ міромъ, еслибы ее не провѣдывала няня: разъ въ недѣлю няня ужъ непременно приходила.

Приходи, няня каждый разъ устремляла на Машу испытующій, нѣсколько тревожный взглядъ, какъ-бы опасаясь, что блестяшіе золотомъ червонцы обратились въ простые, ничего не стоящіе угольки, и всякій разъ уходила съ тѣмъ нѣсколько озадаченнымъ и довольнымъ видомъ, какой бываетъ у старыхъ людей, когда они много пережили, много видѣли, полагали невозможнымъ встрѣтить что-нибудь новое и незнакомое, и вдругъ встрѣчаютъ совершенно ими неизслѣдованное, невиданное, даже совершенно неподозрѣваемое.

— Марья Григорьевна, сказала разъ няня войдя и успокоившись, что червонцы не обратились въ угольки: — Катерина Ивановна очень скучаютъ.

— Что съ нею, няня?

— Да ужъ больно тихи онѣ и богоугодны стали: смиреннѣй всякой монашенки. Повѣрите, глядѣть жалко. Ни одной проказы, ни одной шалости; походка другая, голосокъ другой. Съ маменькой почтительны и услужливы, ни на какія обиды не отвѣчаютъ... теперь всею угнетены.

— Какъ угнетена?

— Да Надежда Сергѣевна очень теперь гнѣвны и ничѣмъ имъ не угодишь, такъ нападаютъ на Катерину Ивановну не въ мѣру. Ну, видя это, и Фанни Сергѣевна тоже пускаются, и Ольга Порфировна... Они-то, пожалуй, еще пуще самой Надежды Сергѣевны наругаются. Ужъ извѣстно заяцъ трусъ, а охотиться пуще льва любить. А Катерина Ивановна, должно быть, теперь положили себѣ все переносить съ вротостью, и все переносать, только губку закусать, слова не скажутъ. Это вредно; у нихъ даже тѣлице похудѣло, и какъ съ вечера заснутъ, посмотришь—мокрыя рѣсницы и лежатъ такъ раскинуты, словно говорятъ: «жизнь мнѣ не мила!»

— Я завтра же приду, няня, и буду стараться, чтобы мнѣ позволили ее увидетьъ.

— Вы придите пораньше, Марья Григорьевна, объ ту пору, какъ чай кушаютъ.

Въ эту пору на другой день Маша и пришла. Еремѣй встрѣтилъ ее, какъ человѣкъ уже получившій должныя наставленія, и при первомъ словѣ Маши «пожалуйста доложите», вивнулъ головой и отправился въ чайную. Маша слышала, какъ онъ громко и отчетливо доложилъ:

— Марья Григорьевна пришли и просятъ видѣться съ вами и съ Катериной Ивановной.

Маша слышала, какъ Катя радостно вскрикнула, какъ загремѣлъ двинутый стулъ, какъ затопали быстрыя ножки, какъ раздался голосъ Надежды Сергѣевны: «не пускайте ее!», какъ поднялась суматоха, какъ Катя опять вскрикнула, но уже иначе, и какъ поднялась еще бѣлая суматоха. Еремѣй возвратился и сказалъ мрачно:

— Не велѣно пускать; а вы, Марья Григорьевна, пожалуйста коли угодно.

— Что съ Катей?

— Грянулись на полъ, какъ прострѣленные; подняли и на рукахъ понесли въ дѣтскую. Пожалуйста, Марья Григорьевна.

— Нѣтъ; силою врваться хуже будетъ. Прощайте.

— Эхъ, жизни! проговорилъ Еремѣй съ мрачнымъ негодованіемъ, затворяя за Машею двери.

Въ тотъ же день Маша получила записку отъ Кати, принесенную какимъ-то неизвѣстнымъ бѣлоголовымъ мальчикомъ. Это была записка, написанная видимо дрожавшею ручкою.

«Милая Маша, я тебя люблю и всегда буду любить, всегда, всегда. Милая, милая, милая, милая моя!»

— Получили записку, Марья Григорьевна? спросила няня, навѣстившая Машу въ тотъ же вечеръ.

— Получила, няня. Что Катя?

— Да теперь успокойнѣй. Какъ васъ не пустили, такъ онѣ такъ и покатались безъ чувствъ на полъ. Ну, потомъ, какъ отошли немножко ихъ чувства, стали просить Надежду Сергѣевну, очень просили! Надежда Сергѣевна ни подь какимъ видомъ не согласилась. Я даже не надѣялась, что у нихъ такое сердце. Нѣтъ, нѣтъ, да и нѣтъ. Ну, Катерина Ивановна и перестали просить, отошли, а потомъ написали вамъ записку, велѣли Еремѣю отправить, а сами стали передъ Надеждой Сергѣевной, да и говорить: «я написала Машѣ, что я ее люблю и всегда буду любить». Надежда Сергѣевна страхъ какъ на нихъ за это накинулись, а онѣ все молчали. А потомъ, какъ пришелъ вашъ отвѣтъ, онѣ его прочитали, поцаловали и сейчасъ объявили Надеждѣ Сергѣевнѣ, что отвѣтъ отъ васъ имѣютъ. Надежда Сергѣевна кричитъ: «дай его сюда!» и онѣ подали. Надежда Сергѣевна схватили, прочитали и взорвали въ влохи; Катерина Ивановна ничего не сказали на это, только тихонько въ дѣтской поплакали. Вы что имъ писали, Марья Григорьевна?

— Писала, что тоже люблю ее, и буду всегда помнить.

— Утѣшились онѣ этимъ очень. Стали послѣ того не въ примѣръ спокойнѣе. Вы не сокрушайтесь, Марья Григорьевна, онѣ вѣдь тоже характерныя, и кромѣ того я соблюдать ихъ буду.

Все это горе минетъ, повѣрьте мнѣ. Надежда Сергѣевна испытываютъ теперь васъ, уповаютъ, что вы соскучитесь въ одиночествѣ и при бѣдности, и воротитесь къ нимъ. Для того онѣ всѣ эти виды и показываютъ.

— Я напишу Надеждѣ Сергѣевнѣ.

— Это объ Катеринѣ Ивановнѣ-то? Не пишете, Марья Григорьевна: какъ увидать, что вы къ этому очень чувствительны, то пуше ихъ донимать стапуть; я это не по легкомыслию говорю, повѣрьте мнѣ.

Маша подумала и рѣшила, что, въ самомъ дѣлѣ, будетъ хуже, если она напишетъ, и не написала.

Разъ поутру Маша сидѣла въ своей комнатѣ подъ окномъ и читала; вдругъ скрипнула и пріотворилась дверь, и просунулась голова Ненилы Самсоновны.

— Марья Григорьевна, вы говорили, гарусомъ умѣете вышивать?

— Умѣю, отвѣчала Маша.

— Такъ вотъ работа находится — возьмете?

— Я очень буду рада, Ненила Самсоновна, отвѣчала Маша, и сердце у ней такъ радостно забилось, какъ давно уже не случалось ему биться.

— Такъ пожалуйста, матушка, сказала Ненила Самсоновна, и впустила къ Машѣ молодую, черноглазую женщину, со сверткомъ канвы и шерстей въ рукахъ, съ бѣлой тюлевою косыночкой на головѣ, но съ нечесаною головою, въ розовомъ ситцевомъ, измятомъ и испятнанномъ платьѣ, но со множествомъ колецъ на всѣхъ пальцахъ, въ золотныхъ серьгахъ, въ золотой цѣпочкѣ и въ янтарномъ ожерельѣ.

— Здравствуйте, сказала черноглазая женщина покровительственнымъ тономъ, и критически оглядывая Машу съ головы до ногъ.

— Супруга отца Владиміра, пояснила Ненила Самсоновна Машѣ. — Желаютъ картинку гарусами вышить.

— Вы можете картину вышить? спросила супруга отца Владиміра.

— Могу, отвѣчала Маша.

— А какъ это скоро можете? Мнѣ бы поскорѣ надо.

— Я постараюсь какъ можно скорѣе. Потрудитесь показать узоръ.

Супруга отца Владиміра развернула свертокъ и показала узоръ — въ равнинѣ сидѣло три амура, обвитые цвѣточными гирляндами.

— Я могу вышить это въ двѣ недѣли, сказала Маша.

Супруга отца Владиміра недоувѣрчиво на нее поглядѣла.

— Вы хорошо ли вышиваете-то? спросила она.

— Вотъ посмотрите, я при васъ начну.

— Да вѣтъ, какъ же это! Мы еще въ цѣвѣ не сговорились...

— Я только немного вышью — это въ счетъ не идетъ. Если вамъ не понравится, то вы и не отдадите мнѣ работу.

Маша взяла канву и начала вышивать. Она работала быстро и хорошо; супруга отца Владиміра была очень довольна.

— Гдѣ это вы, матушка, такой узорчикъ достали? спросила Ненила Самсоновна.

— И не говори, Ненила Самсоновна! Всѣ лавки обѣгала; все искала, знаешь, чегонибудь божественнаго — вѣтъ ничего, да и только! Все охотники съ ружьемъ, да турки съ винжалами, да дѣвушки съ снопами — не идетъ это все моимъ старикамъ: у нихъ въ домѣ все божественное — просто я отчаялась! Ну, думаю, если ужъ я у Герасимова не найду, такъ и исхать не стану, заказу одѣяло выстегать, да и подарю; а у Герасимова-то и нашла! Какъ я сказала, что божественнаго надо, онъ сейчасъ мнѣ этихъ ангелочковъ и подаль: «вотъ, говорить, какъ нарочно для васъ». Такъ я обрадовалась, что и сказать тебѣ не могу! Ты посмотри-ка, какъ сдѣланы — приложиться хочется!

— Чтѣ это они веселые какіе, сказала Ненила Самсоновна, глядя на узоръ. — Никогда я такихъ веселыхъ ангелочковъ не видала.

— Радуются, Господа хвалить, отвѣчала супруга отца Владиміра.

— Это не ангелы, сказала Маша.

— Какъ не ангелы? спросила супруга отца Владиміра.

— Это — амуры.

— Какіе это такіе амуры?

— Языческіе божи.

— У язычниковъ только кумвры, да идолы, больше ничего нѣту.

— И амуры тоже языческіе...

Супруга отца Владиміра даже не удостоила Машу отвѣтомъ, и обратилась къ Ненилѣ Самсоновнѣ.

— Это ангелы — видишь, крылышки-то?

— Въ какой же это они скорлупѣ сидятъ? спросила недоувѣрчивая Ненила Самсоновна. — И по водѣ плынуть.

— А это послѣ потопа вода, и они вотъ память могутъ даже въ скорлупѣ; всякія чудеса являютъ.

— И цвѣтами какъ обсыпаны!

— И цѣнты около нихъ произрастаютъ. Это всегда такъ; тоже чудеса.

Маша хотѣла-было еще возражать, но супруга отца Владимира съ видимымъ неудовольствіемъ перебила ее на первомъ словѣ:

— Ужь вы меня не учите! Ужь мнѣ-то лучше знаты!

— Я потому хотѣла сказать, чтобы послѣ вы не жалѣли, что вышили не то, что думали.

— Ужь вы, пожалуйста, меня не учите! съ пущимъ неудовольствіемъ перебила супруга отца Владимира.—Ужь вышивайте, что приказываютъ, а не то, чтобы судить... Что же, возьметесь вышить въ двѣ недѣли?

— Возьмусь, только...

— Да ужь не учите! Будетъ готово?

— Будетъ.

— Безъ обману?

— Безъ обману.

— А цѣна какаа? Теперь цѣны на это невысокія. Вотъ мнѣ вышивали очень дешево.

— Сколько вы платили?

— Да я отдавала въ монастырь — ну, тамъ извѣстно дороже платится, а такъ, если простымъ отдавать — такъ больше рубля съ четвертью положить нельзя. Коли вы согласны...

— Я согласна.

— Да вы смотрите, гарусь-то ужь блюдите, пожалуйста. Подлиннѣй ниточки берите, такъ меньше концовъ будетъ и меньше тратится.

— Хорошо, отвѣчала Маша.

— Ну, я заѣду на дняхъ поглядѣть. Прощайте.

Супруга отца Владимира ушла обиженная Машиними возраженіями противъ подлинности ангеловъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень довольная, что отдала работу въ искусныя руки.

— Какая она заносчивая! Обо всемъ судить! сказала она Ненилѣ Самсоновнѣ, провожавшей ее до калитки.

— Да вѣдь она изъ богатаго дома, изъ барскаго, отвѣчала Ненила Самсоновна какъ-бы въ оправданіе.—Посмотрѣли бы вы, въ какихъ каретахъ къ ней родня прѣзжаетъ!

— Что богатства мірскія? Вонъ Лазарь-то какой былъ, весь въ рубищахъ, въ ранахъ, да въ рай сподобился, а богачъ въ адъ свергнуть, въ горячую смолу!

— Оно конечно! отвѣчала Ненила Самсоновна съ благочестивымъ вздохомъ.

— А вы дешево взяли за работу, Марья Григорьевна, сказала

Ненила Самсоновна, проводивъ супругу отца Владимира и возвращаясь къ Машѣ.

— Я не знала здѣшнихъ цѣнъ, отвѣчала Маша.

— Да на что жъ вамъ цѣны знать? Ужъ коли дають рубль, то завсегда значить стоять два.

— А если не попадѣть...

— Ну, гдѣ не попадѣть! Ужъ извѣстно, всяка сестра себѣ несла, а всякъ братъ, себѣ радъ! сказала Ненила Самсоновна. На лицѣ ея промелькнуло выраженіе, будто говорящее: «да ни въ чемъ она кажись не виновата!» и она поглядѣла на Машу съ нѣкоторымъ разочарованіемъ.

— Ненила Самсоновна, вы скажите супругѣ отца Владимира, что это не ангелы.

— Ну, на что ее понапрасну тревожить, Марья Григорьевна? Я ее съизмальства знаю: ужъ у нея такой нравъ, что какую чепуху ни сгородить, а чтобъ ей верхъ былъ. Да и какая тутъ бѣда, гдѣ? Гляньте вы сами: тѣ же крылышки, та же невинность.

Супруга отца Владимира не могла простить Машѣ сомнѣній насчетъ узора. Неудовольствіе ея было такъ велико, что она не постояла за деньги и отдала вышивать «воздухи» какой-то черничкѣ, несмотря на всѣ увѣщанья Ненилы Самсоновны.

— Нѣтъ, нѣтъ, говорила супруга отца Владимира:—коли такимъ потачку давать, такъ вѣдь это никакого уваженія на свѣтъ не будетъ, а только одна дерзость.

Однако вышитую Машею картину многіе приходили смотрѣть; по всему переулку разнеслось, что Маша искусная рукодѣльница, и это принесло хорошіе плоды: чиновница, жившая по сосѣдству, заказала ей связать одѣяло.

Это была старая вдовствующая, бездѣтная чиновница, большая, лысая, кривая и подозрительная. Она давала Машѣ шерсть и бумагу маленькими клубочками, и когда эти клубочки извязывались и Маша приходила за новымъ матеріаломъ, она сначала долго смотрѣла на нее своимъ подозрительнымъ зеленымъ глазомъ, а потомъ говорила:

— Чудное дѣло, какъ это много выходитъ! Никогда у меня такъ много не выходило! Вы, милая, не потеряли ли одного клубочка?

— Нѣтъ, отвѣчала Маша, я всѣ извязала.

— Чудное дѣло ей-богу!

Когда это повторилось раза три или четыре, Маша сказала ей:

— Мнѣ непріятно, что вы всякій разъ удивляетесь и предполагаете, что я теряю шерсть; не угодно ли вамъ, я буду ходить

тъ вамъ работать? Вы своими глазами будете видѣть, сколько выхо-
дить и будете спокойны.

Чиновница на это согласилась, и Маша стала ходить работать къ ней.

Она приходила рано поутру, всегда въ то время, когда ку-
кушка въ залѣ или начинала куковать семь часовъ, или проку-
ковавши ихъ, захлопывала за собою дверцу, когда въ домѣ пахло
кофеемъ, и чиновница являлась изъ спальни въ ночной кофтѣ
со сборками и въ малиновыхъ кожаныхъ туфляхъ, съ потускнѣв-
шими золотыми разводами. Маша садилась къ окну и принималась за
работу. За работою она просиживала цѣлыя дни, усердно вывя-
зывая по бѣлому полю голубые виноградныя листья, летая мыслію,
гдѣ угодно, все вызывая прошлое, все заглядывая въ будущее;
настоящее переживалось спокойно, но каждый проходящій день
отсчитывался, какъ пройденная верста трудной, однако не
сваливающей съ ногъ, не убивающей дороги. Заботливо и зор-
ко, терпѣливо и неутомимо смотрѣла она себѣ подъ ноги, по
сторонамъ и впередъ, и безъ колебаній, сомнѣній и страховъ
бодро шла.

И все доставалось ей вовсе не такъ трудно и не такъ
больно, какъ она себѣ воображала. Она часто теперь сама
удивлялась, какъ все то легко ею принимается, что прежде пред-
ставлялось ужаснымъ, невыносимымъ. Удачъ особенныхъ ей до сихъ
поръ не было, и ничто пока не обѣщало ихъ въ будущемъ, но она
чувствовала себя глубоко спокойною, исполненною силы и крѣ-
пости. Это состояніе можно сравнить съ чувствомъ приближенія
весны: вездѣ еще пусто и холодно, ни одинъ еще теплый луч не
блеснулъ и не пригрѣлъ, а ужъ весна сказывается всему существу,
и вмѣстѣ съ жгучей тоской настоящаго холода и пустоты, вдругъ
нахлынетъ живой приливъ радости, какъ-бы предвкушеніе ско-
раго свѣта и тепла и все въ немъ совершенно потонетъ и про-
падетъ.

Кривая и подозрительная чиновница была вмѣстѣ съ тѣмъ
очень общительна и словоохотлива. Въ первый же день, какъ
Маша пришла къ ней работать на домъ, она, сидя на высокомъ
диванчикѣ у столика и раскладывая пасьянсъ двѣнадцать спя-
щихъ дѣвъ, очень добродушно и настойчиво принялась разпра-
шивать Машу о ея дѣлахъ.

— Что же это, обидѣли васъ, что ли, родные? За что вы съ
ними поссорились? Наслѣдство, что ли, какое спорное было? За-
чѣмъ вы отъ нихъ ушли? Они, говорятъ, богатые люди.

— Да вѣдь нельзя же вѣкъ оставаться на чужихъ рукахъ. Я
не калѣка, здорова и могу сама себя прокормить.

— Вотъ то-то, вѣтренность ваша дѣвичья! Кабы вы съ родными-то ладили, такъ жили бы себѣ припѣваючи на всемъ наготовомъ. Можетъ, они такъ бы васъ по смерти своей наградили, что вы бы цѣлнй свой вѣгъ потомъ и палець объ палець не ударили.

— Лучше всего, какъ самъ себѣ зарабатываешь; тогда самъ себѣ господнй.

— Ну, ужъ это вы отъ огорченія такъ говорите. Ужъ какая тамъ сласть, какъ приходится на пропитаніе души своей зарабатывать! Жизнь станетъ не мила! Тому только на свѣтѣ и живется, кто можетъ склавши ручки сидѣть.

— Я думаю другое.

— Ну, что вы тамъ думаете! Совсе тутъ думать нечего. Расскажите-ка вы мнѣ, какъ у васъ все это вышло?

— Да мнѣ рассказывать нечего и я рассказывать не люблю.

— Вотъ какъ! Что, грѣшки у васъ, что ль, какіе водятся?

— Почему жъ вы полагаете, что у меня грѣшки водятся?

— Да ужъ такъ я полагаю!

— Безъ причины нельзя, а то вдругъ я ни съ того ни съ сего начну предполагать, что у васъ водятся грѣшки, и буду развѣ права?

Зеленый глазъ поглядѣлъ на Машу пристально и озадаченно; онъ неподвижно остановился, какъ внезапно зацѣпившееся колесо, и началъ какъ-то переливаться разными зелеными цвѣтами, перехода отъ блѣднаго въ темный и изъ темнаго опять въ блѣдный.

— Да вы какъ же это смѣли! протворила чиновница, проходя въ себя, и вдругъ такъ разозлившись, что даже лысины на головѣ у нея побагровѣли.—Да вы какъ же это смѣли! Я вамъ покажу, какъ надо мной насмѣшки дѣлать!

— Какія же насмѣшки? сказала Маша. — Вы не хорошо поняли мои слова.

— Очень я умѣю ихъ понимать!

— Что жъ вы находите въ нихъ обиднаго? Вы не знаете меня, а говорите, что у меня водятся грѣхи, а я говорю, что и я такъ, значить, могу о васъ думать, какъ вы обо мнѣ. Вы мнѣ первыи это сказали и я не обижаюсь, я вамъ только отвѣтила, и вамъ не слѣдуетъ обижаться.

— Такъ это вы себя ко мнѣ приравниваете? спросила чиновница съ презрительнымъ хохотомъ. — Со мной равняться хотите? Ужъ очень вы высоко залетаете, какъ бы вамъ крылья не подсѣли! Ужъ очень вы о себѣ мнѣнія большаго! Много о себѣ думаете!

— Почему жъ вы полагаете, что я о себѣ много думаю? спросила Маша.

Чиновница нѣсколько разъ гнѣвно плюнула.

Она была чрезвычайно разсержена и чрезвычайно удивлена. Это удивленіе мѣшало ей развернуться и связывало ее, какъ пеленки.

— Есть такіа твари, что ихъ въ благородный домъ пускать нельзя, проговорила она, сплясъ распеленаться:— такіа твари, что...

Она не договорила и вышла изъ комнаты.

Она скоро возвратилась такая же раздраженная, но уже видимо составивши планъ дѣйствія; она собиралась сказать что-то, судя по усмѣшкѣ, искривившей ея ротъ, очень язвительное, но это язвительное замерло на губахъ, когда она увидала, что Маша стоитъ съ навинутымъ бѣлымъ кисейнымъ платкомъ на головѣ, а работа лежитъ свернутая на столѣ передъ диваномъ.

— Я отказываюсь отъ вашей работы, сказала ей Маша.

— Да вы не смѣете отказываться, коли влялись! вскрикнула чиновница. — Я вамъ ни копѣйки не заплачу! Я могу вамъ не заплатить, потому вы бросаете работу...

— Я знаю, что можете не заплатить, и не требую съ васъ денегъ.

— Да это почему жъ вы отказываетесь?

— Потому, что мнѣ не нравится ваше обращеніе.

— Какое это мое обращеніе? Слава Богу до сихъ поръ никто еще на меня не жаловался! Съ генеральскими, съ княжескими домами была знакома... На что жъ это похоже? Взялись за работу, а потомъ отказываетесь! Да кабы я напередъ это знала, такъ я бы и не отдавала! Вотъ такъ-то всегда: сдѣлай благодѣянье, такъ въ оплату неблагодарность! Хотѣла помочь, что ѣсть, знаю, нечего, а вотъ... Погодите! погодите! Чтѣ это вы, шутите, что ли?

— Я вовсе не шучу, отвѣтила Маша и ушла.

Три дня не было о чиновницѣ никакого слуху; на четвертый день Ненила Самсоновна явилась отъ ея лица, и стала уговаривать Машу, чтобы она выкинула «все это» изъ головы, и ходила бы попрежнему къ чиновницѣ.

— Съ такою гордостью, Марья Григорьевна, надо разстаться, говорила Ненила Самсоновна наставительнымъ тономъ.— Ужъ извѣстно, коли кому работу заказываютъ, такъ надъ тѣмъ любить за всегда покуражиться, — ужъ это споконъ вѣку такъ водится, ужъ такой законъ. Ужъ кто работать хочеть, тотъ смирился и покорился! Какъ прослывете вы горячкою, такъ всѣ

обидятся и работы не даст никто, — ни за боже мой не даст!

Слова Ненилы Самсоновны были очень справедливы: не позволяя никому «покуражиться», можно было потерять работу, а потерять работу значило остаться безъ всякихъ средствъ существованія.

«Надобно это перейти», подумала Маша и отвѣтила Ненилѣ Самсоновнѣ, что если чиновница зоветъ ее, то она пойдетъ, и нагнувъ на голову свой бѣлый висейный платокъ она пошла.

Чиновница встрѣтила ее чрезвычайно высокообрно, но въ этомъ высокообріи проглядывалось маленькое смущеніе.

— Вы присылали звать меня, сказала Маша.

— Эта безтолковая Ненила Самсоновна всегда напугаетъ! сказала чиновница, возвышая голосъ почти до крику, и лысины ея при этомъ всѣ побагровѣли.—Я кланяться никому не стану, не то что вамъ...

— Такъ вы не присылали за мной?

— Я еще не такъ нуждаюсь, слава богу! Я еще не такъ интересуюсь, говорила чиновница, не давая прямого отвѣта.

— Такъ извините, сказала Маша и пошла въ дверямъ.

— Куда жъ вы? вскрикнула чиновница.—Садитесь, работайте! Или вамъ въ ноги кланяться надо!

Маша сняла платокъ и сѣла за работу. Чиновница поглядѣла на нее, будто желала ее разорвать, и вышла, проговоривъ угрожающимъ тономъ:

— Взвѣсивши за работу, бросать ее не позволять! Благородными людьми поминать нельзя!

Все остальное время, пока Маша работала у нея, чиновница очень придиралась: если Маша открывала окна, она вскрикивала, что въ ея домѣ распоразаться нельзя; если Маша входила за шерстью, она заставляла ее стоять передъ собою по полу-часу, раскладывая пасьянсъ двѣнадцать спящихъ дѣвъ; находила въ работѣ несовершенства разныя, безпрестанно выражала удивленье, что такъ много матеріалу выходитъ, и при этомъ всегда прибавляла, что есть такіе на свѣтѣ «фокусники», которые могутъ глаза отводить. Однако, все это говорилось съ нѣкоторою осмотрительностію, и взглянувъ на Машу, чиновница очень часто спохватывалась въ самой среднѣй колкой рѣчи и уходила, или заглаживала колкость своей рѣчи скромною просьбою: «Марья Григорьевна, потрудитесь, положите вотъ кусочекъ сахару канарейкѣ», или прерывала вопросомъ, что это вы нынче блѣдныя такія — нездоровы, что ли?

Маша несла сахаръ канарейкѣ, или отвѣчала, что она здорова, и ея спокойный видъ и спокойный тонъ снова выводили

чиновницу въ себя и снова вмѣстѣ съ тѣмъ внушали ей какое-то невольное чувство почтенія.

— Держить себя, словно она въ нивѣстѣ какихъ важныхъ чинахъ, говорила она Ненилѣ Самсоновнѣ съ огорченіемъ, и еще съ бѣльшимъ огорченіемъ чувствовала, что у Маши точно какой-то чинъ есть, чинъ, которому она, надворная совѣтница, подчиняется, вопреки всѣмъ своимъ усиліямъ и стараніямъ.

Въ это время Машѣ нашлась еще работа. Однимъ утромъ, въ воскресенье, Ненила Самсоновна вошла къ ней въ комнату и, по обыкновенію, поглядѣла на нее испытующимъ взглядомъ: что, все еще не оплошала? Прочитавши на Машаномъ лицѣ, что все еще не оплошала, Ненила Самсоновна улыбнулась и промолвила:

— А у меня вотъ новость есть, Марья Григорьевна.

Это было сказано тѣмъ голосомъ, какимъ говорятъ дѣтямъ: «а у меня пряникъ есть въ карманѣ; сдѣлай ручкой—будетъ твой!»

— Какая же это новость, Ненила Самсоновна? спросила Маша, не дѣлая ручкой.

— Коли скажу, то развеселю васъ. Сказать, чтѣ ли?

— Я очень буду рада слышать.

— Такъ говорить, аль не говорить? а?

— Я очень рада буду слышать.

Ненила Самсоновна сбиралась-было немножко по ея собственному выраженію «покуражиться», но это не выходило и она нѣсколько омрачилась.

— Что жъ я буду рассказывать, по васъ вѣдь хоть трава не рости! сказала она съ нѣкоторою досадою, но отъ природы справедливая, сейчасъ же почувствовала, что неправа сама, повеселѣла и веселымъ голосомъ продолжала:

— Ей-богу, новость хорошая. Ученье вамъ находится.

— Какое ученье, Ненила Самсоновна?

— А вотъ Куликовыхъ дочерей учить грамотѣ. Хочу, говоритъ Куликова, дочерей грамотѣ учить, потому, можетъ, Богъ пошлетъ офицеровъ, а офицеры всегда желаютъ, чтобы жены умныя были и книги читали.

— А гдѣ жъ эти Куликовы живутъ?

— Да близехонько. Вонъ ихъ домъ — видите, каменный желтый — вонъ.

Ненила Самсоновна показала изъ окна каменный грязновато-желтый, двухэтажный домъ, въ которомъ, Маша видала, по почамъ теплелись лампадки, а по утрамъ выбрасывалось изъ оконъ неизвѣстное множество арбузныхъ и дынныхъ корокъ, орѣховой скорлупы, рыбныхъ костей, всевозможной шелухи и всякаго сору.

— Когда жь въ нѣмъ лучше пойдти?

— Да хоть сейчасъ. Пойдемте, я провожу васъ и познакомлю.

— Кто они такіе? спросила Маша, навидывая на голову свой бѣлый кисейный платокъ.

— Тоже мѣщане, только богатые; теперь приписываются въ купцы.

— Они торгуютъ чѣмъ-нибудь?

— Торгуютъ да не шибко. Гдѣ имъ торговать! Онъ-то еще ничего — купецъ умный, а она простая такая, что ее телата, встрѣтивши на улицѣ, лжуютъ. Старикъ, его отецъ, хорошо торговалъ и много денегъ оставилъ.

— А дѣвочки умныя?

— И! тамъ вся женская семья одна только глупости!

Онѣ перешли улицу, повернули въ тѣсный переулочекъ и очутились передъ домомъ Куликовыхъ. Ненила Самсоновна отворила калитку, погладила бросившуюся къ ней радостно собаку, проговоривши: «и собаки-то у нихъ глупыя» и ввела Машу по нечистой деревянной лѣстницѣ во второй этажъ, въ комнаты, гдѣ пахло жаренымъ гусемъ.

— Хозяйка дома? спросила Ненила Самсоновна у громадной женщины въ синемъ сарафанѣ и съ густыми бровями колесомъ. — Покличь ее, Дарьюшка.

— Лисавета Акимовна! гаркнула Дарьюшка, какъ Соловей-разбойникъ. — Ненила Самсоновна пришла.

Изъ внутреннихъ комнатъ выплыла хозяйка, Лисавета Акимовна Куликова, полная, бѣлокурая купчиха, съ большими голубыми глазами на выкатѣ, съ кругленькимъ носикомъ пуговкою и съ такимъ крошечнымъ ротикомъ, точно его провертѣли бурвачикомъ, да и то съ великимъ трудомъ. Она была въ шерстяномъ, голубомъ платьѣ, въ бирюзовыхъ подвѣскахъ и повязана темнымъ платочкомъ.

— Вотъ я вамъ барышню привела, Лисавета Акимовна, сказала Ненила Самсоновна, указывая на Машу.

— Милости просимъ, отвѣчала Лисавета Акимовна. — Садитесь.

Всѣ онѣ разсѣлись по кресламъ красного дерева подъ ситцевою обивкою, съ длиннохвостыми желтыми птицами по красному полю и съ ручками, выгнутыми фертомъ.

— Какъ имя-отчество? спросила Лисавета Акимовна у Маша.

— Марья Григорьевна.

— А откуда родомъ?

— Издалека.

— А гдѣ проживали?

— Здѣсь, въ городѣ.

— Это у родныхъ?

— У родныхъ.

— А по какимъ причинамъ и случаямъ родныхъ оставилъ?

— Были свои причины.

— Какія?

— Свои. Для постороннихъ не любопытныя.

Лисавета Акимовна вовсе не ожидала встрѣтить такую учительницу, и посмотрѣла на Ненилу Самсоновну, какъ-бы укоряя: чтожь вы это мнѣ такое непонятное приводите?

Ненила Самсоновна прислушивалась къ ихъ разговору молча и наблюдала за Машей съ тайной надеждой: авось оплошаетъ? Она притворилась, что не замѣтила взгляда Лисаветы Акимовны.

— Вы грамотѣ можете обучать? спросила Лисавета Акимовна, покашлявъ и закраснѣвшись отъ смущенія.

— Могу, отвѣчала Маша.

— А кабая цѣна ваша?

Маша связала обыкновенную городскую цѣну уроковъ. Лисавета Акимовна ахнула, будто передъ нею кровожаднаго льва выпустили.

— Я возьму дешевле, сказала Маша. — Я только что начинаю учить, такъ я вдвое дешевле возьму.

Лисавета Акимовна опять ахнула, какъ будто новый левъ вышелъ.

— Вамъ кажется дорого? спросила Маша, краснѣя.

Ненила Самсоновна улыбнулась глазами. На лицѣ ея выразилось: — а вотъ ты сейчасъ смиришься! вотъ взглянешь на меня: помоги, Ненила Самсоновна!

— Такъ дорого, что приступу нѣту, отвѣчала Лисавета Акимовна вздыхая. Вздохъ какъ-то особенно, узенькою струйкою, выходилъ изъ ея ротика.

— Скажите, что вы можете дать.

— Да я думала такъ рубликъ или два въ мѣсяць, потому въѣдъ эта работа не потная, сказала Лисавета Акимовна, принимая какой-то благочестивый и набожный видъ.

— Я согласна, сказала Маша.

Ненила Самсоновна толкнула ее подъ бокъ, и подхватила скороговоркою:

— Согласны за три рубля? Что жъ, соглашайтесь Марья Григорьевна. Они люди хорошіе, обижать васъ не станутъ, ей-богу! Берите три, Марья Григорьевна, берите! Ну, что!

— Да, согласье дали за два, проговорила Лисавета Акимовна, и видъ у нея сдѣлался еще благочестивѣй и набожнѣй.

— Я согласна за два, сказала Маша.

— Ну! сказало лицо Ненилы Самсоновны:—ума я не приложу, что́ это за дѣвушка! Не то проста, не то свата!

Скорое согласіе Маши озадачило Лисавету Акимовну и она подумала съ тревогою: я, можетъ, сколько лишку передала!

— Я еще съ хозяиномъ посовѣтуюсь, сказала она: — я въ этихъ дѣлахъ незнающая, пусть онъ самъ разсудитъ.

— Да что жъ ему разсуждать? сказала Ненила Самсоновна.— Дѣло ужъ рѣшеное.

— Нѣтъ, нѣтъ! Какъ же безъ хозяина! Нельзя безъ хозяина рѣшать.

— А гдѣ жъ хозяинъ?

— Да отдыхаетъ.

— Такъ я послѣ приду, сказала Маша. — Назначьте мнѣ время, когда придти.

— И, нѣтъ! Вы погодите! воскликнула Лисавета Акимовна, испугавшись, что упуститъ изъ рукъ выгодную учительницу.— Посидите, хозяинъ сію минуточку встанетъ. Посидите!

— Хорошо, отвѣчала Маша.

Нѣсколько минутъ посидѣли въ молчаніи.

— Какъ у насъ теперь въ церкви прекрасно, сказала Лисавета Акимовна. — Воздухи новые и ферувими такіе... Три тысячи поправка стоила.

— Скажите! сочувственно воскликнула Ненила Самсоновна.

— Теперь пѣсенники какіе-то за рѣкой поютъ по вечерамъ, заслушаться надо — такъ поютъ!

— Люблю хорошія пѣсни! нѣсколько восторженно сказала Ненила Самсоновна. — А вы, Марья Григорьевна, любите?

— Очень люблю, отвѣчала Маша. — Я слышала, какъ за рѣкой поютъ, и мнѣ очень понравилось.

За дверями въ сосѣдней комнатѣ слышались возня и сдержанный смѣхъ.

— Позвали бы вы дочекъ, Лисавета Акимовна, мы бы на нихъ поглядѣли, сказала Ненила Самсоновна.

— Ахъ, вотъ въ голову не пришло! проговорила Лисавета Акимовна, улыбаясь и вздыхая, и пискливо крикнула:

— Феничка! Капочка! идите сюда!

На ея зовъ вошли двѣ маленькія, румяныя дѣвочки съ большими тугими животиками, въ розовыхъ ситцевыхъ блузочкахъ, съ лоснящимися, будто покрытыми лакомъ головками, двѣ Лисаветы Акимовны въ миниатюрѣ: такіе же носики пуговкой, ротикъ, съ трудомъ просверленные буравчиками и глаза на выкатѣ. При входѣ ихъ сильно запахло масломъ и разными мясами.

Онѣ вошли очень церемонно, парю, сложивъ крестомъ грязноватыя ручки на своихъ тугихъ животнахъ.

— Онѣ вѣдь маленько ужь умѣютъ читать, сказала Лисавета Акимовна.— Ихъ училъ отецъ дьяконъ. И книжки у нихъ есть. Вы принесите свои книжки, обратилась она къ дочерямъ.

Дѣвочки повернулись и вышли парю, какъ вошли. Опять за дверями послышался подавленный смѣхъ, шопотъ, возня; потомъ опять дѣвочки появились церемонною парю съ книжками въ рукахъ, и положили эти книжки передъ Машею на столѣ.

Эти книги были не только испачканы, не только насквозь пропитаны, а казалось были нѣсколько разъ поджарены попеременно то въ постномъ, то въ скоромномъ маслѣ.

— Ну-ка почитай, Капочка, сказала Лисавета Акимовна старшей дочери.

Капочка открыла священную исторію и начала читать какъ-то необыкновенно разѣвая ротикъ: «въ раю было прекрасное древо».

Лисавета Акимовна блаженно улыбалась; Ненила Самсоновна недовѣрчиво прислушивалась.

Маша вдругъ закрыла страницу, гдѣ говорилось о «древѣ», и развернула книгу на другой, изъ середины.

— Прочтите это, сказала она.

Капочка выпрямилась, и глаза и животикъ у нея вдругъ увеличились чуть не вдвое отъ недоумѣнія. Она оставалась вѣма, какъ окунь.

— Что жъ не читаешь? спросила Лисавета Акимовна въ свою очередь, начиная вся округляться.

— Я только «древо въ раю»... проговорила Капочка.

— Ну, ничего! Выучишься и другое чтать, успокоительно сказала Лисавета Акимовна: — ничего, не тревожься!

И она сама усповоилась и опала. Капочка тоже усповоилась, и тоже опала.

Феничка даже «древо въ раю» не стумѣла прочесть. Она только быстро заморгала, фырнула, весело попытѣла, какъ полный жару самоварчикъ, и стала неизвѣстно чему радостно смѣяться.

— Ну, ничего, сказала Лисавета Акимовна.— Это она ужь застыдилась очень, а то она умѣла.

Откуда-то изъ внутреннихъ комнатъ послышался кашель, тотъ особенный хозяйскій кашель, который всѣмъ въ домѣ говорить: я вовсе не отъ простуды, я вовсе не отъ слабости груди, нечего меня и смѣшивать съ тѣми кашлями, я просто хозяйскій, внушительный кашель, и только повѣщая, что хозяинъ проснулся.

— Вот хозяинъ пробудился, сказала Лисавета Анимовна, и быстро ушла во внутреннія комнаты.

— Ахъ, Марья Григорьевна! гдѣ жь ваша мудрость-то? сказала Ненила Самсоновна, когда хозяйка скрылась.

— А что? спросила Маша.

— Да за что жь вы сами себѣ лиходѣйкою стали? Вѣдь она бы три дала! Или вы не сообразили?

— Да, это могло быть, но могло быть и то, что я потеряла бы работу. А мнѣ больше всего хотѣлось поскорѣе ниѣтъ занятіе.

Ненила Самсоновна покачала головою, и лицо ея опять выразило недоумѣніе: чтѣ жь это, и все соображаетъ и ничего не умѣетъ въ свою выгоду устроить.

— Ну, чтѣ жь вы, умныя дѣвицы? обратилась она къ Капочкѣ и Фенячкѣ, стоявшимъ парю у стола: — поговорите съ нами, мы послушать вашихъ рѣчей желаемъ.

Капочка и Фенячка фыркнули и покраснѣли.

— Ишь, животик-то какіе тугіе — пулю не прострѣлишь! продолжала Ненила Самсоновна: — вы это въ себѣ уничтожайте, а то не красиво, офицеры замужъ не возьмутъ.

— Вы желаете учиться? спросила Маша у Капочки.

— Желаетъ-съ, прошептала Капочка, и сейчасъ же и глаза у нея, и животикъ непомѣрно увеличились.

— На чтѣ жь это желаешь ты учиться? спросила Ненила Самсоновна.

Капочка онѣмѣла.

— Утѣшать родителей, проговорила Фенячка за сестру, вся вспыхнула, и радостно показала всѣ свои зубы. Она, очевидно, была памятьвѣй и живѣй сестры, взбалмошная и веселая.

— Ишь ты, утѣшительница! сказала Ненила Самсоновна.

Послышались тяжелые шаги; хозяинъ вошелъ развалистой походкой, и раскланялся во всѣ стороны. Это былъ смуглый, краснощекій, крѣпкій человѣкъ; казалось, онъ былъ очень доволенъ собою и мало былъ расположенъ церемониться съ своими ближними. За нимъ быстро влила Лисавета Анимовна и, показывая на Машу, сказала:

— Вотъ, Федотъ Андренчъ, нашихъ дѣтей берутся учить.

— Приятное дѣло-съ, и повсегда вамъ будемъ благодарны, сказалъ Федотъ Андренчъ тѣмъ выработочно-кривливымъ голосомъ, какой бываетъ у сидѣльцевъ, заклапывающихъ покушниковъ, и обидывая Машу пронизательнымъ, всеобхватывающимъ купеческимъ взглядомъ. — Ненила Самсоновна, мое вамъ почтеніе;
Т. СЛХХVII. — Отг. I. 17

какъ Богъ грѣхамъ вашимъ терпѣть? обратился онъ къ Ненилѣ Самсоновнѣ снисходительно-фамиллярно.

— Ничего, терпѣть пока, отвѣчала Ненила Самсоновна: — такъ само, какъ и вашимъ.

— А извольте-ка почитать на пробу, обратился Ѳедотъ Андреечъ къ Машѣ.

— Чтò приважете? спросила Маша.

— А вотъ эту книжку (онъ взялъ священную исторію, подаренную въ маслѣ). Гдѣ разверну, такъ это чтобъ и читать.

Онъ развернулъ на исторіи Іакова, и Маша прочла исторію Іакова вслухъ. Всѣ, даже Ненила Самсоновна, были тронуты.

— Изрядно читаете, барышня, сказала Ѳедотъ Андреечъ, не отступавшій никогда отъ торговаго правила товара не захваливать: — изрядно. Учите нашихъ дѣвочекъ, я согласенъ, прибавилъ онъ великодушно. — Цѣна-то какая?

— Два рубля въ мѣсяцъ.

— Ну, ладно, два рубля, такъ и два рубля. Не постоятъ и за два рубля.

— Когда же начинать уроки? спросила Маша.

— Да чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше въ этихъ дѣлахъ, отвѣчалъ Ѳедотъ Андреечъ.

— Я завтра приду, сказала Маша. — Въ которомъ часу мнѣ придти?

— Да завтра понедѣльникъ, съ укоромъ возразила Лисавета Акимовна. — Кто же въ понедѣльникъ почпаетъ!

— Отчего же въ понедѣльникъ не начать? спросила Маша.

— Ахъ, Боже мой! тяжелый день, всякому ужъ это извѣстно! испуганно проговорила Лисавета Акимовна, и вся округлилась.

— Молода еще барышня, сказала Ненила Самсоновна, какъ-бы желая извинить Машу. — Ничего еще не дознала на дѣлѣ, а только слыхала, да издали видала.

— Нѣтъ, возразила Маша: — я сама сколько разъ начинала разные работы въ понедѣльникъ, и кончала ихъ такъ благополучно, какъ дай Богъ всегда кончать.

Лисавета Акимовна совсѣмъ округлилась отъ изумленія. Ненила Самсоновна глядѣла на Машу съ нѣкоторою досадою, что «нишь какъ она всякіе наши законы по боку!», и съ нѣкоторою въ то же время забавою, что «нишь удалая голова! битой дороги не спрашиваетъ, свои пути прокладываетъ!» Даже Ѳедотъ Андреечъ съ сомнѣніемъ посмотрѣлъ, прищурясь на дѣвушку, которая не вѣрила въ пагубную силу понедѣльника.

— Нѣтъ, я ужъ несогласна, чтобъ въ понедѣльникъ начинать, сказала Лисавета Акимовна.

— Когда же придти? спросила Маша.

— Да въ четвергъ. Четвергъ — легкій день. Всѣ въ четвергъ починають.

— Я приду въ четвергъ поутру. Прощайте.

— Да чайку бы напились, Марья Григорьевна! Ненила Самсоновна! напейтесь чайку, стала просить Лисавета Акимовна.

— Милости просимъ, откушайте, сказалъ Федотъ Андренчъ благосклонно.

Ненилу Самсоновну оставили чай пить, но Маша не осталась, и ушла домой.

Съ четверга начались уроки.

Лисавета Акимовна напрасно говорила, что эта работа не «потная»: съ ученьемъ Капочки и Феночки можно было такъ умяться, какъ съ перетаскиваньемъ кампей на плечахъ.

Какъ рано Маша ни приходила на урокъ, она уже заставляла ихъ съ такими тугими животиками, что, по выраженію Ненилы Самсоновны, пулей не прострѣлишь, и отъ нихъ уже такъ пахло мясомъ, точно онѣ ночь провели не въ постеляхъ, а въ какомъ нибудь бараньемъ богѣ съ кашей или въ душевой свининѣ, или въ чиненомъ гусѣ; по средамъ и пятницамъ гуся, свинину и бараній богъ замѣняли осетры, щуки, лещи въ постномъ маслѣ, пироги съ снѣтками, заливной окунь; глаза у нихъ соловѣли, ротъ полуоткрывался, какъ только онѣ садились около Маши; сонливо и тупо онѣ слушали, ничего не брали въ толкъ, вздыхали, сопѣли, чесались и зѣвали съ какимъ-то пронзительнымъ воемъ. Единственное средство ихъ расшевелить было повести ихъ гулять, но тутъ ожидала другая напасть: пробѣгавшись, онѣ начинали снова неотступно требовать бока съ кашей, или пирога со снѣтками; если требованіе не удовлетворялось, онѣ начинали стонать и вопить; Маша положила на нихъ много времени и труда, пока выучилась ладить съ ними, и приобрѣла кое-какое вліяніе и силу. Но ученье все-таки шло чрезвычайно медленно и туго. Надо было выбивать очень упорныя вѣрованія и убѣжденія, или лучше сказать привычки, потому что эти вѣрованія и убѣжденія перенаты были отъ предковъ, какъ перенато было соленье огурцовъ, головная повязка, ворожба на бобахъ. Конечно, Лисавета Акимовна никогда не думала и не разсуждала во всю свою жизнь; Федотъ Андренчъ думалъ и разсуждалъ только о торговыхъ дѣлахъ, десятилѣтняя Феночка и одиннадцатилѣтняя Капочка слышали только: вотъ за это Богъ накажетъ, а вотъ за это я выскучу; вотъ за это въ рай будешь принята, а вотъ за это въ кипящую смолу попадешь. Онѣ отроду не произнесли словъ: зачѣмъ, на что, къ чему? и эти слова отроду не прихо-

дали имъ въ голову. Послѣ двухчасовыхъ увѣреній, что земли не на китахъ, Капочка и Фенчича только хихикали, какъ будто Маша ихъ легонько щекотала для забавы, а вошедшая Лисавета Акимовна даже съ нѣкоторою строгостью сказала Машѣ:

— Вы дѣвочекъ съ толку не сбивайте! Земля на китахъ!

— Извините, Лисавета Акимовна: — это невѣрно.

— Это вѣрно. Земля на китахъ!

— А киты на чемъ?

— А киты на водѣ.

— А вода?

— А вода на землѣ.

— Вы разсудите...

— Разсудать тутъ нечего. Все это воля Божія.

Маша имѣла кое-какую надежду на Федота Андриенча: онъ отъ всей семьи отличался смышленнымъ и бойкимъ видомъ; она предположила на его разсмотрѣніе вопросъ о китахъ, но Федотъ Андриенчъ выслушалъ обѣ теоріи о землѣ, пожимая плечами и съ улыбкою, какъ будто ему показывали два разные, очень чудные фокуса — послушать было занятно, но къ торговымъ оборотамъ это не относилось и серьезнаго значенія въ жизни купеческой не имѣло.

— Курьёзно! курьёзно! проговорилъ онъ, усмѣхаясь.

На вопросъ, какъ же онъ думаетъ? Федотъ Андриенчъ отвѣчалъ, что онъ полагаетъ, киты будутъ вѣрнѣе, а, что, впрочемъ, все чудеса Божія и человѣческому уму недоступныя.

Подобныя «киты» иногда не давали Машѣ по ночамъ спать.

Она давно слыхала и знала, что «киты» не павлиное перышко, что ихъ двинуть съ разу невозможно, но мы часто по слуху издали знаемъ, что то или другое невозможно, и это намъ очень горько кажется, однако подходимъ бодро и самонадѣянно, но когда лицомъ къ лицу становьшь съ «китомъ», горечь вдругъ такъ разыграется и закипитъ, что станетъ свѣтъ постыгъ. Тогда обыкновенно бдльшая часть людей отходить прочь, отчаянно или покорно говоря: ничего не подѣлаешь! Гораздо меньшая часть отъ отчаянія и нетерпѣнія разбиваетъ себѣ голову или такъ или иначе калѣчитъ себя; еще гораздо меньшая часть остается на видъ скромна и терпѣлива, но все свое отчаяніе, горе, страсть обращаетъ на дѣло, но всю свою жизнь кладеть на то, чтобы безустанно толкать, потрясать, подкапывать безобразное и страшное чудовище. Первая, бдльшая часть воечно всего «киту» пріятнѣе, вторая очень ему вредна, а третья еще вреднѣе.

Маша по характеру своему принадлежала къ послѣдней кате-

горя, и ей приходилось иногда очень, очень трудно. Люди этой категоріи обыкновенно видят очень ясно, не обольщаются иллюзіями, не обманывают себя. Кончая бесполезный, томительный день, они смѣло и прямо говорят себѣ: день пропасть даромъ, по всѣмъ вѣроятіямъ пропадетъ даромъ и завтрашній, но я не отступлю и дождусь своего—не отступають и дожидаются своего. Но иногда имъ куда какъ горько чувствовать, что долгое время силы тратятся, жизнь, трудъ понапрасну, что нельзя идти прямо по дорогѣ даже тому, кто своихъ ногъ не жалѣетъ, а надо или полкрадываться воровски, или умѣть пользоваться счастливымъ случаемъ, что ничего здѣсь нѣтъ, на что бы можно было рассчитывать человеку.

Конечно, никогда и въ мысли не было у мирно и крѣпко почивавшихъ Куликовыхъ, что ихъ смиренная и спокойная учительница лишается сна потому, что они вѣрують въ «кита»; да и многіе, очень многіе люди удивились бы, какъ сказаніе о «китахъ» могло наводить молодую дѣвушку на такіа безотрадныхъ размышленія, что она, прижавшись лицомъ къ подушкѣ, тоскуетъ и плачетъ какъ отъ дѣйствительнаго, житейскаго горя.

Но въ минуты самыя горькія, самыя трудныя, Маша не падала духомъ, не унывала. Въ ней всегда было живо одушевляющее и освѣжающее чувство, что начало положено, что путь найденъ, что она на дорогѣ.

СЪ РАБОТЫ.

— Здравствуй, хозяйшка! здравствуйте, дѣтки!
Выпить бы. Эки стоять холода!
«Инь ты забылъ, что намѣдни послѣдни
Выпилъ съ десятиномъ?...»

— Ну — не бѣда!
И безъ вина отогрѣюсь я, грѣшный,
Ты обряди-ка савраску, жена —
Поголодадь онъ весною, сердечный,
Какъ подобралсь сѣна.

— Экъ я умаляса!... Что, обрядила?
Дай-ка горяченькихъ щецъ.
«Пече я нынче, родной, не топила,
Не было, знаешь, дровецъ!»

— Ну, и безъ щей поспѣдаю я, грѣшный.
Ты овсеца бы савраскѣ дала,
Въ лѣто одинъ онъ управилъ, сердечный,
Пашни четыре тягла!

Трудно и съ бревнами нынче намъ было,
Портится путь... Инъ, и хлѣбушка нѣтъ?...
«Вышелъ, родной... У сосѣдей просила,
Завра сулили чѣмъ свѣтъ!»

— Ну, и безъ хлѣба улягусь я, грѣшный.
Кинь подъ совраску соломки, жена!
Въ зиму-то вывезъ онъ, вывезъ, сердечный,
Триста четыре бревна!...

У.

ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО.

(ПО МИЛЛЮ).

Справедливо говорить, что всего труднѣе понять то, что насъ окружаетъ. Въ то время, какъ вопросы высшей математики, астрономіи и другихъ мудреныхъ наукъ легко рѣшаются самыми обыкновенными умами, вопросы морали, существеннѣйшія задачи человѣческой жизни требуютъ для своего рѣшенія усилій весьма глубокаго и оригинальнаго ума. Мало того: вопросы, уже давно рѣшенные, истины, давно доказанныя, въ теченіе многихъ вѣковъ остаются безъ всякаго вліянія на жизнь, совершенно забываются, и, чтобы напомнить о нихъ людямъ, необходимо слово высоко-даровитаго человѣка.

Назадъ тому около десяти лѣтъ, замѣчательнѣйшій мыслитель нашего времени, Джонъ-Стюартъ Милль издалъ небольшую книгу (*), въ которой изложилъ свои мысли по поводу вопроса: гдѣ предѣлы власти общества надъ отдѣльною личностію? Вопросъ этотъ далеко не имѣетъ интереса новости: его рѣшаютъ теоретически и практически съ тѣхъ поръ, какъ возникли на землѣ первыя общества и государства, но тѣмъ не менѣе, и доннѣ онъ возбуждаетъ безконечныя споры. Книга Милля обратила на себя вниманіе всей мыслящей европейской публики, принята съ восторгомъ, но незамѣтно, чтобы истины, ею доказываемыя, были примѣняемы къ жизни, на сколько это было бы желательно.

Большая часть сочиненій Милля уже переведена на русскій языкъ; литература и публика, хотя неполнѣ, оцѣнили этого въ высшей степени добросовѣстнаго и глубокомысленнаго изслѣдователя самыхъ важныхъ, существенныхъ вопросовъ въ области человѣческой мысли и жизни. Если слышались иногда голоса, упрекавшіе Милля въ крайнемъ пристрастіи въ системѣ Мальтуса, въ пренебреженіи интересовъ рабочаго класса, то упреки эти происходили, большею частію, отъ точки зрѣнія, съ которой

(*) John St. Mill: On Liberty.

противники Милля смотрѣли на рѣшаемыя имъ задачи. Спокойное, философское отношеніе этого писателя къ вопросамъ жизни, на которую онъ большею частію смотритъ безъ гнѣва и страсти, подало поводъ нѣкоторымъ публицистамъ обвинять Милля въ крайней приверженности къ существующимъ формамъ общественнаго быта, въ безжалостномъ консерватизмѣ. Но достаточно прочесть только начало второй книги «Принциповъ политической экономіи» Милля и послѣднія ея главы (напримѣръ двѣнадцатую), чтобы совершенно убѣдиться въ противномъ. Если въ какомъ нибудь писателѣ, безпристрастное отношеніе къ изучаемому предмету, глубина и многосторонность теоретическихъ воззрѣній соединялись съ горячимъ сочувствіемъ къ ближнему, съ возвышеннымъ взглядомъ на будущее возможное усовершенствованіе каждой отдѣльной личности и всего человѣчества, съ вѣрнымъ взглядомъ на средства достигнуть этого идеала, основаннымъ на ясномъ пониманіи дѣйствительности, — то это конечно въ Джонѣ-Стюартѣ Миллѣ.

Упомянутая нами книга, въ которой говорится объ отношеніяхъ личности къ обществу, принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ трудамъ этого писателя. На русскій языкъ она не переведена еще (по крайней мѣрѣ въ печати нѣтъ перевода), литература наша весьма мало говорила о ней, а потому считаю великимъ изложить ея содержаніе.

Милль доказываетъ, что для отдѣльной личности и для всего человѣчества весьма было бы полезно, еслибы каждый изъ людей могъ думать своей головой и дѣйствовать по собственному влеченію, а не по требованіямъ всеобщаго нынѣ обычая, что оригинальность въ мысли и жизни не только желательна, но даже необходима, если только европейское общество хочетъ выйти изъ нынѣшняго, весьма печальнаго положенія.

Но неужели такіе давно рѣшенные вопросы, какъ вопросъ о свободѣ совѣсти нужно еще рѣшать снова? Да, конечно, ибо какъ ни много сдѣлано въ послѣдніе четыре вѣка въ пользу принципа свободы совѣсти, онъ далеко еще не вполне примѣненъ къ жизни. Это-то и составляетъ одну изъ главныхъ причинъ, почему Европа нашего времени представляетъ лишь слабую тѣнь того, чѣмъ она могла бы быть, владая такимъ богатымъ умственнымъ наслѣдіемъ минувшихъ вѣковъ и дѣлая такіе громадные и быстрые успѣхи въ техническихъ знаніяхъ.

Наслѣдство дѣйствительно богатое. Судя по тому, чего при небольшихъ средствахъ достигали древніе народы, современныя общества давно должны были бы достигнуть самаго высокаго благосостоянія и умственнаго развитія. Мы наслѣдовали отъ древнихъ всѣ богатые плоды ихъ умственной жизни: ихъ науку, философію, искусства; въ нашу личную жизнь и въ общественныя учрежденія вошло христіанское ученіе, долженствовавшее

смягчать и смягчавшее всегда нравы людей, возвышавшее нравственное значеніе личности. По гуманнѣмъ воззрѣніямъ современнаго общества нѣтъ такого погибшаго или заблуждающагося человѣка, объ исправленіи или нравственной поддержкѣ котораго общество не имѣло бы обязанности позаботиться. Милліоны людей, ни въ чемъ неповинныхъ, стонали нѣкогда подъ ягомъ рабства; теперь же, подъ вліяніемъ гуманнаго законодательства, самыхъ преступниковъ общество не считаетъ совершенно безправными людьми, а меньшими нашими братьями, которыхъ должно исправить, обновить для жизни лучшей. Словомъ, провозглашенъ тотъ великій принципъ, что идеаль, къ которому должно стремиться общество, есть полное умственное и нравственное развитіе *каждой личности*, каждой человѣческой души. Не хоронитъ въ землю таланты, природныя дарованія всѣхъ и каждаго, а напротивъ развивать ихъ до возможно высокой степени—вотъ задача современныхъ народовъ.

Не остались безплодными для человѣчества и историческіе опыты время, слѣдовавшихъ за установленіемъ христіанства въ Европѣ. Религіозный энтузіазмъ средневѣковыхъ обществъ, блестящая, столь много способствовавшая развитію личности, пора великихъ изобрѣтеній, открытій и возрожденія науки въ XV и XVI вѣкахъ, успѣхи точныхъ наукъ со времени Коперника, Галилея, Ньютона; распространеніе естественнонаучныхъ знаній въ XVIII и XIX вѣкахъ — все это не осталось безъ благотѣльнаго вліянія на жизнь европейскихъ обществъ и даетъ ей громадные преимущества предъ древностію. Но соотвѣтствуетъ ли этимъ преимуществамъ современное положеніе народовъ Европы? На сколько они ближе древнихъ къ истинно-человѣческому идеалу? Отвѣтъ на эти вопросы долженъ быть весьма печальнаго свойства. Несмотря на громадные успѣхи техническихъ знаній, благодаря которымъ значительно облегченъ трудъ человѣка, благодаря которымъ сотни милліоновъ неодушевленныхъ работниковъ, незвѣстныхъ древнему человѣку, за насъ ткутъ, прядутъ, поднимаютъ тяжести, приводятъ въ движеніе хитрыя паровыя и всякаго рода машины, милліоны людей* находятся въ самой безпомощной бѣдности, на самой низкой степени умственнаго развитія; все рабочее населеніе, за весьма немногими исключеніями, находится, по словамъ Милля, въ такомъ зависящемъ положеніи, что мень-

* Факты этого рода слишкомъ извѣстны, чтобы о нихъ распространяться, но желающимъ уважу на статистическую таблицу Отто Гюбнера за 1867-й годъ, извлеченіе изъ которой помѣщено на стр. 204 приложенія къ «Отечественнымъ Запискамъ» (№ 2 февр.); изъ нея, между прочимъ, видно, что есть въ Европѣ страны, гдѣ шестая, даже четвертая часть народонаселенія должна иногда прибѣгать къ офіціальной благотворительности, и много такихъ, гдѣ къ ней прибѣгаетъ болѣе, чѣмъ десятая часть жителей. См. то же Прилож. къ «Отеч. Запискамъ» № 1, стр. 8 и слѣд.

шею свободою оно могло бы пользоваться развѣ только при полномъ рабствѣ. Теорія Мальтуса, проповѣдующая, что трудъ есть единственный источникъ благосостоянія и богатства, но въ то же время утверждающая, что на пиру жизни мѣста такъ мало, что бѣдняки, особенно очень плодovitны, должны поскорѣе съ него убираться; что умноженіе семейства для большинства людей и размноженіе народонаселенія въ цѣломъ государствѣ—не благословеніе божіе, какъ, большею частію, думали древніе, а великое зло—эта теорія получила развитіе въ недавнее время; всѣ основныя ея положенія и выводы основаны на фактахъ весьма близкаго къ намъ по времени и современнаго намъ общественаго быта.

Но всего этого мало. Несмотря на смягчающіе нравы, гуманное законодательство, число обнаруживающихся ежегодно преступленій и проступковъ очень велико, и въ нѣкоторыхъ странахъ еще увеличивается ¹. Даже въ отношеніяхъ цѣлыхъ государствъ, которыми, повидимому, легче жить между собою дружно, чѣмъ отдѣльными лицамъ, существуютъ такія недружескія отношенія, что для поддержанія мира, народонаселеніе Европы должно содержать постоянно до четырехъ милліоновъ войска, и тратить на него болѣе восьмисотъ милліоновъ рублей серебромъ ².

Факты статистики просвѣщенія также весьма печальны: они свидѣтельствуютъ о весьма низкомъ уровнѣ развитія массъ и о ничтожности средствъ, которыми каждая отдѣльная личность можетъ пользоваться для своего умственнаго усовершенствованія ³.

Словомъ, между всѣми предметами, которые современная цивилизація должна усовершенствовать и украшать, самымъ послѣднимъ, самымъ заброшеннымъ, оказывается самъ человѣкъ, по крайней-мѣрѣ, большинство людей.

О средствахъ поднять умственный и нравственный уровень современнаго человѣческаго общества, о средствахъ дать каждой отдѣльной личности возможность сохранить, умножить таланты, дарованные ей отъ Бога, разсуждаетъ Милль въ своей книгѣ «О Свободѣ». Думаемъ, что познакомится съ нею небезполезно.

¹ См. того же Приложенія стр. 68, 69, 36, 37 и др.

² См. стр. 199 и 200 Приложенія къ «Отвч. Запискамъ» № 2-й.

³ Тамъ же, стр. 104.

I.

«Напрасно думают — говорить Милль — что народъ, выработавшій конституціонныя учрежденія, уже все сдѣлалъ для защиты личности отъ произвола и насилія, что тамъ, гдѣ верховная власть и народъ составляютъ одно цѣлое, гдѣ интересы ихъ тождественны, отдѣльной личности уже нечего желать болѣе. Есть страны, гдѣ народъ управляется самъ собою, гдѣ органы власти суть представители желаній и интересовъ народныхъ, и гдѣ, несмотря на то, личность находится подъ игомъ въ высшей степени тяжкимъ. Иго это — тираннія большинства надъ меньшинствомъ.

Народное самоуправленіе, о которомъ такъ много говорятъ, не есть власть каждаго надъ самимъ собою, но власть всѣхъ надъ каждымъ. Воля народа, на правителѣ, есть не что иное, какъ воля многочисленнѣйшей и дѣятельнѣйшей части народа, той части, которая умѣетъ выдать себя за большинство. Это-то большинство и можетъ стѣснять свободу отдѣльныхъ личностей, и такое стѣсненіе, такая тираннія есть одно изъ величайшихъ золъ, которыхъ должно избѣгать человѣчество.

Тираннія большинства считается опасною только тогда, когда дѣйствуетъ посредствомъ органовъ государственной власти; но это несправедливо: въ его рукахъ весьма много средствъ покарать нелюбимую личность, и не прибѣгая къ правительству. Конечно, теперь уже не сожигаютъ на кострахъ людей, рѣзко противорѣчащихъ обществу въ нѣкоторыхъ важныхъ вопросахъ жизни, но за то подвергаютъ ихъ опалѣ общественнаго мнѣнія, отнимаютъ у нихъ средства трудиться, зарабатывать насущный хлѣбъ. Только богатство, высокое общественное положеніе, громкое имя, забавляютъ человѣка отъ совершеннаго подчиненія общепринятому обычаю.

Нѣтъ сомнѣнія, что общество имѣетъ право требовать отъ личности многихъ жертвъ. Да и сама она, сознавая выгоды общественной жизни, готова приносить ихъ. Чѣмъ болѣе развитъ человѣкъ умственно и нравственно, тѣмъ ближе ему общественныя интересы. Но въ жизни каждаго есть такія стороны, которыхъ общество не должно касаться. Отдавъ все должное обществу, отдѣльная личность имѣетъ право по своему заботиться объ умственномъ и нравственномъ своемъ усовершенствованіи, по своему исвать себѣ личнаго счастья. И только тогда общество имѣетъ право остановить личность на этомъ пути, когда она начинаетъ вредить другимъ.

На дѣлѣ мы видимъ не то. Общество до такой степени убѣ-

ждено въ справедливости общепринятыхъ мнѣній и въ разумности общепринятыхъ обычаевъ, что старается, чтобы каждая отдѣльная личность держалась этихъ мнѣній и обычаевъ, и преслѣдуетъ всѣхъ, которые уклоняются отъ нихъ; оно, но мѣрѣ силъ, препятствуетъ развитію и образованію всякой оригинальности мнѣній и характеровъ, требуетъ, чтобы всѣ мнѣнія и характеры формировались по одному образцу. Такія требованія и стремленія общества несправедливы, вредны какъ для личности, такъ и для него самого.

Исторія можетъ служить лучшимъ доказательствомъ погрѣшности общества. Каждый вѣкъ и каждый народъ имѣли свой взглядъ на то, какъ долженъ думать и жить человекъ, и мнѣніе людей одного вѣка нерѣдко казалось страннымъ и нелѣпнымъ людямъ другаго. Но ни одинъ вѣкъ и ни одинъ народъ не видѣлъ въ этомъ обстоятельстве препятствія считать свои мнѣнія справедливыми и обычаи—разумными. Это почти всеобщее заблужденіе есть одинъ изъ поразительныхъ примѣровъ магическаго дѣйствія привычки, которую можно назвать не второю, а первою натурой.

Привычка, мѣшающая намъ усомниться въ разумности общепринятыхъ мнѣній и обычаевъ, до такой степени сильна, что мы не считаемъ нужнымъ давать себѣ и другимъ отчетъ, почему мы ихъ держимся. Если же захотимъ дать себѣ въ этомъ отчетъ, то увидимъ, что всѣ общепринятые мнѣнія и обычаи приобрѣли господство надъ умами не по причинѣ своей разумности, а потому, что тѣ люди, которымъ они *красятся*, счумѣли приобрѣсти въ обществѣ перевѣсъ, составили большинство, или выдать себя за большинство.

Вотъ причина, почему мнѣнія людей о томъ, какой образъ жизни достоинъ похвалы и какой порицанія, такъ измѣнчивы: эти мнѣнія зависятъ отъ личныхъ вкусовъ и симпатій, и все, что вліяетъ на наши вкусы и симпатіи, вліяетъ и на наши нравственныя воззрѣнія. Иногда на желанія наши вліяетъ разумъ, иногда предрасудки; часто любовь и сочувствіе къ ближнему, но нерѣдко и противоположныя стремленія, какъ напр. зависть, жадность, надменность, презрѣніе къ стоящему ниже насъ ближнему. Но чаще всего мы руководимся своимъ *личнымъ интересомъ*, законнымъ или незаконнымъ. Всюду, гдѣ одинъ классъ общества господствуетъ надъ всѣми другими, почти весь нравственный кодексъ общества основанъ на интересахъ этого господствующаго класса, на убѣжденіи въ его превосходствѣ надъ другими. Въ древней Спартѣ, вся мораль основывалась на интересахъ спартиатовъ, въ рабовладѣтельской Америкѣ—на инте-

ресахъ плантаторовъ, въ средневѣковой Европѣ—на интересахъ высшихъ сословій. И въ наше время весьма замѣтно, что кодексъ нравственности, котораго держится общественное мнѣніе, обращаетъ бѣльшее вниманіе на интересы капиталиста, чѣмъ работника, мужчины—чѣмъ женщины и т. д. Съ другой стороны, всюду, гдѣ господствовавшій нѣкогда классъ общества потерялъ прежнюю власть, или гдѣ власть эта непопулярна, моральныя воззрѣнія народа носятъ на себѣ отпечатокъ непреодолимаго отвращенія къ этому классу.

Кромѣ всѣхъ, только что упомянутыхъ обстоятельствъ, вліяющихъ на наши моральныя воззрѣнія, есть и другія, дѣйствующія на благороднѣйшія стороны нашей натуры: это сознаніе интересовъ цѣлаго общества. Но эти интересы вліяютъ на установленіе нашего моральнаго кодекса не по своему внутреннему значенію, а потому, на сколько они могутъ возбудить въ себѣ наше сочувствіе.

Изъ всего сказаннаго очевидно, что мнѣнія и правила, которыми руководится большинство и которыя оно желало бы сдѣлать обязательными для всѣхъ и каждаго, которыя оно освѣщаетъ закономъ и общественнымъ одобреніемъ, основываются на вкусахъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ общества или нѣкоторой части его, пріобрѣтшей силу и вліяніе на остальныхъ.

Личности, стоявшія выше обыкновеннаго уровня, не находили, чтобы такое положеніе дѣлъ было ненормально, по крайней-мѣрѣ въ принципѣ; онѣ возставали только противъ нѣкоторыхъ его частныхъ. Онѣ старались дознаться, что общество должно любить и что ненавидѣть, но не считали нужнымъ допытываться, дѣйствительно ли каждая отдѣльная личность должна любить то, что любить общество, и не любить того же, чего оно не любитъ. Онѣ старались измѣнить воззрѣнія общества на то, въ чемъ сами отклонялись отъ общепринятыхъ мнѣній, вмѣсто того, чтобы отстаивать свободу мысли заодно со всѣми, въ чемъ бы то ни было несогласными съ обществомъ личностями.

Только въ сферѣ религіозной протестующее меньшинство успѣло почти вездѣ пріобрѣсти прочное положеніе. Правда, протестанты, требовавшіе для себя терпимости отъ католической церкви, сами не были сначала расположены терпѣть разногласія въ своей средѣ; но когда борьба потеряла уже свой ожесточенный характеръ, и ни одна изъ партій не одержала полной побѣды, когда каждая изъ протестантскихъ церквей и сектъ должна была ограничить свои надежды сохраненіемъ уже пріобрѣтеннаго положенія, партіи, чувствовавшія себя въ меньшинствѣ, должны были ограничиться требованіемъ для себя религіозной свободы

отъ тѣхъ, которыхъ не могли обратитъ. Только на этой, на релігіозной почвѣ признаны, по крайней-мѣрѣ въ принципѣ, права личности, свобода совѣсти. Великіе писатели, которыхъ міръ обязанъ установленіемъ релігіозной свободы, провозгласили и доказали, что свобода совѣсти есть неотъемлемое право человѣка.

Но нетерпимость до того свойственна роду человѣческому, что провозглашенная въ теоріи, свобода совѣсти не признана нигдѣ, кромѣ странъ, гдѣ ей способствуетъ распространенный въ обществѣ релігіозный индифферентизмъ.

Даже въ странахъ, отличающихся наибольшою релігіозною терпимостію, принципъ релігіозной свободы принимается вѣрующими людьми съ нѣкоторыми ограниченіями. Иные готовы дозволить диссидентамъ свободно говорить противъ господствующихъ церковныхъ учрежденій, но не противъ догматовъ; иные готовы оказывать терпимость всѣмъ иновѣрцамъ, кромѣ напистовъ и уніатовъ; иные согласны терпѣть въ обществѣ всѣхъ вѣрующихъ въ откровеніе; немногіе, наконецъ, наиболѣе великодушные, признають право на релігіозную свободу только для вѣрующихъ въ Бога и въ будущую жизнь.

Въ своемъ трактатѣ Милль старается доказать слѣдующую истину: люди единично или коллективно имѣють право только тогда нарушать свободу дѣйствій своего ближняго, когда имъ необходимо защититъ отъ него самихъ себя. Единственная законная причина, основываясь на которой общество можетъ прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ противъ одного изъ своихъ членовъ, есть необходимость воспрепятствовать ему вредить другимъ. Стѣснять личность для ея же физическаго или моральнаго блага, нѣтъ достаточнаго основанія.

Человѣкъ не можетъ быть по справедливости принуждаемъ поступать такъ, а не иначе только потому, что такой образъ дѣйствій, по мнѣнію большинства, принесетъ ему пользу, сдѣлаетъ его счастливѣе, что такой образъ дѣйствій разумнѣе и справедливѣе. Эгихъ основаній достаточно для того, чтобы дать нашему ближнему совѣтъ, сдѣлать ему внушеніе, обсудитъ съ нимъ его дѣло, упросить его поступать по нашему; но этихъ основаній недостаточно, чтобы причинить ему какое либо лишеніе, какой либо вредъ, въ случаѣ, если онъ не будетъ внимать нашимъ увѣщаніямъ. Только тогда общество имѣетъ право стѣснять отдѣльную личность, когда она вредитъ другимъ. Во всемъ же, что касается только ея, она независима. Надъ собою, человѣкъ полный господинъ.

Конечно, этими правами можетъ пользоваться только человѣкъ, достигшій полной зрѣлости. Дѣти, несовершеннолѣтніе

обоихъ половъ, должны быть предохраняемы отъ вредныхъ для нихъ самихъ послѣдствій ихъ собственныхъ дѣйствій точно также, какъ отъ вреда, наносимаго имъ извнѣ. То же можно сказать о зарождающихся обществахъ, о дѣльныхъ племенахъ, которыя нельзя назвать совершеннолѣтними. Первые трудности на пути прогресса такъ велики, что между средствами для преодоленія ихъ иногда бываетъ невозможно дѣлать выборъ. Въ такихъ случаяхъ государь, стоящій выше умственного уровня своихъ подданныхъ, вполне убѣжденный, что и его народу необходимо воспользоваться плодами цивилизаціи, имѣеть право пользоваться всѣми (?) средствами для достиженія своей цѣли; ибо въ противномъ случаѣ цѣль можетъ быть недостигнута. Въ странахъ варварскихъ деспотизмъ можно считать законнымъ образомъ правленія, если только цѣль его—развитіе гражданственности, и если средства дѣйствительно достигаютъ этой цѣли. Принципъ свободы непримѣнимъ къ народамъ, находящимся на такой низкой степени умственного развитія, когда они еще неспособны усовершенствоваться путемъ свободнаго обсужденія всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ жизни. До тѣхъ поръ, пока народъ не въ состояніи идти путемъ самостоятельнаго развитія, онъ обязанъ слѣпо повиноваться личности, подобной Албару, Карлу Великому, если на его счастье такая личность появится въ его средѣ. Но какъ скоро народъ достигаетъ такой степени развитія, когда онъ способенъ уже развиваться и просвѣщаться путемъ мирнаго умственного процесса, всякое принужденіе, прямое или косвенное, есть весьма дурное средство дѣлать добро людямъ: оно можетъ быть оправдано лишь какъ средство къ охраненію безопасности общества и отдѣльныхъ лицъ*.

До сихъ поръ мы рѣшали вопросъ о самостоятельности личности съ точки зрѣнія права, взятаго отвлеченно, независимо отъ пользы. Но можно доказать, что не только справедливо, а и полезно предоставить личности полную свободу во всемъ, что касается лишь ея одной.

Если человекъ совершаетъ дѣяніе, вредное для другихъ, то его преслѣдуетъ законъ или,—если законныя наказанія непри-

* Признать справедливымъ мнѣніе Милля, что относительно варваровъ энергичная личность, подобная Карлу Великому, можетъ преступать предѣлы строгой справедливости, едва-ли возможно. Въ рукахъ такой личности всегда есть средства, болѣе гуманныя, чѣмъ, напримѣръ, средства, употребленныя Карломъ Великимъ для обращенія саксовъ въ христіанство. Несправедливости никогда и нигдѣ не приносила людямъ существенной пользы. Впрочемъ, Милль считаетъ всѣ современные народы Европы уже вышедшими изъ младенчества.

мнѣніи къ его проступку, — судъ общественнаго мнѣнія. Есть множество полезныхъ дѣйствій, которыя, по справедливости, обязательны для каждаго изъ насъ, такъ, на примѣръ, быть свидѣтелемъ на судѣ, принимать должное участіе какъ въ защитѣ общества отъ враговъ, такъ и во всякомъ дѣлѣ, которое необходимо совершить цѣлому обществу, подъ покровительствомъ котораго мы живемъ. Мало того, мы, по справедливости, должны отвѣчать предъ нимъ, если не совершаемъ нѣкоторыхъ дѣлъ личной благотворительности, обязательныхъ для каждаго: не спасаемъ погибающаго, не защищаемъ слабого отъ притѣсненій сильнаго. Человѣкъ можетъ вредить ближнимъ не только своими дѣйствіями, но иногда и своимъ бездѣйствіемъ, и во всѣхъ этихъ случаяхъ отвѣчаетъ передъ ними за причиненный имъ вредъ.

Конечно, въ послѣднемъ случаѣ, принудительныя мѣры должны быть примѣняемы гораздо осторожнѣе, чѣмъ въ первомъ. Возложить на личность отвѣтственность за зло, причиняемое ею другимъ — вотъ правило; возложить на нее отвѣтственность за зло, отъ котораго она не гарантируетъ другихъ — исключеніе. Но есть весьма важные случаи, въ которыхъ примѣненіе этого исключенія необходимо, и необходимость этого примѣненія очевидна. Во всѣхъ своихъ отношеніяхъ въ людямъ, личность *de jure* отвѣтственна передъ тѣми, интересы которыхъ находятся въ зависимости отъ этихъ отношеній, и если это нужно, предъ цѣлымъ обществомъ. Но часто бываютъ такіе случаи, въ которыхъ общество имѣетъ достаточно основаній не возлагать на личность такой отвѣтственности: бываютъ случаи, когда личность, предоставленная сама себѣ, своимъ собственнымъ влеченіямъ, по всей вѣроятности, поступитъ лучше, чѣмъ будучи подчинена какому бы то ни было контролю, или когда всякая попытка контроля можетъ надѣлать больше вреда, чѣмъ тѣ бѣдствія, которыя мы желаемъ предотвратить. Если въ силу такихъ соображеній съ личностію слагается принудительная отвѣтственность, то она должна сама заступить мѣсто отсутствующаго суда для того, чтобы защитить интересы ближняго, немнѣющаго внѣшней защиты, и тѣмъ строже она должна судить себя.

Но у каждаго изъ насъ есть сфера дѣятельности, въ которой общество, рассматриваемое отдѣльно отъ личности, заинтересовано не прямо, а лишь косвенно, или даже не заинтересовано вовсе. Мы говоримъ о тѣхъ нашихъ дѣяніяхъ, которыя касаются лишь насъ самихъ, а если и другихъ, то съ ихъ согласіемъ, и совершаются при ихъ добровольномъ и разумномъ согласіи. Говоря о томъ, что касается лишь одного лица, я разумно такъ

дѣянія, которыя касаются его непосредственно (все, что затрогиваетъ его интересы, можетъ чрезъ него интересоваться и другихъ, но объ этомъ рѣчь впереди); они-то должны быть совершенно свободны и подлежать суду собственной совѣсти каждаго. Совѣсть должна быть свободна въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова: человѣкъ долженъ пользоваться свободой мысли и склонностей, полною свободой мнѣній обо всякомъ вопросѣ практическомъ, умозрительномъ, научномъ, моральномъ, богословскомъ. Право свободно выражать и обнародовать свои мнѣнія, повидимому, должно быть ограничено, ибо оно принадлежитъ къ той сферѣ дѣятельности человѣка, которая касается не только его одного, но и его ближнихъ; но такъ-какъ право высказывать мнѣнія такъ же важно, какъ и право мыслить, такъ-какъ и то и другое основываются болѣею частію на однихъ и тѣхъ же началахъ, то на практикѣ они нераздѣльны. Гдѣ есть одно, тамъ необходимо и другое.

Изъ того же принципа самостоятельности отдѣльнаго лица во всемъ, что касается лишь его одного, вытекаетъ и свобода вкуса, и занятій, право устраивать жизнь нашу сообразно нашему характеру, поступать, какъ намъ нравится, быть свободными отъ всякихъ стѣсненій (до тѣхъ поръ, пока мы не вредимъ другимъ), даже и тогда, когда другіе найдутъ нашъ образъ дѣйствій нехлѣбнымъ, дурнымъ, неправильнымъ.

Изъ того же принципа вытекаетъ право ассоціацій: каждое отдѣльное лицо имѣетъ право соединяться съ другими для безобиднаго для другихъ дѣла, если только всѣ соединяющіеся лица въ совершенныхъ лѣтахъ, и не вовлечены въ союзъ ни обманомъ, ни насиліемъ.

Народъ не можетъ назваться свободнымъ, какова бы ни была у него форма правленія, если всѣ эти права личности не уважаются; и ни одинъ народъ не свободенъ вполне, если личность въ немъ не пользуется этими правами безусловно.

Единственная свобода, достойная этого имени, есть право каждаго изъ насъ по своему искать нашихъ собственныхъ выгодъ до тѣхъ поръ, пока мы не мѣшаемъ другимъ стремиться къ той же цѣли. Каждый изъ насъ есть естественный хранитель собственнаго здоровья какъ физическаго, такъ и нравственнаго. Родъ человѣческій болѣе выиграетъ, когда каждому дастъ право жить по своему собственному усмотрѣнію, нежели когда станеть требовать, чтобы каждый жилъ такъ, какъ правится всѣмъ остальнымъ.

Хотя это ученіе вовсе не ново, и нѣкоторые назовутъ его тризмомъ, тѣмъ не менѣе нѣтъ ученія, которое болѣе противво-

рѣшило бы существующимъ мнѣніямъ и обычаямъ. Общество употребило столько же усилій для того, чтобы обязать людей слѣдовать общепринятымъ мнѣніямъ въ частной жизни, сколько для того, чтобы принудить ихъ слѣдовать общепринятымъ идеямъ въ жизни общественной. Древнія республики считали себя вправѣ (и философы древности поддерживали эту претензію) предписывать, черезъ представителей верховной власти, каждому отдѣльному лицу извѣстный образъ жизни подъ тѣмъ предлогомъ, что упражненіе и укрѣпленіе физическихъ и моральныхъ силъ каждаго гражданина для государства — дѣло великой важности. Такой взглядъ могъ составиться въ небольшихъ республикахъ, окруженныхъ могущественными государствами, находившихся въ постоянной опасности отъ вѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Для такихъ республикъ было бы бѣдствіемъ, еслибы энергія гражданъ и власть каждаго изъ нихъ надъ собою на минуту ослабли: имъ некогда было бы ждать спасительныхъ, но медленныхъ дѣйствій свободы. Въ мірѣ новомъ увеличеніе силы государствъ, и еще болѣе отдѣленіе духовной власти отъ свѣтской (благодаря которому власть надъ совѣстью перешла отъ свѣтскихъ правителей въ другія руки) способствовали ослабленію внимательства закона въ подробности частной жизни; но, правду сказать, личность отъ этого выиграла немного: духовная власть, усилившись, стала вникать въ подробности частной жизни отдѣльныхъ лицъ, на которыя перестала обращать вниманіе власть свѣтская*. Многіе изъ новѣйшихъ реформаторовъ не остались въ этомъ отношеніи назади основателей сектъ. Такъ О. Контъ въ своемъ сочиненіи: «Положительная философія», полагаетъ основанія такого деспотизма общества надъ отдѣльною личностію, который превосходитъ все то, что могли представить себѣ самые строгіе философы древности.

И въ самомъ обществѣ нашего времени существуетъ сильная и постоянно усиливающаяся наклонность расширять до крайнихъ предѣловъ власть общества надъ личностію, какъ усиленіемъ общественнаго мнѣнія, такъ и путемъ законодательнымъ. Но такъ-какъ всѣ совершающіяся въ наше время въ мірѣ перемѣны имѣютъ слѣдствіемъ уменьшеніе власти личности, то это вторженіе общества въ сферу свободной дѣятельности частнаго лица не есть одно изъ тѣхъ золъ, которыя исчезаютъ сами собою; напротивъ, оно становится все болѣе и болѣе страшнымъ. Наклонность людей навязывать свои собственные мнѣнія и вкусы въ

* Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить суровыя мѣры пуританъ во время ихъ господства въ Англіи въ половинѣ XVII вѣка.

руководство другимъ до такой степени поддерживается нѣкоторыми темными стремленіями человѣческой природы, что сдерживается эта наклонность только недостаткомъ власти. Но такъ какъ власть большинства, имѣющаго эту наклонность, не уменьшается и грозитъ увеличиться, то должно ожидать (если только зло не встрѣтитъ сильнаго сопротивленія въ сознаниіи людей), что стремленіе большинства поработить личность усилится.

II.

Предположимъ, что въ данной странѣ правительство составляетъ съ народомъ одно цѣлое, что оно принимаетъ принудительныя мѣры противъ мнѣній отдѣльныхъ личностей только когда ихъ требуетъ голосъ народа. Спрашивается, имѣетъ ли право народъ самъ или чрезъ свое правительство прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ противъ мысли и слова? Нѣтъ, не имѣетъ. Самое лучшее правительство въ этомъ отношеніи не имѣетъ преимуществъ предъ худшимъ; власть, употребленная въ этомъ случаѣ правительствомъ, приноситъ вредъ, и этотъ вредъ значительнѣе, когда правительство дѣйствуетъ заодно съ общественнымъ мнѣніемъ, нежели, когда правительство идетъ наперекоръ ему. Еслибы весь родъ человѣческій, безъ одного человѣка, держался одного мнѣнія, и этотъ одинъ только держался мнѣнія противнаго, то и тогда родъ человѣческій, заставляя молчать одну личность, былъ бы такъ же неправъ, какъ была бы неправа эта послѣдняя, еслибы заставила молчать все человѣчество. Еслибы мнѣніе личности было только ея достояніемъ, имѣющимъ значеніе только для нея, то была бы нѣкоторая разница между стѣсненіемъ свободы слова, сдѣланнымъ одному лицу, и стѣсненіемъ, испытаннымъ многими. Но отъ стѣсненія свободы слова происходитъ зло особаго рода, вредъ для всего рода человѣческаго, какъ живущаго, такъ имѣющаго жить на землѣ. Если преслѣдуемое мнѣніе справедливо, то человѣчество лишается возможности оставить заблужденіе и обратиться къ истинѣ; если преслѣдуемое мнѣніе ложно, то люди теряютъ почти такъ же много: лишаются возможности ясно познать истину и получить отъ нея живое, сильное впечатлѣніе, производимое истинною въ томъ случаѣ, когда она борется съ заблужденіемъ и побѣждаетъ его.

Необходимо рассмотреть эти гипотезы отдѣльно и доказать, что мнѣніе, которое мы преслѣдуемъ, можетъ быть справедливо; если же оно ложно, то и въ такомъ случаѣ преслѣдовать его, стирать съ лица земли — вредно для человѣчества.

1) Мнѣніе, которое намъ не нравится и которое мы преслѣдуемъ посредствомъ органовъ власти, можетъ быть справедливо. Мы, желающіе стереть его съ лица земли, конечно, оспариваемъ его справедливость; но развѣ мы непогрѣшмы? Мы не имѣемъ права рѣшить данный вопросъ за все человѣчество и отказать всѣмъ, кромѣ самихъ себя, въ возможности обсудить его. Не давая другимъ средствъ узнавать то или другое мнѣніе, потому что увѣрены въ его несправедливости, мы этимъ самымъ утверждаемъ свою непогрѣшимость. Всякое насильственное прекращеніе спора есть притязаніе на непогрѣшимость.

Къ несчастію для здраваго смысла людей, факту своей погрѣшимости они не придаютъ на дѣлѣ того значенія, которое признаютъ за нимъ въ теоріи. Въ самомъ дѣлѣ, каждый изъ насъ вполне убѣжденъ въ своей погрѣшимости, а между тѣмъ, весьма немногіе изъ насъ находятъ нужнымъ принимать мѣры противъ такого нашего недостатка, или предположить, что мнѣніе, въ справедливости котораго мы увѣрены, можетъ оказаться заблужденіемъ.

Люди, непривыкшіе встрѣчать себя сопротивленія и слышать противорѣчія своимъ мнѣніямъ, обыкновенно доходятъ до полнѣйшей увѣренности въ справедливости всѣхъ своихъ сужденій. Личности, пользующіяся счастливымъ общественнымъ положеніемъ, и слышашія иногда противорѣчія своимъ мнѣніямъ, и не совсѣмъ лишеныя возможности быть обращенными на путь истинный, въ случаѣ уклоненія отъ него, безгранично вѣрятъ въ справедливость тѣхъ своихъ мнѣній, которыя раздѣляются окружающими ихъ людьми, пользующимися ихъ уваженіемъ: чѣмъ менѣе отдѣльная личность довѣряетъ своему собственному, единичному мнѣнію, тѣмъ болѣе полагается она на непогрѣшимость всѣхъ вообще. Но представленіе, соединяемое нами съ словомъ «всѣ», бываетъ весьма различно. По воззрѣніямъ каждой отдѣльной личности, мнѣніе «всѣхъ» есть не что иное, какъ мнѣніе той части общества, съ которою она находится въ соприкосновеніи: партіи, къ которой личность принадлежитъ, секты, сословія, весьма рѣдко—цѣлаго народа или цѣлаго вѣка. Довѣріе людей къ этому собирательному авторитету нисколько не потрясается тѣмъ убѣжденіемъ, что другіе вѣка и другіе народы, другія секты думали и думаютъ совершенно иначе. Очевидно, что убѣжденія цѣлаго народа, цѣлаго столѣтія могутъ быть ошибочны, что каждый вѣкъ держался таковыхъ убѣжденій, которыя отвергнуты въ вѣка послѣдующіе. Очевидно, что многія общеприятныя мнѣнія будутъ отвергнуты слѣдующими вѣками, какъ

въ настоящее время отвергнуты многія мнѣнія, прежде общепринятыя.

Можно возразить на это: «законная власть имѣетъ право препятствовать распространенію заблужденій, и оставляя за собой это право, она не имѣетъ нужды основывать это право на непогрѣшимости. Людямъ данъ здравый смыслъ, чтобъ имъ пользоваться, и изъ того, что имъ иногда злоупотребляютъ, нельзя заключить, что онъ совершенно не можетъ руководить насъ. Запрещая то, что кажется вреднымъ, правительство не заявляетъ притязанія на непогрѣшимость, но исполняетъ свою священную обязанность, если только дѣйствуетъ по своему глубокому и искреннему убѣжденію.

Еслибы мы никогда не должны были дѣйствовать сообразно нашимъ мнѣніямъ потому только, что они могутъ оказаться ошибочными, то намъ слѣдовало бы пренебречь всѣми нашими интересами, прекратить исполненіе всѣхъ нашихъ обязанностей. Какъ правительства, такъ и отдѣльныя личности должны, конечно, выработать возможно вѣрныя убѣжденія и никогда не навязывать ихъ другимъ, не имѣя увѣренности, что эти убѣжденія истинны. Но когда мы увѣрены въ томъ, что на нашей сторонѣ истина, то было бы трусостью не дѣйствовать на основаніи собственныхъ убѣжденій и допускать, чтобы свободно распространялись ученія, которыя, по нашему крайнему разумѣнію, опасны для людей и только потому терпѣть ихъ, что другіе народы, въ нынѣ, менѣ просвѣщенные времена, преслѣдовали мнѣнія, считающіяся справедливыми въ настоящее время.

Правительства и народы дѣлали ошибки въ тѣхъ сферахъ своей дѣятельности, въ которыхъ никто не оспариваетъ ихъ правъ. Народы и правительства нерѣдко вѣдали съ отдѣльныхъ личностей несправедливыя налоги, нерѣдко вели несправедливыя войны. Слѣдуетъ ли изъ этого, что налоги совсѣмъ не должны взиматься, что войны ни въ какомъ случаѣ не должны быть предпринимаемы? Конечно, нѣтъ. Отдѣльныя лица и правительства должны дѣйствовать по своему крайнему разумѣнію. Безусловно-истиннаго мнѣнія мы не можемъ имѣть ни о чемъ, но есть истины, достаточно надежныя для того, чтобы намъ руководиться ими въ жизни. Мы можемъ и должны утверждать, что выработанное нами убѣжденіе справедливо на столько, что мы можемъ руководиться имъ въ нашихъ поступкахъ; только это, а не нашу непогрѣшимость заявляемъ мы, когда препятствуемъ распространенію такихъ идей, которыя кажутся опасными, губельными для общества».

Такъ говорятъ противники свободы слова; но Милль утверж-

дасть, что они далеко не чужды притязаніа на непогрѣшимость. Считать известное мнѣніе вѣрнымъ потому, что при всѣхъ шансахъ быть опровергнутымъ, оно опровергнуто не было — не все равно, что утверждать справедливость этого мнѣнія, не допуская противъ него возраженій. Полная свобода противорѣчать известнымъ мнѣніямъ и опровергать ихъ есть необходимое и единственное средство убѣдиться въ ихъ справедливости и пригодности для жизни.

Когда мы взглянемъ на исторію мнѣній и на обыкновенное теченіе человѣческой жизни, то увидимъ, что преобладаютъ иногда мнѣнія здравыя, уважаются дѣйствія разумныя. Чему приписать это? Конечно, не силѣ, присущей уму каждаго, ибо относительно всякаго вопроса, рѣшеніе котораго не очевидно само собою, девяносто-девять человѣкъ изъ ста не въ состояніи произнести вѣрнаго сужденія. Мало того, умственные силы меньшинства мыслящихъ личностей велики лишь относительно; большая часть передовыхъ людей каждаго отжившаго поколѣнія держалась многихъ мнѣній, которыя считаются ошибочными, и одобряла такіа дѣйствія, которыхъ никто не оправдываетъ темерь.

И такъ, чему же приписать преобладаніе въ человѣчествѣ здравыхъ мнѣній и разумныхъ поступковъ? Если только это преобладаніе существуетъ на самомъ дѣлѣ (предположить, что его нѣтъ, можно только въ обществѣ, положеніе котораго безнадежно дурно), то виною этому драгоценное качество человѣческаго ума, сознающаго исправимость своихъ ошибокъ. Умъ человѣческій способенъ поправлять свои ошибки путемъ преній и опыта. Опыта одного мало: необходимо преніе, необходима борьба мнѣній, чтобы люди могли знать, какъ слѣдуетъ пользоваться опытомъ.

Ложныя мнѣнія и неразумныя обычаи постепенно исчезаютъ предъ очевидностью факта и доказательствъ; но для того, чтобы факты и доказательства могли произвести какое-нибудь впечатлѣніе на нашъ умъ, нужно, чтобы они были обнаружены предъ нимъ въ полномъ свѣтѣ. Очень мало такихъ фактовъ, которые сами могутъ рассказать свою исторію, не нуждаясь въ комментаріяхъ, которые бы объясняли ихъ смыслъ. Вся сила и все достоинство человѣческаго ума основывается на его способности, въ случаѣ отклоненія отъ истиннаго пути, снова на него возвращаться; и довѣрять ему можно только тогда, когда ему предоставлены всѣ средства исправить свои ошибки, отказаться отъ своихъ заблужденій.

Какъ поступаетъ человѣкъ, желающій, чтобы его сужденія были основательны и внушали къ нему довѣріе? Онъ обращаетъ

вниманіе на всё возраженіе противъ своихъ сужденій и своего образа дѣйствій, выслушиваетъ все, что говорится противъ него, пользуется этими возраженіями, когда находитъ ихъ справедливыми, старается и себѣ вполне уяснить, и другимъ, при случаѣ, сообщить, какъ много ошибался онъ прежде. Онъ убѣдился, что единственное средство основательно узнать какой-нибудь предметъ, это—выслушать все, что можно сказать о немъ за и противъ, выслушать все, что могутъ о немъ сказать люди всевозможныхъ мнѣній. Никогда ни одинъ мудрецъ не достигалъ своей мудрости иначе, и не въ природѣ человѣка достигать ея инымъ путемъ. Постоянная привычка поправлять и дополнять свои воззрѣнія, сравнивая ихъ съ воззрѣніями другихъ, есть для насъ единственное вѣрное средство приобрести и внушить довѣріе.

Въ самомъ дѣлѣ, мудрый человѣкъ, знающій все, что, по всей вѣроятности, можно сказать противъ него, обезпечившій свое положеніе противъ всякаго противника, не избѣгавшій возраженій своимъ мнѣніямъ и трудностей при рѣшеніи важныхъ для него вопросовъ, но искавшій ихъ—такой человѣкъ имѣетъ право думать, что его убѣжденія имѣютъ гораздо больше значенія, чѣмъ чьи бы то ни было, выработанныя инымъ путемъ.

Общество, состоящее всегда изъ немногихъ мудрыхъ и многихъ весьма обыкновенныхъ людей, должно подчиниться тѣмъ же условіямъ, которымъ подчиняются и мудрѣйшіе люди, когда хотятъ имѣть и внушать довѣріе къ своимъ идеямъ. Римско-католическая церковь, не отличающаяся особенною терпимостію, только тогда канонизируетъ какого-либо святаго, когда извѣстно и обсуждено все, что можетъ быть высказано противъ него.

Еслибы не было дозволено подвергать сомнѣнію систему Коперника, или философію Ньютона, то родъ человѣческій не могъ бы считать истины, возвѣщенные міру этими мыслителями, за доказанныя. То же можно сказать о всякихъ мнѣніяхъ, вѣрованіяхъ, ученіяхъ. Только тѣ вѣрованія надежны, которыя могутъ устоять противъ всякихъ нападокъ, которыя не погибаютъ, несмотря на полную свободу, предоставленную каждому опровергать ихъ. Если вызова никто не принимаетъ, или опроверженія неудачны, то мы хотя и далеки отъ полной достовѣрности, но тѣмъ не менѣе спокойны, ибо сдѣлали все, что было возможно при современномъ состояніи человѣческихъ знаній, ничѣмъ не пренебрегли, чтобы имѣть возможно больше средствъ узнать истину. Если мы еще не узнали ея, или пониманіе наше неполно, односторонне, то при свободѣ преній, при свободѣ устнаго и печатнаго слова, можно надѣяться, что настанетъ время, когда умъ человѣческій будетъ въ состояніи дойти до

полнаго обладанія искомыми истинамъ. Въ ожиданіи же такой поры, мы можемъ быть увѣрены, что приблизились къ истинѣ, насколько это возможно въ настоящее время. Вотъ степень достовѣрности, которой мы можемъ достигнуть, вотъ единственный путь къ ея достиженію.

Намъ возразятъ: есть такія истины, которыя никогда не могутъ оказаться заблужденіемъ — это истины божественнаго откровенія. Неужели возможно допустить, чтобы и онѣ свободно были оспариваемы, какъ обыкновенныя мнѣнія? Да, конечно, ибо чѣмъ выше, чѣмъ чище и нравственнѣе ученіе, тѣмъ побѣдоноснѣе выйдетъ оно изъ всякой борьбы, тѣмъ могущественнѣе будетъ его вліяніе на умы и сердца людей. Восемнадцатъ слишкомъ вѣковъ существованія христіанской религіи ясно доказываютъ это. Христіанство выдержало борьбу съ весьма сильными противниками, и побѣда осталась на его сторонѣ. Нетолько послѣдователи, но и враги его ничего не знаютъ выше идеала христіанской любви къ ближнему, полной самоотверженія. Благодаря свободѣ преній о высшихъ нравственныхъ и религіозныхъ вопросахъ, возвышенныя истины христіанской религіи могутъ только лучше уясниться, сильнѣе напечатлѣться въ умѣ и сердцѣ каждаго. При отсутствіи же свободы преній, пониманіе самихъ великихъ и важныхъ истинъ слабѣетъ, люди дѣлаются равнодушнѣе къ нимъ. Въ первые вѣка нашей эры христіанскіе апологеты охотно выслушивали мнѣнія своихъ противниковъ и терпѣливо возражали на нихъ, и христіанство отъ того ничего не теряло, а много выигрывало. Христіане первыхъ вѣковъ отличались такою нравственной чистотою, что проповѣдники нашего времени, по справедливости, ставятъ ихъ намъ въ примѣръ.

Странно видѣть, что въ нашъ вѣкъ, отличающійся маловѣріемъ, но страшнѣйшаго скептицизма, всего чаще раздаются голоса противъ свободы слова въ сферѣ морали и религіи. Странно въ особенности то, что такія мнѣнія приходится нерѣдко слышать отъ людей совершенно равнодушныхъ къ возвышеннымъ истинамъ религіи и весьма мало примѣняющихъ ихъ къ жизни. Они и не стараются доказать несомнѣнность этихъ истинъ, а указываютъ лишь на важность ихъ для общества. Есть, говорятъ они, полезныя, даже необходимыя для нашего благосостоянія вѣрованія, поддерживать которыя правительство обязано точно такъ же, какъ и защищать всякіе другіе интересы общества. Въ виду такой необходимости правительство, вовсе не претендуя на непогрѣшимость, можетъ дѣйствовать въ защиту полезныхъ ученій согласно своему убѣжденію, подкрѣпляемому согласіемъ всего человѣчества. Говорятъ, и весьма часто: никто, развѣ

только какой-нибудь порочный человекъ, не пожелаетъ колебать полезныя, спасительныя вѣрованія, и нѣтъ ничего дурнаго въ стѣсненіи свободы тѣхъ людей, въ запрещеніи имъ говорить, что только имъ можетъ прійти въ голову. Разсуждая такъ, противники слова думаютъ избѣжать упрека въ притязаніи на непогрѣшимость. Но они забываютъ, что вопросъ: полезно ли данное ученіе, такъ же трудно рѣшить, какъ и вопросъ — истинно ли оно. Рѣшить первый изъ этихъ вопросовъ за все человѣчество, не давъ ему возможности обсудить его обстоятельно, не значить ли заявлять свою непогрѣшимость? Точно такая же непослѣдовательность — дозволять диссидентамъ доказывать безвредность своихъ мнѣній, запрещая имъ въ то же время доказывать ихъ истинность. Истинность какого бы то ни было мнѣнія составляетъ часть его полезности. Какъ скоро мы хотимъ звать, желательно или нѣтъ, чтобы люди вѣрили тому или другому ученію или мнѣнію, возможно ли намъ не разсуждать о томъ: справедливо оно или нѣтъ?

Чтобы нагляднѣе показать все зло, которое можетъ произойти, когда мы откажемся выслушать мнѣнія, заранѣе осужденныя нами, возьмемъ какой-нибудь частный случай. Изберемъ именно такой, въ которомъ доводъ противъ свободы слова, основанный на истинности господствующихъ мнѣній, считается весьма слѣпымъ.

Предположимъ, что оспаривается вѣрованіе въ безсмертіе души или какое-нибудь другое моральное ученіе, всѣми принятое. Истины эти для насъ очевидны, призваніе ихъ въ высшей степени полезно для общества; но при всемъ томъ, мы не можемъ — если только не считаемъ себя непогрѣшимыми — не имѣемъ права рѣшать вопросъ о несомнѣнности ихъ за всѣхъ людей, не позволяя имъ выслушать все, что можетъ быть сказано къ опроверженію этихъ истинъ.

Исторія представляетъ намъ множество примѣровъ, показывающихъ, до какихъ печальныхъ результатовъ доводило людей притязаніе ихъ на непогрѣшимость, преслѣдованіе людей, несогласныхъ съ большинствомъ относительно важнѣйшихъ вопросовъ морали. Лучшіе люди, благороднѣйшія ученія, подвергались самому жестокому преслѣдованію. Провозвѣстники гонимыхъ учений гвбля, пдеи же ихъ переживали гонителей, иногда достигали полнаго торжества надъ умами, верѣдко для того, чтобы служить опорой подобной же нетерпимости къ несогласнымъ съ ними ученіямъ.

Одинъ изъ самыхъ поучительныхъ примѣровъ такого рода представляетъ намъ жизнь Сократа. Эготъ великій мыслитель родился въ странѣ, замѣчательной высобимъ умственныхъ раз-

вѣтѣмъ отдѣльныхъ личностей, и при томъ, въ вѣгъ ея процвѣтанія, и память о немъ сохранилась до насъ, какъ о добродѣтельнѣйшей личности своего времени, какъ о вождѣ и прототипѣ всѣхъ великихъ учителей добродѣтели, явившихся послѣ него, какъ о вдохновителѣ восторженнаго идеалиста Платона, и глубокомысленнаго утилитариста Аристотеля, этихъ творцовъ нравственной философіи и всякой другой. Учитель великихъ мыслителей всѣхъ вѣковъ, человекъ, котораго слава затмѣваетъ собою громкую извѣстность людей, прославившихъ его родной городъ, былъ своими соотечественниками обреченъ на смерть, по судебному обвиненію въ нечестіи и безнравственности: въ нечестіи— за то, что отрицалъ боговъ, признанныхъ государствомъ (обвинитель утверждалъ, что Сократъ не вѣрилъ ни въ какихъ боговъ), въ безнравственности — за то, что развращалъ юношество своимъ ученіемъ. Можно смѣло сказать, что судьи произнесли приговоръ противъ Сократа по внутреннему и искреннему убѣжденію, что они лучшаго изъ людей своего времени по совѣсти признали виновнымъ въ названныхъ преступленіяхъ.

Перейдемъ къ другому, несравненно болѣе замѣчательному примѣру судебной несправедливости: мы хотимъ напомнить читателю о событіи, случившемся назадъ тому болѣе осьмнадцать вѣковъ — объ осужденіи Того, кто пришелъ на землю спасти всѣхъ людей. Люди, за исключеніемъ весьма немногихъ, не только не узнали въ немъ своего благодѣтеля и Спасителя, но даже осудили Его на смерть за богохульство. А между тѣмъ, если не всѣ, то по крайней-мѣрѣ весьма многіе изъ Его преслѣдователей были представителями тогдашнихъ религіозныхъ, моральныхъ и патриотическихъ стремленій, и дѣйствовали сообразно идеямъ вѣка своего и своей страны. Нѣкоторые изъ нихъ считались достойными общаго довѣрія и занимали общественныя должности. Когда первосвященникъ раздражалъ свои одежды, въ негодованіи на слова, которыя, по идеямъ ето вѣка, были самымъ чернымъ преступленіемъ, его негодованіе было, вѣроятно, такъ же непритворно, какъ моральныя и религіозныя чувства, заявляемыя въ наше время людьми благочестивыми и почтенными. И многіе изъ тѣхъ, кои содрогаются при воспоминаніи о роли, которую принялъ на себя во всемъ этомъ дѣлѣ первосвященникъ, дѣйствовали бы точно такъ же, еслибъ жили въ то время между іудеями. Христіане, полагающіе, что люди, побивавшіе первыхъ мучениковъ камнями, были похуже ихъ, пусть вспомнятъ, что въ числѣ этихъ гонителей христіанства былъ и Савлъ, впоследствии великій апостоль.

Укажемъ еще на одинъ примѣръ, на самый разительный при-

мѣръ нетерпимости, если только ошибка тѣмъ болѣе должна возбуждать наше удивленіе, чѣмъ разумнѣе и добродѣтельнѣе личность, впавшая въ эту ошибку. Если когда-нибудь государь могъ считать себя лучше и просвѣщеннѣе всѣхъ своихъ современниковъ, то это былъ, конечно, императоръ Маркъ Аврелій, самодержавный владыка цѣлаго міра; онъ въ продолженіе всей своей жизни хранилъ нетолько самую чистую справедливость, но — чего менѣе можно было бы ожидать отъ стоика — и самое нѣжное сердце. Немногія, приписываемыя ему несправедливости, происходили отъ крайней его снисходительности къ людямъ; сочиненія же Марка Аврелія, по своему глубокому нравственному смыслу, по своей возвышенности, превосходятъ все, что только произвела въ этомъ отношеніи классическая древность и весьма во многомъ сходны съ ученіемъ христіанскимъ. И этотъ государь (лучшій христіанинъ во всѣхъ отношеніяхъ, не признававшій лишь догматовъ поваго ученія) преслѣдовалъ религію Христову. Усвоивъ себѣ всѣ умственные приобрѣтенія тогдашняго человѣчества, одаренный яснымъ и либеральнымъ умомъ и характеромъ, способнымъ осуществить христіанскій идеалъ, онъ не могъ понять, что новое ученіе, проповѣдивавшее столь понятныя ему правила нравственности, правила, которымъ самъ онъ слѣдовалъ въ теченіе всей своей жизни, есть благо, а не зло для міра. Онъ зналъ, что современное ему общество находилось въ печальномъ состояніи, но думалъ, что оно пало бы еще глубже, еслибы не было поддерживаемо вѣрой въ признанныхъ боговъ. Какъ государь, онъ считалъ своимъ долгомъ не допускать общество до разложенія, и не видалъ, какими средствами можно было бы поддержать его, еслибы узмы, въ то время его связывавшія, были порваны. Христіанская религія открыто стремилась порвать эти узмы, и Маркъ Аврелій долженъ былъ выбирать одно изъ двухъ: или принять новую религію, или бороться съ ней. Не понявъ божественнаго происхожденія христіанства, не предвидя, что ученію, основанному на вѣрѣ въ распятаго и воскресшаго Бога, суждено обновить міръ, гуманнѣйшій изъ философовъ и государей, руководимый сознаниемъ долга, долженъ былъ дозволить преслѣдованіе христіанства.

Это одинъ изъ наиболѣе печальныхъ фактовъ всемірной исторіи.

Еслибы христіанская религія была провозглашена господствующею Маркомъ Авреліемъ, а не Константинномъ-Великимъ, судьба ея была бы совершенно иная. Но было бы несправедливостию и большою ошибкой утверждать, что Маркъ Аврелій, препятствуя распространенію христіанства, не могъ привести въ свою пользу всѣхъ тѣхъ доводовъ, которые приводятся нынѣ противъ свободы

слова. Въ христіанствѣ, отвергавшемъ всю господствовавшую религію, всѣхъ ея боговъ, Маркъ Аврелій видѣлъ заблужденіе, которое могло привести имперію на край гибели; а между тѣмъ, онъ-то, повидимому, и могъ бы всѣхъ лучше оцѣнить всю возвышенность и глубину христіанскаго ученія.

Итакъ, пусть противники свободы слова не думаютъ, что они и большинство, съ ними согласное, непогрѣшимы, если только не считаютъ себя мудрѣе и добродѣтельнѣе Марка Аврелія, добросовѣстнѣе его въ изслѣдованіи истины, и искреннѣе въ любви къ ней.

Чтобы быть послѣдовательными, противники религіозной свободы прибѣгаютъ иногда къ такому смѣшному заключенію: они — вмѣстѣ съ докторомъ Джонсономъ—говорятъ, что гонители христіанства были правы, что гоненіе есть испытаніе, которое должна выдержать и выдерживаетъ съ успѣхомъ истина, что присуждаемая закономъ наказанія безсмысленны передъ нею, хотя иногда и съ пользою служатъ для искорененія заблужденій. Такой способъ защищать нетерпимость весьма оригиналенъ; остановимся на немъ.

Теорія, утверждающая, что гонители истины правы, ибо гоненіе не вредитъ ей, не можетъ быть заподозрѣна во враждебныхъ чувствахъ къ новымъ истинамъ, въ нежеланіи распространенія ихъ; нельзя лишь похвалить ея великодушныхъ чувствъ къ людямъ, которымъ человѣчество обязано открытіемъ этихъ истинъ. Открыть людямъ что либо весьма важное для нихъ и прежде неизвѣстное, доказать человѣчеству, что оно ошибалось относительно какого-нибудь изъ самыхъ существенныхъ своихъ интересовъ (временныхъ или вѣчныхъ)—вотъ важнѣйшая заслуга, какую только можетъ оказать человѣкъ своимъ ближнимъ, и въ извѣстныхъ случаяхъ драгоцѣннѣйшій даръ, какой только можно принести человѣчеству. Такимъ драгоцѣннѣйшимъ даромъ было возвышенное ученіе первыхъ христіанъ — сами послѣдователи Джонсона согласны съ этимъ. И вотъ, на основаніи этой великодушной теоріи, поступать съ людьми, оказавшими человѣчеству столько благодѣаній, какъ съ уголовными преступниками, награждать ихъ за услуги мученическимъ вѣнцомъ—дѣло совершенно естественное, а не заблужденіе, не бѣдствіе, о которомъ человѣчество должно душевно сокрушаться, не преступленіе, въ которомъ оно должно раскаиваться. У локрійцевъ существовалъ такой обычай: гражданинъ, намѣревавшійся предложить народу какой-нибудь новый законъ, долженъ былъ явиться въ народное собраніе не иначе, какъ съ веревкою на шеѣ, и если собраніе, услышавъ всѣ доводы въ пользу предлагаемаго закона, тотчасъ же

не приметъ его, веревка затягивалась. Такой опасности должны, по теоріи Джонсона, подвергаться люди, предлагающіе міру какую-нибудь новую истину. Нельзя думать, чтобы тѣ, которые защищаютъ подобное обращеніе человѣчества съ своими благодѣтелями, придавали много цѣны самому благодѣянію. Я думаю, что такъ смотреть на вещи только тѣ люди, которые убѣждены, что новыя истины, дѣйствительно, нужны были когда-то, но что теперь у насъ ихъ довольно.

Говорятъ: истина всегда торжествуетъ надъ своими преслѣдователями. Правда ли это? По нашему мнѣнію, это одно изъ тѣхъ пріятныхъ заблужденій, которое, въ качествѣ доказанной истины, люди сообщаютъ другъ другу, пока оно не сдѣлается общимъ мѣстомъ. Исторія говоритъ совершенно противное: провозвѣстниковъ истины весьма часто принуждали молчать, и преслѣдованіе если не навсегда, то по крайней-мѣрѣ на многіе вѣка отдаляло распространеніе многихъ истинъ. Гоненія замедлили распространеніе христіанства и еще болѣе препятствовали бы его успѣхамъ, еслибы не имѣли случайнаго и мѣстнаго характера и не были отдѣлены продолжительными промежутками почти свободной пропаганды *. Еще далеко не доказано, что истина, какъ таковая, обладаетъ силой противустоять гонителямъ: люди, свидѣтельствующіе истину, нерѣдко, въ случаѣ гоненія, отказываются отъ своихъ убѣжденій; люди, фанатически увлеченные заблужденіемъ, нерѣдко идутъ на костеръ, претерпѣваютъ тяжкія пытки ради своихъ, казущихся имъ истинами, мнѣній. Строгія карательныя мѣры могутъ остановить распространеніе какъ истинъ, такъ и заблужденій. Выгода же истины заключается въ томъ, что какъ ни подавляютъ, какъ ни искореняютъ ее, она всякій разъ обнаруживается снова и наконецъ появленіе ея совпадаетъ съ эпохою, въ которую она можетъ избѣжать преслѣдованія или устоять предъ нимъ.

Говорятъ: въ наше время уже не убиваютъ людей, проповѣдующихъ новыя ученія, не казнятъ смертію еретиковъ (ихъ такъ много, что истребить ихъ было бы невозможно никакими карами, допускаемыми въ настоящее время противъ самыхъ гнусныхъ мнѣній). Но не будемъ обольщаться увѣренностію, что уже миновала пора легальныхъ преслѣдованій за религію. Въ большей части государствъ Европы они допускаются и законодательствомъ

* Потребность преобразованій въ католической церкви чувствовалась долго до XVI вѣка и много разъ была заявлена, но безуспѣшно. Арнольдъ Брешіа, Фра-Дольчано, Савонарола должны были замолчать; альбгойцы, вальденсы, лолларды, гусситы были истреблены.

и общественнымъ мнѣніемъ. Допускаются они и въ Англіи, и Милль приводитъ нѣсколько случаевъ судебного преслѣдованія за религію. Вотъ одинъ изъ нихъ.

Въ 1857 году, въ Корнуэльсѣ одинъ бѣдный работникъ, по имени Поoley (Pooley), человѣкъ трудолюбивый, честный, трезвый, пользовавшійся уваженіемъ сосѣдей, былъ заключенъ на двадцать-одинъ мѣсяцъ въ тюрьму за то, что произнесъ и на одной двери написалъ слова, оскорбительныя для христіанства. Бокль въ своей брошюрѣ о Миллѣ рассказываетъ всѣ подробности этого дѣла. Томасъ Поoley всегда отличался странностями и причудами, такъ что его считали слабоумнымъ; но года за два до заключенія въ тюрьму съ нимъ случилось несчастіе, которое сильно подѣйствовало на его умъ. Тѣмъ не менѣе онъ оставался не только безвреднымъ, но даже весьма полезнымъ членомъ общества, былъ уважаемъ сосѣдами, любилъ семью, для которой работалъ съ рѣдкимъ усердіемъ. Часто задумываясь, Томасъ дошелъ до многихъ ошибочныхъ представлений; между прочимъ онъ вообразилъ, что земля—живое существо и, копя колдцы (это была его специальность), онъ боялся слишкомъ далеко проникать вглубь земли, чтобъ не причинить ей боли; онъ думалъ также, что болѣзнь картофеля можетъ пройти, когда по картофельному полю развѣненъ будетъ пепелъ сожженной библии. Этотъ-то странный человѣкъ написалъ нѣсколько безсвязныхъ словъ, выразившихъ его мнѣніе о средствѣхъ противъ болѣзни картофеля, и нѣсколько словъ, выразившихъ его ненависть къ христіанству. Объ этомъ и о глупыхъ рѣчахъ Томаса, которыхъ впрочемъ никто не обязанъ былъ слушать, одно духовное лицо донесло суду; по предварительномъ дознаніи, Томасъ былъ арестованъ и въ ближайшіе ассизы призванъ на судъ. Защитника не было; обвинителемъ явился сынъ судьи. Несмотря на явные признаки умственного разстройства, Томасъ былъ обвиненъ и приговоренъ къ заключенію въ тюрьму на 21 мѣсяцъ. Черезъ 14 дней умственное разстройство перешло въ полное сумасшествіе, и больного принуждены были помѣстать въ домъ умалишенныхъ. Во время пребыванія его тамъ, нѣкоторые великодушныя личности рѣшились войти въ положеніе страдальца и семьи его, оставшейся безъ средствъ, и хлопотать о помилованіи. Сначала попытка не удавалась. Высшія инстанціи поддерживали судью и объявили просителямъ, что въ случаѣ выздоровленія, Томасъ долженъ быть препровожденъ опять въ тюрьму, чтобъ досидѣть въ ней остальное время. Но неудача не охладила защитниковъ; они призвали на помощь общественное мнѣніе, и тогда судебныя власти должны были уступить. Черезъ пять мѣ-

сцѣвъ послѣ произнесенія приговора Томасъ Поoley былъ помилованъ.

Въ августѣ того же года, двѣ личности въ двухъ различныхъ случаяхъ не были приняты въ присяжные и были жестоко осмѣяны судьей и однимъ изъ засѣдателей за то, что не держались никакого религіознаго вѣрованія. Въ томъ же мѣсцѣ, въ томъ же году и на томъ же основаніи судъ не защитилъ одного иностранца противъ вора на томъ основаніи, что человекъ, невѣрующій въ Бога, не можетъ быть принятъ свидѣтелемъ на судѣ; другими словами, эти лица находятся внѣ покровительства законовъ, и что ихъ не только можно обокрасть безнаказанно (въ случаѣ если у нихъ нѣтъ свидѣтелей кромѣ людей одинаковыхъ съ ними мнѣній), но что и всякаго можно обокрасть, и всякому можно нанести обиду, если только доказательство зависитъ отъ ихъ свидѣтельства. Все это основывается на томъ предположеніи, что нельзя вѣрить человеку, непризнающему основныхъ догматовъ христіанства; но исторія знаетъ между невѣрующими весьма много замѣчательно честныхъ и чистыхъ людей.

Обычай, не давалъ вѣры свидѣтельству людей, открыто сознающихся въ своихъ сомнѣніяхъ, допускаетъ свидѣтельство лицъ невѣрующихъ, но рѣшающихся скрывать свои убѣжденія, лгать. Этотъ обычай одинаково оскорбителенъ какъ для христіанъ, такъ и для невѣрующихъ, ибо основаніемъ ему служитъ то предположеніе, что только страхъ загробныхъ мученій останавливаетъ людей отъ лжи.

Во многихъ странахъ Европы существуютъ еще обычаи, нѣсколько напоминающіе средневѣковую нетерпимость. Даже въ Англіи еще нѣтъ полной религіозной свободы. Судебная власть поддерживаетъ общественное мнѣніе, и строгость этого послѣдняго такъ велика, что въ Англіи гораздо рѣже проповѣдуются ученія, осужденныя общественнымъ мнѣніемъ, чѣмъ въ другихъ странахъ теоріи, за которыя личность подвергается судебному преслѣдованію. Для всѣхъ лицъ, неимѣющихъ независимаго состоянія, преслѣдованіе общественнаго мнѣнія такъ же страшно, какъ и преслѣдованіе закона, ибо лишеніе средствъ въ существованіи для нихъ равносильно заключенію въ тюрьму. Люди, обезпеченные въ средствахъ къ жизни, неуважающіеся въ благоволеніи сильныхъ міра сего и публики, не подвергаются никакой опасности, высказывая свое убѣжденіе; самое тяжкое, что только можетъ ихъ постигнуть, это неодобреніе нѣкоторыхъ личностей, иногда даже и невысказываемое. Конечно, не требуется особеннаго героизма, чтобы пренебречь такому опасностію. Независимо поставленныя личности не нуждаются въ защитѣ. Го-

раздо болѣе неприятностей терпять личности, у которыхъ, кромѣ твердыхъ убѣжденій, нѣтъ никакого богатства.

Но отъ нетерпимости общественнаго мнѣнія само общество терпитъ всего болѣе, особенно въ наше время. Сократъ былъ осужденъ на смерть, но философія его не умерла, а возсіла какъ солнце на всемъ умственномъ горизонтѣ міра. Христіанъ бросали на растерзаніе лвамъ, но христіанская церковь выросла въ величественное дерево, заглушившее другія болѣе древнія, но менѣе могучія дерева своею тѣнью. Наша нетерпимость имѣетъ чисто-соціальныи характеръ: она никого не убиваетъ, не искореняетъ нивакого мнѣнія, но принуждаетъ людей скрывать свои мнѣнія или удерживаться отъ всякаго энергическаго усилія распространять ихъ. Въ наше время убѣжденія, противорѣчащія понятіямъ большинства, ни усиливаются, ни ослабляются съ теченіемъ времени, но никогда и не блистаютъ яркимъ свѣтомъ, а остаются постоянно скрытыми въ тѣсномъ кругу ученыхъ и мыслителей, не бросаютъ свѣта, ни истиннаго, ни ложнаго на дѣла человѣческія. Такимъ-то образомъ поддерживается положеніе вещей, очень удовлетворительное для нѣкоторыхъ умовъ. Въ самомъ дѣлѣ, при такомъ положеніи вещей, всѣмъ, повидимому, хорошо: преобладающія въ обществѣ мнѣнія пользуются кажущимся сподобствіемъ, и для поддержанія этого спокойствія никого не штрафуютъ, не сажаютъ въ тюрьму за убѣжденія, между тѣмъ, какъ люди, несогласные со «всѣми», зараженные болѣзненною страстію мыслить, не совершенно лишены права пользоваться умственными силами; все идетъ, повидимому, мирно въ области мысли. Но это умиротвореніе достигается дорогою цѣною. Состояніе общества, при которомъ болѣшая часть дѣятельныхъ и пытливыхъ людей находятъ полезнымъ таить про себя мотивы своихъ убѣжденій и, говоря съ публикой, поддѣлываться подъ ея складъ мыслей, наружно одобрять мнѣнія, отвергаемыя въ глубинѣ души — такое состояніе общества не можетъ способствовать выработкѣ открытыхъ, смѣлыхъ характеровъ, умовъ крѣпкихъ и логичныхъ, какіе когда-то были краскою мыслящаго міра; при немъ могутъ процвѣтать только такія личности, которыя рабски подчиняются общепринятымъ мнѣніямъ, такіе боязливые и осторожные служители истины, доводы которыхъ во всѣхъ важныхъ вопросахъ соразмѣрены съ аудиторіей, съ публикой, имъ внимающей. Люди, нежелающіе ни подчиниться общепринятымъ мнѣніямъ, ни хитрить съ публикой, ограничиваютъ свою мысль и свои интересы предметами, о которыхъ можно говорить, не касаясь принциповъ.

Люди, въ глазахъ которыхъ такое молчаніе диссидентовъ не

есть зло, должны обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Благодаря такому принудительному молчанію, мнѣнія, неодобряемы обществомъ, никогда не обсуждаются вполне добросовѣстно и основательно, а потому тѣ изъ нихъ, которыя не могли бы выдержать критики, не исчезаютъ, и даже иногда распространяются, какъ лакомый запретный плодъ.

Но не диссидентамъ вредитъ болѣе всего такое стѣсненіе свободы слова; всего болѣе терпятъ отъ него «здравомыслящіе» люди, принадлежащіе къ «благоразумному» большинству: ихъ развитіе умственное затруднено, ихъ разумъ подавленъ боязнію увлечься непринятыми мнѣніями. Кто можетъ исчислить, какое множество людей съ прекраснымъ, воспримчивымъ умомъ, но съ боязливымъ характеромъ, не въ силахъ мыслить смѣло, независимо, не боясь дойти до какаго нибудь непринятаго, опальнаго мнѣнія, до вывода, который нѣкоторые считаютъ безнравственнымъ? Кто можетъ вычислить всю потерю общества отъ такого раболѣпія мысли?

Никто не можетъ сдѣлаться великимъ мыслителемъ, если не считаетъ своею первою обязанностію слѣдовать за своимъ разумомъ всюду, куда бы тотъ ни повелъ его. Общество больше выигрываетъ отъ *ошибокъ* человѣка, который, много поучившись, думаетъ своей головою, чѣмъ отъ *справедливыхъ* мнѣній тѣхъ людей, которые, не желая, не смѣя или не умѣя мыслить самостоятельно, принимаютъ на слово чужое убѣжденіе, случайно оказавшееся вѣрнымъ.

Свобода мнѣній необходима не только для образованія великихъ мыслителей. Напротивъ, она столько же, и даже болѣе необходима, чтобы самыхъ обыкновенныхъ людей сдѣлать способными достигъ той умственной высоты, которая доступна имъ. Могутъ быть, и были великіе мыслители въ атмосферѣ умственного рабства; но никогда не было, и не будетъ въ атмосферѣ этой дѣлаго народа умственно-дѣятельнаго. Всюду, гдѣ только народъ выходилъ на время изъ апатическаго состоянія, и отличался энергіею, виною этому было исчезновеніе боязни непринятыхъ воззрѣній. Тамъ, гдѣ установлено, чтобы принципы не были предметомъ спора, тамъ, гдѣ обсужденіе величайшихъ вопросовъ, какіе только могутъ интересовать человѣчество, считается оконченнымъ, нельзя ожидать той высокой степени умственной дѣятельности, какой достигали нѣкоторые эпохи въ исторіи человѣчества, тѣ достопамятныя эпохи, когда умственное движеніе охватывало всю массу народа, когда самые обыкновенные люди возвышались до степени мыслящихъ существъ. Европа пережила нѣсколько такихъ блестящихъ эпохъ: первая непосред-

ственно слѣдовала за реформаціей, вторая — эпоха спекулятивнаго, умозрительнаго движенія — совпадаетъ со второю половиною восемнадцатаго вѣка, третья — время умственного движенія Германіи при Гёте и Фихте. Эти три эпохи рѣзко отличаются одна отъ другой господствовавшими мнѣніями, но имѣли между собою сходство въ томъ, что признавали свободу мысли отъ авторитета. Умственное движеніе, ими вызванное, сдѣлало Европу тѣмъ, что она есть въ настоящее время. Но, повидимому, движеніе прекратилось, и возобновленіе его возможно лишь тогда, когда провозглашена будетъ свобода мысли.

До сихъ поръ мы доказывали необходимость свободы мысли и слова, имѣя въ виду, что общепринятія мнѣнія могутъ быть ложны. Мы видѣли, что въ этомъ случаѣ свобода мысли и слова даетъ обществу возможность избавиться отъ своихъ заблужденій, обратиться на путь истинный.

2) Перейдемъ теперь къ другой сторонѣ нашей задачи, предположимъ, что *общепринятая мнѣнія истинны*. Размыслить, полезна ли въ такомъ случаѣ для общества, и необходима ли свобода мысли и слова.

Есть люди (къ счастью, ихъ теперь меньше, чѣмъ прежде), которые совершенно довольны, когда другіе держатся ихъ мнѣнія, но въ то же время сами нерѣдко вовсе не провѣрили основъ, на которыя опирается это мнѣніе, и не имѣютъ силъ отстоять его противъ самыхъ поверхностныхъ возраженій. Когда такіе люди получаютъ свои убѣжденія извнѣ отъ какого нибудь авторитета, то думаютъ, что полная свобода оспаривать ихъ можетъ повести только къ дурнымъ послѣдствіямъ. Всюду, гдѣ такія личности имѣютъ преобладающее вліяніе, онѣ почти все не допускаютъ разумаго и добросовѣстнаго протеста противъ нихъ, но не могутъ воспрепятствовать неразумному, невѣжественному протесту (ибо уничтожить всякую возможность противорѣчія общепринятымъ мнѣніямъ нивто не въ силахъ). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ личности, мнѣнія которыхъ хотя и справедливы, но не основаны на тщательномъ изслѣдованіи и глубокомъ размышленіи, легко могутъ быть сняты съ толку самымъ ничтожнымъ возраженіемъ или доводомъ. Если даже люди, слѣдующіе общепринятому справедливому мнѣнію, успѣютъ воспрепятствовать какому бы то ни было протесту противъ него, если это справедливое мнѣніе останется въ умахъ этихъ людей неопровергнутою, но и непровѣренною, непродуманною истинною, то мало отъ нея пользы человечеству. Истина, такимъ образомъ проповѣдуемая и принимаемая, есть суевѣріе, случайно выраженное словами, обыкновенно выражающими истину.

Если разумъ человѣческій долженъ быть развиваемъ, то лучшее средство для его развитія заключается въ размышленіи о предметахъ, наиболѣе интересующихъ человѣка. Наши умственные силы могутъ всего болѣе развиваться, когда мы стараемся узнать основанія нашихъ собственныхъ мнѣній. Всѣ наши мнѣнія о такихъ предметахъ, о которыхъ въ высшей степени важно мыслить справедливо, мы должны умѣть отстаивать, по крайней-мѣрѣ, отъ самыхъ обыкновенныхъ возраженій. Но намъ, можетъ быть, скажутъ: «Нѣтъ надобности отдѣльнымъ личностямъ самимъ доискиваться основаній, мотивовъ собственныхъ мнѣній. Изучающіе геометрію, заучиваютъ теоремы, узнаютъ, какими способами можно ихъ доказывать, и было бы нелѣпо утверждать, что они не знаютъ основаній геометрическихъ истинъ на томъ лишь основаніи, что они никогда не слышали ни опроверженія этихъ истинъ, ни возраженій противъ нихъ». Безъ всякаго сомнѣнія, такое изученіе совершенно достаточно для математическихъ наукъ, всѣ истины которыхъ такъ очевидны. Математическія истины имѣютъ ту особенность, что доводы могутъ быть приводимы только въ пользу ихъ, что двухъ мнѣній ни объ одной изъ нихъ нельзя составить. Но чтобы ясно понята была истина, о которой возможны различныя мнѣнія, необходимо соблюденіе равновѣсія между двумя системами противоположныхъ доводовъ. Даже въ естественныхъ наукахъ существуютъ различныя объясненія однихъ и тѣхъ же фактовъ, различныя гипотезы, теоріи относительно однихъ и тѣхъ же предметовъ, и чтобы имѣть право держаться одной какой нибудь теоріи или гипотезы, необходимо умѣть доказать, почему всѣ другія неосновательны. Если же мы обратимся къ фактамъ и явленіямъ, безконечно болѣе сложнымъ, къ области морали, религіи, политики, общественныхъ отношеній, житейскихъ дѣлъ, то увидимъ, что тамъ по крайней-мѣрѣ три четверти доводовъ за каждое мнѣніе заключаются въ опроверженіи аргументовъ, повидимому говорящихъ въ пользу протѣвнаго мнѣнія. Говорятъ, что второй ораторъ древности, Цицеронъ, всегда вникалъ въ сущность доводовъ своего противника съ такимъ же (если не съ болѣшимъ) вниманіемъ, какъ и въ свои собственные. То, что дѣлалъ Цицеронъ для достиженія успѣховъ на каѳедрѣ, должно служить примѣромъ для всѣхъ, желающихъ изучать какую либо истину. Человѣкъ, знающій только свое мнѣніе, знаетъ очень мало. Наши взгляды могутъ быть вѣрны, основательны и, можетъ быть, никто не въ состояніи ихъ опровергнуть; но если мы не въ состояніи опровергнуть доводы нашего противника и даже не знаемъ ихъ, то не имѣемъ основанія

предпочитать то или другое мнѣніе. Единственный разумный исходъ для насъ въ такомъ случаѣ — отложить произнесеніе рѣшительнаго сужденія; если же не хотимъ довольствоваться такою индифферентною ролью — то ухватиться за какой нибудь авторитетъ или стать въ ряды той партіи, къ которой чувствуемъ наиболѣе симпатіи. Недостаточно, чтобы мы слышали доводы противника изъ устъ своихъ наставниковъ и руководителей, въ ихъ собственной переработкѣ, съ ихъ комментаріями и опроверженіями. Нужно слышать доводы противника изъ устъ его самого, представленныя въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ, изложенныя самымъ убѣдительнымъ образомъ; нужно знать, нужно прочувствовать всѣ препятствія, затрудняющія уясненіе изучаемаго предмета. Иначе никогда мы не будемъ обладать тою стороною предмета, уяснивъ которую, можно отстоять наше мнѣніе о немъ отъ всякихъ опроверженій.

Въ нашемъ образованномъ обществѣ на сто человѣкъ найдется по крайней-мѣрѣ девяносто-девять такихъ, которые находятся въ весьма странномъ положеніи. Ихъ мнѣнія могутъ быть справедливы, могутъ быть и ложны безъ вѣдома ихъ: они никогда не ставятъ себя въ положеніе людей, думающихъ иначе, никогда не задаютъ себѣ вопроса: чтó могутъ эти противники сказать противъ нихъ. Они не знаютъ тѣхъ сторонъ собственного своего мнѣнія, которыя объясняютъ и оправдываютъ все остальное, не подозреваютъ, что два факта, повидимому противоположныя другъ другу, можно примирить, что изъ двухъ весьма сильныхъ доводовъ, одинъ долженъ быть предпочтенъ другому. Такие люди совершенно незнакомы съ тою стороною истины, которая въ глазахъ человѣка, вполне просвѣщеннаго, даетъ ей перевѣсъ предъ противнымъ мнѣніемъ. Только тѣ изъ насъ и знаютъ какую либо истину, кои безпристрастно выслушали обѣ стороны и вслѣдовали доводы обѣихъ сторонъ въ самомъ полномъ и ясномъ изложеніи. Если даже и нѣтъ у насъ противниковъ, отрицающихъ всѣ важнѣйшія для насъ истины, то мы должны мысленно представить ихъ себѣ и этимъ воображаемымъ противникамъ вложить въ уста самыя сильныя доказательства, какія только можетъ привести самый опытный адвокатъ противъ насъ.

Намъ возразятъ: все вообще человѣчество не имѣетъ надобности знать и понимать все, чтó можетъ быть сказано противъ его мнѣній философами. Обыкновеннымъ людямъ нѣтъ надобности умѣть излагать всѣ заблужденія и софизмы искуснаго противника. Достаточно, чтобы былъ кто нибудь одинъ, или чтобы было немного такихъ людей, которые сумѣли бы отвѣ-

титъ на всѣ возраженія, могущія сбить съ толку людей, лишенныхъ образованія. Обыкновенные, дюжинные умы, зная самыя главныя основанія истинъ, ими исповѣдуемыхъ, во всемъ остальномъ могутъ довѣряться тому или другому авторитету; они хорошо знаютъ, что у нихъ нѣтъ необходимаго запаса умственныхъ силъ, чтобы опровергнуть всѣ возраженія на признанныя ими ученія, но для ихъ спокойствія совершенно достаточно увѣренности, что спеціалисты могутъ преодолѣть всѣ эти трудности.

Итакъ, сами противники свободы слова утверждаютъ, что человечество должно имѣть разумную увѣренность въ томъ, что всѣ возраженія на господствующія мнѣнія уже отражены. Но какимъ образомъ могутъ быть отражены эти возраженія, если ихъ нельзя высказывать? Какимъ образомъ можно убѣдиться, что отвѣтъ, данный на эти возраженія, удовлетворителенъ, если возражавшіе не имѣли право сказать: нѣтъ, неудовлетворителенъ. Если не публика, то философы, отстаивающіе господствующую систему мнѣній о вопросахъ жизни, должны слышать и знать все, что можетъ быть сказано противъ этой системы; возраженія должны быть высказаны со всею ясностію и поднотою, въ самомъ выгодномъ для протестующихъ свѣтѣ. А для этого личности, протестующія противъ принятыхъ обществомъ мнѣній, должны имѣть право излагать свои убѣжденія свободно, представлять ихъ обществу въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ.

Церковь римско-католическая по своему рѣшаетъ этотъ затруднительный вопросъ. Она ставитъ рѣзкую черту между тѣми, кои должны принять ея ученіе на вѣру, и тѣми, кои могутъ принять его по убѣжденію. Въ сущности, она не допускаетъ свободнаго выбора, но духовенство, тамъ, по крайней-мѣрѣ, гдѣ оно заслужило ея довѣріе, имѣетъ полное право знакомиться съ доводами противниковъ католичества, чтобы имѣть возможность отвѣчать имъ; имъ дозволено читать книги, противныя духу католицизма, міряне же не имѣютъ на это права безъ особаго дозволенія, которое трудно получить. Итакъ, католическая церковь даетъ немногимъ избранныкамъ больше, нежели всей остальной массѣ общества, если не свободы, то средствъ для умственнаго развитія. Такимъ путемъ эти избранныки успѣваютъ приобрести превосходство надъ массой, необходимое для ихъ цѣлей: ибо хотя образованіе ума безъ свободы не можетъ дать уму широкаго и либеральнаго развитія, но все же оно даетъ ему возможность быть сноснымъ адвокатомъ своего дѣла. Въ наше время впрочемъ невозможно, чтобы сочиненія, читаемыя учеными людьми, были неизвѣстны остальной публикѣ.

Мы видѣли, что въ томъ случаѣ, когда общеприняты мнѣ-

ніа справедливы, отсутствіе свободы слова оставляетъ людей въ невѣдѣніи относительно основъ, на которыхъ зиждутся эти мнѣнія. Но печальныя послѣдствія отсутствія свободы слова этимъ не ограничиваются; оно способствуетъ забвенію не только принциповъ, но очень часто и самаго смысла извѣстнаго ученія. Выраженія, въ которыхъ облечено это ученіе, лишаются прежняго глубокаго смысла и вызываютъ въ умѣ нашемъ лишь немногія изъ тѣхъ идей, которыя передавались ими когда-то. Въмѣсто глубокаго, твердаго пониманія, вмѣсто живой вѣры, у насъ остается лишь нѣсколько фразъ, удержанныхъ привычкой; если же остается пониманіе смысла ученія, то весьма слабое. Замѣчательный фактъ, наполняющій собою исторію человѣчества и достойный самаго глубокаго и всесторонняго изученія!

Съ этимъ фактомъ мы встрѣчаемся въ исторіи всѣхъ религіозныхъ вѣрованій и нравственныхъ ученій. Въ устахъ основателей и первыхъ послѣдователей ихъ эти ученія и вѣрованія полны глубокаго смысла, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока длится борьба, доставляющая наконецъ новому ученію прочное положеніе. Но когда борьба оканчивалась, необходимости постоянно защищаться отъ возраженій противниковъ не оказывалось, энергія послѣдователей новаго ученія ослабѣвала.

Часто мы слышимъ отъ проповѣдниковъ религій жалобы на трудность поддержать въ умѣхъ вѣрующихъ живое пониманіе признанной ими истины, такое пониманіе, которое бы могло вліять на ихъ чувство и на ихъ образъ жизни. Но такихъ жалобъ не слышно въ то время, когда вѣрованіе еще завоевывается себѣ положеніе. Въ то время самые слабосильные борцы знаютъ и чувствуютъ, за чтó они ратуютъ и сознаютъ разницу между ихъ ученіемъ и другими. Такимъ образомъ въ эту эпоху существованія всякаго вѣрованія можно найти много такихъ личностей, которыя осуществляютъ основные принципы его на дѣлѣ, которые ихъ уяснили во всѣхъ отношеніяхъ и испытали все вліяніе, какое только можетъ оно имѣть на умъ и характеръ. Но когда данное нравственное ученіе принимается пассивно, а не активно, когда умъ уже не долженъ сосредоточить на истинахъ его всѣ свои способности, является постоянное стремленіе удержать только форму ученія или отнестись къ нему недѣлательно, равнодушно.

До какой степени высоко-нравственныя ученія, могущія имѣть сильное дѣйствіе на умъ и сердце, могутъ оставаться безжизненными доктринами, неусвоенными умомъ и сердцемъ, видно изъ того, какъ большинство современныхъ вѣрующихъ осуществляютъ въ жизни своей идеалы христіанства. Всѣ христіане съ

благоговѣннѣмъ относятся къ заповѣдямъ и совѣтамъ евангелія, но едва-ли одинъ изъ тысячи исполняетъ ихъ въ точности. Каждый устроиваетъ свою жизнь руководясь обычаями народа, сословія или кружка, къ которому принадлежитъ. У современныхъ христіанъ съ одной стороны закономъ служатъ нравственное евангельское ученіе, съ другой — сужденія и обычаи, изъ коихъ нѣкоторые согласуются съ внушеніями христіанства, другіе же прямо противорѣчатъ ему, нѣкоторые же представляютъ собою какъ-бы компромиссъ между христіанскими вѣрованіями и внушеніями свѣтской жизни. Къ евангельскому ученію христіаннѣ нашего времени относится съ благоговѣннѣмъ, свѣтскимъ же правиламъ вполне подчиняется.

Всѣ христіане вѣрують, что бѣдные, смиренные, обиженные свѣтомъ блаженны, что верблюду легче пройти сквозь игольные уши, чѣмъ богатому войти въ царствіе Божіе, что мы не должны осуждать, чтобы не быть осужденными, что должны любить ближняго какъ самихъ себя, отдать ему и верхнюю одежду, если онъ возьметъ у насъ рубашку, что для достиженія возможнаго на землѣ совершенства необходимо полное самоотверженіе, полное забвеніе себя для блага ближнихъ — и не лгутъ утверждающіе свою вѣру въ эти истинны. Мы вѣруемъ въ нихъ какъ въ такія истинны, которыя всегда были одобряемы, и никогда не были оспариваемы. Но это — въ большей части современныхъ христіанъ — не та живая вѣра, которая могла бы дать направленіе всей нашей жизни. Еслибы кто нибудь напомнилъ намъ, что всѣ эти возвышенныя ученія требуютъ множества такихъ дѣлъ, подвиговъ такого высокаго самоотверженія, о которыхъ мы никогда и не думаемъ, то непремѣнно былъ бы сочтенъ за одну изъ тѣхъ непопулярныхъ личностей, которыя желаютъ казаться лучше другихъ. Возвышенныя нравственныя ученія не имѣють почти никакой власти надъ обыкновенными людьми: они имѣють обычное уваженіе къ словамъ, выражающимъ эти ученія, но не углубляются въ смыслъ ихъ, и потому не руководятся ими въ жизни.

Первые христіане, безспорно, совершенно иначе понимали нравственное ученіе своей религіи: еслибы они такъ же мало любили другъ друга, еслибы у нихъ такъ же мало было самоотверженія, какъ въ современномъ обществѣ, Христова вѣра не распространилась бы такъ быстро. Когда враги ихъ говорили: «посмотрите, какъ христіане любятъ другъ друга!», то говорили истину.

Все, сейчасъ сказанное, можно примѣнить ко всякому ученію, передаваемому по преданію. Во всѣхъ языкахъ и во всѣхъ лите-

ратурахъ есть множество глубокомысленныхъ изрѣченій о томъ, какъ возможно лучше устроить жизнь. Каждый повторяетъ, каждый выслушиваетъ ихъ, пока они не сдѣлаются общимъ мѣстомъ, а настоящій сммслъ ихъ не понимается до тѣхъ поръ, пока опытъ не превратитъ ихъ въ дѣйствительность. Сколько разъ, испытывая горе или неудачу, мы вспоминаемъ о какой-нибудь пословицѣ, поговоркѣ, которая могла бы предохранить насъ отъ бѣды, еслибы мы лучше понимали сммслъ ея. Конечно, непониманіе этого сммсла зависить не отъ одного отсутствія преній, но и отъ того, что онѣ лучше познаются собственнымъ опытомъ каждаго: но сммслъ и такихъ истинъ былъ бы для насъ яснѣе, еслибы люди привыкли выслушивать доводы за и противъ нихъ отъ лицъ, знающихъ по опыту то, о чемъ говорить. Роковая тенденція человѣка не думать о тѣхъ истинахъ, въ которыхъ уже нѣтъ сомнѣнія, была причиною половины людскихъ бѣдствій.

Намъ скажутъ: неужели же отсутствіе единоклѣсннхъ есть единственное условіе истиннаго знанія? неужели необходимо, чтобы половина человѣчества оставалась покрытою мракомъ заблужденія, для того, чтобы другая половина могла понять истину? Развѣ вѣрованіе перестаетъ быть истиннымъ, какъ скоро дѣлается всеобщимъ? развѣ истина не можетъ быть понята и прочувствована, если въ ней никто не сомнѣвается? Напротивъ, согласіе людей относительно важныхъ истинъ всегда считалось самою возвышенною и великою цѣлію человѣческаго развитія.

Дѣйствительно, по мѣрѣ того какъ человѣчество идетъ впередъ, число ученій, несоставляющихъ предмета споровъ, увеличивается и благосостояніе человѣчества можетъ быть измѣряемо числомъ важныхъ истинъ, сдѣлавшихся бесспорными. Но хотя это постепенное уменьшеніе разнообразія въ мнѣніяхъ неизбѣжно и необходимо, тѣмъ не менѣе не всѣ слѣдствія такого уменьшенія благоприятны для людей.

Необходимость постоянно уяснять и защищать истину отъ ея противниковъ до такой степени помогаетъ самой истинѣ, что выгода отъ разнообразія мнѣній почти равняется выгодѣ отъ прннятія всѣми одного вѣрнаго мнѣнія.

Если нѣтъ противниковъ, которыхъ могла бы побороть истина, то ихъ слѣдуетъ какъ нибудь замѣнить. Наставники рода человѣческаго должны найти средства, какъ бы можно было намъ представить всѣ трудности интересующаго насъ вопроса съ такою же ясностію, съ какою изложилъ бы ихъ искусный противникъ, желающій убѣдить насъ въ справедливости своихъ мнѣній.

Но вмѣсто того, чтобы искать такихъ средствъ, они потеряли

и тѣ, которыя были когда-то употребительны. Однимъ изъ этихъ средствъ была діалектика Сократа. Превосходные примѣры примененія этой діалектики къ изслѣдованію великихъ философскихъ и житейскихъ вопросовъ, заключаются въ діалогахъ Платона. Въ этихъ діалогахъ, путемъ отрицанія важнѣйшихъ истинъ, искусно оспориваемыхъ, человѣку, поверхностно усвоившему истину, доказывалось, что онъ не понимаетъ ея существеннаго смысла и что необходимо стараться пріобрѣсти твердыя убѣжденія, основанныя на ясномъ, отчетливомъ пониманіи дѣла.

Въ средневѣковыхъ школахъ существовалъ обычай, чтобы ученики вели между собою диспуты, имѣвшіе почти такую же цѣль. Посредствомъ этихъ диспутовъ наставники старались убѣдиться, что ученикъ понимаетъ и собственное мнѣніе и мнѣніе противника, и что онъ могъ доказать первое и опровергнуть послѣднее. Единственный недостатокъ этихъ диспутовъ, уменьшавшій ихъ образовательное значеніе, тотъ, что опорой спорившихъ сторонъ были авторитеты (напр. Аристотеля), а не разумъ. Въ новѣйшихъ школахъ нѣтъ ничего подобнаго ни сократическимъ бесѣдамъ, ни этому средневѣковому обычаю, что достойно сожалѣнія. До тѣхъ поръ, пока снова отрицательная логика не войдетъ въ свои права, будетъ мало великихъ мыслителей, и средній уровень умственнаго развитія будетъ низокъ всюду, кромѣ области наукъ естественныхъ и математическихъ. Во всякой другой области мысли мнѣнія человѣка заслуживаютъ названія знаній только тогда, когда онъ слѣдовалъ діалектическимъ путемъ.

И такъ, если нѣтъ противниковъ истинѣ, необходимо ихъ представлять въ собственномъ умѣ. Если же существуютъ въ дѣйствительности люди, оспаривающіе общепринятія мнѣнія, или такіе, которые будутъ ихъ оспаривать, какъ скоро допустить это законъ — поблагодаримъ ихъ, послушаемъ ихъ, возрадуемся, что добрые люди сдѣлали за насъ то, что съ гораздо большимъ трудомъ мы должны бы были дѣлать для себя сами.

Остается сказать еще объ одной причинѣ, почему разнообразіе мнѣній выгодно для человѣчества. Мы рассмотримъ до сихъ поръ два возможныхъ случая: 1) общепринятое мнѣніе можетъ быть ложно, 2) оно можетъ быть справедливо. Но случается, что 3) противоположныя ученія оба не вполне истинны и не вполне ложны. Въ такомъ случаѣ большинству необходимо выслушать мнѣніе протестующаго меньшинства, чтобы дойти до полного пониманія истины. Въ возрѣніяхъ диссидентовъ всегда есть нѣкоторыя истины, подавленные, униженные; и онѣ-то, сбросивъ съ себя оковы, или стараются примириться съ господствующимъ мнѣніемъ, или смѣло встаютъ противъ него, становясь также

нетерпимыми и исключительными. Последнее до сих пор случалось чаще, ибо чаще встрѣчаются умы исключительные, чѣмъ либеральные. Отсюда происходитъ, что при смѣнѣ одного мнѣнія другимъ, пріобрѣтаетъ господство одна сторона истины, между тѣмъ какъ затемняется другая. Прогрессъ общества часто заключается лишь въ томъ, что одно неполное и одностороннее ученіе смѣняется другимъ, такимъ же одностороннимъ. Улучшеніе въ такомъ случаѣ заключается въ томъ, что новое ученіе нужнѣе, примѣннѣе для общества въ данный моментъ. Если же господствующее заключаетъ въ себѣ только часть истины, то всякое другое, заключающее въ себѣ хотя малѣйшую частичку ея, должно цѣнить, къ какимъ бы ни примѣшивалось оно заблужденіямъ. И не слѣдуетъ негодовать на то, что противники общепринятыхъ мнѣній пренебрегаютъ истинами, въ этихъ послѣднихъ заключающимися и отличаются часто такою же нетерпимостію и исключительностію, какъ и приверженцы господствующаго мнѣнія. Напротивъ желательно, чтобы непопулярныя мнѣнія были провозглашаемы проповѣдниками такими же исключительными, какъ и проповѣдники господствующаго мнѣнія; ибо они-то обыкновенно отличаются наибольшею энергіею и наиболѣе способны обратить общее вниманіе на ту часть или сторону истины, которую, по своей односторонности, они выдаютъ за всю истину.

Въ половинѣ восемнадцатаго вѣка парадоксы Руссо произвели самое спасительное дѣйствіе на общество, мнѣвшее отъ восторга при видѣ чудеса новой науки, философіи, литературы, словомъ, цивилизаціи, и ставившее себя во всемъ выше древнихъ.

Руссо оказалъ великую услугу обществу не потому, что общепринятая въ то время мнѣнія были ложны. Напротивъ, они были гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ идея Руссо; но оригинальность взгляда его на цивилизацію заставила общество провѣрить собственные мнѣнія. Въ ученіи Руссо, впрочемъ, заключалось много истинъ и онѣ весьма пригодились людямъ: со времени появленія въ свѣтъ, его разсужденія о вредѣ цивилизаціи, преимущества простой, безъискусственной жизни надъ искусственною, расслабляющее и деморализирующее вліяніе лицемерія и лжи въ общественныхъ правахъ — все это никогда не забывалось людьми просвѣщенными. Идеи Руссо еще не принесли челоуѣчеству всей пользы, которую могли бы; но имъ предстоитъ еще быть одѣненными по достоинству; для этого нужно, чтобы онѣ были провозглашены громче, чѣмъ въ первый разъ, и при томъ, не словомъ, а дѣломъ.

Сказанное можно примѣнить и къ области политики. Въ государствѣ существуютъ двѣ необходимыя партіи: консервативная

и прогрессивная (и будут существовать до тех поръ, пока одна изъ нихъ достигнетъ такого интеллектуальнаго совершенства, что будетъ вмѣстѣ и партіею порядка и партіею прогресса, и всегда будетъ умѣть отличить, что слѣдуетъ сохранять, и что разрушать). Каждая изъ этихъ партій основываетъ свою пользу на недостаткахъ другой; но только благодаря взаимному сопротивленію, онѣ остаются въ предѣлахъ здраваго разума и справедливости.

На томъ же основаніи необходимо, чтобы всякій могъ выражать свое мнѣніе о всѣхъ практическихъ вопросахъ, раздѣляющихъ часто цѣлое общество на два лагеря: мнѣнія, благопріятныя демократіи, должны быть такъ же терпимы, какъ и тѣ, кои служатъ интересамъ аристократіи; собственность и равенство, сотрудничество и соперничество, роскошь и воздержаніе, государство и личность, свобода и порядокъ — все это должно быть обсуждаемо совершенно свободно. Конечно, не можетъ быть соблюдено равновѣсія между мнѣніями обо всѣхъ этихъ предметахъ; но всѣ они должны быть терпимы, и если слѣдуетъ поддерживать какое-нибудь изъ нихъ, то, конечно, самое слабое: когда есть личности, нераздѣляющія общепринятыхъ, повидимому, мнѣній, то, вѣроятно, эти диссиденты могутъ сообщить обществу нѣчто, заслуживающее вниманія, и истина будетъ въ проигрышѣ, если имъ не дозволено будетъ говорить.

Намъ возразятъ: «есть общепринятые ученія, которыя не могутъ считаться истинами только вполнину. Такъ, напримѣръ, христіанское ученіе о нравственности содержитъ въ себѣ все, что можно сказать объ этомъ предметѣ, и всякій, проповѣдующій иную мораль—заблуждается».

Но на это можно возразить, что сознавая возвышенность христіанскаго ученія, христіане первыхъ вѣковъ не стѣснялись посылать сыновей своихъ слушать лекціи языческихъ философовъ, ораторовъ и ученыхъ, что первые знаменитѣйшіе отцы церкви получили въ языческихъ школахъ свое образованіе и не пренебрегали греческою наукою и поэзіею. Въ болѣе новыя времена возрожденіе классической древности не принесло существеннаго вреда христіанству. Сравненіе христіанскаго ученія съ другими можетъ только способствовать уясненію перваго.

Оканчивая разсужденіе о свободѣ слова, небезполезно обратить вниманіе на слѣдующее мнѣніе, высказываемое весьма часто: «Можно дозволить выражать свободно всякое мнѣніе, но съ условіемъ, чтобы оно выражалось умѣренно, не преступая предѣла добросовѣстнаго спора». Но гдѣ эти предѣлы? Найти ихъ весьма трудно. Говорятъ: спорящимъ сторонамъ не слѣ-

дуетъ оскорблять другъ друга. Конечно, оскорбленіе словомъ подлежить вѣденію судебныхъ мѣстъ, но во время борьбы мнѣній часто случается, что та сторона, которая не въ силахъ сдѣлать возраженій на сильныя доводы противной стороны, только потому считаетъ себя обиженною.

Случается, что одна изъ ратующихъ сторонъ недобросовѣстно обращается съ своимъ предметомъ: искажаетъ фактъ, уничтожаетъ документы, представляетъ въ ложномъ свѣтѣ мнѣнія противниковъ. Конечно, поступать такъ, значить обижать противниковъ; но люди, увлеченные полемикой, прибѣгаютъ къ такимъ уловкамъ иногда безъ всякаго влаго умысла, особенно когда они твердо, даже фанатически убѣждены въ своей правотѣ.

Спорящіе могутъ слинкомъ рѣзко выражаться, прибѣгать къ брани, сарказмамъ и пр.; въ этомъ отношеніи чаще бываютъ виноваты приверженцы идей общепринятыхъ. Само собою разумѣется, что всякія оскорбительныя выраженія въ спорѣ неумѣстны, и общественное мнѣніе должно запретить ихъ. Но опять-таки несомнѣнно, что оскорбленія всякаго рода, брань, сарказмы, инсинуаціи гораздо неумѣстнѣе со стороны сильнаго, чѣмъ со стороны слабого, со стороны приверженцевъ общепринятаго мнѣнія, чѣмъ со стороны меньшаго числа лицъ, несогласныхъ съ нимъ.

Достоинъ осужденія общественнаго мнѣнія всякій недобросовѣстный и нетерпимый спорщикъ. Но не слѣдуетъ приписывать эти качества нашимъ противникамъ только потому, что они противники; а слѣдуетъ уважать человѣка, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ, который имѣетъ достаточно честности, чтобы признать сильныя какъ и слабыя стороны своихъ противниковъ, который не преувеличиваетъ того, что можетъ имъ вредить, не скрываетъ того, что служитъ имъ въ пользу. Вотъ истинная мораль публичныхъ устныхъ и печатныхъ преній, и весьма многіе въ наше время осуществляютъ ее на дѣлѣ.

III.

Мы видѣли, какую пользу приносятъ обществу свобода слова. Посмотримъ, не убѣдять ли насъ тѣ же доводы въ томъ, что люди должны быть свободны и въ своей жизни, что они не должны быть стѣсняемы въ своихъ дѣйствіяхъ до тѣхъ поръ, пока каждый отвѣчаетъ только за себя. Последнее условіе необходимо, ибо никто не станетъ утверждать, что дѣйствія людей должны быть такъ же свободны, какъ слова. Мало того: самыя слова могутъ подвергаться человѣка тяжкой отвѣтственности, если они

сказаны съ цѣлью подстрекательства къ вреднымъ дѣйствіямъ. Когда-то бывшая въ ходу мысль, что голодъ происходитъ отъ недобросовѣстности хлѣбныхъ торговцевъ, или высказанный Прудономъ парадоксъ, что собственность есть кража, могутъ въ спокойное время быть высказываемы печатно.

Но въ смутное время, когда массы томятся голодомъ, когда лица, имѣющія запасы, подвергаются нападеніямъ толпы, подобная мысль можетъ повести къ весьма вреднымъ послѣдствіямъ, и потому преслѣдуется. Дѣйствія, вредящія обществу и ничѣмъ неизвннныя, могутъ и должны быть преслѣдуемы общественнымъ мнѣніемъ или верховною властію. И такъ свобода личности должна быть ограничена; личность не должна вредить другимъ. Но если, не вреда другимъ, человекъ слѣдуетъ своимъ наклонностямъ и своему крайнему разумѣнію, то мы должны допустить для него прамѣненіе убѣжденій къ жизни.

Родъ человѣческой не непогрѣшимъ; мнѣнія, имъ признанныя, большею частію истинны лишь на половину; единство мнѣвій желательно только тогда, когда оно есть слѣдствіе самаго свободного и полнаго сравненія противоположныхъ мнѣвій. Различіе взглядовъ людей не есть зло, но благо до тѣхъ поръ, пока человѣчество не будетъ болѣе, чѣмъ теперь, способно къ пониманію всѣхъ различныхъ сторонъ истины. Вотъ принципы, одинаково приложимые къ дѣйствіямъ людей, какъ и къ ихъ мнѣніямъ. Полезно, чтобы существовала разница въ мнѣніяхъ, но не менѣе полезно, чтобы существовала притомъ и разнвца въ образѣ жизни людей, чтобы каждый собственнымъ опытомъ могъ доходить до заключенія, какой образъ жизни лучше и для него удобнѣе. Полезно дать полный просторъ людямъ различныхъ характеровъ, лишь бы только они не вредили другъ другу. Тамъ, гдѣ человекъ живетъ и дѣйствуетъ не сообразно своему характеру, а руководясь обычаями и мнѣніями другихъ, тамъ недостаетъ одного изъ главныхъ элементовъ человѣческаго благополучія и нѣтъ единственной основы индивидуальнаго и общественного прогресса.

Еслибы свободное развитіе индивидуальности считалось необходимымъ условіемъ развитія цивилизація, то свобода личности была бы оцѣнена по справедливости, и не было бы трудности провести раздѣльную черту между ею и контролемъ общества. Но, къ несчастію, люди слишкомъ мало придаютъ значенія личной самостоятельности.

Большинство довольно существующими обычаями человѣчества (ибо обычай эти большинству обязаны своимъ происхожденіемъ), и потому не можетъ понять, почему бы имъ не быть пригодными

для всѣхъ. Даже въ планы большинства реформаторовъ, мечтавшихъ и мечтающихъ преобразовать нравственную сторону и общественный бытъ человѣчества, почти не входитъ принципъ самостоятельности отдѣльной личности. Мало людей понимаютъ смыслъ истины, высказанной въ одномъ замѣчательномъ трудѣ Вильгельма Гумбольдта: назначеніе человѣка, указываемое не мимолетными и неопредѣленными его желаніями, а вѣчными и неизмѣнными законами разума, самое стройное развитіе всѣхъ способностей человѣка въ одно могучее цѣлое. Слѣдовательно цѣль, къ которой должны стремиться всѣ и каждый, особенно же тѣ личности, которыя желаютъ имѣть вліяніе на подобныхъ себѣ, есть индивидуальность силы и развитія. Для достиженія этой цѣли необходимы два условія: свобода и разнообразіе положеній. Соединеніе этихъ двухъ условій даетъ отдѣльной личности мощь, а обществу — разнообразіе. Плодомъ такого соединенія благоприятныхъ условій является оригинальность (Вильгельмъ Гумбольдтъ—о сферѣ дѣятельности правительства и его обязанностяхъ, стр. 11 и 13).

Какъ ни ново и какъ ни странно на видъ это ученіе, придающее столько значенія индивидуальности, вопросъ заключается лишь въ степени ея развитія. Никто не думаетъ, что общество можетъ назваться совершеннымъ, если въ немъ всѣ копируютъ другъ друга. Никто не утверждаетъ, что сужденіе и характеръ каждаго не должны сколько-нибудь обусловливать его образъ жизни. Съ другой стороны было бы нелѣпостью утверждать, что люди должны жить такъ, какъ будто до появленія ихъ на свѣтъ не существовало никакихъ знаній, никакого опыта, что опытъ еще не показалъ превосходства того или другого образа жизни. Никто не станетъ отрицать, что, воспитывая юношество, необходимо научить его пользоваться плодами опыта людей, прежде жившихъ. Но мыслящія существа, достигшія умственной зрѣлости, имѣютъ ту особенность и то преимущество предъ другими существами, что они толкуютъ опытъ каждое посвоему. Личность имѣетъ полное право рѣшить, чтò въ опытѣ другихъ примѣнимо къ ея характеру и положенію. Преданія и привычки другихъ личностей суть до известной степени свидѣтельства того, чему научилъ ихъ опытъ, и къ этимъ свидѣтельствамъ тѣ взрослые мыслящія существа, о которыхъ шла сію минуту рѣчь, должны относиться съ уваженіемъ. Но эти другія личности въ собственнаго опыта могли сдѣлать одностороннее, ложное заключеніе; если даже это заключеніе и справедливо, то оно можетъ оказаться непримѣнимымъ ко всякой данной личности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Обычай существуютъ для обыкновенныхъ характеровъ и положеній; но характеръ и положеніе данной личности можетъ не принадлежать къ числу обыкновенныхъ. Если даже эти обычаи хороши сами по себѣ и соотвѣтствуютъ данной личности, то и въ такомъ случаѣ человѣкъ, соображающійся съ обычаемъ потому только, что это обычай, а не по внутреннему, глубокому убѣжденію, не поддерживаетъ и не развиваетъ въ себѣ ни одного изъ тѣхъ качествъ, которыя составляютъ отличительную черту мыслящаго существа. Способности человѣка, заключающіяся въ умѣннн различить правду отъ неправды, добро отъ зла, упражняются только тогда, когда человѣкъ дѣлаетъ выборъ. Тотъ, кто всегда дѣйствуетъ на основаніи обычая и не дѣлаетъ самъ выбора, не научается отличать хорошее отъ дурного: умственная и нравственная сила, какъ и сила мускуловъ, развивается вслѣдствіе упражненія. Способности наши не развиваются, когда мы дѣлаемъ что нибудь единственно потому, что другіе такъ дѣлаютъ. Если кто нибудь изъ насъ приметъ какое-либо мнѣніе, не убѣдившись вполнѣ въ его состоятельности, то его разумъ отъ этого не укрѣпится, а напротивъ, ослабѣетъ; точно также, если кто нибудь изъ насъ совершаетъ дѣло, несогласное съ его внутреннимъ убѣжденіемъ, то онъ лишь ослабляетъ этимъ свой характеръ и умственные силы.

Человѣкъ, за котораго свѣтъ рѣшаетъ, какъ слѣдуетъ жить, нуждается лишь въ способностяхъ обезьяны; кто же самъ рѣшаетъ этотъ вопросъ, долженъ пользоваться всѣми своими человѣческими способностями. Онъ долженъ имѣть наблюдательность, чтобы видѣть, умъ—чтобы предвидѣть, энергію—чтобы собрать матеріалъ для рѣшенія занимающаго его вопроса, разсудительность—чтобы рѣшить его; а когда вопросъ рѣшенъ — твердость и самообладаніе, чтобы держаться принятаго рѣшенія. И чѣмъ болѣе желаетъ онъ быть самостоятельнымъ, тѣмъ необходимѣе для него всѣ эти качества.

Человѣкъ, конечно, можетъ быть поддерживаемъ на хорошемъ пути и предохраняемъ отъ дурныхъ вліяній, и не имѣя всѣхъ этихъ качествъ. Но въ чемъ же, въ такомъ случаѣ, выразится его человѣческое достоинство? Не то важно, что человѣкъ дѣлаетъ, но то, каковъ онъ. Изъ всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые жизнь должна усовершенствовать и украшать, самый важный есть, безспорно, самъ человѣкъ. Еслибы строить дома, сѣять хлѣбъ, давать сраженія, рѣшать судебныя дѣла, воздвигать храмы, провозносить молитвы могли автоматы въ человѣческомъ образѣ, то на эти куклы, конечно, нельзя было бы промѣнять людей, живущихъ нынѣ въ наиболѣе цивилизованныхъ

странахъ міра, хотя и эти люди далеки еще отъ того, что природа можетъ произвести на свѣтъ и произвести современемъ. Natura человѣческая не машина, которую можно составить по пзвѣстному образцу; она подобна дереву, которое имѣетъ потребность расти, всесторонне развиваться, сообразно стремленію своихъ внутреннихъ живыхъ, органическихъ силъ.

Безъ сомнѣнія желательно, чтобы люди развивали свой умъ, чтобы обычаю слѣдовали они разумно, а не съ слѣпимъ довѣріемъ, чтобы, въ случаѣ надобности, они даже отдалялись отъ обычая. До извѣстной степени всѣ согласны, что умъ нашъ долженъ намъ принадлежать, но не такъ легко допускаютъ, что намъ же должны принадлежать наши желанія и влеченія. Говорятъ, опасно имѣть сильныя влеченія и желанія, но это не всегда справедливо. Они опасны только въ такомъ случаѣ, когда человѣкъ теряетъ моральное равновѣсіе, когда одни влеченія и желанія развиваются на счетъ другихъ, остающихся слабыми, мертвыми. Не потому люди поступаютъ дурно, что желанія ихъ сильны, но потому, что слаба въ нихъ совѣсть, нравственное чувство. Въ человѣкѣ съ сильными влеченіями и желаніями можетъ соединиться, и весьма нерѣдко соединяется высокое нравственное чувство. Сказать, что въ такомъ-то желанія и чувства живѣе, чѣмъ въ другихъ, значитъ сказать, что этотъ человѣкъ способенъ, можетъ быть, сдѣлать больше зла, но за то и больше добра, чѣмъ другіе. Сильныя влеченія — это энергія подъ другимъ именемъ; энергичная натура можетъ сдѣлать больше добра, чѣмъ вялая, апатичная натура. Горячая чувствительность, благодаря которой влеченія личности живы и сильны, бываетъ источникомъ самыхъ гуманныхъ стремленій, самой пламенной любви къ добру, самаго строгаго самообладанія. Развивая эту чувствительность, общество исполняетъ свою священную обязанность, защищаетъ свои существенные интересы. Существо, неимѣющее собственныхъ желаній и влеченій, не имѣетъ характера болѣе, чѣмъ паровая машина. Если они сильны и подчинены могучей волѣ, то мы говоримъ: эта личность имѣетъ энергичный характеръ. Тотъ, кто думаетъ, что не слѣдуетъ поощрять развитіе сильныхъ влеченій, долженъ доказать, что общество не имѣетъ нужды въ сильныхъ натурахъ, что средній уровень людей не имѣетъ нужды въ значительной энергіи.

Въ зарождающихся обществахъ власть и общественное имѣніе иногда не въ силахъ сдерживать энергію отдѣльныхъ личностей и направить ее къ добру. Было время, когда элементъ индивидуальности и самобытности преобладалъ надъ элементомъ

порядка и общественности, и общество, въ своихъ интересахъ, должно было вести съ первымъ изъ нихъ упорную борьбу.

Трудность заключалась въ томъ, чтобы людей, сильныхъ физически и морально, подчинить правиламъ, которыя сдерживали бы ихъ влеченія. Чтобы преодолѣть эту трудность, законъ и общественная власть провозглашали свою власть надъ человекомъ, присвоивали себѣ право контролировать его характеръ, который общество не имѣло возможности сдерживать. Современное общество, напротивъ, нуждается въ развитіи индивидуальности. Положеніе дѣлъ измѣнилось съ тѣхъ поръ, когда люди энергичные, страстные, могущественные по своему положенію или личнымъ качествамъ, постоянно возмущались противъ законныхъ требованій власти, когда ихъ должно было сдерживать, для того, чтобы все окружающее ихъ человѣчество могло наслаждаться нѣкоторою безопасностью. Въ наше время всякій человѣкъ, отъ перваго до послѣдняго, живетъ подъ надзоромъ враждебной и строгой цензуры. Нетолько въ той дѣятельности, которая касается моихъ ближнихъ, но даже и во всемъ, что касается меня одного, я не задаю себѣ такихъ вопросовъ: что бы предпочесть мнѣ? что было бы согласнѣе съ моимъ характеромъ и моими склонностями? при какихъ условіяхъ могутъ развиваться лучше мои способности? Но я спрашиваю себя: что прилично моему положенію? что дѣлаютъ люди съ моимъ капиталомъ? или что дѣлаютъ, какъ живутъ люди, стоящіе выше меня по богатству в общественномъ положенію? Мнѣ не приходитъ и въ голову, чтобы кому-нибудь могло нравиться что-либо, не принятое обычаемъ. Такимъ образомъ, самый умъ человѣка находится подъ игромъ; даже въ удовольствіяхъ своихъ мы прежде всего задаемъ себѣ вопросъ: «да принято ли это?» Мы думаемъ дѣлой массой; мы избѣгаемъ, какъ преступленія, всякой особенности вкуса, всякой оригинальности въ образѣ жизни; такъ что, постоянно стараясь не слѣдовать своимъ природнымъ влеченіямъ, мы, наконецъ, перестаемъ чувствовать и сознавать ихъ, способности наши иссушаются, обращаются въ ничто; человѣкъ дѣлается неспособнымъ сильно желать и чувствовать. Спрашивается: возможно ли такой порядокъ вещей считать нормальнымъ?

Всеблагое существо одарило человѣка многоразличными способностями для того, чтобы онъ развивалъ ихъ и усовершенствовалъ, а не ослаблялъ и не уничтожалъ ихъ: въ стремленіи къ умственному и нравственному усовершенствованію, къ счастью, не заключается ничего, кромѣ добра. Цѣли же этого стремленія легче достигнуть не подавленіемъ въ себѣ желаній и увлеченій, а направленіемъ ихъ къ добру. На этомъ основаніи

чрезмѣрно строгимъ кажется ученіе Кальвина, по которому величайшее зло для человѣка имѣть независимую волю, по которому все добро заключается въ повиновеніи. Для насъ, говорить это ученіе, нѣтъ выбора, и все, что не есть долгъ, есть грѣхъ. Такъ-какъ природа человѣка совершенно испорчена, то для него нѣтъ спасенія, пока онъ не умертвитъ въ себѣ человѣческую природу. Нельзя согласиться со всѣми выводами такого ученія*.

Не уничтожая индивидуальности, но развивая ее, люди дѣлаются высоко нравственными и разумными, и жизнь ихъ счастливою, богатою, разностороннею. Развитие индивидуальных способностей и влеченій оживляетъ и поддерживаетъ въ людяхъ возвышенныя мысли, укрѣпляетъ связь, соединяющую личность съ его расой, даетъ болѣе значенія и самой расѣ. Чѣмъ болѣе развиты въ обществѣ индивидуальныя стремленія, тѣмъ болѣе каждая личность возвышается въ собственныхъ глазахъ, и слѣдовательно болѣе способна возвыситься въ мнѣніи другихъ. Жизнь ея полнѣе, а когда болѣе жизни въ отдѣльной личности, болѣе ея и въ массѣ, которая состоитъ изъ личностей.

Бываютъ случаи, когда необходимо стѣснять свободу наиболѣе энергичныхъ личностей, чтобы онѣ не нарушали чужихъ правъ; но въ такомъ стѣсненіи нѣтъ вреда: подчиненіе строгимъ правиламъ справедливости ослабляетъ въ людяхъ эгоистическія наклонности, и развиваетъ въ нихъ чувствованія и способности, которыя могутъ служить на пользу и отдѣльнымъ личностямъ, и всему обществу. Но стѣсненіе личной свободы въ томъ случаѣ, когда человѣкъ не затрагиваетъ чужихъ интересовъ, развиваетъ въ немъ только силу характера, упражняющуюся чрезъ сопротивленіе. Если же онъ подчиняется, то это стѣсненіе только ослабляетъ его нравственную силу. Чтобы каждый имѣлъ возможность достигнуть развитія, сообразнаго его характеру, необходимо, чтобы различныя личности могли вести различный образъ жизни. Вѣка, въ которые было болѣе такого разнообразія и индивидуальной самостоятельности, всего памятнѣе въ исторіи человѣчества**.

* Аскетическіе подвиги требуются не отъ всѣхъ людей, а отъ тѣхъ, которые въ силахъ совершать ихъ и совершаютъ ихъ свободно, по внутреннему влеченію. Истинно христіанскій идеалъ несомнѣтенъ съ порабощеніемъ духа. Можно «положить душу свою за други свои», можно отказываться отъ всѣхъ матеріальныхъ выгодъ и удобствъ, и въ то же время сохранить и развить въ себѣ всю умственную и нравственную силу, всю свободу духовную.

** Таковы, напримѣръ, вѣкъ персидскихъ войнъ и Перикла въ аѳинской исторіи, вѣкъ возрожденія наукъ и реформаціи. Уже въ древности принципъ самостоятельности и оригинальности въ мысли и жизни былъ до нѣвѣстной сте-

Чтобы еще болѣе уяснить важность самостоятельнаго и оригинальнаго развитія личности, обратимъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Вездѣ и всегда есть потребность въ людяхъ, которые бы могли открыть міру новыя истины и обозначить моментъ, съ котораго то, что прежде было истиною, перестаетъ быть ею, или могли бы дать людямъ примѣръ лучшаго, просвѣщеннѣйшаго образа жизни. Въ существованіи такой потребности не станеть сомнѣваться никто, развѣ только тотъ, кому кажется, что міръ достигъ уже совершенства въ умственномъ и нравственномъ отношеніи.

Услугу, о которой мы только что говорили, могутъ оказать человѣчеству не всѣ люди безъ различія. Только немногія (сравнительно со всѣмъ человѣчествомъ) личности могутъ своею жизнію дать такой примѣръ, слѣдуя которому оно можетъ усовершенствоваться свои обычай. Но эти немногія — соль земли; безъ нихъ жизнь человѣческая сдѣлалась бы гнилымъ болотомъ.

Еслибы человѣчество и не нуждалось ни въ какихъ нововведеніяхъ, то развѣ въ такомъ случаѣ разумъ человѣческій пересталъ бы уже быть нужнымъ? Чтобы высокое, нравственное ученіе, чтобы гуманные обычай не потеряли всего своего значенія, не превратились въ мертвую букву и неопытный обрядъ, необходимы оригинальныя личности, которыя бы не давали обществу впасть въ апатію. Правда, такія оригинальныя личности, вѣроятно, всегда будутъ составлять меньшинство, но чтобы имѣть ихъ, слѣдуетъ сохранить почву, на которой онѣ могутъ развиваться. Геній можетъ дышать только въ атмосферѣ свободы. Люди гениальныя оригинальнѣе другихъ, слѣдовательно не такъ способны быть вылитыми, безъ вреда для себя, въ одну изъ тѣхъ формъ, которыя готовятъ общество своимъ членамъ для того, чтобы они не трудились сами выработать свой характеръ.

лени признаваемъ весьма многими и осуществлялся на практикѣ. Исторія Аѳинъ представляеть намъ лучшее доказательство этому. Нигдѣ, въ древности, такъ не цѣнилась личность, нигдѣ не развилось столько оригинальныхъ личностей, какъ въ Аѳинахъ. Фукидидъ, въ рѣчи, вложенной имъ въ уста Периклу, весьма мѣтко характеризуетъ въ этомъ отношеніи свою родную республику. Онъ всего болѣе обращаетъ вниманіе на терпимость аѳинскаго общества и правительства. «У насъ — говорить онъ — вслкій думаетъ и дѣйствуетъ, какъ велитъ ему его внутреннее убѣжденіе; ни правительство, ни общество не подсматриваетъ за каждымъ гражданиномъ, не предписываетъ ему излишнихъ, обременительныхъ правилъ; но несмотря на все это, мы гораздо болѣе любимъ отечество, каждый изъ насъ готовъ жертвовать для него гораздо болѣе, чѣмъ спартанци, у которыхъ самостоятельность личности такъ стѣснена».

Тяжело видѣть, какъ равнодушно человѣчество къ геніальнымъ натурамъ. Люди смотрятъ на геніи, какъ на вѣчто весьма хорошее, если одаренный имъ человѣкъ можетъ написать вдохновенную поэму, или нарисовать картину. Но геніи въ истинномъ смыслѣ этого слова, то-есть оригинальность въ мысли и дѣйствіяхъ, многіе считаютъ чѣмъ-то совершенно лишнимъ. И это весьма естественно: польза оригинальности непостижима для неоригинальныхъ людей.

Первая услуга, которую можетъ оказать оригинальность обыкновеннымъ людямъ — это открыть имъ глаза, напомнить имъ, что ничего не было сдѣлано на свѣтѣ, въ чемъ бы кто-нибудь первый не показалъ примѣра, что все существующее хорошее есть плодъ оригинальности, что мы должны имѣть скромность не считать нашего общественного строя вполне совершеннымъ, и что, наконецъ, чѣмъ менѣе мы чувствуемъ потребность въ оригинальности, тѣмъ она намъ необходимѣе.

Конечно, въ наше время оригинальность пользуется нѣкоторымъ наружнымъ уваженіемъ, но тѣмъ не менѣе замѣчается въ человѣчествѣ стремленіе дать преобладаніе посредственности.

Въ древнемъ мірѣ, въ средніе вѣка и въ продолжительное переходное время между эпохою феодализма и новѣйшею цивилизаціей, личность была силою сама по себѣ, и если она обладала большими талантами или занимала высокое общественное положеніе, то эта сила была значительна. Въ настоящее время личности затеряны въ толпѣ. Въ политикѣ, какъ извѣстно, господствуетъ общественное мнѣніе; точно то же господство замѣчается въ моральныхъ и социальныхъ отношеніяхъ частной и общественной жизни. Но то, что называютъ общественнымъ мнѣніемъ, не всегда есть мнѣніе одного и того же рода публики: въ Америкѣ, на примѣръ, это все бѣлое населеніе, въ Англіи — только средній классъ. Но это всегда масса, слѣдовательно, собирательная посредственность.

Масса заимствуетъ свои мнѣнія уже не отъ духовныхъ и не отъ свѣтскихъ владыкъ, а отъ людей того же средняго уровня, которые посредствомъ журналовъ обращаются къ ней и толкуютъ отъ ея имени о вопросахъ дня.

Все это естественно, и совершенно соответствуетъ невысокому уровню умственного развитія современнаго общества.

Но это не мѣшаетъ владычеству посредственности быть владычествомъ посредственнаго качества. Тамъ, гдѣ господствуетъ многочисленная демократія или аристократія, правительство не возвышалось надъ посредственностію, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда оно руководимо было совѣтами или находилось подъ влія-

нѣмъ мыслящаго и даровитаго меньшинства, или отдѣльной личности. Починъ во всякомъ благоразумномъ и благородномъ дѣлѣ принадлежитъ, и долженъ принадлежать отдѣльнымъ личностямъ.

Честь и слава обыкновеннымъ смертнымъ, если они могутъ слѣдовать этой инициативѣ, понимать толкъ во всемъ разумномъ и благородномъ, и идти за своими руководителями съ открытыми глазами.

Независимость въ образѣ жизни и въ дѣятельности, пренебреженіе къ обычаю не есть исключительное право однѣхъ гениальныхъ личностей. Нѣтъ причины, почему бы всѣ человѣческія существованія были построены по одному образцу или по небольшому числу образцовъ. Если извѣстная личность обладаетъ достаточною дозою здраваго смысла и опытности, то сама она можетъ устроить свое существованіе наилучшимъ, по крайней-мѣрѣ для себя, образомъ. Общество людей — не стадо барановъ; но и бараны не такъ похожи одинъ на другаго, чтобы нельзя было распознать ихъ. Человѣкъ не выберетъ пары башмаковъ или платья, не порывшись въ цѣломъ магазинѣ, или не заказавъ ихъ именно для себя. Неужели указать человѣку, какъ жить легче, чѣмъ выбрать для него платье? неужели человѣческія существа имѣютъ между собою такое же физическое и моральное сходство, какъ форма ихъ ногъ? Люди имѣютъ различныя вкусы, но, кромѣ того, умственное и нравственное развитіе каждаго требуетъ особенныхъ условій. То, что помогаетъ развитію одного, можетъ быть препятствіемъ для другого.

Тотъ образъ жизни, который для одного служитъ спасительнымъ средствомъ поддержать въ себѣ способность трудиться и испытывать наслажденія, для другого — ужасное бремя, мученье, отъ котораго разрушается вся его внутренняя жизнь. Какъ различны потребности и свойства людей, такъ неодинаковъ долженъ быть и ихъ образъ жизни, если только они хотятъ пользоваться всѣмъ тѣмъ счастьемъ, которое можетъ выпасть на ихъ долю, и достигнуть умственной, нравственной и эстетической высоты, которая доступна имъ натурѣ.

Въ настоящее время терпимость существуетъ только для тѣхъ вкусовъ и привычекъ, которые имѣетъ большинство. Я могу, не подвергаясь порицанію, курить сигару, заниматься музыкой, играть въ шашки, заниматься математикою, потому что людей, разделяющихъ мои вкусы, слишкомъ много, чтобы запретить имъ все это дѣлать. Но человѣкъ*, держащій дѣлать то, чего

* Это относится особенно къ женщинамъ.

никто не дѣлаетъ, или не дѣлать того, что всѣ дѣлаютъ, подвергается сильному порицанію. Нужно, чтобы человѣкъ пользовался особенно высокимъ положеніемъ въ обществѣ, чтобы такая эксцентричность сходила ему съ рукъ.

Въ настоящее время общественное мнѣніе особенно нетерпимо ко всякому явному протесту индивидуальности. Вообще люди имѣютъ не только пониманіе умѣренное, но такія же умѣренныя склонности, такіе же скромные идеалы. Энергическіе характеры, личности, одаренныя оригинальнымъ умомъ, стали большою рѣдкостью. Въ наше время въ Англіи энергія больше всего расточается въ дѣлахъ, соединенныхъ съ денежными выгодами. Небольшой остатокъ ея употребляется на какое-нибудь дѣло моды, полезное, филантропическое дѣло, но все же неважное. Величіе Англіи въ настоящее время коллективное; индивидуально слабые, мы можемъ предпринять что либо великое только посредствомъ ассоціаціи: и такимъ-то положеніемъ дѣлъ наши филантропы совершенно довольны! Но другаго завала были люди, вогорые сдѣлали Англію тѣмъ, что она теперь, и индго завала нужны будутъ люди, чтобы воспрепятствовать ея упадку.

Деспотизмъ обычая всегда и всюду былъ постояннымъ препятствіемъ умственному движенію человѣчества, ибо онъ ведетъ постоянную борьбу съ стремленіемъ людей думать и жить лучше, чѣмъ думаютъ и живутъ обыкновенно, съ стремленіемъ, которое именуется, смотря по обстоятельствамъ, то духомъ свободы, то духомъ прогресса. Стремленіе къ прогрессу не всегда есть стремленіе къ свободѣ, ибо прогрессисты нерѣдко вводятъ свои преобразованія насильственно, принуждаютъ къ принатію ихъ людей, ни мало не заинтересованныхъ; приверженцы свободы, сопротивляясь такимъ насильственнымъ мѣрамъ, могутъ быть на время врагами прогресса: но тѣмъ не менѣе единственный вѣчный, неистощимый источникъ прогресса есть свобода, ибо, благодаря ей, можетъ образоваться столько независимыхъ центровъ прогресса, сколько есть личностей.

Принципъ прогресса можетъ иногда расходиться съ принципомъ свободы, но это исключеніе; въ сущности же, онъ не враждебенъ свободѣ, но враждебенъ владычеству обычая. Борьба этихъ враждебныхъ началъ составляетъ главный интересъ исторіи человѣчества. На Востокѣ — «обычай деспотъ межъ людей»: всѣ отношенія частной и общественной жизни подчинены ему; истица, право, тамъ въ переводѣ означаютъ — согласіе съ обычаемъ. И мы видимъ результаты такого порядка вещей. Восточные народы когда-нибудь были богаты оригинальными личностями: не въ земли же вышли они съ своею богатою литературой, съ

своими глубокими свѣдѣніями во многихъ вопросахъ жизни; они сами выработали себѣ развитіе, благодаря которому когда-то были передовыми народами міра. Чтѣ же случилось съ ними теперь? Они находятся въ зависимости отъ племень, предки которыхъ блуждали въ лѣсахъ въ то время, какъ ихъ предки имѣли великолѣпные дворцы и пышные храмы. Но надъ этими варварами обычай владычествовалъ только на половину: вмѣстѣ съ нимъ царствовали свобода и прогрессъ.

Повидному, народъ можетъ въ теченіе извѣстнаго періода времени идти впередъ и потомъ останавливаться. Когда это бываетъ? — Когда въ немъ останавливается развитіе личности. Еслибъ перемѣна, совершившаяся въ быту восточныхъ народовъ, должна была совершиться и въ жизни народовъ Европы, то она приняла бы другія формы. Деспотизмъ обычая грозитъ имъ не совершенною неподвижностію; онъ требуетъ однообразія, и не противится перемѣнамъ, если только все измѣняется сразу. Мы покончили съ неизмѣннымъ покроемъ одежды, съ которымъ не хотѣли разстаться наши предки. Нужно одѣваться, какъ «всѣ», но самая мода можетъ измѣниться раза два въ годъ. Мы мѣняемъ моду часто по любви къ перемѣнамъ, а не вслѣдствіе того, что нашли что-либо болѣе удобное и красивое; не можетъ же быть, чтобы одно и то же вдругъ казалось всѣмъ и удобнымъ и красивымъ. И такъ, нашъ обычай не такъ неподвиженъ, какъ обычай восточныхъ народовъ. Мало того, онъ прогрессивенъ. Мы изобрѣтаемъ новыя механическія орудія, и пользуемся ими до тѣхъ поръ, пока не изобрѣтемъ новыя. Мы готовы на всякія улучшенія въ политикѣ, въ воспитаніи, даже въ нравахъ, хотя въ этомъ послѣднемъ отношеніи все улучшение состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать людей такими же хорошими, какъ и мы сами — хотятъ или не хотятъ они этого, все равно. Не съ прогрессомъ мы ратуемъ, нѣтъ! но съ индивидуальностію.

До какой степени опасна такая вражда къ индивидуальности, разительный примѣръ представляетъ намъ Китай. Китайскій народъ, даровитый въ высокой степени, весьма давно выработалъ весьма удовлетворительную систему обычаевъ, происхожденіемъ своимъ обязанную мудрецамъ и философамъ.

Эти обычая требуютъ, чтобы самыя лучшія истины и правила жизни напечатлѣвались въ китайскихъ умахъ съ самаго раннаго возраста, и чтобы тѣ, которые наиболѣе проникнуты ими, занимали самыя почетныя должности. Подумаешь, что народъ, выработавшій все это, открылъ секретъ усовершенствованія человечества, и идетъ во главѣ прогресса. Но нѣтъ, китайцы остановились; уже тысячи лѣтъ они находятся въ томъ состояніи, въ

которомъ видимъ мы ихъ теперь, и если возможно улучшение въ ихъ быту, оно будетъ заимствовано ими извнѣ. Они достигли того, о чемъ англійскіе филантропы такъ хлопчуть: въ Китаѣ всѣ весьма похожи другъ на друга; всѣ подчиняютъ свои мысли и свой образъ жизни однимъ и тѣмъ же правиламъ; но хорошо ли живется китайцамъ? Современное состояніе общественнаго мѣвнiя есть — въ неустроенномъ видѣ — то же, что китайская система воспитанiя и китайская политика въ организованной формѣ; и если только личность не отстоитъ своихъ правъ, Европа, несмотря на свое блистательное прошлое, несмотря на исповѣдуемое ею христіанство, можетъ сдѣлаться вторымъ Китаемъ.

Что же до сихъ поръ предохраняло Европу отъ такой участи? Замѣчательное разнообразіе элементовъ ея культуры. Въ Европѣ личности, классы общества, народы были въ высшей степени разнообразны, всѣ эти элементы развивались каждый своимъ путемъ; въ этой борьбѣ, въ соперничествѣ развивалась личность, приобретала оригинальность. Въ настоящее время народы Европы обладаютъ этой выгодой въ меньшей степени и рѣшительно приближаются къ китайскому идеалу однообразiя. Токвиль въ своемъ послѣднемъ творенiи замѣчаетъ, что французы нашего времени больше похожи другъ на друга, чѣмъ французы прежняго времени. То же можно, и еще съ ббольшимъ правомъ, сказать объ англичанахъ.

Два условiя, по словамъ Вильгельма Гумбольдта, необходимы для человѣческаго развитiя: свобода и разнообразіе положенiй; послѣднее изъ этихъ условiй теряется въ Англіи съ каждымъ днемъ. Прежде различныя званiя, различныя мастерства и профессiи жили, такъ-сказать, въ различныхъ мірахъ; теперь всѣ они живутъ почти въ одномъ мірѣ, почти при однихъ условiяхъ. Теперь, говоря сравнительно, они одно и то же читаютъ, одно и то же видятъ и слышатъ, одни и тѣ же мѣста посѣщаютъ; надежды и опасенiя ихъ направлены на одни и тѣ же предметы; у нихъ одни и тѣ же права и вольности и тѣ же средства отстаивать ихъ. Разница есть въ положенiи различныхъ классовъ общества, но далеко не та, что была въ прежнее время. Ассимиляція идетъ непрерывно, и всѣ успѣхи нашего времени способствуютъ ей. Политическія реформы способствуютъ уравниенiю сословiй, улучшение народныхъ школъ — увеличенію сходства въ умственномъ развитiи, пути сообщенiя — общiну идей. Но всего болѣе способствуетъ этой ассимиляціи усиленіе въ государствѣ общественнаго мѣвнiя.

Личности во всей Европѣ предстантъ упорная борьба со всѣми этими препятствiями; но успѣхъ возможенъ, если только мыслящая часть европейскаго общества, сознавъ всю необходимость самостоятельнаго развитiя личности, приметъ ее подъ свою защиту. Но чѣмъ больше будетъ она медлить и предоставлять обычаю все болѣе и болѣе нарушать самыя священныя ея права, тѣмъ меньше вѣроятности успѣха.

В. Покровский.

ОСТОРОЖНОСТЬ.

1.

Въ Ледовитомъ океанѣ
Лодка утлая плыветь,
Молодой, пригожей Танѣ
Парень пѣсенку поеть:
«Мы пришли на островъ дикой,
Гдѣ ни церкви, ни поповъ,
Зимовать въ нуждѣ великой
Здѣсь привыченъ звѣроловъ;
Таъ съ тобой, моей голубкой,
Неужли намъ розно спать?»
Буду я песцовой шубкой,
Буду лаской согрѣвать!»
Хорошо поеть, собака,
Убѣдительно поеть!
Но вѣдь это противъ брака, —
Не нажать бы намъ хлопоть?
Оправдаться есть возможность
Да не спросать — вотъ бѣда!
Осторожность! осторожность!
Осторожность, господа!...

2.

У солиднаго папаша
Либералка вышла дочь
Т. СЛХХVII. — Отд. I.

(Говорять, журналы наши
 Все читала день и ночь),
 Жениху съ хорошимъ чиномъ
 Отказала, осердась,
 И съ какимъ-то армяниномъ
 Обвѣчалась, не спросясь.
 Въ свѣтъ это сплошь бываетъ,
 Это тиснуть мы могли бъ,
 Но вѣдь это посягаетъ
 На родительскій принципъ!
 За подобную оплошность
 Не постигла бъ насъ бѣда?
 Осторожность, осторожность,
 Осторожность, господа!

3.

Нашъ помѣщикъ Пантелѣевъ
 Вѣкъ игралъ, моталъ и нилъ,
 А крестьянинъ Федосѣевъ
 Вѣкъ трудился и копилъ—
 И по улицамъ столицы
 Пантелѣевъ ходитъ голъ,
 А дворянскія землицы
 Федосѣевъ приобрѣлъ.
 Въ свѣтъ это все бываетъ,
 Много есть такихъ дворявъ,
 Но вѣдь это означаетъ
 Оскорблять дворянскій санъ.
 Тисни, тисни! есть возможность, —
 А потомъ дрожи суда...
 Осторожность, осторожность,
 Осторожность, господа!

4.

Что народъ ни добываетъ
 Все не впрокъ ему идетъ,
 И подрадчикъ нажимаетъ,
 И торгашъ съ него деретъ.

Ужь таковъ теперь обычай —
 Стонуть, воють бѣдняки...
 Ну—а классъ-то ростовщичій?
 Сгубять насъ ростовщики!
 Я желалъ бы ихъ пролѣтыхъ
 Хорошеньчко пробрать,
 Но вѣдь это на богатыхъ
 Значить бѣдныхъ натравлять.
 Ну какая же возможность
 Такъ рисануть? кругомъ бѣда!
 Осторожность, осторожность,
 Осторожность, господа!

5.

Крестный ходъ въ селѣ Остожѣ.
 Вдругъ «пожаръ!» вричатъ народъ.
 «Не бросать же дѣло Божье —
 Ковчимъ прежде крестный ходъ».
 И покудова съ иконой
 Обходили все село,
 Искрой, вѣтромъ занесенной,
 И другой посадъ зажгло.
 Погорѣли! Въ этомъ много
 Правды горькой и простой,
 Но вѣдь это противъ Бога,
 Противъ вѣры... ой! ой! ой!
 Тутъ полнѣйшая возможность
 Къ обвиненью безъ суда...
 Ради Бога, осторожность,
 Осторожность, господа!

1885, декабрь.

РУССКОМУ ДИТЯТИ.

«Natto a Roma, morto a Venezia»
Эпитафія.

Не наши русскіе морозы .
Тебѣ готовили привѣтъ—
Декабрскія дышали розы,
Когда явился ты на свѣтъ;

И средиземные приливы
Ласкали ногъ твоихъ слѣды;
Ты видѣлъ лавры и оливы
И апельсинные сады.

Не шелъ ты въ голую аллею
Смотрѣть штники, да кивера—
Ты мячъ видалъ по Колизею,
Шалилъ подъ куполомъ Петра.

И вотъ, на островѣ, согрѣтомъ
У Адриатики въ рукахъ,
Лежишь ты маленькимъ скелетомъ
Въ плющахъ и розовыхъ кустахъ...

И пусть на сѣверѣ морозы—
Вокругъ тебя, дитя, весна,
И льетъ лазоревны слезы
На крестъ твой теплая волна...

П. КОВАЛЕВСКІЙ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

А С С О Ц І А Ц И Я,

КАКЪ ПОДСПОРЬЕ ДЛЯ ПРОГРЕССА И РАСПРОСТРАНЕНІЯ НАУЧНЫХЪ ЗНАНІЙ.

Въ статьѣ нашей по поводу перваго съѣзда русскихъ естествоиспытателей, помѣщенной въ прошедшей книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», мы имѣли случай коснуться нѣкоторыхъ вопросовъ о современныхъ требованіяхъ сознательной части русскаго общества, по отношенію къ наукѣ вообще и преимущественно къ естествознанію. Мы очень хорошо понимаемъ, что такія требованія могли показаться нѣкоторымъ изъ читателей нашихъ слишкомъ строгими, а сторонникамъ узкой доктрины «науки для науки», — даже, якобы и несоотвѣтственными высокому достоинству самой науки. Лица послѣдняго рода, конечно, не прибѣгая даже къ цѣлому арсеналу доводовъ и опроверженій, сохраняющихся ad hoc въ лѣтописяхъ научной схоластики, могли бы насъ поразить хотя бы тѣмъ стихомъ Шиллера, въ которомъ онъ рекомендуетъ не смотрѣть на науку, какъ на дойную корову... Но увы! какъ ни антиэстетиченъ образъ коровы, какъ эмблемы науки, однако, мы полагаемъ, что человѣчество только въ выигрышѣ отъ того, что наука, подобно коровѣ, способна давать въ изобиліи тотъ доброкачественный питательный матеріалъ, которымъ всоены человѣческое достоинство и самосознаніе. Признавъ же во вниманіе, что удой науки неистощимъ, людямъ приходится только сокрушаться, что не все молоко идетъ прямо на питаніе возможно большаго количества людей, а поступаетъ въ молочные скопы, охраняемые учеными скупцами, гдѣ оно свѣдаетъ и провисаетъ въ ущербъ общечеловѣческому хозяйству. Кромѣ того было бы весьма не хитро доказать, что именно тѣ люди, которые никакъ не могутъ понять, что какъ бы ни были отвлечены научныя изслѣдованія и построенія, основной ихъ смыслъ въ концѣ концовъ все-таки только потому и дорогъ для человѣка, что сулитъ ему въ будущемъ сознательное счастье, а слѣдовательно и пользу, если не для него самаго, то для рода, представителемъ котораго онъ состоитъ на землѣ, и

что ничто, не относящееся сколько нибудь къ самому человѣку и его судьбамъ, не можетъ имѣть для него никакого интереса, такъ что, никакой науки не для жизни слѣдовательно не можетъ даже и существовать — при всей утонченности своего воззрѣнія, смотреть на науку также какъ на корову, но обращаютъ свое преимущественное вниманіе не на продуктъ, доставляемый ею, а предаются сладострастному восхищенію отъ звуковъ ея мычанья, сокровенный смыслъ котораго навсегда будетъ непонятенъ для обыкновенныхъ смертныхъ. Мы уже не говоримъ о томъ, что самыми методами своего мышленія эти господа уподобляются сему же почтенному раздѣльно-копытному, такъ-какъ своими теоріями они только отрыгаютъ жвачку—предразсудочности темныхъ временъ незнанія и схоластическихъ бредней эмпріональной ступени развитія научнаго самосознанія человѣка. Бесѣдовать съ тѣмъ либо изъ лицъ этой категоріи мы даже и не желаемъ, ибо хорошо сознаемъ, что никакіе наши доводы и убѣжденія не могутъ для нихъ быть ни существенны, ни доказательны, такъ-какъ ихъ міросозерцаніе обуславливается нѣкоторыми особенностями самаго устройства ихъ мозговой ткани.

Другое дѣло—лица, которыя нашли бы въ нашихъ взглядахъ излишнюю строгость требованій; мы бы сочли себя весьма счастливыми, еслибы могли доказать съ достодолжною ясностью, что всѣ наши сѣтованія на современное состояніе науки на русской почвѣ основываются не на негѣломъ желаніи отрицать что бы то ни было во имя одного отрицанія, а требованія, которыя мы позволили себѣ выразить, не измышлены нами, а законны и необходимы, такъ-какъ сознательный путь для научной дѣятельности есть именно тотъ путь, каковымъ европейская наука шла у себя дома, никакихъ же національно-научныхъ путей не существуетъ, и наука можетъ называться національной только по качеству заслѣдуемаго ея матеріала. На этомъ-то основномъ воззрѣніи мы и расходимся съ тѣми исключительными патриотами, которые, не отвергая въ принципѣ, что дважды два составляютъ обязательныя четыре для людей всѣхъ странъ міра, въ частныхъ своихъ построеніяхъ утверждаютъ, что то или другое хорошо и рационально для Европы, но не годится для насъ, и предполагая для нашего развитія какіе-то особенные законы, безпрестанно доказываютъ, что для насъ дважды два могутъ быть на практикѣ и семью и восемнадцатью, и тѣмъ только это ни покажется необходимымъ въ данную минуту, для того или другаго газетчика. Разумѣется, что и наше научное убожество, само по себѣ составляющее явленіе весьма печальное, тѣмъ именно и досаднѣе, что рядомъ съ нимъ западная наука у себя дома пустила такіе глубокие корни въ общественную жизнь и сознаніе, что весьма недалеко то время, когда она можетъ принести на практикѣ такіе блестящіе результаты, о каковыхъ мы не имѣемъ даже возможности и мечтать. Еслибы рядомъ съ прошлымъ нашимъ очеркомъ о наукѣ у насъ, мы имѣли бы возможность нарисовать подробную картину жизни за-

надной наука у себя дома, то разумѣется даже одно поверхностное сравненіе этихъ состояній вполне убѣдило бы нашихъ читателей въ необходимости неотложнаго усиленія научной дѣятельности въ нашемъ отечествѣ. Изъ нѣкоторыхъ признаковъ новаго времени, для нелишеннаго нѣкоторой прозорливости наблюдателя, становится все болѣе и болѣе очевиднымъ, что съ каждымъ часомъ для Европы приближается уже та пора, когда степень могущества различныхъ государствъ будетъ находиться въ непосредственномъ подчиненіи и зависимости не отъ количества штыковъ, какими въ данную минуту располагаетъ то или другое государство, но отъ количества и качества просвѣщенія, разлитаго въ государствѣ, отъ степени образованности народовъ и обилія и энергіи научныхъ силъ, какими государство можетъ во всякое время располагать для достиженія своихъ многообразныхъ цѣлей. Кому неизвѣстно, какъ энергически взглянуть, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, на народное образованіе англійскій парламентъ? Кто изъ слѣдящихъ за европейскою политическою дѣятельностью не обратилъ вниманія на цѣлый рядъ реформъ этого рода въ Австріи, Пруссіи и Баваріи? Само собою ясно, что для Россіи, которой приходится въ области науки и народнаго образованія догонять еще другія страны, въ минуты пробужденія въ нихъ усиленной энергіи, тоже не слѣдуетъ предаваться апатіи, такъ-какъ даже каждый учащійся въ школѣ знаетъ изъ известной элементарной ариѳметической задачи о двухъ курьерахъ, выѣхавшихъ изъ одного мѣста въ разное время, что послѣднему для того, чтобы настичь перваго, слѣдуетъ въ опредѣленный промежутокъ времени проѣхать большее количество верстъ, и что, слѣдовательно, если первый курьеръ усилитъ скорость своей ѣзды, то и второму ѣхать уже не полагается...

Ради всѣхъ подобныхъ соображеній, мы и хотѣли, въ видѣ дополненія къ первой нашей статьѣ, представить нашимъ читателямъ очеркъ состоянія современной европейской науки у себя дома; но когда обдумали, какая масса матеріаловъ должна была бы войти въ нее для того, чтобы съ достоюющею полнотою выразить все многообразіе основныхъ задачъ, ставимыхъ жизнью наукѣ, и все обиліе средствъ и способовъ, какими эти задачи подвигаются въ наши дни къ своему разрѣшенію, то увидали, что по этому поводу, чтобы изложеніе было вполне доказательно и ясно для всѣхъ, пришлось бы написать не журнальную статью, а цѣлый томъ, для чего мы, разумѣется, не имѣемъ, прежде всего, достаточно времени. Допустивъ же для такой статьи сжатость и краткость, пришлось бы написать такъ-сказать баталическую картину, что было бы, по нашему мнѣнію, совершенно бесполезно, такъ-какъ даже и въ искусствѣ, гдѣ этотъ родъ живописи признанъ, произведенія его не достигаютъ своей цѣли — производить на зрителя цѣльное и опредѣленное впечатлѣніе, а, напротивъ, обиліемъ эпизодическихъ подробностей разсѣиваютъ, а и-сосредоточиваютъ его вниманіе. Поэтому мы рассудили для до-

стиженія высказанной уже нами дѣли, лучше останавливаться, время отъ времени, въ отдѣльныхъ очеркахъ, на той или другой сторонѣ жизни европейской науки, какая выдвигается въ то или другое время обстоятельствами. Такъ, въ настоящее время, мы имѣемъ подъ рукою статью нѣкоего Шарля Мартенса о тридцать-седьмой сесіи британской ассоціаціи для научнаго прогреса, происходившей въ сентябрѣ 1867 года въ шотландскомъ городѣ Дунди *. Статья эта, неособенно обильная фактами и страдающая даже отсутствіемъ опредѣленнаго научнаго взгляда, представляетъ однако нѣсколько данныхъ о зарожденіи, дѣятельности и вліяніи этой ассоціаціи на науку, британское правительство и общество. Ознакомить со всѣмъ этимъ мы считаемъ русскую читающую публику неизлишнимъ особенно потому, что взывая на словахъ постоянно о необходимости общественной инициативы или участія для усовершенствованія той или другой стороны нашего быта, мы на дѣлѣ остаемся до сихъ поръ весьма индеферентными ко всякой дѣятельности этого рода. Между тѣмъ, при искреннемъ желаніи, мы съ небольшими усиліями могли бы при рациональной организаціи совмѣстной нашей дѣятельности, достигать весьма почтенныхъ результатовъ на практикѣ. Наука и научное усовершенствованіе, напимѣръ, могли бы у насъ значительно подвинуться, еслибы мы, не ожидая всего отъ одного правительства (у котораго даже при предположеніи въ немъ въ избыткѣ всяческой доброй воли, не хватить ни времени, ни возможности все подчинять своей регламентаціи и опека), сами составляли бы небольшія ассоціаціи съ опредѣленными научными дѣлами по той или другой отрасли человѣческихъ знаній. Такого рода ассоціаціи разрѣшаются всѣми европейскими правительствами, и ихъ весьма много въ Пруссіи, Англии и Швейцаріи. Какое значеніе имъ придаютъ въ Европѣ ученые, читатели наши уже знаютъ изъ мнѣнія Вирхова, приведеннаго нами въ прошедшей нашей статьѣ. Какимъ образомъ такіа ассоціаціи, задумываемыя обыкновенно въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ и въ учредителями, разрастаются до первостепеннаго общественнаго значенія, читатели увидятъ далѣе изъ исторіи «Британской ассоціаціи для научнаго прогреса», представляющей въ наши дни весьма сильную и полезную организацію. Почему бы и у насъ не составлялись подобнымъ ассоціаціямъ? Съѣздъ естествоиспытателей былъ у насъ созданъ по инициативѣ правительства. Мы, конечно, желаемъ ему всевозможнаго успѣха и процвѣтанія, но почему бы нашимъ естествоиспытателямъ, рядомъ съ этимъ научнымъ предпріятіемъ въ большихъ размѣрахъ, въ виду незавиднаго у насъ состоянія естествознанія, не устроить и независимыхъ ассоціацій, съ точно и рационально опредѣленною програмою дѣятельности?

* La ville de Dundee et la trente-septième réunion de l'Association britannique pour l'avancement des sciences, par M. Ch. Martins. «Revue de deux Mondes» 1868, T. 78, 1-re livraison.

Такая конкуренція, конечно, никому и ничему не принесла бы ущерба и конечно могла бы имѣть и свою долю значенія въ рациональной разработкѣ естественно-историческихъ знаній, въ сообщеніи правильнаго направленія одиночнымъ трудамъ членовъ такихъ ассоціацій, въ разобшненіи основныхъ свѣдѣній по естественнымъ наукамъ въ обществѣ и народѣ и т. д. Единственнымъ препятствіемъ къ введенію въ нашу научную жизнь такого рода ассоціацій можетъ служить наша трусость за слабость нашихъ силъ, также какъ за недостаточность матеріальныхъ средствъ нашихъ молодыхъ ученыхъ для такого серьезнаго дѣла. Но и то и другое опасеніе напрасны. Тотъ, кто обладаетъ солиднымъ знаніемъ, не долженъ опасаться за недостаточность своихъ силъ, при бездѣйствіи даже невозможно и опредѣлить ихъ интензивности, но едва такая сила переходитъ, подобно теплороду, изъ скрытнаго состояніе въ дѣятельное, какъ тотчасъ она проявляетъ и такия стороны, какихъ въ ней нельзя было даже и подозревать: ростъ силы обусловливается ея дѣятельнымъ состояніемъ. Въ отношеніи же матеріальныхъ средствъ и опасенія за ихъ скудость для начала дѣла, намъ стоитъ только забыть завѣщанный намъ нашимъ старымъ, тщеславнымъ и чваннымъ барствомъ предразсудочный обычай — начинать всякое дѣло въ широкихъ размѣрахъ и на широкую ногу. Кому неизвѣстно, что этотъ нашъ, чисто русскій расчетъ предварительнаго обезпеченія предпріятія въ матеріальномъ отношеніи, въ ущербъ его внутренняго значенія, направтикѣ почти постоянно лопался? Между тѣмъ, какъ въ Европѣ бѣльшая часть предпріятій, удвляющихъ насъ своимъ процвѣтаніемъ и громадностью, начинались обыкновенно на самыя скромныя средства, мы наоборотъ всякое дѣло начинали широко, старались придавать нашимъ начинаніямъ всевозможный блескъ и обыкновенно съ гордостью потирали руки, когда въ газетахъ описывалось торжественное открытіе заведеннаго нами учрежденія и уже мысленно услаждались успѣхомъ, приводя въ подтвержденіе своихъ надеждъ извѣстное наше изрѣченіе: хорошее начало — полдѣла откачалю. Но, какъ всякій знаетъ, бѣльшая часть нашихъ дѣлъ и обанчивалась въ этомъ половинномъ откачиваніи, которое и бывало обыкновенно началомъ конца — всякаго предпріятія. Самый недавній нашъ сѣздъ — также подтверждаетъ эту мысль. Правительство, принявъ на себя всѣ его расходы и предоставивъ ему право испрашивать для своихъ цѣлей нужныя суммы, очевидно, давало ему возможность принести естественнаю, даже и въ матеріальномъ отношеніи, довольно значительную матеріальную помощь; но мы знаемъ, какъ комитетъ сѣзда воспользовался такимъ правомъ и много ли онъ въ этомъ отношеніи сдѣлалъ. Между тѣмъ ассоціація и есть именно такая форма совмѣстной общественной дѣятельности, при учрежденіи которыхъ не требуется особенныхъ затратъ, и успѣхъ которыхъ нисколько не подчиненъ количеству употребленнаго на ея осуществленіе капитала. Существенный ея эле-

ментъ—знаніе и умственный трудъ, а всякое дѣло, куда входитъ два эти агента, дѣлается само собою центромъ притяженія даже и для матеріальныхъ богатствъ. Такъ, какъ подробнѣе мы увидимъ далѣе, «Британская ассоціація», начавшая дѣйствовать при небольшихъ взносахъ небольшого числа лицъ, можетъ уже нѣсколько лѣтъ сразу удѣлять на научное процвѣтаніе своей страны довольно значительныя суммы. За помощью къ правительству она никогда не обращалась, и если съ 1852 года не отпадалась отъ ежегодныхъ взносовъ правительства въ свои кассы ничтожной для британскаго правительства суммы въ 25 тысячъ франковъ, то только потому, что ей самой именно такую сумму приходится расходовать ежегодно на такія изслѣдованія, въ которыхъ нуждается преимущественно не общество, а правительство, и ассоціація не считаетъ себя въ правѣ отнимать у своихъ членовъ время отъ другихъ занятій, не вознаграждая ихъ за эти встрѣенныя занятія для цѣлей правительства.

Желая ознакомить читателей какъ можно подробнѣе съ «Британской ассоціаціей для научнаго прогресса», мы извлекли изъ статьи Мартенса весь фактический ея матеріалъ, не исключая даже и тѣхъ, слишкомъ короткихъ его замѣчаній о томъ или другомъ изъ специальныхъ сообщеній, на которыя онъ обратилъ особенное свое вниманіе, хотя для насъ и очевидно, что онъ, какъ довольно исключительный специалистъ, проглядѣлъ на собраніяхъ, на которыхъ присутствовалъ, весьма многое, а пожалуй, и весьма существенное. Но мы оставляемъ это безъ особеннаго вниманія, такъ-какъ, по нашему мнѣнію, даже и значительно неполный отчетъ о послѣднемъ засѣданіи Британской ассоціаціи даетъ приблизительное понятіе о сущности этого общества, а для нашей цѣли — показать, какимъ важнымъ подспорьемъ для науки и посредникомъ между нею и жизнью можетъ быть независимая ассоціація, подъ условіемъ, разумѣется, сознательной и опредѣленной организаціи труда, составляющихъ ея членовъ — служить и довольно вѣснымъ, доказательнымъ аргументомъ.

Изъ всѣхъ европейскихъ странъ, наибольшую научную дѣятельностью выдаются Англія и Германія, а въ отношеніи естествознанія можно сказать положительно, что обѣ эти страны—два главнѣйшихъ центра, изъ которыхъ до настоящаго времени изливался весь свѣтъ, сообщаемый этими науками на повнѣжаніе природы во всю остальную Европу. Но, какъ это всѣмъ извѣстно, несмотря на то, что въ средѣ дѣятелей европейской науки проявлялось не мало свѣтилъ первой величины, и что стремленіе къ научной популяризаціи охватило въ недавнее время всю Германію, естествознаніе въ Англіи носитъ несравненно болѣе практической характеръ, и въ этомъ отношеніи Англія опереждаетъ

даже и Германію, оставаясь вѣрною традиціи опытнаго метода, насажденнаго въ ней Закономъ. Естественно-историческія изслѣдованія въ ней, обыкновенно производимыя со всевозможною тщательностію, всегда носятъ характеръ полнѣйшей практичности, и какъ недавно говорилъ г. Щуровскій * : «обладая не слишкомъ обширнымъ пространствомъ земли и притомъ чрезвычайно удобнымъ для изслѣдованія, страна эта успѣла уже *изучить себя*, и для повѣрки добытыхъ ею результатовъ снова обратиться къ изученію другихъ странъ, слѣдствіемъ чего естественно-историческія изслѣдованія Англіи, какъ возникшія на родной почвѣ, со всею широтою легли тамъ въ основаніе народнаго образованія».

Но это не всегда было такъ. Весь прогрессъ естествознанія въ Англіи — дѣло четырехъ послѣднихъ десятилѣтій, и, какъ увидятъ наши читатели, результатъ вліанія различныхъ ученыхъ учреждений и обществъ, и преимущественно «Британской ассоціаціи» какъ на правительство, такъ и на общество. Къ концу двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, въ Англіи, промышленное и торговое процвѣтаніе которой проявилось въ это время особенно ярко, господствовало то узкое и меркантильное настроеніе, которое, видя значительность накопленія богатствъ въ этой странѣ и возможность осуществленія самыхъ громадныхъ торгово-промышленныхъ предпріятій, видѣло въ этихъ «чудесахъ новаго времени» чуть ли не окончательную разгадку соціально-жизнейскихъ задачъ. Такое ослѣпленіе дѣлою націи было, конечно, понятно, такъ-какъ самая Европа не пережила еще въ то время того ряда катастрофъ, которыя на страницахъ новѣйшей политической исторіи континента помѣчены 1830 и 1848 годами, а только эти катастрофы вызвали наружу тѣ общественные элементы, которые служатъ важнѣйшими основаніями для современной, развитой мысли. Но для насъ менѣе понятно, что, пользуясь чрезвычайно важными результатами научнаго знанія, служившими основой для высокой степени своего торгово-промышленнаго развитія, Англія того времени совершенно забывала ту связь между научными данными и своимъ промышленнымъ процвѣтаніемъ, которая, казалось, не могла не быть очевидной если не для дѣятельныхъ промышленниковъ, которымъ не было расчета тратить свои *деньги-время* на спекулятивное въ научномъ смыслѣ обсуживаніе значенія современной дѣйствительности, то для ученыхъ мыслителей, въ которыхъ, какъ извѣстно, въ Соединенномъ Королевствѣ никогда не было недостатка. Однако, ло 1830 года никто изъ англійскихъ писателей, по крайней-мѣрѣ, изъ первостепенныхъ, не разглядѣлъ этого явленія, и только въ этомъ году знаменитый химикъ Гумфри Деви издалъ свою громкую брошюру: «О научномъ упадкѣ въ Англіи». Но одного

* Объ общедоступности или популяризаціи естественныхъ наукъ. Рѣчь г. Щуровскаго на сѣздѣ русскихъ естествоиспытателей («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Январь 1868 года).

этого было уже довольно, чтобы смѣтливые умы соотечественниковъ памфлетиста увидели сразу, что протестъ глубокаго аналитическаго ума не былъ «металломъ звѣнящимъ и кимваломъ брадающимъ».

Не знаемъ, сколько ушатовъ помой было вылито газетчиками того времени на голову смѣлаго обличителя, но онъ могъ утѣшиться тѣмъ, что немедленно по появленіи своей брошюры, къ его смѣлому протесту примкнули весьма сильные научныя дѣтели, въ лицѣ математика Баббеджа и физика—Давида Браустера. Такимъ образомъ голосъ Деви съ самаго начала не былъ одиночимъ, и не сдѣлался «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ»: усилія трехъ ученыхъ, проповѣдывавшихъ одновременно одну и ту же новую мысль, не могли быть уже заглушены ничѣмъ; недоброжелательнымъ противодѣйствіемъ, и представляли солидную гарантію авторитетности этой мысли. Но этого мало. Энергическій Браустеръ не ограничился однимъ только теоретическимъ изложеніемъ своихъ взглядовъ, по предмету, важность котораго для блага Англіи была имъ глубоко сознаана, но тотчасъ же рѣшился осуществить мысли Деви на дѣлѣ. Появившіеся незадолго до того въ Германіи съѣзды естествоиспытателей, организованные по мысли Окена, повзались Браустеру весьма годною практической формою для поднятія въ его отечествѣ уровня положительныхъ значій, и вотъ онъ въ началѣ 1831 года уже обратился къ Филиппу, бывшему въ то время секретаремъ «Йоркскаго философскаго общества», съ письмомъ, въ которомъ предлагалъ учредить общими усиліями независимую ассоціацію, на подобіе уже существовавшихъ въ Германіи. Мѣстомъ перваго засѣданія этой ассоціаціи предполагался городъ Йоркъ, который, по своему центральному положенію въ Великобританіи, представлялъ для этого преимущественныя удобства. Въ отвѣтъ на письмо это, разумѣется, послѣдовало согласіе философскаго общества, и муниципалитетъ города Йорка предложилъ натуралистамъ безвозмездное пользованіе залами, какія существовали въ немъ для публичныхъ собраній. Къ мысли Браустера немедленно примкнули нѣсколько ученыхъ (Робинзонъ Форбэсъ и Джонсонъ изъ Единбурга, и Мурчисонъ—изъ Лондона) и одно духовное лицо—Вернонъ Гаркуръ, который и взялъ на себя составленіе программы для будущей ассоціаціи. Цѣль таковой ассоціаціи, по словамъ этой программы, должна была состоять «въ установленіи прочныхъ сношеній между представителями математическихъ, физическихъ и естественныхъ наукъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, въ возбужденіи между ними ученаго соревнованія, въ организаціи ихъ разнообразныхъ трудовъ для дружной разработки важнѣйшихъ и существеннѣйшихъ научныхъ проблемъ, въ доставленіи для всякаго, желавшаго быть членомъ этого общества, всякихъ средствъ для плодотворныхъ и дѣятельныхъ занятій въ опредѣленномъ направленіи, и, наконецъ, въ возможно-большемъ разобненіи научныхъ знаній въ самой средѣ публики». Шесть лицъ, пере-

численныхъ нами, сдѣлались учредителями общества; всѣ другія лица, пожелавшія въ него вступить, обязывались или внести одновременно сумму въ 250 франковъ, и тогда они дѣлались членами пожизненными, или, внося 25 франковъ, считались дѣйствительными участниками съѣздовъ общества, которые было рѣшено собирать ежегодно. Для того, чтобы общество могло немедленно начать дѣйствовать, учредители полагали необходимымъ имѣть около ста членовъ, но едва проектъ ассоціаціи сдѣлался извѣстнымъ въ публикѣ, какъ въ члены записалось около 200 человекъ, въ числѣ которыхъ блистали знаменитѣйшія имена научныхъ свѣтилъ по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія. Такъ въ числѣ астрономовъ на первомъ собраніи ассоціаціи появились Гершель и Абри, между физиками—Браустеръ, Фарэде, Баббеджъ, Уевелль и Форбэсъ; между геологами—Бу-кляндъ, Мурчисонъ, Лябелль, Филипсъ, Добени, Седжвикъ, Кониберъ и Эджертоуъ. Въ средѣ ботаниковъ явились Робертъ Броунъ, Линдлей и Генслоуъ, между географами-исслѣдователями—Сабинъ и Соресби. Изъ государственныхъ людей членами ассоціаціи добровольно сдѣлались сэръ Робертъ Пиль и лордъ Бругамъ. Первое собраніе открыло свои засѣданія 27-го сентября 1831 года въ амфитеатрѣ Йоркскаго музея естественной исторіи.

Изъ членскихъ взносовъ, за покрытіемъ издержекъ на засѣданія, вся сумма назначалась на поощреніе научныхъ открытій и доставленіе средствъ для желающихъ производить научныя изслѣдованія. Ассоціація съ самаго своего начала и до нашихъ дней существовала и процвѣтала на свои собственные средства, безо всякаго правительственнаго содѣйствія, но въ 1852 году правительство, безо всякаго домогательства со стороны ассоціаціи, предложило ей ежегодную субсидію въ 25 тысячъ франковъ, въ вознагражденіе тѣхъ затратъ, какія производились обществомъ для изслѣдованій, особенно важныхъ для правительства. Ежегодные доходы общества простираются до 65 тысячъ съ нѣсколькими сотнями франковъ, изъ нихъ на научныя предпріятія расходуются ежегодно довольно значительныя суммы, и со времени основанія ассоціаціи на распространеніе знаній затрачено ю капиталъ въ 750,000 франковъ!

Но эти денежныя затраты составляютъ самую ничтожную часть пользы, какую принесла наукѣ и обществу ассоціація. Важнѣйшее ея значеніе заключается въ томъ вліяніи, котораго она сумѣла достигнуть на британское правительство при посредствѣ всемогущаго въ Соединенномъ Королевствѣ общественнаго мнѣнія. Можно смѣло сказать, что всѣ колоссальныя научныя предпріятія, осуществляемыя британскимъ правительствомъ въ наши дни, всѣ громадныя ученныя экспедиціи, которыя затѣвала Великобританія за послѣднее время, къ чести и славѣ своей націи, были осуществленія желаній и стремленій «ассоціаціи». Ей наше время обязано учрежденіемъ магнетическихъ обсерваторій во всѣхъ странахъ міра,

основаніемъ центральной и постоянной метеорологической обсерваторіи въ Кью, близъ Лондона, снаряженіемъ экспедиціи Джамса Росса къ южному полюсу, экспедиціями Гранта и Списа и доставленіемъ средствъ Буртону — для его путешествія во внутреннюю Африку. По ея же инициативѣ снаряжена была извѣстная экспедиція для розысканія слѣдствъ Франклина и короче — весь рядъ тѣхъ ученыхъ предпріятія, которые такъ сильно способствовали развитію географіи и навигаціи въ водахъ арктическихъ. Диспуты и заявленія секціи механики и политической экономіи, послужили поводомъ къ измѣненію самаго законодательства Великобританіи, по отношенію къ таможенной системѣ и привилегіямъ. Въстѣ съ тѣмъ, ассоціаціи удалось пробудить такое сочувствіе къ своимъ цѣлямъ въ средѣ общества, такъ сильно поднять во всѣхъ классахъ сознание необходимости научныхъ знаній, что въ настоящее время въ Соединенномъ Королевствѣ считаются тысячами лица, обратившія изъ праздныхъ людей въ добросовѣстныхъ и усидчивыхъ тружениковъ и воздѣлывателей науки. Замѣчательно, что для достиженія послѣдняго результата ассоціаціи надлежало прежде чѣмъ побѣдить, достаточно таки побороться съ общественнымъ несочувствіемъ, которымъ было встрѣчено ея возникновеніе со стороны промышленныхъ классовъ населенія. Такъ напримѣръ, знаменитая «Times», эта вѣрная выразительница мѣщанскаго самодовольства и узкаго міросозерпанія англійской буржуазіи, встрѣчала и провожала первыя сессіи новой ассоціаціи постоянно плоскими выходками и лавочнымъ скептицизмомъ. Но ассоціація, прочно утвердившаяся уже съ перваго своего шага, все росла и росла и въ настоящее время насчитываетъ уже двѣ тысячи четыреста сорозъ четыре члена, въ числѣ которыхъ *семьсотъ семьдесятъ одна женщина!*

Засѣданія ассоціаціи происходятъ ежегодно въ различныхъ городахъ. Мѣсто будущаго засѣданія, какъ это принято во всѣхъ обществахъ этого рода, равно какъ и будущій предсѣдатель (разумѣется для того, чтобы онъ имѣлъ возможность придать будущей сессіи опредѣленный характеръ) назначаются за годъ впередъ. Въ прошломъ году собраніе происходило въ Дунди (третій городъ по своему значенію въ Шотландіи, о которомъ почему-то не упоминается почти ни въ одномъ изъ русскихъ географическихъ учебниковъ); въ настоящемъ году оно будетъ происходить въ Норвичѣ (въ графствѣ Суффольскомъ). Въ теченіе почти сорозалѣтняго существованія общества, засѣданія его уже происходили почти во всѣхъ главнѣйшихъ центрахъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, болѣе значительныхъ въ научномъ отношеніи (какъ Эдинбургъ, Дублинъ, Оксфордъ, Кембриджъ) или въ торговомъ и промышленномъ (Манчестеръ, Бирмингамъ, Ливерпуль) сессіи его были уже по нѣскольку разъ, и будутъ еще вѣроятно не однажды; другіе города иногда весьма долго добиваются чести посѣщенія ассоціаціи, результаты котораго всегда въ значительной мѣрѣ благоприятны для мѣстныхъ населеній.

Городъ Дунди, наиримѣрь, добивался такой чести съ 1862 году, но четыре года сразу, предпочтеніе ассоціаціи въ ущербъ Дунди было оказано послѣдовательно Нью-Кестлю, Бату, Бирмингаму и Поттингаму, и только въ 1866 году, благодаря настояніямъ сэра Родерика Мурчисона, положено было, что сессія 1867 года соберется въ Дунди.

Отчету объ этомъ съѣздѣ посвящена почти вся статья, изъ которой мы приводимъ наше извлеченіе; но прежде описанія самой сессіи, мы считаемъ не лишнимъ упомянуть о другомъ, весьма оригинальномъ обществѣ въ Англіи, имѣющемъ близкую связь съ «Британскою ассоціаціею», и на одномъ изъ фантастическихъ засѣданій котораго Шарль Мартенсъ лично присутствовалъ. Эта побочная вѣтвь «Британской ассоціаціи» до того оригинальна и своеобразна, что едва-ли въ какой либо другой странѣ, кромѣ Англіи, да развѣ Америки, возможно существованіе чего либо подобнаго. Эта веселая и свободная ассоціація, говоритъ Мартенсъ, составляетъ какъ-бы сестру «Британской ассоціаціи»; но если первая представляетъ науку настоящаго времени, науку признанную и торжествующую, то другое общество, служитъ представителемъ науки будущаго, науки надежды и упованій. Учедителемъ этого общества былъ Эдвардъ Форбсъ, умершій, какъ извѣстно, въ молодыхъ лѣтахъ, но уже успѣвшій прославиться, какъ одинъ изъ первыхъ натуралистовъ современной эпохи. Съ начала, общество почти исключительно состояло изъ молодыхъ людей, отличавшихся высокою степенью развитія и чуждыхъ всякой педантической рутины и научныхъ предрасудковъ. Для нихъ также равнодушна была и робкая саниція нерѣшительныхъ столповъ науки, какъ и слѣпая вражда профановъ: дорожили они одною только истиною. Сессіи начинались за табельдотомъ, продолжались далеко за полночь и фирма гостиницы, въ которой учредители собрались въ первый разъ, опредѣляла названіе этой весело-научной ассоціаціи. Она назвалась глумомъ красныхъ львовъ (Red Lion Club). Все молодое поколѣніе физиковъ, химиковъ и натуралистовъ сдѣлалось членами этого клуба. Всякая торжественность и натянутость выгнаны на всегда за порогъ этого клуба, самое названіе котораго даетъ пищу юмористическому настроенію молодыхъ научныхъ знаменитостей Соединеннаго Королевства. Такъ предсѣдатель обыкновенно называется отцомъ львовъ (father lion), члены—братьями-львами (brother lions), и вмѣсто аплодисментовъ — выраженіе удовольствія и одобренія производится дружнымъ и продолжительнымъ *рычаніемъ*. Самые сложные и серьезныя научныя вопросы и сообщенія обсуждаются и передаются въ самыхъ причудливыхъ формахъ: то въ видѣ тоста, то подъ покровомъ пряхотливой импровизаціи, то въ звучныхъ юмористическихъ стихахъ. Я былъ на одномъ изъ этихъ собраній. Дарвинизмъ или перерожденіе видовъ служилъ основаніемъ для большей части сообщеній. Я слышалъ протестъ раза на то, что ему хотять несправедливо навязать въ прародители скорлупника

или тролобита. Я слышалъ удивленіе рыбы изъ пласта краснаго песчаника, существовавшей еще до періода отложенія каменнаго угля, о томъ, какъ сильно началось на поверхности земли развитіе животной жизни; я слышалъ, какъ происхожденіе языковъ подводилось подъ анализъ фонетическихъ способностей сорокъ и попугаевъ. При мнѣ художникъ-натуралистъ раздавалъ направо и налево свои рисунки, на которыхъ въ самыхъ смѣшныхъ очертаніяхъ были изображены всевозможныя превращенія животныхъ, о какихъ только могло мечтать смѣлое воображеніе зоологовъ. Всякая новая идея, всякая смѣлая гипотеза, всякая оригинальная научная концепція, принимались всѣмъ обществомъ съ единодушнымъ энтузіазмомъ. Казалось, самъ духъ науки и само будущее говорили въ причудливыхъ образахъ устами собесѣдниковъ. Откровенность и чистосердечіе въ мнѣніяхъ были полны, но прошедшему не приносилось проклятій, также какъ оно и не осмѣивалось. Такая терпимость и сдержанность составляетъ основную черту той націи, государственныя и религіозныя учрежденія которой покоятся на прочномъ основаніи признанной всѣми критикой свободнаго разума.

Городъ Дунди, расположенный въ графствѣ Форфаксъ, у восточнаго побережья Шотландіи, и принявшій въ 1867 году ученыхъ гостей, заслуживаетъ во многихъ отношеніяхъ вниманія (новѣйшія свѣдѣнія о немъ почерпнуты Мартенсомъ изъ сообщенія статистика Вредена, на статистической секціи послѣдняго собранія Британской ассоціаціи). По преданію, это городъ чрезвычайно древній, и построенъ во время крестовыхъ походовъ. Нѣкогда онъ былъ однимъ изъ оплотовъ католицизма и въ 1309 году въ немъ даже происходилъ одинъ изъ католическихъ соборовъ, но въ немъ же и протестантизмъ нашелъ себѣ самыхъ ревностныхъ поборниковъ.

Религіознымъ реформаторомъ былъ здѣсь Вискартъ, сожженный на кострѣ въ 1548 году; но съ его казнью протестантизмъ здѣсь не искоренился. Приверженцы Вискарта съ таимъ героизмомъ переносили всякія гоненія католиковъ, что Дунди того времени заслужилъ отъ протестантовъ всего міра названія *второй Женевы*, а въ 1550 году общее собраніе протестантскихъ священниковъ торжественно объявило господство католицизма низвергнутымъ. До окончательнаго присоединенія своего вмѣстѣ со всей Шотландіей къ Соединенному Королевству, Дунди нѣсколько разъ подпадалъ господству англичанъ и нѣсколько разъ дѣлался независимымъ. Традиція либеральнаго духа издавна сохраняется горожанами Дунди. Такъ въ іюнѣ 1790-го года, клубъ вѣговъ этого города отправилъ поздравительный адресъ французскому національному собранію съ заявленіемъ сочувствія великодушнымъ мѣропріятіямъ, декретированнымъ этимъ собраніемъ. Съ окончательнымъ подчиненіемъ Дунди великобританскому правительству, политическое его значеніе закончилось, но началось промышленное. Въ XVII столѣтіи тамъ существовала только льняная промышленность, съ половины XVIII-го

тамъ (одновременно съ паденіемъ остатковъ феодализма въ учрежденіяхъ) стали возникать холщевыя фабрики, которыя, благодаря покровительственной системѣ, быстро развивались, хотя населеніе еще въ 1801 году не превосходило 26,000 человекъ. Въ 1806 г. Джемсъ Броунъ завелъ тамъ первую паровую ткацкую фабрику, и съ тѣхъ поръ населеніе стало такъ быстро подниматься, что скоро Дунди насчитывалъ уже 45,355 жителей, но промышленное благосостояніе Дунди сдѣлалось несравненно болѣе значительнымъ съ тѣхъ поръ, какъ Томасъ Нашъ и Джемсъ Уаттъ акклиматизировали тамъ особенный видъ бенгальской конопли (рода *Corchorus*), листья которой даютъ упругія и шелковистыя нити, пригодныя для приготовленія изъ нихъ самыхъ разнообразныхъ тканей. Въ 1866 году такихъ нитей вошло въ мѣстные фабрикатъ 62 милліона киллограммовъ. Вообще фабрики Дунди и окрестностей произвели въ этомъ году фабрикатовъ на 118 милліоновъ франковъ (весьма значительное количество льна впрочемъ ввозится въ Дунди изъ Россіи), а постоянное населеніе Дунди дошло до 100,000 человекъ, то-есть учетверилось въ теченіе 60 лѣтъ. Кромѣ этой главной промышленности, въ Дунди существуютъ еще нѣсколько второстепенныхъ промысловъ, изъ которыхъ замѣчательнѣйшій китоловный, для чего мѣстные negociants снаряжаютъ ежегодно по двѣ экспедиціи на сѣверъ. Первая экспедиція, весенняя, обыкновенно ограничивается ловлею тюленей, которыхъ эти мореплаватели среднимъ числомъ убиваютъ для жира по 3,000, но иногда имъ удается привозить съ собою до 260,000 киллограммовъ этого жира (для чего надобно убить до 20,000 тюленей). Вторая — весенняя идетъ обыкновенно къ восточнымъ берегамъ Гренландіи и среднимъ числомъ убиваетъ отъ 4 до 5 китовъ. Кромѣ того жители занимаются въ большихъ размѣрахъ дубленіемъ кожъ, для чего, для добыванія танина, акклиматизировали у себя нѣсколько экзотическихъ деревьевъ, богатыхъ имъ (*Rhus coriaria*, *Quercus ægilop.* и т. д.) Сверхъ того Дунди снабжаетъ всю Великобританію и Америку особенными конфетами, чрезвычайно ароматическими, которыхъ въ этомъ городѣ готовятъ милліонъ киллограммовъ, подъ названіемъ *Dunde marmelade*.

Сообразно своему промышленному значенію, Дунди представляетъ большой городъ (третій въ Шотландіи, послѣ Эдинбурга и Глазгова), расположенный на протяженіи 9 киллометровъ, на сѣверной сторонѣ Тэйской бухты: обширный портъ его окруженъ широкими набережными и имѣетъ четыре дока. Самый городъ расположенъ амфитеатромъ на одной изъ терассъ, происшедшихъ отъ поднятія шотландскихъ береговъ во время ледянаго періода. Въ городѣ широкія улицы, нѣсколько церквей, замѣчательныхъ по своей архитектурѣ, и на шестнадцати гектарахъ расположенъ (по рисунку Пакстона) чрезвычайный паркъ, устройство котораго его основателю стоило болѣе милліона франковъ. Въ числѣ учебныхъ заведеній въ Дунди существуетъ высшее училище

(high school) и Morgan Hospital — огромное учреждение для призрѣнія и воспитанія сиротъ и дѣтей недостаточныхъ родителей. Кромѣ того тамъ нѣсколько банковъ, New royal Infirmary — лучшій госпиталь во всей Шотландіи, Albert Institut — зданіе, построенное на добровольныя приношенія горожанъ и предназначенное для публичной бібліотеки, съ большимъ заломъ, для публичныхъ курсовъ и чтеній, и Kinnaird Hall — особенное зало для общественныхъ собраній, названное по имени лорда Кайнаирда, по инициативѣ котораго оно построено, и могущее вмѣстѣ въ себѣ около двухъ тысячъ человѣкъ.

Собранія, митинги, конгрессы и всякія сходки до такой степени въ нравахъ британцевъ, и играютъ такую видную роль въ соціальной и политической жизни Англіи, что тамъ всякія общества организуются быстро и вмѣстѣ съ тѣмъ просто и практично. Въ Дунди не только городское управленіе, но и всѣ горожане передъ устройствомъ научнаго праздника объявили, что ихъ дома и помѣщенія къ услугамъ дорогихъ гостей. Во всѣхъ классахъ общества появилось соревнованіе, чтобы, какъ, съ одной стороны, облегчить всѣми возможными способами работы и занятія членовъ ассоціаціи, такъ съ другой стороны — сдѣлать пребываніе ихъ въ Дунди на сколько возможно пріятнымъ. Биржа (Royal Exchange) предложила свое зало (reception room) въ полное распоряженіе ассоціаціи, и въ ней было устроено нѣсколько временныхъ конторъ, въ которыхъ пріѣзжіи могли получать всѣ необходими для себя свѣдѣнія. Въ одной изъ нихъ составлялись списки всѣхъ членовъ ассоціаціи, ихъ адреса и отмѣчались всѣ лица, пріѣзжавшія на сессію въ Дунди; въ другой — желающіе могли вносить свое имя въ число постоянныхъ или временныхъ членовъ ассоціаціи; въ третьей — выдавались билеты дамамъ, желавшамъ присутствовать въ засѣданіяхъ; въ четвертой — находились всѣ дѣла учредительнаго комитета; въ пятой — находились газеты и печатныя заявленія, относившіяся къ сессіи; въ шестой наконецъ, всѣ свѣдѣнія о предполагаемыхъ экскурсіяхъ. Кромѣ того въ той же залѣ находилось временное отдѣленіе почты, куда привозились изъ почтамта всѣ письма и посылки, адресованныя на имя членовъ сессіи; тутъ же были разставлены столы со всѣми канцелярскими принадлежностями, чтобы каждое лицо, получающее письмо, требующее отвѣта, могло, не теряя ни минуты, тотчасъ же на него отвѣчать. Кромѣ того, тутъ же находилась контора, извѣщавшая о свободныхъ квартирахъ, предлагаемыхъ жителями для помѣщенія пріѣзжихъ; каждый домъ, каждое семейство наперерывъ предлагали свое гостепримство ученымъ гостямъ. Со времени открытія сессіи (продолжавшейся 8 дней), ежедневно рано утромъ появлялась печатная программа, въ которой перечислялись, какъ общія собранія, такъ и частныя, долженствовавшія происходить въ тотъ день, также какъ и музыкальныя и танцевальныя вечера, на оторые приглашались жителями члены ассоціаціи. Въ той же

программи означалось, въ какомъ мѣстѣ должноствовало происходить то или другое секціонное собраніе, описывались проекты 12 экскурсій въ окрестности города, организованныхъ жителями для того, чтобы соединить въ этихъ совмѣстныхъ прогулкахъ научную пользу и общее удовольствіе. Въ ней же описывались важнѣйшія городскія достопримѣчательности, историческія памятники города и важнѣйшія изъ промышленныхъ заведеній, на случай, еслибы кто-нибудь изъ гостей захотѣлъ осмотрѣть что-либо изъ нихъ. Кромѣ того, всѣмъ членамъ сессіи каждое утро раздавалась другая программа, въ которой находились указанія на тѣ заявленія и рѣчи, которыя предполагались въ теченіе дня прочитывать въ томъ или другомъ отдѣленіи сессіи.

Почетное предсѣдательство сессіи было предложено одному изъ почетнѣйшихъ мѣстныхъ жителей — герцогу Буклейгъ-Бинсбюри.

Два общія засѣданія, которыя были открыты рѣчью предсѣдателя и отчетомъ казначея ассоціаціи, были посвящены обсужденію вопросовъ, касавшихся общихъ интересовъ всѣхъ секцій*, потомъ общество раздѣлилось на семь секцій (секція физики и математики, химіи, геологіи, естественныхъ наукъ и физиологіи, политической экономіи и статистики, и механики). Мартенсъ сожалѣетъ, что онъ даже кратко не можетъ перечислить всѣхъ заявленій и диспутовъ, къ которымъ они подавали поводъ на секціонныхъ собраніяхъ, такъ-какъ для этого надобно бы было написать цѣлый томъ. «Въ Дунди, говоритъ онъ, собралось 465 членовъ ассоціаціи, и почти каждый изъ нихъ что-либо сообщилъ на засѣданіяхъ той или другой секціи: почти всѣ ученые работы, совершенныя въ теченіе года въ Англіи, такъ-сказать, вскали для себя санкціи ассоціаціи». Членовъ-иностранцевъ на сессіи было немного: три француза, одинъ нѣмецъ, одинъ русскій, одинъ голландецъ и одинъ американецъ.

Болѣе всего многолюдны были секціи географіи и этнографіи. Предсѣдательствовала ими извѣстный Саммуэль Бекверъ, проникавшій незадолго до того вмѣстѣ съ своей неустрашимой женой въ центральную Африку, гдѣ ему удалось открыть, между прочимъ, озеро Альберта, самый обширный резервуаръ воды, протекающей въ Ниль. Виѣшность этого человѣка вполне соотвѣтствуетъ его неустрашимости, и глядя на него можно легко отгадать, какъ сильно могло быть его вліяніе на дикарей. Онъ высокаго роста, съ мужественнымъ лицомъ, черты котораго выражаютъ энергію, и съ рыжею по поясъ бородою. При этомъ у него очень сильный органъ голоса. Рѣчь его объ его интереснѣйшихъ странствованіяхъ очень понравилась публикѣ, и громъ рукоплесканій покрылъ его слова, когда онъ, говоря о погибающихъ въ неизвѣстныхъ странахъ изслѣдователяхъ, сказалъ, что въ минуты смертной

* Къ сожалѣнію, Мартенсъ не говоритъ, обсужденію какихъ именно вопросовъ были они посвящены.

агоніи ихъ поддерживаетъ мысль, что «Англія разсчитываетъ, что каждый ея гражданинъ исполняетъ долгъ свой»—выраженіе Нельсона, передъ битвою при Трафальгарѣ. Вслѣдъ за Беккеромъ говорилъ Оливеръ, о различныхъ путяхъ, которые проецированы черезъ Панамскій перешеекъ. Кромѣ того, особенное вниманіе публики обратилъ на себя отчетъ объ естественно-научномъ изученіи Палестины, на что соединенными усилиями Лондонскаго королевскаго общества, Географическаго общества и миссъ Бурдетъ Кутсъ составленъ былъ недавно весьма значительный капиталъ Palestine exploration fond. Огромная географическая карта Палестины почти уже окончена и специалистамъ-наблюдателямъ розданы метеорологическіе инструменты, при пособіи которыхъ климатъ Святой Земли можетъ быть хорошо изученъ. Это изученіе представитъ значительный интересъ въ отношеніи исторической климатологіи, такъ-какъ сравнительныя свѣдѣтельства Страбона, Плинія и т. д. съ тѣмъ, что теперь видятъ наблюдатели, необходимо придти къ заключенію, что климатъ этой страны значительно измѣнился. Лѣто стало холоднѣе и короче (финиковая пальма, цвѣтшая тамъ нѣкогда въ изобиліи, нынѣ не вырѣвается), зима же потеряла свой суровый характеръ. На секціи геологіи, по свѣдѣтельству Мартенса, были особенно интересны сообщенія (гг. Джона Кравфурда, Джона Любова, д-ра Гунта, и многихъ другихъ) и пренія о древности человѣка. Мартенсъ приводитъ объ нихъ довольно подробный отчетъ, который мы опускаемъ, такъ-какъ цѣль нашей статьи вовсе не учная. Замѣтимъ только, что почти всѣ важнѣйшія работы, предпринимавшіяся Англіею за послѣднее время въ этомъ направленіи, происходили по инициативѣ ассоціаціи и при ея пособіяхъ. Не можемъ также не упомянуть, что одинъ изъ новѣйшихъ англійскихъ изслѣдователей пещерныхъ находокъ Вивьянъ, на основаніи толщи сталагмитнаго слоя, покрывающаго кремневые ножи, и прибывающаго на 2,5 милиметра въ годъ, вычислилъ, что такой слой, представляющій толщю въ 91 сантиметръ, долженъ былъ образоваться въ 364,000 лѣтъ и что, слѣдовательно, должно предполагать, что древность людей, употреблявшихъ каменные орудія, несравненно значительнѣе, чѣмъ это до сихъ поръ предполагали самые смѣлые палеонтологи. Вотъ что Мартенсъ говорить вообще объ успѣхахъ геологіи въ Англіи за послѣднее время: ни одна наука не обособлена въ Англіи въ той степени, какъ геологія. Изученію ея предаются со всеусердіемъ не только инженеры и геологи по профессіи, но несмѣтная толпа любителей, разсѣянныхъ по всему протяженію Соединеннаго Королевства. Особенною ревностю въ этомъ отношеніи отличается духовенство; священники и вакаріи чуть не все свободное время, остающееся имъ отъ исполненія ихъ обязанностей, посвящаютъ изслѣдованіямъ мѣстностей, служащихъ имъ мѣстомъ жительствова, и ихъ окрестностей. Каждое исполненіе треби, каждое посѣщеніе большыхъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, стано-

зится для духовныхъ лицъ какъ-бы геологической экскурсіей. Эта армія мирныхъ волонтеровъ положительно покорила себѣ великобританскую территорію, каждый уголокъ которой изслѣдованъ самымъ тщательнымъ и подробнымъ образомъ. Матеріаловъ этого рода не перечесть, и всѣ они собраны знающими и опытными руками. Благодаря этимъ матеріаламъ, синтетическіе умы, при помощи опыта и размышленія, дошли до заключенія, что геологическія условія острова Великобритавіи и континента одни и тѣ же, что бассейнъ Лондона аналогиченъ бассейну Парижа, и что сравненіе скалъ Булони и Фолькестона доказываетъ, что Англія, отдѣленная въ настоящее время отъ Франціи широкимъ, но неглубокимъ каналомъ, составляла нѣкогда продолженіе материка Франціи, и что, сравнительно, такое измѣненіе произошло не особенно давно. Духовенство Англіи такъ дорожить успѣхами геологій, что позволило геологической секціи въ одной изъ большихъ капеллъ (Panmure-Street) развѣсить геологическіе рисунки. Въ глубинѣ капеллы поставлена была эстрада, на которой заняли мѣста: предсѣдатель секціи, члены комитета и ораторъ, а громадная занавѣсъ изъ зеленого холста служила плоскостью приврѣпленія огромныхъ развѣтровъ геологическихъ рисунковъ и акварелей. Такіе рисунки употребляются въ Англіи при геологическихъ чтеніяхъ для нагляднаго ознакомленія слушателей съ особенностями различныхъ мѣстностей, и обыкновенно, когда ораторъ вздумаетъ описывать геологію той или другой части страны, то на первомъ рисункѣ представляется пейзажъ той мѣстности, о которой идетъ рѣчь, для того, чтобы въ воображеніи зрителей запечатлѣлись сначала внѣшнія ея особенности. Второй рисунокъ обыкновенно представляетъ ту же мѣстность, но уже въ геологическомъ смыслѣ, такъ-какъ различные напластованія въ немъ намѣчены различными красками. Третій рисунокъ затѣмъ уже представляетъ разрѣзъ мѣстности или внутреннюю, геологическую структуру почвы. Окаменѣлости и ископаемыя раковины, встрѣчающіяся въ пластахъ, свойственныхъ геологическому строенію изслѣдуемой мѣстности, изображаются въ особыхъ рисункахъ въ значительно увеличенномъ видѣ, такъ, чтобы ихъ со всѣми мельчайшими подробностями ихъ строенія можно было ясно отличить отовсюду въ залѣ. Такая метода, значительно облегчающая изученіе геологій, начала проникать и во Францію — на публичныя лекціи.

Въ числѣ заявленій на геологической секціи было также весьма интересно предложеніе англійскаго ученаго Австеда, который считаетъ необходимымъ осушить дно одной лагуны въ Корсикѣ, существующей около двухъ тысячъ лѣтъ, и вредными испареніями заряжающую Бастію и ея окрестности. Онъ совѣтуетъ корсиканцамъ такъ же распорядиться съ этой лагуной, вода въ которую приносится различными источниками, какъ недавно голландцы распорядились съ Гарлемскимъ озеромъ, разливы котораго

угрожали опасностью Амстердаму, — спровадивши воду этого озера въ океанъ.

На секціяхъ естественныхъ наукъ собственно, по словамъ Мартенса, и въ безчисленныхъ сообщенияхъ, были затронуты «всѣ главнѣйшіе вопросы ботаники, зоологіи, сравнительной анатоміи и физиологіи». Онъ, однакоже, не говорить ни объ чемъ, кромѣ зоологическихъ изслѣдованій морскаго дна, окружающаго британскіе острова, предпринятыхъ по инициативѣ ассоціаціи гг. Эдвардомъ Форбсомъ (нынѣ умершимъ), Гвиномъ Жефрейсомъ, Мерлемъ Норманомъ и другими. Такія изслѣдованія особенно важны для зоологической географіи, физиологіи низшихъ животныхъ и геологіи. Такъ, напримѣръ, Форбсъ доказалъ, что извѣстные виды морскихъ животныхъ водятся всегда на определенной глубинѣ отъ поверхности моря, совершенно подобно тому, какъ птицы летаютъ только въ определенныхъ слояхъ воздушной атмосферы. Главный трудъ о моллюскахъ — результатъ изслѣдованій этого рода у береговъ Великобританіи принадлежитъ Гвину Жефрейсу (4 тома in-8°); дополненіемъ его будутъ еще ненапечатанные труды Мерла Нормана, который производилъ свои изысканія у Шотландскихъ острововъ, мѣстонахождение которыхъ споспосудуетъ, какъ нельзя болѣе, работамъ этого рода, такъ-какъ острова эти находятся какъ-бы на границѣ Ледовитаго и Атлантическаго Океановъ, и именно на томъ мѣстѣ, гдѣ встрѣчаются полярныя теченія Ледовитаго Океана, несущія на югъ, въ низшіе и холодные слои Атлантическаго, виды, водящіеся близъ Исландіи и Гренландіи, съ теплымъ поверхностнымъ теченіемъ Атлантическаго Океана (gulf-stream), приносящимъ къ западнымъ берегамъ этихъ острововъ виды, водящіеся въ водѣ умѣренной температуры Атлантическаго Океана.

Кромѣ того Мартенсъ упоминаетъ вскользь объ открытій Раа Ланкастера, присутствія у нѣкоторыхъ двусторчатыхъ моллюсковъ особаго отдѣленія, содержащаго вѣкторый процентъ свободной сѣрной кислоты, благодаря которому они могутъ, на подобіе нѣкоторыхъ червей (напримѣръ, кольцецовъ) и брюхоножныхъ (какъ Вочечка, *Doleus-galea*), растворять известковыя соединенія, все равно представляются ли послѣднія мягкими, рыхлыми или твердыми, чѣмъ отчасти объясняется, отчего эти моллюски любятъ помѣщаться въ отверстіяхъ скалъ, производимыхъ ими нарочно ad hoc. При остротѣ и твердости ихъ зубовъ и при вѣрности ихъ раковинъ, въ своемъ кислотѣ они находятъ весьма полезное для себя подспорье для прорытія въ твердыхъ скалахъ себѣ убѣжищъ. Для отчета о сообщенияхъ по секціямъ математики, физики, химіи, механики и статистики и политической экономіи, Мартенсъ не признаетъ себя компетентнымъ, почему и ограничивается только заявленіемъ, что онъ почелъ бы себя счастливымъ, еслибы могъ передать о сообщенияхъ гг. Вильямсона, Андерсона, Одлинга, Максвелла Симсона, Гладстона, Каттока и Кроокса — по химіи, Браустера, Вальяма Томсона и Уатсона — по физикѣ, Раввана,

Стокса, Армстронга, Батемана, Файрибайрна, Томаса Стевенсона и Ольдгама—по механикѣ, Джона Воуринга Гравтъ-Дуфа и Леоне-Лави—по статистикѣ, такъ-какъ вѣроятно всѣ эти сообщенія не требуютъ для своего уясненія особенныхъ специальныхъ знаній отъ читателей, но все-таки для такого изложенія ихъ, которое было бы для публики небезполезно, требовалось бы войти въ такія подробности, которыя значительно растанули бы его статью. Но, личные занятія автора метеорологіей позволяютъ ему хотя вратцѣ коснуться до главнѣйшихъ сообщеній, имѣвшихъ цѣлью придать массѣ метеорологическихъ наблюденій наибольшую степень практичности. Для достиженія таковой цѣли Англія обладаетъ чрезвычайно важнымъ пособіемъ, котораго лишены другія страны. Въ ней существуетъ *центральная метеорологическая обсерваторія*, устроенная только для наблюденій метеорологическихъ, и неимѣющая ничего общаго съ обсерваторіями астрономическими. Обсерваторія эта находится вблизи Лондона въ Кью, гдѣ находится также знаменитѣйшій въ Европѣ ботаническій садъ. Эта обсерваторія отчасти поддерживается средствами ассоціаціи. Завѣдуетъ ею Стевартъ и она обладаетъ тончайшими аппаратами и снарядами, какіе только существуютъ въ мірѣ для облегченія метеорологическихъ наблюденій. Большая часть изъ нихъ устроена такимъ образомъ, что всякія измѣненія барометрическаго давленія, температуры, силы и направленія вѣтра и отклоненія магнитной стрѣлки, при ихъ пособіи ежеминутно заносятся на фотографическую бумагу въ видѣ кривыхъ линій, выражающихъ всѣ суточные колебанія. Крімъ того, особые инструменты устроены для непосредственнаго наблюденія влажности воздуха, количества выпадающаго дождя и интенсивности солнечнаго свѣта. Эта обсерваторія сносится со всѣми метеорологическими станціями группы британскихъ острововъ и англійскихъ колоній. Особые регулирующие снаряды, устроенные самымъ совершеннымъ образомъ, даютъ возможность провѣрять, какъ снаряды метеорологическихъ станцій, такъ и тѣ, какими обсерваторія снабжаетъ путешествующихъ наблюдателей. Благодаря этому, всѣ производящіяся наблюденія могутъ быть легко сравниваемы и свѣряемы. Такимъ образомъ въ 1867 году съ регуляторами обсерваторіи были свѣрены 89 барометровъ и 608 термометровъ. Въ настоящее время ассоціація поручила нѣсколькимъ ученымъ рассмотреть всѣ накопившіяся путемъ такого наблюденія таблицы всякихъ метеорологическихъ измѣненій, чтобы изъ сравненія вывести общіе ихъ законы. Само собою понятно, сколько изъ такого свода явится драгоценныхъ выводовъ, которые могутъ быть по своей точности съ успѣхомъ приложены къ рациональному земледѣлію, къ мореплаванію, къ общественной гигиенѣ и къ политической экономіи. Затраты Англіи на устройство и поддержку обсерваторіи и метеорологическихъ станцій вознаграждаются съ окончаніемъ этого труда, конечно, сторицею.

Глешеръ, одинъ изъ метеорологовъ, наиболѣе извѣстный въ

Европѣ по своимъ воздухоплаваніямъ, наставлялъ въ засѣданіи на значительной важности сравнительныхъ плевометрическихъ наблюдений. По его словамъ, въ Англіи въ настоящее время дѣйствуютъ 250 плевометровъ, такъ что, благодаря этому, скоро получится возможность узнать степень вліянія, какое имѣютъ высота мѣстности, приморское ея положеніе, близость къ ней горъ, рѣкъ и озеръ и т. д. на количество выпадающаго на различные страны дождя и законы, управляющіе распредѣленіемъ количества падающей воды въ различные времена года. Г. Мельдрумъ, директоръ обсерваторіи острова Святого Мавривіа, представлялъ множество картъ и чертежей, для нагляднаго объясненія направленій и системы коловращеній урагановъ, свирѣствующихъ въ Индійскомъ Океанѣ, и происходящихъ отъ встрѣчи сѣверо-западнаго муссона съ юго-восточными пассатами. До сихъ поръ, обыкновеннымъ правиломъ мореплавателей, суда которыхъ попадали въ эти циклоны, было ставить послѣднія по направленію къ юго-западу; но Мельдрумъ доказывалъ, что гораздо рациональнѣе приводить ихъ носомъ прямо къ югу, чтобы такимъ манеромъ выдти изъ площади направленія обонхъ вѣтровъ, обусловливающихъ круговоротъ.

Почти цѣлое засѣданіе было посвящено вопросу, казавшемуся нѣкогда немислимымъ Араго, о предсказаніи погоды въ видахъ предупрежденія моравовъ находящихся въ плаваніи, отъ случайности быстрыхъ и неожиданныхъ атмосферическихъ перемѣнъ. Хотя этотъ вопросъ, имѣющій для Англіи, какъ морской державы, первостепенное значеніе, далеко еще не рѣшенъ, но онъ весьма тщательно изучается. Англійское адмиралтейство, министеръ торговли и брит. ассоціація, даютъ всевозможныя средства для лицъ, посвящающихъ себя изученію этого вопроса. Конечно, метеорологическія станціи англійскихъ портовъ, значеніе которыхъ, благодаря адмиралу Фицъ-Рой, постоянно усиливается, и въ которыхъ командиры судовъ могутъ получать всевозможныя для себя свѣдѣнія о вѣроятности приближающейся опасности, отчасти уже имѣютъ предотвращающій аваріи характеръ; но все-таки этотъ вопросъ подлежитъ еще продолжительному изученію. Поэтому, на секціонномъ диспутѣ, семь человекъ ученыхъ, и между прочимъ герцогъ Буклейгъ, высказывали цѣлый рядъ остроумныхъ соображеній, при помощи которыхъ можно бы было достигнуть возможно-скорѣйшаго и благопріятнѣйшаго для мореплаванія разрѣшенія.

Когда всѣ поднятые вопросы на секціонныхъ собраніяхъ были разрѣшены, назначено было заключительное общее собраніе, происходившее въ Kennaird Hall'ѣ. На немъ секретарь сессіи прочелъ отчетъ о состояніи ассоціаціи и о распредѣленіи сумми (55,000 франковъ), назначенной въ 1867 году отъ ассоціаціи на пособія для различныхъ ученыхъ работъ. Потомъ послѣдовали заключительныя рѣчи предсѣдателя сессіи, герцога Буклейга, парламентскаго представителя города Дунай, сэра Джона Огилви,

вице-президента сессіи Родерика Мурчисона и т. д. и т. д. Хозяева, конечно, благодарили гостей за посѣщеніе, гости—всѣхъ жителей города, способствовавшихъ успѣшности сессіи, и между прочимъ, редакторовъ «Dundee-Advertiser», изданія, которое каждое утро давало отчетъ о происходившемъ наканунѣ, съ такою точностью и подробностями, что ея статьи сдѣлали почти ненужнымъ опубликованіе ассоціаціей обычнаго годового отчета. Вѣроятно, и отчетъ этотъ не заставлялъ долго ждать своего появленія остальныхъ жителей Великобританіи, интересующихся успѣхами в ходѣ ассоціаціи.

Одновременно съ секціонными собраніями, происходили и чтенія публичныхъ лекцій. Два изъ этихъ чтеній были вообще для публики, третье предназначалось исключительно для рабочихъ города Дунди. Первая лекція была посвящена геологическому описанію Шотландіи, и была прочтана г. Арчибальдомъ Гейки, геологомъ, которому было поручено ассоціаціей составленіе геологической карты Шотландіи. Чтеніе происходило въ залѣ Kennaird-Hall, и пониманіе его было облегчено для публики множествомъ чертежей, огромныхъ размѣровъ, изображавшихъ разрывъ различныхъ мѣстностей, множествомъ изображеній наиболее рельефныхъ по своему внѣшнему характеру особенностей шотландской природы и т. д. Вторая лекція, прочтанныя сномъ и внукомъ знаменитыхъ астрономовъ, Александромъ Гершелемъ, была посвящена изложенію новѣйшихъ теорій падающихъ звѣздъ, которое тоже было объяснено наглядно множествомъ чертежей и рисунковъ, и высказано въ блестяще-популярной формѣ. Но главнѣйшій интересъ представляла собою третья лекція — лекція Джона Тиндала для городскихъ работниковъ. Смыслъ этой лекціи представлялъ смѣлую попытку познакомить совершенно не подготовленныхъ слушателей, въ одно чтеніе, съ цѣлымъ рядомъ основныхъ вопросовъ физическихъ наукъ, показать ихъ цѣль и стремленія, и возбудить въ рабочихъ любознательность къ узнанію тѣхъ причинъ, которыя обуславливаютъ собою тѣ физическія явленія, какія наблюдательности людей представляются ежедневно и на каждомъ шагѣ. Лекція Тиндала носила названіе: «Матерія и движеніе» и въ самыхъ ясныхъ словахъ излагала, что всѣ феномены видимаго міра, какъ притяженіе, теплота, электричество и магнетизмъ суть не что иное, какъ различныя формы выраженія движенія, и переходятъ постоянно одиѣ въ другія. На этой лекціи предсѣдательствовалъ герцогъ Буклейгъ, и слушателей-рабочихъ было болѣе двухъ тысячъ. Такъ-какъ вопросъ о переходѣ силъ не имѣеть, конечно, утилитарнаго значенія, то, для предупрежденія извѣстнаго вопроса: къ чему же ведетъ все это?—Тиндаль началъ свое чтеніе вступленіемъ, въ которомъ показалъ права науки на чисто-спекулятивныя изслѣдованія, клонящіяся въ концѣ концовъ все-таки къ пользѣ человѣка: «Никто не станетъ — говорилъ онъ — отвергать пользу наукъ въ ихъ многочисленныхъ

приложеніяхъ въ промышленности. Безъ ихъ помощи самія промышленныя учрежденія Дунди не могли бы представлять той степени процвѣтанія, на которой они находятся, но, по большей части, великіе изслѣдователи природы и свѣтила науки не имѣли при своихъ занятіяхъ въ виду прямо утилитарныхъ цѣлей, хотя открытія ихъ и носили такой характеръ. Величайшій физикъ, недавняя утрата котораго еще долго будетъ чувствоваться въ наукѣ — Фарейдъ, принесшій своими трудами болѣе пользы для практическаго прогресса Англій, нежели всѣ остальные англійскіе ученые практики вмѣстѣ, никогда, при своихъ изслѣдованіяхъ, не имѣлъ въ виду узко-практическихъ цѣлей. Побуждающими факторами для его испытующаго духа служили любовь къ наукѣ вмѣстѣ съ жгучею жаждою познанія съ возможною глубиною всѣхъ явленій физической природы». Послѣ такого вступленія Тиндаль цѣлнимъ рядомъ самыхъ разнообразныхъ и наглядныхъ опытовъ показалъ изумленному собранію въ очью всѣ извѣстные переходы силъ. Вотъ еще отрывки изъ его рѣчи, приведенные Мартенсомъ: «Матеріальныя частицы (молекулы) движутся, какъ говоритъ Эмерсонъ, въ стройномъ порядкѣ, подчиняясь гармонически законамъ природы, и всякое, самое простое вещество, въ глазахъ мыслящаго наблюдателя, представляется верхомъ совершенства. Наука — откровеніе тѣхъ чудесъ и тайнъ, какими окружаетъ насъ природа. Снѣжинки, распластавшіяся на нашихъ замерзшихъ окнахъ въ самыхъ причудливыхъ очертаніяхъ, напоминающихъ самія причудливыя формы листьевъ папоротниковъ — даютъ самый сподручный опытъ и составляютъ самое ясное доказательство справедливости ученія о переходѣ силъ одной въ другія, а именно теплоты въ движеніе. Дохните на вѣжную, ледяную пленку замерзшаго стекла раньше, нежели въ комнатѣ вашей будетъ разведенъ огонь, и вы замѣтите, что льдистая инкрустація станетъ таять и потомъ снова замерзаетъ. Возьмите увеличительное стекло (лупу), и вы будете свидѣтелями чрезвычайнаго движенія, предшествующаго новому замерзанію: все оживлено во вновь образовавшейся жидкости, каждая частица кажется живою и стремится занять свое мѣсто въ опредѣленномъ направленіи очертаній, чтобы возстановить нарушенныя формы сочетаній, повидному, исчезнувшихъ въ нѣскольکو мгновеній, отъ теплоты вашего дыханія».

Въ заключеніе своей ясной, горячей и доказательной лекціи, Тиндаль сказалъ между прочимъ: «Задача вселенной превращаетъ нашу познавательную способность. Наша умственная способность, подобно музыкальному инструменту, издаетъ только опредѣленное количество звуковъ. За предѣлами таковаго регистра мы не въ состояніи ничего — ни понять, ни представить себѣ. За нимъ для насъ только тайна и молчаніе. Феномены матеріи и движенія заключены въ нашемъ регистрѣ, и мы поэтому самими устройствомъ нашихъ способностей обязываемся углубляться возможно болѣе въ ихъ изученіе, но внѣ ихъ, за ними и

зовругь насъ—великая тайна мірозданія остається на вѣкъ неразъяснимою. Пусть каждый концепируетъ эту тайну по своему: это его дѣло и я до этого не касаюсь. Я хотѣлъ бы только, чтобы ваши отвлеченныя представленія о строителѣ міра были его достойны и чтобы ваше воображеніе надѣяло его самыми высочайшими атрибутами, но... не претендуйте на знаніе того, знаніе чего невозможно для человѣка. Главнѣе же всего остерегайтесь заблужденія видѣть во всѣхъ физическихъ явленіяхъ міра какія-то мелочныя выраженія гнѣва или сочувствія высшаго существа... Не раздѣляйте слабоумныхъ мнѣній тѣхъ, которые не различаютъ простыхъ и физическихъ причинъ, такихъ чисто-физическихъ факторовъ, какъ эпидемія, неврожан, шотландскіе надежи!...» Самый конецъ этой рѣчи, пропускаемый нами, могъ быть произнесенъ публично, конечно, только въ такихъ относительно свободныхъ странахъ, какъ Англія и Америка. Но вся эта рѣчь глубоко подѣйствовала на слушателей, что, конечно, не можемъ пронасть безслѣдно для науки. «Кто знаетъ—говорить Мартенсъ—не было ли въ числѣ слушателей рѣчи Тиндала высоко способныхъ людей, недовѣряющихъ еще своимъ слухамъ, и что могучее слово Тиндала не пало благотворнымъ зерномъ въ иную молодую и способную голову?» и поэтому кстатъ вспоминаеть, какъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія знаменитый Гумфри-Девн читалъ лекцію химіи, въ средѣ подобной же аудиторіи. Его слушалъ, между прочимъ, затерянный въ толпѣ мальчикъ, находившійся въ ученьи у переплетчика. Лекція Гумфри-Девн такъ на него подѣйствовала, что онъ почувствовалъ въ себѣ призваніе къ наукѣ, и сталъ просить у профессора, какъ милости, права посѣщать его лабораторію. Сначала войдя въ эту лабораторію, онъ, только ничтожный помощникъ работающихъ въ ней, моеть реторты и колбы, подаетъ ту или другую банку... но мало по малу, вглядываясь въ производство работъ и изслѣдованій, началъ читать книги химическаго содержанія, усердно занимаясь, учась безъ устали, онъ просить у профессора позволенія и самому дѣлать нѣкоторые опыты и работы. Работы его тонки и отчетливы, въ нихъ ясно проявляется талантъ, на него обращается вниманіе, и вотъ изъ рукъ молодаго экспериментатора являются одно за другимъ многоразличныя открытія и черезъ нѣсколько лѣтъ ученикъ переплетчика преобразовываетъ цѣлую отрасль физики—ученіе объ электричествѣ. Нужно ли говорить, кто былъ этотъ бывшій переплетчикъ, кто былъ «лучшимъ открытіемъ Гумфри-Девн», по явнѣтельному выраженію одного академика? Читатели наши, конечно, знаютъ, что это исторія Фареда...

Мартенсъ посвящаетъ цѣлую главу своей статьи описанію экскурсій, которыя были предприняты членами ассоціаціи, но мы не считаемъ важнымъ останавливаться на нихъ подробномъ описаніи. Скажемъ только, что онъ сопровождался цѣлымъ рядомъ официальныхъ обѣдовъ, музыкальныхъ вечеровъ, баловъ и кон-

пертовъ. Всѣ эти экскурсіи были, по словамъ Мартенса, организованы такъ, что представляли значительный интересъ для ученыхъ натуралистовъ и антикваріевъ, онѣ одновременно представляли чрезвычайно пріятныя развлеченія для публики. Всѣ корпораціи окрестныхъ городовъ и университетовъ, также какъ и богатѣйшіе изъ окрестныхъ землевладѣльцевъ наперерывъ приглашали къ себѣ ученыхъ гостей. Стоило только тому или другому пріѣзжему заявить свое желаніе участвовать въ той или другой экскурсіи, стоило ему только внести свое имя въ длинныя списки, заключавшіе въ себѣ по сту и по полтора имени, и къ его услугамъ тотчасъ появлялись экипажи, проводники, приглашенія на завтраки и обѣды. Между прочимъ одна изъ экскурсій была въ древній городъ Сент-Андрю, находящійся вблизи отъ Дунди. Городъ этотъ—Монпелье Шотландіи и преимущественно ученый; въ немъ не существуетъ никакой промышленности. Университетъ въ Сент-Андрю существуетъ съ 1411 года, и вмѣстѣ съ нимъ въ городѣ находится множество учебныхъ заведеній и публичныхъ училищъ, между которыми особенно замѣчательна мадрасская коллегія, устроенная въ 1831 году на иждивеніи одного изъ питомцевъ сент-андрюсскаго университета, Андрю Белля, который, обогатившись торговыми оборотами въ Индіи, пожертвовалъ на учрежденіе этой коллегіи 1.500,000 франковъ. Въ коллегіи этой 800 молодыхъ людей получаютъ полное образованіе, вполне даровое, или въ исключительныхъ случаяхъ, за весьма ничтожную годовую плату. Другое весьма значительное учебное заведеніе, изъ цѣлага ряда ихъ въ Сент-Андрю носятъ названіе коллегіи Сан-Сальвадора.

Кромѣ всего, о чемъ мы уже говорили, муниципалитетъ города Дунди озаботился открытіемъ въ началу сессіи двухъ выставокъ: сельско-промышленной и цвѣточной. Количество и красота цвѣтовъ, плодовъ, растений и овощей, собранныхъ въ Baster Park'ѣ было, по словамъ Мартенса, просто изумительно, особливо, если принять во вниманіе, что Дунди лежитъ подъ 56° сѣверной широты, и что время жатвы наступаетъ тамъ только въ сентябрѣ, что небо рѣдко проясняется надъ страной, а самые лучи солнца какъ-бы лишены въ значительной степени своего свѣта и теплоты. Сколько труда и искусства необходимо было, чтобы все это выростить! Положимъ, богатые землевладѣльцы многое выростили и въ своихъ теплицахъ, гдѣ стекла защищали все это прозабательное богатство отъ суровыхъ вліяній воздуха, а каменный уголь доставлялъ ему то количество тепла, въ которомъ ему отказывало солнце, но рядомъ съ общедоступною находилась выставка исключительно произведеній, выращенныхъ рабочими, на которой встрѣчалось весьма не мало замѣчательныхъ растительныхъ экземпляровъ, особенно между фуксіями, спажниками и семействомъ папоротниковыхъ растений.

Заканчивая свое описаніе научнаго праздника въ Дунди, Мартенсъ говоритъ: «Не знаю, достигъ ли я того, что мое описаніе одного изъ ежегодно повторяющихся торжественныхъ научныхъ

собраній, дало вѣрную объ нихъ идею французскимъ читателямъ? Но, еслибы у насъ знали, до какой степени эти собранія поучительны и блестящи, то вліяніе ихъ должно было бы отразиться и на насъ. Для тѣхъ, кто, чуждый предразсудковъ узкаго и исключительнаго патріотизма, смотритъ на науку, какъ на творческое дѣло всего человѣчества, а на ея успѣхи и открытія, какъ на важнѣйшія явленія исторіи, присутствовать, и такъ-сказать, принимать участіе въ дѣлѣ умственной работы великой націи представляетъ несравненно большій интересъ, нежели наблюденіе политическихъ событій чужаго народа, слѣдъ которыхъ весьма часто такъ быстро исчезаетъ. Благодѣянія, оказываемыя человѣчеству наукою, отличаются прочнымъ и устойчивымъ характеромъ, завоеванія ея — вѣчны. Время не уничтожаетъ ихъ, а освѣщаетъ. Кто взмѣнилъ видъ земли и человѣческую участь? Конечно, небольшая группа людей, безпрестанно мѣняющихся, которыхъ называютъ обыкновенно мыслителями и научными дѣятелями. Труды этой-то группы, накопаясь отъ начала вѣковъ, подчинили силы природы дѣламъ человѣка, и разогнали грозныя признанія, окружавшіе его колыбель. Благодаря этой традиціи ученаго труда, этой непрерывающей мыслящей работѣ, родъ человѣческій, освобождаясь постоянно отъ того бессильнаго ничтожества, въ какомъ онъ явился въ міръ, съ тѣмъ вмѣстѣ и прогрессивно преобразуется, возвышаетъ все болѣе и болѣе свое человѣческое достоинство и хотя и медленно, но вѣрно стремится къ тому умственному и нравственному идеалу, каковыя проявится онъ въ то еще отдаленное отъ насъ время общаго, міра и счастья — время, самая мысль о которомъ представляется намъ пока еще въ смутныхъ и тусклыхъ очертаніяхъ, такъ-какъ обращающаяся въ нашей сумрачной и жалкой дѣятельности, мы просто лишены способностей для яснаго различенія желательнаго будущаго».

Научная почва, прибавимъ мы отъ себя, есть та почва, на которой человѣкъ, слабый самъ по себѣ, становится сильнымъ и могучимъ, особенно, если онъ дѣйствуетъ совместно съ другими и трудъ его направленъ къ высшей человѣческой цѣли — возможно скорому достиженію возможно бѣльшаго блага возможно бѣльшаго числа людей. Жалокъ народъ, неимѣющій ни средствъ, ни досуга для своего просвѣщенія; еще жалче такой, который, обладая для этого всякими средствами, не умѣетъ съ ними совладать. Въ обоихъ случаяхъ невѣжественный народъ безсознательно отнимаетъ у самаго себя всякую счастлиую будущность; но какъ назвать преступленія тѣхъ частныхъ людей и отдѣльныхъ личностей, которые, созная всю необходимость п пользу для своего народа, изъ среды котораго сами они вышли и составляютъ, такъ-сказать, плоть отъ плоти его и кость отъ кости его, обладая порою, вслѣдствіе исключительно-счастливыхъ для себя лично обстоятельствъ, возможностью поднимать уровень народнаго образованія, вмѣсто того тормозятъ всякіе

пути, благодаря которымъ только и возможно прощиваніе въ самне темные закоулки міра — тихаго и яснаго свѣта знанія и истины, главнѣйшій смыслъ которыхъ — полнѣйшее освобожденіе человѣка?

Н. Кинъ.

О НАШИХЪ ХУДОЖЕСТВАХЪ И ХУДОЖНИКАХЪ.

Покуда годовая стрѣлка обходила свой кругъ на часахъ общественной жизни и мы спѣшили какъ можно больше надѣлать всякаго важнаго и пустаго дѣла — спорили, волновались, терли надежды и опять ихъ ловили, получали чины и предостереженія, брали въ лоттереи билеты и не брали изъ лоттерей выигрышей; покуда мы умилялись зрѣлищемъ всемірнаго міра на парижской выставкѣ, знаками почетнаго легіона на фракахъ родныхъ экспонентовъ и отечественнымъ поросенкомъ въ трактирѣ Корещенко... покуда ружья Шаспѣ «чудотворно» очищали эту спертую атмосферу спокойствія и тишины, — пока все это совершалось — что дѣлали наши художества? Живы ли они были, и если живы, то чѣмъ питались и дышали? Художества, какъ извѣстно, составляютъ цвѣтъ жизни. Посмотримъ же, какіе соки для этихъ цвѣтовъ дала жизнь въ послѣднее время...

Была пора, когда на академической выставкѣ, какъ на макарьевской ярмаркѣ, каждый годъ производились художественные обороты въ огромныхъ размѣрахъ; когда филантропическій откупъ и не менѣе благодѣтельный бумажникъ одного чиновнаго мецената золотымъ и депозитнымъ дождемъ проходили надъ нивой нашихъ художествъ, вращая картины и портреты, изваянія и рисунки; когда цѣлыя поколѣнія художниковъ притупляли свои карандаши и рѣзцы и истирали кисти, торопясь удовлетворить ветерпѣливыхъ заказчиковъ: каждому, разбогатѣвшему на водкѣ барину, требовалась галерея, а такъ-какъ этотъ животворный источникъ Ипокрены обладалъ свойствомъ дѣлать свои чудеса съ быстротою выстрѣловъ чудотворныхъ ружей, то оставалось спѣшить и заgrabать деньги, заgrabать деньги и спѣшить...

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданье старины глубокой!

Со смертью вдохнотельнаго откупа и нарожденіемъ холоднаго авцаза, сбытъ произведеній искусства началъ уменьшаться и выставки картинъ, почти безъ всякой надежды на вниманіе потребителей, разсыпались и разбрелись по заламъ общества «поощренія» (хорошо поощреніе безъ откупа!) художниковъ, по ко-

мнѣтамъ артистическаго клуба, магазина Бегрова и увы! всего болѣе по мастерскимъ самихъ «поощряемыхъ» художниковъ!... Спросъ рѣшительно не соответствуетъ болѣе предложенію...

Слоняюсь я по студіямъ столичнымъ —
Художникамъ известнымъ и отличнымъ,
И, находя рядъ цѣлыхъ галлерей
У каждаго, отъ оконъ до дверей,
Прискорбное я постигаю чувство
Поборниковъ искусства для искусства!

Картины по старому есть, но ихъ не покупаютъ по старому. Даже «Вяжну Тараканову» — лучшее произведеніе послѣдняго десятилѣтія русской живописи, купилъ только недавно московскій купецъ, и то уже по смерти Флавицкаго, напрасно ожидавшаго великодушнѣйшей руки, которая вынесла бы этотъ памятникъ его славы изъ мастерской и оставила пачку ассигнацій, чтобы переселить въ южное тепло разлагавшіяся въ петербургскихъ туманахъ легкія... Художникъ долженъ былъ малевать иконы, чтобы жить...

Я самъ видѣлъ образъ на желтомъ фонѣ, надъ которыми онъ сидѣлъ согнувшись, блѣдный и исхудалый, въ своей студіи, а изъ угла глядѣла, заломивъ руки, погибающая и уже никому ненужная Тараканова... И пускай бы еще хоть обезпечивали эти работы матеріальную жизнь, какъ тѣ подряды, которые розданы на извѣстный московскій храмъ «заслуженнымъ профессорамъ» академіи! Такъ нѣтъ! Здѣсь — сухой хлѣбъ, а тамъ — цѣлыя состоянія, десятки тысячъ! и даже не за *свои* труды, но за одно право на трудъ. Это современное примѣненіе концессій на постройку желѣзныхъ дорогъ къ искусству довольно остроумно, и я не могу не подѣлиться одною изъ легендъ, ходящихъ по этому поводу въ стѣнахъ академіи, по художественнымъ вручкамъ — всюду, гдѣ еще говорятъ объ искусствѣ... Я даже предлагаю ее, какъ сюжетъ для драматическаго представленія, въ 125-ти картинахъ, и такъ-какъ пьеса должна быть, для болѣе художественности, написана стихами, то вотъ, между прочимъ, какая бы въ ней могла быть, по моему мнѣнію, картина:

«Не сошлись въ цѣвѣ, или голъ на выдумки хитра».

Театръ представляетъ комнату «заслуженнаго профессора» Барытонова. Ему предстоитъ поставить 125 фигуръ по подряду и въ срокъ, обезпеченный контрактомъ. Преклонный контрагентъ сидитъ погруженный въ задумчивость и ерошитъ свой парикъ. Столовые часы чикаютъ.

Барытоновъ.

Благодаря профессіи,
Хоть и забылъ писать,
Добылся я концессіи —
Фигуръ сто двадцать пять

Одинъ намалевать.
 Дѣта мои премонни —
 Безъ зрѣнья, какъ тутъ быть?
 Вакханки отъ Мадонны я
 Не въ силахъ отличить.
 Но семьдесятъ наличнѣйшихъ
 Мнѣ тысячъ надо взять!
 За третъ могу отличнѣйшихъ
 Ребятъ я принавать,
 И, получивъ квитанцію,
 Умру спокойно... Что жь,
 И Рафаэлю-Санціо
 Писала молодѣжь!

Входитъ Филъ (молодой художникъ 40 лѣтъ).

БАРИТОНОВЪ.

А, очень радъ! Садитесь.
 Скажите, какъ бы намъ —
 Въ цѣнѣ...

ФИЛЬ.

Все пополамъ.

БАРИТОНОВЪ.

Ай, юноша! стыдитесь!
 Съ фигуры сто рублей.

ФИЛЬ.

По двѣсти.

БАРИТОНОВЪ.

Ей же, ей,
 Себѣ дороже — съ тономъ...

ФИЛЬ.

Прощайте! вашъ съ поклономъ.

БАРИТОНОВЪ (*удерживаетъ его за фалды*).

Берете полтораста?

ФИЛЬ.

Нѣтъ!

БАРИТОНОВЪ (*выпускаетъ фалды*).

Такъ прощайте! basta!

(*Расходятся съ разныхъ стороны, потрясая руками*).

Зритель пребываетъ въ неизвѣстности: сойдутся ли они, или сойдется съ кѣмъ другимъ новый Рафаэль... Сказываютъ, однако, будто молва донесла пассажъ до кого-то повнше и надѣется, что авось-либо работа раздастся по частямъ и за половинную цѣну, къ общему благополучію работниковъ и заказчика... Опа-саются одного, что такъ-какъ старческія слезы сильны, а сердце не камень, то могутъ еще и разжалобить...

Молодѣжь, между тѣмъ, не бросаетъ кистей, и, по пословицѣ, «хоть денегъ ни гроша, да слава хороша», идетъ-себѣ подѣ сѣрой непогодой по прямой и доброй дорогѣ. Бытовныя картинны (жанры) и виды (пейзажи) все больше и замѣтнѣе выбираются на путь положительной правды и простоты. Народная жизнь, съ ея будничными дырявыми горемъ, не пугаетъ *своею нехудожественностью* даже академію, и вотъ уже смерть коровы — трагическій по-своему эпизодъ этой жизни, допущенъ на послѣдней академической выставкѣ. Жаль только, что взялась за него рука неопытная, и не только отчаяніе крестьянской семьи, окружившей въ хлѣбѣ свою дорогую издыхающую бурбунушку, выражено каррикатурно, но и самая героиня трагедіи вышла неудачно. Больничная сцена, другого художника, съ болѣзненнымъ впечатлѣніемъ только-что оконченной операціи, достигаетъ болѣе своей дѣли... У третьяго — беззубый чтець, у котораго на лицѣ, по выраженію Гоголя, черти горохъ молотили, собирается освѣжить свой одурманенный вычитываемъ мовъ понюшкою табаку, а съ губъ такъ и сыпятся мелко и часто бросаемыя безъ передышки слова... Это совсѣмъ живой человекъ. Далѣе, раскольникъ, въ чистой и хорошо-обставленной избѣ, спорить съ священникомъ... А тамъ идетъ изъ бани запарившаяся до апоплексіи семья мелкаго чиновника, съ вѣнниками подѣ мышкой и предчувствіемъ цѣлаго самовара жиденькаго чаю впередъ. Вотъ мглистое, холодное, осеннее утро надѣ Москвою-рѣкою; на берегу лежитъ вытасненное изъ воды тѣло утопленницы, съ зацѣпившемъ его осокою и тиной; вороны свачуть и лакомо садятся подлѣ, а полицейскій солдатъ, въ сѣрой шинели въ накидку, на бревнѣ покуриваетъ изъ короткой трубочки, и смотритъ, какъ на вазенное добро, которое ему приказано стеречь, на этотъ безотрадный трупъ... Наконецъ, еще драма, хотя и не столь отчаянная, изображена мастерски въ одной фигурѣ: старикъ, учитель рисованья, ждетъ начала урока. Въ богатой комнатѣ, на столѣ, онъ разставилъ свои носы и глаза, выточилъ и разложилъ карандаши... бархатное кресло придвинуто къ столу — все готово, недостаетъ только ученика, а можетъ быть и ученицы. Старикъ ждетъ, и судя по напряженно-сосредоточеннымъ губамъ и по взгляду, устремленному съ укоризною на дверь, ждетъ нестерпимо долго... рука его упирается рейсфедеромъ на столъ, и во всей фигурѣ видна тяжелая внутренняя борьба — борьба между нуждою и оскорбленнымъ чувствомъ. Эта, какъ и двѣ предыдущія картины — произведенія кисти того Перова, который такъ знаменательно началъ «нѣсколько лѣтъ назадъ «первымъ чиномъ сына дьячка», продолжалъ «похоронами крестьянина», и къ величайшему недоумѣнію въ ихъ ожидающихъ отъ него большого бытоваго художника, вдругъ, неизвѣстно по какой странной прихоти, выставилъ теперь, рядомъ съ названными превосходными работами — «Мадонну у моря житейскаго». Еслибъ мнѣ не было положительно вѣвѣстно, что г. Перовъ сохранилъ въ совершенной цѣлости

свое зрѣніе, то я готовъ былъ бы подумать, что онъ ослѣпъ, выставя столь жалкую, нелѣпую композицію: тутъ и бруньевскій цыганскій типъ Мадонны, безъ черепа, и ребѣнокъ, непохожій ни на что, и змія, обвивающая ноги, и клочокъ подобія мутной и никуда негодной воды; словомъ, тутъ все, кромѣ искусства, самобытности — кромѣ г. Перова! И неужели это не случайная, болѣзненная прихоть художника, отъ которой онъ самъ покраснѣеть? неужто найдется хоть одна недоброжелательная рука, способная толкать по этой ложной и мертвой дорогѣ такое здоровое, правдивое дарованіе и потопить еще одинъ русскій талантъ во мракѣ мистицизма? Потеря Перова для нашего *мыслящаго* искусства была бы очень опутительна: оно только-что начинаетъ приобретать права гражданства въ ряду академическихъ его регламентацій, и положительные таланты ему особенно необходимы...

Извѣстный художникъ быта, въ другомъ проявленіи, Соколовъ (И. И.), прислалъ изъ Малороссіи, гдѣ поселился, нѣсколько прелестныхъ картинокъ: 'собиранье вишенъ дворовыми дѣвушками; ребятишки, пойманные въ кражѣ гороха и проч. Сколько во всемъ этомъ солнца, прозрачнаго воздуха и свѣжести въ фигурахъ и группахъ! Точъ въ точъ въ очеркахъ Тургенева! Къ тому же разряду освѣжающей легкой живописи надо отнести и счастливую деревенскую сцену г. Попова: дѣти, ловящія бабочекъ въ полѣ. Милыя фигурки ихъ такъ и дѣлятся на золотистомъ фонѣ лѣтнаго полудня и нивы.

«— Вотъ такъ искусно сдѣлано! слышалъ я отъ мужичковъ, оставившихся передъ картинкою (она выставлена въ огнѣ магазина Бегрова). Не даромъ и деньги большія берутъ: какъ есть въ житѣ ребятишки балуютъ!

Преобладаніе быта не устранило, однакоже, и появленія картинъ историческихъ (какъ ихъ принято называть). Обходя разныя притчи о велблудѣ и богачѣ, похожемъ на г. Саріотти въ оперѣ г. Сѣрова, о Пилатѣ, раздирающемъ ризы такъ точно, какъ ихъ раздираютъ автеры на александринскомъ театрѣ, о Святославѣ, трижды жалимомъ змѣемъ (три программы на заданную тему), укажу на лучшія картины по этой части: одну г. Худякова — «Кандіоты, ожидающіе въ пещерѣ прихода Аркадіона», и другую г. Бронникова — «Венеціанскіе мозаисты передъ судомъ совѣта трехъ». Вѣроятно, пришлось бы упомянуть еще и о третьей — «Первые провозвѣстники воскресенія», г. Гэ, еслибы, но важнымъ-то таинственнымъ причинамъ, картина эта не была неожиданно скрыта отъ нечестивыхъ глазъ Петербурга, какъ плодъ запретный, и еще неожиданнѣе не была, вслѣдъ за тѣмъ, открыта для благонаправныхъ очей московскихъ... Но на открытіе картины г. Гэ не было ни экстренныхъ приглашеній, ни поѣздовъ съ угощеніями, и потому петербургскіе жители ея не видѣли. Правда, появилась фотографія ея въ огнѣ у Бегрова, но она мнѣ показалась такою странною, что я не берусь судить по ней о картинѣ. Могу сказать одно, что сочиненіе весьма

эксцентрично, и расположеніе къ эффектности, проявившееся фигурой Іуды въ знаменитой «Тайной вечери» того же художника, бросается еще болѣе въ глаза въ фигурѣ Магдалины, которая идетъ уже до того стремительно, что почти летитъ по картинѣ; а распущенные покровы и волосы даже дѣлаютъ ее нѣсколько похожею на летучую мышь... по крайней мѣрѣ, на фотографіи.

Многіе упрекали и картину г. Худякова въ аффектаціи: движенія группъ и выраженія лицъ показались преувеличенными; но это едва-ли такъ. Кто знаетъ ближе югъ, съ его чрезмѣрными, на наши глаза, блескомъ неба и жаромъ солнца, съ естественною живостью и картинностью позъ, театральностью жестовъ, тотъ не найдетъ тутъ ничего невѣрнаго. Прибавьте къ этому необыкновенную напряженность ожиданія — въ глухой пещерѣ, безъ пищи и почти безъ надежды на спасеніе, и вы поймете, почему эти растрепанные, полунагія женщины, эти оборванные старикъ и дѣти ринулись такимъ потокомъ къ выходу на свѣтъ, завидѣвъ спасительный дымъ и плывущую точку «Аркадіона». Священникъ съ высоко поднятымъ крестомъ въ рукѣ — единственнымъ средствомъ, какое у него было, чтобы поддерживать падавшія силы несчастныхъ — первый завидѣвъ спасителя и, полный почти безумнаго вдохновенія, указываетъ на него народу: «я вамъ говорилъ, кажется, произносить онъ: — что Богъ насъ не оставитъ!» Теплый дневной свѣтъ льется въ пещеру и вдаль таетъ синее море...

«Мозаисты» г. Бронникова горавдо безотрадиѣ. Въ мрачномъ залѣ, мрачныя фигуры трехъ верховныхъ судей, только что совершившихъ казнь надъ однимъ изъ братіи мозаистовъ, заподозрѣнныхъ въ вольнодумствѣ, велятъ палачу въ маскѣ открыть передъ глазами приведенныхъ на судъ изломанный на колесѣхъ трущ ихъ товарища: «то же будетъ и съ вами!» говорятъ ихъ неумолимыя лица. Зрѣлище это дѣйствуетъ различно на присутствующихъ: юноша со страхомъ и невольнымъ омерзениемъ, отскакиваетъ назадъ, зрѣлый мужъ мрачно и истительно смотритъ передъ собою, старикъ — почти равнодушно: «не все ли равно, какъ ни умереть!» Выраженія (экспрессіи) не оставляютъ ничего желать; исполненіе (письмо) мастерское, а вся декоративная часть — обстановка судилища, одежда и всѣ подробности, обличаютъ добросовѣстное и глубокое изученіе предмета на мѣстѣ. Отъ всего этого такъ и дышитъ Венеціею, тою Венеціею, которая до сихъ поръ глядитъ своею грозною республикою и совѣтами своихъ «десяти» и «трехъ» съ завѣтныхъ стѣнъ и въ темныхъ переходахъ палаццо Дожей... Г. Бронниковъ представляетъ собою рѣдкій образецъ художника, предавашагося искусству для искусства: онъ живетъ постоянно въ Италіи, роется въ ея памятникахъ и преданіяхъ, и хотя всѣ лучшія изъ написанныхъ картинъ: «Помпейскія бани», «Горацій, читающій свои оды у Мелената» и «Мозаисты» навѣрное никѣмъ не будутъ куплены — онъ не впадаетъ на сюжеты въ спросѣ... Такое самоотверженіе равно аскетизму,

особенно когда средствъ матеріальныхъ едва хватаетъ на существованіе...

Портретная живопись, побитая фотографіей, почти совсѣмъ выродилась въ залахъ академіи, которыя прежде сплошь заростали ею, какъ бурьяномъ... Теперь этихъ господъ, закуривающихъ трубку, куццовъ съ полупудовыми медалями на шеѣ и офицеровъ, взирающихъ на горы Кавказа, съ рукою на шашкѣ—уже не найдете: ихъ изображаетъ солнце, а краскамъ предоставлены лишь немногіе и скромные оригиналы. Благодаря этому, портретъ начинаетъ выбираться опять на нуть художественнаго произведенія, и костюмскія произведенія г. Тютрюмова уступаютъ мѣсто мастерской живописи г. Келлера. Молодой художникъ этотъ, въ глазахъ истинныхъ знатоковъ и цѣнителей, уже нѣсколько лѣтъ назадъ обѣщалъ сдѣлаться у насъ лучшимъ портретистомъ, безъ пособія бархатныхъ платьевъ и бобровыхъ воротничковъ — портретистомъ людей, не съ одними особенностями ихъ наружныхъ чертъ, но и характеровъ, какимъ, наконецъ, явился на судъ публики въ портретѣ вн. Горчакова. Портретъ этотъ, писанный во весь ростъ — истинно-замѣчательное произведеніе: по разительному сходству — онъ превосходная копія подлинника, а по глубокому выраженію и осмысленности лица, по сочивенію позы, всѣхъ подробностей фона и по изящѣйшему, мягкому и сочному письму — отличная картина. Князь изображенъ стоя, въ черномъ фракѣ, у стола, опираясь на свой дѣловой портфель — поматый и послужившій (изумительно реально, но какъ бы мимоходомъ переданный художникомъ); онъ смотритъ прямо (фасомъ) и собирается говорить.

Женскіе портреты, вѣрнѣе — дамскіе, послѣ извѣстной петербургскому прекрасному полу своею любезностью кисти г. Маларова, нашли себѣ не менѣе любезнаго, но болѣе добросовѣстнаго ревнителя въ дарованіи г. Маковского; и, несмотря на то, что у него некрасивыхъ дамъ также не встрѣчается — работы его гораздо вѣрнѣе натурѣ, а по колориту и оконченности неизмѣримо выше блѣдныхъ и плоскихъ подмалевокъ моднаго его предшественника. Русская природа не уступаетъ своего права русской жизни, и художники видовъ (пейзажисты) отдають его сѣренькой, плоской, но своеобразно-пѣвительной красотѣ, и свои изученія, и свои краски. Родныя поля, нивы, березняки и болота, скученныя деревушки, съ стоячею водою и утвями, заметвенныя снѣгомъ дороги, съ обозами и почтовыми тройками, все это находится для себя холсты и является на всѣхъ выставкахъ живописи. Правда и добросовѣстность нерѣдко соединяются въ этихъ произведеніяхъ съ поэзіею, и тогда эти русскія картины выходятъ такъ же замѣчательны и оригинальны, какъ въ лучшихъ произведеніяхъ нашей изящной литературы. Довольно будетъ указать на образцовый видъ бар. Клодта: плоская даль, взгорье, водица сбоку — и тамъ за этою невысокою, русскою, широко разлегшеюся горой, багровая полоса заката, отъ которой

горить еще весь багровый верхъ холма... Этотъ свѣтъ такъ силенъ, что глаза, долго устремленные на него, переносятъ потомъ съ собою темное пятно на окружающіе предметы, какъ это бываетъ, когда поглядишь прямо на солнце. И для достиженія такого эффекта не пожертвовано правдою ни въ одной части картины, чѣмъ постоянно злоупотребляетъ г. Айвазовскій. У того свѣтъ — самая сильная сторона картинъ, но только не добивайтесь, какими неправдами онъ достигается: отъ золотыхъ закатовъ въ Малороссіи, деревьямъ приходится окрашиваться зеленою ярь-меданкою, какой никогда въ природѣ не бываетъ! изъ-за солнечнаго, точно ослѣпительнаго, блеска стѣны зданія (гдѣ-нибудь въ Сорренто), горы обрезаются на крошечный мракъ и т. п. Я не говорю уже о картинахъ просто непозволительныхъ, какъ «Взрывъ монастыря Арбадіона», гдѣ зарево исполненскаго пожара нисколько не мѣшаетъ ночи оставаться совершенно голубою на самомъ близкомъ разстояніи, между тѣмъ, какъ она стала бы для глазъ черною; не говорю объ этой человѣческой лапшѣ, призванной изображать сѣчу... Фигуры, да еще многочисленныя, и въ сильныхъ движеніяхъ, недалеко ушли здѣсь отъ тѣхъ «устриць», какими ихъ окрестилъ Брюлловъ на первыхъ произведеніяхъ начинавшаго еще мариниста.

Съ нѣкоторыхъ поръ, г. Айвазовскій довольно часто пишетъ зиму, и это ему почти всегда удается. Изображеніе какой-нибудь одной стихіи, и притомъ въ опредѣленномъ, такъ-сказать, однотонномъ проявленіи, какъ нельзя болѣе ему свойственно: бушующее ли то море, или тихая сонная гладь воды, ровное ли пространство золотой степи, или пустырь, убѣленный снѣгомъ... На академической выставкѣ, большой зимній видъ съ бѣгущими тройками и взметаемою копытами снѣжною вьюгой, которая остановилась въ тихомъ и ясномъ морозномъ воздухѣ, очень цѣленъ и безъ всякой фальши. Жаль только, художникъ уже черезчуръ не поспешилъ этими тройками и выпустилъ ихъ такое множество, что онѣ копытаются и мечутся во всѣ стороны какъ муравьи, и того ли гляди столкнутся лбами. Странный турниръ этотъ, словно вызванъ воспоминаемъ о прославившемся въ свое время стихотвореніи г. Случевского, тѣмъ, что въ немъ жуи тоже сталкивались лбами...

Но если г. Айвазовскому остается обанчивать свое художественное странствованіе, или тоже сталкиваться поминутно съ самимъ собою, то преемнику его, г. Боголюбову, повидимому, еще предстоитъ много пути, и притомъ въ разныя стороны. Такъ, между прочимъ, искусство передачи фигуръ, послѣ настойчивыхъ усилій, далось въ значительной степени этому трудолюбивому ученику А. Ахенбаха, и легко-исчерпываемыя море и небо, когда они ничѣмъ не населяются на картинѣ, надолго могутъ послужить фономъ для разнообразныхъ произведеній его кисти. Случайная и неблагодарная въ художественномъ отношеніи задача — передать

морскія баталіи Петра 1-го, разрѣшена г. Боголюбовымъ небезъинтересно, благодаря единственно оживленію фигурами. Вообще нельзя не сознаться, что примѣръ и руководство передовыхъ европейскихъ художниковъ служатъ гораздо лучшею школою для нашихъ живописцевъ, чѣмъ официальные образцы родной академіи, будь она не тѣмъ помянута. Къ счастью, искусство наше пошло своею собственною, такъ-сказать, частною дорогою, а казенный трактъ академическій только выводитъ его до дверей этого храма золотыхъ медалей и званій всякаго рода; затѣмъ его объѣзжаютъ такъ же точно, какъ провалившееся шоссе...

Р. С. Пишущему эти строки сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія и о нашихъ русскихъ художникахъ въ Римѣ—лицомъ, недавно посѣтившимъ ихъ мастерскія. Нельзя сказать, чтобы положеніе этихъ затворниковъ римскихъ студій показалось посѣтителю блестящимъ: нетолько до классическаго вутежа давно минувшихъ лѣтъ, когда широкія славянскія натуры совершали публичныя купанья среди бѣла дня на площади въ фонтанѣ Треви, имъ даже не до утѣхъ отъ посѣщенія заѣзжихъ соотечественниковъ. Послѣдніе если и удостоиваютъ заходить въ ихъ невѣдомые углы, то чаще всего дѣлаютъ это такъ, чтобы удостоиваемый это чувствовалъ. И въ самомъ дѣлѣ, рѣдкому художнику не удастся «почувствовать» ихъ одолженій: одному заказанный и невзятый, *по внезапному отъѣзду*, портретъ постоянно шевелитъ признательность въ сердцахъ, другому — группа, картина, тоже заданная на тѣму и тоже *нечаянно позабытая* въ мастерской... Только англичане — эти чудаки, веразличающіе имень, берутъ за чистыя деньги, что есть получше во всѣхъ студіяхъ, не исключая и нашихъ... Но съ нѣкоторыхъ поръ деньги и англичане вездѣ переводятся, стало быть, и на эту поддержку слишкомъ разсчитывать не надо. Безъ общества, почти безъ покровительства законовъ, въ городѣ, въ которомъ даже нѣтъ русскаго посольства, русскому артисту мнѣеюслепимъ представляется въ Римѣ то невѣроятное время, когда о немъ пеклись попечители, а пещись имъ помогали помощники, когда былъ цѣлый посольскій штатъ, предполагалось даже купить палатку Барберини и превратить въ римскую русскую академію на манеръ той, какую французы завели въ палатку Медичевъ. Тогда ли было не брать общественныхъ ваннъ въ фонтанѣ Треви, и теперь ли помышлять о нихъ!...

Стѣсненное положеніе не отнимаетъ, однако, по словамъ очевидца, бодрости у горсти русскихъ, посвятившихъ себя усовершенствованію въ искусствѣ: въ ихъ мастерскихъ онъ нашеть немало работъ, начатыхъ, оконченныхъ и обонченныхъ... не считая оставленныхъ на память — чтобы, значитъ, чувствовали. Такъ, напримѣръ, у г. Верещагина онъ видѣлъ: большую картину — «Ночь послѣ распятія»; и его особенно удивляло творилъ пейзажъ: «Посѣщеніе заключеннаго его семействомъ»,

гдѣ задумчивое и сосредоточенное выраженіе лица и положеніе всей фигуры семьянина, обручоннаго женою и дѣтьми, производитъ трогательное впечатлѣніе... Тутъ же, въ сторонѣ, двое закоренѣлыхъ преступниковъ спокойно и весело играютъ съ котенкомъ. Кромѣ того, г. Верещагинимъ написаны: помпеза, уличная сцена (двѣ римскія дѣвочки), заготовленъ эскизъ всемірнаго потопа и нарисовано множество прекрасныхъ акварелей. О дѣятельности и дарованіи этого художника посѣтителю отзывается съ большою похвалою.

Извѣстный живописецъ нашъ Якоби (авторъ «Смерти Робеспьера», «Пересыльныхъ» и проч.) написалъ опять потрясающую сцену, и на этотъ разъ изъ жизни русскихъ госпиталей: фельдшеръ хлопочетъ около арестанта, какъ видно только-что подвергшагося тяжкому тѣлесному наказанію; а грубая и жестокая фигура въ военномъ платьѣ, можетъ быть, распорядитель экзекуціи, стоитъ тутъ же; въ сторонѣ — блѣдный, безжизненный, но исполненный мысли обливъ человека на койкѣ; къ нему подходитъ священникъ, которому онъ машетъ отрицательно рукою... На стѣнѣ — официальный портретъ того времени, къ которому еще относятся тѣлесныя наказанія...

Г. Чистяковъ пишетъ огромныхъ размѣровъ (не менѣе послѣдняго дня Помпея) и со множествомъ фигуръ, «Смерть Мессалины». Книга Кудрявцева «Женщины по Тациту» служила, между прочимъ, однимъ изъ источниковъ, руководившихъ художника въ его трудѣ.

Молодой ваятель Лаврецовъ сдѣлалъ группу мальчика и дѣвочки, съ замѣчательнымъ искусствомъ и съ необъясненной простотой и граціей. Не обошелся и онъ безъ «памяти»: какой-то отечественный марсъ украсилъ навсегда своимъ бюстомъ и его мастерскую...

Выходитъ, что галереи русскихъ художниковъ простираются отъ Невы до Тибра и грозятъ задавить своими размѣрами — въ ихъ виновниковъ своего происхожденія! Не устремляйте же, господа, такъ самоотверженно вашихъ дарованій на непроеводительную дѣятельность по части художествъ, когда такъ легко и прибыльно можно производить по разнымъ другимъ частямъ — безъ малѣйшаго самоотверженія и вовсе безъ всякихъ дарованій!

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ЖИТЕЛЬ.

КРИТИКА.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ НАУКИ И КНИГА УЗВЕЛЯ.

(«Исторія индуктивныхъ наукъ отъ древнѣйшаго до настоящаго времени», сочиненіе *Вильяма Узвеля*, въ трехъ томахъ. Переводъ съ англійскаго изданія *М. А. Антоновича* и *А. Н. Пыпина* съ примѣчаніями и біографическими приложеніями, составленными по нѣмецкому изданію *Литтрова*. Тома I. II. Т. III-го I-й выпускъ).

Появленіе въ переводѣ столь замѣчательнаго произведенія, какъ «Исторія индуктивныхъ наукъ» Узвеля *, не можетъ быть оставлено безъ вниманія, и мы считаемъ необходимымъ при этомъ указать читателямъ, какъ общее значеніе предмета, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, такъ и мѣсто, занимаемое недавно умершимъ авторомъ въ ряду писателей по этому предмету.

Во вторую четверть XIX вѣка взглядъ на исторію и на ея задачи существенно измѣнился: войны и церковныя событія, дворцовыя интриги и дипломатическія комбинаціи, исчерпывавшія почти все содержаніе исторіи до того времени, стали терять свое значеніе для историковъ, которые видѣли около себя богатую и вліятельную буржуазію, были современниками или ближайшими преемниками значительныхъ національных движеній, и чувствовали на себѣ и на всемъ окружающемъ, что скромная книга или публицистическая статья иногда важнѣе оффиціальнаго закона, что за формами признанныхъ ученій и обрядовъ волнуется общественная мысль съ ея знаніями, вѣрованіями и предразсудками, что подъ однообразіемъ администраціи остается нетронутымъ разнообразіе расъ, языковъ, образа жизни, обычаевъ и привычекъ. Появились исторіи цивилизаціи, исторіи культуры, исторіи философіи и т. д. Старались донскаяться подъ пестрою наружностью событій настоящей струи исторіи челоувѣчества. Конечно, при этомъ обратились преимущественно къ литературѣ. Оно было естественно, потому что писали ученые, горожане, болѣе или менѣе удаленные отъ народа, кабинетные

* Имя это пишется и выговаривается весьма разнообразно. У насъ во многихъ трудахъ принято передавать его такъ, какъ сдѣлали и ереводчики, но другіе находятъ, что *Whewele* будетъ вѣрнѣе Юэль.

труженникъ, проведеніе бѣльшую часть своей жизни между книгами, и для которыхъ жизнь внѣ литературы представляла мало интереса. Время еще не пришло тогда, какъ оно еще не пришло повидимому и теперь, писать исторію всего человѣчества, обращать вниманіе на огромное большинство, безграмотное, погруженное въ предрасудки, заваленное безъисходнымъ трудомъ и нуждою, чуждое дипломатіи и государственныхъ соображеній, непонимающее ни богословскихъ, ни метафизическихъ тонкостей, незнающее ни любимой трагедіи, ни знаменитой картины. Эту толпу оставили пока въ сторонѣ, отмѣчая по временамъ періоды голода, разоренія, эпидемій, увеличеніе нищеты или взрывы массъ, скоро раздавленныхъ; такъ поступали средневѣковые писатели, такъ поступали и новые историки первой половины XIX вѣва. Захотѣли писать исторію цивилизованнаго меньшинства, и это уже былъ значительный шагъ впередъ противъ прежней исторіи Людовиковъ, Иннокентіевъ, Фердинандовъ и Лютеровъ.

Естественно представлялся вопросъ: въ чемъ же существенно заключается исторія цивилизованной части общества? Отвѣтъ на этотъ вопросъ взятъ былъ историками первой половины XIX вѣва изъ ихъ современности. Это была эпоха поэзіи, и философіи. Въ Германіи Гёте и Шаллеръ были какими-то лучезарными божествами, которымъ можно было только поклоняться и развѣ допускатось колебаніе относительно того: кто изъ нихъ выше, божественнѣе? Подъ ними копошился цѣлый міръ полубоговъ: лириковъ, эпиковъ, драматурговъ, при чемъ романтики школы Тьена и Ламоть-Фува изъ кожи лѣзли, чтобы поставить своихъ божковъ-титановъ хоть поближе къ божествамъ перваго разряда. Во Фравціи титаны завоевали Олимпъ: древніе боги псевдоклассической эпохи были низвергнуты; лирика Гюго и Ламартина была знаменитостью дня; публика толпилась въ театрахъ посматрѣть Трибулэ и Антони; французскій романъ завоевалъ Европу съ меньшимъ сопротивленіемъ, чѣмъ оружіе Наполеона. Въ Англіи кончалась эпоха Байрона, Мура, Вальтеръ-Скота, Уордсворта. Понятно, что историки, видѣвшіе около себя такое значеніе изящной литературы, придали ей особенное значеніе и во всѣхъ періодахъ. Но изящная литература имѣетъ свои особенности, которыя дѣлаютъ ея возвышеніе или паденіе несомнѣемъ вѣрнымъ признакомъ возвышенія или паденія цивилизаціи. Отдѣлка ея значенія невыдѣлка отъ отдѣлки красоты формы, и самый компетентный писатель, если его произведенія не отличаются красотой формы, не можетъ занять высокое мѣсто въ глазахъ безпристрастнаго историка изящной литературы; точно также какъ за самыми безнравственными флюгерами въ области убѣжденій приходится этому историку признать иногда немаловажное значеніе. Развитіе чуткости къ красотѣ формы и способности воплотить схваченное впечатлѣніе въ патетическую рѣчь не зависитъ ни отъ умственного развитія, ни отъ гражданской доблести. Мы видѣли и *видимъ* примѣры, что самыя дрянныя во всѣхъ отношеніяхъ личности

могутъ быть замѣчательными художниками слова, висти, рѣзда или мелодіи. Причины, разбивающія въ отдѣльной личности эту особенность, составляютъ еще нерѣшеную психологическую задачу. Тѣмъ менѣе можно рѣшить вопросъ о томъ, почему въ данную эпоху являются разомъ нѣсколько оригинальныхъ личностей, обладающихъ этою особенностью. Замѣтите, я не говорю о массѣ подражателей, вызываемыхъ на свѣтъ Божій привычкою читать чужія произведенія, и восхищаться ими. Но почему одновременно жили Виргилій, Гораций, Тибуллъ, Овидій? Почему Гёте, Шиллеръ, Байронъ были современниками? Эти вопросы можно рѣшить лишь путемъ предположеній, которыя здѣсь во всякомъ случаѣ были бы неумѣстны.—Но идемъ далѣе. Если великія эпохи художественнаго творчества намъ неясны, какъ *сльдствія*, то можно ли ихъ признать за важныя историческія *причины* послѣдующаго развитія?—Едва-ли. Вычеркните изъ всеобщихъ исторій (во многихъ это и не упоминается до сихъ поръ) страницы о великихъ поэтахъ временъ Октавія-Августа и спросите себя, много ли изъ послѣдующихъ явленій въ исторіи человѣчества сдѣлаются вамъ отъ этого неясными? Разберите современную жизнь въ ея главныхъ проявленіяхъ и скажите, сколько элементовъ ея восходитъ къ поэтамъ начала нынѣшняго вѣва?—Главное и незамѣнимое вліаніе художниковъ окажется въ томъ, что они воплощаютъ расплывающіяся стремленія и отвлеченныя мысли въ безсмертныя личности, понятныя большинству, и такимъ образомъ ставятъ современные вопросы на болѣе опредѣленную почву, помогая и потомству легче разгадать ихъ эпоху помощью небольшого поэтического произведенія, чѣмъ при посредствѣ многочисленныхъ трактатовъ. Но, дѣлаясь однимъ изъ лучшихъ историческихъ *материаловъ* (я въ этомъ отношеніи только замѣчательные художники и даютъ *хорошій* матеріалъ), искусство отъ этого не пріобрѣтаетъ болѣе историческаго *вліанія*. Это вліаніе существуетъ, не спорю, потому что воплощеніе нравственнаго идеала, или отвлеченной идеи въ художественный идеалъ усиливаетъ дѣйствіе первыхъ на общество. Но степень вліанія искусства на исторію такъ неопредѣленна, что придать ему преобладающее значеніе въ развитіи цивилизаціи невозможно. Здѣсь не мѣсто распространяться объ этомъ вопросѣ, но достаточно, если читатель выведетъ изъ предшущаго заключеніе, что періоды процвѣтанія изящной литературы, то-есть одновременное появленіе нѣсколькихъ замѣчательныхъ художниковъ слова, не могутъ быть рационально приняты за главныя эпохи исторіи человѣческой цивилизаціи, что прекрасная *форма* можетъ быть лишь названа цвѣтомъ этой цивилизаціи, но исторіку приходится обратить особенное вниманіе на *содержаніе*.

Новая школа историковъ начала нынѣшняго вѣва прекрасно поняла это и не затруднилась надъ вопросомъ, въ чемъ именно должно искать содержанія литературы. Конечно, въ филосо-

фіи. Это была эпоха, когда во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ самые многочисленныя слушатели толпились около кафедръ Шеллинга, Гегеля, ихъ учениковъ и противниковъ. Это было время, когда Кузенъ, Жюфруа, Мэнъ-де-Биранъ создавали французскій психологическій эклектизмъ. Не мудрено, что философія вошла самымъ важнымъ элементомъ въ исторію цивилизаціи. Подъ формами культа, подъ формулой догмата, подъ постановленіемъ юриста, въ мнѣіи, въ загадкѣ, въ обычаѣ, въ государственномъ переворотѣ стали псвать *идею*.

Но затѣмъ представился вопросъ: откуда явилась та или другая идея въ ея многообразныхъ формахъ въ данную эпоху? Какъ рождаются, перерождаются и умираютъ идеи? Каково ихъ преемство?—На это должна была отвѣчать и отвѣчала исторія философіи. Германия и Франція дали цѣлую литературу весьма замѣчательныхъ произведеній въ этой области, и она сдѣлалась единственною живою областью философіи съ того времени, когда рухнулъ авторитетъ нѣмецкаго идеализма, а французскій эклектизмъ поддерживался лишь вліяніемъ административной централизаціи преподаванія въ рукахъ *одного* университета. Но мало по малу развивается сознаніе, что въ этой замѣчательной литературѣ есть важный недостатокъ: она односторонняя. Возьмите исторію философіи Гегеля, Кузена или Риттера, замѣчательныя исторіи философіи Целлера или Брандиса, исторію новой философіи Куно-Фишера, исторію неоплатонизма Вотрдъ или Самона, исторію схоластики Горб (Hauteau) или Русслъ—вездѣ вы найдете одинъ характеръ: философы разнаго времени являютя кагими-то уединенными мыслителями, принимающими одинъ отъ другаго традицію метафизическихъ системъ, живущими лишь со своею мыслию, незнающими почти ничего о современной имъ жизни, о ея вопросахъ, о ея борьбѣ, о ея предразсудкахъ. Это какой-то выдѣленный изъ всего остальнаго міръ. Но если философія имѣла *только* такое развитіе, то она должна имѣть столь же мало мѣста въ исторіи человечества, какъ исторія аскетовъ, передающихъ одинъ другому свою келью въ удаченной виллѣ, и размышляющихъ о тщетѣ всего мірскаго. Лишь то вліяетъ на жизнь, что воспринимаетъ жизнь и въ ней участвуетъ. Если въ обычаѣ и въ учрежденіи, въ сказкѣ и въ догматѣ, въ дѣйствіяхъ личностей и въ переворотахъ государствъ проявилась *идея*, то эта идея не была лишь традиціею, передававшеюся отъ одного мыслителя другому, а имѣла свои корни въ общественной жизни; системы же философовъ были лишь наиболѣе яркими воплощеніями ея. Имѣя замѣчательныя исторіи *философскихъ системъ*, мы еще имѣли только часть дѣла, нужнаго для исторіи цивилизаціи. *Преемство идей* осталось неоткрытымъ. Мы имѣемъ ихъ выраженіе, систематическое соглашеніе, но мы не имѣемъ ихъ развитія изъ ихъ истинныхъ началъ, изъ жизни общества. Мы не имѣемъ исторіи *философіи*.

Посмотрѣвъ внимательно на то, что входило въ составъ ны-

нѣшнихъ исторій этого предмета, дѣйствительно можно усомниться въ томъ, можно ли допустить какое либо значеніе въ исторіи человѣчества этому содержанію. Атомы Демокрита в Ѳмеомеріи Анаксагора, получеловѣченныя идеи Платона, демоническій міръ неоплатониковъ, споръ реалистовъ и номиналистовъ, предуглавленная гармонія Лейбница, *я и не я* или безусловное новыхъ идеалистовъ — всѣ эти метафизическія созданія *безспорно* великихъ умовъ представляются такою дикою фантазіею, если ихъ взять самихъ въ себѣ, такими чуждыми для жизни отвлеченностями, что всякому свѣжему человѣку невольно представится вопросъ: допустивъ даже, что это весьма интересные продукты мышленія, допустивъ, что они представляютъ *между собою* генетическую связь, что за связь существуетъ между этими абстрактами и человѣческою исторіею? Не могла ли бы послѣдняя развиваться совершенно такъ же, какъ она развилась, еслибы даже вовсе не существовало этихъ почтенныхъ мыслителей? Неужели всего существеннѣе въ цивилизаціи именно то, что доступно нѣсколько особенно развитымъ единицамъ, разсѣяннымъ на пространствѣ нѣсколькихъ тысячелѣтій? Если философія заключается *только* въ этомъ, то за что ей давать въ разумной исторіи человѣчества болѣе мѣста, чѣмъ подвигамъ завоевателей или хитростямъ дипломатовъ?

Конечно, философія заключается не только въ этомъ. Метафизическія созданія суть лишь удобнѣйшія формы, въ которыхъ концентрируются и передаются міросозерцавія, живущія въ обществѣ, переплетенныя со всѣми его отправлениями, составляющія нераздѣльный съ жизнью общества элементъ этой жизни. Въ философскихъ системахъ эти міросозерцавія получаютъ свое завершеніе: дѣльную, стройную форму, согласованную во всѣхъ своихъ частяхъ и формулированную въ правильное ученіе. Лишь въ этой формѣ они проявляютъ болѣе полное вліяніе на жизнь, но форма *философскихъ системъ* есть лишь *орудіе* этого вліянія, причина же вліянія лежитъ въ *содержаніи міросозерцавія*. Это содержаніе иногда долго бродитъ въ отрывочныхъ чертахъ въ разныхъ проявленіяхъ жизни, но частямъ округляется различными *мыслителями*, пока оно попадетъ въ голову *философа*, способнаго облечь его въ систему. Исторія философіи должна заключать исторію развитія и перерожденія міросозерцавія какъ въ ихъ содержаніи, такъ и въ формѣ, и въ эту исторію философіи (еще принадлежащую будущему) философскія системы съ ихъ преемствомъ войдутъ лишь какъ элементъ. Будемъ благодарны историкамъ философіи послѣдняго времени, что они разработали *этотъ* элементъ для нѣкоторыхъ періодовъ въ высшей степени добросовѣстно и полно, но не забудемъ, что задача будущаго другая, что для исторіи цивилизаціи человѣчества важнѣе содержаніе міросозерцавія, чѣмъ ихъ форма. Она принадлежитъ единицамъ, содержаніе же составляетъ важнѣйшее достоинство общества; въ немъ выражается, на сколько общество въ дан

ную эпоху *понимает* природу и жизнь, а не только бессознательно ими пользуется.

Въ чемъ же состоятъ содержаніе общественныхъ міросозерцаній? Это самый важный вопросъ для исторіи цивилизаціи, и онъ долженъ быть рѣшенъ прежде, чѣмъ можетъ быть построена эта исторія надлежащимъ образомъ. Матеріаль этого содержанія долженъ быть для этого собранъ и возможно тщательно обработанъ въ спеціальной историческомъ развитіи прежде, чѣмъ исторія идей можетъ получить свою окончательную форму.

Въ міросозерцаніи человѣка входятъ два элемента: представленія и понятія, полученные по преданію или вслѣдствіе вліянія окружающаго средн и *не проверенныя* критикою, а также представленія и понятія, проверенныя критикою, доказанныя, *продуманныя*. Первые составляютъ область привычекъ, обычаевъ, вѣрованій; вторыя — область знаній и теоретическихъ взглядовъ. Теоретическіе взгляды сводятся на болѣе или менѣе ловкое и стройное соглашеніе прочихъ областей точно также, какъ обычай разлагается при внимательномъ изслѣдованіи на привычки и на вѣрованія. Затѣмъ эти три элемента: привычки, вѣрованія и знанія и остаются, какъ основное содержаніе человѣческихъ міросозерцаній, коренящееся въ человѣческихъ *потребностяхъ*, развивающееся въ самыя разнообразныя формы человѣческой культуры и человѣческой мысли: въ дѣятельность государственнаго человѣка, какъ въ мечтанія аскета; въ промышленное предпріятіе, какъ въ лирическую пѣснь; въ жизнь островитянина Отанги, какъ въ систему философа.

Итакъ, въ основу исторіи цивилизаціи должны лечь: исторія привычекъ, исторія вѣрованій, исторія знаній. Для первыхъ двухъ представляется матеріаль еще въ сложномъ видѣ, какъ исторія культуры, исторія костюма, исторія религій и т. п. Въ этомъ сложномъ видѣ построеніе исторіи почти невозможно и на всѣ попытки на этомъ пути можно смотрѣть лишь какъ на весьма почтенные труды, подготовляющіе будущія работы, но весьма далеки отъ того, чѣмъ должны быть эти работы въ послѣдующее время. Недостатокъ сохранившагося матеріала, можетъ быть, и никогда не дозволить въ этихъ областяхъ сколько нибудь стройной исторіи, развѣ успѣхи психологій дадутъ возможность приложить здѣсь выводной методъ въ такой мѣрѣ, которая теперь была бы совершенно ненаучна. Нѣсколько легче обработка исторіи знаній, тѣмъ болѣе, что издавна матеріаль этой области собирался спеціалистами и представляется частью въ видѣ литературныхъ произведеній, частью, какъ основа ремесленныхъ производствъ, продукты которыхъ или остались подлежащими прямому наблюденію, или засвидѣтельствованы исторически. Третьмъ мыслителямъ принадлежитъ заслуга сближенія философскаго построенія съ современнымъ состояніемъ знаній: Аристотелю, Франсису Бэкону и Огюсту Контю. Только первому это удалось воплотить, потому что онъ былъ для своего времени оди-

наково самымъ всестороннимъ ученымъ и самымъ глубокимъ философомъ. Бэконъ стоялъ, въ отношеніи знаній, ниже уровня замѣчательнѣйшихъ своихъ современниковъ и могъ только построить методику теоріи знанія; за то онъ указалъ на важность исторической обработки литературы. Конту недоставало философскаго взгляда, но онъ первый рѣзко и опредѣлительно выставилъ философское значеніе исторіи науки и попытался содать эту исторію на философскихъ началахъ.

Различеніе знанія отъ науки есть вопросъ терминологическаго опредѣленія и въ рѣшеніи его далеко не всё согласны, но, кажется, вѣрнѣе всего разсматривать науку, какъ *помятое* знаніе, какъ сумму отвѣтовъ на *опредѣленно* поставленные вопросы. Всё наши дѣйствія основаны на нѣкоторыхъ знаніяхъ; едва ли ихъ можно отрицать въ нѣкоторой степени у животныхъ, по крайней мѣрѣ, высшихъ; они необходимы дикому, стоящему на низшей ступени человѣческаго развитія; они входятъ въ кругъ представленій самаго невѣжественнаго ремесленника. Наука начинается съ той минуты, когда мы *понимаемъ* основу нашихъ дѣйствій, когда между элементами техническаго процесса и его результатомъ въ умѣ нашемъ образовалась раціональная связь. Поэтому исторія науки основывается преимущественно на литературныхъ памятникахъ; она также не имѣетъ нужды обращаться къ весьма глубокой древности, такъ-какъ лишь опредѣленная степень цивилизаціи обуславливаетъ возможность *научнаго* пониманія явленій. Ограниченіе программы дѣлаетъ составленіе исторіи науки легче, чѣмъ исторіи знаній и, слѣдовательно, болѣе удобнымъ подготовленіемъ къ послѣдней. Большее затрудненіе здѣсь представляется лишь въ томъ отношеніи, что исторія науки требуетъ строгаго отдѣленія послѣдней, какъ отъ области отрывочныхъ знаній, такъ и отъ области философскихъ построеній.

До сихъ поръ исторія науки почти вовсе не имѣла мѣста во всеобщей исторіи, между тѣмъ уже давно чувствовали, что послѣдней недостаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чего-то для раціональной связи предъидущихъ событій съ послѣдующими. Для краткости укажу только на два пункта.

Издавна во всеобщихъ исторіяхъ и въ исторіяхъ средних вѣковъ входилъ отдѣлъ, подъ названіемъ «вліяніе крестовныхъ походовъ». Онъ былъ болѣе или менѣе обширенъ, смотря по остроумію и многословію писателей, но вообще неудовлетворителенъ. Потребность его являлась изъ очевидной разницы въ жизни Западной Европы XIII-го вѣка отъ жизни той же Европы въ XI-мъ. Умозаключеніе было просто: измѣненіе произошло; современно ему совершался рядъ событій, о которыхъ много писано въ хроникахъ, романахъ и стихотвореніяхъ; должно быть — такъ заключали — измѣненіе было слѣдствіемъ *этого* ряда событій. Остается только узнать, какъ эта связь обуславливалась въ частности. Но тутъ всё остроумныя соображенія

оказывались недостаточными; они объясняли одну часть происшедшаго измѣненія, но оставляли нетронутыми много другихъ сторонъ его. Знакомство съ мусульманскимъ міромъ, какъ мы его знаемъ *теперь*, не могло имѣть цивилизующаго вліянія. Мусульманскій міръ былъ тогда иной, говорятъ намъ: владичество арабовъ было владичествомъ цивилизованнаго народа. Но крестоносцы, какъ оказывается, встрѣтили уже не арабовъ, а сельджуковъ, слѣдовательно, объясненіе не подходитъ. Правда, говорятъ объяснители, но арабы вліяли чрезъ испанскіе калифаты, и ихъ сочиненія, переводимыя въ многочисленныхъ еврейскихъ школахъ, послужили для пробужденія Европы. Оказывается, что крестовые походы были сами по себѣ, а рядомъ съ ними шло другое, весьма сильное вліяніе, о которомъ мало писали, но которое оказалось очень значительнымъ, а въ отношеніи цивилизаціи преобладающимъ. Но посмотримъ, что же дали Европѣ арабы? Отвѣчаютъ: переводъ древнихъ авторовъ, которыхъ перевели сами съ сирійскаго языка. Конечно, гимназистъ, а пожалуй, и студентъ, прочитавъ, или выслушавъ, подобное общее изрѣченіе, немедленно представитъ себѣ Энеиду, и Илиаду, Метаморфозы Овидія и Идилліи Феокрита, драмы Софокла и комедіи Теренція въ многочисленныхъ переводахъ съ греческаго и латинскаго на сирійскій, съ сирійскаго на арабскій, и такъ далѣе до латинскаго. При этомъ гимназистъ или студентъ сообразитъ то, что онъ слышалъ о дурной латини среднихъ вѣковъ (съ которой его, замѣтимъ, никогда не знали), и заключитъ, что у средневѣковыхъ читателей былъ весьма чуткій вкусъ къ изящному, когда они были въ состояніи чувствовать красоты подлинныя съвозъ рядъ переводовъ, по всей вѣроятности, крайне плохихъ. Такъ-какъ объ этомъ, вообще говоря, исторія не распространяется, то избранный нами гимназистъ или студентъ такъ-таки и останется при этомъ убѣжденіи: для него *вся* древняя литература, стоящая вниманія, заключается въ поэзіи и исторіи. Если у него есть пріятель по медицинскому факультету, тотъ замѣтитъ ему, пожалуй, о Гиппократѣ и Галенѣ, да едва-ли; потому что современными медикамъ столько дѣла съ современными Кэллиерами и Фирховами, что для нихъ почти потеря времени знакомиться съ Гиппократами и Галенами. Но если упомянутый гимназистъ услышитъ эти имена, то, болѣею частью, окажется, что они ему чужды, и онъ тутъ только замѣтитъ, что въ поэзіи и исторіи въ древней литературѣ было еще кое-что. Допустимъ (совершенно невѣроятное предположеніе), что онъ заинтересовался вопросомъ и захотѣлъ справиться въ иностранныхъ книжкахъ, переводили ли арабы этихъ новыхъ для него знаменитостей. Онъ откроетъ тогда, что арабы *вовсе* не переводили и не сообщали Европѣ *ни одного* древняго поэта, что ихъ знакомство съ древнимъ міромъ ограничивалось все такими же знаменитыми незнакомцами (для него, гимназиста), какими-то Аристотелями, Евели-

дами, Архимедами, Гиппархами, Птолемеями. Когда же жили эти господа? Конечно, въ вѣкъ Перикла или въ вѣкъ Августа: на сколько помнитъ ученикъ, другихъ славныхъ вѣковъ древней литературы не было. Увы, ни тотъ, ни другой *славный* вѣкъ не дали ни одного изъ этихъ учителей арабовъ и средневѣковой Европы. Они жили позже Перикла: одни въ вѣкъ презрѣнныхъ діадоховъ, другіе во второй періодъ имперіи. Лишь имя Аристотела, учителя Александра-Великаго (только этимъ, большею частію, извѣстнаго), звучитъ знакомѣе: гимназистъ, пожалуй, слышалъ, что Аристотель *сочинилъ* сценоплизмы (за что не разъ подвергался проклятіямъ юнаго поколения). Студентъ даже знаетъ болѣе: что реалисты и номиналисты, въ своихъ спорахъ ссылались на Аристотеля, какъ метафизика. Но тутъ является противорѣчіе. Какъ же это? Первое, и самое знаменитое столкновение номиналистовъ съ реалистами, это столкновение Ансельма съ Росцелиномъ, а оно предшествовало знакомству Европы съ арабскими писателями. И опять, при внимательномъ разсмотрѣніи, оказывается, что арабы ознакомили Европу не съ логическимъ и метафизическимъ ученіемъ Аристотеля (съ нимъ были знакомы плохо, но все-таки были знакомы прежде), а съ его трудами по *наукамъ*. И всѣ авторы, которыхъ узнала Европа при посредствѣ арабовъ, были *ученые*. И замѣчательное измѣненіе въ образѣ мыслей средневѣковаго цивилизованнаго общества въ XIII-мъ вѣкѣ должно быть приписано распространенію древней *науки* путемъ арабовъ, такъ что не худо бы историкамъ замѣнить параграфъ: «вліяніе крестовыхъ походовъ» болѣе широкимъ заголовкомъ. Измѣненіе средневѣковой жизни въ упомянутый періодъ остается совершенно неяснымъ и непонятнымъ ученику, если ему не будетъ указано хотя въ главныхъ чертахъ: 1) что вліяніе арабской цивилизаціи на европейскую заключалось самымъ существеннымъ образомъ во вліяніи *научномъ*, и что *только* въ этомъ отношеніи арабы были посредниками между древнимъ и новымъ міромъ; 2) что калифаты можно считать цивилизованными и дать имъ видное мѣсто въ исторіи человѣчества, не потому въ особенности, что въ нихъ строились великолѣпные дворцы и мечети, а потому, что въ нихъ были первостепенныя для своего времени *школы*, и что въ нихъ была развита *наука* въ вѣкоторыхъ своихъ частяхъ; 3) что въ древнемъ мірѣ, кромѣ поэзій, исторій и метафизики, мысль работала еще на другомъ полѣ, и труды ея на этомъ полѣ были *самыми плодотворными* для послѣдующей цивилизаціи, что это поле была *наука*, и что безъ пониманія древней науки мы будемъ имѣть совершенно ложное понятіе о древней Греціи и о древнемъ Римѣ, въ особенности же о ихъ вліяніи на послѣдующее развитіе человѣчества. И такъ разсмотрѣніе *одной* эпохи исторіи привело насъ къ необходимости внести разсмотрѣніе исторіи науки въ три разные періода жизни человѣчества.

Но перейдемъ къ болѣ новому времени. Между средневѣковой жизнью и второю половиною XVII-го вѣка ничего почти не осталось схожаго. Это не только измѣненіе; это основной переворотъ (конечно, я все говорю о цивилизованномъ меньшинствѣ). Историкамъ приходится образовать здѣсь отдѣлъ столь же крупный, какъ тотъ, который заключается между древнимъ и новымъ міромъ. Но гдѣ поставить предѣлъ? Какое событіе здѣсь особенно замѣтно? Какое, если и мало важное само по себѣ, характеризуетъ всего ярче происшедшій переломъ? Ромуль-Августулъ самъ по себѣ ничто, но онъ *послѣдній* реальный слѣдъ древняго всемірнаго преобладанія Рима, и потому 476-й годъ остается почти общепризнанною точкою раздѣла: онъ заключаетъ событіе, *символизирующее* собою существеннѣйшее явленіе періода: замѣну древняго міра средневѣковымъ. Но какое событіе играло подобную роль въ слѣдующій переломъ исторіи? Конечно, не паденіе Византіи, остававшейся уже давно въ сторонѣ отъ общечеловѣческой исторіи. Да и не походъ Карла VIII въ Италію—событіе, еще недавно столь любимое поклонниками политическаго равновѣсія: союзы, военныя соперничества и стремленія къ завоеваніямъ составляютъ весьма сходную черту въ дѣяніяхъ всѣхъ завоевателей и въ исторіи всѣхъ государствъ Востока и Запада; союзы становятся обширнѣе и крѣпче, войны измѣняютъ характеръ вслѣдствіе увеличенія удобствъ въ международныхъ сношеніяхъ, и въ смѣшеніи національностей; слѣдовательно, новый характеръ политическихъ союзовъ съ конца XV-го вѣка надо искать не въ нихъ самихъ, а въ томъ, что увеличило удобство сношеній между европейскими государствами и сблизило членовъ европейскаго общества между собою. Идея политическаго равновѣсія есть одно изъ многочисленныхъ явленій, происшедшихъ вслѣдствіе сближенія европейскихъ націй, но лишь тотъ историкъ можетъ придавать этому явленію преобладающій символизмъ, для котораго политическія сношенія кабинетовъ составляютъ самый важный элементъ исторіи. Эта точка зрѣнія, кажется, принадлежитъ минувшему.

Историки, придающіе большее значеніе цивилизаціи, замѣчаютъ, что переворотъ совершился преимущественно въ области мысли. Авторитетъ папъ и римскаго ученія, составляющій главный предметъ мысли и главный центръ дѣйствія въ средніе вѣка для приверженцевъ, какъ и для ихъ противниковъ, какъ-бы внезапно теряетъ этотъ характеръ. Этотъ авторитетъ стараются *обойти*, оставить въ сторонѣ, предоставляя ему, какъ Византіи въ средніе вѣка, жить пока живется, но давая ему все менѣе и менѣе мѣста въ жизненныхъ интересахъ. Какое же явленіе наиболѣе символизируетъ это измѣненіе? «Конечно—говорятъ нѣмцы—реформація. Это былъ взрывъ новой мысли, пробужденіе новой Европы. Новая Европа создана Лютеромъ и нѣмцами». Что реформація была протестомъ противу папской власти, это безспорно, но на сколько она характеризовала *новую Европу*—

вопросъ весьма сомнительный. Разбирать его подробно здѣсь не мѣсто, но уважу на немногія обстоятельства. Реформаціонное движеніе дало обширную литературу, но пусть современный критикъ сравнитъ ее съ одной стороны съ современною *руководящею* литературою, съ другой — съ произведениями Тома Аквина-та, Жерсона и другихъ средневѣковыхъ учителей послѣдняго періода, и пусть добросовѣстно сознается, не есть ли это скорѣе возрожденная схоластика, чѣмъ предшественница мысли нашего времени? Остался ли хотя *одинъ* живой вопросъ изъ этой полемики, или вся она перешла на столько же въ невозвратно минувшее, на сколько въ него ушли вопросы, раздѣлявшіе Абелара и Бернара Клервуйскаго и, еще далѣе, Августина и Пелагія? Сказать, что этотъ *второй* переворотъ мысли совершился въ позднѣйшій періодъ. Въ такомъ случаѣ и реформація была только предшественницею новаго времени, а не символизируетъ его. Да и посмотрите, какъ недолго жила она настоящей жизнію: не прошло ста лѣтъ послѣ смерти Лютера, какъ католическій кардиналъ заключалъ союзъ съ протестантскимъ королемъ противъ католическаго императора въ войнѣ, имѣвшей мотивомъ религію. Прочтите литературу того времени тридцатилѣтней войны, перебѣгавшихъ изъ лагера въ лагерь, и спросите себя: много ли роли религіозное движеніе играло въ этой литературѣ, весьма распространенной? Вы иногда остаетесь въ недоумѣніи, и авторъ и герой принадлежатъ въ какому исповѣданію, но во всякомъ случаѣ находите въ нихъ совершеннѣйшій индифферентизмъ относительно папскихъ буллъ или мѣтвъ Лютера. Реформація была послѣднею попыткою возрожденія средневѣковаго міра, послѣднимъ яркимъ явленіемъ кончающейся исторіи, какъ нѣкоторые римскіе императоры II-го и III-го вѣка или какъ римскіе юристы и неоплатонники были представителями послѣдней борьбы древняго міра съ средневѣковымъ; и они вносили безсознательно въ свою дѣятельность новые элементы, неумолимо-разрушавшіе старое, но боролись за *старое*. И реформація пропикалась все болѣе и болѣе новою жизнію, и она способствовала паденію предшествовавшаго ей строя, но она имѣла въ виду *поддержатъ* и *возродитъ* этотъ строй въ его существенныхъ основаніяхъ. Она боролась за *старое*.

Историки романскихъ народовъ придаютъ особенное значеніе эпохѣ, такъ-называемаго, *возрожденія*, то-есть ближайшаго знакомства съ греческими оригиналами въ XV-мъ и XVI-мъ вѣкахъ, и поклоненія, почти религіознаго, древнему міру. Безспорно, и это было очень видное явленіе протеста противу авторитета среднихъ вѣковъ, для которыхъ древній міръ, какъ міръ языческій, былъ предметомъ осужденія. Особенно ярко же высказался этотъ протестъ потому, что онъ высказался прежде и громче всего въ Италіи, около папскаго престола, и даже нашелъ сочувствіе въ личностяхъ нѣкоторыхъ папъ. Но и поклоненіе

древности не было особенно характеристическим отличіем новѣйшаго міра отъ средневѣковаго. Всякому извѣстно, каково было значеніе въ схоластикѣ не говорю уже Аристотеля или Платона, а какихъ-нибудь дрянныхъ остатковъ древней мысли: сограшеній, извлеченій и т. д. Чтѣ было на лицо въ монастыряхъ XI-го или XII-го вѣка, то читалось со страстью, изучалось до галлюцинацій, переписывалась на сколько было возможно. Да было-то въ этихъ монастыряхъ черезчуръ мало древнихъ порядочныхъ авторовъ. И на сколько уваженіе къ древнему міру осталось непобѣдимо въ средніе вѣка подѣ грудю пролягавъ, которыми осыпали этотъ побѣжденный міръ, видно изъ того обстоятельства, что легенда о *четвертомъ* учителѣ западной церкви, Григоріи Великомъ, говорила, что онъ вымолилъ изъ чистилища душу Траяна, тогда какъ въ бретонской легендѣ св. Кадовъ молится о душѣ Виргилія. Жажда изучать древній міръ даже была тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе его знали. Тамъ предполагали мудрость неисчерпаемую, знаніе всеобъемлющее. Эпоха возрожденія была лишь *продолженіемъ стараго*. Внезапно могло быть удовлетворено страстное желаніе прочесть греческихъ учителей и тѣмъ легче, что незадолго передъ тѣмъ изобрѣтенное книгопечатаніе позволяло размножать и распространять эти предполагаемыя сокровища мысли съ чрезвычайнымъ удобствомъ. Вся цивилизованная Европа бросилась на этотъ источникъ — и разочаровалась. Даже для главнаго учителя средних вѣковъ, для Аристотеля наступила пора забвенія: послѣ Казабова (1590) и Дювала (1619), впродолженіе 172 лѣтъ, до Булэ (1791) его сочиненія не имѣли *ни одного* изданія.

И въ самомъ дѣлѣ, новая Европа почувствовала, что ея жизненные вопросы совершенно отличны отъ вопросовъ древняго міра. Его остатки вошли въ новую жизнь или такъ, какъ обломки древнихъ храмовъ и дворцовъ входили въ средніе вѣка въ постройку римскихъ католическихъ церквей, или какъ пища входитъ въ составъ живого организма. *Цѣльнаго* изъ него ничего не осталось. Юристы все изучаютъ римское право (въ его самой жизненной формѣ, въ формѣ юстиніановскихъ сводовъ), но государственный строй передовыхъ народовъ Европы гораздо болѣе восходитъ къ варварскимъ виттенгагемотамъ и судамъ перовъ, чѣмъ къ постановленіямъ преторовъ, а еще болѣе опирается на теоріи естественнаго права и на факты политической экономіи, совершенно неизвѣстныя древнимъ. Профессора философіи все возводятъ свое ученіе къ знаменитымъ именамъ Платона и Аристотеля, какъ профессора литературы все превозносятъ неподражаемыя красоты гомерическихъ поэмъ, аѳинскихъ драмъ, римской лирики; но лишь съ нѣкоторымъ напряженіемъ можно въ ученіяхъ XIX вѣка найти связь съ древнею академіею и древнимъ линеемъ: Гегель и Кольтъ, Кантъ и Локкъ, самое дальнее — Декартъ и Бэконъ — вотъ *безспорная* генеалогія для большинства мыслителей; далѣе уже

идутъ очень тонкія соображенія полумифическаго свойства. Что касается до преемства нашей изящной литературы отъ Одиссея, Эдипа, Лагушевъ или оды Меценату... то, признаюсь, самая мысль о подобномъ преемствѣ мнѣ непонятна въ области *оригинальнаго* искусства, развѣ такъ, какъ нашъ органическій міръ состоитъ изъ частицъ, входившихъ во флору и фауну временъ Аристофана. Замѣчу еще, что наши медики (впрочемъ, не во всей Европѣ) сохранили обычай писать рецепты на языкѣ учениковъ Галена, но каждый медикъ совершенно явно разсмѣялся бы надъ невѣждою, который бы серьезно спросилъ: на сколько современная медицина сохранила традицію древнихъ медиковъ; то, что и сохранилось въ ней отъ ихъ времени, прошло чрезъ критерій *новой* критики, и вошло въ новую науку на основаніи *новыхъ* наблюдений, какъ бы оно никогда и не заключалось въ древнихъ сочиненіяхъ.

Возрожденіе и реформація *не составляютъ* первой эпохи новаго времени; и то и другое принадлежитъ *старому*. Средневѣковыя формы были невыносимы для мыслящихъ людей; имъ представился случай возстановить довольно полно традицію древняго міра; они съ жаромъ бросились на этотъ путь: онъ скоро оказался совершенно непроходимымъ. Попробовали вернуться къ традиціи первыхъ вѣковъ нашей эры, до Августина и Аванасія, какъ это требовали многочисленныя сектаторы среднихъ вѣковъ: оказалось, что ни человекъ, ни народъ, ни человечество не можетъ еще разъ пережить свое прошлое. Новое время не отвернулось отъ этого прошлаго, которое хотѣли возстановить періоды возрожденія и реформаціи; оно, даже, все съ бдльшимъ уваженіемъ относится къ своему прошлому, но оно не *поклоняется* прошлому, не пытается уже *вернуться* къ нему и *научиться* отъ него; оно его *изучаетъ* для *своихъ* цѣлей, со *своей* точки зрѣнія.

Есть еще группа событій, на которую указываютъ историки, какъ на грань между средневѣковымъ и новымъ міромъ; это открытіе Колумба, Васко де-Гама и ихъ сподвижниковъ. Тутъ, безспорно, мы имѣемъ нѣчто новое; но спросимъ себя, въ чемъ оказался особенный слѣдъ этихъ событій? Въ государственномъ мірѣ все продолжало идти по старому. Колоніальныя вопросы и расширеніе круга государственной дѣятельности увеличили преобладаніе большихъ державъ надъ малыми. Голландія и Англія замѣнили въ торговомъ отношеніи Венецію, Геную и Ганзу. Колоніальныя компаніи замѣнили евреевъ и фуггеровъ. Но начала политики и международныхъ отношеній въ XVII и XVIII вѣкахъ весьма мало разнятся отъ средневѣковыхъ: тотъ же грабежъ слабого сильнымъ, то же возвеличеніе подвиговъ завоеванія, та же хищность въ политическихъ привычкахъ; даже почти тѣ же приемы дипломатіи: чѣмъ развѣнъ городовъ и провинцій на вестфальскомъ мирѣ или переходъ итальянскихъ владѣній въ XVIII вѣвѣ отъ членовъ австрійскаго дома къ бурбонскому и обратно,

чѣмъ все это разнится отъ семейнаго дѣла городовъ между синовыми Клотара I въ VI-мъ вѣкѣ? Формы нѣсколько поуточненнѣе, а сущность все та же.

Не считаю нужнымъ даже развивать мысль, что *прямою* вліяніемъ на вышнюю литературу, на богословскія ученія, на философскія теоріи или на историческіе взгляды не имѣли вовсе великія открытія XV-го вѣка.

Но они подѣйствовали косвенно и на государственный строй и на всѣ тѣ элементы цивилизаціи, которые я только-что упомянулъ, и на которые почти исключительно обращено вниманіе историковъ цивилизаціи. Прослѣдить это дѣйствіе можно только взявъ въ соображеніе элементъ, до сихъ поръ оставленный почти въ сторонѣ историками.

Открытіе дальнихъ странъ подѣйствовало сильнѣе другихъ событій, но и многія другія, менѣе замѣтныя явленія дѣйствовали ранѣе его или вмѣстѣ съ нимъ. Возбудились новыя *потребности*, и оказалось, что ихъ *нельзя* удовлетворить ни путемъ *приобрѣтенныхъ привычекъ*, ни путемъ *унаслѣдованныхъ сторованій*. Оставался только путь *знаній*. И долго цивилизованная Европа билась, отыскивая этотъ путь: она искала *знанія* въ мистическихъ заглинаніяхъ магіи, въ лабораторіяхъ алхимиковъ, въ расчетахъ астрологовъ, въ Аристотелѣ и его комментаторахъ, на соборахъ, требовавшихъ преобразованія католичества, въ нищенствующихъ орденахъ, въ проповѣди катаровъ, вальдецевъ, Виллефа, Гусса, Лютера, въ кабалѣ евреевъ и въ Тимѣ Платона. Но все это не дало ей знанія; все это оказывалось пережеваннымъ старьемъ; все это не *жило*, не удовлетворяло потребности новаго. Лучшіе умы возвращались снова и снова къ задачѣ о знаніи, толкались во всѣ двери, проводя годы въ заключеніи, умирая на крестахъ или окруженные галлюцинаціями. Привычки и преданія все заставляли рыть въ тѣхъ же янгахъ, возвращали къ тѣмъ же пріемамъ. Но вотъ возникъ изъ океана новый міръ, котораго не знало ни одно преданіе, о которомъ не говорилъ ни одинъ авторитетъ древности ни поеврейски, ни погречески, ни полатыни. Тщетно старались отыскать этотъ міръ въ преданіи: въ половинѣ XVI-го вѣка, европейская мысль привыкла къ предположенію, что она можетъ знать нѣчто *новое*, что она должна употреблять для этого *свои* средства, и что во многихъ случаяхъ всѣ авторитеты древности и среднихъ вѣковъ ей не помогутъ. Одинокимъ выступилъ скромный каноникъ съ доказательствомъ, что Птолемей (великій Птолемей!) ошибался, что земля движется. Болѣе смѣло сказалъ медикъ Карла V и Филиппа II, что Галенъ (непогрѣшимый Галенъ!) зналъ строеніе человѣка хуже, чѣмъ мы можемъ узнать это посредствомъ прямого наблюденія. И вотъ, въ началѣ XVII-го вѣка путь знанія *найденъ*. Италия, Германія, Англія, Франція одновременно выдвигаютъ могучія личности, которыя не оспариваютъ существующаго авторитета, существующаго порядка жизни, не хитрятъ, какъ итальянскіе отрицатели XVI

вѣка, не полемизируютъ, какъ сектаторы, но отмежевываютъ человеческой мысли огромную область, гдѣ авторитеты игнорируются, область, которая обходится *безъ авторитетовъ*. И рядомъ съ Галилеемъ, Бэкономъ, Кеплеромъ, Декартомъ (я упоминаю самыя крупныя имена) выступаютъ изъ самыхъ различныхъ политическихъ партій Гроцій, Мильтонъ, Гоббсъ, сходящіеся на одномъ пунктѣ: на томъ, что они возводятъ теорію права или теорію государства не къ авторитету, а къ *изученію* человеческой природы, требуя не ссылокъ, а *критики* и *собственной* изслѣдованія. Это люди *новаго* міра, предшественники современности, къ которымъ не трудно возвести генеалогію самыхъ разнообразныхъ сторонъ жизни, насъ окружающей.

Въ самомъ дѣлѣ, вдумываясь внимательно, едва-ли найдемъ какую-нибудь особенность современной Европы, которая бы не коренилась въ научныхъ приобретеніяхъ, и особенно въ стрѣхъ мысли, унаслѣдованномъ отъ начала XVII-го вѣка. Огромное экономическое развитіе, создавшее современную промышленность и торговлю, банки и акціонерныя общества, выдвинувшее буржуазію въ первые ряды государственныхъ силъ Европы, и заставившее министровъ прислушиваться къ измѣненіямъ биржевыхъ цѣнъ, опирается на успѣхи механики, физики, химіи, политической экономіи, на критику, приложенную ко всѣмъ явленіямъ природы и общества. Философскія ученія первой половины XIX-го вѣка, хотя они и увѣряли, что представляютъ развитіе чистой мысли, мистическаго безусловнаго, но были обусловлены во всѣхъ своихъ частяхъ успѣхами естествознанія, языкознанія и общественныхъ наукъ. Для рѣшенія вопроса о неграхъ въ Америкѣ, какъ для обсужденія проекта желѣзной дороги, мы должны начать съ наблюденій, какъ дѣлалъ Галилей, съ безусловнаго сомнѣнія, какъ требовалъ Декартъ, съ борьбы противъ *идоловъ* нашей мысли, какъ выражался Бэконъ. Въ какой бы то ни было области *настоящей* жизни, ссылка на авторитетъ теперь не можетъ считаться доказательствомъ, и эта привычка восходитъ къ великимъ двигателямъ науки начала XVII-го вѣка. Съ него началась *новая* Европа и вся ея исторія, весь ея современный бытъ останется непонятнымъ безъ объясненія того значенія, которое имѣло въ эту эпоху *научное* движеніе.

Можетъ быть, я нѣсколько долго остановился на этихъ примѣрахъ, но мнѣ хотѣлось выставить помощью ихъ яснѣе на видъ необходимость исторіи науки не столько для специалистовъ (эти специалисты, можетъ быть, всего менѣе нуждаются въ исторіи своей науки), какъ для историковъ *вообще*, и для людей, желающихъ *понимать* исторію. Нетолько исторія умственнаго движенія немислима безъ развитія исторіи науки, нетолько всякая исторія цивилизаціи должна заключать въ себѣ исторію науки. Но и разумная исторія политическихъ и экономическихъ явленій въ жизни человечества неизбежно обязана обратиться къ этому источнику, если хочетъ остаться разумною.

Посмотримъ же, что сдѣлано въ XIX-мъ вѣкѣ для исторіи науки вообще.

Огюстъ Контъ не только пытался внести историческій элементъ научнаго развитія въ свою позитивную философію, отождествляя историческое развитіе наукъ съ рациональнымъ развитіемъ научныхъ идей. Онъ посвящалъ этому развитію послѣдніе два тома своего курса (1841, 1842), но уже въ общемъ планѣ сочиненія, наложенномъ во второй лекціи перваго тома (1830) писалъ: «мы конечно совершенно увѣрены, что знаніе исторіи наукъ въ высшей степени важно... Поэтому мы рассмотримъ съ большимъ вниманіемъ дѣйствительную исторію основныхъ наукъ, которыя составляютъ предметъ нашего обсужденія; но мы это сдѣлаемъ лишь въ послѣдней части этого курса... разбирая общее развитіе челоувѣчества, развитіе, въ которомъ исторія наукъ составляетъ самую важную часть, хотя всего болѣе пренебреженную» (изд. 1864, I, 65). Въ 1832 году онъ предложилъ Гизо, тогда министру общественнаго обученія, основать во французской коллегіи каедру общей исторіи наукъ физическихъ и математическихъ, высказывая въ своей запискѣ отъ 29-го октября, что при современномъ состояніи мысли, «наука челоувѣческая въ ея положительныхъ элементахъ, можетъ быть разсматриваема, какъ единая, и слѣдовательно исторія ея можетъ быть понята». Далѣе Контъ говорилъ: «точное наблюденіе пути, часто не рациональнаго повидимому, которымъ шелъ послѣдовательно рядъ гениальныхъ людей съ цѣлюю приобрѣсти небольшое число точныхъ и вѣчныхъ знаній, составляющихъ область нашей современной науки, должно имѣть большую привлекательность для всѣхъ возвышенныхъ умовъ... Наконецъ, изученіе философской исторіи наукъ представляется необходимымъ элементомъ въ совокупности историческихъ изслѣдованій, представляющихъ теперь въ этомъ отношеніи основной проблѣ... Чтобы надлежащимъ образомъ соотвѣтствовать своему назначенію и принести пользу, которую онъ способенъ принести, подобный курсъ долженъ по необходимости обнимать совокупность всѣхъ основныхъ наукъ, такъ какъ въ сущности математика, астрономія, физика, химія и науки физиологическія развились всѣ вмѣстѣ и подъ взаимнымъ вліяніемъ; поэтому невозможно излагать настоящую исторію, то-есть доказать настоящую филляцію ихъ успѣховъ, наблюдая исключительно нѣкоторую часть ихъ. Безъ этого пониманія совокупности, курсъ научной исторіи стремится неизбежно къ вырожденію въ простую библиографію или въ родъ біографическихъ замѣтокъ». При этомъ Контъ указываетъ на недостатки курса Кювье объ исторіи физическихъ наукъ, недостатки, обусловленные тѣмъ, что знаменитый натуралистъ не включилъ въ свой курсъ исторію математики и астрономіи. Вліятельный министръ-доктринеръ оставилъ безъ вниманія записку и письмо Конта, и отиѣчая въ своихъ мемуарахъ впоследствии свое свиданіе съ проповѣдникомъ позитивизма, выразился съ пренебреженіемъ: «Еслибы

я и нашелъ нужнымъ основать ее (каедру исторіи наукъ), я, конечно, ни на минуту не подумалъ бы ее предоставить ему» («Memoires» III, 125).

Программы Конта еще не выполняли собственно никто, но по частямъ исторію наукъ разрабатывали многие, большею частью ограничиваясь довольно краткимъ очеркомъ. Такова диссертация Шлейффера (умершаго 1819 года) объ успѣхахъ физическихъ и математическихъ наукъ, начиная съ эпохи возрожденія, помѣщенной въ британской энциклопедіи. Таково предисловіе д'Орбиньи къ словарю естественныхъ наукъ (1842), исключающее математику. Таковъ и прекрасный очеркъ Александра Гумбольдта во II томѣ Космоса (1847), обнимающій 265 страницъ. Нѣсколько обширнѣе трудъ Поуэля (1834) объ исторіи физическихъ и математическихъ наукъ, составляющій одинъ томъ Ларднеровской энциклопедіи; но Поуэль исключалъ всѣ науки организмовъ и, кромѣ того, собственно заключилъ свое изложеніе Ньютономъ; все послѣдующее вмѣщено у него въ 28 страницъ. Несравненно замѣчательнѣе книга Аюельта: «Эпохи исторіи человечества» (1845, 46), первый томъ которой былъ прочтенъ Александромъ Гумбольдтомъ, какъ онъ писалъ автору, въ «первыя же 40 часовъ по его полученіи, не пропуская ни строчки»; но это уже не исторія науки, а попытка построить исторію цивилизаціи на исторіи науки, попытка, повторенная въ наше время довольно несовершенно, неполно и не критически Дрэперомъ, въ его исторіи интеллектуальнаго развитія Европы. Курсъ Кюве, о которомъ говорилъ Контъ въ своей запискѣ, представляетъ самую обширную обработку предмета, но не заключаетъ математическихъ наукъ, и, кромѣ того, знаменитый авторъ не успѣлъ его просмотрѣть, провѣрить критически подробности, а наданіе Мадленъ де-Сентъ-Ажи далеко не замѣнило этого невознаградимаго недостатка. Жалкая компиляція Фигье о жизни знаменитыхъ ученыхъ, которой вышло уже два тома, едва заслуживаетъ упоминанія. Въ послѣдніе годы въ Мюнхенѣ возымѣли странную идею издать рядъ специальныхъ исторій всѣхъ наукъ въ Германіи за послѣдніе три вѣка, какъ будто современная наука у одного народа можетъ быть выдѣлена изъ явленій той же области у всѣхъ прочихъ. Все это лишь матеріалъ для будущей исторіи науки. Не считаю нужнымъ упоминать труды, находящіеся еще въ самомъ началѣ, или специальные исторіи различныхъ наукъ, гдѣ, конечно, встрѣтимъ самыя важныя и замѣчательныя труды.

Вотъ приблизительно вся литература по исторіи наукъ вообще въ наше время и мнѣ остается лишь указать на трудъ Уэвеля и на его отношеніе къ этой литературѣ, въ которой онъ представляетъ, конечно, самое замѣчательное явленіе.

Недавно умершій Уильямъ Уэвель прожилъ за 70 лѣтъ профессоромъ въ Кембриджѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ лѣтъ, когда онъ отъказался отъ своего мѣста, чтобы заняться химіею. Это былъ человѣкъ, обладавшій самыми разносторонними свѣдѣніями

и въ то же время чисто англійскаго строя ума. Онъ былъ строгій ученый; его учебники по математикѣ и механикѣ произвели переворотъ въ англійскомъ преподаваніи этихъ предметовъ; и въ то же время онъ былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ проповѣдниковъ соглашенія науки и религіи. Его сочиненіе объ отношеніяхъ астрономіи и физики къ естественной теологіи (1837) въ этомъ отношеніи пользуется большою извѣстностью. Противникомъ школы Локка и Юма, защитникомъ англійскаго преданія, является онъ и въ своихъ нравственно-философскихъ произведеніяхъ, связанныхъ съ его преподаваніемъ нравственной философіи, которой кафедре онъ занималъ около 18 лѣтъ. Его философскій взглядъ есть примиреніе Бэкона, Канта и англійскаго преданія. Дуализмъ идей и фактовъ, какъ совершенно различныхъ началъ, принадлежащихъ двумъ разнымъ мірамъ, но равно важныхъ, составлялъ основу его теоріи знанія. Переводчики доказали свое совершенное безпристрастіе и свой чисто-научный взглядъ на предметъ, выбравъ для перевода сочиненіе автора, философскія теоріи котораго, на сколько намъ извѣстно, расходятся діаметрально съ ихъ воззрѣніями.

Главная заслуга Уэвеля, конечно, заключается въ двухъ его главныхъ сочиненіяхъ: «Исторія индуктивныхъ наукъ», появившагося въ 1837 году, и «Философіи индуктивныхъ наукъ, основанной на ихъ исторіи», появившагося въ 1840 г. Последнее сочиненіе въ 3-мъ изданіи распадается на двѣ половины: «Исторія научныхъ идей» и «Обновленный новый органонъ». Оба сочиненія Уэвеля находятся въ самой тѣсной связи одно съ другимъ, такъ-какъ онъ самъ говоритъ о первомъ изъ нихъ въ предисловіи къ третьему изданію, что оно представляетъ не рассказъ фактовъ исторіи науки, но основаніе для философіи науки; онъ подтверждаетъ въ введеніи къ первому тому, что оба сочиненія получены изъ изученія тѣхъ же писателей и могутъ служить другъ другу дополненіемъ. Второе сочиненіе заключаетъ исторію наукъ, на сколько эта исторія зависитъ отъ идей, первое—исторію наукъ, на сколько она зависитъ отъ наблюденій. Во второе сочиненіе, какъ элементъ его, Уэвель помѣстилъ очерки исторіи математическихъ наукъ. Конечно, для всякаго, неотносящаго, подобно Уэвелю, идеи и факты къ двумъ различнымъ мірамъ, исторія науки дѣльна лишь тогда, когда указываетъ, какъ идеи рождались изъ предшествовавшихъ фактовъ, и какъ факты открывались вслѣдствіе наблюденія, руководимаго развившеюся заранѣе идеею. Поэтому, полагаю, переводчики едва-ли не будутъ поставлены въ необходимость, для пользы своего труда, перевести и «Исторію научныхъ идей» Уэвеля. «Обновленный новый органонъ» менѣе важенъ въ этомъ отношеніи. Уэвель назвалъ свою книгу исторіею *индуктивныхъ наукъ*, но читатели, знакомые со взглядомъ Милля на индуктивный методъ, замѣтятъ, что у Уэвеля понятіе объ индукціи, ея опредѣленіе, ея предѣлы совсѣмъ иные, чѣмъ у Милля: это люди, принадлежащіе разнымъ

лагерямъ не только въ этомъ отношеніи, но почти во всѣхъ. Вслѣдствіе *своего* понятія объ индуктивной методѣ, Уэвель весьма послѣдовательно исключилъ изъ своей исторіи математическія науки, но не былъ послѣдователенъ въ томъ отношеніи, что не ввелъ психологію, политическую экономію и т. д. Онъ сознается въ этомъ въ введеніи къ первому тому, и признаетъ, что вѣрнѣе было бы назвать его сочиненіе: Исторіею главныхъ наукъ, до сихъ поръ основанныхъ на наведеніи.

Его взглядъ на исторію наукъ, какъ на введеніе къ философіи наукъ, объясняетъ и огромную неравномѣрность отдѣловъ, посвященныхъ авторомъ различнымъ наукамъ: науки неорганическаго міра занимаютъ у него почти въ шесть разъ большее мѣсто, чѣмъ науки міра органическаго, и одна группа астрономіи съ физикою болѣе чѣмъ вдвое обширнѣе всего остального. Это само собою истекало изъ основной мысли автора, который на физическихъ наукахъ имѣлъ болѣе возможности объяснить приложенія метода индуктивныхъ наукъ въ его послѣдовательныхъ ступеняхъ въ исторіи, чѣмъ онъ могъ это сдѣлать въ наукахъ организмовъ. Конечно, слѣдуетъ имѣть въ виду и то, что Уэвель наиболѣе знакомъ съ науками неорганическаго міра.

Приемъ автора таковъ: онъ пишетъ исторію каждой главной науки отдѣльно, группируя эту исторію около нѣсколькихъ эпохъ, когда совершились важнѣйшія открытія. Менѣе важные періоды онъ собираетъ около этихъ эпохъ въ видѣ *прелюдіи* и *слѣдствій* къ разсматриваемымъ эпохамъ. Это приемъ очень ловкій. Едва ли не менѣе удобно для читателя, что авторъ развиваетъ часто исторію науки на исторію ея вопросовъ, такъ что ему иногда приходится возвращаться назадъ и труды одного ученаго разбираются на многія главы.

Уэвель, конечно, не зналъ плана Огюста Конта, да если бы и зналъ, то цѣль его была совсѣмъ иная. Не развитіе научной мысли въ исторіи человѣчества, не развитіе науки какъ *единой* имѣлъ онъ въ виду, но историческій матеріалъ для индуктивной философіи наукъ. Это и долженъ помнить читатель при оцѣнѣ его сочиненія. Не включая въ свою исторію развитіе математики, Уэвель не могъ уяснить ни появленіе Архимеда, ни появленіе Гиппарха, а слѣдовательно древняя наука остается у него крайне отрывочною. Чрезвычайная строгость Уэвеля къ Аристотелю есть преданіе школы Бэкона, и далеко несправедлива. Очеркъ науки въ средніе вѣка вовсе не уясняетъ причинъ и связи явленій, даже главныхъ періодовъ въ исторіи мысли этого времени: это понятно, потому что Уэвель не имѣлъ въ виду возстановить эту исторію, а хотѣлъ только указать недостатки въ разсматриваемый періодъ тѣхъ приемовъ, которые создали новую науку и которые должны были войти въ его философію наукъ. Точно также открытія вонца XVII вѣка остаются несовсѣмъ ясными,

такъ-какъ успѣхи математики въ XVI и XVII-мъ столѣтїяхъ не указаны. Вообще же раздробленіе *одной* исторїи на множество исторїй различныхъ наукъ, дѣлаетъ почти невозможнымъ для читателя составленіе общей картины научнаго развитїя человѣчества. Но это не укоръ Уэвелю, такъ-какъ онъ составилъ себѣ планъ и остался послѣдователемъ въ его выполненїи. Читатель можетъ пожалѣть, что авторъ не поступилъ иначе, но не имѣетъ права порицать автора, если послѣдній хорошо исполнялъ свое дѣло.

А Уэвель исполнилъ свое дѣло крайне добросовѣстно и хорошо. Если и есть недостатки въ изложенїи періодовъ, наименѣе важныхъ для его цѣли, именно въ изложенїи перваго періода греческой мысли и въ изложенїи развитїя среднихъ вѣковъ, то во всемъ остальномъ онъ далъ трудъ, который чрезвычайно полезенъ и основателенъ. На его хронологическія и библиографическія данныя можно, вообще говоря, положиться. Его оцѣнка ученыхъ и значеніе ихъ работъ для ихъ науки вообще вѣрна, и его книга представляетъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ матеріаловъ для исторїи науки.

Конечно, это матеріаль, не болѣе, и имъ въ особенности можно пользоваться ученые спеціалісты или человѣкъ, изучающій научную методикъ. Собственно историкъ или человѣкъ, желающему понять развитіе научной мысли въ человѣчествѣ, нужно совѣмъ иную группировку фактовъ, совѣмъ иное построеніе предмета, и дополненіе его тѣми областями, которыя оставлены Уэвелемъ въ сторонѣ. Повторяемъ: программа Огюста Конта еще не выполнена никакъ и настоящая исторїя *единой* науки еще не написана. А безъ этого и всеобщая исторїя еще заключаетъ весьма важныя пробѣлы, весьма многіе непонятныя періоды.

Мы должны быть крайне благодарны переводчикамъ, что они взяли ознакомиться нашу публику съ столь замѣчательнымъ трудомъ, на важность перевода котораго было уже указано въ примѣчанїи къ переводу «Логикѣ» Милля (I, 66). Весьма хорошо и то, что они дополняютъ свое изданіе примѣчанїями Литтрова. Но всего болѣе мы должны будемъ ихъ поблагодарить, когда они выдадутъ обѣщанный ими четвертый, дополнительный томъ, уже не переводный, а оригинальный, и заключающій развитіе наукъ за послѣдніе 10 лѣтъ. Конечно, если этотъ томъ, по точности данныхъ и по вѣрности оцѣнки научныхъ явленїй, станетъ въ уровень съ книгой Уэвеля, то онъ найдетъ себѣ переводчиковъ и въ Англіи и въ Германїи.

НОВЫЯ КНИГИ.

Дневникъ Иоанна-Георга Корба, секретаря посольства отъ императора Леопольда I-го къ царю Петру I-му въ 1698—1699 г. Переводъ съ латинскаго Женева и Семейскаго. Съ приложеніемъ точнѣйшихъ фотоматриграфическихъ снимковъ съ рисунковъ, находящихся въ Дневникѣ Корба. Изданіе Импер. общества исторіи и древностей российскіхъ при московскомъ университетѣ. Москва. 1868.

Имя г. Семейскаго, одного изъ переводчиковъ названной книги, не безызвѣстно русской публикѣ, которая встрѣчалась съ нимъ довольно часто на страницахъ русскихъ журналовъ за послѣдніе 7—8 лѣтъ. Извѣстностью этой, впрочемъ, незавиднаго и даже крайне двусмысленнаго свойства, г. Семейскій обязанъ, конечно, не своимъ талантамъ, но тѣмъ исключительнымъ условіямъ, при которыхъ стали появляться въ печати его первые литературные опыты. Съ половины пятидесятыхъ годовъ въ русской литературѣ началось, какъ извѣстно, нѣкоторое оживленіе, выразившееся въ цѣломъ рядѣ обличительныхъ статей, очерковъ, повѣстей и даже романовъ. «Разрѣшено» было изобличать низшіе ранги административныхъ дѣятелей, и ободренные писатели широко воспользовались этимъ правомъ, перебравъ и пересудивъ почти всѣхъ станovýchъ и исправниковъ всероссийской земли, издавна прославленной по своей «великости и обилію», но не по «порядку», господствующему въ ней. Вадрогнули исправники, поблѣдѣли городничіе, не привыкшіе къ подобному дерзновенному обращенію...

Да еслибъ и канальство
Зашло въ мои дѣланиа,
Карай меня начальство,
А вы молчать, мальчишки!

завопили они въ отвѣтъ на литературныя обличенія. Испугъ ихъ былъ, разумѣется, непродолжителенъ, ибо, говоря словами русской пословицы, чортъ не такъ страшенъ, какъ его рисуютъ. Кто былъ послыбѣе, тотъ презрѣлъ благочестивые завѣты прессы, найдя ниже своего достоинства подчиниться требованіямъ «мальчишекъ», а кто былъ послабѣе, тотъ не замедлялъ усвоить себѣ, при неприкосновенности старыхъ привычекъ и образа мыслей, новый либеральный способъ выраженія. На томъ

дѣло и порѣшили. Но обличительное направленіе выразилось не въ одной бельетристичѣ и газетныхъ статьяхъ: оно проникло и въ солидную науку «исторіографовъ и столповъ», которые творили самими дѣломъ, а затѣмъ писали (точнѣе сказать: сочиняли) отечественную исторію. Въ томъ самомъ храмѣ науки, гдѣ прежде съ таинственною важною совершались умиленныя кажденія предъ лицами почившихъ дѣателей, гдѣ отъ этого благоговѣнія куреній кружилась голова и начинало тошнить — тамъ, точно по мановенію волшебнаго жезла, раздался гамъ, пискъ и нечестивыя скаканія ворвавшихся въ храмъ новыхъ подвижниковъ науки. Святыня науки нѣсколько скандализировалась этимъ неожиданнымъ обстоятельствомъ; но потомъ, всматриваясь въ лица пришельцевъ, замѣтила, что они, въ сущности, тоже хорошіе люди, «свои, Пафнутьевы», и блудятъ больше по рѣзвости своего характера, чѣмъ по ехидству и зловредности своихъ убѣжденій. Наука рѣшила примириться съ фактомъ, справедливо полагая, что отъ этого выигранія, отъ этихъ криковъ, задѣвающихъ мелочныя стороны прежняго бита, немало не пострадаютъ принципы порядка. Къ тому же отрадному убѣжденію пришли, какъ мы видѣли, становые и исправники. Дѣйствительно, новыя подвижники, утомившись, присѣли въ уголку того же храма, съ подобострастіемъ начали смотрѣть на жертвенныя отправления, совершаемыя исторіографами-столпами, а своихъ прежнихъ шалостей устыдились, какъ устыжаются взрослые дѣти забавъ и игру первыихъ невинныхъ лѣтъ. Значить, и тутъ дѣло окончилось къ обоюдному согласію.

Въ это-то время составилъ себѣ г. Семевскій ту крошечную славу, какою пользуется доселѣ, благо никто изъ серьезныхъ людей не относился со вниманіемъ къ его дѣятельности. Подъ шумокъ онъ приобрѣлъ себѣ даже послѣдователей, которые, забравшись въ архивы, отщипывали съ трудолюбіемъ, достойнымъ лучшей цѣли, не тѣ факты, которые имѣли дѣйствительный интересъ для исторіи нашего развитія, но игривыя казусы и пестрые скандалы, какъ можно позабористѣе и чуднѣе. Статьи эти читались и забывались достойнымъ образомъ, забывались до того, что намъ нигдѣ и никогда не случилось встрѣчать печатной ссылки на мнѣнія г. Семевскаго; но авторъ «Марьи Гамальтоны» приобрѣлъ миниатюрную извѣстность, какъ неутомимый изобличитель Петра I-го. Савль, Савль! что ты меня гониши? Нѣкоторые факты, сообщенныя г. Семевскимъ, полезны, какъ факты и могутъ быть приняты въ соображеніе при общей оцѣнкѣ духа времени; но они всегда сгруппированы у него одностороннимъ, пристрастнымъ образомъ, а, главное, всегда разбавлены лирическими тирадами, которыя свидѣлствуютъ только о благородствѣ чувствъ самаго автора, равно какъ и о знакомствѣ его съ моральными сентенціями, помѣщаемыми обыкновенно въ прописяхъ. Нынѣ г. Семевскій, ревнуя о славѣ Петра I-го, задумалъ выступить противъ него не съ оригинальною статейкою,

но съ книгою иностраннаго путешественника, занесеннаго судьбою въ Московію именно въ то время, когда страшная борьба—борьба на жизнь и смерть между старымъ и новымъ порядкомъ, сопровождалась всѣми кровавыми атрибутами революціи въ полудиноу странѣ. Какъ сотрудникъ г. Каткова и, слѣдовательно, классикъ, г. Семевскій не затруднился справиться съ неуловимыми латинскими періодами Корба и передать ихъ (столько же, впрочемъ, неуловимо) русскою рѣчью. Конечно, бывали случаи, что наши стихотворцы «пѣвали пѣсни еврейскія, по еврейски не зная ни слова»; но мы не имѣемъ никакого основанія думать это про г. Семевского. Вѣдь онъ же, повторяемъ, сотрудничалъ и сотрудничаетъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», хотя въ этомъ журналѣ печатались отрывки изъ дневника Корба въ переводѣ г. Смирнова, а не г. Семевского... Переводъ Корба, и притомъ цѣликомъ, а не въ отрывкахъ, есть заслуга паче писанія оригинальныхъ статей; но нельзя не замѣтить, что подобныя книги полезно было бы сопровождать руководящими статьями, которыя давали бы читателямъ настоящую точку зрѣнія на предметъ. О жестокостяхъ Петра такъ много писалось въ послѣднее время, что за ними стали блѣднѣть дѣйствительно великія стороны государственнаго переворота, произведеннаго этимъ крутымъ, неуловимымъ и безстрашнымъ реформаторомъ.

Иоганнъ-Георгъ Корбъ, секретарь цесарскаго посла, Игнатій-Христофора де-Гваріента и Ралла, отправленнаго императоромъ Леопольдомъ I-мъ въ московское государство къ царю Петру Алексѣевичу, пробылъ въ этомъ путешествіи съ 10-го января (нов. стила) 1698 г. по 27-е сентября 1699 года и велъ на латинскомъ языкѣ дневникъ, въ который тщательно заносилъ всѣ свои впечатлѣнія и замѣтки о видѣнномъ и слышанномъ. Къ своему дневнику Корбъ присоединилъ «Краткое описаніе опаснаго мятежа стрѣльцовъ въ Московіи» и очеркъ внутренней жизни и государственнаго управленія видѣнной имъ страны. По возвращеніи своемъ въ Вѣну, Корбъ не замедлилъ напечатать свой трудъ въ концѣ 1700 или въ началѣ 1701 года съ чертежами и картинами, на которыхъ изображены, между прочимъ, затѣйливыя казни стрѣльцовъ. Но московское правительство, оскорбленное нѣкоторыми отзывами и разказами Корба, выхлопотало у правительства австрійскаго запрещеніе этой книги, такъ что она, въ скоромъ времени, сдѣлалась библиографическою рѣдкостью. Время, описанное Корбомъ, было самою фатальною минутою въ царствованіи Петра; тутъ рѣшался вопросъ: оставаться ли Россіи азіатскимъ государствомъ, услаждающимся созерцаніемъ своихъ собственныхъ нравственныхъ болячекъ, или примкнуть къ европейскимъ державамъ и подчиниться, въ большей или меньшей степени, общему ходу европейской цивилизаціи, не отрещиваясь и не отплеываясь отъ басурманскихъ прелестей. «Сознаніе экономической несостоятельности — справедливо говорить г. Соловьевъ — ведшее необходимо къ повороту

въ исторіи, было тѣсно соединено съ сознаніемъ нравственной несостоятельности. Русскій народъ не могъ оставаться въ китайскомъ созерцаніи собственныхъ совершенствъ, въ китайской увѣренности, что онъ выше всѣхъ народовъ на свѣтѣ уже по самому географическому положенію своей страны: океаны не отдѣляли его отъ западныхъ европейскихъ народовъ. Побуждаемый силой обстоятельства, онъ долженъ былъ сначала уходить съ запада на востокъ; но какъ скоро успѣлъ здѣсь усилиться, заложить государство, такъ долженъ былъ необходимо столкнуться съ западными сосѣдами, и столкновение это было очень поучительно... Стало очевидно, что во сколько восточные сосѣди слабѣе Россіи, во столько западные сильнѣе. Это убѣжденіе, подрывая китайскій взглядъ на собственное превосходство, естественно и необходимо порождало въ живомъ народѣ стремленіе сблизиться съ тѣми народами, которые оказали свое превосходство, позаимствовать отъ нихъ то, чѣмъ они явились сильнѣе; сильнѣе западные народы оказались своимъ знаніемъ, искусствомъ, и потому надобно было у нихъ выучиться. Отсюда, съ царствованія Іоанна IV-го, именно, съ того царствованія, когда надъ востокомъ было получено окончательное торжество, когда могущественный царь, покоритель Казани и Астрахани, обративъ свое оружіе на западъ, потерпѣлъ страшныя неудачи, съ этого самаго времени мысль о необходимости сближенія съ западомъ, о необходимости добыть моря и учиться у поморскихъ народовъ, становится господствующей мыслью правительства и лучшихъ русскихъ людей. Всѣхъ глубже сознавалъ эту экономическую и нравственную несостоятельность своего народа, всѣхъ горячѣе и страстнѣе ненавидѣлъ заскорую китайчину, выдающую себя за непреложный авторитетъ — молодой царевичъ, насмотрѣвшійся съ юныхъ лѣтъ на всѣ безобразныя волненія невѣжественной массы. У этого царевича сосредоточилась въ рукахъ громадная власть, которой перуны ковались на Руси въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, начиная съ Іоанна Калиты; въ душѣ его загорѣлось желаніе покончить, такъ или иначе, добромъ или худомъ, съ азіатскимъ бытомъ, замкнутымъ въ себѣ, отчужденнымъ отъ міра европейскихъ понятій, и здѣсь-то кроется зародышъ неудержимаго рвенія къ Европѣ съ одной стороны и упрямаго сопротивленія съ другой. Народная толпа, уже утратившая давно свою самостоятельность и свои вѣчныя права, покоралась туго и пассивно новымъ порядкамъ; но у доброй старины нашлись защитники, которые могли отстаивать ее огнемъ и мечомъ. Защитники эти были стрѣльцы, которыхъ Корбъ очень вѣрно уподобляетъ турецкимъ янычарамъ. Пользуясь отсутствіемъ царя, который совершилъ неслыханное преступленіе противъ завѣтовъ старины — отравившись за границу, въ гости къ нечестивымъ еретикамъ, стрѣльцы подняли вооруженное возстаніе, съ дѣлюю возвратитъ Россію на прежній путь благочестія и китайскаго самодовольства. Кровавая борьба началась и кончилась

довольно быстро, благодаря тому, что на сторонѣ Петра сила матеріальная и авторитетъ власти соединились съ силою умственною; но тѣмъ не менѣе, Корбъ насмотрѣлся-таки въ власть на всѣ перипетіи отвратительной драмы съ плахами, дыбамъ, висѣльями, пытаньемъ на огнѣ и съ прочими атрибутами, завѣщанными Петру его суровыми предками...

Какъ только нѣмецкое посольство появилось въ Москвѣ, начались у него пререванія съ московскими приказными, которые требовали къ себѣ паспортъ посланника, а посланникъ не отдавалъ, ссылаясь на исконные обычаи своего двора. Вскорѣ послѣ того Корбъ имѣлъ случай полюбоваться на народное празднество. «День свѣтлаго Христова Воскресенья — пишеть онъ — былъ отпразднованъ не только русскими, но и въ приличія и всѣми нѣмцами. Смотритель занимаемаго нами дома прислалъ къ намъ съ царскими воннами, поставленными у насъ для стражи, четыре блюда: одно съ хлѣбомъ, другое съ коровьимъ масломъ, третье съ яйцами и четвертое съ жаренымъ гусемъ. Такою подаркомъ объясняли намъ обычаемъ пасхальнымъ, но все-таки мы не получили надлежащаго разъясненія. Къ подобнаго рода обыкновенимъ должно отнести слѣдующее явленіе: какой-то пошъ, войдя неожиданно въ покои господина посла и мѣшая въ таинственномъ пѣніи разные предметы, подалъ, какъ господину послу, такъ и всѣмъ окружающимъ его, подаловать вкрестъ. Благодаря тонкому обонянію, особенно развѣвшемуся послѣ поста, мы легко почувствовали сильнѣйшій запахъ воды и невыносимую вонь отъ рѣпы (рѣдки? присовокупляютъ переводчики), изъ чего заключили, что посѣтитель нашъ успѣлъ уже, по обычаю русскихъ, плотно позавтракать». О самомъ великомъ постѣ мы встрѣчаемъ, въ приложеніи къ дневнику, слѣдующій отзывъ: «Этотъ постъ самый строгій; его зовутъ великимъ, такъ-какъ онъ долѣе прочихъ продолжается. Въ постъ не позволено употреблять въ пищу ни яицъ, ни коровьяго масла, ни сыра; отъ этого не дѣлается отступленія ни ради возраста, ни ради слабости здоровья. Русскіе считаютъ дѣломъ болѣе богоугоднымъ умереть, сохраняя постъ, нежели, подрѣшивъ свои силы употребленіемъ въ пищу яицъ или мяса, спасти свою жизнь. По этой причинѣ даже врачи, прежде чѣмъ получить позволеніе заниматься практикой, подъ присягою должны дать обязательство, что въ постъ не будутъ давать больнымъ москвитанамъ такого лекарства, для составленія котораго надо употребить яйца, мясо, молоко или коровье масло, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда ясно увидятъ, что больной, безъ употребленія и прописанія такого лекарства, долженъ умереть въ самомъ скорѣйшемъ времени». Почти въ то же время заноситъ Корбъ въ свой дневникъ случаи грабежей, дракъ и убійствъ, происходившихъ на его глазахъ. При разбирательствѣ ссоры, происшедшей между москвичемъ и слугою посла обнаружилось живое показаніе перваго. «Мы не можемъ вполне надивиться — замѣчаетъ Корбъ — всей

испорченности нравовъ русскаго народа: ложь и клятвопреступленіе безнаказанны въ этомъ краю. Среди русскихъ всегда и вездѣ найдешь людей, готовыхъ лжесвидѣтельствовать: понятія москвитянъ тамъ и самъ до того извращены, что искусство обманывать считается у нихъ признакомъ высокихъ умственныхъ способностей». Въ приложеніи къ своей книгѣ Корбъ также говоритъ объ этой же выдающейся чертѣ народныхъ нравовъ: «Такъ-какъ москвитяне лишены всякихъ хорошихъ правилъ (выше говорится, что въ Россіи нѣтъ ни научнаго образованія, ни даже тѣни политической вольности, отъ которыхъ смягчаются нравы и улучшаются понятія), то, по ихъ мнѣнію, обманъ служить доказательствомъ ума. Лжи, обнаруженнаго плутовства они вовсе не стыдятся. До такой степени чужды этой странѣ сѣмена истинной добродѣтели, что самыя даже пороки славятся у нихъ, какъ достоинство. Но не думайте, однакожь, что я желаю внушить вамъ то убѣжденіе, что всѣ жители этого царства, по ихъ невѣжеству и гордости, имѣютъ такое понятіе о добродѣтели. Между толкниемъ колючествомъ негодной травы растутъ также и полезныя растенія, и между этимъ изнѣшествомъ вонючаго лука алѣютъ розы съ прекраснымъ запахомъ: *въ этихъ модлахъ процвѣтаютъ тѣмъ болѣе добродѣтели, чѣмъ трудъ ихъ развитія былъ тяжеле*. Но мало такихъ, которыхъ или праведный полюбилъ Зевесъ, или вознесла блестящая добродѣтель въ эфирныя области, гдѣ эти рѣдкія свѣтила кроются предъ взглядомъ прочихъ, коснѣющихъ въ невѣжествѣ и порокахъ. Прочіе необразованы, слабы и тупы умомъ: они иногда, разинувъ ротъ и вытаращивъ глаза, съ такимъ любопытствомъ глядятъ на иностранцевъ, что даже себя не помнятъ отъ удивленія. Однакожь, къ числу сихъ невѣждъ не принадлежатъ люди, образовавшіеся государственными или дѣловыми занятіями, равно какъ и тѣ, *которымъ недавнее путешествіе показало, что не въ одной только Московіи свѣтитъ солнце*». Однако, и между этими государственными дѣателями, витавшими въ высшихъ сферахъ и даже не лишеными образованія, Корбъ указываетъ замѣчательные случаи проявленія самодурства, взяточничества и т. п. доблестей. Въ дневникѣ разсказывается довольно подробно объѣдъ у князя Бориса Алексѣевича Голицына, на мѣстника казанскаго и астраханскаго, который не чуждался иностранцевъ и даже самъ зналъ латвнскій языкъ, подобно г. Семеновскому. За этимъ объѣдомъ присутствовалъ учитель дѣтей князя Голицына и чѣмъ-то разгнѣвалъ хозяина. «Всѣхъ насъ привелъ въ ужасъ — писать изумленный секретарь нѣмецкаго носольтва — сильный гнѣвъ князя Голицына на воспитателя, соединенный съ жестокими ругательствами и угрозами: «Какъ ты смѣешь, измѣнчившій мнѣ и моему роду, отгнѣвать тайны моего дома и нарушать свою клятву — хранить молчаніе? Развѣ ты не знаешь Голицына, который можетъ тебя повѣсить и вотъ такъ (стиснувъ руки) раздавить?». Другой государственный дѣатель, набогатѣй-

шій изъ московскихъ князей, начальникъ Царства Сибирскаго, первородный въ семействѣ Черкасскихъ, былъ обличенъ, по донесенію думнаго дьяка Виніуса, во взяточничествѣ. «Царь назначилъ этого князя начальникомъ всей Сибири, въ увѣренности, что человекъ, имѣющій собственный достатокъ для жизни, какъ говорится, въ свое удовольствіе, не будетъ жаждать чужаго и поставитъ себѣ за честь безпорочное управленіе дѣлами государя. Но чѣмъ болѣе пьешь, тѣмъ болѣе жаждешь. Никто не явилъ себя болѣе грабителемъ, какъ этотъ человекъ, хотя онъ и проявлялъ эти свойства своей природы осторожно, чтобы невозможно было уличить его въ явное лихоимствѣ. Сачъ не требуя ничего отъ купцовъ, князь Черкасскій возлагалъ заботы о взяткахъ на своихъ слугъ. Они же, подобно гарпіямъ, не оставляли ничего неприкосновеннымъ. Толпа челядинцевъ князя принуждала купцовъ, съ большой для нихъ потерей, оставлять въ Сибири безплатно все, что только они везли съ собою наиболѣе дорогаго, рѣднаго или красиваго. А если находилось между товарами что-либо такое, что на бѣду купцовъ особенно нравилось воеводѣ, то купцовъ задерживали; доступъ же къ воеводѣ и приемъ были воспрещены. Хотя воевода и притворялся, что онъ обо всемъ этомъ ничего не знаетъ, но на самомъ дѣлѣ былъ всему виновникомъ и изучалъ, какъ пускать въ ходъ новые способы вымогательства». Другъ съ другомъ эти государственные дѣятели обращались тоже недурно. «Князь Ѳеодоръ Юрьевичъ Ромодановскій и Ѳеодоръ Матвѣевичъ Апраксинъ сошлись въ одномъ домѣ. Ромодановскій, по привычкѣ необразованныхъ людей, сперва обругалъ Апраксина; потомъ, замахнувшись на него палкой, хотѣлъ-было его ударить. Апраксинъ, человекъ благороднѣйшихъ свойствъ, оскорбся такимъ неприличнымъ и грубымъ обращеніемъ, обнажилъ саблю и грозилъ нанести своему противнику смертельныя раны. Ромодановскій, испуганный его рѣшимостью, сталъ обнимать его колѣна (и это былъ князь-кесарь, носившій титулъ его величества) и просить прощенія, умоляя вспомнить, что онъ ему братъ и другъ, а не врагъ. Таковъ этотъ человекъ; сколько жестовъ съ несчастными, столько трусливъ съ благородными». Немудрено, что испорченный подобною обстановкою Петръ не стѣснялся въ жестахъ съ своими приближенными: такъ, напримѣръ, одинъ разъ онъ далъ такую пощечину своему любимцу *Алексаихъ* (то-есть Меншикову), что тотъ упалъ замертво у его ногъ. Такъ же точно обращался Петръ и съ тѣми изъ иностранцевъ, которые, не сознавая собственного достоинства, унижались и низкопоклонствовали передъ нимъ. Корбъ рассказываетъ, что «одинъ посланникъ сѣвернаго государства» до того раболѣпствовалъ передъ царемъ, что онъ, желая осмѣять его окончательно, заставлялъ пройтись въ пляскѣ съ шуткомъ, служившимъ посмѣшищемъ цѣлаго двора. «Лишь только пустился министръ въ плясъ съ своимъ товарищемъ, какъ раздался всеобщій смѣхъ; но онъ не понималъ, какъ жестоко осрамилъ себя,

подавая поводъ къ такимъ обиднымъ для себя толкамъ, и продолжалъ плясать, пока, наконецъ, императорскій посолъ, совѣты котораго онъ всегда уважалъ, не нашелъ удобнаго случая напомнить ему, чрезъ одного изъ своихъ приближенныхъ, о достоинствѣ его званія. Эта же особа получала, въ видѣ шутки, царскія пощечины, принимая ихъ отъ священной руки, какъ знакъ особенной милости». Корбъ не называетъ этого посланника по имени; но кажется, что это былъ польскій посланникъ, баронъ Ланге, который, по увѣренію Нейгебауэра, учителя царевича Алексѣя Петровича (см. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ I-мъ), «былъ пожалованъ отъ цара собственноручно ударами». Иначе относился Петръ къ генералу Лефорту, который игралъ въ его развитіи приблизительно такую же роль, какъ Лагарпъ въ развитіи Александра I-го; крѣпкая привязанность къ нему Петра обнаружилась во всей своей силѣ по смерти образованнаго и честнаго швейцарца. «Генералъ Лефортъ — говорить о немъ Корбъ — судя по слухамъ, не оставилъ послѣ себя столько имущества, чтобы здѣшній народъ имѣлъ поводъ завидовать ему или его наслѣдникамъ. Даже самъ его родственникъ, прося князя Голицына о пособіи, палъ ницъ передъ княземъ, увѣряя, что ему не на что купить даже приличной траурной одежды» (Лагарпъ тоже, по окончаніи воспитанія Александра, получалъ въ награду такую сумму, какую, по его словамъ, могли бы заплатить ему въ богатомъ купеческомъ семействѣ). Честность Лефорта показалаcя столь подозрительною россиянамъ, что двѣнадцать человекъ изъ нихъ собирались ограбить его мошну, полагая вѣроятно, что покойникъ унесъ съ собою въ могилу нажитыя деньги. И въ самомъ дѣлѣ странно: ближайшій другъ цара, котораго онъ любилъ и уважалъ болѣе всѣхъ, умеръ почти нищимъ, тогда какъ Алексашка, частенько битый за свои продѣлки, не клалъ, что называется, охулки на свои лапы! Какъ не заподозрить этого чело-вѣка, который могъ бы, даже не особенно кривя своей совѣстью, нажить себѣ препорядочное состояніе и, по крайней-мѣрѣ, не умереть такимъ же честнымъ бѣднякомъ, какимъ пріѣхалъ въ чужую, варварскую страну? Получивъ извѣстіе о смерти Лефорта, царь немедленно возвратился изъ Воронежа въ Москву, чтобы лично предать землѣ это дорогое ему тѣло. Всѣ представители иностранныхъ державъ получили приглашеніе участвовать въ погребеніи покойнаго. Когда пришло время выносить гробъ, царю живѣе представилось все то, чѣмъ онъ обязанъ Лефорту, и глаза, не плававшіе при видѣ жестокой казни стрѣльцовъ, наполнились слезами. Но насколько царь любилъ Лефорта, настолько же бояре, а въ особенности стрѣльцы, ненавидѣли просвѣщеннаго и благороднаго иностранца. На похоронахъ Лефорта царь гнѣвно сказалъ главнѣйшимъ боярамъ: быть можетъ, вы радуетесь его смерти? Его кончина большую принесла вамъ пользу? Почему расходитесь? (Бояре поторопились пойти домой, а царь внезапно вернулся и прочелъ имъ эту нотацию). Статья

можетъ потому, что отъ большой радости не въ состояніи долѣе притворно морщить лица и принимать печальный видъ? Стрѣльцы, въ случаѣ успѣха, взыняли бы Лефорта одними изъ первыхъ.

Когда Корбъ пріѣхалъ въ Москву, царь былъ еще заграницею, но вскорѣ вернулся на страхъ недовольнымъ изувѣраемъ. «Бояре и московская знать поспѣшно явились туда, гдѣ отдыхалъ царь. Стеченіе поздравляющихъ было большое... *Всѣхъ тѣхъ, которые по здѣшнему обычаю, для изъявленія почтенія, падали предъ государемъ ницъ, царь ласково и постыжно приподнималъ и цѣловалъ ихъ, какъ самыхъ короткихъ своихъ друзей*». Въ тотъ же день началъ Петръ европеизировать по своему боярѣ, а именно остригъ и обрилъ имъ бороды. Добирался онъ и до бороды патріарха, но тотъ сохранилъ-таки ее, указавъ на святость своего сана и на обычай православной церкви. Такое же почтеніе оказано было князю Черкасскому и боярину Стрѣшневу; всѣ же прочіе должны были преклониться предъ иностранными нравами, утѣшая себя тѣмъ, что священныи долгъ повелѣваетъ повиноваться государю. По пріѣздѣ государя, Лефортъ устроилъ въ честь его обѣдъ, и здѣсь обнаружилось, какъ быстро утрачиваются въ полудиковой сторонѣ черты европейскаго общежитія. Въ первый день пріѣзда царь не допускалъ своихъ приближенныхъ падать передъ нимъ ницъ; на обѣдѣ же, вѣроятно разгоряченный виномъ и не чувствуя дома надъ собой никакого сдерживающаго вліянія, онъ нагналъ на нихъ такой страхъ, что одинъ бояринъ чуть было не полатился своею головою. «Еще не кончился обѣдъ — рассказываетъ Корбъ — какъ его царское величество, послѣ весьма оживленнаго спора съ воеводой Шеннымъ, вышелъ въ ярости изъ за-стола. Сначала никто не звалъ причины удаленія государя, но потомъ оказалось, что онъ справлялся у солдатъ, сколько надѣлалъ Шенинъ полковниковъ и прочихъ офицеровъ не по заслугамъ, а за одинъ лишь деньгъ. Слустя нѣсколько времени, онъ вернулся и въ страшномъ гнѣвѣ, предъ глазами воеводы Шенна, ударилъ обнаженнымъ мечомъ по столу и вскричалъ: «Такъ истреблю я твой полкъ». Въ справедливомъ негодованіи царь подошелъ затѣмъ къ князю Ромодановскому и къ думному дьяку, Никитѣ Монсеевичу (Зотову); замѣтивъ, что однако они оправдываютъ воеводу, *до того разгорячился, что, махая обнаженнымъ мечомъ во все стороны, привелъ тутъ всѣхъ пирующихъ въ ужасъ*. Князь Ромодановскій легко раненъ въ палецъ, другой въ голову, а Никита Монсеевичъ, желая отворотить отъ себя царскаго меча, поранилъ себѣ руку. Воеводѣ готовился было далеко опаснѣе ударъ, и онъ безъ сомнѣнія палъ бы отъ царской десницы, обливаясь своею кровью, еслибы только генераль Лефортъ (которому одному лишь это дозволялось) не скалъ его въ объятіяхъ и не отклонилъ руки отъ удара». Съ трудомъ Меньшиковъ «усиляъ смягчить сердца царя», и послѣ этого царь опять развеселился и съ удовольствіемъ присутствовалъ при пляскѣ. Въ октябрѣ 1698 г. были

совершены, въ восемь пріемовъ, доты казни надъ стрѣльцами и ихъ помощниками и богомольцами — раскольникыими попами. Еще заграничей, узнавъ о бунтѣ стрѣльцовъ, Петръ сказалъ Лефорту: «Францъ Яковлевичъ! Постарайся, чтобы я могъ какъ можно скорѣе, самой кратчайшей дорогою, пріѣхать въ Москву и моихъ подданныхъ наказать за измѣну ихъ казнями вполне достойными! Пощады никому не будетъ. Вокругъ моего царскаго града, который они хотѣли безбожно ограбить, между его валами и стѣнами, велю поставить позорныя висѣлицы и орудія казни, чтобы жестокой смертью истребить всѣхъ вмѣстѣ и каждаго особо». Не нужно забывать, что жестокія казни, почти неуступавшія по своей мучительности нашимъ уголовнымъ наказаніямъ, господствовали тогда во всей Европѣ, и только много позже знаменитый Беккариа возсталъ противъ этого безчеловѣчія, за что, впрочемъ, книга его была осуждена во Франціи. Къ тому же и въ наукѣ держалась еще въ полной силѣ теорія государственнаго деспотизма, по которой государство облагалось неограниченной властью надъ личностью гражданъ, и Петръ, какъ глава государства, могъ считать себя въ правѣ прибѣгнуть, въ крайнемъ случаѣ, къ самымъ крайнимъ же мѣрамъ. Если вспомнить при этомъ личныя впечатлѣнія Петра отъ прежнихъ стрѣлецкихъ бунтовъ, его вспыльчивый, раздражительный характеръ и русскій нравъ вообще, то мы поймемъ, какой мстительный, ужасающій характеръ должны были получить казни надъ стрѣльцами.

«Бояре, находившіеся въ совѣтѣ, на которомъ рѣшена борьба съ мятежниками—пишетъ Корбъ въ своемъ дневникѣ — приглашены были сегодня (27 октября) составить новое судилище: предъ каждымъ изъ нихъ поставили по одному преступнику; каждый изъ нихъ долженъ былъ произнести свой приговоръ стоявшему передъ нимъ преступнику и послѣ исполнить оный собственноручно. Князь Ромодановскій, бывший начальникомъ четырехъ стрѣлецкихъ полковъ, до возмущенія ихъ, принуждаемый его величествомъ, собственной рукой умертвилъ четырехъ стрѣльцовъ. Болѣе жестокимъ явился Алексашка (Меншиковъ), хвастаясь тѣмъ, что отрубилъ двадцать головъ. Голицынъ былъ столь несчастливъ, что неловкими ударами значительно увеличилъ страданія осужденнаго. 330 человѣкъ, приведенныхъ въ одно время подъ страшную сѣкиру, обагрили обширную площадь кровію гражданъ, но гражданъ преступныхъ. Генералъ Лефортъ и баронъ фон-Блюмбергъ были также приглашаемы царемъ взять на себя обязанность палачей, но они отговорились тѣмъ, что въ ихъ странѣ это не принято. Самъ царь, сидя верхомъ на лошади, сухимъ глазомъ, глядѣлъ на всю эту трагедію и на столь ужасную рѣзню такого множества людей; одно только сердило его, что у большей части бояръ, не привывшихъ къ должности, которую на нихъ возложилъ онъ, тряслись руки, когда они принимались за это дѣло». Въ особомъ приложеніи къ дневнику описываются подробно всѣ эти истязанія. Седьмая казнь

была предназначена (28 октября) исключительно для поповъ, которые служили молебень за стрѣльцкое дѣло. «Обширнѣйшая площадь въ городѣ предъ церковью св. Троицы, самой большой въ Москвѣ, назначена была государемъ служить мѣстомъ казни. Позорный вѣстень ожидалъ поповъ, какъ *достойное возмездіе* за то, что они тысячи разъ осѣнялись знаменіемъ креста, молясь за отступниковъ отъ своего государя и благословляя ихъ предпріятіе. Такъ-какъ поны не могутъ быть преданы въ руки палачей, то придворный шутъ, въ одеждѣ попа, исполнивъ дѣло палача, при чемъ одному изъ сихъ несчастныхъ накиннулъ на шею веревку. Другому попу какой-то думный отрубилъ голову топоромъ и трупъ взволокъ на позорное колесо... Его величество присутствовалъ при казни поповъ, сидя въ экипажѣ. Сказавъ нѣсколько словъ къ народу, который въ большомъ числѣ стоялъ около этого мѣста, объ измѣнѣ поповъ, государь прибавилъ въ видѣ угрозы слѣдующія слова: «Да впередъ ни одинъ попъ не смѣетъ молиться Богу за удовлетвореніе подобныя желаній». По свидѣтельству Корба, Петръ нерѣдко и самъ брался за топоръ: такъ напримѣръ, 10-го октября онъ собственноручно обезглавилъ нѣсколько стрѣльцовъ. Къ описанію Корба прибавлены весьма выразительныя картинки, изображающія въ различныхъ положеніяхъ пытаемыхъ и казнимыхъ стрѣльцовъ: тутъ видишь знаменитые *лаюлы* (то-есть висѣлицы въ видѣ глагола), колья, колеса, костры, и плахи, а на одной картинкѣ видѣются и зарытыя въ землю живыя женщины; вокругъ разбросаны растерзанные члены казненныхъ. Гейне говорилъ, что когда онъ читалъ описаніе казней во время первой французской революціи, то чувствовалъ съ особеннымъ удовольствіемъ, что его собственная голова сидитъ брѣшко на плечахъ; подобное же ощущеніе испытываетъ каждый читатель, заглянувъ въ эти страницы дневника Корба. Только это ощущеніе чувствуется сильнѣе, потому что звѣрство казней уже переноситъ насъ изъ Европы въ Азію—именно въ Бухару, или въ Хиву, гдѣ донинѣ совершаются такія отвратительныя бойни, и зрители даже не особенно возмущаются ими. Намъ вспомнилось по этому случаю описаніе Вамбери, видѣвшаго одну изъ подобныхъ казней въ Хивѣ: «Дорогою—разсказываетъ этотъ смѣлый путешественникъ—я былъ свидѣтелемъ одной изъ тѣхъ сценъ, которыя едва-ли когда либо изглядятся изъ моей памяти. 300 плѣнныхъ шаударовъ, въ ломотяхъ, мучимые нѣсколько дней уже голодомъ и страхомъ смерти, стояли на дворѣ въ двухъ группахъ. Одни, не достигшіе еще сорока лѣтъ, назначены были въ продажу, какъ невольники; другіе же, по своимъ лѣтамъ или положенію считавшіеся старшинами, обречены были на казнь. Первые отправлены были партіями въ 10—15 человекъ, скованными между собой желѣзными ошейниками, а вторые покорно повиновались своей участи; нѣкоторыхъ изъ нихъ отправили на висѣлицу, а восемь старцевъ, стоявшихъ очень близко отъ меня, по знаку палача

легли совершенно спокойно на спину. Связавъ руки и ноги, палачъ выкололъ имъ глаза, обтирая при этомъ окровавленный ножъ объ ихъ сѣдую бороду. Трудно передать весь ужасъ этой сцены, когда ослѣпленные старцы, освобожденные отъ узъ по окончаніи операціи развода руками, пытались встать; при этомъ они сталкивались головами другъ съ другомъ, и обезсиленные падали снова на землю, издавая жалобныя, глухіе стоны». «Подобнаго рода наказаніе — прибавляетъ Вамбери — отнюдь не должно считать исключеніемъ. Въ Хивѣ, какъ и вообще во всей Средней Азіи, не знаютъ, что такое жестокость; подобное обращеніе считается совершенно естественнымъ, вполне согласнымъ съ религіей, законами и обычаями». Обычай побивать женщинъ камнями или просто глыбами земли, зарывъ виновныхъ предварительно въ землю по грудь, — существуетъ до сихъ поръ въ Хивѣ. Невѣжество народа и проявляющаяся отсюда грубость нравовъ, обусловливали у насъ до Петра систему уголовныхъ наказаній. Стоитъ только прочесть о пыткахъ, произведенныхъ надъ Стевкою Разнымъ, чтобы увидѣть, въ какой мѣрѣ притерѣлся нашъ народъ къ кнутамъ, дыбамъ и даже поджариванью на огнѣ. Петръ нашелъ всѣ эти казни въ уголовномъ кодексѣ своего отца и не считалъ нужнымъ смягчить ихъ для своихъ кровныхъ враговъ, уже нѣсколько разъ покушавшихся на его жизнь. Слабонервный читатель, протча разсказъ Корба, не долженъ негодовать выше мѣры противъ личности Петра, но долженъ перенести свой гнѣвъ на весь тотъ азіатскій бытъ, изъ котораго вышли и которымъ поддерживались подобныя безчеловѣчія. Противная сторона поступила бы точно такъ же, еслибы взяла верхъ, но разница въ томъ, что казни надъ нѣмцами и русскими образованными людьми, какъ представителями враждебныхъ старой Руси началъ, подвинули бы Россію не впередъ, а назадъ на двѣсти лѣтъ. Когда Петръ спросилъ одного стрѣльца (и даже не на пыткѣ), что сдѣлали бы они въ томъ случаѣ, еслибы ихъ предпріятіе удалось, то-есть еслибы самъ царь или Лефортъ попались къ нимъ въ руки, то стрѣлецъ немедля отвѣчалъ: «Зачѣмъ меня объ этомъ спрашиваешь? Самъ, чай, лучше можешь разсудить, что бы тогда было? Еслибы счастье не измѣнило намъ и мы взяли бы Москву, то оставляя въ сторонѣ подобныя допросы, какъ ненужныя, занялись бы боярами (то-есть тѣми, которые были за реформу), да такъ, что всѣмъ было бы любо». Замѣчательно, что и Корбъ, разсказавъ о безуспѣшномъ ходатайствѣ патріарха за пытаемыхъ стрѣльцовъ, прибавляетъ отъ себя: «притворная обрядная набожность не могла имѣть вліянія на точныя взгляды правосудія, воини царь измѣрялъ великость такого преступленія; ибо теперь было такое время, что для блага всей Московіи не набожность, но жестокость нужна была, и тотъ бы весьма погрѣшавъ, кто бы такой способъ принужденія считалъ тиранствомъ, ежели съ нимъ сопряжена справедливость, въ особенности когда члены

государственнаго тѣла до того поражены болѣзнию и подвержены неизлечимому гниенію, что для сохраненія организма ничего не остается, какъ желѣзомъ и огнемъ уничтожить эти члены». Такъ распространено было въ то время въ Европѣ это «леченіе организма огнемъ и желѣзомъ» и такъ несомнѣннымъ казалось право государства прибѣгать подѣ часть къ самымъ истребительнымъ мѣрамъ... Вопросъ былъ поставленъ крайне рѣзко: Петръ, или стрѣльцы? вѣстой и смерть или европейское развитіе? и, въ виду такой постановки вопроса, Петръ громилъ враговъ всѣми орудіями своего уголовного арсенала.

23-го іюля 1699 г. царское посольство имѣло торжественный выѣздъ изъ Москвы, и дальнѣйшія замѣтки Корба ведены имъ уже на возвратномъ пути въ Вѣну.

Къ дневнику приложенъ переводчиками алфавитный указатель всѣхъ именъ, «о которыхъ упоминается въ сочиненіи Корба» (такъ сказано въ предисловіи). Между этими именами встрѣтили мы имя нѣкоего *Семевскаго*. Какою должностію исполнялъ этотъ Семевскій при Петрѣ I — указатель не извѣстна. Не помогаль ли онъ Корбу вести дневникъ на латынскомъ языкѣ? Откликнитесь, господа переводчики.

Міръ мошенниковъ. *Физиологія міра мошенниковъ.* Соч. Л. М. Моро-Кристофа. *Жизнь мошенниковъ — воровство, разбой, убійство. Языкъ воровъ. Признаки, по которымъ узнаются мошенники: Лягушка, Картушь и т. д.; ихъ кровавая погожденія и изумительное гладнокровіе. Умный мошенникъ и воръ-невежда. Разряды мошенниковъ. Знаменитые неаполитанскіе каморристы. Переводъ со втораго французскаго изданія.* Л. и Д. М. 1867.

Были ли у первыхъ людей куры? Чтѣ явилось на свѣтъ прежде: курица или яйцо? молотокъ или наковальня? Эти и подобныя имъ вопросы сильно интересовали въ былое время людей и доставляли обильную пищу для пререканій и размышленій. И дѣйствительно интересно: съ одной стороны курица могла произойти только изъ яйца, а съ другой — яйцо должно было быть свесено курицей. Но съ теченіемъ времени человѣчество, съ свойственнымъ ему легкомысліемъ, оставило эти любопытные вопросы и, удовольствовавшись тѣмъ, что курица несетъ яйца, а изъ яицъ рождаются куры, пользуется и тѣмъ и другимъ. Теперь рѣдко уже можно встрѣтить настолько глубокомысленнаго человѣка, чтобы его заботить вопросъ о первородствѣ курицы или яйца. Но извѣстно, что рѣдкими встрѣчами наиболѣе дорожать, и потому встрѣча съ книжкой Моро-Кристофа въ русскомъ переводѣ доставляетъ намъ несказанное удовольствіе. По образцово-безобразному русскому изданію, можно бы было думать, что книга Моро-Кристофа должна быть отнесена къ одной категоріи со «снотолкователями бѣлой магіи» и тому подобными книжками, издаваемыми на Толгучкѣ въ Москвѣ. Но, хотя содержаніемъ своимъ «Міръ мошенниковъ» и недалеко ушелъ отъ

этих произведений отечественной прессы, смѣшивать его съ ними нельзя, и именно потому, что онъ не есть продуктъ шарлатанства. Говоря языкомъ юристовъ, авторъ можетъ быть удиченъ только въ добросовѣстной неправдѣ, и, если и можно говорить объ его недобросовѣстности, то только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ въ виду своей любимой мысли игнорируетъ тотъ или другой фактъ, о который эта любимая мысль можетъ споткнуться; но и самое это игнорированіе можетъ быть результатомъ не недобросовѣстности, а въ некоторой нелогичности автора. Надо замѣтить, что Моро-Кристофъ — бывший главный инспекторъ тюремъ. По порученію правительства онъ ѣздилъ въ Англію, Бельгію, Голландію и Швейцарію съ спеціальною цѣлю изученія хода юстиціи и тюремныхъ системъ въ этихъ странахъ. Если прибавить къ этому, что онъ двадцать лѣтъ имѣлъ возможность наблюдать и изучать преступниковъ, то изъ всѣхъ этихъ данныхъ можетъ быть построенъ очень величественный пьедесталъ для авторитета. Книга Моро-Кристофа имѣла значительный успѣхъ. Ко второму изданію ея авторъ догадался приложить лестные о ней отзывы Жюль-Жанена и многихъ другихъ представителей французской критики. Такимъ образомъ, не забываяте, читатель, что «Міръ мошенниковъ» отнюдь не долженъ быть смѣшиваемъ съ руководствами бѣлой магіи и снотолкователями. Эта замѣчательная въ своемъ родѣ книга написана въ опроверженіе романа В. Гюго «Les misérables», и первая глава ея, названная: «Преступленіе — отецъ, бѣдность — мать» начинается слѣдующими словами:

«Бѣдность — удивительное и тяжкое испытаніе, изъ котораго сильные люди выходятъ великими, а слабые — безчестными». Таковъ тема романа «Несчастные» — романа, шумъ котораго утихъ; но заблужденія проводимой въ немъ доктрины оставили въ умахъ слѣды, которые могли бы долго не изгладиться, еслибы тѣ, которые поняли эти заблужденія, не постарались истребить ихъ или, по крайней мѣрѣ, сгладить ихъ, уменьшить вліяніе ихъ. Во главѣ заблужденій книги В. Гюго стоитъ мнѣніе, по которому бѣдность служитъ почти единственнымъ побужденіемъ къ преступленіямъ.

Такъ-какъ намъ придется дѣлать изъ книги Моро-Кристофа въ русскомъ переводѣ выписки, причѣмъ читатель можетъ быть пораженъ мѣстами совершеннымъ бессмысліемъ цитатъ, то мы скажемъ сперва нѣсколько словъ о переводѣ. Отвратительнѣе этого трудно бы было себѣ что-нибудь представить, еслибы московскіе и нѣкоторые петербургскіе издатели не держали насъ на этотъ счетъ въ черномъ тѣлѣ. Мы открываемъ книгу на удачу, на стр. 78-й, и находимъ слѣдующее: «Ливурзь изгонялъ изъ Лаведемона людей, казавшихся вредными для отечества; свое мнѣніе о нихъ основывалъ онъ на бѣдности ихъ лба и на зломъ ихъ характерѣ». Это слова Сен-Жюста, и Моро-Кристофъ приводитъ ихъ въ подтвержденіе своей мысли о зависимости между

нравственнымъ характеромъ человѣка и его вѣшними фізіономическими, френологическими, хиромантическими и т. п. признаками. Во французскомъ оригиналѣ сказано: «Il est des hommes que Lycurgue eut chassés de Lacédémoine sur le sinistre caractère et la paleur de leur front». Значить, вопервыхъ, Ликургъ собственно даже не выгонялъ людей съ «блѣднымъ лбомъ», а во-вторыхъ, подъ «злымъ характеромъ» слѣдуетъ разумѣть зловѣщее выраженіе лица. Открываемъ далѣе, стр. 5-ю, и читаемъ: «Здѣсь убѣжище наивности. Всѣ грязности цивилизаціи поглощаются этою ямой истины. Онѣ поглощаются; но не скрываются, а вывазываются» и т. д. Что сей сонъ значить? Довольно, однако, тѣмъ болѣе, что было бы даже обидно, еслибы «Миръ мошенниковъ» былъ переведенъ хорошо, какъ и вообще обидно видѣть блестящую отдѣлку безобразной сущности. Теперь мы можемъ думать, что таинственные переводчики, скрывающіеся подъ литерами Л. и Д. — люди безграмотные, и потому пропаганда идей бывшаго главнаго инспектора тюремъ, Моро-Кристофа, не набрасываетъ на нихъ особенно неприличной тѣни: они не вѣдали, что переводили. А переводили они вотъ что:

Моро-Кристофъ прежде всего старается опровергнуть взглядъ В. Гюго на бѣдность, какъ на побудительную причину преступленій. Онъ, собственно говоря, и самъ понимаетъ, что бѣдность, по крайней мѣрѣ иногда, можетъ быть причиною преступленія, главнымъ образомъ воровства, но ему хочется доказать, что преступленіе старше бѣдности, однимъ словомъ, возобновить споръ о первородствѣ курицы или яйца. Въ русскомъ переводѣ онъ выражается слѣдующимъ образомъ: «Когда бѣдный воруетъ, то причина этого не въ бѣдности, а въ испорченности его. «Бѣдность не порокъ» — пословица, которая тогда только перестаетъ быть справедливою, когда бѣдность есть послѣдствіе порока. Тогда бѣдность, дочь порока, дѣлается его матерью въ свою очередь; тогда все, что отъ нея происходитъ, отъ нея, зараженной въ своемъ источникѣ, бываетъ испорчено, заражено, порочно. Но все-таки не бѣдность рождаетъ пороки, а, напротивъ, порокъ безчеститъ бѣдность; благодаря ему, бѣдность рождаетъ дѣтей, подобныхъ отцу, порочныхъ». Не ясно-ли, что это возродившіяся, какъ фениксъ изъ пепла, вопросъ о курицѣ и объ яйцѣ? Простой смертный, не зараженный глубокомысліемъ, видитъ очень опредѣленную связь, существующую между происхожденіемъ курицы и происхожденіемъ яйца, и пользуется этою связью для своихъ практическихъ цѣлей. Для человѣка глубокомысленнаго этого мало, но за то, по выраженію нынѣ чествуемаго баснописца нашего И. А. Крылова — «философъ — безъ огурцовъ». Простой смертный и въ вопросѣ о зависимости между бѣдностью и преступленіемъ, довольствуется несомнѣннымъ фактомъ существованія такой зависимости и сообразно съ этимъ располагаетъ, если не дѣйствія свои (потому что руки коротки), то, по крайней-

и́ръ, свои теоретическія построєнія, свои желанія и идеалы. Простой смертный разсуждаетъ такъ: если бѣдность и порокъ идутъ всегда рука объ руку (съ чѣмъ согласенъ и Моро-Кристофъ), то всякое измѣненіе въ экономическомъ строѣ должно отразиться и на нравственномъ характерѣ людей; слѣдовательно, если общество не желаетъ уподобиться «философу» и остаться «безъ огурцовъ», то оно должно озаботиться объ измѣненіи въ извѣстномъ смыслѣ нѣкоторыхъ экономическихъ условій, а трактовать о первородствѣ курицы или яйца, значитъ толочь воду. Это-то плодотворное и поучительное занятіе и избралъ для себя Моро-Кристофъ. Чтобы доказать свою мысль, бывшій главный инспекторъ тюремъ обращается, между прочимъ, и къ статистикѣ, при чемъ обнаруживаетъ, вопервыхъ, незнакомство съ самыми элементарными статистическими приѣмами, а вовторыхъ, либо крайнюю недалекость, либо не менѣе крайнюю недобросовѣстность — альтернатива довольно печального свойства. Такъ, напримѣръ, по его мнѣнію, большинство преступленій противъ собственности совершается отнюдь не бѣдняками, и что намъ это кажется только потому, что бѣдняковъ больше вообще, а слѣдовательно, и абсолютное большинство бѣдняковъ-преступниковъ ничего не доказываетъ. То же самое отношеніе, говоритъ онъ, существуетъ между жителями селъ и городѣвъ. Первые совершаютъ гораздо больше преступленій, но неужели это происходитъ оттого, что сельскіе жители безнравственнѣе горожанъ? Нисколько. Причиною этому то, что они гораздо многочисленнѣе. Но однако, кто же болѣе склоненъ къ преступленію — сельскій житель, или горожанинъ? Моро-Кристофъ, самъ задавшій себѣ этотъ вопросъ, такъ и оставляетъ его безъ отвѣта. Онъ, по-видимому, и не подозрѣваетъ, что для рѣшенія подобныхъ вопросовъ статистическимъ путемъ, существуетъ очень простой и извѣстный всякому школьнику приѣмъ. Именно, беретъ определенное число, напримѣръ, 1,000 горожанъ, и столько же сельскихъ жителей, и на основаніи извѣстныхъ: числа всѣхъ горожанъ и всѣхъ сельскихъ жителей съ одной стороны, и всего континента преступниковъ, даваемого тѣми и другими съ другой — составляетъ пропорцію, дающую въ результатъ искомый отвѣтъ. Если Моро-Кристофъ пожелалъ прибѣгнуть къ статистикѣ, для рѣшенія занимающаго его вопроса о зависимости между матеріальнымъ благосостояніемъ и степенью преступности, то онъ долженъ бы былъ употребить тотъ же самый приѣмъ.

Статистическія данныя, выдвигаемыя Моро-Кристофомъ въ качествѣ доказательствъ основной его мысли, сгруппированы весьма неуклюже, и всѣ его соображенія по этому поводу представляютъ нѣкоторый карточный домикъ, разсыпавшійся въ прахъ отъ прикосновенія самаго поверхностнаго анализа. Статистическіе выводы вообще требуютъ крайней осторожности, потому что, не говоря уже о молодости статистики и недостаткѣ фактовъ по многимъ ея отдѣламъ, даже и при обиліи данныхъ по какому-

нибудь специальному вопросу, напримеръ, по нравственной статистикѣ, легко упустить что-нибудь изъ виду. Въ особенности легко это для человѣка въ родѣ Моро-Кристофа, принимающагося за работу съ предвзвѣтой мыслию. Такъ изъ того факта, что въ наиболѣе богатыхъ департаментахъ совершается наибольшее количество преступленій противъ собственности, онъ выводитъ свое любимое заключеніе, что воровство не есть результатъ бѣдности. При этомъ Моро-Кристофъ забываетъ, что въ самыхъ богатыхъ департаментахъ, вообще въ центрахъ скопленія капиталовъ, богатства, вслѣдствіе существующихъ отношений между трудомъ и капиталомъ, распределены наименѣе правильно. Лондонъ, кажется, на что богатый городъ, а въ немъ, какъ видно изъ статистики Кольба, 60,000 нищихъ, 80,000 публичныхъ женщинъ, и $\frac{1}{85}$ часть лондонскаго населенія не имѣетъ *никакихъ постоянныхъ средствъ къ существованію*. Кромѣ того наблюдательнаго инспектора тюремъ не хватило на очень незамысловатое наблюденіе: изъ бѣдныхъ странъ люди въ полномъ цвѣтѣ силъ и здоровья, уходятъ на заработки въ болѣе богатые уголки, и тамъ увеличиваютъ собою массу преступленій противъ собственности, уменьшая ее тѣмъ самымъ у себя на родинѣ, гдѣ остаются главнымъ образомъ старики, дѣти, женщины, менѣе способные къ преступленіямъ. Кстати о способности къ преступленіямъ. Моро-Кристофъ говоритъ: «Наибольшее число преступленій противъ собственности и вообще всякаго рода преступленій совершается въ такомъ возрастѣ, когда преступникъ владѣетъ всѣми силами тѣла, ума и воли; однимъ словомъ, всѣми средствами къ честной жизни, то-есть въ возрастѣ до 30-ти лѣтъ». Это еще болѣе утверждаетъ Моро-Кристофа въ той мысли, что преступленіе есть результатъ единственно безнравственности. Онъ не замѣчаетъ, что эти средства къ честной жизни суть вмѣстѣ съ тѣмъ и средства къ совершенію преступленій. Старикъ, ребѣнокъ, женщина, не пойдутъ грабить уже просто потому, что имъ это не подъ силу; но если человѣкъ «со всѣми силами тѣла, ума и воли» не найдетъ этимъ силамъ честнаго пристанища, то понятно, что онъ сдѣлается самымъ опаснымъ врагомъ общества. Любопытно также слѣдующее соображеніе Моро-Кристофа: «Въ Лондонѣ — говоритъ онъ — подвергаются кражѣ 43 категоріи предметовъ разнаго рода; только въ 13-й категоріи мы встрѣчаемъ съѣстные припасы, служащіе предметомъ воровства, и то только предметы роскоши, а не предметы первой необходимости; а именно: говядину, живности, дичь, ветчину, сосиски, сыръ и проч., потомъ, очень далеко, въ 30-й категоріи встрѣчаемъ сахаръ, чай, кофе, пиво, вино... Хлѣбъ же относится къ 43-й, то-есть къ послѣдней категоріи. «Еслибы — разсуждаетъ Моро-Кристофъ — воръ воровалъ только изъ-за голода, такъ онъ непремѣнно ухватился бы за хлѣбъ, а не за говядину, а такъ-какъ этого нѣтъ, то воръ, значитъ, не голодный человѣкъ, а чревоугодникъ». Аргументъ неопровержимый;

но, къ сожалѣнію, надо² признать въ такомъ случаѣ чревоугодниками даже и честныхъ людей, въ родѣ самаго Моро-Кристофа, потому что и онъ, вѣроятно, утоляетъ свой голодъ охотище говядиной, чѣмъ хлѣбомъ. Моро-Кристофу кажется, что въ «миръ мошенниковъ» должны существовать не только своеобразныя нравственныя правила, но и совершенно особенная логика, повинная которой, голодный воръ, если передъ его носомъ и лежитъ кусокъ говядины, долженъ тщательно обойти его и ждать, пока представится случай наѣсться хлѣбомъ...

Мы не будемъ слѣдить за всѣми курьезными частностями книги Моро-Кристофа, хотя тутъ разсыпаны перлы сообразительности, напримѣръ, по вопросу о вредѣ образованія и т. п. Мы взглянемъ на логику Моро-Кристофа только въ общихъ чертахъ, такъ сказать, à vol d'oiseau. Почтенный авторъ любитъ черпать свои доводы изъ статистики — какъ онъ ихъ черпаетъ, мы видѣли. При этомъ надо замѣтить, что въ этой области онъ придерживается того односторонняго и фаталистическаго направленія, которое мѣстами проглядываетъ даже у основателя математической школы Кетле, и получило особенное развитіе у нѣкоторыхъ изъ его неумѣлыхъ послѣдователей. Моро-Кристофъ полагаетъ цифры, выражающія собой количественное и качественное движеніе преступленій, неизмѣнными. «Сама природа—говоритъ онъ—выкопала дно для этого моря и запретила разливаться волнамъ его». Слѣдовательно, какихъ ни измыслилъ пружинъ, — будутъ-ли этими пружинами великія соціальныя реформы, распространеніе просвѣщенія или усиленіе репрессіи — количество преступленій будетъ вѣчно одно и то же. Далѣе, Моро-Кристофъ фізіономистъ, френологъ, даже хиромантъ и только что не вѣруеть въ «планяду», слѣдовательно опять-таки фаталистъ. Если у меня сильно развита шишка воровства, да еще при томъ на бѣду «черные глаза съ голубоватымъ бѣлкомъ, сверкающіе какъ глаза южной женщины» (признаки жадности), такъ ужъ вѣдь я непременно былъ, есть и буду воромъ; «если, вмѣсто того, чтобы быть скрытымъ вначалѣ, между безымяннымъ пальцемъ и мизинцемъ, кольцо Венеры срывается на коню этого послѣдняго пальца, то этимъ указывается та гибельная страсть, которая для своего насыщенія употребляетъ грубость, ложь, воровство». Словомъ, «провидѣніе наложило на каждое ничтожное существо типъ особенности», не особенно впрочемъ ясный, потому что, напримѣръ рыжіе волосы означаютъ «чрезвычайную доброту или непомѣрную злость», но это не бѣда: маленькія неприятности не должны мѣшать большимъ удовольствіямъ. Эти два основныя положенія Моро-Кристофа — о неизмѣнности изъ года въ годъ относительнаго ко всему населенію количества преступленій и о томъ, что судьба вѣшнымъ образомъ отмѣтила «мошенниковъ», наложила на нихъ канювскую печать отверженія — оба эти положенія ведутъ прямымъ путемъ къ безусловной невѣняемости преступленій. Такъ и дѣлають послѣдовательныя статистичныя-фаталисты и френологи

(хироманты и вѣрующіе въ «планиду» что-то повывелись). Но въ головѣ Моро-Кристофа фатализмъ, какимъ-то неудобопонятнымъ путемъ, связывается съ ненавистью къ такъ-называемымъ «смягчающимъ обстоятельствамъ». Онъ крайне недружелюбно относится къ этому «заблужденію закона» и требуетъ усиленія репрессивныхъ мѣръ. Вотъ она гдѣ, своеобразная-то логика...

Рыжіе волосы означаютъ чрезвычайную доброту или непомѣрную злость — таковъ одинъ изъ плодовъ двадцатилѣтнихъ наблюдений и размышлений. Удивленія достойно, какъ при такой массѣ доступныхъ фактовъ Моро-Кристофъ не сумѣлъ сдѣлать рѣшительно ничего. За то книга его пересыпана разными анекдотами, то трагическими, то забавными. Такъ онъ рассказываетъ объ одномъ «обычномъ посѣтителѣ пріюта разврата», который однажды въ драгѣ получилъ ударъ палкой по затылку (гдѣ помѣщается органъ плотской любви) и пороки котораго съ этого самаго момента исчезли на всегда. Къ тому же результату привелъ случайный ушибъ затылка одну даму, отличавшуюся до этой катастрофы эротическими наклонностями. Странно, что Моро-Кристофъ, основываясь на этихъ разказахъ, не сдѣлалъ открытія, которое по истинѣ могло бы облагодѣтельствовать человѣчество. Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ для исправленія беззавѣстныхъ людей употреблялась главнымъ образомъ палка и не сдѣлала ничего или по крайней мѣрѣ слишкомъ мало. Такая несостоятельность палки обуславливается, безъ всякаго сомнѣнія, отсутствіемъ цѣлесообразности въ ударахъ: слѣдуетъ бить вовсе не по спицѣ и не ниже спины. Та же палка, въ соединеніи съ френологическими познаніями, должна произвести чудеса. Стоить только треснуть хорошенько вора по шишкѣ воровства, и онъ мгновенно превратится въ честнѣйшаго человѣка, хотя сейчасъ его сажаютъ въ главныя инспекторы тюремъ, даже безъ жалованья... Война исчезаетъ, или вѣрнѣе остается только нѣкоторое пособіе ея: враждебныя арміи сходятся, вооруженныя не игольчатыми ружьями какими-нибудь, а единственно палками и курсами френологіи; солдаты поровнять бить своихъ противниковъ по шишкѣ храбрости, вслѣдствіе чего всѣ разбѣгаются безъ малѣйшаго кровопролитія... Однимъ словомъ, возвращаются времена Аркадіи. На свѣтѣ нѣтъ никого, кромѣ главныхъ инспекторовъ тюремъ, да и тѣхъ собственно говоря нѣтъ, потому что тюрьмы пусты. И такое-то благотворное открытіе Моро-Кристофъ упустилъ, такъ-сказать, изъ-подъ носу!.. Можетъ быть, впрочемъ, онъ берегъ свою собственную голову, на которой по всей вѣроятности френологическія палки должны были бы пробарабанить салютъ въ честь великаго открытія. Опять напоминаемъ, что книга Моро-Кристофа есть плодъ двадцатилѣтнихъ наблюдений и размышлений автора, и что ее отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ руководствами бѣлой магіи отечественной фабрикаціи. Послѣ этого, какъ вы полагаете, читатель, кака я шишка особенно развита на головѣ Моро-Кри-

стофа? И почему русскіе переводчики не сдѣлали прибавленія о шипкѣ на носу алжирскаго бея?

Замѣчательные процессы. *Собрание юридическихъ статей разныхъ иностраннхъ авторовъ. Изданіе книгопродавца М. О. Вольфа. 1868.*

Подобные сборники, если только они не составляютъ спеціальнаго періодическаго изданія, могутъ имѣть значеніе лишь въ томъ случаѣ, когда процессы подобраны болѣе или менѣе однородные, имѣющіе общія точки въ личности ли преступника, или въ самомъ преступленіи, въ способѣ совершенія его, въ ходѣ дѣла и т. п., или вообще, когда процессы расположены такъ, что для читателя становятся возможными выводы и сравненія. Лежащій передъ нами сборникъ составленъ очевидно совершенно случайно. Въ немъ перепечатаны четыре уголовные процесса изъ покойнаго «Заграничнаго Вѣстника», гдѣ они были совершенно у мѣста, потому что всѣ они болѣе или менѣе интересны. Но, во первыхъ, если издатель и имѣлъ въ виду доставить публикѣ только занимательное чтеніе, то можно бы было найти и болѣе интересные факты изъ европейской уголовной практики; а во вторыхъ, интересъ перепечатанныхъ процессовъ до такой степени разнохарактеренъ, что трудно сообразить — почему они очутились въ одной и той же оберткѣ въ видѣ отдѣльной книги. Австрійскій почтамтскій чиновникъ, Калабъ, укравшій вирожденіе многихъ лѣтъ болѣе 200,000 писемъ; знаменитый Джонъ Браунъ, повѣщенный за дѣло аболіціонизма, можно сказать, наканунѣ полнаго торжества своей идеи; сыновья, вставшіе за убійство отца, и священникъ, нарушившій тайну исповѣди; ость-индскій генерал-губернаторъ Уарренъ Гастингсъ, судившійся за произволь и варварское обращеніе съ индійцами — таковы разнохарактерныя дѣйствующія лица процессовъ, напечатанныхъ въ сборникѣ.

Гражданская община античнаго міра. *Изслѣдованіе о богослуженіи, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. Сочиненіе Фюстель де-Куланжа, профессора исторіи въ страбурьскомъ филологическомъ факультетѣ, увѣнчанное французской академіей. Переводъ Е. Корша, дозволенный авторомъ. Изданіе К. Солдатенкова. М. 1867.*

Библиотека историко-политическихъ наукъ. Древнее общество. *Обзоръ культа, права и учреждений Греціи и Рима. Сочиненіе Фюстель де-Куланжа, профессора исторіи въ страбурьскомъ университетѣ. Переводъ Н. А. Бабкина. СПб. 1867. Изданіе Н. И. Ламанскаго.*

«Взгляните на учрежденія древнихъ, помимо ихъ вѣрованій: вы найдете ихъ темными, странными, необъяснимыми. Зачѣмъ эти патриціи и плебеи, эти патроны и кліенты, эти эвпатриды и ееты, и откуда тѣ коренныя, неизгладимыя разности, какія мы

встрѣчаемъ у этихъ классовъ? Что значать эти лакедемонскія учрежденія, которыя, кажется, такъ противны природѣ? Какъ объяснить себѣ вопіющія причуды древняго частнаго права: въ Коринѣхъ, въ Фивахъ, наримѣръ—запрещеніе продавать землю; въ Афинахъ, въ Римѣ—неравенство наслѣдства между братьями и сестрой? Что разумѣли правовѣды подъ именемъ агнаціи, что подъ именемъ рода (gens)? Отчего произошли эти перевороты въ политикѣ? Что это было за странный патриотизмъ, изглаживавшій иногда всѣ естественныя чувства? Что разумѣлось подъ именемъ свободы, о которой толковали на каждомъ шагѣ? Какимъ образомъ могли установиться и долго господствовать учрежденія, столь далекія отъ всего, что постижимо для насъ нынѣ? Какое высшее начало придало имъ власть надъ человѣческими умами? *Но съ этими учрежденіями и законами сопоставьте вѣрованія—факты тотчасъ выяснятся, и истолкованіе ихъ представится важъ само собой.*

Подчеркнутыя нами слова составляютъ основную мысль книги Фюстель де-Куланжа. Мысль проведена во всей книгѣ съ замѣчательною послѣдовательностью. Древняя семья, бракъ, неравенство между сыномъ и дочерью, родство, право собственности, право наслѣдства, предѣлы отеческой власти, городское устройство, весь строй, всѣ учрежденія, все частное право классическаго міра,—все это вытекаетъ для автора изъ древнихъ вѣрованій, все объясняется исключительно ими. Но именно это послѣдовательность и составляетъ недостатокъ книги Фюстель де-Куланжа, какъ «учебнаго пособия для преподавателей и учащихся въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ», какъ рекомендуетъ ее одинъ изъ русскихъ издателей, г. Ламанскій. Общественный строй находится всегда подъ вліяніемъ такого множества и такихъ разнообразныхъ фактовъ, что свети ихъ къ одному какому-нибудь, несмотря на заманчивость такой задачи, есть дѣло буквально невозможное. А между тѣмъ, подобное обобщеніе до такой степени привлекательно вообще и, въ частности, натяжн и объясненія Фюстель де-Куланжа, по большей части, такъ удачны, что преподаватели и учащіеся въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ невольно могутъ увлечься грандіозностью обобщенія. Самыя вѣрованія, которыя Фюстель де-Куланжъ ставитъ краеугольнымъ камнемъ всего классическаго міра, очевидно обуславливаются извѣстными физическими дѣятелями. Но для Фюстель де-Куланжа почва, климатъ, географическое положеніе Греціи и Рима какъ-бы не существуютъ, онъ не говоритъ объ нихъ ни слова. Поэтому для него вѣрованія и являются первичною причиною, исходною точкою античной жизни. Съ другой стороны, тѣ же физическіе дѣятели, наряду съ вѣрованіями, порождаютъ извѣстныя экономическія условія, которыя также имѣютъ громадную долю вліянія и на которыя Фюстель де-Куланжъ также не обращаетъ никакого вниманія. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы восполь-

зваться всѣми факторами древней общественной жизни, авторъ совершенно произвольно выбираетъ только одинъ изъ нихъ, правда очень сильный. Вслѣдствіе этого взгляды его не могутъ не страдать односторонностью. А такъ-какъ выводы его такъ ясны, именно благодаря этой односторонности, потому что онъ игнорируетъ цѣлыя категоріи фактовъ, то книгой Фюстель де-Куланжа слѣдуетъ пользоваться съ большою осторожностью, хотя пользоваться ею и не мѣшаетъ. Впрочемъ, произвольность нѣкоторыхъ выводовъ Фюстельде-Куланжа очевидна. Вотъ, на примѣръ, какимъ образомъ объясняетъ онъ происхожденіе класса плебеевъ: «религія не распространялась проповѣдью; родившись въ той или другой семьѣ, она и оставалась въ ней какъ-бы замкнута; надо было каждому семейству создать себѣ свое вѣрованіе, своихъ боговъ, свой культъ. Но мы должны допустить, что въ эти столь далекія отъ насъ времена, было множество такихъ семействъ, у которыхъ не достало духовной силы создать себѣ боговъ, опредѣлить вѣроученіе, установить культъ, изобрѣсть гимнъ и придумать речъ молитвы. Семьи эти естественно остались въ болѣе низкомъ быту сравнительно съ тѣми, у которыхъ была (стройная) религія, и не могли слиться съ ними воедино: онѣ не вошли ни въ куріи, ни въ гражданскую общину... Должно было случиться и то, что провинившіеся или слишкомъ разобщенные кліенты попадали иногда семью и отступались отъ ея религіи... Весь этотъ людъ, исключенный изъ религиозныхъ семей и отрѣшенный отъ культа, вступалъ въ классъ бездомныхъ, безогнищныхъ, то-есть именно въ классъ плебеевъ». Такихъ натяжекъ въ книгѣ Фюстель де-Куланжа очень много. Есть также пропуски, которые были бы необъясними, еслибы авторъ не специализировалъ своей задачи и тѣмъ не отказался отъ оцѣнки множества явленій древней общественной жизни. Такъ на примѣръ, онъ умалчиваетъ о томъ презрѣніи, которое древніе питали къ промышленности, а вообще о состояніи промышленности въ Греціи и Римѣ, и это тѣмъ болѣе странно, что онъ самъ говоритъ: «Мы особенно стараемся выставить тѣ коренныя и существенныя разности, какими древніе народы всегда будутъ отличаться отъ новыхъ обществъ». Вопросъ о трудѣ представляетъ именно такой пунктъ, на которомъ особенно рѣзко обозначается отличіе древнихъ обществъ отъ новыхъ, а Фюстель-Куланжъ его-то и обходитъ. Кстати приведемъ здѣсь любопытное мнѣніе Фюстель-Куланжа о классическомъ образованіи: «Благодаря системѣ нашего воспитанія — говорить онъ — переносимой насъ свѣдѣтельства въ среду грековъ и римлянъ, мы постоянно навываемъ приравнивать ихъ къ себѣ, судить объ исторіи ихъ по нашей, и объяснять наши перевороты ихними... Свобода новѣйшихъ народовъ подвергалась опасности изъ-за того, что заблуждались насчетъ значенія свободы у древнихъ. Послѣднія восемьдесятъ лѣтъ французской исторіи показали ясно, что одно изъ главныхъ препятствій, мѣшающихъ прогрессу но-

ваго общества — привычка его всегда имѣть передъ глазами греческую и римскую древность»...

Сила человека, за все время исторіи человѣческаго рода, вслѣдствіе разныхъ гнетущихъ условий, еще ни разу не развертывалась во всей своей полнотѣ. Общества развивались односторонне въ одномъ какомъ нибудь направленіи, причемъ одна сторона человѣческаго духа развивалась насчетъ другихъ, которыя оставались въ зачаточномъ состояніи; но тѣмъ не менѣе онѣ существовали и оказывали свое вліяніе. Задача историка въ томъ именно и состоитъ, чтобы опредѣлить значеніе этихъ подавленныхъ элементовъ по отношенію къ выдающейся чертѣ той или другой цивилизаціи. Съ этой точки зрѣнія книга Фюстель-Куланжа не представляетъ особенныхъ достоинствъ, но она можетъ быть небезполезна, если читатель будетъ имѣть постоянно въ виду ея односторонность.

Переводъ г. Корша недуренъ, но переводчикъ почему-то не любитъ общепотребительныхъ словъ, и говоритъ *новшество* вмѣсто — нововведеніе, *поруха* вмѣсто — разрушеніе, *уряжатель* вмѣсто — устанавливаться, учреждаться, *изначала* вмѣсто — сначала, *ссара* вмѣсто — ссора, *справа* вмѣсто — управленіе и т. п. Этимъ же стремленіемъ къ оригинальности объясняется и заглавіе московскаго изданія книги Фюстель-Куланжа. Что же касается до изданія г. Ламанскаго, то оно отличается тѣми же достоинствами, какія указаны въ первой книгѣ «Отечественныхъ Записокъ», относительно всей пресловутой «библіотеки историко-политическихъ наукъ».

Простыя бесѣды о научныхъ предметахъ Джона Гершеля. *Перев. съ англійскаго проф. моск. унив. С. Рачинскаго.*

Предметы «Простыхъ бесѣдъ» весьма разнообразны, такъ что ихъ нельзя разсматривать, какъ нѣчто вполне цѣлое; это скорѣе сборникъ статей по разнымъ предметамъ, могущимъ занять умъ образованнаго человека. Дѣйствительно, въ числѣ четырнадцати бесѣдъ, составляющихъ содержаніе книги, три первыя: о «землетрясеніяхъ и вулканахъ», о «солнцѣ», о «кометахъ», были читаны авторомъ передъ деревенскою публикою, а всѣ остальные были въ разное время читаны въ литературныхъ и ученыхъ обществахъ, или напечатаны въ журналахъ. По самой цѣли, съ какою были составлены нѣкоторыя изъ этихъ бесѣдъ, можно судить, что онѣ вполне доступны для читателей и не обладающихъ математическими свѣдѣніями. Но нельзя этого же сказать обо всѣхъ, хотя всѣ онѣ и написаны живымъ и образнымъ языкомъ, и принадлежать къ числу тѣхъ истинныхъ популяризацій, гдѣ имѣется въ виду подѣйствовать не на одно воображеніе читателя, а пробудить къ дѣятельности и умъ его, въ чемъ мы лучше убѣждаемся изъ частнаго обзора отдѣльныхъ бесѣдъ. Съ тѣми геологическими началами и взглядами на образованіе, строеніе и способъ дѣйствія вулкановъ, какіе авторъ проводитъ въ первой бесѣдѣ о

«вулканахъ и землетрясеніяхъ», наши читатели, слѣдшіе за популяризацией по естествознанію, вѣроятно, уже болѣе или менѣе знакомы, такъ-какъ ничего особенно новаго въ нихъ нѣтъ. Здѣсь они найдутъ только лучшее и болѣе простое изложеніе предмета. Главная же цѣль автора этой бесѣды—дать понятіе читателю о той гармоніи, въ какой находятся вулканы и землетрясенія съ общимъ хозяйствомъ природы, включая тутъ и человѣка.

Въ бесѣдѣ своей «о солнцѣ» авторъ упоминаетъ о разныхъ теоріяхъ, смѣнявшихъ одна другую, о видѣ, составѣ солнца и происхожденіи теплоты. Читатель, конечно, принужденъ будетъ принять иное на вѣру, но таковъ ужь предметъ бесѣды, что при вратномъ и популярномъ изложеніи, трудно избѣжать этого. Но вопросъ о солнцахъ столь интересенъ и близокъ къ нашему благосостоянію, что постоянно, такъ или иначе, занимать и будетъ всегда занимать воображеніе и умъ человѣка, такъ-какъ солнце источникъ всей жизни на землѣ, и съ временнымъ впотетическимъ исчезновеніемъ его рухнула бы настоящій порядокъ во всемъ планетномъ мірѣ, также какъ съ временнымъ исчезновеніемъ его свѣта замерла бы всякая жизнь на землѣ. Въ послѣднее время, особенно при успѣхѣ спектральнаго анализа, явилось не мало различныхъ теорій по отношенію къ составу и виду солнца. Наша публика знакома отчасти съ ними по статьямъ, печатавшимся въ «Натуралистѣ».

Бесѣда, подъ названіемъ «кометы», представляетъ весьма понятный интересъ, такъ-какъ появленіямъ кометъ даже и до сихъ поръ павязывается невѣжествомъ значеніе какихъ-то грозныхъ предвѣстниковъ общественныхъ бѣдствій, войнъ, эпидемій, а порою даже и разрушенія нашей планеты. Въ возможности послѣдняго далеко еще не разубѣждены весьма многіе, даже изъ числа такъ-называемыхъ людей образованныхъ. Но и самой наукѣ стоило немало труда и времени подведеніе подъ строгіе законы движенія этихъ, повидимому, безцѣльныхъ и безъ пути блуждающихъ свѣтилъ. Теперь мы ждемъ появленія ихъ въ заранѣе указанный астрономами день и часть и даже можемъ совершенно освободиться отъ того страха, въ какомъ была не такъ давно Европа, ожидая столкновенія одной изъ такихъ кометъ съ землей, въ точкѣ пересѣченія ея пути съ земнымъ (эллиптикой). Читатель найдетъ у автора изложеніе въ главныхъ чертахъ историческаго хода вопроса о кометахъ; увидитъ, какъ мало по малу ученые выходили изъ туманной области гаданій и вооруженные болѣе совершенными инструментами и математическими вычисленіями, могли наконецъ предсказывать время ихъ появленія, опредѣлять ихъ пути и отклоненія, каковымъ онѣ подвергались въ томъ и другомъ своемъ положеніи отъ вліянія такихъ планетъ.

Просматривая оглавленіе бесѣды, читатель, вѣроятно, не оставитъ безъ вниманія и бесѣду IV-ю «о погодѣ и ея предвѣстникахъ», но не всякій читатель найдетъ то, что онъ ожидаетъ.

Всякій хочетъ знать впередъ о погодѣ и ищетъ въ природѣ признаковъ, которыхъ можно было бы признать за предвѣстниковъ вѣдра или дожда. Но какъ часто обманываютъ наши обыденные предвѣстники, и не потому, чтобы они были въ самомъ дѣлѣ ложны, нѣтъ, а потому только, что выводы наши сдѣланы только на случайныхъ совпаденіяхъ и эти предвѣстники остаются въ нашихъ неумѣльныхъ рукахъ почти слѣпымъ матеріаломъ. Подвести ихъ болѣе или менѣе подъ точные законы выпало уже на долю науки. Но хотя наука пользовалась въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, тѣмъ же способомъ, какъ и мы: наблюденіями, но она ихъ вела далѣе насъ, въ ея рукахъ ихъ было болѣе, да къ тому жъ она оперлась на многія свѣдѣнія, какія ей могли дать механика, химія, физика. Такимъ образомъ утвердилась наука метеорологія, хотя еще и очень юная. Въ послѣднее время расплодилось много указателей погоды, и въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ календарей встрѣчаются предсказанія и вычисленія на цѣлый годъ, но этимъ указаніямъ довѣрять не слѣдуетъ. Читатель въ этой главѣ не найдетъ такихъ календарныхъ указаній, но за то найдетъ умно и понятно изложенную картину того значенія, какое играетъ въ природѣ атмосфера. Здѣсь онъ найдетъ описаніе ея движеній, законовъ послѣднихъ и краткое указаніе на тѣ рациональнѣе способы, какими можно дойти до пониманія, что и въ этой, повидимому, наиболѣе своевольной средѣ, повсюду царствуетъ законность и порядокъ; найдетъ также указанія, въ какой мѣрѣ слѣдуетъ довѣряться разнымъ предвѣстникамъ погоды.

Бесѣда «объ измѣреніяхъ и взвѣшеніяхъ» даетъ намъ понятіе о тѣхъ громадныхъ трудахъ и средствахъ, какіе наука прилагала къ изученію области звѣзднаго міра, и даетъ болѣе конкретное понятіе о громадности разстояній и силъ, дѣйствующихъ въ области этого міра. Къ слову «безконечное» человѣкъ болѣе или менѣе привыкъ, онъ распространилъ его на многія понятія о вещахъ и силахъ, которыхъ онъ не могъ измѣрять, или размѣры которыхъ его поражали; но только встрѣчая въ астрономическихъ вычисленіяхъ биліоны, триліты, онъ осязательно чувствуетъ дѣйствительную громадность міра. Въ этой главѣ читатель вкратцѣ познакомится съ способами измѣренія и взвѣшиванія въ ихъ историческомъ развитіи, какъ они прилагались къ солнечному и звѣздному мірамъ. Свѣту посвящены авторомъ три бесѣды, сюда же можно причислить XIII-ю бесѣду «о прохожденіи свѣта связь окрашенныхъ средины». Въ бесѣдѣ «о свѣтѣ» читатель не найдетъ описанія различныхъ свѣтовыхъ фокусовъ, какими нѣкоторые изъ популяризаторовъ думаютъ занять публику, непривычную къ серьезному чтенію, а иногда и выдаютъ смѣло свои фантазіи за истинную науку. Нѣтъ здѣсь и описаній «фаты-морганы» и тому подобныхъ *замысловатыхъ* явленій природы, но за то есть простое, послѣдовательное изложеніе основныхъ явленій, на которыхъ мы знакомимся ближе съ таимъ великимъ дѣятелемъ, каковъ свѣтъ, и можемъ строить умозаключенія

ченія для объясненія множества другихъ. Знакома читателя съ отраженіемъ, преломленіемъ, свѣто-разсѣяніемъ, цвѣтностью, поглощеніемъ, облегчая это знакомство аналогіями, хотя по необходимости часто довольно грубыми, но наивозможно близко и наглядно разъясняющими описываемое явленіе, авторъ переходитъ затѣмъ къ изложенію теорій свѣта. Онъ излагаетъ подробнѣе, какъ единственно заслуживающія вниманія, только двѣ: теорію истеченія Ньютона и теорію волненія Гюйгенса. Опираясь на явленія интерференціи и диффракціи, а затѣмъ въ слѣдующей бесѣдѣ на двойное преломленіе и поляризацию свѣта, прилагая къ этимъ явленіямъ ту и другую теорію, онъ даетъ читателю возможность убѣдиться въ томъ, почему въ настоящее время отдано предпочтеніе теоріи Гюйгенса. Бесѣды о свѣтѣ наиболѣе полны и представляютъ собою стройное цѣлое, а для ищущихъ здороваго чтенія, не засоряющаго голову только массой свѣдѣній, онѣ покажутся весьма интересными и полезными. Читателей, мало привычныхъ къ чтенію сочиненій этого рода, могутъ однакоже затруднять описанія такихъ опытовъ, какъ, на примѣръ, опытъ Фуко, и другіе по недостатку рисунковъ и затѣмъ самое изложеніе явленій двойнаго преломленія и поляризаціи. Не говоря уже о многихъ новыхъ терминахъ, здѣсь представить затрудненіе самая сущность предмета для не видавшаго на опытѣ описываемыхъ явленій, хотя бы и внимательно слѣдившаго за изложеніемъ предмета въ предыдущихъ бесѣдахъ. Въ бесѣдѣ «о поглощеніи свѣта окрашенными средами» сдѣлано наиболѣе ясное и наглядное сближеніе теоріи волненія свѣта съ таковой же теоріей звука. Въ бесѣдѣ «о субъективномъ зрѣніи» рѣчь идетъ о нѣкоторыхъ явленіяхъ въ глазу, являющихся нашему вниманію, повидимому, безъ всякой причины. Таково появленіе разныхъ узоровъ, давно забытыхъ образовъ, лицъ и ландшафтовъ. Факты эти, повидимому, указываютъ на точныя соприкосновенія между нашею умственною и тѣлесною организаціею, но ни попытки физиологіи объяснить ихъ влияніемъ притока крови къ сѣтчатой оболочкѣ, ни попытки психологін — путемъ ассоціаціи идей не разъяснили намъ еще характера этихъ явленій и упомянутой связи.

Бесѣда «о ярдѣ, маятникѣ и метрѣ» написана авторомъ по поводу предложенія въ парламентѣ ввести французскія мѣры въ общее употребленіе, что сдѣлано и у насъ, хотя еще не законодательнымъ порядкомъ, а только частно предложено на недавнемъ съѣздѣ натуралистовъ. Авторъ дѣлаетъ оцѣнку всѣмъ тѣмъ всемірнымъ мѣрамъ, какія мы въ настоящее время могли бы избрать въ случаѣ, еслибы мы утратили образцы принятыхъ нами мѣръ, или нашли бы нужнымъ ихъ исправить, довести до идеальнаго совершенства. Основываясь на новѣйшихъ научныхъ соображеніяхъ, онъ въ этомъ случаѣ отдаетъ предпочтеніе полярной оси передъ маятникомъ. На основаніи же вычисленій и новѣйшихъ поправокъ въ опредѣленіи длины этой оси, также

какъ эллиптичности меридіана, сдѣланныхъ Шубертомъ, записка котораго была помѣщена въ «Запискахъ» нашей академіи наукъ, и еще болѣе точныхъ вычисленій капитана Клерка, авторъ вычисляетъ, что французская единица — метръ, короче истинной на 208 долю дюйма. Признавъ полярную систему за лучшую изъ системъ, а ось за лучшую единицу мѣры и десятичную, авторъ находитъ, что способъ рѣшенія вопроса: какую десятичную часть земной оси представляетъ какая нибудь длина англійской мѣры, гораздо проще и скорѣе, чѣмъ при такомъ же опредѣленіи французской мѣры. На основаніи этого, онъ считаетъ за лучшее не вводити новыхъ мѣръ, но увеличить вазенный ярдъ (конечно, и всѣ его доли и кратныя) на одну тысячную долю настоящей ихъ длины. Онъ полагаетъ, что этому примѣру послѣдовали бы Америка и Россія, какъ такия страны, гдѣ принятъ англійскій футъ. Единственную причину, недопускающую этого въ Англіи, онъ находитъ въ несообразности и запутанности прежней системы мѣръ въ вѣсахъ и ѣмкости. По этимъ послѣднимъ недостаткомъ страдаемъ и мы; сверхъ того, у насъ не можетъ быть такихъ большихъ затрудненій въ практикѣ, на какія указываетъ Гершель для Англіи, на томъ основаніи, что для насъ десятичная система не новость. Въ бесѣдѣ объ «атомахъ» помѣщенъ разговоръ между «Гермогеномъ и Герміономъ», бывшій уже у насъ въ печати. Въ бесѣдѣ о «происхожденіи силъ» дѣло идетъ о цѣломъ рядѣ, весьма интересныхъ для науки, но далеко еще нерѣшенныхъ вопросовъ: какъ относится сила къ матеріи, какъ согласовать причинность и послѣдовательность явленій и взглядъ на всѣ явленія, какъ на переходъ одного рода движеній въ другой, съ проявленіями въ чловѣкѣ воли, и т. д. Послѣдняя бесѣда, «объ оцѣнкѣ искусства въ стрѣльбѣ арбалетомъ», представляетъ наложеніе приложения теоріи вѣроятности къ частному случаю и разъясненіе причинъ ошибокъ въ результатахъ, истекавшихъ изъ самаго способа приложения теоріи. Здѣсь уже авторъ приводитъ математическія формулы, такъ что эта бесѣда будетъ не для всѣхъ доступна.

Чудеса древней страны пирамидъ. *Географическія, историческія и бытовія картины древняго Египта въ періодъ его процвѣтанія и упадка.* Сочин. доктора Карла Опеля. *Переводъ съ нѣмецкаго, съ 2-го исправленнаго изданія, Н. Страхова. Съ 160 рисунками, помѣщенными въ текстѣ, 8 топографическими и 2 хромотитическими картинами, картою долины Ніомъ и планомъ съ птичьимъ полетомъ египетскихъ памятниковъ въ Нильской долины. Въ 2 частяхъ. С.-Петербургъ. Изданіе книжпродавца Д. Ф. Федорова. 1868 г.*

Опель говоритъ, что цѣль его книги — «обратить вниманіе читателей на тотъ замѣчательный народъ, отъ котораго всѣ другіе народы около Средиземнаго моря получили болшую часть

своей культуры и который такимъ образомъ имѣлъ существенное вліяніе и на нашу новѣйшую цивилизацію».

Авторъ путешествовалъ въ 1867 или 1866 году. Онъ описываетъ то, что онъ видѣлъ и всякій можетъ видѣть въ Египтѣ въ настоящее время. Но Египетъ настоящаго времени представляетъ изъ себя страшную картину развалинъ, заустѣвннх и бѣдноты. Есть еще тамъ не мало остатковъ и пренжнаго величія страны, но эти остатки только сильнѣе говорятъ объ ея разореніи и заустѣвннх. Все наводитъ тамъ на мысль о томъ, какъ, должно быть, величественна и могущественна была эта страна когда-то прежде. При взглядѣ на развалины огромнѣйшихъ храмовъ, дворцовъ, сфинксовъ, обелисковъ, почти сплошною массою покрывающихъ весь Египетъ на пространствахъ 750 квад. миль, въ воображеніи каждаго путешественника невольно должна рисоваться картина древняго Египта, во времена его процвѣтанія. И вотъ ученый нѣмецкій путешественникъ, при помощи воображенія, сказаній древнихъ греческихъ писателей и новѣйшихъ ученыхъ открытій, раскопокъ и изслѣдованій, сдѣланныхъ на мѣстѣ, пытается нарисовать предъ читателемъ эту картину. И надобно отдать ему справедливость, картина выходитъ очень живая и довольно полная. Намъ кажется особенно удачною мысль автора, и это свое описаніе древняго Египта вести такъ, какъ онъ началъ и ведетъ описаніе Египта новаго— въ формѣ описанія путешествія. Несмотря на тяжелый переводъ, картина древняго Египта выходитъ все еще до того живая, что читатель невольно забываетъ о теперешнемъ Египтѣ, съ его развалинами и невообразимою лѣнью жителей, и совершенно переносится мыслью въ тотъ Египетъ, который былъ тщательно обработанъ, покрытъ великолѣпною растительностію, прорѣзанъ множествомъ каналовъ, застроенъ величественными зданіями и заселенъ густою массою людей дѣятельныхъ, образованныхъ и гордыхъ сознаніемъ своего политическаго могущества и умственнаго и нравственнаго превосходства предъ сосѣдами.

Вотъ, напряміръ, какъ описываетъ авторъ древнія Оивы:

«Онамъ нѣсколько главный городъ изъ всѣхъ городовъ Египта, но въѣнецъ всѣхъ городовъ своего времени. На эту мысль наводитъ насъ все, что мы видимъ: роскошь гульбищъ, примечательныя гулянья въ пальмовыхъ лѣсахъ, торопливность мномядущихъ, жизнь на рѣкѣ и появленіе богатыхъ праздновательскихъ. Тутъ одинъ, пока онъ спокойно спитъ, даетъ себя слугамъ нести на прогулку въ качалкѣ; тамъ другой гребетъ въ раззолоченной маленькой лодкѣ; вотъ по ту сторону третій старался убить время за уженемъ. Рабы вынесли ему на берегъ сѣдалище съ великолѣпными подушками, положили ему коверъ подъ ноги, и свади его одинъ слуга стоятъ съ зонтомъ отъ солнца, а другой съ опахаломъ отъ мухъ».

При этомъ авторъ очень кстати замѣчаетъ:

«И въ Египтѣ также, какъ повсюду на свѣтѣ: кто вложилъ хорошо употребилъ бы время, у того его нѣтъ; а у кого оно есть, тотъ не знаетъ, что съ нимъ дѣлать. Теперь пройдемъ въ столицу между первыми домами. Тотчасъ на право у

насть — старый кварталъ гавани. Что за дѣятельная жизнь! Что за нестрота занятій! Тамъ стоятъ торговля суда съ горшечнымъ товаромъ изъ Атто и съ тканями изъ Сна, съ предметами роскоши изъ Мемфиса и съ винами изъ различныхъ странъ. Здѣсь цѣлый день продаютъ и покупаютъ. На берегу разбитъ огромный рядъ лавокъ и въ сумазбродной толкотнѣ люди перекатываются какъ волни... Тутъ два матроса играютъ въ зерни, тамъ повзвизываетъ клясухъ на канатѣ, тамъ звучитъ громкое пѣніе изъ нитейнаго дома. И что только за занятія на рѣкѣ! Сотни грузовыхъ судовъ стоятъ на якорѣ, или приходятъ и отходятъ, и еще гораздо больше число гондолъ, служащихъ для переправы съ одного берега на другой, или для увеселительныхъ поѣздокъ. У судовщиковъ въ Овавахъ занятіе прибыльное; на разстояніи двухъ часовъ, лодки постоянно ѣздятъ взадъ и впередъ, и это съ ранняго утра до поздней ночи.

Или вотъ описаніе народнаго религіознаго праздника:

«Смотри, какаѣ тѣснота и дѣятельность! Тисячами поднимаются по высокимъ тѣснницамъ (къ храму) и бродятъ между ногами колоссовъ (статуй передъ входомъ въ храмъ) какъ карлики. Здѣсь расположилась группа; тамъ въ дверяхъ взадъ и впередъ тѣснится и колыхается масса, тутъ встрѣтились старіе друзья; вонъ идетъ цѣлая процессія съ игрой (?) на свирѣяхъ и флейтахъ; тамъ жители какого-нибудь дальняго мѣста уже готовятся къ отъѣзду. И что за живыя, за равнообразіе представляетъ рѣка у нашихъ ногъ! Какія массы лодокъ всякаго рода! Здѣсь одна съ лебединой шеей; тамъ носъ другой въ видѣ змѣи; на третьей оны совсѣмъ въ родѣ трубъ! И эти великолѣпные багдакинны!... Оглянитесь туда! Здѣсь только что началась гонва. Эге! какъ барки стрѣлою мчатся по водѣ! А тамъ по той сторонѣ видишь ты багренье рыбы! Неуклюже (?)! Вонъ попалъ одинъ въ воду, товарищъ вытаскиваетъ его теперь изъ нея. Музыка и веселое ликование со всѣхъ сторонъ! Веселье и радость на всѣхъ лицахъ!...»

Въ этомъ родѣ пишетъ авторъ почти всю книгу. Мы рекомендовали бы ее особенно юнымъ читателямъ (для которыхъ она и написана), и затѣмъ преподавателямъ исторіи — авось она, по прочтеніи этой книги, внесла бы въ свои лекціи объ Египтѣ болѣе жизни и картинности, чѣмъ они это обыкновенно дѣлаютъ.

Оправданные, осужденные и укрышіеся отъ суда.
Замѣчательнѣйшіе уголовные процессы изъ практики новѣихъ судовъ, съ критическимъ разборомъ предварительныхъ слѣдствій по этимъ процессамъ. В. Н. Леонтьева. Спб. 1868.

Книга г. Леонтьева составлена съ благимъ намѣреніемъ ознакомить людей, мало понимающихъ сущность и духъ гласнаго судопроизводства, вводимаго въ наше время въ Россіи, съ тѣми выгодами и гарантиями, какія эта реформа представляетъ для чести и неприкосновенности права личности людей, имѣющихъ несчастіе подпадать подъ слѣдствіе и судъ, сравнительно съ недавней системой уголовного судопроизводства, господствовавшей въ нашемъ отечествѣ. Важнѣйшимъ условіемъ для достиженія на практикѣ благотворныхъ результатовъ новой системы, г. Леонтьевъ ставитъ пониманіе сущности ея всѣми лицами, которымъ выпадаетъ на долю производство предварительныхъ слѣдствій, дознаній, розысковъ и т. д., то-есть судебными чиновниками, полицейскими агентами и сельскими властями, и для этихъ-то лицъ книга его преимущественно и составлена. «На основаніи

собранныхъ слѣдствіемъ матеріаловъ — говорить составитель книги въ своемъ къ ней предисловіи — обвинительная власть приходитъ къ заключенію, существуютъ ли въ достаточномъ количествѣ данныя для составленія обвинительнаго акта противъ лицъ, привлеченныхъ слѣдствіемъ, какъ подозрѣваемыхъ въ совершеніи преступленія. Подвергнувъ эти матеріалы строгому анализу, обвинительная власть выбираетъ изъ нихъ, для окончательнаго разъясненія судебнымъ слѣдствіемъ, все, что можетъ служить къ обличенію подсудимаго. Такое же точно значеніе имѣютъ эти матеріалы и для защиты въ интересахъ подсудимаго. Присяжные, въ свою очередь, провозносятъ приговоръ по убѣжденію ихъ совѣсти; но для того, чтобы сложилось извѣстное убѣжденіе, необходимы данныя, изъ которыхъ бы оно могло сложиться; и естественно, что чѣмъ больше данныхъ, провѣренныхъ критикою обвинителя и защитника, тѣмъ правильнѣе и тверже будетъ убѣжденіе присяжныхъ, провозносящихъ, на основаніи этого убѣжденія, свое: «да» или «нѣтъ». Все дѣло, слѣдовательно, въ предварительномъ слѣдствіи, вспомошествоуемомъ дознаніями и розысками. Отъ умѣнья или неумѣнья, отъ желанья или нежеланья раскрыть истину со стороны тѣхъ, кто производитъ слѣдствія, дознанія и розыски, зависитъ успѣхъ или неуспѣхъ въ отпращиваніи правосудія и всѣ происходящія отъ того для общества послѣдствія. Принимая все это въ соображеніе, не слѣдуетъ ли искать причинъ для объясненія нѣкоторыхъ рѣшеній, произнесенныхъ (у насъ со времени введенія въ дѣйствіе судебной реформы) присяжными засѣдателями, въ недостаткахъ и промахахъ предварительныхъ слѣдствій? Исполнѣ ли наши слѣдователи отрѣшились отъ старыхъ обычаевъ и пріемовъ, вытекавшихъ прямо изъ требованій стараго уголовного процесса?

Для разрѣшенія этихъ вопросовъ составитель книги подвергаетъ критическому разсмотрѣнію важнѣйшіе судебные процессы послѣдняго времени (Дѣло о Веретиновѣ, Горловѣ, Иванѣ Ивановѣ и т. д.), и, какъ и слѣдовало ожидать, находитъ обильный матеріалъ для подтвержденія того, что на предварительныхъ слѣдствіяхъ по этимъ дѣламъ у насъ бывали случаи и небрежности, и неумѣлости, и рутинны, и непониманія, и ни одно изъ нихъ (выбранныхъ г. В. Леонтьевымъ) не обходилось безъ такихъ вольныхъ или невольныхъ промаховъ и упущеній со стороны лицъ, производившихъ слѣдствія. Все это дѣлаетъ книгу его, конечно, весьма полезной, но... въ основныхъ своихъ взглядахъ г. В. Леонтьевъ является такимъ же фанатикомъ юстиціи *quand-même*, какъ и большинство ревнителей абстрактной юридической справедливости, хотя бы она была даже въ ущербъ дѣйствительнымъ интересамъ общества, какъ массы живыхъ людей, до которыхъ доктринерствующимъ юристамъ въ сущности нѣтъ никакого дѣла. Возможность оправданія виновнаго кажется г. В. Леонтьеву одинаково страшной, какъ и ошибка, обуславливающая гибель невинныхъ; страшный призракъ *nevertheless*

нѣжности составляетъ для него какъ-бы *bête noire*, и отвлеченные интересы обвиненія для него на столько же дороги, какъ и жизненные интересы защиты, хотя онъ въ свонкъ сужденійхъ и не доходитъ, какъ, напримѣръ, Моро-Кристофъ, до такихъ крайностей, во имя которыхъ всякія *смычающія обстоятельства* считаются только досаднымъ препятствіемъ для водворенія въ міръ полнѣйшей справедливости въ практическо-юридическомъ смыслѣ этого слова, то-есть возможнаго распространенія карающей силы законовъ, даже не взирая на то, соответствуетъ ли степень кары, налагаемой на преступленія существующими законодательствами, духу времени и требованіямъ гуманности (слово, отъ котораго такъ претить и коробить нѣкоторыхъ русскихъ публицистовъ и дѣятелей недавняго времени). Такимъ образомъ судебныя пренія, по мысли г. В. Леонтьева, должны представлять какой-то отвлеченно-логическій турниръ «въ интересахъ истины». «Борьба между обвиненіемъ и защитой — говоритъ онъ — должна состоять только въ томъ, чтобы силою имѣющихся въ дѣлѣ данныхъ съ одной стороны ослабить силу и значеніе данныхъ, приводимыхъ другою, и строго-логическими выводами разрушить группировку фактовъ и выводы противной стороны. Личность обвиняемаго можетъ служить об'явямъ сторонамъ лишь на столько, на сколько извѣстные факты могутъ быть объяснены или подкрѣплены, а другіе опровергнуты или ослаблены психическимъ состояніемъ обвиняемаго и различнаго рода отношеніями его къ жертвамъ преступленія, или связями съ ними, если это, разумѣется, разъяснено предварительнымъ или судебнымъ слѣдствіемъ. Прошедшая жизнь обвиняемаго, несвязанная непосредственно съ преступленіемъ, въ которомъ онъ обвиняется, матеріальное положеніе его, среда, въ которой онъ вращался, степенъ его умственнаго и нравственнаго развитія и т. п. могутъ служить защитнику только какъ аргументы для убѣжденія присяжныхъ и судей въ необходимости признать для подсудимаго облегчающія вину обстоятельства, въ случаѣ, если онъ будетъ признанъ виновнымъ въ совершеніи вводимаго на него преступленія. Но ни обвиненіе, ни защита не должны вооружаться этими же аргументами, для убѣжденія присяжныхъ въ виновности или невинности подсудимаго. Прибѣгая къ этимъ аргументамъ, съ цѣлью построить на нихъ или *подкрѣпить или обвиненіе или защиту*, об'я стороны выходятъ изъ предѣловъ дѣйствительности и становятся на почву идеальную; говорятъ не въ пользу доказательства или опроверженія факта и отношеній къ нему обвиняемаго, а занимаются словопреніями о вѣрности или не вѣрности преступленія. При этомъ *сторона обвиняющая всегда останется въ нападѣ*; нападая на прошедшую жизнь обвиняемаго, она помогаетъ сторонѣ защищающей, которая, опираясь на прошедшую жизнь преступника, анализируя ее, *всегда почти найдетъ аргументы для доказательства не вѣрности*, разумѣется, теоретическіе; но и

этого достаточно *иногда*, чтобы поколебать совѣсть присяжныхъ и ослабить обвиненіе, опирающееся болѣе на декламаторствѣ, чѣмъ на фактахъ».

Мы нарочно выписали всю эту тираду, чтобы читатели наши сами могли увидѣть, какъ обыкновенно у поборниковъ отвлеченной справедливости (впрочемъ, только тогда, когда дѣло касается до судебныхъ разбирательствъ въ существующихъ и признанныхъ для этого правительствами учрежденіяхъ), сквозь всю ихъ аргументацію, постоянно сквозить боязнь какого-либо ущерба для обвинительной власти, какъ, не имѣя достаточныхъ доводовъ отрицать возможности примѣненія невѣрнаемости ко множеству случаевъ, когда такое ея примѣненіе было бы весьма неизлишнимъ, все, клонящееся къ интересу обвиняемаго они готовы называть теоретическимъ и считать идеальнымъ всякое живое отношеніе къ защитѣ подсудимыхъ, какъ будто въ этихъ случаяхъ дѣло шло не о существахъ съ плотью и кровью, нелишенныхъ *идеальной* стороны, а только о какомъ-нибудь неодушевленномъ *corpus delicti* и т. д. Ну, а еслибы, напримѣръ, главный фактъ, служащій къ обвиненію подсудимаго, былъ бы такъ ловко поставленъ обвинительною властью, пристрастной, напримѣръ, къ усиленно-логическимъ построеніямъ, что защитникъ, уступая въ то же время обвинителю въ діалектическихъ способностяхъ, не могъ бы логическимъ путемъ показать его несостоятельности, а подсудимый-то въ то же время былъ бы невиненъ? Неужели такой случай невозможенъ? а если притомъ предположить, что дѣло идетъ о преступленіи, весьма тяжело наказываемомъ существующими законами, неужели и тогда защитникъ не имѣлъ бы права настаивать не на томъ, чтобы примѣнить къ обвиняемому облегчающія обстоятельства, такъ-какъ этимъ самымъ онъ показывалъ бы, что и самъ раздѣляетъ внутренно убѣжденіе въ его виновности, а прямо на невинности обвиняемаго, почерпая для этого данныя изъ всей прошлой его жизни, степени его образованія и т. д. и т. д.?

Но доктринерствующіе юристы, къ числу которыхъ принадлежатъ и составитель разбираемой нами книги, обыкновенно не останавливаются надъ тѣми соображеніями, какія могутъ быть вызваны хотя бы приведеннымъ нами случаемъ (а подобныхъ привести можно и не одинъ), но за то обыкновенно изложеніе ихъ взглядовъ, внѣшнимъ образомъ представляется и строго легальнымъ при всякихъ условіяхъ законодательства и вмѣстѣ съ тѣмъ систематически-правосуднымъ и либерально-разсудительнымъ. Всякое другое воззрѣніе, выходящее изъ рутинной колеи усвоенныхъ ими взглядовъ, съ ихъ точки зрѣнія, кажется имъ и предосудительно и произвольно и *чуть ли не преступно*, хотя никто изъ нихъ, конечно, и не замѣчаетъ, что ихъ абстрактныя теоріи справедливости суть именно такого рода эластическія теоріи, съ которыми въ практикѣ жизни всего удобнѣе уживается и сдружается всякая неправда и всяческая несправедливость...

Одинъ въ полѣ не воинъ. Романъ въ двухъ томахъ Фридриха Шпильгагена (пер. съ нѣмецкаго). Изданіе редакціи журнала «Дѣло». Спб. 1867—1868 г.

Передъ нами романъ, серьезная оцѣнка котораго невозможна въ библиографическомъ очеркѣ, и требовала бы цѣлага ряда критическихъ статей, еслибы условія нашего печатнаго слова не налагали порою на пишущихъ невольнаго объѣта молчанія. Помимо художественной его стороны и весьма драматично-развитой фабулы, героемъ которой, подъ вымышленныхъ именемъ Лео Гутмана, фигурируетъ одинъ изъ самыхъ энергическихъ западно-европейскихъ, политическихъ и социальныхъ дѣятелей новѣйшаго времени — Фердинандъ Лассаль, мысли и идеи котораго дадутъ содержаніе для теоретическаго обсуждения и практической дѣятельности общественнаго характера въ будущемъ, вѣроятно, еще не на одно десятилѣтіе — самое обиліе современныхъ вопросовъ, олицетворенныхъ въ живые характеристическіе образы въ романѣ, представляетъ столько интереса для мыслящихъ читателей, что каковъ бы ни былъ нашъ личный взглядъ на основную идею этого произведенія, и еслибы онъ даже не былъ въ ея пользу, мы прежде всего, все-таки, считаемъ своей обязанностью рекомендовать его русской читающей публикѣ. Чтеніе такого романа будетъ во всякомъ случаѣ благотворно для читателя, будетъ или нѣтъ онъ согласенъ съ основною его идеей, и даже правильно или неправильно ее пойметъ, такъ-какъ богатство частныхъ, олицетворяющихъ послѣдніе фазисы основной борьбы европейской мысли по самымъ разнообразнымъ и щекотливѣйшимъ вопросамъ социальной науки (отношеніе рабочаго вопроса къ современному строю европейской гражданственности, государству, обществу, буржуазіи, капиталу, различнымъ формамъ проявленія либерализма, прогрессивнаго направленія радикализма, также, какъ и ко всѣмъ видамъ реакціи, обскурантизма, ультрамонтанства и т. д.), ни въ какомъ случаѣ не можетъ пройти безслѣдно для читателя и не составитъ для него значительнаго интереса, если онъ только хотя сколько-нибудь способенъ интересоваться предметами, выходящими изъ уровня обычной житейской пошлости. Въ этомъ смыслѣ романъ Шпильгагена такая живая, панорамическая картина современной социальной и политической германской дѣятельности, что намъ даже рѣдко во всѣхъ европейскихъ литературахъ встрѣчалось читать что-либо подобное. Столкновеніе интересовъ всѣхъ сословій современныхъ европейскихъ обществъ, выражающееся многоразличными коллизіями и катастрофами, интриги и столкновенія различныхъ партій въ обществѣ и государствахъ, броженіе идей самаго различнаго закала, и всякіе доводы за и противъ той или другой теоріи и системы и т. д. и т. д., все это, въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ, встрѣчается чуть не на каждой страницѣ романа. Если прибавить къ этому, что въ романѣ разоблаченъ

нѣкоторыя обстоятельства недавней политики одного изъ германскихъ государствъ, а въ главныхъ дѣйствующихъ лицахъ весьма типично изображены даже и нынѣ живущіе дѣатели, то нити не станеть удивляться, что произведеніе Шпильгагена имѣло громадный успѣхъ въ Германіи. Мало того, тонкій умъ автора, проглядывающій въ романѣ, и мастерское умѣнье вести запутанную интригу черезъ все произведеніе — доказываютъ, очевидно, что романъ написанъ не безъ цѣли; но чтобы опредѣлить безошибочно, какова именно эта цѣль, нужно такое подробное знаніе всѣхъ послѣднихъ перипетій вопроса о трудѣ въ Германіи, такихъ частныхъ и тонкостей, на какія мы, конечно, не можемъ даже и претендовать. Ясно одно, что въ политическомъ смыслѣ цѣль Шпильгагена должна быть свойства добропорядочнаго; за это ручается какъ зоркость его ума, такъ и значительная широта взглядовъ, вслѣдствіе которыхъ для публики становится очевидно, что къ дѣятельности Лео Гутмана онъ относится почти во всей книгѣ гораздо съ болѣешимъ уваженіемъ, нежели къ партіи либераловъ Шульце-Деличевскаго заката, не говоря уже о партіяхъ, подобныхъ влерживальной или шперской. Но, въ то же время, для русскихъ читателей, для которыхъ множество намековъ на современность, разсѣянныхъ въ романѣ, конечно совершенно пропадаютъ, трудно понять, почему Шпильгазену повадилось придумывать различныя вымышленныя событія, и сочинять вымышленныя личности, которыя окружаютъ его героя, тогда какъ жизнь Лассала сама по себѣ исполнена въ избыткѣ романтическаго элемента: для того ли, чтобы въ такихъ искусственныхъ и придуманныхъ комбинаціяхъ рельефнѣе обрисовать эту могучую личность, или только для того, чтобы «не дразнить гусей», такъ-какъ весьма многіе изъ участниковъ жизненной драмы Лассала, какъ извѣстно, здравствуютъ и благоденствуютъ еще до сихъ поръ. Точно также для насъ не совсѣмъ ясно, почему Шпильгагенъ останавливается съ такимъ вниманіемъ на неудавшейся попыткѣ Лассала—основанія ассоціаціи Тухгеймскихъ фабричныхъ на началахъ полиційскаго самоуправленія, и обходить молчаніемъ цѣлый рядъ организованныхъ Лассалемъ обществъ рабочихъ въ рейнскихъ провинціяхъ Германіи, устроенныхъ имъ въ противодѣйствіе таковымъ же, основателемъ которыхъ былъ Шульце-Деличъ и общество такъ-называемыхъ «филиальныхъ», которыхъ еще въ 1866 году, несмотря на то, что дѣятельность ихъ, за смертью Лассала, нѣсколько и затруднилась, существовало во Франкфуртѣ на Майнѣ, Солингенѣ, Эльберфельдѣ, Майнцѣ, Дюссельдорфѣ и т. д. еще около сорока, а въ 1863 году депутатами отъ этихъ обществъ былъ устроенъ «нѣмецкій рабочій союзъ», цѣлью котораго было «мирнымъ и легальнымъ путемъ, въ особенности возбужденіемъ всеобщаго убѣжденія, дѣйствовать въ пользу введенія всеобщаго избирательнаго права». Привзаемса, намъ не особенно нравится и самое названіе романа: «Одинъ въ полѣ не воинъ»; такимъ названіемъ какъ-бы предосуждается и обрекается неуспѣху

всякая самообитная одиночная дѣятельность человѣка, въ какомъ бы то ни было направленіи, какъ бы ни велико было напряженіе его энергіи, и какъ бы ни высоко было качество его умственныхъ и нравственныхъ силъ. Справедливо, что одинъ человѣкъ даже и съ такимъ закадомъ не можетъ сдѣлать всего; но онъ, бесспорно, можетъ сдѣлать весьма многое, чему неоспоримымъ подтвержденіемъ служитъ даже и дѣятельность самого Лассала, тѣмъ болѣе, что въ жизни вѣдь просто никогда и не бываетъ, чтобы кто-либо могъ дѣйствовать совершенно однокимъ. Каждый гениальный человѣкъ, помимо того, что минутами онъ двигаетъ цѣлыя толпы, имѣетъ всегда и друзей и сторонниковъ и восторженныхъ поклонниковъ, и Лассаль, какъ свидѣтельствуютъ его биографы, тоже имѣлъ ихъ. Мало того, исторія представляетъ цѣлый рядъ примѣровъ, когда энергія одного человѣка спасала цѣлый народъ. Развѣ Юдифъ не одна спасла евреевъ, Виргинія — римлянъ, Іоанна-д'Аркъ — Францію? Или инициативу, способную, подобно электрической искрѣ, вызвать цѣлый рядъ новыхъ явленій, не должно считать *дѣломъ*, оставляя такое названіе только за механическимъ рядомъ дѣйствій цѣлыхъ массъ? Не такъ думаютъ обыкновенно дѣйствительно призванные дѣятели, не такимъ узкимъ пониманіемъ освященны, на примѣръ, бессмертныя произведенія Леопарди, строгая муза котораго воспитала не одного изъ мучениковъ итальянскаго дѣла, или героевъ современнаго намъ ея освобожденія. Вотъ, на примѣръ, что говоритъ этотъ поэтъ, въ своемъ знаменитомъ обращеніи All'Italia, въ которомъ онъ, видя позоръ и рабство своей дорогой родины и не видя прежней доблести, одушевлявшей ея сыновъ, находить въ душѣ своей такой откликъ на безсиліе своей страны:

Nessun pugna per te? non ti difende
 Nessun de tuoi? L'armi, qua l'armi: io solo
 Combattero, procombero sol io.
 Dammi, o ciel, che sia foco
 Agl'italici petti il sangue mio.

(Никто за тебя не борется? Никто изъ твоихъ дѣтей не защищаетъ тебя? Оружія, оружія сюда! Я одинъ поднимусь за тебя! Я одинъ заставлю враговъ убить меня! Но испроси Боже, чтобы кровь моя—обратилась въ огонь, который обхватилъ бы сердца всѣхъ настоящихъ сыновъ Италіи!)

Не такъ говорить и дѣйствуютъ самые герои романа Шпильгагена, энергическій Лео и самоотверженная Сильвія, и, если роману придано авторомъ неудачное заглавіе, только ради того, чтобы вызвать въ средѣ соотечественниковъ автора какъ можно болѣе подражателей Лассала, и сторонниковъ его мысли—такъ какъ старанія послѣдняго будутъ въ состояніи *столпомъ* воплотиться въ жизнь только тогда, когда идеи его будутъ искренно исповѣдываться многими лицами, то все-таки двусмысленное названіе — ошибка со стороны Шпильгагена.

Но, какъ мы это уже высказали, несмотря на нѣкоторые недостатки, мы все-таки считаемъ произведение Шпильгагена замѣчательно яркимъ и выдающимся произведеніемъ, чтеніе котораго не можетъ не повліять благотворно на сколько-нибудь развитаго читателя, если только его мысль не страдаетъ свѣтлостью, и онъ не лишень способности интересоваться тѣмъ, въ чемъ мыслящее европейское меньшинство находитъ неистощимый матеріалъ для глубокаго обдумыванья. Переводъ романа, особенно второй его части, недурень, хотя мѣстами и попадаются промахи противъ русскаго языка. Нѣкоторые изъ нихъ даже чересчуръ бросаются въ глаза и ихъ слѣдовало бы исправить. Такъ напри- мѣръ, на страницѣ 900-й переводчикъ въ уста короля влагаетъ слѣдующую фразу: «Лучше всего—солнечный свѣтъ, благотвори- ный солнечный свѣтъ, который *хотя и располжаетъ на золотъ насъкомыхъ*, все же наполняетъ отрадою сердце бѣднаго юноши». Очевидно, что по русски слѣдовало сказать: который *хотя и рас- полжаетъ насъкомыхъ, кружащихся въ воздухѣ, и обдѣляющихъ голову и т. д.*, но переводчику почему-то показалось, что ко- роль говорить именно о такихъ видахъ насъкомыхъ, о кото- рыхъ вѣроятно короли не имѣютъ даже никакого понятія.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТЕАТРЫ.

(«Золотая рыбка». Балетъ въ трехъ актахъ и семи картинахъ. Соч. Сентъ-Леона. Сюжетъ заимствованъ изъ сказки Пушкина. Музыка Минкуса.)

Я люблю балетъ за его постоянство. Возникаютъ новыя госу- дарства; врываются на сцену новыя люди; нарождаются новыя факты; измѣняется цѣлый строй жизни; наука и искусство съ тревожнымъ вниманіемъ слѣдятъ за этими явленіями, дополняящими и отчасти измѣняющими самое ихъ содержаніе — одинъ балетъ ни о чемъ не слышитъ и не знаетъ; одинъ балетъ съ истинно-трогательнымъ постоянствомъ продолжаетъ возглашать *vive Henri IV!* въ то время, какъ Наполеониды...

Балетъ консерваторъ по преимуществу, консерваторъ до само- забвенія. Онъ знаетъ, что цвѣтущее его состояніе тѣсно связа- но съ большою или меньшею солидностью тѣхъ браугольныхъ камней, которыми отъ времени до времени бросаетъ въ публику русская публицистика; онъ чтить эти камни, потому что они въ лицахъ присутствуютъ въ первыхъ рядахъ, и охотно посвя- щаетъ себя на служеніе имъ. «Пускай астрономы доказываютъ, что земля вокругъ солнца обращается», говоритъ онъ, и, вмѣстѣ съ публицистами, убѣждаетъ, что въ балетно-благоустроенномъ мірѣ никакъ подобнаго рода стѣсненій допущено быть не мо- жетъ, ибо здѣсь все зависитъ отъ усмотрѣнія балетмейстера.

Вотъ первый краеугольный камень, связующій балетъ съ консерватизмомъ.

Владнчествуя за панибрата въ сферѣ духовъ и видѣній, повелѣвая стихіями, распораяаясь свободно теченіемъ небесныхъ свѣтилъ, балетъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, возвышаетъ умъ и сердце человѣка. Это краеугольный камень нумера второго. Консерваторы любятъ парить духомъ и возноситься сердцемъ при видѣ порхающихъ балеринъ; они любятъ уноситься мыслью въ трансцендентальныя сферы при видѣ коротенькихъ газовыхъ юбочекъ; они любятъ умиляться духомъ при видѣ маленькихъ ножекъ, которыя поднимаются... поднимаются... Съ своей стороны, балетъ очень хорошо сознаетъ благотворное дѣйствіе, производимое имъ на консерваторовъ, и потому усугубляетъ свое служеніе консервативнымъ началамъ до самоотверженія. Въ порывѣ преданности, онъ дѣлается даже либераленъ, и, рискуя произвести въ театрѣ консервативную революцію, неустанно взываетъ къ корифеямъ: выше! выше!

Еслибъ было достовѣрно доказано, что «духа долины» не существуетъ—чтоъ случилось бы съ балетомъ? Еслибъ явился новый Галилей, который, передъ зрителями первыхъ рядовъ большаго театра, выразилъ бы робкое предположеніе, что «пламя любви» есть не болѣе, какъ балетный предразсудокъ—чтоъ случилось бы съ консерваторами? И балетъ, и консерваторы очень хорошо понимаютъ, что въ Галилеяхъ заключается ихъ погубель, и потому тѣснѣе и тѣснѣе скрѣпляютъ связующія ихъ узы, давая торжественную клятву не имѣть иной вѣри, кромѣ вѣри въ «пламя любви», и не руководиться иными убѣжденіями, кромѣ убѣжденій «духа долины».

О Галилеи! найдется ли у васъ достаточно силъ, чтобы сокрушить этотъ крѣпкій балетно-консервативный союзъ?

Но никогда еще единомысліе балета и консервативныхъ началъ не выразалось съ такою яркостью, какъ въ балетѣ «Золотая рыбка», поставленномъ прошлую осень на сценѣ петербургскаго большаго театра. Тутъ все, отъ перваго до послѣдняго антраша, съ изумительною послѣдовательностью, поставлено въ явное противорѣчіе не только съ Галилеемъ, но даже съ географіей Арсеньева и исторіей Смараглова (два авторитета, допускаемые даже консерваторами, конечно, не слишкомъ рьяными). Но потому-то именно этотъ балетъ и получилъ такой необыкновенный успѣхъ. Консерваторы поняли, что онъ не только возвышаетъ умъ и сердце, но имѣетъ еще весьма важное воспитательное значеніе, что онъ, убѣждая зрителей неизблемо хранить вѣру въ «духа долины», въ то же время вырываетъ съ корнемъ послѣднее зло, подрывавшее эту вѣру, и смѣлою рукою сводитъ «Географію» съ ея пьедестала.

И въ самомъ дѣлѣ, что такое «Географія»? Географія, говорить г. Арсеневъ, есть землеописаніе. Несмотря на ощутительную загадочность этого опредѣленія, въ немъ чувствуется

нѣкоторая конкретность. Изъ-за «землеописанія» выглядываютъ знакомыя намъ фюзіоміи странъ и народовъ, съ ихъ именами и историческими особенностями, а, пожалуй, даже и съ притязаніями. Консерваторскому чувству это противно. Консерваторское чувство желало бы, чтобы географія была именно просто землеописаніемъ, и чтобы за тѣмъ, перевернувши первую страницу, можно было сказать:—ничего въ волнахъ не видно! Поэтому, консерваторы давно уже подозрѣвали географію въ неблагонамѣренности и измѣнѣ, даже пробовали, при помощи публицистовъ, пускать въ нее краугольными камнями до-волью увѣсистаго свойства, но до сихъ поръ усилія ихъ почему-то не имѣли надлежащаго успѣха. И вотъ, эту безцѣнную услугу, которая оказалась не подъ-силу даже «Московскимъ Вѣдомостямъ», удалось оказать «великой консервативной партіи» сиромному балетмейстеру петербургскаго большаго театра, г. Сень-Леону.

Но, чтобы понять всю великость подвига, совершеннаго г. Сень-Леонъ, необходимо разсказать здѣсь вкратцѣ содержаніе измышленнаго имъ балета.

Дѣйствіе отрывается на берегу Днѣпра. Повидному, такое опредѣленное обозначеніе мѣстности обнаруживаетъ въ авторѣ нѣкоторое попользованіе примирить балетъ съ географіей, но, въ сущности, какъ увидимъ ниже, это съ его стороны только хитрость. Г. Сень-Леонъ, какъ опытный боецъ, знаетъ, что къ сильному врагу слѣдуетъ подходить съ осторожностью, и потому на первыхъ порахъ рѣшается менажировать его. Въ дѣйствительности, декорачія представляетъ не Днѣпръ, а рѣку Стиксъ, на берегахъ которой, въ противность явному свидѣтельству мифологій, рѣзвятся сказочные поселане и поселанки. Эти простодушныя дѣти природы, какъ и водится, препровождаютъ время въ пляскахъ и играхъ. Почему они пляшутъ? Они пляшутъ потому, что налаживаютъ сѣти, они пляшутъ потому, что готовятъ лодку, они пляшутъ потому, что они поселане, и въ этомъ качествѣ *должны* плясать. Выбѣгаетъ Галя (г-жа Сальвиони) и машетъ руками, въ знакъ того, что у нея есть старшій мужъ, который только спитъ, а ее, Галю, совсѣмъ не утѣшаетъ. Пользуясь симъ случаемъ, поселане пляшутъ опять. Этимъ временемъ, Тарасъ заглядываетъ сѣти въ Днѣпръ, и вылавливаетъ золотую рыбку, которая, однакожъ, оказывается не рыбкою, а прехорошенькою дѣвочкой. Тарасъ отпускаетъ «рыбку» на волю, то-есть обратно въ Стиксъ и въ благодарность за это получаетъ отъ нея вучу раковинъ. «Лишь бы ты чего захотѣлъ — говорить милая дѣвица — брось одну раковину въ воду, и желаніе твое мигомъ сбудется». Затѣмъ начинается цѣлый рядъ превращеній: сначала является новое корыто, потомъ новая изба, и, наконецъ, боярскія хоромы. Галя дѣлается «боарыней», и приобрѣтаетъ себѣ въ услуженіе пажа, въ образѣ котораго искусно скрываетъ себя тоже золотая рыбка.

Свидѣтельствуюсь всѣми историческими и географическими учебниками, принятыми въ руководство и непринятыми (апокрифическими), что въ Днѣпрѣ никогда и никто золотыхъ рыбокъ не лавливалъ, а въ особенности рыбъ, имѣющихъ человѣческой образъ. Ходили, правда, слухи, что рѣка эта населена русалками, а окрестности ея вѣдьмами, но ни Смарагдовъ, ни даже Кайдановъ никогда не признавали за этими слухами никакой достовѣрности. Сверхъ того, никто не въ правѣ игнорировать, что, до распространенія просвѣщенія, всѣ тѣ дамы давно уже выдержали экзамены на домашнихъ учительницъ, и, оставивъ прежнія непроеводительныя занятія, расселились по разнымъ закоулкамъ нашего обширнаго отечества, гдѣ и проживаютъ въ качествѣ гувернантокъ. Г. Сенъ-Леонъ, конечно, знаетъ это, а ежели знаетъ, то ясно, что слово «Днѣпръ» употреблено имъ единственно въ цѣлу географіи, и съ злостнымъ намѣреніемъ погубить ея до сихъ поръ незапятнанную репутацію. И дѣйствительно, совершивъ это сокрушительное дѣло, г. Сенъ-Леонъ уже не стѣсняется никакими географическими терминами, и прямо выводитъ зрителя на ровное мѣсто, гдѣ ничего не видно, а видно одну высь поднебесную.

Я нарочно наблюдалъ, въ продолженіе перваго акта, за старичками-консерваторами, сидящими въ первыхъ рядахъ кресель. Сначала, при имени Днѣпра, ихъ фізіономіи хмурились, но потомъ, по мѣрѣ разъясненія дѣла, постепенно разглаживались; когда же золотая рыбка появилась въ образѣ пажа, то уничтоженіе географіи явилось столь несомнѣннымъ, что лица всѣхъ озарились сладкою консервативною улыбкою. Такому удовлетворительному результату немало, впрочемъ, способствовала г-жа Канцирева, игравшая роль золотой рыбки. Старички-консерваторы съ нечеловѣческимъ вниманіемъ слѣдили за каждымъ движеніемъ этого прелестнаго ребѣнка, и, еслибы не подагра, то, навѣрное, улетѣли бы вслѣдъ за нимъ въ то время, какъ онъ исчезаетъ въ картонныхъ волнахъ псевдо-Днѣпра.

Я совершенно понимаю порывы старичковъ. Госпожа Канцирева очаровательна, и не летѣть за ней невозможно. Но, съ другой стороны, принимая во вниманіе: 1) что старички сѣи, сѣди по совершеннымъ ихъ лѣтамъ, занимають, по малой мѣрѣ, мѣста особъ на заставѣ команду имѣющихъ, и 2) что съ отлетомъ ихъ остался бы неразрѣшеннымъ вопросъ о разныхъ по части заставъ усерженствованіяхъ, я не могу въ то же время не удивляться проворности начальства, которое, вмѣстѣ съ страстными порывами, снабдило старичковъ и подагрой.

Второе дѣйствіе застаётъ Галю боярыней. Но этого ей уже мало; въ сердцѣ ея роятся нныя желанія. Тутъ, какъ нельзя болѣе кстати, врывается въ комнату лучъ мѣсяца («пускай астрономы доказываютъ! пускай доказываютъ!»), и глазамъ Гали представляется чудная картина: царица, окруженная блестящимъ дворомъ. Декорація перемѣняется — и Галя царица! Сцена

представляет парадные апартаменты во дворцѣ, и передъ изумленными глазами зрителей проходитъ великолѣпнѣйшая процессія. Процессія эта состоитъ исключительно изъ министровъ (по крайней-мѣрѣ, *garde des sceaux* былъ тутъ навѣрное), и мнѣ сдается, что присутствуй тутъ г. де-Персинья, или г. де-Лавалеттъ, то они несомнѣнно приняли бы эту сцену на свой счетъ. Министры подносятъ Галѣ корону, но она, припомнивъ изъ Кайданова, что «корона есть бремя», нѣкоторое время колеблется. Тогда, первый министръ употребляетъ рѣшительное средство, чтобы побѣдить эти колебанія; «помилуй! да вѣдь это бумажная корона!» говоритъ онъ, и, къ общей радости остальныхъ министровъ, достигаетъ вождѣлннной цѣли. На сценѣ начинаются танцы, а за кулисами выкатывается бочка пѣннаго для прочихъ подданныхъ.

Но, увы! Галя не оправдываетъ ни довѣрія, ни надеждъ своихъ подданныхъ. Она, какъ женщина легкомысленная, сразу пускается въ плясъ, и даже увлекаетъ въ оный четырехъ министровъ. Образуется прелестнѣйшій *raz des cinq* и Галя съ удовольствіемъ усматриваетъ, что ея министры способны всякую реформу вытанцовать въ лучшемъ видѣ, а современемъ, быть можетъ, будутъ въ состояніи и *surmonter l'édifice*.

Я опять взглянулъ на «старичковъ-консерваторовъ»: на сей разъ они летѣли за г-жею Сальвіони. Вновь пришлось изумиться предусмотрительности начальства, снабдившаго «старичковъ» подагрою; но, съ другой стороны, принимая во вниманіе: 1) что въ усовершенствованіяхъ по части заставъ настоятельной надобности не предстать, и 2) что за симъ, къ безпрепятственному отлету «старичковъ» за г-жами Канциревой и Сальвіони никакихъ затрудненій не представляется, — я не могъ не сознаться, что даже для самой мудрой предусмотрительности имѣются естественные предѣлы, преступить которые не надлежитъ.

Начинается третій актъ, который есть не что иное, какъ организованная галиматья, а потому рассказать его содержаніе нѣтъ возможности. Замѣчательнѣе всего въ этомъ актѣ: появленіе «фантастическаго крестьянина» и полетъ г-жи Сальвіони на коврѣ-самолетѣ...

Я въ третій разъ взглянулъ на «старичковъ-консерваторовъ», съ намѣреніемъ въ третій разъ удивиться предусмотрительности начальства, но, сообразивъ обстоятельства сего дѣла, и имѣя въ виду: 1) что распредѣленіе человѣческихъ немощей ни въ какомъ случаѣ отъ усмотрѣнія начальства зависѣть не можетъ, и 2) что за симъ, всякое сужденіе объ этомъ предметѣ, по малой мѣрѣ, преждевременно — *отредимъ*: не давая ни ближайшаго, ни дальнѣйшаго развитія размышленіямъ о «старичкахъ-консерваторахъ», они прекратить, предоставивъ, впрочемъ, ихъ участь милосердію г-жѣ Сальвіони и Канциревой.

Вотъ краткое содержаніе балета «Золотая рыба», привлекавшаго въ большой театръ многочисленную публику. Я вполне

понимаю цѣли, руководившія г. Сень-Леонъ при сочиненіи этого балета, и даже безоговорочно одобряю ихъ... Я увѣренъ даже, что еслибъ г. Сень-Леонъ могъ разрѣшить корифеямъ и корифейнамъ говорить, то онъ непремѣнно заставилъ бы ихъ говорить погречески или полатыни, все въ видахъ достиженія тѣхъ же консервативно-мнеологическихъ цѣлей... Но я позволяю себѣ усомниться въ одномъ: для чего тутъ необходимо посрамленіе географіи? и дѣйствительно ли усматриваются въ ней такія вредоносныя начала, которыя могутъ серьезно тревожить такъ-называемую «великую консервативную партію»?

Положа руку на сердце, я отвѣчаю: нѣтъ, никакихъ вредоносностей за географію не водится! Говоря по совѣсти, географія, и въ особенності «сокращенная», есть наука очень и очень полезная. Съ помощью ея, можно во всякое время снаряжать экспедиціи, заключать трактаты, расширять и исправлять границы, руководясь единственно одною удобностію. Въ этомъ смыслѣ пользуются географіей московскіе публицисты безъ всякаго опасенія — и что же? выходитъ хорошо! Потому что, не будь географіи, мы именно блуждали бы, такъ-сказать, въ непрерывномъ ужасѣ. Задумавши снарядить экспедицію, мы не знали бы, куда ее снарядить; задумавши побѣдить — не знали бы, кого побѣдить, задумавши занять денегъ — засовывали бы руки совѣмъ не въ тѣ карманы. Я увѣренъ даже, что не только географія, но и исторія, и ариметика, и самый «Домашній лечебникъ» вн. Енгальчева не суть вредны. Дѣло только въ томъ, чтобы извлекать изъ нихъ благопотребное, а непотребное отбрасывать и отсвѣать. Такъ напримѣръ: достовѣрно извѣстно, что безъ помощи «исторіи» мы не имѣли бы понятія о многихъ полезнѣйшихъ мѣропріятіяхъ, а безъ твердаго знанія таблички умноженія не могли бы вести правильный счетъ податей и повинностей. Посему, опасаться географіи нѣтъ основанія; надо только быть твердымъ, а остальное приложится само собою.

Мнѣ всегда казалось, что не тотъ истинный консерваторъ, который фантастически преслѣдуетъ географію, исторію и ариметику, во тотъ, который усматриваетъ въ сихъ «сративхъ руководствахъ» полезныя вспомогательныя науки для сочиненія руководящихъ публицистическихъ статей. Не тотъ истинный консерваторъ, который заставляетъ танцовщицъ поднимать ногу въ видахъ посрамленія ариметики, но тотъ, кто, съ удовольствіемъ смотря на порхающихъ корифеевъ, въ то же время отчетливо сознаетъ, что $2 \times 2 = 4$. Я самъ пламенный консерваторъ; я самъ искренно скорбѣлъ, когда крѣпостные мои мужички и т. д.; я самъ питаю несокрушимую вѣру въ «духа долины» и въ «дочь Фараона»; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я положительно хочу знать, въ Рязани или въ Пензѣ они привитаютъ, и ежели мнѣ отвѣчаютъ на этотъ вопросъ неудовлетворительно, то мысль моя мучится, и самая вѣра охладѣваетъ.

Вопросъ о примиреніи балета съ консервативно-вспомогатель-

ными науками занималъ меня не малое время. Проникнутый важностью этой задачи, я не лѣнился, какъ «рабъ лукавый», но старался доказать примѣнимость моей мысли на практикѣ, и, въ порывѣ усердія, не мало-таки перепортилъ бумаги. Сначала, я сочинилъ балетъ, подъ названіемъ «Добродушный Гостомысль и варяги, или всякое дѣло надо дѣлать подумавши», но сообразивъ, что сюжетъ этотъ несравненно съ большимъ знаніемъ обрабатывается газетой «Москва». Потомъ сочинилъ балетъ, подъ названіемъ: «Административный Пирогъ, или Безпримѣрное объяденіе»; но одинъ отставной цензоръ завѣрилъ меня, что постановка такого балета будетъ едва-ли не преждевременна. Наконецъ, я остановился на третьемъ сюжетѣ, который, по мнѣнію моему, долженъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ. Лычу себя надеждою, что представители санктпетербургскихъ театраль-ныхъ искусствъ оцѣнятъ мои усилія, и поставятъ на сцену балетъ моего сочиненія съ великолѣпіемъ, вполне соответствующимъ его достоинству.

Вотъ моя программа.

МНИМЫЕ ВРАГИ

или

ВРИ И НЕ ОНАСАЙСЯ.

Современно-отечественно-фантастическій балетъ, въ 3-хъ дѣйствіяхъ и 4-хъ картинахъ. Соч. сотрудница «Отечественныхъ Записокъ».

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Отечественно-консервативная сила, скрывающаяся подъ именемъ Ивана Ивановича Давилова.

Овираловъ. {
Дантлоузъ. { наперсники и друзья Давилова.

Отечественный либерализмъ, скрывающійся подъ именемъ Хлестакова. Пасмыозъ Давилова.

Госпожа Вятка, женщина уже въ лѣтахъ, но вѣчно юная; напрасно полагаетъ себя вдовою.

Ангела Постыбинная, молодая женщина; напрасно полагаетъ себя дѣвницей.

Лганъе.

Вранъе.

Излишняя лживознательность.

Ченуха.

} Отечественно-анакреонтическія фигуры.

Мужики. Полицейскіе солдаты. Внутренняя стража.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

КАРТИНА I.

Обширная комната въ городѣ Глуловѣ. По срединѣ стоитъ столъ, покрытый сукномъ. На столѣ беспорядочно валяются кнѣпы бумагъ.

I.

Толпа обывателей, около которыхъ суетятся и исполняютъ свое дѣло Обираловъ и Дантистъ. Обыватели съ радостью развязываютъ кошельки и подставляютъ шеи. Давиловъ сидитъ у стола, погруженный въ чтеніе бумагъ. Онъ думаетъ: «сегодня придетъ моя милая Взятка и мы соединимся съ нею на вѣки!»

II.

Внезапно чернильница, стоящая на столѣ, разбивается въдребезги, и възъ нея вылетаетъ Аннета Постепенная. Она стоитъ нѣкоторое время на одной ножкѣ, потомъ съ очаровательной граціей ударяетъ Давилова пальчикомъ по лиснѣ. Давиловъ въ изумленіи простираетъ руки, какъ-бы желая поймать чародѣйку. «Кто ты, странное существо, и какое зло сдѣлала тебѣ эта бѣдная чернильница, за которое ты такъ безжалостно разбила ее?» Но Аннета смотритъ на него съ грустною и въ то же время кокетливою улыбкою. «Пойми!» говоритъ она, и исчезаетъ тѣмъ же путемъ, какимъ появилась. Чернильница возрождается на столѣ въ прежнемъ видѣ. Давиловъ хочетъ устремиться за очаровательницею, но вмѣсто того попадаетъ пальцемъ въ чернильницу. «Пойми!» повторяетъ онъ въ раздумьи: «что хотѣла она сказать этимъ «пойми»?»

III.

Между тѣмъ, Обираловъ уже выпотрошилъ мужиковъ, а Дантистъ обратилъ въ пепель множество зубовъ. Обираловъ легкимъ прикосновеніемъ руки выводитъ Давилова изъ раздумья. Но Давиловъ долго еще не можетъ придти въ себя, и безпрестанно повторяя: «пойми!», устремляется къ тому мѣсту, гдѣ скрылась очаровательница, но снова попадаетъ пальцемъ въ чернильницу. Въ это время изъ рукъ Обиралова внезапно выпархиваетъ Взятка, и разомъ овладѣваетъ всѣми помнслами Давилова. Присходитъ:

ТАНЕЦЪ ВЪЯТКИ.

Взятка порхаетъ по сценѣ и легкими, граціозными скачками даетъ понять, что сдѣлаетъ счастливымъ того, кто будетъ ея обладателемъ. Она почти не одѣта, но это придаетъ еще болѣе

прелести ея соблазнительнымъ движеніемъ. Давиловъ совершенно забываетъ о недавней незнакомкѣ, и съ юношескою страстью устремляется къ новой очаровательницѣ. Онъ старается уловить ея; движенія его порывисты и торопливы; ловкость по истинѣ изумительна. Но взятка кокетничаетъ и не дается; вотъ вотъ онъ прикасается уже къ ея талии, — какъ она ловко выскользаетъ изъ его рукъ, и вновь быстро кружится въ бѣшеной пляскѣ. Наконецъ, утомленная и тронутая мольбами своего любовника, она постепенно ослабѣваетъ... ослабѣваетъ... и тихо исчезаетъ въ карманѣ Давилова. Обираловъ и Дантистъ, умиленные, стоятъ въ почтительномъ отдаленіи и слегка подтанцовываютъ.

IV.

Мужики, вида, что сердца начальниковъ радуются, сами начинаютъ приходить въ восторгъ и выражать его благодарными тѣлодвиженіями, которыя постепенно переходятъ въ

ВОЛЕШНОЙ ТАЦЦЕЪ ЛАПТЕЙ.

Въ таццѣ этомъ принимаютъ участіе: Давиловъ, Обираловъ и Дантистъ, въ качествѣ корифеевъ.

V.

«Спасибо, друзья!» говорятъ Давиловъ мужикамъ и общается имъ дать на водеу, когда будутъ деньги. Затѣмъ обращается къ Обиралову и Дантисту и говоритъ: «друзья! вы лихо поработали сегодня! Теперь пойдете въ трактиръ и тамъ славно закусимъ и выпьемъ!» Онъ уже застегиваетъ видъ-мундиръ и хочетъ взяться за шляпу, какъ чернильница вновь разлетается въ дребезги и на столѣ опять появляется Аннета Постепенная. Она, попрежнему, стоитъ на одной ногѣ, но видъ ея строгъ. «Слушай», говоритъ она Давилору: «я предупреждала тебя, но ты не внялъ словамъ моимъ и продолжаешь безобразничать съ паскудною Взяткою. И такъ, буду ясна: вызови немедленно изъ заточенія твоего пасынка, Хлестакова, или... ты погибнешь». Сказавши это, Аннета исчезаетъ, оставляя всѣхъ присутствующихъ въ ужасѣ и стоящими на одной ногѣ. Картина.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

КАРТИНА П.

Пустынное мѣстоположеніе, отдаленное въ надѣль крестьянамъ. Болото, по коему произрастаютъ тощія сосны. Въ глубинѣ сцени секретная хижина. На соснахъ заливаются публицисты:

Сироты ли мы, ахъ, сиротушки!
 Забубенныя мы, ахъ, головушки!
 А и нѣтъ у насъ отда съ матушкой!
 А и есть у насъ только дѣтушки!
 А и первый-есть сынъ несмысленочекъ,
 А второй-есть сынъ да дурашливый,
 А и третй-есть сынъ — хуже перваго,
 А четвертой сынъ — хуже третьяго,
 А и пятый сынъ — самый жалконькій,
 Самый жалконькій, вовсе гнусенькій,
 И проч., и проч.

I.

Изъ самой глубины трясины появляются три отечественно-анакреонтическія фигуры: Лганье, Вранье и Излишняя любознательность. Нѣкоторое время онѣ какъ-бы не узнають другъ друга, но черезъ минуту недоразумѣніе исчезаетъ и друзья цалуются. Начинается совѣщаніе: — Я буду лгать умышленно! говорить Лганье. — А я буду врать, что попало! говорить Вранье. — А я буду подслушивать, скромно отъзывается Излишняя любознательность. Лганье и Вранье останавливаются, пораженные находчивостью своей подруги, и съ нѣкоторою завистью смотрять на нее. — Вы будете мнѣ помогать, будете, такъ-сказать, популяризировать меня, еще скромнѣе прибавляетъ Излишняя любознательность, и этою привѣтливостью возвращаетъ на лица собеседницъ безпечное выраженіе. — Не стандовать ли намъ чти-нибудь, покуда не пришелъ нашъ добрый другъ и начальникъ Хлестаковъ? предлагаетъ Вранье. — Пожалуй, соглашается Лганье, но гдѣ онъ такъ долго пропадаетъ, бѣдненькій? — Внимайте! я повѣдаю вамъ ужасную тайну, отвѣчаетъ Излишняя любознательность. Начинается:

II.

Скритный танецъ Излишней любознательности.

«Прошлую ночь», такъ танцуетъ она: «я, по обыкновенію своему, тихо-тихо, скромно-скромно, чутко-чутко послѣдовала за нимъ. Все покровительствовало мнѣ: и испаренія, поднимавшіяся отъ нашей трясины, и отсутствіе луны, и тихое, усыпляющее щебетаніе публицистовъ. Однако, я шла и озвралась; чтó, думала я, если меня поймають! Чтó сдѣлають со мной? закатають ли до смерти, или просто ограничатся однимъ шлепкомъ?

«Однако, я шла, готовая вынести побои и даже самую смерть... и что же? На верху неприступной скалы я увидала чертогъ, весь залитый свѣтомъ! Тихо-тихо, скромно-скромно, чутко-чутко приложила я глаза и уши къ скважинѣ... и что же? Я увидѣла Хлестакова, который, вмѣсто того, чтобы стоять на стражѣ, поклонялся въ объятіяхъ дѣвицы Постепенной!»

III.

Протанцовавъ все вышензложенное, Излишняя любознательность вдругъ останавливается. Она догадывается, что сдѣлала дѣло совершенно бесполезное и даже глупое, что Хлестаковъ ея другъ и руководитель, и что, слѣдовательно, подсматривать за нимъ нѣтъ никакой надобности. «Зачѣмъ я подслушивала! зачѣмъ подглядывала!» говоритъ она, и въ негодованіи на свой собственный поступокъ высоко поднимаетъ ногу.

IV.

«Теперь слушайте же и меня!» говоритъ Лганья и начинается:

ТАНЕЦЪ ЛГАНЬЯ.

«Я тоже внимательно слѣдило за нашимъ другомъ и покровителемъ Хлестаковымъ, и видя его грустнымъ, отъ всей души соболѣзновало. Однажды, узрѣвъ его гуляющимъ на берегу нашей трясинны, я не вытерпѣло и подошло къ нему. «Покровитель! сказалъ я, отчего такъ грустенъ твой видъ?» — Мой вѣрный слуга! отвѣчалъ онъ мнѣ, я грущу, потому что не знаю, какое сдѣлать употребленіе изъ прекрасныхъ способностей, которыми наградила меня природа!... Тогда я предложило ему мой проектъ всеобщаго обогатенія, и...»

V.

Но здѣсь Лганья останавливается, съ непритворной грустью спрашиваетъ себя: «Зачѣмъ лгать? кого обдѣлывать?» и, въ заключеніе, поднимаетъ одну ногу.

VI.

«Нѣтъ, послушайте-ка вы меня!» вступаетъ, въ свою очередь, Вранья и, вслѣдъ за тѣмъ, начинается:

ТАНЕЦЪ ВРАНЬЯ.

«На дняхъ я встрѣтило нашего милаго Хлестакова въ самомъ оригинальномъ положеніи:

«Онъ лежалъ, животомъ къверху, на берегу нашей трясинны и грѣлся на солнцѣ. «Что ты, mon cher, тутъ дѣлаешь?» спросило я его (вѣдь вы знаете я съ нимъ на ты) — и что означаетъ эта оригинальная поза?» — Молчи! отвѣчалъ онъ мнѣ: — я сочиняю либеральныя измышленія! Ты знаешь, продолжалъ онъ, послѣ братскаго молчанія, отеревъ слезы, струившіяся изъ его глазъ: — ты знаешь, другъ, что я сдѣлался руководителемъ по части отечественной благонамѣренности... и... и... Тутъ онъ вновь залился слезами, и сивозъ всхлипыванья я могло разобрать только слѣ-

дующее: «до тѣхъ поръ не успокоюсь, покада не переломаю всѣ ребра!»

VII.

Протанцовавъ это, Вранье намѣревается сдѣлать антраша; но такъ-какъ для всякаго ясно, что все рассказанное имъ есть не что иное, какъ сплошной вздоръ, то и Вранье не можетъ воздержаться отъ горькаго вопроса: «зачѣмъ я врал?» Въ негодованіи на себя, оно высоко поднимаетъ одну ногу.

VIII.

Такимъ образомъ, всѣ трое стоятъ нѣкоторое время, каждый съ одной поднятой ногой. Въ глубинѣ сцены является Чепуха. Быстрымъ и смѣлымъ скачкомъ она перелетаетъ всю сцену и становится между упомянутыми тремя анакреонтическими фигурами. «Вы совершили множество ненужныхъ подвиговъ», говоритъ она: «потому что съ вами была я!» Начинается:

Большой танецъ чепухи.

«До тѣхъ поръ», танцуетъ она: «покуда я буду съ вами, вы не будете имѣть возможности ни подслушивать, ни лгать, ни врать безнаказанно. Всѣ ваши усилія въ этомъ смыслѣ будутъ напрасны, потому что всякій, даже не учившійся въ семинаріи, разгадаетъ ихъ! Вы будете подслушивать, лгать и врать безъ системы, единственно для препровожденія времени. Всякій, встрѣтившись съ вами, скажетъ себѣ: будемъ осторожны, ибо вотъ это — излишняя любознательность, вотъ это — постыдное лганье, а это — безмозглое вранье! Вы думали, что уже эмансипировались отъ меня — и горько ошиблись, потому что владычество мое далеко не кончилось! Вы не уйдете отъ меня нигдѣ, не скроетесь даже въ эту трясищу; вслдѣ я застигну васъ, и буду руководящимъ началомъ всѣхъ вашихъ дѣйствій! Вы спросите, быть можетъ, зачѣмъ я это дѣлаю?»...

IX.

Чепуха останавливается, и въ недоумѣніи спрашиваетъ себя: «зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, она такъ дѣлаетъ?» Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, она высоко поднимаетъ ногу. Начинается

Танецъ четырехъ поднятыхъ ногъ,
который прерывается

Чрезвычайнымъ полетомъ публицистовъ,
какъ-бы возвѣщающимъ прибытіе нѣкоторыхъ важныхъ незнакомцевъ. Незнакомцы эти суть не кто иные, какъ Давыловъ и Хлестаковъ. Они проходятъ съ поникшими головами черезъ сцену и скрываются въ секретную хижину. Публицисты свистятъ: «вотъ они! вотъ наши благодѣтели!»

КАРТИНА III.

Внутренность секретной хижины.

I.

Давыловъ и Хлестаковъ предаются воспоминаніямъ. Оба растроганы. «Сколько лѣтъ я томился въ изгнаніи! говорить Хлестаковъ: — оторванный жестокимъ вотчимомъ отъ чрева любимой матери, я скитался по этимъ пустыннымъ мѣстамъ, но и среди удивленія посвящалъ свои досуги любезному отечеству!» — Прости меня, мой другъ! отвѣчаетъ Давыловъ: — вѣдь я думалъ, что ты либераль! — Какъ «либераль»? но теперь, въ сію минуту, развѣ я не либераль? Кхе-кхе! дѣлаетъ Давыловъ. — Такъ позвольте вамъ сказать, милый папенька, что вы не понимаете, что такое либерализмъ! Сказавши эти слова, Хлестаковъ даетъ знать музыкѣ умолкнуть, а публицистамъ приказываетъ свистать. Начинается

Большой танецъ отечественнаго либерализма.

«Что такое либерализмъ? Это нѣчто тонкое, легкое, неуловимое, какъ то па, которое я выдѣлываю. Это шалунья-нимфа, на которую можно смотрѣть издали, какъ она купается въ струяхъ журчащаго ручейка, но изловить которую невозможно. Это волшебный букетъ цвѣтовъ, который удаляется отъ вашего носа по мѣрѣ того, какъ вы приближаетесь, чтобы понюхать его. Это милая мечта, которая сулитъ впередъ множество самыхъ разнообразныхъ яствъ, въ дѣйствительности же кормитъ одною постепенностью. Это тотъ самый кукишъ, котораго присутствіе вы чувствуете между вторымъ и третьимъ пальцами вашей руки, но который уловить ни подъ какимъ видомъ не можете! Поймите, какая это умная и подходящая штука! Какъ она угодна нашимъ нравамъ, и какъ мы должны гордиться ею! Мы ничего не выдумали — даже перога! — но выдумали «либерализмъ», и сразу стяжали вѣчное право на безсмертіе! Жгучій и пламенный съ виду, онъ не жжетъ никого, но многимъ позволяетъ грѣтъ оволо себя руки. Грозный съ виду, онъ никого не устрашаетъ, но многимъ подаетъ утѣшеніе. Всякій ждетъ, всякій заранѣе проливаетъ слезы умиленія... И опять все-таки ждетъ, и опять проливаетъ слезы умиленія, ибо ждать и проливать слезы—есть удѣлъ человѣка въ сей юдоли плача!»

Хлестаковъ падаетъ въ изнеможеніи на полъ.

Большая трель публицистовъ.

II.

— Гм... я убѣждаюсь, что ты совершеннѣйшая... то-есть, что ты благороднѣйшій юноша! хотѣлъ я сказать! говоритъ Дави-

ловъ: — и потому, вотъ что я придумаю: забудемъ прошлое, и заключимъ союзъ! — Съ охотою, но предварительно я долженъ предложить тебѣ нѣсколько условій, безъ соблюденія которыхъ никакой союзъ между нами невозможенъ. — Слушаю тебя съ величайшимъ вниманіемъ. — Вопервыхъ, ты долженъ прекратить пагубныя сношенія съ Взяткою (отрицательное движеніе со стороны Давилова)... не опасайся! я вовсе не требую, чтобъ ты отказался отъ секретнаго съ нею обхожденія, но ради самаго Создателя, ради всего, что тебѣ дорого, не показывайся съ нею въ публичныхъ мѣстахъ, и дѣлай видъ, что она тебѣ незнакома! Ты не знаешь... нѣтъ, ты не знаешь, сколько вреда приноситъ откровенное обращеніе съ Взяткою! Это бросается въ глаза всякому; самый малоумный человѣкъ — и тотъ понимаетъ подъ Взяткою что-то нехорошее, несовмѣстное съ либерализмомъ. Всякій, встрѣтившись съ тобой на дорогѣ, говорить: вотъ взяточникъ, и никто не скажетъ: вотъ либералъ! До сихъ поръ ты бралъ взятки и давилъ... продолжай и на будущее время! но сдѣлай такъ, чтобъ никто не смѣлъ называть тебя ни взяточникомъ, ни Давиловымъ! — Стало быть потихоньку можно? робко спрашиваетъ Давиловъ. — Потихоньку... можно; (съ жаромъ) все потихоньку можно! — Ну-съ... второе условіе? — Второе условіе — удали изъ числа твоихъ приближенныхъ Чепуху! — Эту за что жъ? — Другъ! Чепуха опаснѣе даже Взятки. Если Взятка мараетъ отдѣльнаго человѣка, то Чепуха кладетъ свое клеймо на цѣлыя группы людей, на цѣлый порядокъ, на цѣлую систему! Отъ Взятки мы можемъ отдѣлаться секретнымъ съ нею обхожденіемъ; отъ Чепухи — никогда и ничѣмъ. Она сопровождаетъ насъ всюду; она отравляетъ всѣ наши дѣйствія... она дѣлаетъ невозможною систему! Наконецъ, создаюсь ли тебѣ? Я самъ, самъ, какъ ты меня видишь... самъ несвободенъ до нѣкоторой степени отъ Чепухи! — Но вѣдь Чепуха сколько разъ спасала меня, выручала изъ бѣды? — Это нужды нѣтъ: отнынѣ, вмѣсто Чепухи, тебя должна спасать Неуклонность...

Начинается

Большой танецъ Неуклонности,

который отличается тѣмъ, что его танцуютъ, не сгибая ногъ, и держа голову на оборотъ.

III.

Друзья задумываются и полчаса молчатъ. Въ это время публицисты чистятъ носы, какъ-бы приговариваясь запыть по первому требованію. Въ самомъ дѣлѣ, моментъ этотъ наступаетъ. Хлестаковъ выходитъ изъ задумчивости и говорить: третье условіе — ты долженъ умѣть танцовать «танецъ честности».

Начинается

Большой танецъ честности,

во время котораго публицисты поютъ:

Ахъ, когда же съ нѣмъ чести
Русскій воинъ удалой...

Но «танецъ честности» рѣшительно не вытанцовывается. Напрасно понуждаетъ Хлестаковъ свои ноги; напрасно публицисты то ускоряютъ, то замедляютъ темпъ, съ цѣлью прійти въ соотвѣтствіе съ ихъ покровителями—ничто не помогаетъ. Опечаленный неудачей, но въ то же время скрывая оную, Хлестаковъ развязно говоритъ: все равно, будемъ, вмѣсто этого, танцовать

Большой танецъ Благонамѣренности,

который и танцуетъ, подѣ свистъ публицистовъ поющихъ:

По улицѣ мостовой...

IV.

— Это все? спрашиваетъ Давиловъ. — Покажѣте все, и ежели ты согласенъ, то мы можемъ приступить къ написанію взаимнаго оборонительно-наступательнаго трактата. — Согласенъ! — Въ такомъ случаѣ идемъ въ секретную комнату... Открывается трапъ, и друзья исчезаютъ. Публицисты поютъ:

Тихо всюду! глухо всюду!
Быть тутъ чуду! быть тутъ чуду!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

КАРТИНА IV.

Прелестное мѣстоположеніе; въ глубинѣ сцены храмъ славн. Содержаніе этой картины составляетъ процессъ Чепухи съ Изыдшею Любовнательностью, Лганьемъ и Враньемъ. Судьи: Хлестаковъ и Давиловъ; ассесоръ: Обираловъ; протоколистъ: Дантистъ. Чепуха доказываетъ свои права, и опирается преимущественно на то, что она одна въ состояніи смягчить слишкомъ суровую послѣдовательность прочихъ анакреонтическихъ фигуръ. Послѣдніе, однакожь, оправдываются, и говорятъ, что малый ихъ успѣхъ происходитъ единственно отъ участія Чепухи. Хлестаковъ колеблется; но Давиловъ явно склоняется на сторону подсудимой. Выходитъ рѣшеніе: «подсудимую Чепуху учинить отъ слѣдствія и суда свободною и допустить, попрежнему, въ число анакреонтическихъ фигуръ». Въ народѣ раздаются клики восторженной радости; сами судьи взволнованы. Затѣмъ происходитъ:

ШЕСТВИЕ ВЪ ХРАМЪ СЛАВН.

Дошедши до порога храма славы, Хлестаковъ и Давыловъ, «какъ-бы волшебствомъ какимъ», сливаются въ одно нераздѣльное цѣлое, и принимаютъ двойную фамилію Хлестакова-Давылова. Съ своей стороны, Вязьга и Аннета Постепенная тоже сливаются въ нераздѣльное цѣлое, и принимаютъ двойную фамилію Вязьги-Постепенной. Начинается:

Апоэвозъ.

Хлестаковъ-Давыловъ стоитъ на возвышеніи, освѣщаемый молніей. По сторонамъ народъ, публицисты, фотографы и стража. Передъ Хлестаковымъ-Давыловымъ, на колѣняхъ, Вязьга-Потуховъ-Постепенная на бархатной подушкѣ преподноситъ козанный изъ золота гербъ рода Хлестаковыхъ-Давыловыхъ —

Римскій Огурецъ.

Народъ въ упоеніи пляшетъ; но порядокъ не нарушается, ибо изъ-за кулисъ выглядываютъ будочники.

Занавѣсъ падаетъ.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

Какъ изъ полукопеекъ дѣлаются тысячи? — Что дѣлаетъ «нашъ народъ»? — Что дѣлается въ Петербургѣ для просвѣщенія народа? — Общественныя увеселенія за прошедшій мѣсяцъ. — Народный театръ Берга. — Якопци. — Головой отчетъ литературнаго фонда. — Общество «Бережливость». — «Наука или хорошо». — Профессоры московскаго университета. — Права председателей. — Поправка.

Несмотря даже и на свой лишній, добавочный день, прошедшій мѣсяцъ все-таки не ознаменовалъ себя ничѣмъ особеннымъ! Никакого общественнаго движенія по поводу чего-нибудь или въ пользу кого-нибудь, никакой «исторіи», никакого громкаго процесса, замѣчательнаго произведенія наукъ, литературы или искусствъ, даже никакой замѣчательной глупости—ничего нѣтъ!

Но такъ это и подобаеетъ настоящимъ днямъ поста и воздержанія,—ежели постъ, такъ уже постъ во всемъ! А чтобы постъ этотъ былъ чувствителенъ и для Петербурга, здѣшніе купцы еще нѣсколько надбавили цѣну на хлѣбъ,—такъ немножко, всего по полукопеечкѣ на фунтъ (на бѣлый по копейкѣ)! Вслѣдствіе чего они надбавили по полкопейки, и почему только по полкопейки, а не больше и не меньше, я не знаю; но во всякомъ случаѣ, едва-ли вслѣдствіе того, что запасъ прежняго хлѣ-

ба въ Петербургѣ на исходѣ, а новаго подвоза въ скорости не предвидится; потому что если это и такъ, то вѣдь наличный хлѣбъ въ Петербургѣ, купленный вундами по прежней цѣнѣ, не могъ стать для нихъ дороже только оттого, что его стало мало. Я думаю, что петербургскіе хлѣботорговцы хотятъ этимъ обратитъ здѣшнихъ жителей на путь воздержанія и умѣренности, хотятъ принудить ихъ ѣсть хлѣба меньше, — чтобы его хватило на болѣе продолжительное время. Или, можетъ быть, они желаютъ возвратитъ тѣ сотни и даже тысячи рублей, которыя они такъ щедро пожертвовали-было въ пользу голодающихъ? По полукопейки на каждый изъ 100,000 (это самое меньшее) фунтовъ хлѣба, ежедневно потребляемаго въ Петербургѣ, это составитъ 500 руб. въ день, въ недѣлю — 3,500 руб., въ мѣсяцъ 15,000 руб. Къ Пасхѣ (ровно чрезъ мѣсяцъ) можно будетъ не только возвратитъ мѣсяцъ тому назадъ пожертвованные 1000 руб., но, пожалуй, и еще 1000 руб. пожертвовать — въ пользу бѣдныхъ архангельскихъ и смоленскихъ мужиковъ; можно и всѣмъ петербургскимъ нищимъ податъ въ Свѣтлое Христово Воскресенье по цѣлому трехкопеечнику (хотя бы этихъ нищихъ было и цѣлныхъ 100,000 человекъ), а въ «с.-петербургское благотворительное общество снабженія бѣдныхъ пищей» и въ общество «для раздачи хлѣба бѣднымъ жителямъ Литейной части» можно пожертвовать даже по 10 пудовъ хлѣба, — и все-таки отъ полукопеечной надбавки на фунтъ хлѣба останется къ Пасхѣ 5 — 7 тысячъ руб. чистаго барыша! Курочка по зернушку клюетъ... или съ міра по ниткѣ, а собиравшему эти нитки — рубашка! — Но пусть петербургскіе хлѣботорговцы не обижаются на меня за этотъ расчетъ, — я нисколько не желаю ихъ оскорбить. Я это такъ вообще философствую. Таковъ уже законъ природы, что сколько какал-нибудь одна единица ни жертвуй въ пользу тысячи единицъ, все-таки она никогда не дастъ столько, сколько эти тысячи единицъ даютъ въ ея пользу. Но тысячи единицъ даютъ по самой малости, по копейкѣ или по рублику; оттого ихъ пожертвованія и незамѣтны и въ лѣтописи исторіи не записываются и благодарностей потомства не удостоиваются, а подвиги и дѣла благотворенія, совершаемыя привилегированными единицами, собиравшими копеечную дань съ тысячъ единицъ, бывають громки и велики и всѣмъ въ глаза бросаются. Только какъ бы эти пожертвованія привилегированныхъ единицъ велики ни были, никогда они не достигаютъ такого размѣра, чтобы сравняться съ суммою пожертвованій тысячей единицъ!

Впрочемъ, къ чему все же это говорить! Это значитъ только оскорблять, раздражать, подрывать и т. д., а въ концѣ концовъ, напрасно слова тратить. Никого вѣдь этимъ ни къ чему не побудишь, и никого не передѣлаешь. Всѣ наши воззванія и вопли о бѣдности, нуждѣ, скорой и достаточной помощи и проч. — все это только самыя общія, общія мѣста!

Притомъ же и такая ли, въ самомъ дѣлѣ, нужда и бѣдность

у насъ, какъ это многіе увѣряютъ? Говорятъ, что у насъ во многихъ мѣстностяхъ господствуетъ теперь голодъ; народъ страдаетъ и умираетъ съ голоду или отъ различныхъ болѣзней, появившихся вслѣдствіе голода. Такъ говорятъ — и говорятъ, какъ это извѣстно всѣмъ, совершенно справедливо — но вотъ одна газета увѣряетъ, что ей пишутъ не то. «Намъ пишутъ — говорить она — передовая статья (ваша) такъ и вызываетъ на сочувственный отвѣтъ. Да, нашъ народъ пьетъ не «на животь, а на смерть». Пьютъ старики, взрослые, юноши и даже дѣти; пьютъ старшины, старосты, сотскіе и волостные писаря; пьютъ и женщины, — но болѣе *самыя молодыя*. Среднихъ лѣтъ и старухи, непривыкшія пить съ молоду, по крайней мѣрѣ, открыто, стыдятся напиваться, но молодыя идутъ смѣло въ кабаки и даже устраиваютъ тамъ пирушки. Не стыдась нисколько, идетъ въ кабаки и молодая крестьянская дѣвка лѣтъ 14 или 15 (въ 16 лѣтъ она уже у насъ обыкновенно выходитъ замужъ) и покупаетъ на «сладчину» косушку и распиваетъ хозяйственные произведенія, часто и одежду; бабы пропиваютъ холстъ, сукно и себя. Рядомъ съ пьянствомъ идетъ другое зло: *орлянка*; ею преимущественно занимается *молодое поколѣніе* — мальчишн отъ 10 лѣтъ и далѣе, руководимые кѣмъ нибудь постарше. Часто мальчишкѣ подсмотреть, гдѣ отецъ или мать положить деньги, украдетъ ихъ и проигрываетъ въ орлянку. Недавно смѣлъ зажиточнаго крестьянина, 12-лѣтній мальчишкѣ, подмѣтивъ, гдѣ мать спрятала 12 р. с. двугривенными — стащилъ ихъ и проигралъ; и это не одинъ примѣръ подобной кражи. На игру въ орлянку должна бы обращать вниманіе полиція, и ближайшее къ сельскому населенію полицейское лицо — сотскій: но онъ этой обязанности и не можетъ совнать, потому что и становой и исправникъ за смѣются вамъ въ глаза, если вы захотите обратить на это ихъ вниманіе, и прибавятъ: «какой вы безпокойный человѣкъ! Что вы къ этому придираетесь? Что вамъ за дѣло? пусть забавляются». А тѣ забавляются и дѣлаются ворами и готовятъ себя въ каторжники. Благодѣтелемъ *русскаго челоѣчества* (?) будетъ тотъ, кто найдетъ средство остановить это страшное, безобразное пьянство».

Вотъ что «намъ пишутъ» и вотъ что, будто бы, дѣлаетъ теперь «нашъ народъ» (!) И замѣйте, это пишутъ не въ «Вѣстѣ», а совсѣмъ въ другую газету, старающуюся вазаться народолюбовою. Увидеть какой-нибудь господинъ, возвращающійся съ благотворительнаго бала или съ прощальнаго обѣда въ честь его превосходительства, двонхъ-троихъ или даже хоть бы десятерыхъ пьяныхъ мужиковъ, и сейчасъ же за перо — благо, что грамотенъ — пишетъ корреспонденцію или статью и возглашаетъ: «нашъ народъ» пьетъ, пьетъ поголовно! Или услышитъ, что какой-нибудь крестьянскій мальчишка украдъ у отца 10 рублей; и сейчасъ же предаетъ это гласности и рѣшаетъ, что «нашъ народъ» совсѣмъ проворовался. Счастье наше, господа, что «нашъ народъ» не

грамотенъ, а то онъ, можетъ быть, началъ бы писать совсѣмъ другія статьи и корреспонденціи.

Пьянство, лѣнь, воровство и т. п. пороки народа—нашъ любимый конекъ для обличеній и благонамѣренныхъ жалобъ и вздоховъ. А спрашивается, что предпринимается у насъ для того, чтобы народъ не пилъ и вообще былъ болѣе человѣченъ? Вотъ теперь въ модѣ желать для него народныхъ театровъ и жаловаться, что у насъ такихъ театровъ нѣтъ и что закрыты на время поста даже и обыкновенные, не народные театры. Это очень жаль—конечно; и совершенно справедливо, что и простой, безграмотный народъ любитъ театръ, въ свободное время и при маленькихъ лишннихъ денежныхъ средствахъ охотно посѣщаетъ его и, во всей вѣроятности, извлекаетъ для себя изъ этого кое-какую пользу, даже несмотря на всю нелѣпость многихъ изъ нашихъ театральнхъ пьесъ. Но, вѣдь еще полезнѣе и поучительнѣе были бы для него школы. Почему же, напримѣръ, въ Петербургѣ нѣтъ ни одной воскресной школы и ни одной вечерней школы? Почему нѣтъ и въ поминѣ какихъ-нибудь популярнхъ чтеній для народа? Да, встаетъ, почему нѣтъ ихъ и для образованнаго общества, и во всю настоящую зиму, со включеніемъ осени, были только двѣ публичныя лекціи—г. Арсеньева? Почему также картинная галлерей академіи художествъ закрыта почти круглый годъ, а кунст-камера открыта только по понедельникамъ? Почему всѣми нашими общественными кабинетами, музеями, собраниями и т. п., открытыми и закрытыми хранилищами рѣдкостей и разныхъ болѣе или менѣе поучительныхъ предметовъ, любуются только одни приставленные въ нихъ сторожа, а простой народъ въ нихъ почти рѣшительно никогда не бываетъ?

Чтобы у «нашего народа» не было любознательности и охоты посѣщать общественныя галлерей и кабинеты, утверждать это, я думаю, довольно трудно; я, напримѣръ, только дня три назадъ тому слышалъ, какъ одинъ солдатъ, указывая на академію художествъ, объяснялъ шедшему съ нимъ мужику, что вотъ въ этомъ домѣ чего только не насмотришься, да теперь нельзя, заперто. Поучительнаго для народа въ нашей академіи художествъ—въ будничные дни ея существованія, конечно, не особенно много; но все-таки, то время, которое этотъ мужикъ провелъ бы въ ней, еслиби она была открыта круглый годъ, навѣрное не пропало бы для него совершенно безслѣдно. Но въ академіи художествъ, въ кунст-камерѣ, въ залахъ вольно-экономическаго общества и т. д. полы паркетныя, а «нашъ народъ» не знаетъ еще употребленія калошъ... Болѣе серьезныхъ препятствій для того, чтобы въ эти учрежденія былъ открытъ свободный доступъ для народа, мнѣ кажется, не имѣется. Сторожа, все равно, со слухи умирають.

Что причину тому, что у насъ нѣтъ популярнхъ чтеній для народа, я не знаю, и предположить даже не могу; во всякомъ

случаѣ, едва-ли отсутствіе охотниковъ читать и способныхъ для этого людей. Относительно воскресныхъ школъ такихъ недоумѣній быть не можетъ; тамъ... известно что — какъ разъ начнутъ проповѣдывать, что не земля стоитъ неподвижно, а солнце.

По всѣмъ симъ основаніямъ, если желаете сдѣлаться «благодѣтелемъ русскаго человѣчества», какъ остроумно говоритъ оный корреспондентъ, то поищите какое-нибудь другое средство «оставить это страшное, безобразное пьянство», а народные театры, школы, популярныя чтенія, общественные музеи — все это, по той или другой причинѣ, не подходяще.

А что если я уважу на это средство, хотя оно и не мною изобрѣтено?... Это, прежде всего, дать теперь хлѣба тѣмъ, которые не имѣютъ его, чтобы они не умерли съ голоду; а потомъ, на будущее время... «не придираться» къ нашему народу, — какъ совѣтуютъ въ оной корреспонденціи становой съ исправникомъ, хотя они сами, конечно, и не придерживаются этого правила — «не придираться», то-есть, поменьше заботиться объ немъ, поменьше опекать его, но только не относительно одного пьянства или одной орлянки, а во всѣхъ отношеніяхъ. Попробуйте-ка это средство!

Но довольно о мужикахъ и о хлѣбѣ.

Какъ встрѣтило и проводить постъ наше образованное общество? Ахъ, оно скучаетъ и вздыхаетъ по Луврѣ, Гранцову и Марио! Ибо театры закрыты, а Лувва совсѣмъ уѣхала; баловъ и танцевальныхъ вечеровъ въ клубахъ и собраніяхъ тоже нѣтъ. Остались только концерты, живыя картины, циркъ Гинне, народный театръ Берга и японцы. Но концерты однообразны, посредственны и скучны; циркъ Гинне тоже однообразенъ и хорошенькихъ наѣздицъ въ немъ мало; живыя картины... Впрочемъ, живыя картины ничего еще, сносны; инныя даже милы и очень милы; особенно, знаете, какъ этакъ какая-нибудь m-lle Деверія переходитъ по дощечкѣ чрезъ воображаемый ручеекъ и приподнимаетъ, à la m-lle Деверія, свое платье, чтобы оно не замочилось въ воображаемой водѣ, а сзади нея лакей, для той же самой цѣли и тоже à la m-lle Деверія, придерживаетъ шлейфъ платья! Картина выходитъ очень живописная и даетъ много пищи для воображенія. Большая часть живыхъ картинъ все въ этомъ родѣ, все рассчитываютъ на возбужденіе фантазій. А въ театрѣ Берга — такъ танъ для дѣятельности воображенія уже ничего не остается, такъ все пластично и реально до послѣдней степени! У Берга, впрочемъ, не одѣвъ только живыя картины. Тамъ и танцуютъ, и декламируютъ, и діалоги разные вѣдуть, и пантомимы разыгрываютъ; словомъ, даютъ чуть-чуть не настоящія театральныя представленія. Но театръ Берга почему-то не пользуется особеннымъ вниманіемъ публики. По крайней мѣрѣ, въ тотъ день, какъ я былъ въ немъ — а я былъ всего только одинъ разъ — онъ былъ почти совершенно пустъ. Это немножко странно, потому что театръ Берга вовсе не такой

простонародный, т.-е. мужицкій театр, какъ это можно думать по его названію. Онъ называется народнымъ, но народнаго, т.-е. русско-народнаго, въ немъ нѣтъ рѣшительно ничего. Даже господствующій языкъ тамъ не русскій, а смѣсь русскаго съ нѣмецкимъ, французскимъ и англійскимъ. Пѣсни поютъ на французскомъ и англійскомъ языкахъ, рассказываютъ и діалоги ведутъ на французскомъ и нѣмецкомъ, а декламируютъ на русскомъ. Для пониманія всего этого мало даже в гимназическаго аттестата. Русскому же «народу» дѣлать здѣсь, очевидно, нечего. Еще болѣе нечего ему дѣлать здѣсь потому, что почти все, происходящее на сценѣ... пошловато — языка пѣсенъ или діалоговъ можно не понимать, но за то мимика и движенія, сопровождающія пѣніе и діалоги, слишкомъ выразительны, а они вовсе не поучительнаго характера; о танцахъ и говорятъ нечего. Тѣмъ не менѣе, въ театрѣ видѣлись, на заднихъ скамьяхъ, и чисто-русскія лица. Бѣдныя эти лица! для нихъ, въ настоящее время, единственное развлеченіе—этотъ русско-нѣмецко-французско-англійскій «народный» театр! Но еще болѣе достойно сожалѣнія то, что многіе папаша и мамаша — не знающіе никакихъ національностей — приводятъ сюда своихъ 7-ми — 8-ми лѣтнихъ дѣтей! Впрочемъ, при другомъ репертуарѣ (?) театръ этотъ могъ бы быть очень милымъ. Внутренность его опрятная, декорации свѣжія. Въ этомъ отношеніи онъ, пожалуй, можетъ поспорить даже съ александринскимъ театромъ! Театръ Берга — простая деревенская изба, только что отстроенная, чистая и опрятная, а александринскій театръ — огромный барскій домъ, старый, заброшенный и потертый временемъ и людьми. Еслибы г. Бергъ имѣлъ право давать обыкновенныя театральныя пьесы, то, для привлеченія къ себѣ дѣйствительнаго народа, онъ, по всей вѣроятности, незамедлитель бы удалить со сцены и многоязычье и канканъ, потому что онъ, кажется, изъ всѣхъ силъ старается угодить своей публикѣ и привлечь ее въ возможно большемъ количествѣ.

По части общественныхъ удовольствій и развлеченій остаются еще представленія японцевъ. Но хотя видѣливаемые японцами разныя невѣроятныя и невообразимыя кушшюги и достойны всякаго удивленія, но ихъ довольно посмотреть разъ, много два, и затѣмъ больше ими не заниматься. Петербургъ такъ, кажется, и сдѣлалъ—на второй недѣлѣ поста только о японцахъ и рѣчь была; но въ настоящее время ими, кажется, уже никто не интересуется. Здѣсь слишкомъ мало пищи для ума и воображенія. Можно только удивляться тому, что люди могутъ, — вѣроятно послѣ очень продолжительныхъ упражненій, — достигать такой невѣроятной гибкости въ станомъ хребтѣ и силы въ ножныхъ мускулахъ. Можно также удивляться презрѣнію японцевъ къ жизни человѣка, когда ихъ маленькія дѣти, съ огромными ножами или саблями въ зубахъ, кувиркаются черезъ голову. Но это способно скорѣе возбудить ужасъ и даже отвращеніе, чѣмъ удивленіе.

По поводу этих изумительных дѣтей я могъ бы рассказать здѣсь одну сцену у одного петербургскаго мирового судьи. Сцена эта, вѣроятно, у многихъ отбила бы охоту любоваться акробатическими подвигами дѣтей, и показала бы имъ, послѣ какихъ побоевъ и истязаній маленькіе акробаты приобрѣтаютъ ловкость и гибкость своихъ членовъ. Но я отлагаю это до другаго раза; тѣмъ болѣе, что дѣло это еще не кончено, а передано въ уголовный судъ. Дѣйствующія лица: одинъ изъ акробатовъ или гимнастовъ театра Берга и его 7-ми или 8-ми лѣтній ученикъ — русскій мальчикъ, отданный ему въ «обученіе».

Кромѣ увеселеній, или, пожалуй, отсутствія ихъ и толковъ о нѣкоторыхъ назначеніяхъ въ высшемъ административномъ мірѣ, не было болѣе въ прошедшемъ мѣсяцѣ ничего такого, чѣмъ бы равно интересовалось все петербургское общество. Но за то было нѣсколько такихъ явленій или событій, которыми заинтересованы были нѣкоторыя отдѣльныя части или кружки здѣшняго общества.

Здѣсь на первомъ планѣ должно стоять годовое собраніе общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ — впрочемъ, не столько потому, чтобы этимъ собраніемъ были особенно заняты наши литературные кружки или общество литераторовъ, сколько по важности самаго дѣла. Что учрежденіе этого общества есть дѣло очень серьезное, въ этомъ, конечно, никто не будетъ сомнѣваться и всего меньше сами литераторы. Между тѣмъ, настоящее положеніе этого общества самое незавидное. Оно имѣетъ 687 членовъ, но въ годовомъ собраніи его было только 35 членовъ; каждый изъ этихъ 687 членовъ обязанъ былъ представить въ кассу общества, въ теченіе года, извѣстный членскій взносъ, но взносы эти представлены были только 95 членами! Съ своей стороны и общество, въ виду такого равнодушія членовъ къ своимъ обязанностямъ, рѣшило, что ему *ничего другаго не остается дѣлать, какъ усердно увеличивать свои капиталы!* Вотъ вамъ и общество для пособія! Оно обращается въ какое-то общество накопленія богатства. Но для чего же и для кого нужно это богатство? Люди будутъ нуждаться въ пособіи, люди будутъ, можетъ быть, умирать отъ нужды — какъ два раза это уже и было, — а специально для этого существующее общество будетъ отдавать свои деньги въ проценты и накоплять капиталы «чтобы заручиться средствами на будущее время!» Это что-то непонятное, невѣроятное. И гдѣ же тотъ предѣлъ, на которомъ общество остановится въ накопленіи своихъ капиталовъ? Можетъ быть, общество считаетъ этимъ предѣломъ такую сумму, процентомъ съ которой можно будетъ удовлетворять всѣ требуемыя пособія? Но, во первыхъ, самая величина пособій зависитъ отъ личнаго усмотрѣнія распорядителей выдачами; во вторыхъ, число лицъ, нуждающихся въ пособіи, въ одно время съ увеличеніемъ основнаго капитала общества, можетъ также увеличиваться — и это, по нѣкоторымъ соображе-

нѣмъ, очень вѣроятно, — размѣръ требуемыхъ пособій можетъ также, противу настоящаго времени, увеличиться. Очевидно, этому увеличенію капитала нельзя положить даже и приблизительныхъ границъ. Пособій не будутъ давать, и если иногда и будутъ, то «волей — неволей, дѣлая вычеты изъ нихъ, и *притомъ очень значительныя*». И въ томъ и въ другомъ случаѣ, нуждающимся въ пособіи, ради благоденствія ихъ внуковъ, или правнуковъ, придется, можетъ быть, умирать съ голоду. — Конечно, общество или, вѣрнѣе, составители этого отчета и сами, вѣроятно, предвидѣли эти замѣчанія, потому что странность принятаго ими рѣшенія сама собою бросается въ глаза. Отчетъ говоритъ: «мы только тогда будемъ въ правѣ назвать наше положеніе хорошимъ, когда общество станетъ увеличивать свой капиталъ, выполнивъ напередъ цѣль, для которой утверждено и существуетъ, то-есть, дѣйствительно удовлетворивъ нуждамъ просителей, которые къ нему обращаются за помощью. Но можемъ ли мы утѣшать себя мыслью, что эта цѣль уже достигнута, хотя приблизительно? Съ прискорбіемъ надобно сознаться, что нѣтъ!... Строго ограничиваясь только тѣми просителями, которые имѣютъ право на пособіе изъ литературнаго фонда, мы съ горестью должны признать, что число тѣхъ, кому выдали сколько имъ дѣйствительно было необходимо — очень невелико. Правда, мы не отказали ни одному изъ просителей, которые, по нашему убѣжденію, заслуживали помощи; но тяжело вспомнить, что эта помощь, въ большинствѣ случаевъ, была мала въ сравненіи съ тѣми, о чемъ насъ просили и что слѣдовало дать! Мы нерѣдко умалили очень скромныя требованія вдвое, иногда даже втрое, отсрочивая, а не отвращая нужду...

«Но если такъ, скажутъ намъ, зачѣмъ же увеличивать капиталы общества несоразмѣрно съ средствами? Пусть всѣ доходы идутъ на вспомошествованія.

«И мы такъ думали въ началѣ (отвѣчаетъ отчетъ), когда образовалось общество; тогда предполагалось весь годовою доходъ раздавать съ благотворительною цѣлью, не капитализируя ничего; но въ первый же годъ огромная недонмеа на членахъ раскрыла намъ глаза, и мы поняли, что если не увеличивать всѣми мѣрами (?) капитала общества, то постоянные его доходы могутъ истощаться».

Такъ. Но, послѣ настоящаго заавленія общества, что оно впредь будетъ только «усердно» увеличивать свои капиталы, его пряные доходы могутъ еще больше уменьшиться, — во-первыхъ, потому, что, по всей вѣроятности, многіе дѣлаются членами этого общества и вообще дѣлаютъ денежныя пожертвованія въ него не для отдаленныхъ цѣлей, а для ближайшихъ, — чтобы помочь сегодня-завтра нуждающимся, а не тѣмъ, которые будутъ нуждаться черезъ 5—10 лѣтъ; вовторыхъ, зная, что изъ ихъ денегъ не будетъ сдѣлано тотчасъ же прямого употребленія, жертвователи не будутъ спѣшить своими взносами и будутъ откладывать ихъ до

того времени, когда въ нихъ нужда окажется, то-есть, совсѣмъ ничего не внесутъ, потому что чрезъ 5—10 лѣтъ сумма взноса окажется слишкомъ большою. Отчетъ говорить, что общество «всѣми мѣрами» увеличиваетъ свой капиталъ, но составители отчета, я думаю, и сами очень хорошо знаютъ, что они далеко еще не употребили для этого всѣхъ возможныхъ мѣръ. Между прочимъ, едва-ли было бы бесполезно чаще обращаться къ членамъ общества и вообще къ публикѣ съ напоминаніями о состояніи денежныхъ дѣлъ общества и объ обязанностяхъ къ нему его членовъ. Правда, въ газетахъ довольно часто появляются отчеты о занятіяхъ комитета общества. Но отчеты эти, какъ извѣстно это вѣроятно и самому обществу, немногими читаются, нѣрѣдко даже тѣми не читаются, которые просматриваютъ въ газетѣ каждую строку. Почему это такъ — спросите кого-нибудь изъ нечитающихъ этихъ отчетовъ. Вотъ настоящій отчетъ выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ и его не мѣшаетъ прочитать всѣмъ, интересующимся состояніемъ общества.

Въ срединѣ февраля было обыкновенное общее собраніе членовъ общества потребителей «Бережливость». Дѣла этого общества идутъ довольно успѣшно, повидимому, даже блистательно. Начавъ свое существованіе весной 1866 г. съ небольшимъ числомъ членовъ (кажется менѣе 40) и только однимъ поставщикомъ, общество имѣло ко дню послѣдняго общаго собранія уже около 470 членовъ, 60 поставщиковъ и свой собственный магазинъ (складъ) первыхъ жизненныхъ потребностей; кромѣ того, нанало помѣщеніе еще для двухъ такихъ же магазиновъ. Въ концѣ прошедшаго года оно соединилось съ другимъ такимъ же обществомъ (нѣмецкимъ), составляющимъ часть или отдѣлъ общества «Пальмы». Такъ-какъ нѣмецкій элементъ въ немъ будетъ теперь, вѣроятно, преобладать, то можно надѣяться, что дѣла его пойдутъ еще лучше. Но я все-таки сомнѣваюсь, чтобы дѣла эти когда нибудь достигли дѣйствительно солидныхъ размѣровъ и приносили своимъ членамъ ту выгоду, которую должны бы приносить, потому что не въ русскомъ духѣ наблюдать копейные интересы, особенно не въ духѣ это большей части тѣхъ петербургскихъ жителей, которые могли бы вступить въ это общество и дѣйствительно вступаютъ. Надобно покупать все только въ извѣстныхъ лавкахъ у своихъ поставщиковъ, каждый разъ, даже на самую мелочную покупку, хотя бы копейкѣ въ 5—10, брать отъ продавца квитанцію, и потомъ квитанцію эту представлять, въ извѣстные сроки, въ правленіе общества... Все это хоть и пустяка, но очень многимъ можетъ показаться стѣснительнымъ, и она, и записавшись въ члены общества «Бережливость», будутъ продолжать брать товары или у прежнихъ своихъ знакомыхъ торговцевъ или въ первыхъ ближайшихъ лавкахъ. Такъ это, какъ я знаю, многіе члены «Бережливости» и дѣлаютъ. Это, конечно, очень жаль; но это такъ и будетъ до

тѣхъ поръ, пока не узнаютъ о существованіи этого общества и не вступать въ него тѣ петербургскіе жители, которымъ дѣйствительно дорога каждая копейка. А имъ вступить въ него довольно трудно, потому что хотя членскій взносъ и невеликъ (отъ 1—10 руб.), но здѣсь надобно все покупать на наличныя деньги.

По поведѣнію общества «Бережливость» я могу указать на проектъ другаго, нѣсколько подобнаго ему общества, но только гораздо болѣе оригинальнаго. У меня подъ руками лежитъ книжка въ 49 печатныхъ страницъ, въ 16 долей листа, съ заглавіемъ такого рода: «Наука жить хорошо, и даже разжиться, не имѣя къ тому ничего, кромѣ небольшого получаемаго жалованья».

Что вы думаете объ этой книжкѣ? Конечно—курьезное, должно быть, произведеніе, о которомъ и говорить не стоитъ. Я думалъ то же самое, и — очень ошибся! Книжка оказывается не только съ претензіями на серьезность и солидность, но и дѣйствительно солидная, хотя написана немножко и безграмотно. Но здѣсь на это не слѣдуетъ обращать вниманія.—Какъ же это можно жить хорошо и даже разжиться, не имѣя къ тому ничего, кромѣ небольшого дохода? «Возьмемъ» — говоритъ авторъ — на примѣръ, семейство чиновника, состоящее изъ восьми членовъ, на примѣръ: мужа, жены, дѣтей, всевозможныхъ племянницъ и свояченицъ. Положимъ, подобное семейство получаетъ пятьдесятъ рублей содержанія въ мѣсяцъ; слѣдовательно, оно можетъ расходовать на себя только пятьдесятъ рублей, а этого, какъ извѣстно, весьма недостаточно; такъ, что подобное семейство принуждено помѣщаться въ дурной, тѣсной, сырой, подвальной квартирѣ — дешевой, разумѣется, имѣть скудный столъ, терпѣть холодъ и темноту отъ недостатка средствъ, заставляющихъ экономить дрова и свѣчи, которыя такъ дороги; это семейство часто имѣетъ весьма дрянную прислугу — дешевую, конечно.

«Кромѣ того, отъ вышеизложенныхъ причинъ здоровье разрушается, члены семейства хвораютъ, лечатся нечѣмъ, а черезъ это здоровье запускается и разстраивается, въ особенности при помощи различныхъ, часто очень вредныхъ домашнихъ средствъ».

«Людей эти семейства рѣдко видятъ, ихъ мало кто посѣщаетъ; онѣ дичають, дѣти остаются безъ образованія».

«Какъ хотите, но, по моему, хуже этого ничего быть не можетъ, а слѣдовательно, ежели бы вы перемѣнили описанный мною образъ жизни на иной, то, *такъ-какъ вамъ уже нечего терять, быть можетъ, вы и выиграли бы.* Многіе рассчитываютъ, и весьма не расчетливо на пенсію, а легко ли ее заслужить?»

«Слѣдуйте же моему совѣту; онъ вамъ дастъ хорошую, чистую, сухую, свѣтлую и теплую квартиру, вкусный и сытный столъ, дастъ вамъ общество, веселыя и даже лишнія средства, все за тѣ же пятьдесятъ рублей, и главное, вы обезпечите на будущее время ваше семейство. Для этого возьмемъ десять семействъ, получающихъ по пятидесяти рублей въ мѣсяцъ жалованья; семейства живутъ отдѣльно, ведутъ скверную, какъ я описалъ выше, жизнь; чтобы выйти изъ нея, я вижу одинъ исходъ, да улучшения ихъ быта настоящаго и будущаго, который заключается въ томъ, чтобы эти десять семействъ соединились вмѣстѣ, то-есть составили бы одно цѣлое общество, какъ-бы одно семейство; то-есть жить въ одной общей квартирѣ, имѣть общій столъ, прислугу, квартиру и вообще всѣ необходимыя расходы; отъ этого, конечно, онѣ перемѣнили бы свою худую жизнь на лучшую. А почему?»...

«Для десяти семействъ, живущихъ отдѣльно, требуется десять квартиръ; считая по самой меньшей мѣрѣ квартиру для семейства, состоящаго изъ восьми членовъ, въ двѣ комнаты и кухню, то для десяти семействъ потребуется такимъ образомъ двадцать комнатъ и десять кухонь; положивъ за таковую квартиру плату по десяти рублей въ мѣсяцъ, то за десять квартиръ придется заплатить сто рублей въ мѣсяцъ; при всемъ томъ, семейства помѣщаться будутъ весьма тѣсно.

«Если же эти семейства соединятся вмѣстѣ и наймутъ одну общую квартиру за эту же самую цѣну, то они будутъ имѣть по двѣ комнаты на каждое семейство; при этомъ, эти двѣ комнаты будутъ несравненно обширнѣе тѣхъ, въ которыхъ они живутъ въ настоящее время; притомъ, такъ-какъ у нихъ будетъ одна общая большая кухня для всѣхъ семействъ, то вмѣсто остающихся девяти кухонь онѣ могутъ взять девять комнатъ, да и за сто рублей въ мѣсяцъ можно получить еще и больше этого (?); слѣдовательно, прежде семейства помѣщались въ двухъ комнатахъ, теперь же они будутъ имѣть тѣ же двѣ комнаты, только лучше прежнихъ, да притомъ еще девять комнатъ лишнихъ, назначеніе которыхъ я выпишу далѣе—и это все за тѣ же десять рублей съ каждыя въ мѣсяцъ.

«Вотъ мы выигрываемъ уже въ квартирѣ.

«Пойдемъ далѣе.

«Для десяти семействъ, живущихъ отдѣльно, потребно десять кухонь, слѣдовательно, десять печей, десять кухарокъ, десять охапковъ дровъ въ день на русскую печь — положимъ по сажень въ мѣсяцъ, то это составитъ для десяти семействъ десять сажень дровъ въ мѣсяцъ.» Вмѣстѣ со столомъ кухаркамъ, платомъ водовозу и расходами на разныя мелочи по кухнѣ — это будетъ, по расчету автора, стоить для десяти такихъ семействъ 120 рублей въ мѣсяцъ.

«Если же эти семейства будутъ жить вмѣстѣ и имѣть общую кухню, одного повара, двухъ горничныхъ и двухъ кухарокъ для грязной работы, этого весьма достаточно, то экономія выйдетъ слѣдующая :

Повару жалованья	15 руб.
Двумъ горничнымъ по 4 руб.	8 »
Двумъ кухаркамъ по 3 руб.	6 »
Дровъ двѣ сажени	6 »
Водовозу	5 »
Свѣчи и мелочи	3 »

Итого . 43 руб.

«Прислугѣ, конечно, столъ при такомъ громадномъ семействѣ ничего не будетъ стоить, тѣмъ болѣе ихъ только пять человѣкъ.

«Слѣдовательно, экономію мы имѣемъ отъ одной кухни до восьмидесяти рублей и болѣе; да при этомъ, вмѣсто дрянной кухарки—хорошаго повара, а черезъ это вкусный, сытный и чисто приготовленный столъ.»

Такой же расчетъ дѣлаетъ далѣе авторъ и для другихъ хозяйственныхъ расходовъ и заключаетъ, что выгода отъ такой жизни обществомъ будетъ простирается, для каждаго отдѣльнаго семейства, до 23 руб. въ мѣсяцъ, или 276 руб. въ годъ. Затѣмъ описывается распределение комнатъ. «На каждое семейство по двѣ комнаты или же если взять квартиру не въ тридцать комнатъ, а меньше, что гораздо выгоднѣе, то по одной большой комнатѣ, раздѣленной легкою перегородкою на двѣ, на каждое семейство; эти комнаты назначить для спаленъ.... Я знаю, вы сейчасъ уже начинаете меня критиковать, что это тѣсно, неудобно; погодите, читайте далѣе, и вы убѣдитесь, что это не будетъ нисколько не тѣснѣе того, какъ вы теперь живете,—вы вѣдь помѣщаетесь же теперь въ двухъ комнатахъ; а мои двѣ комнаты я называю спальнями, слѣдовательно назначеніе ихъ—гдѣ бы было возможно вспаться...

«И такъ, мы имѣемъ по двѣ комнаты на семейство, остальные девять, ну положимъ семь, мы распредѣлимъ такъ:

«Одну изъ нихъ, или двѣ самыхъ большихъ, какія окажутся, назначить для зала, т.-е. для увеселеній; полно намъ жить безсмысленнымъ дѣдовскимъ обычаемъ, — каждая комната должна имѣть свой смыслъ. И такъ залу и должно быть имѣть, въ которомъ по вечерамъ могла бы собираться молодежь, прыгать, веселиться, играть, хохотать, шутить, концерты задавать и разыгрывать домашніе спектакли; однимъ словомъ, для молодаго веселья, которое и приятно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и образовываетъ ихъ; а такъ-какъ оно любитъ просторъ, то и отвести ему большую комнату, одну или двѣ, чѣмъ больше, тѣмъ лучше, тѣмъ будетъ

веселѣ молодежи: а коли она будетъ веселиться, то будетъ весело и всѣмъ...

«Остается еще пять комнатъ; одну изъ нихъ назначить для пожилыхъ и назвать гостиной; эту комнату слѣдуетъ убраться красиво, удобно и тепло, т.-е. устлать коврами, уставить мягкой мебелью, устроить въ ней, ежели возможно, каминъ, а нѣтъ такъ теплую печь и убраться хорошенькими съ абажурами лампами; гостиную назначить для игръ въ вистъ, преферансъ, шахматы, шашки, для разговора, однимъ словомъ обратять ее въ мѣсто пріятнаго препровожденія времени вечера

«Затѣмъ остаются еще четыре. Первую назначить подъ столовую, вторую для дѣтей, третью для библиотеки, въ которую каждый членъ семейства помѣстилъ бы свои книги; послѣднюю для куренія и для сбора мужчинъ...

«Теперь взглянемъ на самую жизнь.

«Послѣ службы, вы обѣдаете; потомъ всѣ отправляются куда хочеть — въ гостиную, залу, кабинетъ; въ этихъ мѣстахъ собираются кружки по вкусу; здѣсь вы найдете и пулюку и вистъ, и веселье, и муангу, и политику, и серьезныя занятія, и шутки, и смѣхъ, отдыхаете отъ службы» (Боже мой, да какая это пріятная жизнь!).

Авторъ просить подвергнуть его книжку критическому разбору, чтобы онъ могъ видѣть недостатки и ошибки ея. Я, съ своей стороны, не нахожу ничего возразить на весь этотъ проектъ—съ теоретической точки зрѣнія. Что люди должны жить обществомъ и что это для нихъ выгодно, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Жить большимъ или маленькимъ обществомъ, въ одномъ домѣ—тоже хорошо. Предосудительнаго въ этомъ, конечно, ничего нѣтъ; слишкомъ идеальнаго, несбыточнаго—тоже. Тѣмъ болѣе, какъ говоритъ это и составитель проекта, что заграницей люди давно живутъ уже такъ, или почти такъ. Живутъ люди почти точно такъ же и въ Россіи — въ отеляхъ и гостиницахъ, и не дерутся, не ссорятся и не сплетничаютъ. Но практическое осуществленіе мысли автора—въ томъ видѣ, какъ описываетъ онъ въ своемъ проектѣ, едва-ли такъ легко. Помимо всякихъ виѣшнихъ препятствій, главнымъ здѣсь будетъ, мнѣ кажется, именно то, что авторъ такъ хвалить въ русскомъ чловѣкѣ—его уживчивость, т.-е. необычайная склонность къ скороспѣлой дружбѣ и самымъ интимнымъ пріятельскимъ отношеніямъ. Каждый семейный чловѣкъ дорожитъ своимъ семейнымъ бытомъ, кажется, главнымъ образомъ, только потому, что онъ здѣсь самъ себѣ господинъ—дѣлаетъ что хочеть, какъ и когда хочеть; онъ не стѣсняется никѣмъ и ничѣмъ, и никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ его домашній бытъ. Самый близкій посторонній чловѣкъ бываетъ пріятель здѣсь только до тѣхъ поръ, пока онъ остается гостемъ, т.-е. оставляетъ надежду, что онъ когда-нибудь уйдетъ. Въ квартирѣ, проектируемой авторомъ, для

каждаго семейства остается, собственно говоря, своя особая квартира, т.-е. то же самое, что нумеръ въ отелѣ или въ *Chambres garnis*. Если жильцы такой квартиры будутъ держать себя въ отношеніи другъ къ другу такъ же, какъ они держали бы себя, еслибы жили въ какомъ-нибудь отелѣ—хотя и постоянно выдаваясь, обращаясь другъ съ другомъ даже дружески и имѣя много общихъ интересовъ—но все-таки какъ чужіе, то эта жизнь не будетъ имъ въ тягость. Но если они будутъ держать себя по отношенію другъ къ другу какъ члены одной большой семьи—съ фамиліюю интимностію и съ взаимными правами односемейности, то несходство многихъ характеровъ тотчасъ же скажется и частные интересы и, можетъ быть, даже матеріальныя выгоды нарушатся. А вотъ это-то, при нашемъ дружелюбіи, и можетъ очень легко случиться. Дружелюбіе это—свойство, конечно, прекрасное; но надобно быть слишкомъ хорошо образованнымъ и имѣть много особеннаго такта, чтобы не злоупотреблять этимъ превосходнымъ свойствомъ нашего характера. Въ настоящемъ случаѣ общество должно составиться только вслѣдствіе денежныхъ побужденій, поэтому только матеріальными отношеніями своихъ членовъ оно и должно ограничиться. Всѣ члены должны имѣть это постоянно въ виду, даже и послѣ того, какъ между нѣкоторыми семействами возникнутъ, можетъ быть, болѣе возвышенныя и братскія отношенія. Добавлю для почтеннаго автора, что это не мои только мысли, но и нѣсколькихъ почтенныхъ отцовъ семействъ—чиновниковъ, для которыхъ эта книжка преимущественно и написана и которымъ я рекомендовалъ ее принять къ свѣдѣнію и исполненію.

Да, связать узамъ дружбы такую большую семью трудно! Печальный примѣръ этого мы видимъ теперь на одной изъ самыхъ просвѣщенныхъ семей—московской университетской! Ужъ тамъ ли, кажется, не дружба господствовала! Одинъ изъ членовъ семьи, даже и рассорившись съ своими собратьями, все еще восклицаетъ, въ своемъ печатномъ заявленіи, обращенномъ къ публикѣ: «Я не могу безъ грусти вспомнить объ этомъ времени, когда, казалось, единокушіе во имя добра соединяло всѣхъ членовъ университета». А вотъ рассорились же и даже начальству другъ на друга жаловались, а теперь все публикѣ жалуются!

Старшіе сыновья московской *almae mater*, т.-е. преподаватели, поссорились между собою уже давно, еще въ 1866 году, но слухи объ этомъ стали носиться только въ прошедшемъ году. Въ началѣ этого года шесть профессоровъ подали въ отставку; въ маѣ—когда, какъ извѣстно, все цвѣтетъ и благоухаетъ и признавать къ миру и согласію—последовало-было примиреніе или, по крайней мѣрѣ, перемиріе, и прошенія взяти были назадъ; но къ концу года двое изъ профессоровъ подали уже окончательныя прошенія объ увольненіи и не успѣли взять своихъ прошеній назадъ, какъ дѣйствительно были уволены. Теперь

спорящія стороны бомбардируют публику своими огреивѣнными волемическими и историко-документальными статьями. Посторонніе, невольные зрители этой семейной вражды приглашаются въ нихъ произнести свое сужденіе о томъ, кто правъ и кто виноватъ.

Что касается меня, то я затрудняюсь произнести объ этомъ свое сужденіе, и нѣкоторымъ образомъ даже не дерзаю, ибо спорять-то такія авторитетныя лица! До сихъ поръ наука, особенно московская, не ставила вѣдь литературныхъ журналовъ и газетъ ни въ грошъ, а теперь вотъ изволь разсудить ея представителей! Когда я читаю печатныя объясненія, оправданія и обвиненія одной стороны, то мнѣ кажется, что права именно эта сторона, а другая во всемъ виновата—присвоиваетъ себѣ небывалыя права и стремится къ угнетенію и тираліи; но когда, черезъ день или два, встрѣчаю въ газетахъ объясненія, оправданія и обвиненія другой стороны, то мнѣ начинаетъ казаться, что вотъ эта сторона права, а попирала священныя права, возжигала въ семьѣ вражду и проч. та, первая! Сличаю объясненія, оправданія и обвиненія обѣихъ сторонъ, обращаю вниманіе на нѣкоторые темные намеки и замѣчанія, дѣлаемые въ этихъ объясненіяхъ какъ-бы мимоходомъ, и мнѣ начинаетъ думаться, что обѣ стороны правы, и въ то же время обѣ неправы. Просто, поссорились люди—и только, и еслибы начальство не успѣшило удовлетворить просьбу особенно разсердившихся, то, можетъ быть, они и не вышли бы изъ университета и помирились бы.

Но если смотрѣть на всю эту исторію совершенно со стороны и не обращать вниманія на нѣкоторые намеки о неудовлетворенномъ и оскорбленномъ самолюбіи — въ чемъ, кажется, особенно обвиняются профессора, вышедшіе въ отставку—то сущность фактической стороны дѣла окажется не въ пользу тѣхъ, которые, новидимому, побѣдили.

Разсказывать эту исторію подробно—было бы слишкомъ долго, а дѣлая еще при этомъ сводъ разсказамъ и объясненіямъ обѣихъ сторонъ, пришлось бы написать не одинъ печатный листъ. Сущность дѣла, какъ видно изъ газетъ, заключается въ слѣдующемъ. Въ совѣтѣ московскаго университета производились выборы на занятіе одной университетской должности. Выборы эти не состоялись, потому что ни одно изъ балотировавшихся лицъ не получило законнаго числа голосовъ. Но вскорѣ затѣмъ возникъ вопросъ о правильности балотировки — именно, о томъ, справедливо ли былъ устраненъ отъ участія въ подачѣ голосовъ еще одинъ профессоръ. Вопросъ этотъ посланъ былъ на разрѣшеніе къ министру народнаго просвѣщенія. Министръ (бывшій) рѣшилъ, что небалотировавшій профессоръ былъ устраненъ отъ выборовъ неправильно, что онъ имѣлъ право подать свой голосъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшилъ также, что одинъ изъ невывбранныхъ

профессоровъ долженъ считаться избраннымъ, то-есть, тотъ голосъ, который не былъ поданъ ни *за*, ни *противъ*, онъ считалъ какъ-бы поданнымъ *за*, прямо говоря, министръ самъ назначилъ профессора. Совѣтъ университета принять это рѣшеніе «съ свѣдѣнію и исполненію». Но по новому университетскому уставу профессора не назначаются министромъ, а выбираются самими университетами, въ совѣтъ профессоровъ. Поэтому одинъ изъ членовъ совѣта (профессоръ Дмитріевъ) «выразилъ, что считаетъ рѣшеніе министра незаконнымъ и предложилъ совѣту протестовать противъ сего незаконнаго распоряженія министра на основаніи 78-й статьи основныхъ Россійской Имперіи законовъ, дозволяющей каждому подчиненному начальству, получившему противъ закона распоряженіе министра, сдѣлать ему о томъ представленіе, а въ случаѣ подтвержденія возвести дѣло въ сенатъ». Но мнѣніе это не только не было принято во вниманіе, но и не было выслушано и въ протоколъ не записано. По поводу этого въ совѣтъ произошло что-то такое, вслѣдствіе чего еще другой профессоръ — Чичеринъ — подалъ въ совѣтъ протестъ или мнѣніе и предлагалъ просить у высшаго начальства разъясненія правъ предсѣдателя совѣта (ректора университета) и членовъ. Этого протестъ или мнѣніе возвращенъ былъ профессору Чичерину обратно, съ такою оригинальною резолюціею отъ имени членовъ совѣта (24 противъ 5): «выразить довѣріе ректору университета (точно какому нибудь англійскому министру!), а бумагу, зачитанную (?) профессоромъ Чичериннымъ, какъ явно несправедливую и оскорбительную для ректора и совѣта, возвратить Чичерину, съ надписью на оной сей резолюціи» (Какъ тонко!).

За тѣмъ дѣло пошло по начальству. Поданы были жалобы; писались отвѣты на запросы начальства; совѣтъ университета получилъ (за непослушаніе) замѣчаніе — «первое со времени основанія университета», восклицаютъ съ горечью получившіе замѣчаніе! Но новаго отъ этого не прибавилось въ дѣлу ничего и оно окончилось такою резолюціею настоящаго министра народнаго просвѣщенія: «считать это дѣло совершенно оконченнымъ». Т.-е., рѣшенія и опредѣленія совѣта университета не были ни отвергнуты, ни признаны неправильными. А рѣшенія эти г. Дмитріевъ резюмируетъ такъ: «совѣтъ признавалъ: 1) право контроля ректора надъ мнѣніями членовъ; 2) право возвращать мнѣнія, которыя большинству кажутся неправильными; 3) устранять протесты, безъ занесенія ихъ въ протоколъ; 4) (право ректора) дѣлать членамъ выговоры и замѣчанія за ихъ мнѣнія; 5) право исключать членовъ изъ университета, не за нерадѣніе ихъ, какъ преподавателей, а за всякое дѣйствіе, которое большинство найдетъ неправильнымъ. Съ другой стороны (совѣтъ) уступалъ нѣкоторія изъ законныхъ правъ своихъ — начальству: 1) онъ допускалъ назначеніе профессоромъ министромъ, помимо избранія, хотя права министра въ этомъ случаѣ ограничены уставомъ; 2) онъ находилъ незаконными протесты противъ распо-

ряженія начальства, хотя бы они были подирѣвлены ссылкою на законъ».

По полученіи министерской резолюціи, шесть профессоровъ (Вабствъ, Капустинъ, Соловьевъ, Рачинскій, Чичеринъ и Дмитріевъ) тотчасъ же подали въ отставку; но первые четверо послѣ передумали и остались въ университетѣ, а гг. Чичеринъ и Дмитріевъ, тоже было взявшіе свои прошенія назадъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ совсѣмъ вышли.

Теперь предоставляю читателю рѣшить самому—на чьей сторонѣ право и законность и кто присвоиваетъ себѣ не существующія права, стремится къ угнетенію и раболѣбству. Впрочемъ, совѣтую повременить сужденіемъ, пока не будутъ разрѣшены судомъ три слѣдующіе, подобные этому, вопросы: 1) имѣлъ ли товарищъ предсѣдателя московскаго окружнаго суда г. Арсеньевъ право выслать присяжнаго повѣреннаго гг. Урусова изъ залы засѣданія? 2) имѣлъ ли право товарищъ предсѣдателя того же окружнаго суда г. Деверъ поступить точно такъ же съ ходатаемъ по дѣламъ г. Розенбергомъ? и, наконецъ, 3) имѣлъ ли право предсѣдатель какого-то и гдѣ-то (суда по ворресновденіи, должно быть, во Владимірской губерніи) земскаго собранія, въ отвѣтъ на какое-то предложеніе одного изъ гласныхъ — показать ему.... кукишъ и сказать при этомъ: не хочешь ли вотъ чего?

Прецеденты опасная вещь, прецедентамъ для всѣхъ этихъ исторій послужилъ московскій университетъ! Въ предположенія о томъ, что могло заставить тѣхъ профессоровъ университета, которые составляли большинство въ совѣтѣ, такъ поступиться своими правами, я не буду вдаваться. Говорятъ о какихъ-то матеріальныхъ выгодахъ смиренія и уступчивости — квартирахъ, командировкахъ, назначеніяхъ, повышеніяхъ, порученіяхъ и т. п.; но это было ужъ слишкомъ прозаично и ни сколько несообразно съ характеромъ лицъ, для которыхъ наука, право, наконецъ честь университета — который въ сто лѣтъ получилъ только одно замѣчаніе — выше всего на свѣтѣ!

NB. Меня вносятъ указать на двѣ неточности, оказавшіяся въ статьѣ «Обозрѣвіе 1867 г.» (Отвѣ. Зап. № 1). Журналъ г. Сѣрова: «Музыка и Театръ», запоздавшій выходомъ послѣднихъ №№ 1867 г., былъ отнесенъ къ числу прекратившихся. Но онъ продолжаетъ выходить и въ настоящемъ году.

Журналъ: «Русскій Ремесленникъ», прекратившійся въ прошедшемъ году, началъ выходить не въ томъ же году, а нѣсколькими годами прежде.

ПИСЬМО ПРОВИНЦИАЛА О ЗАДАЧАХЪ СОВРЕМЕННОЙ КРИТИКИ*.

Я живу въ провинціи и все, совершающееся въ столицахъ, до меня доходитъ лишь въ своихъ окончательныхъ результатахъ, тогда-какъ весь механизмъ подготовки, съ его личными драгмами, съ его мелочными, но тѣмъ не менѣе крайне-чувствительными затрудненіями, остается для меня за кулисами. Поэтому можетъ случиться, что я придаю болѣе значенія, чѣмъ слѣдуетъ, иному явленію крайне-обыденному; конечно, случится, что и не обращу вниманіе на другое явленіе, по сущности своей, весьма значительное. При нынѣшнемъ состояніи сообщеній между столицей и дальними губерніями, и при нынѣшней прессѣ это почти неизбежно. Я и не считаю моей оцѣнки явленій безусловно вѣрною, но хотѣлъ бы подѣлиться съ читателями мыслями, которыя эти явленія во мнѣ возбуждаютъ, предоставляя редакторамъ журнала судить, на сколько моя оцѣнка подходитъ къ направленію ихъ журнала, и на сколько она можетъ найти мѣсто на страницахъ ихъ изданія.

1868 годъ обѣщаетъ внести нѣкоторое движеніе въ нашу журналистику. Всѣ живыя силы, считавшія для себя невозможнымъ стать подъ знамена слишкомъ исключительныхъ литературныхъ партій, и еще болѣе невозможнымъ идти въ другихъ органахъ прессы рядомъ съ позорными дѣятелями послѣдняго времени, могутъ применить теперь къ одному изъ новыхъ органовъ, которые, если и не выяснили вполне свою программу, то обѣщаютъ по крайней-мѣрѣ, судя преимущественно по именамъ участниковъ, оберегаться отъ грязи, наплывающей въ нашу литературу съ разныхъ сторонъ, и помнитъ элементарныя понятія, входящія въ требованія современной цивилизаціи. Желаю, чтобы ни одно изъ новорожденныхъ или преобразованныхъ изданій не обмануло этихъ надеждъ, какъ онѣ ни скромны. Желаю, чтобы эти изданія умѣли просуществовать, обойдя многочисленныя опасности, имъ грозящія. Желаю, чтобы они своимъ достоинствомъ возвратили слову *литераторъ* его честное значеніе, потерянное въ

* Соглашаясь съ основными принципами этой статьи, мы съ удовольствіемъ даемъ ей мѣсто въ нашемъ журналѣ, хотя нѣбдемъ свои причины смотрѣть нѣсколько иначе на разныя частныя явленія нашей журналистики, разсматриваемыя почтеннымъ авторомъ.

Ред.

глазахъ читателей. Желаю, чтобъ они возвратили публикѣ ту охоту къ чтенію журналовъ, которая значительно ослабѣла. Желаю, чтобъ ихъ главныя дѣятели, несмотря на разницу направленій въ ихъ отгѣнкахъ, поддержали въ читателяхъ уваженіе къ критикѣ и понали ея требованія въ настоящую минуту.

Вотъ объ этихъ-то послѣднихъ требованіяхъ мнѣ бы и хотѣлось потолковать.

Слова имѣютъ свою судьбу, говоритъ древняя поговорка, и слово «критика», въ его двухъ главныхъ значеніяхъ, связало собою два понятія весьма различныя по области ихъ проявленія, но реально родственныя.

Критика, какъ дѣятельность человѣческаго духа, смелась нераздѣльно со всѣмъ тѣмъ, что заслужило названіе *науки*; легла въ основу всего, что можно считать разсудительной дѣятельностью въ *жизни*. Критика выводитъ человѣка изъ безусловнаго поклоненія авторитетамъ и пробуждаетъ въ немъ самостоятельность. Критика освобождаетъ его отъ бесплоднаго сомнѣнія въ теоріи, отъ унизительнаго индифферентизма на практикѣ, вноситъ перспективу въ его міросозерцаніе и устанавливаетъ его взглядъ на его обязанности. Критика сдѣлала древнихъ эллиновъ первыми учителями человѣчества. Критика дозволила Европѣ не заглохнуть въ тяжелое тысячелѣтіе среднихъ вѣковъ. Критика Канта была послѣднимъ завѣтомъ XVIII вѣка XIX-му и однимъ изъ самыхъ плодотворныхъ его даровъ. Когда же германскіе наслѣдники Канта развили въ особенности идеальную сторону его трудовъ, когда Гегель провозгласилъ вѣчно мирное, вѣчно разумное царство безусловнаго духа, то вслѣдъ за его смертью самые живые его послѣдователи перевели его слова на требованіе безусловной критики, вѣчной борьбы развивающагося съ развившимся, прогресса съ консерватизмомъ. Прогрессъ сталъ синонимомъ историческаго процесса—и Прудонъ заявлялъ, что всѣ его сочиненія клонились къ одному: къ отрицанію безусловнаго въ чемъ бы то ни было, къ утвержденію прогресса повсюду, то-есть къ самой безусловной критикѣ, которую проповѣдывали издатели «Лѣтописей Гаселе».

Общее употребленіе назвало также критикою ту часть литературы, которая имѣетъ дѣлю—оцѣнку литературныхъ произведеній, а въ болѣе обширномъ смыслѣ—и разборъ произведеній искусства вообще. Съ перваго взгляда это—весьма скромное значеніе слова, сравнительно съ его первымъ смысломъ, но, въ сущности, это болѣе или менѣе ясное сознаніе того важнаго факта, что оцѣнка литературнаго произведенія или произведенія искусства имѣетъ смыслъ лишь на столько, на сколько она опирается на тѣ самыя основы человѣческаго духа, которыя создаютъ науку и разсудительную жизненную дѣятельность; на сколько эта оцѣнка угадываетъ мѣсто разбираемаго произведенія въ вѣчной борьбѣ новаго со старымъ, въ историческомъ прогрессѣ

общественной жизни. При достаточно-здоровомъ состояніи общества, литература отражаетъ въ себѣ всѣ фазисы народной жизни, и критикъ въ тѣсномъ значеніи этого слова прилагаетъ предъ глазами читателей къ каждому литературному произведенію результаты науки и требованія жизни чтобы опредѣлить въ немъ содержаніе элементовъ прогрессивнаго и консервативнаго, разглядѣть въ немъ зародышъ будущаго или бросить его въ хламъ отжившаго.

Противъ предыдущаго, можетъ быть, вооружатся приверженцы такъ-называемой эстетической критики художественныхъ произведеній; но тѣмъ самымъ они бы доказали, что считаютъ область художественной красоты не прогрессивною. Къ ней прилагается все предыдущее. Наука не исключаетъ изъ своей области ни одного явленія духа, какъ жизнь вмѣщаетъ въ себѣ всѣ его процессы. Тѣмъ хуже для эстетиковъ, если они научныхъ основаній въ своей сферѣ еще не нашли: пусть ищутъ; только найдя эти основанія, они откроютъ неизмѣнные законы художественнаго творчества, а слѣдовательно и данныя для строгой критики. Точно также надо быть слѣпымъ и глухимъ въ исторіи, чтобы не замѣтить, что патетическое дѣйствіе художественныхъ произведеній зависитъ отъ требованій жизни и эти-то требованія опредѣляютъ значеніе произведенія для современниковъ. Требованія жизни измѣняются и слава художника меркнетъ, пока новый періодъ исторіи, еще разъ измѣнивъ эти требованія, не вызоветъ иногда полузабытаго художника къ новой извѣстности, при чемъ случается, что новое время восхищается въ произведеніи тѣмъ, что не дѣйствовало да и не могло дѣйствовать на его современниковъ. Критика, которая бы оцѣнила произведеніе безъ всякаго отношенія къ его патетическому дѣйствію, была бы, я думаю, довольно жалкою критикою, а оцѣнка патетическаго дѣйствія невозможна внѣ жизненныхъ требованій, нераздѣльныхъ отъ общественнаго прогресса. Такимъ образомъ всѣ художественныя произведенія заключаютъ въ себѣ элементы прогрессивныя и консервативныя, не только по содержанію, вносимому въ произведеніе умственнымъ, нравственнымъ и гражданскимъ развитіемъ художника, но и попатетическому дѣйствію на публику, по участию разсматриваемаго произведенія въ борьбѣ художественныхъ школъ съ точки зрѣнія приѣмовъ, композицій, техники и т. д.

Если литературная критика обязана измѣрять осуществленіе требованій науки и жизни въ данномъ произведеніи и его мѣсто въ борьбѣ за прогрессъ, то эта самая обязанность предполагаетъ въ литераторѣ, посвящающемъ себя критикѣ, прежде всего всрѣнное стремленіе понять упоманутыя требованія, а за тѣмъ еще практическое умѣнье убѣдить читателя, что кодексъ, принятый критикомъ, разуменъ, и что приговоръ, произнесенный во имя этого кодекса, правденъ.

О первомъ условіи и говорить не буду: оно такъ ясно и на-

рушение его такъ неизбежно вызываетъ за собою въ весьма скоромъ времени презрѣніе къ критику, что развивать это условіе—пустая трата словъ. Но совсѣмъ иное дѣло—отношеніе критика къ читающей публикѣ. Здѣсь, при различныхъ фазисахъ развитія общественнаго сознанія, приемы критики должны быть очень различны; иначе она рискуетъ произносить свои приговоры безъ всякой возможности ихъ практическаго исполненія. Въ такомъ случаѣ она переходитъ изъ общественной силы въ выраженіе личнаго взгляда того или другаго писателя, получаетъ чисто біографическій интересъ и теряетъ историческое значеніе. Но при этомъ она не только практически лишается своего вліянія: она и теоретически нарушаетъ одну часть своей программы. Критика совершенно отвлеченная, пренебрегающая вліяніемъ на общество, можетъ быть *научна*, но она забываетъ требованія *жизни*. Произнося судъ во имя вѣчныхъ началъ истины, человѣческаго достоинства и справедливости, она формируетъ свои приговоры на языкѣ непонятномъ для тѣхъ самыхъ, которымъ слѣдуетъ знать эти приговоры. Она забываетъ, что истина, человѣческое достоинство и справедливость, при всей неизмѣнности своихъ началъ, воплощаются въ формы постоянно мѣняющіяся, что онѣ доступны къ осуществленію въ каждый моментъ жизни человѣчества *только* въ формахъ, обусловливаемыхъ жизнію этого момента, и что самыя стройныя формы ихъ могутъ отживать или являться слишкомъ рано, становясь въ обоихъ случаяхъ *негодными* для даннаго общества. Если общество переживаетъ болѣзненный, глухой періодъ, то критика можетъ лишь *подготовлять* другое лучшее время, но ей приходится дѣйствовать на общество *такъ*, какъ оно есть въ данную минуту и тѣми средствами, которыя находятъ *на лицо* въ эту минуту; иначе она и подготовитъ ничего не можетъ.

Не стану входить въ подробный разборъ всѣхъ случаевъ, которые при этомъ могутъ представиться, но укажу на нѣкоторые изъ нихъ.

Мнѣ кажется, что достаточно будетъ рассмотретьъ четыре самыя крупныя фазиса общественнаго развитія: 1) критика можетъ имѣть въ виду публику, еще совсѣмъ не мыслящую серьезно и не пробудившуюся даже къ сознанію критическихъ требованій—науки и жизни; 2) общество, утомленное долгою недѣятельностью мысли, можетъ быть приготовлено для воспріятія этихъ критическихъ требованій, хотя не сознаетъ еще, въ чемъ они состоятъ; 3) въ обществѣ можетъ существовать болѣе или менѣе ясное сознаніе его раздѣленія на различныя отѣвны прогрессивной и консервативной партій съ опредѣленными жизненными требованіями; 4) наконецъ историческія случайности могутъ привести общество къ періоду умственнаго утомленія и нравственнаго индифферентизма, когда нѣтъ охоты уяснить себѣ требованія науки, а требованія жизни спутываются въ смутный хаосъ пред-

ставлений, из которых каждое уравнивается другимъ, ему прямо противоположнымъ, и самыя несходныя представленія сталкиваются въ уродливыхъ смѣшеніяхъ. Попробую рассмотреть задачу критика во всѣхъ этихъ четырехъ случаяхъ. Конечно, я предполагаю, что самъ критикъ составилъ себѣ ясное и твердое убѣжденіе относительно требованій науки и жизни, относительно прогрессивныхъ и стигмающихъ началъ въ обществѣ, а также что онъ искренно желаетъ дѣйствовать на современниковъ въ смыслѣ прогрессивномъ.

Общество, еще не пробужденное къ критической мысли, представляется критику какъ тупой и невнимательный ученикъ учителю. Вопросъ не въ томъ еще, чтобы давать ему строгую, систематическую истину; вопросъ не въ томъ, какъ направить его умственную дѣятельность. Надо еще *возбудить* эту дѣятельность. Надо *заинтересовать* ученика. Остроумная загадка, красивая картина, фантастическая сказка здѣсь могутъ быть полезнѣе самыхъ точныхъ истинъ, самыхъ строгихъ приѣмовъ анализа. Критика имѣетъ передъ собою свѣжую, неразработанную почву, которую обрабатывать пожалуй и трудно, но за то, гдѣ *всякая* обработка представляетъ успѣхъ, отвоевываетъ кусокъ пустыни въ пользу цивилизаціи. Лишь бы критикъ не сѣялъ нарочно плевелы, все идетъ на пользу читателю. Заохотите ли вы его читать восхваляя чувствительные стишки, приводя гремуція тирады романовъ и драмъ, или разсыпая насмѣшки и остроуміе, истраченные на мелочи, все это не имѣетъ особой важности, лишь бы вы достигли цѣли — побудили общество внести въ кругъ своихъ пошлыхъ и безсодержательныхъ забавъ чтеніе статей, подвергающихъ суду читателя явленія литературы и искусства; лишь бы оно усвоило мысль, что произведенія литературы и искусства недостаточно прочесть, посмотреть, послушать и потомъ забыть; но что ихъ слѣдуетъ *судить*, разбирать, оцѣнивать, приводя для оцѣнки нѣкоторыя основанія. Большею частію этотъ періодъ продолжается весьма долго въ обществѣ, и много нужно самоотверженія мыслящему критику, чтобы отказаться отъ истинной проповѣди научныхъ и жизненныхъ началъ, съ цѣлью забавлять публику, приучать ее къ чтенію, формировать читателей для своихъ наслѣдниковъ и замѣчать, что чувствительные или смѣхотворные пустяки болѣе дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ, чѣмъ серьезная мысль; что жизненной потребности въ послѣдней еще не оказалось. Положеніе критики въ этомъ отношеніи было совершенно невыносимо, еслибы, по счастью, и сами критики при подобномъ положеніи дѣлъ не стояли весьма невысоко надъ уровнемъ своихъ читателей.

Но вотъ настаетъ минута для общества, когда охота къ чтенію разборовъ и сужденій привалась, когда образовался (какъ обыкновенно между молодѣжью) кружокъ читателей, жадныхъ до умственной пищи. Они со старшимъ поколѣніемъ восхищаются

громкими и чувствительными словами, смѣются надъ комическими ухватками литературныхъ клоуновъ, но ихъ восхищеніе и ихъ смѣхъ уже не такъ искренни. Имъ хочется побольше содержанія въ восторгахъ и въ насмѣлкѣ; но какое нужно содержаніе, чего именно имъ хочется, они сами не знаютъ. Пора ученикамъ слѣсть за правильный учебникъ, прислушаться къ строгой лекціи профессора. Тогда для честнаго и доровитаго критика самое лучшее время. Его появленіе — электрическая искра, зажигающая сотни умовъ. Его статьи — проповѣди, которыя повторяются, пересказываются, комментируются въ разныхъ углахъ. Противъ него одни драхлые попугаи напускныхъ восторговъ и пустые забавники. За него все живое, все мыслящее. Тогда критикъ пора выставитъ основную свою аксіому, съ которой начинается серьезная одѣвка литературы и искусства: «Литература и искусство имѣютъ значеніе не сами по себѣ, но какъ выраженіе общественной мысли, научныхъ и жизненныхъ требованій; подъ каждымъ вопросомъ литературнымъ скрывается вопросъ общественный». Какъ только аксіома поставлена, она вызываетъ необходимость установленія научныхъ и жизненныхъ требованій и переоцѣнки всего, тѣмъ восхищались и чему смѣялись, во имя этихъ требованій. Тутъ происходитъ великое перемѣщеніе литературныхъ вѣнцовъ, первая попытка *помыть* исторію литературы. Поколѣніе, на долю котораго приходится пережить такую эпоху, сознаетъ свое умственное превосходство надъ предыдущими и гордится тѣмъ, что оно осмыслило грубый матеріалъ, переданный ему предками. Имя критика, начавшаго подобное движеніе, остается навсегда знаменитымъ для мыслящаго потомка. Съ нимъ исторія связываетъ первый сознательный прогрессъ общественной мысли.

Но начало никогда не можетъ быть завершеніемъ. Требованія науки и жизни не могутъ сразу установиться съ полною определенностью въ умъ самаго доровитаго критика, а тѣмъ менѣе, въ обществѣ, когда еще очень немногія поколѣнія отдѣляютъ его отъ времени восторговъ пустяками. Большинство увлечается новостью литературнаго движенія, не уясняя себѣ точнаго смысла тѣхъ словъ, которыя оно повторяетъ за понимающимъ меньшинствомъ. Уясненіе этихъ словъ происходитъ лишь мало-по-малу; а съ уясненіемъ ихъ оказывается, что многимъ изъ участниковъ движенія приходится отъ него отречься или увѣрять, что другіе исказили это движеніе, что они одни хранители истинной традиціи литературной и общественной критики, а ихъ прежние единомышленники — невольные или злонамѣренныя фальсификаторы этой традиціи. Къ этому присоединяется еще одно обстоятельство: какъ только литературная критика перешла въ область общественныхъ вопросовъ и требованій жизни, то само собою возбуждается желаніе, чтобы эти требованія осуществились и въ *своей* сферѣ, то-есть въ самой *жизни*, и конечно, прежде всего, въ жизни тѣхъ личностей, которыя объявляли себя приверженцами новаго критическаго направленія. Но нечего, кажется, до-

казывать, что критическая борьба за прогресс вызываетъ въ жизни еще больше неприятностей и неудобствъ, чѣмъ въ печати (и безъ послѣднихъ не обходится), а потому, во всеобщему удивленію, большинство послѣдователей критическаго направленія оказывается въ жизни шаткимъ, несостоятельнымъ относительно тѣхъ требованій, которыя выставлены были самими лицами, принадлежащими къ большинству. Требования жизни, проводимыя въ литературѣ, расходятся съ требованиями, осуществляемыми въ самой жизни. Это все оказывается довольно скоро, и потому этотъ второй періодъ жизни общества и отношеній его къ критикѣ крайне-непродолжителенъ.

Вчерашніе друзья и товарищи разошлись. Они различно понимаютъ научныя требованія. Критика раздѣлилась на партіи. Общество принимаетъ къ различнымъ знаменамъ. Кромѣ того, между борющимися партіями образовалась колеблющаяся масса тѣхъ, которые вовсе не намѣрены стоять въ жизни за какія бы то ни было убѣжденія (потому что таковыхъ не выработали), но смотря по тому, въ какую сторону повернуть случайности исторіи, эти лица готовы десять разъ перемѣнить свои мнѣнія, защищать того, кто сильнѣе, служить тому, кому выгодыѣе. Положеніе критики въ этомъ случаѣ довольно просто. Если она понимаетъ и уважаетъ свое дѣло, она выставитъ возможно яснѣе и опредѣлительнѣе свое знамя, и направляетъ всѣ свои силы на уменьшеніе той колеблющейся массы, о которой я только что говорилъ, такъ-какъ эта масса составляетъ самый вредный элементъ въ обществѣ, на который нѣтъ рассчитывать не можетъ, и который своими колебаніями доставитъ сегодня кажущуюся силу партій, въ сущности довольно малочисленной. Враговъ слѣдуетъ ослабить и разбивать на сколько можно, но въ нихъ всегда слѣдуетъ уважать чедовѣческое достоинство и искренность убѣжденія. Безжалостнаго литературнаго бичеванія достойны лишь нравственные индифферентсты, люди безъ убѣжденій, готовые служить всякой торжествующей силѣ, готовые примкнуть ко всякому успѣху.

Но къ этому раціональному отношенію между партіями и самими опредѣлявшими партій къ массѣ индифферентистовъ придти критика не скоро, и то при достаточномъ огражденіи свободы слова закономъ. Если же законодательство стѣсняетъ эту свободу, то люди безъ убѣжденій ограждены отъ всесторонняго нападенія неизбежною неясностью программъ многихъ партій. Эта же самая неясность программъ усиливаетъ озлобленіе партій, имѣющихъ основаніе ко взаимнымъ подозрѣніямъ въ неискренности. Тогда борьба партій получаетъ болѣе и болѣе желчный характеръ. Партія, рассчитывающая на сочувствіе большинства читателей (иногда довольно ошибочно), потому что сознаетъ себя представительницею прогресса, вооружается неумолимою насмѣшкою противъ своихъ противниковъ. Одинаково талантли-

вне и честные противники борются оружіем литературн; менѣе талантливые и менѣе совѣстливые прибѣгаютъ къ оружію политическихъ инсинуацій или прямыхъ доносовъ. Раздражительность литературныхъ споровъ дѣлаетъ врагами людей весьма близкихъ по сущности своей критики, вносить въ литературные круги крайнюю исключительность, уменьшаетъ силы каждой партіи и раздробляетъ основной бой прогресистовъ съ представителями отживающаго начала на множество частныхъ поединковъ безъ особеннаго смысла. Ходъ борьбы получаетъ характеръ случайности.

Если историческія обстоятельства благоприятны и политическіе дѣятели желаютъ развитія общественной мысли, то ослабленіе законовъ, стѣсняющихъ слово, и полное безпристрастіе правительства въ борьбѣ литературныхъ партій должно привести къ ослабленію желчной и безцѣльной борьбы личностей, къ опредѣленности въ раздѣленіяхъ партій, къ уясненію ихъ программъ, слѣдовательно, къ рациональному развитію критики во имя разнаго пониманія научныхъ и различной постановки жизненныхъ требованій, наконецъ къ уменьшенію числа людей безъ убѣжденія.

Однако, исторія иногда идетъ и инымъ путемъ. Неблагоприятный для общественнаго развитія исходъ борьбы литературныхъ партій производитъ въ обществѣ охлажденіе къ критической работѣ мысли вообще. Общество считаетъ себя выше литературы, раздавленной обстоятельствами, загрязненной его же мелкими страстями и жалкою трусостью. Общество не хочетъ себя узнавать въ образѣ, который представляетъ ему невольное его зеркало. Въ литераторѣ общество видитъ пустаго болтуна, высказывающаго мысли, имъ самимъ придуманныя, или разсчитливаго лавочника, продающаго товаръ, хотя и недоброкачественный, но соотвѣтствующій истинитамъ массы. Слово *литераторъ* дѣлается чуть не браннымъ. Въ самихъ литераторахъ чувство собственнаго достоинства и сознаніе своей обязанности понижается. Одни гордятся не тѣмъ, что ихъ мысль истинна, что ихъ стремленіе человѣчно, а тѣмъ, что ихъ дикія выходки вызываютъ неистовые аплодисменты райка; что громъ этихъ аплодисментовъ скрываетъ молчаніе и негодованіе настоящихъ судей ихъ дѣла; что ихъ подписчики считаются десятками тысячъ; что они—сила, грозная даже министрамъ: они и ихъ приверженцы перестали стыдиться источниковъ и опоръ этой силы. Другіе, сложенные общественною бурей, преклонились передъ силою, и, стыдясь самихъ себя, пошли служить ей своимъ перомъ и талантомъ. Третьи опустили руки въ уныніи, превеличили въ своемъ воображеніи свое безсиліе, сами ослабили себя мелочными раздорами и злятся, что прежнее оружіе бесполезно въ новыхъ обстоятельствахъ, или совсѣмъ отказались отъ дѣятельности на общество, предоставляя заразѣ разливаться безпрепятственно. Мудрено ли, что это все роняетъ ниже и ниже значеніе лите-

ратуры и критики въ глазахъ общества, что масса индифферентистовъ растетъ, преобладаетъ, подавляетъ собою все, и, смѣясь надъ жалкою литературою, съ гордостью указываетъ на кое-какія симпатичныя явленія въ общественномъ строѣ, развившіяся внѣ литературы. Хвалители ихъ не хотятъ сознать, что эти симпатичныя явленія имѣютъ еще крайне слабую опору, и что еслибъ взмахъ пера унесъ ихъ завтра, то послѣ-завтра они бы подверглись тѣмъ же насмѣшкамъ и опасеніямъ, которыя теперь обрушиваются на литературу.

Положеніе критики труднѣе въ четвертомъ періодѣ, чѣмъ въ первомъ. Общество, на которое она должна дѣйствовать, не спитъ, а одурѣло. Оно страдаетъ не отсутствіемъ мысли, а боязнью мыслить, отвращеніемъ отъ мысли. Критическіе приемы ему знакомы, но оно потеряло пониманіе началъ, во имя которыхъ эти приемы могутъ быть приложены со смысломъ. Понятія истиннаго и ложнаго, честнаго и безчестнаго, справедливаго и несправедливаго, полезнаго и вреднаго въ немъ спутались до совершенной невозможности различить одно отъ другаго.

Критика, обращаясь къ такому обществу, не можетъ уже имѣть въ виду, какъ во второй разсматриваемый періодъ, что читатели жаждутъ истинъ, ея высказываемыхъ. Нѣтъ, она не между свѣжими недоучками, неслышавшими еще профессорскаго голоса: она между слушателями, которыхъ утомили неумѣлые или недобросовѣстные профессора. Недовѣрчиво смотрятъ читатели на ея приступъ къ дѣлу; недовѣрчиво отыскиваютъ между строчками что-либо къ чему прицѣпиться, чтобы произнести презрительно: «старье! все это было сказано и опровергнуто; здѣсь подлая радость чужой бѣдѣ; здѣсь безсмысленное озлобленіе на побѣдителя; читать нечего!» Критикѣ приходится отстаивать свои основныя права, приходится *доказывать*, что она, и она одна можетъ внести въ общество пониманіе истиннаго, честнаго, справедливаго, полезнаго; что она есть не пустое *слово*, а *дѣло*, безъ котораго всѣ другія *дѣла* обратятся въ пустыя слова; что она, не имѣя приличнаго мѣста въ печати, высказывается въ приговорѣ судьи или присяжнаго, въ рѣчи члена общественнаго собранія, въ неизвѣстномъ трудѣ провинціального выборнаго дѣятеля. Критикѣ приходится, какъ въ первый періодъ, формировать себѣ кругъ читателей; ей приходится повторять азы общественныхъ требованій, возвращаться къ доказательству давно доказаннаго, не предполагать въ своихъ читателяхъ самаго элементарнаго различенія недобросовѣстнаго софизма отъ искренней проповѣди глубокаго убѣжденія.

Еще менѣе удобны для критики четвертаго періода приемы блестящей борьбы третьяго. Тогда она говорила во имя началъ болѣе или менѣе ясныхъ ея приверженцамъ и противникамъ; прилагала къ частнымъ случаямъ научныя и жизненныя требованія, которыя считались установленными. Желчная насмѣшка и

жестокое бичеваніе противника были осмыслены началами, во имя которых насмѣшка и бичеваніе имѣли мѣсто, и которыя признавались правомѣрными и искренними. Слово имѣло или предполагало за собою дѣло. Число индиферентистовъ было еще не такъ громадно, чтобы нельзя было предполагать воплощенія въ научную и жизненную практику тѣхъ требованій, которыя ставила самая смѣлая критика. Можно было представителямъ прогресса презрительно относиться къ представителямъ отживающихъ началъ, такъ-какъ право борьбы за прогрессъ казалось обеспеченнымъ, а въ такомъ случаѣ и торжество прогрессистовъ есть лишь дѣло времени, хотя, конечно, торжествуютъ обыкновенно не тѣ формы, за которыя происходила борьба, а другія, новыя, выработанныя въ самой борьбѣ. Въ послѣдній разсматриваемый періодъ отношенія критики къ публикѣ совершенно измѣнились. Начала научныя и жизненныя, въ особенности же послѣднія, стали до того смутны и неясны, что нельзя ихъ считать установленными ни въ глазахъ своихъ противниковъ, ни даже въ глазахъ своихъ приверженцевъ. При малѣйшей неясности противники готовы взвалить на васъ все возможное и невозможное, а приверженцы васъ не понимаютъ. Насмѣшка и бичеваніе потеряли въ глазахъ читателя смыслъ, потому что съ одной стороны ими злоупотребили самые позорные органы литературы для униженія побѣжденныхъ и беззащитныхъ; съ другой стороны недовѣрчивые читатели не только отвыкли за ними предполагать правомѣрныя начала, но и какія бы то ни было. За словомъ уже не предполагаютъ дѣла, а напротивъ, самое дѣльное слово предполагаютъ пустымъ. За двумя-тремя мыслящими, но плохо понимающими другъ друга, запѣвалами, огромный хоръ индиферентистовъ, уже совершенно нежелающихъ понять самихъ себя, выкрикиваетъ съ увлеченіемъ: дѣла! дѣла! дѣла! и радуется, что онъ-то и оказался самымъ передовымъ, потому что можетъ доказать цифрой настольныхъ регистровъ и росписокъ въ казначейскихъ книгахъ, сколько дѣлъ онъ сдѣлалъ, если и не окончилъ, и сколько рублей получилъ, если и не заработалъ. Эта дряблая масса индиферентистовъ добровольныхъ и невольныхъ (то-есть просто непонимающихъ) до того господствуетъ въ обществѣ, что возникаетъ литература, имѣющая въ виду только забаву индиферентистовъ и потаканіе имъ, такъ-какъ издательскія предпріятія имѣютъ весьма мало надежды на успѣхъ въ противномъ случаѣ. Самые распространенные органы прессы съ цинизмомъ, едва встрѣчающимся въ глухое время перваго періода, подсказываютъ этой массѣ нудобнѣйшія фразы для оправданія ея неохоты мыслить и стремленія принимать за дѣло свои пошлыя отписки и подлые средства пріобрѣтенія. Общественный прогрессъ не только не представляетъ вѣроятности, но въ немъ можно съ большимъ правомъ усомниться, чѣмъ во время чувствительныхъ пѣсенъ и совершенно невинныхъ забавъ, и только при самомъ внимательномъ разсмотрѣніи настоящаго,

можно въ немъ замѣтить кое-какіе элементы, обещающіе возможность выздоровленія. Презирать противниковъ прогреса въ подобныхъ обстоятельствахъ странно, такъ-какъ это — добровольная слѣпота, полезная, конечно, только для враговъ прогреса, а никакъ не для его защитниковъ. Противники прогреса теперь — сила, хотя и вредная, безнравственная, какъ угарь, какъ тифъ, какъ проказа. Отрицать подобныя силы и презирать ихъ — нелѣпо. Отворите окна, освѣжайте тѣло тифознаго, боритесь съ вредными гигиеническими условиями, развивающими проказу. Вы спасете не всѣхъ, далеко не всѣхъ, но многіе угорѣлые могутъ отдѣлаться головною болью, многіе тифозные — продолжительною слабостью, а самая проказа черезъ нѣсколько поколѣній исчезнетъ изъ страны. По крайней-мѣрѣ побѣда надъ этими вредными силами возможна *только* при условіи не презирать ихъ, не ругать ихъ, а спокойно и серьезно, во имя науки, бороться противъ нихъ съ энергіею, приличною человѣческому достоинству.

И критикѣ этого періода приходится опираться на почву, созданную обстоятельствами. Она должна стать *дѣльною* и *серьезною*. Она должна безъ отвращенія анализировать передъ глазами читателя элементы грязной пошлости и реакціи, проникающіе общество. Она должна *на фактахъ* доказать, что именно скрывается подъ маскою ея противниковъ. Не насмѣхаясь и не озлобляясь, она должна вслѣдовать патологическія явленія общества. Она должна принять своимъ девизомъ именно то, чѣмъ злоупотребляютъ ея противники, призывать къ *дѣлу* наравнѣ съ ними, но разобравъ во имя требованій науки и жизни, *что имѣетъ право называться дѣломъ*, и что называютъ дѣломъ эти мнѣше индифферентисты съ ихъ жаждою покоя, приобрѣтенія и пошлости, эти мудрые и добродѣтельные проповѣдники отживающихъ принциповъ. Оставляя временно болѣе обширныя и полныя задачи, какъ недоступныя ея современникамъ, критика должна себѣ поставить опредѣлительно задачу *возможною* для требованій жизни въ данную эпоху, и программу свою высказать столь ясно, чтобы эта программа не могла встрѣтить непониманія со стороны приверженцевъ и не подверглась чрезчуръ легкому извращенію въ рукахъ противниковъ. Критикъ долженъ направить всѣ усилія сначала на самый трудный фазисъ общественной болѣзни: онъ долженъ излечить недовѣріе къ критикѣ, презрѣніе къ литературѣ. Когда лекарство подѣйствуетъ, тогда будетъ время подумать о новыхъ приемахъ критики, или точнѣе о возвращеніи къ болѣе рациональной критической пищѣ для прогрессивнаго движенія общества.

Мнѣ, пожалуй, замѣтятъ, что я забылъ основное условіе, стѣсняющее критику — недовѣрчивый надзоръ администраціи по дѣлу прессы, который обыкновенно приводитъ литературу и общество въ жалкое состоянію четвертаго разсмотрѣннаго періода и поддѣрживаетъ продолжительность этого состоянія. Нѣтъ, я не за-

былъ его, и соображеніе этого условія входить въ задачу *возможною*, о которой я говорилъ. Изъ трехъ стѣснительныхъ мѣръ, принимаемыхъ противъ свободы слова, по крайней-мѣрѣ двѣ дозволяютъ нѣкоторую оцѣнку возможнаго. При предварительной цензурѣ возможность измѣряется личностью цензора; при карательной по суду она измѣряется личностью опытнаго адвоката; только противъ системы предостереженій, соображеніе возможнаго становится очень затруднительно, хотя и тутъ опытная редакція изъ ряда примѣровъ можетъ заключить о томъ, гдѣ приблизительно лежитъ черта, за которою ей грозятъ удары административныхъ предостереженій. Дѣло прогрессивной критики совсѣмъ не переходитъ за эту черту, но приближаться къ ней, если это нужно, на сколько дозволяютъ обстоятельства. Въ большей части случаевъ критикѣ можетъ быть приходится дѣйствовать совсѣмъ въ иномъ направленіи, и только трусливость издателей стѣсняетъ программу критика гораздо болѣе, чѣмъ всѣ мѣры администраціи; но смѣлость есть *всегда* одно изъ условій успѣха.

Не знаю, не сердится ли на меня читатель, что я все вожу его по абстрактнымъ періодамъ жизни общества и задачъ критика, не обращаясь къ предметамъ болѣе близкимъ. Мнѣ этотъ приемъ казался всего удобнѣе и, можетъ быть, меня скорѣе можно обвинить въ томъ, что рисуя абстрактные періоды, я слышкомъ живо представлялъ себѣ весьма реальныя событія, недавно пережитыя нашею литературою. Конечно, можно, по моему убѣжденію, отыскать аналогическія эпохи во всѣхъ литературахъ, но я не имѣю въ виду расширять на столько программу моего письма; даже о прошедшемъ скажу лишь нѣсколько словъ; оставлюсь наиболѣе на настоящемъ.

Немногимъ болѣе четверти вѣка тому назадъ, критика наша должна была бороться со всѣми трудностями перваго періода, которому принадлежали Карамзинъ, Полевые, Брамбеусы.

Едва-ли кто-либо изъ читателей усомнится въ томъ, чье имя обозначаетъ короткій, но плодотворный періодъ пробужденія сознанія въ нашей критикѣ; когда молодежь знала *одного* учителя, когда критическія статьи разрѣзывались, читались и комментировались прежде всего; когда все мыслящее въ Россіи было одной партіи; когда въ Онѣгинѣ, Печоринѣ, Чичиковѣ научались видѣть не созданія поэтовъ, а отраженіе общественныхъ вопросовъ; когда въ лекціяхъ Грановскаго изъ-за образовъ *минушаго* вставляли вѣчно-живые *человѣческіе* вопросы, смутныя требованія *настоящаго*. Едва-ли живыя поколѣнія отпразднуютъ юбилей Бѣлинскаго, но наши потомки *будутъ* его праздновать, или русская литература отстанетъ отъ китайской.

Еще при жизни Бѣлинскаго начался третій періодъ. Бѣлинскому пришлось еще читать переписку Гоголя съ друзьями. Если читатель прослѣдитъ мысленно за литературною и жизненною

Письмо провинциала о задач. соврем. критики.

дѣятельностью тѣхъ, которые были *амать* поклонниками Бѣлинскаго и Грановскаго, то онъ переживетъ періодъ борьбы и распаденья, которые были необходимыми слѣдствіемъ уясненія жизненныхъ задачъ. Ожесточенно закипѣла борьба между разными направленіями. Блестящіе таланты выступили въ этой борьбѣ при весьма невыгодныхъ условіяхъ. Имъ сочувствовали, ихъ угадывали, ими увлекались, по нимъ учились мыслить. Тогда стало стыдно быть индифферентистомъ, и тотъ, кто не выработалъ въ себѣ убѣжденія (конечно, таково было большинство), тотъ надѣвалъ маску чужого мнѣнія. Еслибы дѣла получили болѣе рациональный ходъ, ожесточеніе борьбы ослабѣло бы, угловатости ея стерлись бы, и слѣдующее поколѣніе не нуждалось бы въ наскахъ: оно выросло бы въ *привычкахъ* убѣжденія.

Но не такова была историческая судьба этого бурнаго періода. Его перипетіи еще слишкомъ свѣжи въ памяти у всѣхъ, чтобы напоминать о нихъ. Имена его дѣятелей еще заставляютъ сильнѣе биться отъ сочувствія или отъ негодованія сердца мыслящихъ русскихъ. Заслуги этихъ дѣятелей въ пользу русской мысли забыть невозможно. Ихъ ошибки... но только безчестный человекъ бросаетъ громкій упрекъ за ошибки тѣмъ, кого раздавила исторія своимъ тяжелымъ колесомъ и чья кровь еще не обсохла на ея колесѣ. Что касается до могучихъ, славныхъ, торжествующихъ, то ихъ ошибки наказаны еще строже. Можетъ быть, и нѣкоторые изъ современныхъ блестящихъ литературныхъ дѣятелей краснѣютъ иногда въ тиши своихъ кабинетовъ, вспоминая, чѣмъ они были тому лѣтъ десять, и что такое они теперь; кто *тогда* сочувствовалъ имъ или, по крайней-мѣрѣ, уважалъ ихъ, и что за люди *теперь* солидарны съ ихъ мнѣніями, хотя этихъ послѣднихъ людей, пожалуй, и значительно больше. Мое *можетъ быть* едва-ли вѣроятно для читателя, да не очень вѣроятно и для меня, но я имѣлъ въ виду наказаніе другого рода. Большинство людей, совершая скверныя, но выгодныя для себя дѣла, можетъ надѣяться, что память объ этихъ дѣлахъ исчезнетъ; литераторъ оставляетъ слѣдъ въ своихъ сочиненіяхъ и даетъ потомству для его суда матеріалъ, который не исчезнетъ, еслибы даже того желалъ авторъ. Какъ ни увлеченъ публицистъ сегодняшнимъ дѣломъ, но если онъ умненъ, невольно иногда онъ смотритъ на свою дѣятельность глазами потомковъ и читаетъ въ будущей исторіи цивилизаціи своего отечества свое имя, написанное критикомъ, для котораго наше горячее настоящее обратилось въ давно охладѣвшее былое. Если нинѣшнимъ торжествующимъ мудрецамъ приходять такіа минуты прозрѣнія въ будущее, то едва-ли они не блѣднѣютъ отъ позорнаго безсмертія, ихъ ожидающаго. Но если они и заблуждаются сами въ этомъ отношеніи, все равно: судъ потомства совершится неизбѣжно, и ихъ имя станутъ повторять учебники будущихъ, неродившихся еще поколѣній, въ числѣ замѣтныхъ дѣятелей, содѣйствовавшихъ переходу русской мысли отъ третьяго періода къ четвертому.

Невольно я перешелъ къ нему и нахожусь въ настоящемъ. Но правъ ли я относительно этого настоящаго? Дѣйствительно ли современная литература и современное общество представляютъ неприглядныя черты, которыя характеризуютъ четвертый разсмотрѣнный періодъ? Дѣйствительно ли спутанность понятій, нежеланіе понимать вещи, униженіе достоинства литературы, недовѣрчивость къ критикѣ и возрастаніе индифферентизма составляютъ характеристическія черты русской мысли въ кончившемся 1867 году? Я желалъ бы ошибаться, но не желаю закрывать глаза предъ явными признаками общественной болѣзни: отъ того она не уменьшится. Можно бы фактически доказать присутствіе каждаго изъ этихъ признаковъ въ настоящее время рядомъ данныхъ и выписокъ, но у меня здѣсь въ дальней провинціи нѣтъ подъ руками необходимаго для того матеріала, и потому именно я пишу не длинную статью и не рядъ статей о современномъ состояніи общественной мысли: я пишу только письмо съ нѣкоторыми указаніями. Кто найдетъ полезнымъ, пусть воспользуется; кому не нужно, тотъ немного потеряетъ на это времени. Ограничусь же немногими пунктами.

Тому два съ половиною года одинъ литераторъ говорилъ другому въ общественномъ собраніи, что названіе литератора дѣлается болѣе и болѣе презрительнымъ въ глазахъ публики вслѣдствіе непрочности убѣжденій многихъ литераторовъ, вслѣдствіе измѣны этимъ убѣжденіямъ, вслѣдствіе готовности подавать руку той и другой партіи. Можно ли сказать, что съ тѣхъ поръ большинство литераторовъ стало болѣе уважать собственное достоинство въ этомъ отношеніи и внушило болѣе довѣрія публикѣ? Я не буду говорить о *такихъ писателяхъ*, какъ гг. Бабарынинъ и Эдельсонъ. Лица, подавшія примѣръ литературнаго восхваленія «Взбаламученного моря», помѣстившія на страницахъ своего журнала первый романъ, прославившій нынѣ знаменитаго г. Стебницкаго, могли и могутъ писать подъ какими угодно знаменами, въ чьемъ угодно сообществѣ. Но когда одинъ изъ редакторовъ «Эпохи» помѣщаетъ свой романъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» — это характеристично. Еще характеристичнѣе были статьи въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» подписанныя именемъ, которое литературная молва связала съ блаженной памяти Кузьмоу Прутковымъ. Я пройду молчаніемъ многое. Я не хочу упоминать о возмутительныхъ противорѣчіяхъ ученій и жизни. Я постараюсь остаться въ области литературы и ограничиваюсь крупными фактами.

Я упомянулъ о первомъ романѣ г. Стебницкаго. Онъ доставилъ этому автору не весьма почетную, но довольно громкую извѣстность, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ помнится, погубилъ «Библиотеку для Чтенія». Многіе сотрудники ее оставили, многіе подписчики отшатнулись. Въ 1867 году еще болѣе громкую и еще менѣе почетную извѣстность получила повѣсть г. Авенаріуса,

вкусная смѣсь Казановъ съ Видокомъ. Въ иностранныхъ литературѣхъ есть подобныя образцы, напримѣръ романы, писанныя отставнымъ нѣмецкимъ шпиономъ подъ псевдонимомъ Рэтклифа, гдѣ описываніе побѣжденныхъ партій и соблазнительныя сцены смѣняютъ друга друга въ самой милой послѣдовательности. Рекомендую эти романы вниманію гг. Хановъ и Богусевичей; ими стѣнитъ воспользоваться, переведа самыя интересныя сцены. Есть тамъ и другія сцены, слишкомъ либеральныя, такъ-какъ нѣмецкій шпионъ еще не совсѣмъ потерялъ стыдъ, но эти сцены легко выбросить. Итакъ, г. Авенариусъ имѣлъ предшественниковъ, но романы Рэтклифа вышли отдѣльно; въ Европѣ ни одинъ журналъ не рѣшился помѣстить ихъ на своихъ страницахъ. Не потому, чтобы не нашлось редакторовъ, согласныхъ на это, но прямой расчетъ имъ говорилъ, что подобное помѣщеніе невыгодно, такъ-какъ имъ пришлось бы помѣщать только статьи подъ стать Рэтклифу, а подобныя сотрудники уронили бы журналъ; другіе же не стали бы въ немъ писать. Я нисколько не обвиняю гг. Хановъ и Богусевичей, что они печатаютъ статьи г. Авенариуса: вѣрно есть читатели, небрезгающіе подобнымъ чтеніемъ, а для издателя, говорятъ, цифра подписчиковъ — всё. Но вѣдь рядомъ съ ними у тѣхъ же гг. Хановъ и Богусевичей печатаютъ свои статьи и другіе. И между ними встрѣчаемъ имена, еще вчера уважаемыя. Что же? или сообщество г. Стебницкаго, побывшее во время оно «Библиотеку» и усиленное еще г. Авенариусомъ, теперь стало почетнѣе? Или наши лирики и прозаики на столько не чутки къ достоинству своего имени, что перестали имъ дорожить? Неужели потребность въ насущномъ хлѣбѣ заставляетъ ихъ, трудясь въ такомъ сообществѣ, ронять ниже и ниже въ глазахъ публики званіе литератора и доказывать ей наглядно пониженіе литературной нравственности?

Возьму другой примѣръ, но не изъ тѣхъ органовъ литературы, гдѣ о достоинствѣ говорить нечего, гдѣ спекуляція руководитъ расчетомъ редактора и перомъ сотрудника, гдѣ грязь и удушливый испаренья, о которыхъ мы говорили выше, сливаются въ одно послѣдовательное цѣлое. Нѣтъ, мы беремъ наши списки изъ изданія, на которомъ въ прошломъ году можно было отдохнуть, потому что наибольшая часть его имѣла весьма видное научное значеніе, и въ остальномъ ничто не возмущало читателя оскорбленіемъ основъ человѣческаго достоинства. Мы искренно желаемъ этому изданію успѣха, но это самое заставляетъ насъ быть внимательнымъ въ его словамъ. Вотъ они :

«Наше общество прожило эпоху журнальныхъ направленій... Наступила эпоха недовѣрія къ направленіямъ. Читатели стали догадываться, что направленіе въ журналахъ есть только «фраза»... Мы очутились въ эпохѣ «повального недоразумѣнія»... Между тѣмъ жизнь наша шла себѣ другой исходъ, другія школы, и въ числѣ такихъ школъ... явились публичныя суды... Надо всѣмъ

этимъ раздался голосъ судьи, который всѣмъ указывалъ только одно направленіе и требовалъ «правды», одной правды и ничего другаго кромѣ правды! Возникла у насъ въ послѣднее время и другая общественная школа, это—земскія учрежденія, они заставили насъ... выслушать другое требованіе «дѣла, одного дѣла и ничего другаго, кромѣ дѣла!» Вотъ новыя направленія нашего времени.... Намъ скажутъ, что правда и дѣло достигаются различными путями... но не будемъ спорить о путяхъ прежде, нежели намъ и нашимъ противникамъ удалось высказать дѣйствительную правду или сдѣлать полезное дѣло. Еще не довольно правды и слишкомъ мало сдѣлано дѣла, чтобы уже отъ избытка силъ, отъ полноты развитія, на досугъ, отложивъ въ сторону и правду и дѣло, мы могли сложиться въ партіи, выражающія известныя приемы, и чтобы вопросъ о приемѣ для насъ сдѣлался важнѣе самаго дѣла.—Новое требованіе отъ насъ «справды» можетъ быть удовлетворено развитіемъ общественной совѣсти, а для «дѣла» нужно обогащеніе ума и воспитаніе мысли... Прежде всего, направленіе есть трудъ, дѣло, знаніе!...

Здѣсь мы встрѣчаемся наглядно съ нѣкоторыми характеристическими девизами новаго времени: съ требованіемъ *дѣла*, съ презрительнымъ отношеніемъ къ *направленіямъ*. Впрочемъ, редакция изданія поняла, что не все то, что называется дѣломъ, есть *настоящее* дѣло: настоящее дѣло требуетъ *правды*, и редакция рисуетъ единственно симпатичный въ наше время образъ судьи, изрекающаго приговоръ во имя «одной правды». Но судья и присяжные выслушиваютъ тяжущихся или ихъ адвокатовъ, выслушиваютъ обвиненіе и оправданіе прежде, чѣмъ могутъ произнести приговоръ *по правдѣ*, и если адвокатовъ нѣтъ, добросовѣстный судья произнести приговоръ *не можетъ*. Редакция хочетъ принять на себя, или требуетъ для критики вообще роль судьи. Это очень почтенно. Но гдѣ же тяжущіеся? гдѣ адвокаты? или редакция довольствуется формальнымъ слѣдствіемъ и находитъ адвокатуру въ литературномъ дѣлѣ излишнею? Или она не хочетъ видѣть, что если журналы примутъ на себя роль присяжныхъ повѣренныхъ, то правильно организованная пренія литературныхъ процессовъ перейдутъ въ личныя препирательства авторскихъ самолюбій? Или она не знаетъ, что достоинство суда въ томъ, что его приговоръ окончательный, а журналъ *никогда* не произноситъ такого приговора: его произноситъ *публика*, и отъ этого приговора журналъ можетъ лишь апеллировать къ приговору новаго поколѣнія, а самъ не въ состояніи ни кассировать, ни утвердить этотъ приговоръ. «Правда» журнала не можетъ и не должна быть правдою судьи; это—правда адвоката, *выбирающую* себѣ кліента по своимъ убѣжденіямъ и во имя вѣчныхъ началъ истины и справедливости, *разъясляющую* права своего кліента. Безъ правды адвоката, правда судьи невозможна въ литературномъ процессѣ, какъ и въ юридическомъ. Но адвокатъ въ литературномъ процессѣ не есть только усилитель пониманія *науч-*

ной истины; онъ есть еще уяснитель *требованій жизни* въ данномъ случаѣ. Весь процессъ ведется изъ-за *различныхъ* требованій жизни, поставленныхъ тяжущимися партіями, на основаніи *одной и той же* научной истины. Вы говорите: «направленіе есть прежде всего трудъ, дѣло, знаніе». Вѣрнѣе бы сказать: направленіе *предполагаетъ* трудъ, дѣло, знаніе, какъ требованія жизни предполагаютъ требованія науки. Ученому достаточно труда и знанія, если онъ хочетъ оставаться *только* ученымъ: найдутся другіе, которые приложатъ его знанія и его трудъ на пользу голодающихъ и страдающихъ братій. Открытіе физиолога подготавливаетъ леченіе медина, міросозерцаніе философа; оно есть *дѣло* въ абстрактной области науки, но еще *не дѣло* въ области жизни. Если ученый хочетъ быть гражданиномъ, *жизненнымъ* дѣятелемъ, то ему мало труда и знанія; ему нужно еще пониманіе *жизненныхъ* требованій, общественныхъ нуждъ. Онъ *выбираетъ* тогда предметы изслѣдованія *съ виду* этихъ требованій, этихъ нуждъ. Вычисления его отъ этого не менѣе строги, наблюденія не менѣе точны, опыты не менѣе тщательны, результаты не менѣе научны, но его труды уже *не только* научное дѣло, они въ то же время *дѣло жизненное*: они имѣютъ *направленіе*. Ученаго мы въ чловѣкѣ судимъ по точности его изслѣдованій; гражданина, жизненнаго дѣятеля судимъ по направленію его трудовъ.

Впрочемъ, ученный вовсе не обязанъ предъ наукою придавать своимъ трудамъ опредѣленное направленіе. Оставивъ микроскопъ, лѣтописи или корнесловіе, онъ можетъ участвовать въ жизни просто какъ чловѣкъ, а не какъ ученый. Дѣятельность гражданина можетъ быть для него совершенно отдѣльна отъ сферы его научныхъ изслѣдованій. Но для журналиста и литератора это быть не можетъ. Его *правда* не можетъ ограничиваться неизбѣжными требованіями научной истины, научнаго метода. Она неизбѣжно говоритъ современникамъ, что для нихъ *лучше, желательнѣе*, въ какомъ направленіи лежитъ для нихъ *истинное жизненное дѣло*. Только индифферентистъ смотритъ на все около него совершающееся равнодушно. Историкъ возсоздаетъ безпристрастно *совершившееся*. Аскетъ въ своей кельѣ записываетъ безучастно злодѣйство и великія дѣла, такъ-какъ для него правда не отъ міра сего. Но тотъ, кто вѣритъ въ какую либо *правду въ жизни*, кто *желаетъ* этой правды около себя, для того не все совершающееся безразлично: онъ любитъ и ненавидитъ, борется, торжествуетъ или гибнетъ. Любить и ненавидѣть, это *выбирать*, и этотъ выборъ совершается не «отъ избытка силъ», не «отложивъ въ сторону правду и дѣло», а потому что лишь въ *выборъ* того, что мы любимъ и ненавидимъ, есть *жизненная правда*, только въ борьбѣ за такую жизненную правду есть *истинное дѣло*. Въ *этомъ* дѣла литература не *живетъ*; критика не исполняетъ своей задачи. Въ *этого* можетъ существовать весьма дѣльное научное изслѣдованіе, техническій успѣхъ, правильный отчетъ о событіяхъ, пожалуй «обогащеніе ума», но «развитія общественной

совѣсти», «воспитанія мысли» нѣтъ, пока критика не присоеди-
нила къ уясненію научныхъ требованій еще уясненіе требова-
ній *жизненныхъ*.

Оставаясь въ сферѣ жизненныхъ требованій, можно сказать,
что споръ о направленіяхъ есть не споръ о *путяхъ* къ правдѣ
и дѣлу, но споръ о *проявленіяхъ* правды, о *сушности* дѣла для
данной эпохи, слѣдовательно это вовсе не споръ о фразахъ. Въ
жизни правда не отвлеченна, она осуществляется въ *дѣйствіи* и,
совершая одно дѣйствіе, мы тѣмъ самымъ отрицаемъ другое ка-
кое либо дѣйствіе, т.-е. опредѣляемъ направленіе нашей дѣ-
тельности. Если мы доказываемъ пользу обще-земскихъ учрежде-
ній для края, мы тѣмъ отрицаемъ пользу учрежденій исключи-
тельно сословныхъ. Если мы говоримъ, что реальныя школы столь-
же (если не болѣе) полезны, какъ классическія, лишь бы въ нихъ
выучивались чему либо, то мы отрицаемъ этимъ исключительную
педагогическую пользу древнихъ языковъ. Если мы остановимся
на почвѣ науки, мы выбрали направленіе, отрицающее направленіе
г. Асоченскаго. Я желалъ бы, но не умѣю придумать какую ни-
будь правду, какое нибудь дѣло въ сферѣ жизни, которое бы
могло осуществиться прежде выбора направленія. Эти-то направ-
ленія образуютъ партіи, и подобное раздѣленіе едва-ли можно
назвать споромъ о «пріемахъ.» Въ чемъ заключается жизненная
правда въ настоящую минуту? Чтѣ составляетъ истинное *дѣло*
для нашихъ современниковъ? Эти вопросы требуютъ отвѣтовъ, и
критика обязана дать ихъ. Но отвѣты выходятъ различны и раз-
дѣляютъ литературу на партіи. Пріемы могутъ быть при этомъ
весьма сходны или весьма различны, но до раздѣленія партій не
относятся. Самыя разнообразныя партіи могутъ употреблять для
уясненія *своею* пониманія *правды* и *дѣла* насмѣшку, ругатель-
ства, спокойный тонъ критическаго разбора, беллетристическую
форму повѣсти или драмы, тяжеловѣсную форму ученой диссер-
таціи. Если одинъ смѣется, а другой печалится, это еще не раз-
дѣленіе на партіи и нитѣ не считается это раздѣленіемъ. Если
же одинъ говоритъ: «жизненная правда заключается для насъ
въ *этомъ*, и борьба за *это* есть истинное дѣло»; а другой от-
вѣчаетъ: «нѣтъ, *это* совсѣмъ не правда для настоящей минуты
и терять силы на *подобную* работу значитъ заниматься не дѣ-
ломъ, а бездѣльемъ»—въ подобномъ случаѣ называть подобный
споръ споромъ о фразахъ или о пріемахъ по меньшей мѣрѣ
странно. Подобный споръ ведется не «отъ избытка» силъ, но на
него употребляютъ *все* наличныя силы, каковы бы онѣ ни были,
и *слѣдуетъ* употреблять на это все свои силы, если подъ сло-
вами *правда* и *дѣло* мы подразумеваемъ что либо для насъ дѣй-
ствительно серьезное, а не пустыя словозверженія; если мы не
кричимъ: дѣла! дѣла! дѣла! потому что это модный припѣвъ,
какъ въ былое время слово *идея*.

На предыдущихъ страницахъ поводомъ къ моимъ разсужде-
ніямъ послужили слова одной редакціи, но я вовсе не думалъ на-

правлять этого разсужденія именно *противъ нея*. Пусть она сама отказывается отъ всякаго опредѣленнаго отвѣта на вопросы: въ чемъ жизненная правда? въ чемъ истинное дѣло? Я готовъ защищать ее противъ нея самой и сказать читателю: «не вѣрьте словамъ; вѣрьте дѣламъ». Исполняя честно и добросовѣстно свое дѣло, редакция не могла, не можетъ, да никогда и не будетъ имѣть возможности остаться безъ направленія. Послѣдніе отдѣлы журнала доказали это уже въ минувшіе годы, и полагаемъ, что литературный отдѣлъ подтвердитъ это въ будущемъ. Уже теперь есть рядъ мнѣній въ области педагогич., политической экономіи, въ земскомъ вопросѣ, въ иностранной политикѣ, которыя немислимы въ томъ журналѣ. Да и ученый отдѣлъ вовсе не такъ лишенъ жизненнаго смысла, какъ можно бы ожидать по аскетической доктринѣ редакціи. Многія ученныя статьи другихъ журналовъ, при всемъ ихъ ученомъ достоинствѣ, невозможны были бы здѣсь. И такъ, по естественному желанію создать *дѣльный* органъ, редакция принуждена была дать ему и *направленіе*, и чѣмъ болѣе она проникается желаніемъ создать *вѣдательный* органъ, журналъ, входящій въ *жизнь* общества, тѣмъ живѣе она почувствуетъ необходимость установить *свой* взглядъ на жизненные требованія общества и тѣмъ опредѣленнѣе станетъ ея направленіе. Ея боязнь опредѣленнаго направленія есть модная болѣзнь, одинъ изъ симптомовъ того «повального недоразумѣнія», о которомъ она сама упоминаетъ. Помнится, первый разъ эта свѣтлая идея о журналѣ безъ направленія явилась у г. Бабарыгина въ «Библіотекѣ для чтенія». Тогда надъ ней много смѣялись и провели ее, конечно, не удалось г. Бабарыгину: онъ помѣстилъ сначала статью г. Эдельсона о «Взбаламученномъ морѣ», потомъ «Некуда» и направленіе *явилось* независимо отъ его воли. Я увѣренъ, что гг. Стебницкіе, Авенариусы, Ключниковы, Писемскіе невозможны въ журналѣ, вступающемъ нынѣ въ область чистой литературы, а уже *это* есть направленіе. Я не обвиняю редакцію журнала въ неточныхъ словахъ, мною приведенныхъ, потому что при повальной болѣзни остаются здоровымъ — случайность организація. Но если подобный журналъ, поставленный въ невыгоднѣйшія обстоятельства по своей обстановкѣ, могъ заразиться господствующею спутанностью понятій, надо призвать эту спутанность понятій, боязнь критики, давленіе массы индифферентистовъ, крайне сильною общественною эпидеміею. Это именно и хотѣлось мнѣ доказать.

Мнѣ осталось прибавить нѣсколько словъ. Если въ самомъ дѣлѣ мы переживаемъ, по волѣ судьбы, нѣчто похожее на четвертый періодъ состоянія общественной мысли, разобранной выше, то къ современной критикѣ относится все то, что тамъ сказано объ обязанности критики, и новые или преобразованные органы, выступающіе теперь въ свѣтъ, должны имѣть это въ виду. Имъ слѣдуетъ шагъ за шагомъ разогнать ту тяжелую мглу, которая лежитъ на современной мысли, разъяснить требо-

ванія науки и жизни, особенно послѣднія, совершенно затемненныя и до крайности запутанныя. Врагамъ прогресса нѣтъ числа и презирать ихъ нельзя. Злиться и насмѣхаться нечего, потому что болѣзнь охватила большинство, проникла до мозга костей. Надо учить съ азавъ. Въ присутствіи общаго индифферентизма, повальной неохоты мыслить и недовѣрчивой администраціи по дѣламъ печати, надо себѣ опредѣлить *возможное* изъ требованій жизни, отказаться безъ дальней думы отъ *невозможнаго*, отказаться отъ пріемовъ и вопросовъ теперь недостижимыхъ цѣли, и затѣмъ смѣло и неуклонно, опираясь на законъ, на чувство человѣческаго достоинства и на крѣпкое убѣжденіе, идти въ избранномъ направленіи, осуществляя свою программу, борясь за прогрессъ, за истину, за жизнь.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

С. В. ЗВОНАРЕВА.

Въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ
Аничкова дворца, д. № 64 (Меншикова).

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Стихотворенія графа А. К. Толстаго. Слб. 1867. Ц. 2 р. Вѣс. 2 ф.

Записки адмирала Семена Ивановича Мордвинова, писанныя собственною его рукою. Слб. 1867. Ц. 75 к. Вѣс. 1 ф.

Сочиненія Ломоносова. 1 т. Слб. 1867. Ц. 75 к. Вѣс. 1 ф.

Государство и его предѣлы. Эдуарда Лабуэ. Слб. 1867. Ц. 1 р. 50 к. Вѣс. 1 ф.

Исторія Французской революціи и ея времени (1789—1795). Соч. Зибелъ. 2 большихъ тома (4 части). Слб. 1868—1867. Ц. 6 р. Вѣс. 5 ф.

Дымъ. Повѣсть Из. Тургенева. Слб. 1868. Ц. 1 р. 50 к. Вѣс. 1 ф.

Новыя разсказы Н. В. Успенскаго. Слб. 1867. Ц. 2 р. Вѣс. 1 ф.

Тузъ (жизнеописаніе Антона Антоновича). Романъ въ 4-хъ частяхъ С. Э. Дрианскаго. М. 1867. Ц. 2 р. 50 к. Вѣс. 1 ф.

Курсовникъ или указатель, определяющій стоимость у насъ по курсу монетныхъ единицъ: Лондона, Париза, Амстердама, Гамбурга и Берлина. Составилъ А. М. Евдокимовъ. М. 1867. Ц. 1 р. Вѣс. 2 ф.

Очерки съ натуры. М. Колосова. Слб. 1867. Ц. 1 р. 25 к. Вѣс. 1 ф.

Сочиненія Вайрона въ переводѣ русскихъ поетовъ, изданныя подъ редакціею Ник. Вас. Гербеля. 5 томовъ. Слб. Ц. 1-му, 2-му и 3-му т. по 1 р. 50 к.; 4-му и 5-му 3 р.

Міръ мошенничества. Соч. Л. М. Моро-Кристофа. Перев. съ франц. М. 1867. Ц. 1 р. Вѣс. 1 ф.

Отсталый и передовой. Ром. въ 3-хъ ч. П. П. Каратыгина. Слб. 1867. Ц. 1 р. 30 к. Вѣс. 1 ф.

Повѣсти и разсказы Н. В. Полежаева. Т. I-я. М. 1867. Ц. 1 р. 25 к. Вѣс. 1 ф.

Физиологія вкуса. Сочин. Бриль-Саварена. М. 1867. Ц. 2 р. Вѣс. 2 ф.

Подарокъ молодежи хозяйкамъ или средство къ уменьшенію расходовъ въ домашнемъ хозяйствѣ. Состав. Елена Молоховецъ. Изд. третье. Слб. 1868. Ц. 3 р. 50 к. Вѣс. 2 ф.

Повѣсти, очерки и разсказы М. Стебницкаго (автора романовъ «Некуда» и «Обойденные»). Т. I-я. Слб. 1867. Ц. 2 р. Вѣс. 1 ф.

Торговый долгъ Демби и савинъ. Ром. Чарльса-Диккенса. Пер. И. Введенскаго. Слб. 1868. Ц. 3 р. Вѣс. 2 ф.

Невскій сборникъ (учено-литературный) изд. Вл. Курочкинымъ. Т. I-я. Слб. 1867. Ц. 3 р. 50 к. Вѣс. 3 ф.

Шеллес собраніе сказокъ Г. Х. Андерсена, въ переводѣ Петра Вейнберга, съ 120-ю картинками и биографическимъ очеркомъ Андерсена. Слб. 1868. Ц. въ папѣ 1 р. 50 к.; въ перешитѣ 2 р. Вѣс. 3 ф.

Очерки Бурсы. Н. Г. Помоловскаго. (Остальные экземпляры въ небольшомъ количествѣ). Слб. Ц. 50 к.

Записки охотника Восточной Сибири (1856—1863). Соч. А. Чергасова. Съ рисунками въ текстѣ. Слб. 1867. Ц. 3 р. Вѣс. 3 ф.

Въ сумеркахъ. Сатиры и пѣсни Д. Д. Минаева. Слб. 1868. Ц. 2 р. Вѣс. 2 ф.

Полная хозяйственная книга, заключающая поваренное искусство, домоводство, скотоводство, птицеводство и проч. Сочин. Е. А. Андѣевой. 4 ч. Слб. 1868. Ц. 2 р. 50 к. Вѣс. 2 ф.

Экономическая книга для молодыхъ и неопытныхъ хозяевъ. Сост. А. Шамбниаго. Слб. 1868. Ц. 1 р. Вѣс. 1 ф.

Помельше ошени. Ром. В. А. Кандурова. Слб. 1867. Ц. 1 р. 30 к. Вѣс. 1 ф.

Стихотворенія А. Н. Плещеева. Второе изданіе. Ц. 1 р. 25 к. Вѣс. 1 ф.

Что можно замѣтывать у иностранцевъ по части земледѣлія. А. Баханова. М. 1867. Ц. 1 р. 50 к. Вѣс. 1 ф.

Знаменитыя любовницы XVII и XVIII вѣка. Соч. Ф. Велл. 2 ч. Слб. 1868. Ц. 1 р. 50 к. Вѣс. 1 ф.

Изнанка на лице. Приключеніе въ золотой ротъ. Разсказъ. Соч. Топорова. Слб. 1868. Ц. 1 р. 50 к. Вѣс. 1 ф.

Наше мучество и торговля. Сборникъ, изданный подъ редакціею русскаго купца. М. 1866—1867. Ц. 3 р. 25 к. Вѣс. 2 ф.

Сонъ и сновидѣнія. А. Моря. Пер. А. М. Пальковского. М. 1867. Ц. 2 р. Вѣс. 1 ф.

Заря. Сборникъ для легкаго чтенія. Казань. 1868. Ц. 75 к. В. 1 ф.

Графиня Еватерина Ивановна Головкина и ея время (1701—1791). Историческій очеркъ по архивнымъ документамъ, состав-

ленный М. Д. Хипровымъ. Слб. 1867. Ц. 1 р. 50 к. Вѣс. 1 ф.

Первая часть 10-го тома Свода Законовъ Гражданскихъ по изданію 1857 г., продолженіемъ 1863 и 1864 годовъ въ разъясненіямъ по рѣшеніямъ кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената. Составилъ Божановичъ. М. 1868. Ц. 1 р. 25 к. Вѣс. 2 ф.

Прешежденіе видовъ. Отдѣлъ I-й. Измѣненіе животныхъ и растений вслѣдствіе прирученія. *Прирученныя животныя и воздѣланныя растенія.* Сочиненіе Чарльза Дарвина. Пер. подъ редакціею И. М. Сѣченова. Все сочиненіе будетъ состоять приблизительно изъ 70-ти листовъ. Ц. по подпискѣ 5 р. 50 к., съ пер. 7 р.

Путешествіе въ верховья Шила и изслѣдованіе его источниковъ. Самуэля-Уайтъ Бекера. М. 1868. Ц. 3 р. Вѣс. 8 ф.

Вѣче и мнзавъ. Русское государственное управленіе во времена князей Рюриковичей. В. И. Сергѣевича. М. 1867. Ц. 2 р. Вѣс. 2 ф.

Избранныя сочиненія Іереміи Бентама. Пер. А. Н. Пшпна и А. Н. Невѣдомскаго. Т. I-й. Слб. 1867. Ц. 3 р. 75 к. Вѣс. 3 ф.

ФИЗИОЛОГІЯ ЧЕЛОВѢКА.

Сочиненіе Д. В. Дрѣпера, переводъ съ 7-го англійскаго изданія, подъ редакціею доктора Я. А. Дедюлина и профессора И. М. Сорокина, съ 300 рисунками въ текстѣ. Подписная цѣна на полное изданіе, до выхода 2-й части, остается прежняя, т.-е. 4 р. 50 к., а по выходѣ 2-й части цѣна возвысится. Приобрѣти это изданіе въ полную собственность, я уже приступилъ къ печатанію 2-й части, которая поступитъ въ продажу непремѣнно въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1868 г.; 3-я (послѣдняя) часть въ настоящее время переводится и будетъ выпущена вслѣдъ за 2-й. Всѣ подписавшіеся прежде на полное изданіе «Физиологія человѣка» Дрѣпера будутъ удовлетворены мною вполне, если только выданные имъ билеты на полученіе 2-й и 3-й частей окажутся въ слѣдующей книгѣ, переданной имъ прежнимъ ея издателемъ. Подписка на «Физиологію человѣка» Дрѣпера, впродъ до выхода 2-й части, а равно и отдѣльная продажа вышедшей 1-й части, цѣна которой 2 р. 50 к., принимается при книжномъ моемъ магазинѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Анничкова двора, д. № 64 (Меньшикова).
Книгопродавецъ С. Звонаревъ.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО.

Изданіе второе, дополненное, съ портретомъ автора и біографіею, писанною Н. А. Благовѣщенскимъ. 2 тома. Изд. С. В. Звонарева. Цѣна будетъ обонимъ томамъ 2 р. 50 к.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ

У М. БЕРНАРДА

Въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, № 10.

ДЛЯ СКРИПИКИ.

- Беріо.** Новѣйшая школа для скрипки на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Съ многими упражненіями и пьесами для одной и двухъ скрипокъ. Часть I. (4 р.).
- Мазазъ.** Лучшій скрипичный учитель или школа игры на скрипкѣ. Съ многими упражненіями и пьесами для одной и двухъ скрипокъ. Новое просмотрѣнное и дополненное изданіе (3 р.).
- Роде, Вальо и Крейцеръ.** Скрипичный самоучитель или полная школа для скрипки. Новое изданіе, просмотрѣнное и дополненное А. Киндлингеромъ, съ приложеніемъ 12 русскихъ романсовъ для одной или двухъ скрипокъ и изображенія скрипичнаго грифа для облегченія при самоученіи (3 р.).
- Аванасъвъ.** Ежедневныя упражненія для развитія механизма правой и лѣвой руки. Одобреныя вѣскою консерваторіею (1 р. 75 к.).
- Киндлингеръ.** 24 гаммы во всѣхъ тонахъ, съ обозначеніемъ аллигатуры. Необходимое прибавленіе ко всѣмъ школамъ для скрипки (60 к.).
- Крейцеръ.** Знаменитые 40 этюдовъ для одной скрипки. Новое изданіе, просмотрѣнное Ф. Давидомъ (2 р. 50 к.).
- Яновичъ.** Квартетъ для двухъ скрипокъ, альты и виолончели. Op. 4 (2 р.).
- Beriot.** Six duos pour deux violons sur Freischütz et Oberon (dediés à Alexis Lwoff). Op. 113 (2 р. 80 к.).
- Souvenir de St-Petersbourg. Deux fantaisies russes avec piano: № 1. Пѣснь цыгана (1 р. 50 к.). № 2. Душечка дѣвица (1 р. 50 к.).
- Бернардъ.** Братъ и сестра. Собраніе небольшихъ и легкихъ дуэтовъ для скрипки и фортепiano, составленное изъ любимыхъ мотивовъ русскихъ и оперныхъ. 9 тетрадей (каждая 75 к.).
- Ernst.** Elégie avec piano. Nouvelle édition (85 к.).
- Гюнодъ.** Méditation sur le 1-г прелюде de Bach pour piano et violon ou piano et Violoncelle (1 р.).
- Hauser.** 12 Mélodies pour violon avec piano. 12 №№ (по 40, 50 и 60 к.). 12 мелодій Шуберта, Веллини, Доницетти и Флотава. 12 №№ (по 40 и 60 к.).
- Hellmesberger.** Mélancolie avec piano (85 к.).
- Киндлингеръ.** Собраніе фантазій для скрипки съ фортепiano на любимыя русскія романсы и пѣсни. 6 тетр. (каждая 1 р. 15 к.).
- Музыкальные вечера. 12 новыхъ фантазій на любимыя русскія пѣсни для скрипки съ фортепiano 12 №№ (каждая 1 р.).
- Hauser.** Romance de l'opéra Guido et Ginevra (85 к.).
- Рачинскій.** Лулина лужанушка, съ вариациями, съ фортепiano. Новое изданіе (60 к.).

Vieuxtemps. Six divertissements sur des mélodies russes favorites avec piano. 6 №№ (каждый 1 р. 30 к.).

Wieniawski. KulaWiak. Mazurka avec piano (75 к.).

Wilhelmy. Air de J. S. Bach pour Violon avec piano (1 рубль). Le même avec 2-d. violon, alto et violoncelle (1 рубль). Пьеса эта была исполнена авторомъ во всѣхъ его концертахъ съ большимъ успѣхомъ.

Бернардъ. Сто русскихъ пѣсенъ для одной скрипки (2 р.).

Киндигеръ. Собрание фантазій на любимые русскіе романсы и пѣсни для одной скрипки. 2 тетради (каждая 1 р.). Музыкальные вечера. 12 новыхъ фантазій на любимыя русскія пѣсни для одной скрипки. 12 №№ (каждая 1 р.).

— Сто малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ для одной скрипки. 2 части (каждая 2 р.). 12 любимыхъ русскихъ романсовъ для одной или двухъ скрипокъ. 2 тетради (каждая 1 р. 30 к.).

С.-Петербургскіе вечера. Собрание новѣйшихъ и любимѣйшихъ танцевъ для одной скрипки. 8 тетрадей (каждая 75 к.).

Opéras italiens et français pour Violon seul. 38 тетрадей (по 1 р. 15 к.).

Герберъ. Портфель любителя. Фантазій на русскіе романсы. Съ аккомп. фортепиано. 6 тетр. (каждая 1 р.). Эти же фантазій для одной скрипки. 2 тетради (каждая 1 р.).

Küffner. Repos de l'étude. Collection de morceaux faciles sur des opéras favoris pour violon seul. 25 тетрадей (каждая 40 к.).

Kauser. 36 études élémentaires et progressives composées exclusivement pour ceux qui veulent se préparer pour les célèbres études de Kreutzer (8 р. 45 к.). Эти же этюды для двухъ скрипокъ (5 р. 15 к.).

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ руб. сер., получаютъ двадцатипять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять руб. сер., пользуются означенною уступкою, и кромѣ того, ничего не прилагаютъ за пересылку. Выгодою этой пользуются тѣ, которые обратятся непосредственно въ магазинъ М. Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно отъ него выписывать всѣ музыкальныя сочиненія, кромѣ изданій придворной пѣвческой капеллы, дешевыхъ изданій классической музыки и оперъ и сочиненій, изданныхъ самими авторами, цѣны которыхъ крайнія и за пересылку оныхъ прилагается особо.

Въ томъ же магазинѣ вышла 1-го марта третья тетрадь музыкальнаго журнала «Новеллисть» (годъ XXIX), содержащая въ себѣ новѣйшія сочиненія: *Купъ*, *Хваталла*, *Эларда*, *Ютмана*, *Вольфа* и др., всего 11 пьесъ и литературное прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты. (Годовая цѣна подиски 10 р., съ переслкою 11 р. 50 к.).

Вновь получены: *роляи*, *роляино*, *піанино* берлинской фабрики Зейлера, *фисгармоники*, *скрипки*, *альты*, *віолончели*, *флейты*, *гитары*, *гармонифлейты*, *цитры*, *метрономы* и проч. по весьма умѣреннымъ цѣнамъ.

Depo лучшихъ итальянскихъ струкъ.

ВЪ СКОРОМЪ ВРЕМЕНИ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПОСТУПИТЬ
ВЪ ПРОДАЖУ:

ЧЕТВЕРТЫЙ И ПОСЛѢДНИИ ТОМЪ

полнаго собранія драматическихъ произведеній

ШЕКСПИРА

ВЪ ПЕРЕВОДѢ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

ИЗДАНИЕ Н. А. НЕКРАСОВА И Н. В. ГЕРБЕЛЯ.

Содержаніе 4-го тома: Биографія Шекспира, составленная по новейшимъ английскимъ источникамъ П. Н. Полевымъ, 1) *Зимняя сказка* и 2) *Перель*, въ пер. А. Л. Соколовскаго, 3) *Конецъ всему дѣлу вѣнецъ*, 4) *Виндзорскія красавицы* 5) *Комедія ошибокъ*, и 6) *Тщетныя усилія любви*, въ пер. П. И. Вейнберга, 7) *Цимбелинъ* и 8) *Мѣра за мѣру*, въ пер. Ф. Б. Миллера, 9) *Титъ Андроникъ* въ пер. А. И. Рыжова и 10) *Два веронца*. въ пер. В. Ф. Миллера. *Всѣ переводы новыя и явятся здѣсь въ первый разъ.*

Подписная цѣна 4-му тому съ перекладкой — 3 руб. По выходѣ тома цѣна возымется.

Томъ II-й: «Литература и театръ въ Англіи до Шекспира», статьи г. Боткина, «Коріоланъ», «Отелло», «Сонъ въ Иванову ночь», «Юлій Цезарь», «Лиръ», «Много шуму изъ ничего», «Макбетъ», «Тимонъ Аѳинскій» и «Два-надатая ночь», въ пер. гг. Вейнберга, Дружинина, Кроненберга, Михайловскаго и Сатина. **Томъ III-й:** «Гамлетъ», «Буря», «Троилъ и Кресида», «Ромео и Джулетта», «Усмирение своенравной», «Король Джонъ», «Ричардъ II» и «Генрихъ IV», части 1-я и 2-я, въ пер. гг. Грекова, Дружинина, Кроненберга, Островскаго, Сатина и Соколовскаго. **Томъ IIII-й:** «Генрихъ V», «Генрихъ VI», части 1-я, 2-я и 3-я, «Ричардъ III», «Генрихъ VIII», «Венеціанскій купецъ», «Какъ вамъ будетъ угодно» и «Антоній и Клеопатра», въ пер. гг. Вейнберга, Дружинина, Корженевскаго и Соколовскаго.

Цѣна каждому тому по 3 р. 50 коп., съ пересылкой. Для тѣхъ, которые при покупкѣ 1-го, 2-го и 3-го томовъ подпишутся на 4-й, цѣна за четыре тома — 12 руб. съ пересылкой.

Подписка принимается въ книжномъ магазинѣ Зюнарева, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Аничкова дворца, д. № 64.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ КЛАССИЧЕСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ КОНЦА ПРОШЛАГО И НАЧАЛА НАСТОЯЩАГО ВѢКА.

Крайняя скудость нашей переводной литературы и отсутствіе, нерѣдко нѣтъ необъяснимое, переводовъ такихъ писателей, сочиненія которыхъ обратились, такъ-сказать, въ учебники у западныхъ народовъ, побудили меня, три года тому назадъ, приняться за переводъ и изданіе нѣкоторыхъ такихъ сочиненій, имѣвшихъ огромное значеніе у нашихъ цивилизованныхъ сосѣдей. Впрочемъ, наша переводная литература нѣсколько оживилась въ послѣднее время, хотя она и ограничилась болѣею частью современными европейскими писателями, безспорно представляющими болѣе или менѣе заслуживанный, хотя и временный интересъ, оставивъ въ этомъ отношеніи пробѣлъ, пополненіе котораго было бы болѣе всего желательно съ моей точки зрѣнія; вслѣдствіе этого, я избралъ эпоху конца прошлаго и начала настоящаго вѣка, какъ самую богатую капитальными произведеніями, болѣе всего неблагованную геніальными

писателями и, быть можетъ, самую поучительную и плодотворную по своему значенію для развитія человѣческихъ обществъ.

Никакого, впрочемъ, замѣненія о предпринимаемомъ мною трудѣ я не дѣлалъ, ибо могло случиться, что въ исполненіи задуманнаго предпріятія придется ограничиться скромными силами одного человѣка, и тогда подобное замѣненіе не имѣло бы никакого смысла. Предположеніе это, вслѣдствіе печальнаго положенія литературныхъ силъ въ нашемъ обществѣ, оправдалось.

Тѣмъ не менѣе, я продолжалъ начатое дѣло одинокими силами, и продолженіе трехъ лѣтъ издано мною семь томовъ, заключающихъ четыре капитальныхъ сочиненія: одно — Биша, одно — Кабаниса и два — Адама Смита; кромѣ того, печатается сочиненіе Мальтуса въ двухъ томахъ, которые выйдутъ оба въ настоящемъ же году, и готовится Исторія политической экономіи Бланки (такъ-какъ на русскомъ языкѣ безусловно не имѣется ни одного сочиненія по исторіи этой науки, а потому, въ такой книгѣ долженъ ощущаться недостатокъ) и собраніе сочиненій Лессинга, которыми я занимался ранѣе. Такъ-какъ предпринятый мною трудъ на столько подвинулся, то, представилъ на судъ читателей новый томъ моего изданія, я счелъ себя въ правѣ сдѣлать настоящее мое замѣненіе. Объ изданіи въ русскомъ переводѣ классическихкихъ писателей конца прошлаго и начала настоящаго вѣка.

Что касается до исполненія, то, разувѣется, судить объ этомъ придется не мнѣ; тѣмъ не менѣе, смѣю утверждать, что при изданіи каждаго писателя обращено было все мое вниманіе на то, чтобы внѣшній видъ каждаго появляющагося въ русскомъ переводѣ сочиненія удовлетворялъ современнымъ требованіямъ отъ такого рода изданій и не уступалъ бы въ этомъ отношеніи иностраннымъ образцамъ: поэтому, всѣ сочиненія сопровождаются объяснительными критическими и біографическими статьями, возможно полными примѣчаніями и указателями.

II. БИВИКОВЪ.

Въ настоящее время изданы, и находятся въ продажѣ въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Вазунова и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

Биша. Физиологическія изслѣдованія о жизни и смерти. Со статьей переводчика о жизни, трудахъ и значеніи Биша. Ц. 1 р. 75 к.

Кабанисъ. Отношенія между физическою и нравственною природою человѣка. Со статьей переводчика о значеніи Кабаниса въ наукѣ о человѣкѣ. 2 тома. Ц. 8 р.

Смитъ (Адамъ). Изслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ. Съ примѣчаніями Бенгана, Бланки, Вуханана, Гарнье, Милъ-Кулоха, Мальтуса, Милля, Ривардо, Свѣ, Сисмонди, Тюрго и др. Со статьями о Смитѣ и его ученіи Бланки и Гарнье. (Изданіе полное, безъ измѣненій и сокращеній противъ подлинника). 3 тома. Ц. 6 р.

Смитъ (Адамъ). Теорія нравственныхъ чувствъ. Съ письмами М. Кондорсе къ Кабанису о Симпатіи. Ц. 2 р.

Тамъ же продаются:

Бивиковъ, И. А. О литературной дѣятельности Н. А. Добролюбова. Ц. 50 к.

Бивиковъ, И. А. Критическіе этюды. Ц. 8 р.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1868 ГОДУ

ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННОГО ЖУРНАЛА
„КАВКАЗСКОЕ ЭХО“

Предпринимая изданіе новаго журнала, мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о нашемъ взглядѣ на это дѣло и о томъ, какъ мы намѣрены относиться къ нему.

Съ успѣхами общественной жизни, съ развитіемъ народнаго сознанія, потребность анализа, критики явленій физическаго и духовнаго міра усиливается, между прочимъ въ такой же мѣрѣ растетъ и стремленіе всесторонняго обсужденія своихъ общественныхъ дѣлъ. Естественно поэтому, что число журналовъ и газетъ, какъ органовъ тѣхъ или другихъ мнѣній, должно возрастать въ той же соотвѣтственности. Но бѣольшая часть членовъ общества, по недосугу, по ограниченности средствъ и другимъ обстоятельствамъ, не имѣетъ возможности слѣдить не только за всѣми періодическими изданіями, но даже за главнѣйшими и важнѣйшими изъ нихъ. А поэтому для большинства, желающаго быть въ уровень съ движеніемъ идей и фактовъ современной жизни, необходимо такое изданіе, которое представляло бы отголосокъ важнѣйшихъ журналовъ; для этого слѣдило бы за періодической прессою, а также за новѣйшими сочиненіями по насущнѣйшимъ отдѣламъ наукъ и давало бы публикѣ скатый, но полный отчетъ о развитіи и состояніи современной жизни.

Если такое періодическое изданіе необходимо вездѣ, при извѣстномъ уровнѣ образованія, то тѣмъ бѣольшая настоятъ въ немъ потребность для Кавказскаго края, гдѣ вслѣдствіе извѣстныхъ каждому историческихъ обстоятельствъ, еще очень недавно создались условія, необходимыя для успѣховъ цивилизаціи; гдѣ, при слабомъ развитіи промышленности, а по связи съ тѣмъ и

экономическаго благосостоянія, потребность просвѣщенія еще не такъ охватилъ, не такъ распространена въ массѣ, какъ въ другихъ частяхъ нашего отечества.

Намъ, можетъ быть, возразить на это: если для Кавказскаго общества необходимо подобное періодическое изданіе, то его легко получить въ одномъ изъ центровъ интеллектуальной жизни Россіи,—есть столько столичныхъ изданій, которыя цѣлью своей дѣятельности поставили себѣ ту же задачу. На это мы можемъ сказать, что подобное описанному періодическое изданіе можетъ быть вполне полезно для общества нашего края только въ томъ случаѣ, когда оно издается въ самомъ край; когда оно есть, такъ сказать, произведеніе самого Кавказскаго общества; когда оно является не какъ нѣчто случайное, прививное или навязанное обществу, а какъ нѣчто органически-связанное съ самою жизнью общества. А для такой органической жизненности дѣла нужно соответственнымъ образомъ видоизмѣнить планъ изданія.

Желаая удовлетворить мѣстнымъ потребностямъ края, это изданіе должно быть Кавказскимъ Эхо не только по названію, но и въ сущности, на самомъ дѣлѣ.

Такимъ образомъ «Кавказское Эхо», для содѣйствія успѣхамъ цивилизаціи края, должно: 1) знакомить читателей съ *природою и людьми* Кавказа и Закавказья, особенно же съ людьми: съ бытомъ Кавказскихъ аборигеновъ и колонизаторовъ края, съ потребностями тѣхъ и другихъ, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на пути и средства для поднятія уровня гражданскаго развитія населенія нашего края, и 2) сообщать заимствованныя изъ русской и иностранной прессы свѣдѣнія, но не *если*, а только тѣ, которыя могутъ имѣть практическое значеніе при данномъ развитіи края, т. е. могутъ служить ему полезнымъ урокомъ и указаніемъ для прогресса жизни въ промышленномъ, научномъ, нравственномъ, юридическомъ и другихъ отношеніяхъ.

Таковъ цѣль, способы и средства предполагаемаго изданія.

Условіемъ достиженія этой задачи редація «Кавказскаго Эхо» ставитъ исполненіе слѣдующей программы:

И. Отдѣлъ Общій.

1. Обзоръ внутренней жизни Россіи во всѣхъ ея отношеніяхъ, при чемъ на первомъ планѣ ставятся явленія, въ которыхъ выражается самостоятельность общества.

2. Обзоръ общественной жизни другихъ цивилизованныхъ государствъ
3. Обзорѣніе политической жизни иностранныхъ державъ.
4. Педагогическое обзорѣніе.
5. Научныя извѣстія.
6. Смѣсь.
7. Библиографическій обзоръ: перечень вновь выходящихъ въ Россіи произведеній печати и краткія рецензіи важнѣйшихъ русскихъ и переводныхъ книгъ и брошюръ.
8. Справочныя свѣдѣнія.

III. Отдѣлъ мѣстный.

9. Статьи о важнѣйшихъ мѣстныхъ вопросахъ, касающихся дѣятельности и интересовъ общества.
10. Хроника общественной жизни Кавказа и Закавказья.
11. Повѣсти, рассказы и путевыя замѣтки, обрисовывающія кавказское общество и природу.
12. Этнографическія, географическія и историческія изслѣдованія и описанія Закавказскаго края.
13. Корреспонденція изъ разныхъ мѣстъ Кавказа и Закавказья.
14. Частныя объявленія.
15. Судебная хроника.

Въ заключеніе замѣтимъ, что исполненіе такой, хотя скромной, но въ то же время широкой задачи станетъ возможнымъ для редакціи «Кавказскаго Эхо» только при томъ условіи, что новое изданіе встрѣтитъ сочувствіе со стороны самого общества, т.-е. когда интеллектуальныя силы нашего края не останутся непричастными къ организаціи этого дѣла, а признають его одной изъ общественныхъ аренъ для обнаруженія себя на пользу своихъ ближнихъ, и когда, съ другой стороны, необходимая доля общественныхъ средствъ и достатковъ будетъ удѣлена для поддержки матеріальнаго существованія новаго литературнаго органа.

Редакція же, съ своей стороны, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, будетъ стремиться къ возможно-полному осуществленію взятой на себя общественной роли.

Журналъ «Кавказское Эхо» будетъ выходить въ 1868 году, разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ (за исключеніемъ недѣль Рож-

дества и Пасхи); объемъ каждаго номера составитъ два печатныхъ листа убористаго шрифта; форматъ номера будетъ — въ четвертую долю листа.

ЦѢНА ИЗДАНІЯ (50 ММ) ВЪ ГОДЪ.

съ доставкою: для городскихъ подписчиковъ	9 р.
» » » иногородныхъ	10 »
за полгода: въ Тифлисѣ	5 »
» » для иногородныхъ	6 »

Подписка принимается: *въ Тифлисѣ*, въ книжномъ магазинѣ Г. В. Беренштама. — Туда же просить адресоваться по всѣмъ дѣламъ, касающимся редактора журнала «Кавказское Эхо». — *Въ Петербургѣ*: въ книжномъ магазинѣ А. Θ. Бабунова. — *Въ Москвѣ*: у А. И. Глазунова, М. О. Вольфа и Соловьева. — *Въ Киевѣ*: у С. И. Литова. — *Въ Одессѣ*: у И. Г. Бѣлаго.

Редакторъ **Э. И. Шварцъ.**
Издатель **Г. В. Беренштамъ.**

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ выходятъ въ
1868 году ежемѣсячно книжками отъ 25 до 30
печатныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ

въ С.-Петербурѣ безъ доставки: | съ пересылкою или доставкою:
15 руб. серебромъ. | 16 руб. 50 коп. серебромъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Санктпетербургѣ:

Въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ Редак-
ціи «Отечественныхъ Записокъ»,
на Литейной, домъ № 38.

въ отдѣленіи конторы:

На Невскомъ проспектѣ, въ до-
мѣ Меншикова, при книжномъ
магазинѣ С. В. Звонарева.

Въ Москвѣ:

Въ Конторѣ «Отечественныхъ За-
писокъ», на углу Большой Дмит-
ровки, противъ Университетской
типографіи, въ домѣ Загряжскаго,
при книжномъ магазинѣ И. Г.
Соловьева (бывшемъ И. В. Ба-
зунова).

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требова-
ніями **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** въ Главную Контору «Отечествен-
ныхъ Записокъ».

